

ВИД С ГОРЫ СКОПЈЕ

Роман
ТИМЕНЧИК

АХМАТОВА
В 60-е

Том 2

Роман
ТИМЕНЧИК

Последний поэт
Анна Ахматова
в 1960-е годы
Том 2

Роман
ТИМЕНЧИК

Последний поэт
Анна Ахматова
в 1960-е годы

ИЗДАНИЕ 2-Е
ИСПРАВЛЕННОЕ И РАСШИРЕННОЕ

Том 2
Сноски и выноски

«ГЕШАРИМ»
ИЕРУСАЛИМ

«МОСТЫ КУЛЬТУРЫ»
МОСКВА

Издано при финансовой поддержке:

blondinka.ru
агентство результативной рекламы

Роман Тименчик

Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы. Издание второе, исправленное и расширенное. — М.: Мосты культуры / Гешарим, 2014. Т. II. — 632 с.

ISBN 978-5-93273-400-1

Пилотное издание этой книги, выпущенное десять лет назад ограниченным тиражом, удостоилось премии Андрея Белого (2006, номинация «Гуманитарные исследования») и Efim Etkind Prize (2008, номинация «За лучшую книгу о русской культуре»), вызвало оживленное обсуждение в российской и зарубежной печати и давно исчезло с книжных прилавков.

Во втором, расширенном более чем в полтора раза издании (снабженном усовершенствованной системой указателей) учтены ранее неизвестные архивные документы (в том числе изобразительные источники) и разного рода уточняющие и детализирующие сведения о последних годах «последнего поэта»

Издатель *М. Гринберг*
Зав. редакцией *И. Аблина*
Художественное оформление *П. Адамова*
Редактор *В. Нехотин*
Компьютерная верстка *И. Пичугин*
Корректор *А. Коссовская, И. Степачева-Бохенек*

Русское общество друзей
Еврейского университета
в Иерусалиме

ISBN 978-5-93273-400-1

© Роман Тименчик, 2014
© Мосты культуры/Гешарим, 2014

Список сокращений

Альбом — *Мейлах М.Б.* Альбом Ахматовой 1910 — начала 1930-х годов: (К столетию Анны Ахматовой) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1991. М., 1997. С. 39–52.

Ардов В. — *Ардов В.* Этюды к портретам. М., 1983.

Ахматовский сборник — Ахматовский сборник. 1 / Ред.-сост. С. Дедюлин, Г. Суперфин. Париж, 1989.

Бабаев Э. — *Бабаев Э.* Воспоминания. СПб., 2000.

Бахметевский архив — Бахметевский архив Колумбийского университета (Нью-Йорк).

Белинков А. — *Белинков А., Белинкова Н.* Распря с веком. Два голоса. М., 2008.

Берестов В. — *Берестов В.* Избранные произведения в двух томах. М., 1998. Т. 2.

Библиотека Конгресса — Библиотека Конгресса США (Вашингтон).

Будыко М. — *Будыко М.И.* Загадки истории. СПб, 1995.

ВАА — Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных. Комм. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М, 1991.

ВЛ — журнал «Вопросы литературы».

Волков С. — *Волков С.* Диалоги с Иосифом Бродским. М., 1998.

Гинзбург А. Человек. — *Гинзбург А.* Человек за письменным столом. Л., 1989.

Гладилин А. — *Гладилин А.* Улица генералов. Попытка мемуаров. М., 2008.

Гладков А. «Я не признаю историю без подробностей...» (Из дневниковых записей 1945–1974) / Предисл. и публ. С. Шумихина // *In Memoriam*.

Глекин Г. — *Глёкин Г.В.* Что мне дано было... Об Анне Ахматовой. М., 2011.

Гончарова Н. — *Гончарова Н.* «Фаты лебедей» Анны Ахматовой. М.; СПб., 2000.

Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // *ВЛ*. 1997. № 2.

Гуверовский архив — Архив Гуверовского Института войны, революции и мира при Стэнфордском университете.

Гумилев Н. Письма — *Гумилев Н.* Письма о русской поэзии. М., 1990.

Далош — Бремен — выписки из российских архивов, собранные Д. Далошем (Исторический архив Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете).

Далош — Далош Д. Гость из будущего: Анна Ахматова и сэр Исайя Берлин: История одной любви / Пер. с венг. Ю. Гусева. М., 2010.

Двухтомник — *Ахматова А.А.* Сочинения. В 2-х т. / Сост., подгот. текста и прим. М.М. Кралина; вступ. ст. Н. Скатова. М., 1990.

Десятые годы — *Ахматова А.* Десятые годы / Сост. и прим. Р.Д. Тименчика и К.М. Поливанова. М., 1989.

Дувакин В. — Анна Ахматова в записях Дувакина / Подготовка текстов: В.Ф. Тейдер, В.Б. Кузнецова, М.В. Радзишевская. Консультант: Н.Н. Глен. Вступит. ст., сост. и коммент. О.С. Фигурнова. М., 1999.

Ежегодник 1974 — *Тименчик Р.Д., Лавров А.В.* Материалы А.А.Ахматовой в Рукописном отделе Пушкинского Дома. — Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976.

Зв — журнал «Звезда».

Зезина М.Р. — *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е — 1960-е годы. М., 1999.

Зн — журнал «Знамя».

Золотонос М. — *Золотонос М.Н.* Гадюшник. Ленинградская писательская организация: избранные стенограммы с комментариями (Из истории советского литературного быта 1940–1960-х годов). М., 2013.

Из семейной переписки — Из семейной переписки А.А. Ахматовой / Публ. Л.А. Зыкова // *Зв.* 1996. № 6.

Ильина Н. — *Ильина Н.* Дороги и судьбы. М., 1991.

ИМЛИ — Отдел рукописей Института мировой литературы им. Горького.

ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом).

Казак В. — *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. Лондон, 1988.

Как в прошедшем грядущее зреет — «...Как в прошедшем грядущее зреет...»: Полувековая парадигма поэтики Серебряного века. М., 2012.

Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М., 1994.

Каминская А. — Каминская А. «Дома хорошо...» // *Эта при- стань*.

Корнилов В. — Корнилов В. Покуда над стихами плачут...: книга о русской лирике. М., 1997.

Крымский Ахматовский, 11. — Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: *Крымский Ахматовский* науч. сб. Вып. 11. Симферополь, 2013.

Крымский Ахматовский, 4. — Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: *Крымский Ахматовский* науч. сб. Вып. 4. Симферополь, 2006.

Крымский Ахматовский, 5. — Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: *Крымский Ахматовский* науч. сб. Вып. 5. Симферополь, 2007.

Крымский Ахматовский, 7. — Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: *Крымский Ахматовский* науч. сб. Вып. 7: к 120-летию со дня рождения поэта. Симферополь, 2009.

Крымский Ахматовский, 8. — Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: *Крымский Ахматовский* науч. сб. Вып. 8. Симферополь, 2010.

Крымский Ахматовский, 9. — Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: *Крымский Ахматовский* науч. сб. Вып. 9. Симферополь, 2011.

Л1 — Лукницкий П.Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. I. 1924–1925. Париж, 1991.

Л2 — Лукницкий П.Н. Асуміана. Встречи с Анной Ахматовой. Т. II. 1926–1927. Париж; М., 1997.

Лакшин В. — Лакшин В. «Новый мир» во времена Хрущева: Дневники и попутное (1953–1964). М., 1991.

Ласкин А. — Ласкин А. Наследственная неприязнь к блестящим пуговицам: Документальная повесть о Зое Томашевской // Ласкин А. *Время, назад!* М., 2008.

Латманизов М. — Латманизов М.В. Разговоры с Ахматовой / Пред., публ. и прим. А.Г. Терехова // *Русская литература*. 1989. № 3.

ЛГ — «Литературная газета».

Лесная школа — Лесная школа: Труды VI Международной летней школы на Карельском перешейке по русской литературе. Поселок Поляны (Уусикирко) Ленинградской области, 2010.

Летописец — Полян П., Нерлер П. Летописец (К 100-летию Павла Николаевича Лукницкого) // Русская литература. 2000. № 4. С. 183-194.

Летопись — Черных В.А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889-1966. Изд. второе, испр. и доп. М., 2008.

Липкин С. Квадрига. Повесть. Мемуары. М., 1997.

ЛО — журнал «Литературное обозрение».

ЛР — газета «Литературная Россия».

ЛЧ₁ — Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1938–1941. Т. 1. М, 1997.

ЛЧ₂ — Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. Т. 2. М, 1997.

ЛЧ₃ — Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1963–1966. Т. 3. М, 1997.

ММА — Музей Анны Ахматовой (Фонтанный Дом).

Мейлах М. — Мейлах М. «...Свою меж вас еще оставив тень» // *ЛО*. 1989. № 5.

Минц-Лотман — Фонд З.Г. Минц и Ю.М. Лотмана (F.135) в Научной библиотеке Тартуского университета.

На меже — На меже меж Голосом и Эхом: Сб. ст. в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007.

Найман А. — Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М., 1999.

Некалендарный XX век — Некалендарный XX век: Мусатовские чтения. М., 2011.

НЖ — «Новый журнал» (Нью-Йорк).

НИ ОР РГБ — Отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (б. им. В.И. Ленина).

НЛО — журнал «Новое литературное обозрение».

НМ — журнал «Новый мир».

Норман — Кудрова И. Русские встречи Питера Нормана. СПб., 1999.

НРС — газета «Новое русское слово» (Нью-Йорк).

ОАА — Об Анне Ахматовой. Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма / Сост. М.М. Кралин. Л, 1990.

Огрызко В. Лизать. — Огрызко В. Лизать или дерзать? М., 2012.

Оксман — Зайцев А.Д. «Человек жизнерадостный и жизнедеятельный...» (Набросок портрета Ю.Г. Оксмана по материалам его архива) // Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990.

Орлова Р, Копелев Л. — Орлова Р, Копелев Л. Мы жили в Москве. М., 1989.

Островская С. — Островская С.К. Дневник / Подгот. П.Ю. Барсковой и Т.С. Поздняковой М., 2013.

От Кибирова до Пушкина — От Кибирова до Пушкина: Сб. в честь 60-летия Н.А. Богомолова. М., 2011.

Пакишина Н., Позднякова Т. — Пакишина Н., Позднякова Т. Библиотека Анны Ахматовой // Библиофила России. Альманах. Т. 1. М., 2004.

Пермяковский сборник. — Пермяковский сборник. Ч. 2. М., 2009.

Петербург в поэзии русской эмиграции — Петербург в поэзии русской эмиграции (первая и вторая волна) / Сост. Р. Тименчика и В. Хазана. СПб., 2006 (Новая Библиотека поэта).

Победа — Ахматова А. Победа над судьбой / Сост., подгот. текста, примеч. Н.И. Крайневой. Т. 1–2. М., 2005.

После всего — Ахматова А. После всего / Сост. и примеч. Р.Д. Тименчика и К.М. Поливанова. М., 1989.

Последние годы — Анна Ахматова: последние годы. Рассказы-вводят Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., коммент. О.Е.Рубинчик. СПб., 2001.

Поэзия узников ГУЛАГа — Поэзия узников ГУЛАГа: Антология / Сост. С.С. Виленский. М., 2005.

Поэма без героя — Ахматова А. Поэма без героя / Сост. Р.Д. Тименчика при участии В.Я. Мордерер. М., 1989.

Пунин Н. — Пунин Н.Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма / Сост. Л.А. Зыкова. М., 2000.

Пути искусства. — Пути искусства. Символизм и европейская культура XX века. М., 2008.

Пят Вл. — Пят Вл. Встречи / Вступит. ст., подгот. текста и комм. Р. Тименчика. М., 1997.

Ратгауз Г. — Ратгауз Г. Как феникс из пепла: Беседа с Анной Андреевной Ахматовой // Знамя. 2001. № 2.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РМ — газета «Русская мысль» (Париж. 1947–2005) и журнал «Русская мысль» (София–Прага–Париж, 1921–1927).

- Роскина Н.* — Четыре главы. Париж, 1980.
- Самойлов Д.* — *Самойлов Д.* Поденные записи. Т. 1. М., 2002
- Сергеев А.* — *Сергеев А.* Omnibus: Роман, рассказы, воспоминания. М., 1997.
- СЗ* — журнал «Современные записки» (Париж, 1920–1940)
- СК* — газета «Советская культура»
- Соболев А.* — *Соболев А.Л.* Летейская библиотека. Т. 1–2. М., 2013.
- Сочинения — Ахматова А.* Собрание сочинений. Т. 1–7 / Сост., подгот. текста, комментарии и статьи Н.В. Королевой и С.А. Коваленко. М., 1999–2004.
- Стих, язык, поэзия — Стих, язык, поэзия.* Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006.
- Страницы черновиков — Тименчик Р.* Страницы черновиков Анны Ахматовой // Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана: Аннот. каталог. Публикации. М., 1989.
- Строфы века — Евтушенко Е.* Строфы века: Антология русской поэзии / Науч. ред. Е. Витковский. Минск; Москва, 1995.
- Струве Н. Восемь часов — *Струве Н.* Восемь часов с Анной Ахматовой // *Ахматова, Анна.* Сочинения. Т. II. Париж; Мюнхен, 1968.
- Турков А.* — *Турков А.* Что было на веку...: Странички воспоминаний. М., 2009.
- Хейт А.* — *Хейт А.* Анна Ахматова: Поэтическое странствие / Перевод М. Тименчика. М., 1991.
- ЦГАЛИ СПб — Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга.
- Что вдруг — Тименчик Р.* Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим—Москва, 2008.
- Чуковский К.* — *Чуковский К.* Собрание сочинений в 15 тт. М., 2001–2009.
- Шапорина Л.В.* — *Шапорина Л.В.* Дневник. Т. 2. М., 2011.
- Шварц Е.* — *Шварц Е.* Телефонная книжка. М., 1997.
- Щеглов А.* — *Щеглов А.* Раневская: Фрагменты жизни. М., 1998.
- Эта пристань — «Эта пристань есть...».* Портреты. Размышления. Воспоминания о людях и Писательском доме / Сост. Т.В. Акулова. СПб., 2012.
- Эткиндовские чтения — Тименчик Р.* «Записные книжки» Анны Ахматовой. Из «Именного указателя». I. // Эткиндовские

чтения. II–III. Сборник статей по материалам чтений памяти Е.Г. Эткинда. СПб., 2006.

Я всем прощение — «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сб./ Сост. Н.И. Крайнева; под общей редакцией Д. Макфадьена. СПб., 2006.

Я не такой... — «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории / Изд. подгот. Н.И. Крайнева. СПб., 2009.

From Medieval Russian Culture to Modernism — From Medieval Russian Culture to Modernism: Studies in Honor of Ronald Vroon. Frankfurt/M, 2012.

In Memoriam. — In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000.

Memento vivere — Memento vivere: Сб. памяти Л.Н. Ивановой. СПб., 2009.

Requiem — Ахматова А. Requiem // Сост. Р.Д. Тименчика при участии К.М. Поливанова. М, 1989.

Russica Romana — Russica Romana. 2010. Vol. XVII. P. 203-222.

Stern — *Stern, Anatol.* Wspominając Annę Achmatową // Kultura. 1966. № 12. S. 2.

Venok — Venok: In Honor of Stefano Garzonio. Stanford, 2012.

Все неопубликованные материалы Исаяи Берлина цитируются по документам его архива в Оксфордской Бодлеанской библиотеке.

Переписка Глеба Струве и Бориса Филиппова цитируется по материалам их фондов в Гуверовском архиве и в Библиотеке Бейнеке Иельского университета, Нью-Хейвен (за сообщение последних сердечно благодарим Александра Долинина), переписка Романа Гринберга — по его фонду в Библиотеке Конгресса (ряд материалов сообщен Юрием Левингом).

Основной цитируемый источник: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К.Н. Суворовой; вступ. ст. Э.Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В.А. Черных. М.; Torino: Einaudi, 1996. В дальнейшем в тексте указывается только: «С.» и цифра в скобках, соответствующая номеру страницы указанного издания (в иных же случаях — ЗК).

Единицы личного архивного фонда Ахматовой (№ 1073) в Российской национальной библиотеке в тексте обозначены: «№ » и цифра в скобках. При ссылке на другие архивные фонды в случае очевидного совпадения автора или адресата документа с фондообразователем подробные сигнатуры не приводятся.

Читатель должен приготовиться к тому, что предлагаемые сноски и выноски, изложив необходимую справку, нередко затем совершают экскурсы в разные стороны, намечая перспективы новых частных ахматоведческих исследований. Что касается фактографической достоверности, то напомним о диалоге с Ахматовой, записанном Натаном Готхартом:

«Я привожу высказывание, которое приписывают “отцу истории” Геродоту: “Если нет документальных сведений, то представляют интерес и слухи”. Глаза у Анны Андреевны оживляются, и она, улыбаясь, говорит:

— Слухи хороши, когда они не про вас...».

Глава
первая

1956

- 1 См. запись харьковского инженера В.А. Волошина об их визите с женой И.С. Гончаровой 3 июля 1962 года: «Моей жене очень хотелось пойти к Анне Ахматовой, но она стеснялась узнавать адрес. Ей, наверное, казалось, что и женщина в киоске “Справочное бюро”, и люди из очереди подумают: “Ишь, с кувшинным рылом, да в калашный ряд!” Когда я подошел к справочному бюро, она убежала в кулинарию пить кофе. А я не знал ни отчества, ни возраста, ни где родилась... Равнодушная киоскерша сообщила мне, что Анна Ахматовых в возрасте приблизительно 65 лет в Ленинграде четыре штуки. И хоть я за каждую штуку обещал уплатить по 20 копеек (справка стоила 5 коп.), но... “таких справок вам никто не даст”. Я сбегал к Инке, спросил и отчество, и возраст и скоро узнал, что Анна Андреевна Ахматова, 73 лет живет по улице Ленина, 34, кв. 23, троллейбус № 1» (Коллекция рукописных книг и архивных документов ХГНБ им. В.Г. Короленко. Ед.хр. Р-673; сообщено И.Я. Лосиевским).
- 2 Ср. свидетельство о том, что для молодежи 1960-х этот факт был значим и что для них Ахматова входила в список именитых верующих: офтальмолог В. Филатов, авиаконструктор А.Н. Туполев, М.В. Юдина, Л.М. Леонов, А.К. Тарасова, Н.И. Конрад, С.П. Королев (*Glazov Y. The Russian Mind since Stalin’s Death. Freiburg, 1985. P. 119*).
- 3 Решение о «восстановлении в правах члена Союза Советских писателей» по предложению Фадеева принято 10 января 1951 г. При этом на заседании А.Сурков объявил: «А.А.Фадеев мне звонил и сказал, что он консультировался в соответствующих органах, и ему сказали, что это надо сделать» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. Ед.хр. 37. Л. 91). В.С. Абакумов, о котором чуть ниже, был еще у дел, до его ареста оставалось полгода. На заседании рассматривали и другие насущные вопросы, например, тревожно обстояло дело с переводом Пушкина на мордовский — там «гармонией упьюсь» перевели как «возьму в руки гармошку» (Л. 87).

Не восстановленный тогда М.М. Зощенко сказал: «Я шел с Анной Андреевной ноздря в ноздю, а теперь она обошла меня на полкорпуса» (ОАА. С. 390). Бланки анкет на восстановление

Ахматова получила от заведующей отделом творческих кадров ССП по фамилии Жданова, — Наталья Тихоновна Жданова (№ 1690). Ср. отголоски фадеевского решения на заседании Президиума ССП 23 июня 1953 года:

«т. ШАГИНЯН. <...> Вопрос о восстановлении Зощенко может быть решен нами единогласно. <...> Давайте обратимся с нашим решением в ЦК, может быть, он санкционирует наше решение. Но ставить вопрос, что будто бы восстановление отменяет исключение, это неверно. Был прецедент: Ахматову мы восстановили. Слабый, чуждый нам поэт.

т. СИМОНОВ. Мы ее приняли или восстановили?

т. ШАГИНЯН. А Зощенко, который сформировался при Советской власти, который ближе нам по существу, по внутренней позиции, которую он не менял все время, — его мы будем принимать, а не восстанавливать. Почему вы так отнеслись к Ахматовой?

т. СИМОНОВ. Для объяснения своих позиций я хочу сказать, что я не присутствовал при восстановлении Ахматовой, а если бы присутствовал, несомненно, голосовал бы не за восстановление, а за прием. Считаю, что и Ахматову надо было бы принимать в Союз заново, а не восстанавливать. А если есть формулировка о восстановлении, то это — неверная формулировка. <...>

т. СОБОЛЕВ. Была допущена ошибка, если она была “восстановлена”, а не “принята”. Если бы я присутствовал на этом заседании, я сказал бы так же» (*Сарнов Б., Чуковская Е. Случай Зощенко // Юность. 1988. № 5. С. 77.*)

- 4 Ср. запись А.К.Гладкова от 19 июля 1965 года: «Рассказ Володи Медведева об упрямстве Анны Андр. в вопросе об оформлении ее книжки — он художник. Он предложил внутри воспроизвести обложки “Вечера” и других первых книг А. А., а эта сумасшедшая старуха возмутилась и заупрямилась: — Я считаю себя советской поэтессой и не желаю никаких напоминаний...» (*Гладков А. «Я не признаю историю без подробностей...» // In Memoriam. С. 565.*) Владимир Васильевич Медведев (1931–1999) — «художник, составивший целую эпоху нашей книжной графики» (*Корнилов В. Две боярыни Морозовы // ЛО. 1996. № 3. С. 76.*) Об истории работы над «Бегом времени» В.В. Медведев рассказал в послесловии в издании: *Ахматова А. Бег времени. М., 1995. С. 454–459.*

- 5 *Белинков А. С. 248.*

- 6 Фраза, записанная Никой Николаевной Глен (1928–2005), выполнявшей одно время функции ахматовского литературного секретаря, о которой Ахматова говорила: «Она все делает тихо, как бабочкино крыло» (ВАА. С. 584). Улица Ленина — бывшая Широкая. О первоначальном неприятии названия города среди близких к Ахматовой петербуржцев ср. письмо М.Л. Лозинского П.Н. Медведеву от 27 мая 1924 года при посылке автобиографии: «Если цензура намерена слова “петербуржец”, “Гатчина” и “Петербург” заменить новомодными, то прошу Вас поставить: вместо — я петербуржец — я северянин и <...> образование получил на берегах Невы» (ИРЛИ; в 1923–1929 годах Гатчина именовалась Троцком). Ср.: «Анна Андреевна, со свойственным ей трезвым взглядом, не одобряла, когда называли Петербургом современный нам город, и новое название вошло в ее словарь — зато любила старинные названия улиц, в том числе своей Широкой, где жила» (Мейлах М. С. 100).
- 7 В 1962 году критик Д. Молдавский сообщал Ахматовой о том, что книга Б.М. Эйхенбаума о ней числилась в личной библиотеке В.И. Ленина (№ 907); благодарственное письмо от 4 апреля 1962 года, продиктованное Ахматовой: «Сама она только недавно оправилась после тяжелой болезни и ответить не может. Анна Андреевна благодарит Вас за интересное для нее сообщение» (РГАЛИ). Тем же сообщением порадовал ее и критик И.С. Эвентов (*Эвентов И. Об Анне Ахматовой // ВЛ. 1987. № 3. С. 188–190*). Полагаем, что вряд ли Ленин, при тогдашнем состоянии здоровья, читал про доминанту, оксюморон и губную артикуляцию. Но — если уж искать следы знакомства предсовнаркома с образом декадентской поэтессы — укажем на следующее обстоятельство: в апреле 1920 года «Альтман принес пачку фотографий своих прежних кубистических полотен. Ленин с интересом смотрел одну за другой, потом, отложив их, сказал: “В таком искусстве ничего не понимаю. Это — дело специалистов”» (*Бахтерев И. 250 часов с Лениным // Юность. 1964. № 5. С. 71*).
- Ср. также свидетельство Зои Борисовны Томашевской (1922–2010): «Ведь Ахматова всю жизнь рассказывала о том, как Дзержинский позвонил Ленину, а тот сказал: “Если виноват — расстрелять!”... Анна Андреевна замечательно изображала Ленина с трубкой...» (*Ласкин А. С. 339*).
- 8 Полина Денисовна Осипенко (в девичестве Дудник; 1907–1939) — летчица, совершившая с В.С. Гризодубовой и М.М. Рас-

ковой беспосадочный перелет Москва — Дальний Восток, установив женский мировой рекорд дальности полета. Погибла в авиакатастрофе. См.: *Караваева А.* Советская героиня // *ЛГ.* 1939. 15 мая. Ср.: «Я низко кланяюсь Расковой / И Осипенко — потому, / Что их полет, тогда рискованый, / Был важен сердцу и уму» (*Соколов В.* Листовка // *День поэзии.* 1963. М., 1963. С. 126). «Мы знаем, сколько скороспелых и поверхностных стихов было написано хотя бы в честь исторического перелета Гризодубовой, Осипенко и Расковой» (*Павлович Н.* Рец. на кн.: *Шевелева Е.* Лирика. Ростов на Дону. 1940 // *ЛО.* 1941. № 4. С. 29). Полине Осипенко посвятила целую поэму Людмила Попова; на одной из ее поздних книг — автограф с признательностью Ахматовой: «Спасибо Вам за то, что Вы научили меня любить поэзию, за то что Вы такая. 9. 1. 65 г.» (*ММА*), а свой первый сборник (1925) Попова когда-то надписала ей стихотворением 1921 года:

Узнала взгляд смиренный и лукавый,
 Не птицы ль в клетках смотрят так порой,
 И прядь волос, отягощенных славой,
 И холод губ, переходящий в зной.
 И этот голос, отнятый у неба,
 Не потому ль узнала сразу я,
 Что брошен он куском насущным хлеба
 Таким, как я, в голодные края.
 Темнеет... Тихо. Экипажей стуки
 Переместились в стиснутую грудь,
 Не отнимай пророческие руки,
 Что на безверстный указали путь. (ГЛМ)

- 9 Об аллегории «оттепели» в ту пору см.: *Чупринин С.* Оттепель: время больших ожиданий // *Оттепель.* 1953–1956: Страницы русской советской литературы / Сост., автор вступ. ст. и «Хроники важнейших событий» С.И. Чупринин. М., 1989. Кн. 1. С. 12–13. ср. изображение либеральных кознодеев в советском «антиингилистическом» пасквиле Ивана Шевцова «Тля»:

«— Хорошая погода, — сказал Иванов-Петренко, энергично подавая Барселонскому теплую руку. Вид у него был бодрый и решительный. — Оттепель!

— Хорошая оттепель, — подтвердил Лев Михайлович, испытующе посмотрев собеседнику в глаза. Осипу Давыдовичу был знаком этот внимательный, выматывающий душу взгляд...».

Ср. один из примеров в поэзии:

Вот и оттепели время,
Поля — жидкие,
Что же! Оттепель — явление
Положительное.

(*Соснора В.* Оттепель // *День поэзии.* М., 1965. С. 72); воспользуемся упоминанием немаловажного для той эпохи имени этого поэта, чтобы привести образчик оттепельных настроений — о бородатых мореходах из Гаваны:

Ты от счастья чуть живой,
Чуть живой от нежности
К революции чужой,
К бородатым внешностям...

(*Соснора В.* Порт // *День поэзии.* М.; Л., 1962. С. 193).

И, кстати, автор этого четверостишия был не уникален среди многих своих сверстников в отношении к героине нашей книги: «Единственная строчка, которая мне у нее нравится, это — “я на правую руку надела перчатку с левой руки”. Я вижу, что передо мной отличный поэт-версификатор, но мне она ничем не близка» (Последний всадник глагола. Интервью с Виктором Соснорой // *ЛГ.* 1992. 15 января). Сравним: «“Сероглазый король” был решительно не для меня, как и “перчатка с левой руки” — все эти дела не представлялись мне такими уж большими поэтическими достижениями. Я думал так, пока не наткнулся на другие ее стихи, более поздние» (*Волков С.* С. 225). Злополучная перчатка постоянно путалась у читателей, как у гоголевской Палашки: «Я на левую руку надела перчатку от правой руки» (*Яновский В.* Преображение // *СЗ.* 1933. Кн. 53. С. 144).

- 10 Ср. в дневнике за 2 мая 1965 года: «Я — в будке. День серый. Весна раздумала делаться. Вчера была снежная буря. Какая-то казенная отсутствующая погода. Северо-восточный ветер — идет ладожский лед» (С. 622).
- 11 Ср.: «...я видел пухлые пальцы Андреевны Андреевны Ахматовой с ввевшимися в них кольцами — она заплакала, услышав меня. В том, как мы начинали, она почувствовала нечто ей хорошо и угрюмо знакомое» (*Прашкевич Г.* Возьми меня в Калькутте // *Постскриптум.* СПб., 1997. Вып. 1 (6). С. 117). Геннадий Мартович Прашкевич (р. 1941) — писатель; см. его письма из Новосибирска 1962 года: он с товарищами, которые любили Мандельштама, Гумилева, Пастернака, Цветаеву, Ахматову,

издавал самиздатский журнал «Лимонный сад» (№ 1322). О последствиях этой переписки см.: *ЛЧ2*. С. 568–570; *Захаров Вл.* Мы были диссидентами новосибирского Академгородка: Интервью Елены Квасковой // *Посев*. 2006. № 6. С. 35–36; ср. также:

О себе я больше не заплачу,
Но не видеть бы мне на земле
Золотую печать неудачи
На еще безмятежном челе.

1962 (С. 155).

- 12 *Волков С.* Визит к старой даме // *Независимая газета*. 2000. 18 мая. Задержимся немного на этом эпизоде. Ахматова соединила некогда радугу и слезы в стихотворении 1946 года «Последние слезы»:

И я свой город увидала
Сквозь радугу последних слез.

Ахматовское же стихотворение 1916 года, видимо, возникшее в pendant к тютчевскому —

И в Божьем мире то ж бывает,
И в мае снег идет порой,
А все ж Весна не унывает
И говорит: «Черед за мной!..»

Бессильна, как она ни злися,
Несвоевременная дурь, —
Метели, вьюги улеглись,
Уж близко время летних бурь, —

неволью унаследовало его аллегорические потенции (см. об этом стихотворении как притче по конкретному поводу: *Тютчев Ф.И.* Лирика. М., 1965. Т. 2. С. 384). Переиначивая тютчевский экспромт, Ахматова апеллирует к известному стиху из 18-го сонета Шекспира — *Rough winds do shake the darling buds of May* (в переводе Гумилева — «суровый ветер губит почки мая») и эпиграфом вызывает в качестве третейского судьи первого поэта — царя Давида: «Утомлен я воздыханиями моими; каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою». Как представляется, к стихотворению «Майский снег» его автор возвращался и за 20 лет до разговора на комаровском крыльце, когда в мае 1945 года писалось второе посвящение к «Поэме без героя» —

Кто-то маленький жить собрался,
Зеленел, пушился... —

припоминая написанное Осипом Мандельштамом в том же холодном мае 1916 года:

Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает...

В многосоставном генезисе ахматовского стихотворения 1916 года, видимо, участвовало и фетовское “Ребенку”:

Май остудить тебя сумеет,
И розы пурпурный шипок,
Вдруг раскрываясь, побледнеет.

- 13 *Назаренко В.* К вершинам поэзии // Молодая гвардия. 1958. № 5. С. 181; позднее, в 1962-м Ахматовой пришлось публично выступить против сочинения этого автора, высмеивавшего разыскания Эммы Герштейн: В редакцию «Нового мира» // *НМ*. 1962. № 7. С. 286; ср.: *ЛЧ2*. С. 487–489, 763–764.
- 14 *Семенова [Айзенман] Т.* Новые работы А. Сойфертиса // *Юность*. 1960. № 9. С. 64.
- 15 Прочитировано в: *Чупринин С.* Оттепель: время больших ожиданий. С. 15.
- 16 Ср.: «Один наш стихотворец, человек тогда еще относительно молодой, с горячностью крикнул при мне своему собеседнику: — Да как вы смеете так со мной разговаривать! Я — пятый поэт России!.. На другой день я попросил его, остывшего, разъяснить, что сие означает. Он очень удивился моей неосведомленности и наивности. “Первый, — сказал он, — Пастернак, второй — Твардовский, третий — Смеляков, четвертый — Заболоцкий, пятый — я...” — А Ахматова?” Ахматова — шестая”, — ответил он не задумываясь и, перекинув через плечо полотенце, прошествовал на пляж. Все они были тогда еще живы, но не подзревали, как он расположил их на своем плацу» (*Ваншенкин К.* Писательский клуб. М., 1998. С. 92; речь шла о Григории Поженяне).
- 17 В последний раз до введения негласного цензурного запрета ее новые стихи печатались в 1924-м — стихотворение «Хорошо здесь: и шелест, и хруст...» в альманахе «Поэты наших дней» (М., 1924). Ср.: «Проходим мимо А. Ахматовой и А. Белого. Они, очевидно, дали стихи, какие подвернулись под руку, дабы отвязаться от приставаний “поэтов наших дней”, и не посетуют на наше мнение, что стихи их — “так себе”» (*Провинциал*. Поэты наших дней // *Рабочий журнал*. 1925. № 4. С. 166). Но это «так себе» успело удостоиться точного разбора под пером талантливого филолога: «Своеобразная постановка рифм хруст—

куст, мороз—роз, дальше: веках—снегах, о том—двоим отвлекают вниманье от конца стихов, перенося его равномерно на все протяжение стиха, делают пленительной “банальность” этих рифм, видоизменяя семантический рисунок стиха по сравнению с рисунком при “богатых” рифмах эпохи символизма» (*Кенигсберг М.* Заметки о рифме (из стихологических этюдов) // *Гермес.* 1924. № 3. С. 276–277; републиковано Г.Л. Левинтоном: *Philologica.* 2012. Т. 9 № 21/23 .С. 341). Затем наступили годы литературного небытия — см., вероятно, не увидевшую печати эпиграмму-«эпитафию» Арга на Ахматову:

Роняя слезы на ходу,
Сегодняшняя Ярославна,
Скончалася она в семнадцатом году,
А похоронена недавно.

(*Арга.* «Заживо погребенные». Сборник пародий, эпиграмм и фельетонов. Фрагмент корректуры [1929–1930] // РГАЛИ. Ф. 1784. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 58об).

- 18 «В 1939 году на каком-то литературном совещании меня вдруг вспомнил Сталин: “Где Ахматова?” Ему сказали — в Ленинграде. “Почему ничего не пишет?” Ему объяснили. Рассказали о 1924 годе. “Разрешить ей печататься”» (*Латманизов М.* С. 92). История про фразу Сталина (на приеме в честь писателей-орденоносцев в 1939-м) была частью писательского фольклора. Возможно, другое коленце того же диалога отразилось в байке П. Павленко о вопросе Сталина: «— Что сейчас делает поэтесса Мирра Лохвицкая? В дни моей молодости она была довольно известна”. Смущенный Фадеев, понимая, что в делах литературы он по должности должен знать все, наугад сказал: “Она умерла, товарищ Сталин!”» (*Борев Ю.* Сталиниада: Мемуары. По чужим воспоминаниям. С историческими притчами и размышлениями автора. М., 1991. С. 292). Откликаясь на вопрос вождя, А.А. Фадеев писал 17 января 1940 года А.Я. Вышинскому, умышленно цитируя прецедентную формулу пересмотра и покровительства из резолюции генсека о покойном Маяковском: «...при всем несоответствии ее поэтического дарования нашему времени, тем не менее была и остается крупнейшим поэтом предреволюционного времени» (*Бабиченко Д.* Писатели и цензоры. М., 1994. С. 48). Ср. письмо И.В. Сталину литературоведа Якова Захаровича Черняка (1898–1955) в сентябре 1946 года: «Лет 8 назад, когда снова зазвучал голос Ахматовой, не было секретом, что Вашему пристальному благотворному

вниманию к судьбам советской литературы обязаны мы глубочайшей благодарностью за возрождение поэта. Вы позвали поэта. И он пошел Вам навстречу, и каждый честный литератор радовался: еще один ценный человек отвоеван у “свинцовых мерзостей” прошлого. Пусть — колеблющимися шагами шел еще поэт. Чего же можно было ждать — после периода петербургского эстетства, после пятнадцатилетнего молчания и уединения. Не сразу и костер разгорается. Мы отлично понимали, что идет он издалека и что вокруг него не только сочувственное внимание людей советских, но и скрежет и шепоток всякого рода остатков враждебной нам “внутренней эмигрантщины”» (*Шумихин С.* «Здесь мы узнали простые и важные вещи». Яков Черняк об Анне Ахматовой // Независимая газета. 1996. 5 марта).

- 19 Анна Александровна Караваева (1893–1979) — прозаик, в молодости выпустившая сборник стихов «Чертополошье» (Барнаул, 1923). В ждановские дни она рассуждала вслух: «Салонно-декадентская поэзия Ахматовой начала хватать за сердце молодых поэтесс. Например, в дни войны появилась мода на “святую Русь”, на своеобразное возрождение русского национализма»; «В апреле 1940 года вышла книга Анны Ахматовой. Эта книга была мной проработана в 1940 году. Стихотворение “Ива” (читает стихи). Вот я нашла еще ряд стихов. Эта книжка же звучит реакционно. Я тоже кое-кому сказала, тоже думаю: — я не критик, у нас есть люди, которые занимаются поэзией годами, и я думаю, что они на это обратят внимание. Глядя правде в глаза, я должна сказать, что у нас вообще об этой книге разговоров не было. Не знаю, может быть, я не осведомлена. Мне кажется, что об этой книжке у нас настоящего разговора не было. Вот слушайте характерные строчки, которые она говорит по адресу Пастернака (читает). Я думаю, что многие стихи Ахматовой могли печататься по сию пору в наших журналах. Я помню, что “Правда” пару стихов неплохо сделанных напечатала. Профессионально, кто спорит о том, что Ахматова знает, как слагать стихи. Когда выходит книга с программными стихами вроде “Ивы” и еще ряда стихов, то тут уже себе вменяю в вину, когда я книгу прочла — должна была обратить на это внимание. Это недопустимая самоуспокоенность, что я ведь так не думаю, я так не написала, не сделала. Это всем нам плохо» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед.хр. 782. Л. 12–14, 106–107). По поводу последнего выступления Вс. Вишневский записал: «Отвратительная

- (лицемерная) болтовня А. Караваевой» (РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед.хр. 608. Л. 560б). Она участвовала в обсуждении сборника «Слава миру»: «Не являясь поклонником поэзии Анны Ахматовой, я все же не могу не отметить, что эпоха кое-что изменила в творческом облике поэтессы. <...> “Пречистое тело” — из старого поэтического арсенала! Уж слишком просто выглядят “деды-Морозы”! С ними и березами важно соединить образы храбрецов Советской Армии — без них ни ветки березы, ни деды-морозы ничего не сделают. Рифма “смерть” — “Берт” — дурная, по-моему. “Незатейливые парнишки” — тоже не подходит. Читатель может обидеться: “гитлеровских вояк разбили не “Ваньки, Васьки и Гришки”, а мощно оснащенная Советская Армия, тысячи и тысячи ее сознательных бойцов — и уж никак не Ванек и не Васек!» (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед.хр. 151. Л. 12–14).
- 20 К.М. Симонов был членом редколлегии «Московского альманаха». Ср.: «Первая книга “Московского альманаха” собрана и сдана в печать. <...> Здесь же печатаются новые стихи А. Ахматовой» (Книга, которую ждут // ЛГ. 1939. 26 мая). Симонов пришел на Фонтанку с Л.Я. Гинзбург, тетей его подруги Н.В. Соколовой (1916–2002): «Поднимаясь в пунинскую квартиру по крутой и темной лестнице одного из флигелей Фонтанного дома <...>, он спросил: “А можно ей поцеловать руку? Как вы думаете?” “Даже должно”. <...> Мы не успели еще позвонить, и Симонов вдруг быстро снял с лацкана пиджака новенький орден и сунул его в карман» (Гинзбург Л. Человек. С. 330–331). «Во время встречи К. Симонов прочитал стихи, а Ахматова спросила: “Вы прозу пробовали писать?” “Нет”, — ответил Симонов. “Будете, наверное”, — сказала Ахматова» (Вайсфельд И. Ненаписанная книга // Вечерняя Москва. 1987. 9 мая). Стихи Ахматовой в сборнике не были напечатаны по решению Фадеева, дискриминировавшего ряд поэтов по возрасту. Ср. рассказ Ахматовой: «А когда через несколько лет пришел опять, [К. Симонов] уже ничего не снимал...» (Ардов М. «Не поэтесса». Поэт! Из бесед с А. Ахматовой // ЛГ. 1989. 4 января).
- 21 Ср. объявление об общегородском вечере памяти Маяковского 11 апреля 1940 года с участием зампреда Ленсовета, секретаря горкома, Н.С. Тихонова, А.А. Прокофьева, В.М. Саянова, О.Д. Форш, В.А. Каверина, Ахматовой (ЛГ. 1940. 10 апреля). В связи с этим сообщением, отвечая на недоумения своего корреспондента, Н.Я. Мандельштам писала 30 апреля 1940 года:

«Мне кажется, вы не правы. Если она и выступит (если это все правда), то потому, что ей кажется, что Леве будет легче» (*Кузин Б.С. Воспоминания. Произведения. Переписка; Мандельштам Н.Я. 192 письма к Б.С. Кузину // Сост., предисл., подгот. текстов, примеч. и комм. Н.И. Крайневой и Е.А. Пережогойной. СПб., 1999. С. 618*). Ср. слова единокровной сестры Н. Гумилева: «Ты ведь написала что-то советское, и теперь тебе отовсюду авансы, авансы» (*ЛЧ. С. 146*). «Заказчиком» стихотворения «Маяковскому» был Сергей Спасский (*Гинзбург Л. Человек. С. 164*). Здесь не место приводить пространную сводку фактов о взаимоотношениях Ахматовой и Маяковского, процитируем только неопубликованные воспоминания Колау Чернявского о последнем: «Поэт Кара-Дарвиш за кулисами (в рабочем клубе) представляет Маяковскому поэтессу Туроверову.

— Товарищ Маяковский, как Ваше мнение об Анне Ахматовой?

— Баба хорошая.

— Да я не о том, — смутилась она, — нет, как поэтесса?» (РГАЛИ. Ф. 3100. Оп. 1. Ед.хр. 326. Л. 40б; сообщил А.Л. Соболев).

- 22 Ср. замысел А.В. Белинкова: «Связать выход сборника 1940 года с резким изменением идеологической концепции. Это изменение было вызвано тем, что близилась война и это требовало иных взаимоотношений государства и общества, нежели революция. Подготовка к войне в государстве, покончившем с борьбой классов, оказалась связанной с необходимостью объединения всего народа вокруг привычных представлений о родине, патриотизме, величии народа, исторического прошлого и пр.» (*Яблокова-Белинкова Н. Погасшая елка // Грани. 1985. № 136. С. 112*). Тогда же планировался и уничтоженный впоследствии однотомник в Государственном издательстве художественной литературы, от которого сохранился только наборный экземпляр (С. 29); ср. предисловие к публикации стихотворения о Маяковском под шапкой «Поэтесса о поэте. Имя — боевой сигнал»: «Ленинградское отделение издательства “Художественная литература” выпускает сборник стихов известной поэтессы А. Ахматовой. В сборник войдут многочисленные стихи Ахматовой, написанные ею в период 1909–1940 гг.» (Ленинские искры. 1940. 11 апреля).

- 23 Книга изъята по настоянию секретаря ЦК А.А. Андреева (*Летопись. С. 328*). См. запись рассказа Ахматовой о последовав-

ших событиях: «Приезжал Фадеев, было бурное заседание в Союзе писателей, и Фадеев страшно ругал мою книжку. Я не присутствовала на этом заседании. Но была вскоре на каком-то вечере там же. Фадеев увидел меня, соскочил с эстрады, целовал руки, объяснялся в любви» (*Шапорина Л.В.* С. 38).

- 24 Ср.: «На судьбу этой книги повлияло следующее обстоятельство: Шолохов выставил ее на Стал<инскую> премию (1940). Его поддержали А.Н. Толстой и Немирович-Данченко. Премию должен был получить Н. Асеев за поэму “Маяковский начинается”. Пошли доносы и все, что полагается в этих случаях. “Из шести книг” была запрещена и выброшена из кн<ижных> лавок и библиотек» (*ЛО.* 1989. № 5. С. 6). А. Толстой в присутствии Фадеева предложил это 19 октября 1940 года, и 17 декабря на заседании президиума правления Союза писателей Фадеев дождался шпильки от В.И. Лебедева-Кумача: «отвел удар от главной опасности в поэзии — от опасности ухода от современности, от опасности беспредметного чириканья, индивидуалистического извращения действительности» (*Бабиченко Д.* Писатели и цензоры. С. 46, 52). 24 декабря 1940 года М. Шагинян писала М.М. Зощенко: «И подумайте о том, что творится в Союзе писателей. Идет жуткая грызня между группкой Лебедева-Кумача и Фадеевым, совершенно беспринципная, похожая, как бывает, когда родители ушли из дому, и дети, оставшись одни, натворили черт знает что, такую кашу, что разобраться трудно. <...> в Комитете по сталинским премиям (тоже вроде как — родители уехали и оставили одних без присмотра) несусветная получилась ерунда: члены комитета выставляли на премию друг друга и сами себя проголосовали и выбрали. <...> говорят, на них хозяин очень осерчал, и дело отложено на две недели. Хотела бы я, чтобы этому старому отъявленному пошляку и дураку Немировичу-Данченко изрядно дали по носу» (Зощенко М. Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб., 1997. С. 131). О Василии Ивановиче Лебедеве-Кумаче (1898–1949) Виктор Ардов зафиксировал эпиграмму 1940 года:

Достиг Кумач большого сана,
Поэта нет у нас видней,
Сменил он Бедного Демьяна
И стал писать еще бедней

(РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 2. Ед.хр. з. Л. 2).

- 25 МАА. Юрий Николаевич Вейнерт (1914–1951) трижды сидел в лагерях, там и погиб при невыясненных обстоятельствах. Это

стихотворение написано в январе 1942 года в лагере-заводе «Свободный», который вошел за пять лет до того в ахматовское стихотворение «Немного географии»:

Не столицей европейской
 С первым призом за красоту —
 Душной каторгой енисейской,
 Пересылкою на Читу,
 На Ишим, на Иргиз безводный,
 На прославленный Акбасар,
 Пересылкою в лагерь Свободный,
 В трупный запах прогнивших нар, —
 Показался мне город этот...

См. реакцию на ее возвращение за океаном: «Ахматова. О ней давно не было слышно. Стихи ее в советской печати не появлялись. Критики о ней вспоминали редко, неохотно, и скорее “в аспекте историческом”, чем как о живом человеке. “Ахматова была...”, “Так писала Ахматова...”, — все в прошедшем времени, как обыкновенно говорят о неизлечимо больных, навсегда парализованных, неспособных к жизни, от которых ждать уже решительно нечего. Коротко говоря, она в течение многих лет находилась в положении заживо погребенного; заживо потому, что убивать ее было не за что, однако были приложены, по-видимому, все старания для того, чтобы о ней забыли, как можно основательней. Стороной доходили слухи (конечно, темные и непроверенные), что Ахматова живет где-то в глухой провинции, в полном одиночестве, что она больше ничего не пишет, что условия ее жизни очень тяжелы, что пребивается она со дня на день, чем Бог пошлет. Были, правда, и другие слухи: о том, что она — несмотря на молчание — по-прежнему любима русской молодежью, что советские девушки ездят к ней “на поклон”, совершают иногда целые паломничества, только для того, чтобы “посмотреть Ахматову”. Трудно сказать, что из всего этого могло быть правдой...» (*Мансветов В. Литературный блокнот // НРС. 1941. 2 марта*).

- 26 В качестве главных событий в советской поэзии первых двух лет войны «последние стихи Ахматовой» были названы Алексеем Толстым в одном ряду с Твардовским, Симоновым, Исаковским, Сельвинским, Сурковым и сатирами Маршака (*Толстой А. О литературе и войне // Литература и искусство. 1942. 5 декабря*). Ср. позднейший визг уж совершеннейшего литературного ничтожества: «П. Громов и Б. Костелянец [Проблемы

реальные и мнимые // *НМ*. 1948. № 11] противопоставляют всей текущей критике в качестве чуть ли не программного документа доклад Алексея Толстого «Четверть века советской литературы», сделанный в 1942 году в Ташкенте. Доклад этот давно устарел. Он был прочитан за несколько лет до исторических постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, и нет никаких сомнений, что будь А. Толстой жив, он бы и сам раскритиковал этот доклад. Довольно будет указать хотя бы на такие факты, как принижение в докладе роли Маяковского и Серафимовича, восхваление Ахматовой и Зощенко!» (*Шкерин М.* Критические заметки // Октябрь. 1949. № 1. С. 191). О военных стихах Ахматовой ср., однако: «Кстати, в большинстве своем стихи слабые!» (*Берггольц О.* Встреча. Дневные звезды / Сост., примеч. и комм. М.Ф. Берггольц. М., 2000. С. 278). Ср. запись в дневнике Я.З. Черняка от 14 июля 1942 года: «Удивительные восьмистишия. Лаконизм потрясающий. И сила поэтическая необыкновенная. Слово — как молния, как меч, как старинная важная дверь, закрывающаяся тяжело, как бы навсегда. Я напомнил — японские танки» (*ВАА*. С. 377). Ср. запомнившееся Ю. Чапскому стихотворение «Постучи кулачком, я открою...»: «о маленьком мальчике, который приносит во время бомбежки, осенью или весной, травинки, выросшие между камнями мостовой».

- 27 «В начале войны во многих газетах появилось четверостишие, которое печаталось, как лозунг. Оно принадлежало перу Ахматовой.

Вражье знамя
Растает, как дым.
Правда за нами,
И мы победим.

Для поклонников таланта Ахматовой было большим удовлетворением, что они могли теперь всюду говорить о ней и открыто восторгаться ее стихами. Студенты и студентки, уходя на фронт, клали в походные сумки томик стихов любимой поэтессы. Когда мне надо было получить эвакуационное свидетельство из Ленинграда, мне пришлось расстаться с новым изданием стихов Ахматовой, так как оно пошло как взятка одному комсомольцу, работнику Ленсовета, доставшему мне это свидетельство» (*Сергеевич В.* Запрещенная муза // *РМ*. 1948. 23 апреля).

- 28 По поводу имени трактористки-стахановки Прасковьи Никитичны Ангелиной (1912–1959) приходится вспомнить разговор

с Ахматовой, зафиксированный 15 ноября 1935 года в дневнике П.Н.Лукницкого, про сотрудничество которого с НКВД было уже известно (Ласкин А. С. 283): «Я заговорил о Марии Демченко. Я мог ждать отсутствия подлинного интереса к этому замечательному движению скорее со стороны АА, чем со стороны Пунина. Оказалось обратное: АА все знала и высказывалась о Марии Демченко с большим сочувствием; подчеркнув, что у нас так много еще пустых, незаполненных мест в использовании труда, что заполнение их принесет огромную пользу стране; я и здесь встретил со стороны АА высказывания самые одобрительные и положительные. ... Весь вечер АА была оживлена и спокойна. Я ушел от АА в глубоком раздумьи о том, как переделывается личность всякого честного человека под влиянием успехов социалистического развития» (Лукницкая В. Из двух тысяч встреч. М., 1987. С. 46). Мария Софроновна Демченко (1912–1995) пообещала вырастить сахарной свеклы до 500 центнеров с гектара и этим создала «движение пятисотниц», а потом на съезде ВЛКСМ, к досаде К. Чуковского и Б. Пастернака, заслоняла им вид на Сталина (Чуковский К. Т. 13. С. 19). Младший современник т. Сталина вспоминал: «Сто пятьдесят миллионов знали, что трактористка № 1 — Ангелина, художник под тем же номером — А. Герасимов, свекловод — Демченко, кавалерист — Буденный, хлопкороб — Мамлакат Нахангова, дрессировщик — Дуров, архитектор — Иофан, клоун — Карандаш, машинист — Кривонос, диктор — Левитан, ткачиха — Виноградова, композитор — Дунаевский, образец коммунистической морали — Павлик Морозов, полярник — Папанин, театр — МХАТ, драматург — Погодин, режиссер — Станиславский, летчик — Чкалов, пограничник — Карацупа, пограничная собака — Индус. Клетка под рубрикой поэзии была не занятой. К середине 30-х годов стало казаться, что на вакантное место будет назначен Пастернак. Окончательный выбор сделал Сталин в конце 1935 года, когда к нему обратилась Л.Ю.Брик» (Черток С. Последняя любовь Маяковского. С включением мемуаров В. Полонской. Анн-Арбор, 1983. С. 35).

- 29 Новое слово (Берлин). 1941. 20 июля. Цитируется: Правда. 1941. 18 июля; составляли текст В. Кетлинская и О. Берггольц (Золотоносов М. С. 83). Ср.: «Мой друг достал последний номер “Правды” с лакейскими стишками на злобу дня Ефима Придворова. <...>. Над бездарными стишками Демьяна было помещено обращение женщин Советского Союза “Ко всем трудящим-

ся женщинам мира”. Я посмотрел на подписи и с удивлением заметил на первом месте имя Анны Ахматовой.

— Ахматова — защитница большевизма?!

— Попробовал бы ты отказаться, если бы тебе предложили расписаться под таким документом, составленным в кухне Лозовского.

— Да, это верно.

И все-таки казалось невероятным, что вдова Гумилева, зверски расстрелянного большевиками, чей сын тяжело пострадал в застенках НКВД и в 21 год возвратился из ссылки, потеряв зубы, поставила свое имя рядом с именами сталинских “вертихвосток”, вроде Гризодубовой. В моей памяти была еще совсем свежа история с Ахматовой, пытавшейся издать незадолго до войны свои избранные стихотворения в Московском Гослитиздате. Книга Ахматовой лежала уже сверстанной и готовилась к выпуску в свет, когда цензор, листая ее, обратил внимание на стихотворение “Ива”, открывавшее собою сборник. В этом стихотворении были такие строчки:

Не о судьбе своей,
Об иве, иве разрыдалась!

Энкаведевский соглядатай решил, что под словом “ива” подразумевается Россия, и перечеркнул красным карандашом весь сборник, решив, что он является “замаскированной вылазкой классового врага”. Что же думала Ахматова в тот момент, когда подписала “обращение к женщинам всего мира». Помнила ли она “не о судьбе своей”, а о России» (*Горский И. Былые дни (Окончание) // На переломе (Смоленск). 1942. № 3. С. 80; здесь вместо Ахматовой цитируется стихотворение Пастернака «Уроки английского»*).

Не только эта подпись, но и военные стихи Ахматовой по ту сторону линии фронта весьма не нравились:

«Но советские господа хорошо понимают, что как ни брызжут слюной их литературные лакеи, но для того, чтобы из всего этого был толк, надо завербовать в свою харчевню, помимо литераторов второго сорта, еще и тех, чьи имена действительно популярны в массах. Вот почему, не довольствуясь “громкими” именами А. Толстого и И. Эренбурга, большевики привлекают к делу одурачивания народа и других литературных генералов вроде Михаила Шолохова, Николая Асеева и даже престарелой Анны Ахматовой. Если творческая судьба таких экзотических зверей советского литературного зоосада, как, например,

братья Тур и им подобные, покрыта мраком неизвестности, то история духовного самоопределения настоящих писателей достаточно хорошо известна. Получается интересная вещь. Почти все писатели, ратующие теперь за Сталина и его клику, в свое время призывали гром и молнию на головы большевиков.

Может быть, самым характерным примером в этом отношении может служить жизнь и творчество Анны Ахматовой. Лучшая поэтесса дореволюционной поры Анна Ахматова встретила октябрьский переворот негодуя и остро враждебно. Обращаясь к воображаемому большевику, она писала:

Нам встречи нет. Мы в разных станах.
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец?

В искренности этих слов можно не сомневаться. Тем более, что от руки большевистских палачей погиб не только “брат” Ахматовой, но и муж — поэт Н. Гумилев.

Но вот прошло столько-то лет, и А. Ахматова нарушила целомудренное молчание “внутренней эмигрантки”, разразившись ура-патриотическими стихами после начала войны СССР с Германией. Возможно, что за два с лишним десятка лет поэтесса, говоря советским языком, “перестроилась” и пошла “по линии” союза с большевизмом? Однако, такое предположение не выдерживает критики. За пару лет перед войной, после долгих мытарств в цензуре, появился сборник избранных стихов А. Ахматовой. Через несколько месяцев этот сборник был изъят из библиотек. Таким образом о мезальянсе поэтессы с большевизмом говорить не приходится. Проще и вернее другое объяснение неуместного патриотического и поэтического зуда, охватившего Ахматову. Дело в том, что во время ежовщины был арестован ее сын. Это дало большевикам удобную возможность непосредственно управлять чувствами и вдохновением поэтессы» (*Рудин Дм. [Р.Н.Александров]. Адвокаты дьявола // Последние новости (Киев). 1943. 15 марта*). О Ростиславе Николаевиче Александрове (1911–1947) см.: *Равдин Б. Русская печать на оккупированной территории СССР и в Германии. Материалы к словнику псевдонимов: Н. и Р. Александровы // История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М., 2012. С. 325–343. См. у другого писателя, побывавшего под немцами, эпизод в романе, где смешаны военные стихи Ахматовой с циклом «Слава миру»:*

«Рядом с почтовым скворешником наклеена “Ленинградская правда”. На первой странице, под скромной сводкой Совинформбюро — стихи Анны Ахматовой.

...захлопываю Святцы. Рядами стройными выходят ленинградцы, Живые с мертвыми. Для славы мертвых нет.

Рядом ее же стихи о вожде, попавшем в поэтические святцы, мертвые для славы стихи. Но — искренние, как все в ней. Дмитрий вспоминает смуглое, тонкое, духовно голодное лицо поэтессы на далеком, будто шумевшем в другой жизни, поэтическом диспуте. Значит, она здесь? Дождалась своего душевного обвала. У ее музы, этой “милой гостьи с дудочкой в руке” — “смуглая рука” (“Уединение”). В другом стихотворении “Муза шла по дороге” “смуглыми ногами”. Не пушкинская это смуглая рука вела эту музу? И куда теперь заведут ее смуглые ноги? Ничего, за истинную Музу не надо бояться» (*Дар А. Солнце все же светит // Грани. 1955. № 26. С. 73–74*); стихотворение «А вы мои друзья последнего призыва» впервые опубликовано в журнале «Знамя» (1945. № 4). Об Анатолии Васильевиче Даре-Дарове (Духонине; 1920–1997) см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции. С. 643.*

30 Вспомнить только некоторых:

Илья Фондаминский, писавший Зинаиде Гиппиус в 1924 году: «Ты уничтожаешь пролеткультскую литературу — не возражаем. Но ты почти молчишь о другой настоящей литературе, ничем не отличающейся от здешней и так же не приемлющей большевизма: Сологуб, Сергеев-Ценский, Зямытин, Пришвин, Ахматова, кто еще?» («Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. Т. 3. М., 2013. С. 255); Юрий Фельзен и Юрий Мандельштам, об Ахматовой писавшие; Раиса Блох, ее переводившая на немецкий и как поэтесса целиком сформированная ею — см. о ее сборнике «Тишина»: «...чтение “Тишины” превращается как бы в разговор с человеком. Но человек этот, сложившийся “по образу и подобию” Ахматовой...» (*Адамович Г. Литературные заметки // ПН. 1935. 24 января*; Елизавета Кузьмина-Караваева, соратница по Цеху поэтов.

31 Отметим отзыв в прессе второй волны эмиграции о стихотворении «Победа»: «Победу, добытую героизмом солдат, талантами полководцев и беспредельной жертвенностью всего народа, она приветствовала суровыми и мудрыми словами. Это, вероятно, лучшие пять строк, написанных после и по по-

воду победы. В них не говорится ни о роли партии в войне, ни о гениальности вождей. Не говорится потому, что это было бы кощунством по отношению к принесенным жертвам, а Анна Ахматова — поэт...» (*Орда К.* Вместо венка // Эхо (Регенбург). 1946. 21 сентября). Речь идет о стихотворении «Победа», смысловой удар которого, в частности, коренился в его вызывающей фрагментарности — оно состояло из диалога этого заголовка с самим текстом, начинающимся противительным союзом (в духе общей «вопрекистской» стихослагательской установки Ахматовой):

...Но что нам сказать долгожданной ей,
 Что мы ей сейчас ответим...
 Пусть женщины выше поднимут детей,
 Спасенных от тысячи смертей,
 Так гостью высокую встретим.

(Правда. 1945. 20 мая). В последующих переизданиях этого стихотворения, ввиду невозможности почти авангардистского или комического приема в патриотической теме, пришлось добавить вначале упорядочивающий приступ («Победа у наших стоит дверей... Как гостью желанную встретим!»). Поздняя Ахматова по условиям редакторских нормативов была обречена на вынужденные надставки, на «упаковочный материал», прикрывающий блеск и остроту осколка в обычной, школьно-правильной композиции. Ср.: «...однажды она показала мне листок с машинописной копией стихотворения “Мужество”, которое она предложила в Ташкентский альманах. Рукопись была возвращена ей с пометкой: “Доработать”. И в тексте стихотворения редактор красным карандашом подчеркнул последнюю строку “Навеки”: на полях был нарисован вопросительный знак.

— Вот видите, — сказала Анна Андреевна, — редактор сразу заметил, что последняя строка короче других. К тому же здесь нет рифмы...» (*Бабаев Э. С.* 84–85).

- 32 Речь прежде всего о знаменитом стихотворении «Мужество», напечатанном в «Правде» 8 марта 1942 года: «То “великое русское слово”, на защиту которого звала тогда в своих патриотических стихах Анна Ахматова, не было пустозвонным и лживым официальным штампом, а было только таким, каким оно всегда понималось всей настоящей русской традицией — и “правыми” славянофилами и “левой” общественностью: свободным творческим выражением свободного народного духа»

(Оболенский С.С. Письмо в редакцию // Народная правда (Париж). 1949. № 6. С. 39–40). «Хрупкий, певучий голос Анны Ахматовой, которая давно призналась, что “в этой жизни... так мало видела, только пела и ждала”, неожиданно приобрел металлический закал спокойной решимости» (Дубнова-Эрлих С. Подвиг Ленинграда // Новый путь (Нью-Йорк). 1945. 14 января). «В многоголосом хоре советских поэтов раздался в унисон с другими — к радости всех, любящих русскую литературу — негромкий, но внятный, как всегда, голос Анны Ахматовой. Своеобразным чутьем ощутившая в трудные годы гражданской войны, как “подходит чудесное к развалившимся старым <sic!> домам”, она и теперь со спокойной решимостью приняла долю тягот, ставших уделом любимого города:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не страшно остаться без крова.

В судьбоносные дни затворнице, которая всю свою жизнь “только пела и ждала”, стали близки

Незатейливые парнишки,
Внуки, братики, сыновья,

оборонявшие “русскую речь, великое русское слово”...» (Дубнова С. Ренессанс романтики // Новоселье. 1946. № 24–25. С. 99. Цитируется также стихотворение «Победителям»). «Затворница Анна Ахматова, столько лет уединенно сгоравшая “в дыму” “любви памяти”, почувствовала в страшные дни, что стали ей близки отдавшие “жизнь за други своя”» (Дубнова-Эрлих С. Духовные боеприпасы // Новый путь (Нью-Йорк). 1945. 30 сентября). Ср. о стихотворении «Наступление» («Славно начато славное дело...»): «Пожалуй, только Анне Ахматовой, почти 20 лет молчавшей, не пришлось пересматривать своих творческих установок. Она подошла к нынешнему молодому хору поэтов и заговорила своим прежним, негромким, но запоминающимся поэтическим голосом» (Александрова В. Под прожектором войны // НЖ. 1943. № 5. С. 393). Ср. также: «Из многих других стихов о войне я хотел бы упомянуть о двух стихотворениях Анны Ахматовой, поэзия которой после долгого молчания не утратила своего легкого обаяния, напоминающего тонкую камерную музыку» (Озерс Э. Рец. на кн.: Сборник стихов. М., 1943 // Британский союзник. 1945. 4 марта; перевод из: Central European Observer. 1944. December 22). Ср. раздражение Бориса Филистинского-Филиппова, находившегося под защитой крыл вермахта и люфтваффе, который писал в статье

- «Как напечатали Анну Ахматову»: «Под угрозой гибели сына в когтях НКВД Ахматова снова пишет — пишет надутые фальшивые агитки... Чего не сделаешь для спасения своих детей! Скверно, но понятно» (За родину (Рига). 1943. 2 сентября; эта цитата попала в поле зрения НКВД: Исторические чтения на Лубянке. 2000 год. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.–Великий Новгород, 2001. С. 83). Ср. впрочем по поводу упомянутого выше стихотворения «Наступление»: «“Славно начато славное дело...” — цитировал [Б.В. Томашевский] <...> Славно начато, а вот славно ли кончится? Ведь начато оно под руководством тех, которые ни за что, ни про что засадили ее сына. Может ли Ахматова ручаться, что после войны верховоды не засадят многих из начавших и продолжающих славное дело и не объявят новый набор в концлагеря?..» (*Любимов Н. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Т. 2. М., 2004. С. 445*).
- 33 В последний год своей жизни Ахматова все время возвращалась к одной теме. Она и в Англии рассказывала, что Сталин вытащил ее из Ленинграда во время блокады и отдал распоряжение «беречь (суре) Ахматову», когда она чуть не умерла от тифа (Frankland M. Poetess of genius // London Observer. 1966. March 6), и в Комарове говорила мимолетному знакомому: «А ведь он благоволил ко мне. Что, трудно поверить? Многих это ввергает в сомнение. Еще бы! Присылает за мной в осажденный Ленинград самолет, а затем — метаморфоза — ненависть» (*Выхристенко В.И. Эхо серебряного века. Одесса, 1999. С. 6*).
- 34 Ср. запись в дневнике Л.И. Тимофеева от 27 октября 1941 года: «Ее привезли вместе с Зощенко из Ленинграда на самолете бесплатно, снабдив продуктами. Самолет эскортировало семь истребителей. <...> Предупредительность не лишняя для той, которая писала, что “все расхищено, предано, продано”. <...> Очевидно, что курс взят на интеллигенцию русскую и даже здешнюю» (*Зн. 2003. № 6. С. 164*).
- 35 *Элита-Вильчковский К. О молодой советской поэзии // Советский патриот (Париж). 1945. 10 августа; ср.: Wilczkowski C. Écrivains Soviétiques. Paris, 1949. P. 304.*
- 36 Она была избрана в члены Правления ССП, награждена медалями (*Летопись. С. 383, 392*) и даже, если верить одному мемуаристу (в рассказе которого много фактических несуразностей), перед самым ждановским скандалом выступала на совещании о проведении блоковского юбилея в Смольном у секретаря

обкома комсомола по культуре (*Мечик Д. Выбитые из колеи (Литературные встречи)*. Нью-Йорк, 1984. С. 108–110; *Донат Исаакович Мечик (1909–1995) — театральный режиссер*). Среди версий, которые подобрал сын Жданова для объяснения ярости своего отца в 1946 году, есть и такая: «Ленинградские писатели-блокадники, сполна пережившие трагедию, ревниво отнеслись к триумфальной встрече частью интеллигенции города вернувшихся из далекой эвакуации Зощенко и Ахматовой» (*Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминание очевидца*. Ростов-на-Дону, 2004. С. 110). Нельзя сказать, что такие эмоции блокадников не могли иметь места, укажем, например, на запись Л.В. Яковлевой-Шапориной от 22 сентября 1944 года:

«Встретила на улице Анну Ахматову. Она стояла на углу Пантелеймоновской и кого-то ждала. Она стала грузной женщиной, но профиль все тот же, или почти. Что-то есть немного старческого в нижней части лица. Разговорились. “Впечатление от города ужасное, чудовищное. Эти дома, эти два миллиона теней, которые над ними витают, теней умерших с голода — этого нельзя было допустить, надо было эвакуировать всех в августе, в сентябре. Оставить пятьдесят тысяч, на них бы хватило продуктов. Это чудовищная ошибка властей. Все здесь ужасно. Во всех людях моральное разрушение, падение. — Ахматова говорила страшно озлобленно, и все сильнее озлобляясь, буквально с пеной у рта, летели брызги слюны. — Все немолодые женщины ненормальные...” — “Не вижу, — вставляю я реплику, — Л.Я. Рыбаковой...” — “Лидия Яковлевна никуда не выходила, ничего не видала. Все ненормальны. Со мной дверь в дверь жила семья Смирновых, жена мне рассказала, что как-то муж ее спросил, которого из детей мы зарежем первого. А я этих детей на руках нянчила. Никаких героев здесь нет, и если женщины более стойко вынесли голод, то все дело тут в жировых прослойках, клетчатке, а не в героизме. Вы думаете, я хотела уезжать? — А.А. прищурила глаза, со злобой глядя на меня, ей, видимо, не нравились мои реплики. — Я не хотела этого, мне два раза предлагали самолет и наконец сказали, что за мной придет летчик. Все здесь ужасно, ужасно”.

Мне уже не хотелось спрашивать ее о работе, о стихах, у меня было ощущение, что меня, всех нас полили грязными помоями, оскорбили незаслуженно.

Вечером я видела Бондарчука, рассказала о встрече. “Не возмущайтесь, — сказал он. — Тут ясно самоощемление и же-

ление самореабилитации. Бежала от опасности, теперь она просто реэвакуированная среди многих других, надо же себе создать пьедестал”.

Я вспоминала возмущенные рассказы Елены Яковлевны Данько о том, как тогда, осенью 41-го года, Ахматова в истерической панике не выходила из бомбоубежища на кан. Грибоедова и запугивала их неминуемым приходом весной немцев и тем “крошевом”, которое они здесь учинят. И Кетлинская говорила Анне Ивановне, что она принимала тогда все меры, чтобы вывезти Ахматову из Ленинграда ввиду ее панического состояния. Впечатление от этой встречи осталось крайне тяжелое» (*Шапорина Л.В. Дневник. Т. 1. М., 2011. С. 442–443*).

- 37 Ср.: «Мне даже выдали (почти бесплатно) посылку с носильными вещами и кусками материй, чтобы я была чем-то прикрытой (помню, я потом называла это — “последний дар моей Изоры”). Еще в последний день июля [1946 года] мне позвонил А.А. Прокофьев и просил вечером быть в “Астории”, где Ленинград весьма торжественно принимал американцев, помогавших СССР во время войны. Все они были духовными лицами» (С. 231). Ср. о визите летчиков из эскадрильи «Нормандия—Неман» (*Пакишина Н.П., Позднякова Т.С. С. 97*).
- 38 Это ей припомнил А.А. Прокофьев уже 19 августа 1946 года (*Хроника того августа // Петербургский журнал. 1993. № 1–2. С. 40*). Ср. рассказ О. Берггольц в 1971 году «о Фадееве, какой он был прекрасный и ужасный. Последние годы должен был представления на арест подписывать, как генсек. Меленько в уголку: не возражаю. Как-то выпивали. Ольга к нему пристала с обличениями, а он сказал: помолчи, ты не знаешь, что я для тебя сделал (он написал в конце 40-х на представлении на ее арест: категорически возражаю)» (*Лакишин В. После журнала. Дневник 1971 года // Дружба народов. 2004. № 11. С. 139*). Ранее О. Берггольц была арестована в декабре 1938 года (в июне 1939-го освобождена за недоказанностью состава преступления). Для характеристики Ольги Федоровны Берггольц (1910–1975) ср.: «Как-то Анна Андреевна пришла к нам с Ольгой Берггольц. Застолье наше затянулось, и все мы были несколько навеселе, когда пошли провожать гостей по нашему длинному коммунальному коридору. И вдруг Ольга Федоровна запела, и довольно громко: “Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на за..... пути”. Анна Андреевна в ужасе замахала на нее руками: “Оля, Оля, вы с ума сошли! Мы же в коммунальной квар-

тире“. — “Вот и хорошо, — сказала Ольга Федоровна, — пусть знают, на каком пути стоит наш бронепоезд“» (*Георгиевский М.* Синяя тетрадка: Встречи с А. Ахматовой // Нева. 2000. № 6. С. 225). После постановления и лишения продовольственных карточек Берггольц носила ей еду в судах. «Ольга Федоровна поведала мне, как ее тогда предупреждали: “Не ходи к Ахматовой. Это может иметь тяжелые последствия...“. <...> А я говорила: “Она кушать хочет...“ Однажды, когда Берггольц прилюдно упрекнули в помощи враждебным элементам, в ответ резко бросила: “У революции нет такой меры наказания, как голодная смерть“» (*Сидоровский Л.* «От сердца к сердцу только этот путь...»). Ольга Берггольц: Поэзия и судьба // *ЛР*. 1988. 25 марта). Ср. записи Г.В. Глэкина от 19 марта 1960 года: «Уже много лет Анна Андр. не видела ее — после выговора, который та получила за близость с Ахматовой. Анна Андр. помнит юную девушку с белыми, пепельными косами... Как поэта Анна Андр. ценит ее высоко» и от 13 января 1963 года: «Опять неоднократно говорили об О.Ф. Берггольц (нимало меня не поколебав в отношении к стихам этой несчастной женщины). В 1946 г. Ольга Фед. была с Анной Андр., но в 1949 (когда вторично взяли Льва Ник<олаевича>) испугалась». (*Глекин Г. С.* 146, 261). Ср. эпизод в Коктебеле в 1950-е: «Однажды в забегаловке на шоссе я увидел О. Берггольц, сидевшую за столиком с какой-то страшной на вид, совершенно опустившейся женщиной. Я подошел к ней, поздоровался и напомнил, что мы встречались в Ленинграде у А. Ахматовой. Берггольц сказала: — я никогда не бывала у Ахматовой. То есть она не решалась признаться в этом знакомстве.

Я привел этот мелкий эпизод для того, чтобы вы представляли себе, какое тогда было положение: общаться с Ахматовой, бывать у нее, общаться с ней считалось предосудительным и было необычно.

И Берггольц считала нужным отречься от знакомства с Ахматовой. Вот такое было тогда положение» (*Шервинский С.В.* Воспоминания об Анне Ахматовой. Запись Л. Шилова (копия в собрании Л.М. Турчинского). Вероятно, Шервинский здесь помнит и об эпизоде ноября 1938-го: «После второго ареста Льва Николаевича Ахматова приехала в Москву хлопотать за сына. На этот раз его обвиняли в том, что он хотел убить Жданова, и Анна Андреевна, получив копию обвинительного заключения, привезла эту копию с собой в Москву. Прямо с во-

- кзала она отправилась к своим старым друзьям. Они не приняли ее. Они побоялись принять ее» (*Ильина Н.* Дороги и судьбы. М., 1991. С. 347; как явствует из записей Н. Ильиной, речь идет о Шервинских: РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Ед.хр. 28. Л. 24).
- 39 Как информировали референты ССП, в бельгийской, например, газете «Nation belge» 27 сентября 1946 года поэт Шарль Бернар написал, что московская чистка «содержит в себе такую идею, что гений духа должен слушаться хозяина. <...> Тирания наступает на неприкосновенные и святые права творца!» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 127). В Хабаровске перехватили передачу лондонского радио: «Анна Ахматова. Ее произведения признаны противоречащими идеологии коммунизма. Она уже давно считалась знаменитой поэтессой и в своих лирических произведениях была крайней индивидуалисткой» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 279. Л. 3). В Чехословакии культуролог Иржи Велтруски (1919–1994) высмеял статью поэта-коммуниста Иржи Тауфера (1911–1986) «Непрошенные адвокаты писателей»: «Но чего мы напрасно ищем — это единственно должного ответа на вопрос, собирается ли кто-нибудь подобным же образом решать вопрос о нашей культуре или же ясно отказывается от этого, и мы ни на шаг не продвинулись вперед в этой единственно интересной и важной вещи, узнав далее, что гитлеровская оккупация нарушила советскую мораль (как импозантно! Гитлер, собственно говоря, несет вину за Ахматову!), что чистка вовсе не направлена “против западной культуры вообще” (ах! отлегло от сердца! отныне нам нечего уже опасаться, что в один прекрасный день будет вычищен и Карл Маркс), но против небрежности в творчестве писателя, погони за эффектом и банальности. Это, конечно, окончательно разрешает вопрос, так как переводит его, собственно говоря, в область эстетическую, и кампания, направленная против Ахматовой, Пастернака и Шостаковича, обращается в заслуженную борьбу против брака в искусстве» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Ед.хр. 950. Л. 25–26). Пришлось в ответ на такие насмешки послать в Прагу Фадеева.
- 40 *Moore, Barrington, Jr.* Terror and Progress — USSR. Some Sources of Change and Stability in the Soviet Dictatorship. Harvard University Press: 1954. P. 205–206; Жданов говорил: «...наряду с прочим хламом есть одно стихотворение, написанное в эвакуации во время Великой Отечественной войны. В этом стихотворении она пишет о своем одиночестве, которое она вынуждена делить с черным котом. Смотрит на нее черный кот, как глаз

столетия. Тема не новая. О черном коте Ахматова писала и в 1909 году. Настроения одиночества и безысходности, чуждые советской литературе, связывают весь исторический путь «творчества» Ахматовой. Что общего между этой поэзией, интересами нашего народа и государства? Ровным счетом ничего»; речь идет о стихотворении, в домашнем обиходе Ахматовой называвшемся «Дыней»:

Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни
 На краешке окна, и духота кругом,
 Когда закрыта дверь, и заколдован дом
 Воздушной веткой голубых глициний,
 И в чашке глиняной холодная вода,
 И полотенца снег, и свечка восковая
 Горит, как в детстве, мотыльков сзывая,
 Грохочет тишина, моих не слыша слов, —
 Тогда из черноты рембрандтовских углов
 Склубится что-то вдруг и спрячется туда же,
 Но я не встрепенусь, не испугаюсь даже...
 Здесь одиночество меня поймало в сети.
 Хозяйкин черный кот глядит, как глаз столетий,
 И в зеркале двойник не хочет мне помочь.
 Я буду сладко спать. Спокойной ночи, ночь.

Ташкент. 1944.

- 41 Андрей Александрович Жданов (1896–1948) — секретарь ЦК ВКП(б), по автоаттестации в речи на XVIII съезде ВКП(б), «боец армии великих пролетарских стратегов Ленина — Сталина».
- 42 РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед.хр. 1889. Л. 10–11; «Санин» — роман М. Арцыбашева, «Конь блед» — роман Б. Савинкова.
- 43 Здесь выступление Жданова перед творческими работниками Ленинграда цитируется по стенограмме, см. полный текст: *Дружинин П.* Годовщина Победы или начало новой войны?: Доклад А.А. Жданова 16 августа 1946 года как символ поворота СССР к биполярному миру // *НЛО.* 2012. № 116.
- 44 *Кирпотин В.* Пафос социального воспитания (К 30-летию советской литературы) // Октябрь. 1947. № 7. С. 175.
- 45 *Мясников А.* Об основных чертах социалистического реализма // *Большевик.* 1951. № 24. С. 26.
- 46 *Заславский Д.* О ленинградском журнале «Звезда» // *Правда.* 1947. 22 мая.

- 47 См. подробнее наши справки о поэте, критике, стиховеде Сергее Павловиче Боброве (1889–1971), названном в числе персон, в разное время на протяжении тридцати пяти лет «уничтожавших стихи Ахматовой»: Буренин — Тальников — Бобров — Брюсов — Бунин — Жданов (С. 453): *Стих. Язык. Поэзия*. С. 614–617; *Некалендарный XX век*. С. 408.
- 48 Эту фразу как будто слышала своими ушами Зоя Никитина (*Турков А. С. 113*).
- 49 Родина. 1993. № 2. С. 51.
- 50 Новая газета. 2000. 20 марта; фраза Ахматовой по поводу постановления была сообщена С.К. Островской. О Викторе Семеновиче Абакумове (1908–1954; расстрелян) свидетельствовала знакомая с его семьей: «не думаю, что он был человеком образованным, но, как мне кажется, он это понимал и, в отличие от советских бонз, всячески стремился восполнить недополученное образование и воспитание. Он учил английский язык...<...> холодно и брезгливо презирал он и своих коллег по управлению страной, а Сталина — даже ненавидел. Интересно, что он даже не мог (или не хотел?) скрыть этой ненависти...» (*Кафанова Л. Палач-жертва // НРС. 1977. 29 мая*).
- 51 *Пунин Н. С. 429*. Акума — прозвище, данное Владимиром Шилейко, вероятно, от древнееврейского «акум» — язычник. Позднее Н.Н. Пунин услышал похожее по звуку слово в Японии, обозначавшее демона.
- Ср. также воспоминания сокамерника Н.Н. Пунина по внутренней тюрьме Лубянки в 1949-м: «Хотя, по его рассказам, они к тому времени уже разошлись, он считал, его посадили именно за то, что он был женат на Анне Ахматовой» (*Лаури Л. Ненаписанные мемуары. Таллинн, 1990. С. 179*).
- 52 Вывод, который сделала Лидия Гинзбург из рассказа И.Н. Медведевой о том, как Б.В. Томашевский перепечатывал эти стихи для отправки в Москву и при этом, не спрашивая автора, исправлял особенно грубые языковые и стиховые погрешности, — «Когда поэты говорят то, чего не думают, — они говорят не своим языком» (*Гинзбург Л. Человек. С. 337*), — конечно, верен, но следует заметить, что такого рода ошибки встречаются и в иных ахматовских автографах. Подробней об истории цикла «Слава миру» и одноименного несостоявшегося сборника см. комментарии М.М. Кралина: *Двухтомник*. Т. 2. С. 326–333.
- 53 РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед.хр. 151. Л. 26; частично: *Летопись*. С. 447. Ср. вышесказанное в предисловии о пигмеях — вот и

А.И. Палладин нашел свое место в нашем повествовании. Ср. о нем: «Остался замечательный памятник. Книга “Поэты мира в борьбе за мир”. Это энциклопедия переводческой халтуры и беззастенчивости. Я там тоже представлен. Создавал книгу Александр Иванович Палладин, довольно представительный человек еще нестарого возраста. Такие люди неизвестного происхождения часто тогда появлялись на горизонте издательского дела. И, на чем-то проворовавшись, вдруг исчезали. Исчезали беззвучно и бесследно, как и Александр Иванович Палладин, издатель-Чичиков, какой-то чин иностранной комиссии Союза писателей. Этот тоже проворовался, и какие-то чешские или югославские гарнитуры срочно были вывезены из коридоров иностранной комиссии. Александр Иванович ожидал квартиры и мебель покуда держал в учреждении, где албанские и болгарские делегации, а то и сам Говард Фаст с недоумением плутали между ящиками, откуда порой интимно высвечивал уголок серванта» (*Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995. С. 298–299). Палладин включил в свою антологию стихотворение «Прошло пять лет, и залечила раны...» и сопроводил растерянно-лаконичной туманной справкой, отражавшей неясность окончательного статуса свеженоевоиспеченного члена Союза: «Ахматова Анна Андреевна родилась в 1888 году<sic!>. Первый сборник ее стихов вышел в 1912 году. Автор нескольких сборников стихов» (Поэты мира в борьбе за мир. М., 1951. С. 39; подписано к печати 28 марта 1951 года). Путаница с годом рождения продолжалась на протяжении всей жизни Ахматовой. См., например: «выходит, что и А. Ахматова оказывается моложе на 5 лет, так как указан 1893 год рождения (нужно 1888). Кстати, в Большой советской энциклопедии год рождения Ахматовой — 1895» (*Мацуев Н.* «Посмотрите в энциклопедию» // *ЛГ.* 1934. 6 июня).

- 54 *Глекин Г.* Встречи с Анной Ахматовой (ГЛМ). О биофизике Георгии Васильевиче Глёкине (1915–1998) см. очерк его дочери Н.Г. Гончаровой: *Глёкин Г.* С. 11–43.
- 55 Сергей Сергеевич Прокофьев (1891–1953) — автор пяти романсов на стихи Ахматовой (1916), после августа 1946 года и до смерти композитора не исполнявшихся. Ср. свидетельство современника (показания которого, по нашему впечатлению, всегда нуждаются в дополнительной проверке): «Однажды я присутствовал при разговоре композитора Сергея Прокофьева с одной певицей. Это было в Москве в 1949 году.

— Мне сказали, что вы положили на музыку стихи Ахматовой, — спросила певица у Прокофьева, — верно ли это?

— Как же я мог положить прекрасные стихи Ахматовой на музыку, когда ее поэзия сама музыка, — ответил композитор, — я только перенес звучание ее стихов на нотную бумагу, а музыку сочинила она сама, внимательнее прочитайте ее стихи, и вы это почувствуете.

<...> На вопрос, можно ли купить эти ноты, композитор ответил с некоторым оттенком иронии:

— В 1916 году их можно было легко купить» (*Гольдштейн М.* Новые песни композитора Мишеля Мишеле на слова Анны Ахматовой // *РМ.* 1969. 30 октября). Впрочем, в описываемое мемуаристом время и сам Прокофьев был подвергнут критике в постановлении ЦК о музыке 1948 года, охотно принятой советской общественностью — см., например:

«Но есть и другая музыка, о которой говорит Сальери у Пушкина.

Музыку я разъял как труп...

И эта дикая, раздражающая музыка, напоминающая ту кагофонию, которая раздается в оркестре в то время, когда музыканты настраивают инструменты, выдается за нечто новое, оригинальное. Если какой-нибудь скромный ценитель музыки осмеливался признаться в том, что он не понимает произведений Шостаковича или Прокофьева и других, что их музыка не доставляет ему никакой радости, — его грубо обзывали невеждой, а критики в экстазе славословили очередной опус, терзающий уши беззащитных слушателей.

...Повеяло свежим ветром! Это почувствовали все, кто любит музыку, песню, кто по-настоящему ценит наше великое музыкальное искусство» (*Никулин Л.* Свежий ветер. // *ЛГ.* 1948. 18 февраля). О С.С. Прокофьеве и Ахматовой см. нашу справку: *Пути искусства.* С. 442–447.

- 56 За недостатком места нет, к сожалению, возможности продемонстрировать, как встретило этот день большинство персонажей ЗК. Ср. только стихи и прозу некоторых: «Жжет сердца последний бюллетень» (*Алигер М.* Коммунистам // *ЛГ.* 1953. 14 марта). «Впервые плачет девочка моя...» (*Долматовский Е.* В Колонном зале // *Огонек.* 1953. № 11. С. 12). «Как мы читали бюллетени, / Надеждой общемо томясь» (*Дуговской В.* Дыханье Сталина во всем // *Огонек.* 1953. № 11. С. 9). «Когда Вождя соратники внесли...» (*Маршак С.* Пять минут // *Огонек.* 1953. № 11.

С. 17). «Нет с нами того, чей зоркий отеческий взгляд видел в работе каждого из нас <sic!>, поддерживал смелых, вливал силу и бодрость в слабых» (*Шагинян М.* Всегда с нами // Крестьянка. 1953. № 3. С. 4). В почетном карауле у гроба в Колонном зале Дома Союзов стояли лауреаты Сталинской премии И.Г. Эренбург, К.А. Федин, Н.С. Тихонов, Л.М. Леонов. Александр Твардовский написал стихи про то, что «лежат они рядом»: «Неподвижны навек / Их не знавшие устали руки... / Снова вместе они, / Да они и не знали разлуки. / Ленин-вождь опочил, / Сталин нес его знамя...» (*Твардовский А.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. М., 1954. С. 390). Тарковский откликнулся через несколько недель: «Миновала неделя немислимой этой разлуки. / Трудно сердцу сыновнему сердце его пережить, / Трудно этим рукам пережить его сильные руки / И свое повседневное малое дело вершить...». Пастернак писал Варламу Шаламову: «Вчера утром вдали за березами пронесли свернутые знамена с черною каймою, я понял, что случилось. Тихо кругом. Все слова наполнились до краев значением, истиной. И тихо в лесу» (*Пастернак Б.* Т. IX. С. 721). Юрий Герман бегал по своему кабинету и кричал: «Сдох, сдох, хуже не будет...» (*Зезина М.Р.* С. 120). Переводчик с французского з/к Михаил Кудинов сказал сокамернику: «Андрюха, Ус подышает! Вроде бы уже совсем. Слушай завтра музыку, по ней все ясно будет» (*Трубецкой А.* Пути неисповедимы. (Воспоминания 1939–1955 гг.) М., 1997. С. 351). 4 марта 1953 года ссыльная Елена Тагер написала: «И он умирает, как всякий другой, / Часы прозвонили: “Сегодня!” / Он будет лежать — простертый, нагой, / Суда ожидая Господня. / Его гениальность растает, как дым, / Под взором иных поколений — / И страшным парадом пройдут перед ним / Друзей оклеветанных тени» (*Искусство Ленинграда.* 1991. № 5. С. 64). Георгий Иванов — спустя несколько дней: «А перед ним в почетном карауле / стоят народа меньшие “отцы”, / те, что страну в бараний рог согнули, — / еще вожди, но тоже мертвецы. / Какие отвратительные рожи, / кривые рты, нескладные тела. / Вот Молотов, вот Берия — похожи / на вурдалака, ждущего кола». Лев Николаевич Гумилев рассказывал: «Я был тогда придурком, работал в библиотеке и урывками писал свою книгу “Хунну”. Кто-то вошел и сказал, что умер Сталин. Я был очень увлечен и махнул рукой: идите скорбите, идите скорбите...» (*Панченко А.* «...Настоящий двадцатый век» // *Зв.* 1994. № 4. С. 175). Н.Н. Пунин «не вернулся из последнего лагеря, где он скончался в августе пятьдесят третьего года. Он

часто говорил: “Дожить бы до смерти Сталина”. Мечта его сбылась. Дожил» (*Пунина И.* Под кровлей Фонтанного Дома // *Попова Н., Рубинчик О.* Анна Ахматова и Фонтанный Дом. СПб., 2000. С. 146).

А за год до того в магазине «Кулинария» знакомая Ахматовой, М.В. Вахтерова, жена античника Ф.А. Петровского, «вошла, поздоровалась, как всегда, и сказала:

— Три порции джугашвили, пожалуйста.

Продавщица невозмутимо упаковала три порции чахохбили» (*Ант С.* Классическая филология // *Иностранная литература.* 2005. № 1. С. 274; об отношениях Ахматовой с супругами Петровскими см.: *Баженов М.* «Милым Петровским...» // *ЛР.* 1987. 20 марта).

- 57 Ср.: «...недавний пример — разоблачение группы врачей-шпионов, агентов сионистского “Джойнта”, американской и английских разведок. Нас всех это волнует, мы все возмущены поистине античеловеческой звериной деятельностью этих убийц в белых халатах. Но спрашивается: каким поэтом уже напечатаны в газетах стихи о разоблачении этих убийц? Почему наше омерзение, презрение, ненависть еще не выражены в гневных, бичующих врага и призывающих к бдительности стихах?» (*Симонов К.* Об основных проблемах изучения В.В. Маяковского // *ЛГ.* 1953. 3 февраля). В эти дни Михаил Луконин сказал вполголоса А. Межирову: «Один врач может быть отравителем, если он душевнобольной. Два — никогда...» (*У* времени в плену / *Ольбик А.* Интервью с А. Межировым // *Юрмала.* Городская газета. 1990. 13 сентября).

- 58 *Кук Р.Д.* Встреча с писателями / Пер. К. Степаняна // *Зн.* 1994. № 12. С. 161. Ср.: «Однажды в начале 50-х годов во время визита к [Г.А.] Шенгели <...> я <...> увидел, что у него в столовой сидит седая полная женщина. Ее нос отличала характерная горбинка. — Ваша гостыя случаем не сельская учительница? — протодушно спросил я.

— Нет, — ответил хозяин квартиры. — Это Анна Андреевна Ахматова.

Позднее он рассказал мне, что сказал ей, какая ассоциация возникла у меня, когда я впервые увидел ее, и она рассмеялась, найдя, что теперь она действительно стала похожа на учительницу...» (*Черевко К.Е.* Первый планерист в русской поэзии // *Экслибрис* НГ. 2004. 22 апреля); О взаимоотношениях Ахматовой с Г.Шенгели см. наши справки: *Эткиндовские чтения.*

С. 266–272; *Стих, язык, поэзия*. С. 625–637, 639; *Как в прошедшем грядущее зреет*. С. 322–330; ср. впечатление скульптора В. Астапова в 1963 году, который «поразился необыкновенным, нерусским ее обликом» (ОАА. С. 400).

- 59 В 1962 году М.И. Будыко записывал: «До сих пор А. А. хочется курить — последнюю папиросу она курила 22 [мая] 1951 года, в день первого инфаркта, когда уже пришли врачи, хотя курила она уже с трудом» (ОАА. С. 479); ср. ее слова в 1963 году: «У меня был инфаркт три раза. Первый раз в 1951 году. Довольно тяжелый — передняя и задняя стенка, одновременно» (*Латманизов М. С.* 68).

- 60 К одной из линий разработки относился вопрос следователя К. О.В. Ивинской в октябре 1949 года: «Что вам известно о сговоре Пастернака с Ахматовой? Ведь вы видели их вместе, слышали их обмен высказываниями?»

Ответ. Я видела Ахматову два раза, первый раз на чтении у Ардовых. Пастернак читал куски из своего нового романа. Был общий разговор и общее чаепитие.

Вопрос. Кто присутствовал при этом так называемом “чаепитии”?

Ответ. Ардовы, Ахматова, Раневская, писатель Эрлих, кажется, А. Баталов.

Вопрос. Какими высказываниями обменивались Пастернак и Ахматова?

Ответ. Я уже сказала, был общий разговор. Высказывались мнения о прочитанном романе. Кажется, Ахматова говорила, что проза не может быть такой подробной, должна быть конспективной. Помню, она отрицательно отозвалась о прозе Чехова. В общем, она высказывалась критически по некоторым пунктам. Кроме того, Ахматова была в тот период без работы. Пастернак ей устраивал переводы в Гослитиздате. И когда он пришел, он сразу сказал, что договорился о том, чтобы ей дали переводить азербайджанских поэтов. Она очень обрадовалась, она хотела работать, приносить пользу. Второй раз я видела Ахматову несколько минут, когда заходила к ней за книгами, которые она мне подарила и написала» (*Емельянова И.* Легенды Потаповского переулка. М., 1997. С. 42–43). «Писатель Эрлих» — речь идет о Н.Р. Эрдмане. Ср. воспоминания его жены об этом чтении, где она увидела «сидящую в кресле женщину с выпавшим передним зубом, одетую в какую-то черную хламиду. Но это сидела королева, величественная и прекрасная, —

все детали отошли на задний план и я уже больше ничего не замечала, кроме прекрасного голоса и духовной красоты. Все горести, а их у нее было больше чем достаточно, она переносила мужественно. Говорила только об искусстве» (*Эрдман Н.* Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990. С. 348). Об Ахматовой на этом чтении, сказавшей: «Мне очень нравится, в особенности описания природы», см.: *Прохорова В.* Четыре друга на фоне столетия. М., 2012. С. 179–180.

Изъяты у О.В. Ивинской и уничтожены «Поэма без героя», «Четки» и «Белая стая» с надписью «Дорогой Ольге Всеволодовне».

- 61 Б.Л. Пастернак сообщал жене 24 июня 1948 года, что достал Ахматовой пособие в 3000 рублей в Литфонде: «...надо было ей написать заявление, отказывается. В ЦК и в Союзе разрешили издательствам дать ей переводную работу. Я позвонил Головенченко. Скучающий, высокомерный тон: “А? Ахматова? Да, говорили. Надо будет выяснить, умеет ли она переводить”» (Письма Б.Л. Пастернака к жене З.Н. Нейгауз-Пастернак. М., 1993. С. 164. Федор Михайлович Головенченко (1899–1963) — литературовед, директор Гослитиздата).
- 62 Незадолго до смерти Сталина ее имя появилось в критике впервые с августа 1946 года не в связи с постановлением: «Широко известное в Осетии произведение Коста “Кто ты?” потеряло много поэтических красок, самобытности и просто смысла в переводе А. Ахматовой. “Как только подрос я, — смело я шел (в жизнь)... То с песней, то с пляской по сборищам (в народ) я ходил...” — сказано у Коста. А. Ахматова переводит: “И так подрастал я / В беспечности сам, / То с песней, то с пляской / Бродя по пирам”. Далее у Коста в том же стихотворении говорится: “Дай пастуху бурку, овчинную папаху, кусок хлеба — не тяжела тогда (будет) его работа”. А вот эта строфа у Ахматовой: “В облезлой папаче / И в бурке бродил, / Но досыта хлеба! / И я не тужил”. Список подобных переводческих огрехов можно было бы, к сожалению, продолжить» (*Джатиев Т.* Сочинения Коста Хетагурова // *ЛГ.* 1953. 17 февраля). Ср. письмо к Д.Е. Максимо-ву 1963 года: «Я оконч<ательно> убедилась, что для поэта переводы дело гибельное. Творческая энергия утекает и образуется то удушье, с которым совершенно нельзя бороться» (С. 275).
- 63 Ср.: «Ее цикл о Сталине вообще не имеет отношения ни к ее внутренней жизни, ни к творчеству. Это только инстинктивное

- движение материнской руки, пытающейся отвести от сына уже наведенный на него пистолет, голая версификация, кость, брошенная зверю. Этот факт ее биографии, вынужденный внешними и чуждыми ей обстоятельствами, не имел в ее внутренней жизни ни генезиса, ни развития, и только еще раз свидетельствует о характере этих обстоятельств. О ней он говорит только то, что и без того широко известно — ей временами приходилось очень туго» (*Коржавин Н.* Опыт сороковых // По прихоти судьбы...: альманах/ Сост. С. Блох, В. Ройтман. М., 2006. С. 301).
- 64 См.: *Сидельников В.* Против извращения и низкопоклонства в советской фольклористике // *ЛГ.* 1947. 29 июня; *Fiske, John C.* The Soviet Controversy over Pushkin and Washington Irving // *Comparative Literature.* Vol. 7. № 1 (Winter, 1955). P. 25–31.
- 65 *Семьицина Н.* Долгая память поэта // *Грани.* 2011. № 237. С. 171.
- 66 И, кстати, об этом. В справке МГБ, легшей перед Ждановым накануне его выступления, говорилось: «Известно, что Ахматова в годы Отечественной войны получала из-за границы несколько продовольственных посылок от какой-то Еврейской (или Еврейско-Американской) ассоциации помощи (данные не проверены). По словам Ахматовой, она не имеет понятия об инициаторах этой помощи». Сильвия Гитович вспоминала, что ездила с Ахматовой на почтамт в 1946 году, посылка оказалась от «Джойнта» (American Jewish Joint Distribution Committee, Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов): грязно-рыжее солдатское одеяло, два куска хозяйственного мыла, килограмм сахара и два килограмма галет; Ахматова боялась, что это провокация, возмущалась, что ее считают нищей попрошайкой (*Memento vivere.* С. 534) Ср. запись о разговоре 11 апреля 1948 года: «До знаменитого августовского постановления ЦК А.А. получала из Америки через Еврейское общество по две посылки в год, неизвестно от кого, вполне анонимно. После постановления посылки прекратились. Очевидно, запретили. Какова злоба и мелочность» (*Шпорина Л.В.* С. 88).
- 67 *Сверский Г.* Заложники. Париж, 1974. С. 429.
- 68 *Лебедев М.Н.* О потаенной поэзии в СССР // Южный Крест (Буэнос-Айрес). 1951. № 1. С. 72.
- 69 Годы одиночества (1946–1953) минимально документированы; к числу немногих литературных контактов можно отнести, например, приходы Сергея Антонова: «Читал свои стихи. Но я ему напроорочила прозу» (*Ратгауз Г.С.* 156); см. подробнее:

- Пакшина Н.П., Позднякова Т.С.* С. 97. Проза Сергея Петровича Антонова (1915–1995) пользовалась тогда успехом у ленинградских знатоков — ср. запись 1950 года: «Я приревновал его к литературе, не мог уснуть. Он говорит, что болячки у девочки на колене были похожи на изюм» (*Шварц Е.* Живу беспокойно... Из дневников. С. 66).
- 70 *Перл Н.* Закон сохранения. СПб., 1994. С. 82. Коль скоро речь зашла о ленинградской молодежи, нельзя не упомянуть о противоположном примере: в университетском кружке «Искатели правды» в 1948 году, согласно доносу, «говорили о том, что Ахматова была неправильно подвергнута критике» (*Зубкова Е.* Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С. 145).
- 71 *Терапиано Ю.* По буквам советской энциклопедии // *НРС*. 1955. 5 декабря; о Ю.К.Терапиано (1892–1985) см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 752–753. Ахматову лучше было не упоминать и три года спустя — см., например, рецензию П.С. Выходцева на ленинградский сборник «День поэта» (*Зв.* 1957. № 3). И семь лет спустя в списках советских поэтов, составленных В. Друзиным (Нева. 1961. № 5), ее нет ни среди поэтов, свободных от декадентских влияний (Н. Асеев, М. Светлов. С. Смирнов, А. Коваленков, В. Кулемин, М. Алигер, Н. Анциферов, А. Межиров. С. Поделков), ни среди декадентствующих (С. Кирсанов, Е. Евтушенко, Ю. Панкратов, В. Боков. С. Евсеева, Д. Самойлов, Ю. Левитанский, Э. Котляр). Ср. отклик на эту статью: *Forgues, Pierre.* The Young Poets // *Survey*. 1963. № 46. P. 33.
- 72 Вроде бы писателя Радия Петровича Погодина (1925–1993) посадили на два года за то, что он сказал, что Жданова через 20 лет забудут, а Ахматова и Зощенко как были великими русскими писателями, так ими и останутся.
- 73 *Бабеньшева С.* Черные дни сорок девятого года // Страна и мир. 1989. № 5. С. 182). Речь идет о преподавателе Ростовского пединститута Анатолии Михайловне Линине (1901–1938), о котором когда-то Г.Е. Горбачев сообщал: «ученик Вячеслава Иванова и Багрия, повинный в формалистических ошибках и недавно публично каявшийся» (РГАЛИ. Ф. 1392. Оп. 1. Ед.хр. 97. Л. 55).

Сорок лет спустя, в годы ускорения и перестройки, Анатолию Владимировичу Софронову (1911–1990) его прошлое виделось иначе: «Я же хочу сказать, что при всей моей тогдашней

ортодоксальности, да, наверное, и не только моей, Ахматову всегда высоко ставил как поэта, как личность. И многие были тогда угнетены тем, как обошлись с ней и с Зощенко» (*Софронов А. Жизнь человека неотрывна от своего времени // Журналист. 1988. № 10. С. 31*). В сборнике «Слава миру» уже после восстановления Ахматовой в Союзе писателей предлагал снять «Щели в саду вырыты...», фрагмент из Эпилога «Поэмы без героя», «Наступление», «Городу Пушкина», «А вы, мои друзья...», «Победителям», «Памяти друга» (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед.хр. 151. Л. 28).

Ср. дошедший до Ахматовой рассказ о том, что, известный, по слову Ю.Г.Оксмана, как «инициатор гибели в тюрьмах и лагерях многих молодых и старых писателей» (Русская литература. 2005. № 4. С. 162) Анатолий Софронов относится к ней «молитвенно» (ЛЧ2. С. 424). Ср. также письмо Натальи Ильиной от 15 августа 1963 года: «А на душе, вообще говоря, невесело <...> и еще из-за того, что в “Литгазете” вчера появилось стихотворение А. Софронова, где рифмуется “ООН-окон” (!!) и где не только ни складу, ни ладу, но беспомощно-малограмотно. Как-то даже вызывающе неграмотно. И у меня такое чувство, будто всем читателям, и мне в том числе, плюнули в физиономию. Но никто моего ужаса не разделяет, все говорят, что я наивна и глупа, и все это так и нужно. “Он, дескать, всегда так пишет”. “Но зачем же такое печатать?” “А!” — говорят в ответ. И всё» (№ 835).

- 74 *Носенко А.* Клеветнические писания безродного космополита Гельфандбейна // Правда Украины. 1949. 3 марта. Григорий Михайлович Гельфандбейн (1908–1993) — харьковский критик, встречался с Ахматовой в Ташкенте.
- 75 За большевистскую идейность! // ЛГ. 1946. 7 сентября) — ср. инкриминируемое место: «Замечательной чертой советского искусства является то, что даже в самые напряженные дни войны оно обнаружило в своей тематике и широту, и разнообразие. <...> Разве не показательно, что в самые трудные часы войны, когда немцы стояли под Москвой, К. Симонов мог публиковать в “Новом мире” свой лирический цикл “С тобой и без тебя”, что в 1943 году появилась книга лирических стихов Ахматовой, сборник стихов Пастернака “На ранних поездах”, что в дни войны советской критикой высоко оценивалась проза Пришвина» (*Лейтес А. Советская литература в зарубежных откликах 1945 года // Зн. 1946. № 7. С. 158*).

Ср. заметку Александра Михайловича Лейтеса (1899–1976), написанную к приезду Ахматовой в Харьков: «“Как в зажившее ухо втиснуть им тихое слово?” — спрашивает со внезапной искренностью буйный поэт буйных дней — Маяковский, — тот, кого — с легкой руки Чуковского — любят противопоставлять тишайшей Анне Ахматовой. Искусство тихого слова — трудное и неблагодарное искусство — как прекрасно поняла это Ахматова. “Десять лет замираний и криков, все мои бессонные ночи я вложила в тихое слово, — и сказала его напрасно”. Но почему напрасно? Разве тихое слово “Четок” и “Белой стаи” не прогремело на всю Россию? Разве “у костра ее мученической любви” — по слову Эренбурга — не грелись тысячи барышень и небарышень, мечтающих о “настоящей тихой нежности, которую ни с чем не спутаешь”? Почему же Ахматова жалуется на свою “бесславную славу”? Разве ее талант не признан всеми — от фатовых салонных болтунов до величайшего литературного критика нашей словесности — Льва Троцкого? “Я по ошибке режиссера на пять столетий опоздал”, — писал когда-то известный русский поэт. На целое столетие опоздала Анна Ахматова. Вот где причина ее “бесславной славы”. Умом она великолепно охватывает современную эпоху, и умом она состарилась. “Мы на сто лет состарились, и это тогда случилось в час один”. Но строй ее чувств и жизнь ее настроений — в прошлой эпохе. “Течет река неспешно по долине, многооконный на пригорке дом, — и мы живем, как при Екатерине”. Душою она живет, “как при Екатерине”. Ее великий талант — достойный нашей эпохи — не для этой эпохи приспособлен. Александр Блок — тот, кого она так хорошо чувствовала — покинул “соловьиный сад” своей поэзии, когда услышал за оградой стук новых времен. Но Анна Ахматова — женщина. Ахматова никак не может оставить свой уютный “чудесный сад, где шелест трав, где восклицанья муз”. Ахматова никогда не захочет срубить вишневый сад своей поэзии.

И тихое слово усталой женщины продолжает звучать, чуть трогательным, чуть смешным анахронизмом в наши великие и значительные неахматовские дни» (*Лейтес А.* Тихое слово Анны Ахматовой // Театральная газета (Харьков). 1924. 22–29 апреля; «Я по ошибке...» — стихи И.Эренбурга).

- 76 *Козловская Г.* Встречи с Ахматовой // *Арион*. 1997. № 4. С. 92–93; *Олесь Семенович Чишко* (1895–1976) — автор оперы «Броненосец Потемкин» по либретто С.Д. Спасского. Об Алексее

Федоровиче Козловском (1905–1977) см. нашу справку: *Venok*. Р. 332–335.

- 77 *Розанов И.Н.* Дневник // НИОР РГБ. Ф. 653. К. 5. № 7. Л. 177об. В книге, ответственным редактором которой был Н.Л. Степанов и которая отличается сравнительной свободой тона и тематики в преддверии ждановского постановления, преступное место выглядит так: «Певец “Прекрасной дамы” изредка бывал в Царском селе. <...> А. Блок здесь почувствовал самое ценное: близость Пушкина. Но его муза никак, однако, не откликнулась на эти пушкинские места. Продолжателем царскосельской традиции Анненского была Анна Ахматова.

<...> В своем последнем стихотворении “Возвращение”, посвященном городу Пушкина, Анна Ахматова писала:

...царскосельский воздух

Был создан, чтобы песни повторять.

Сарский холм действительно стал Парнасом русской поэзии, и поэтесса с полным правом могла сказать:

Здесь столько лир повешено на ветки,

Но и моей как будто место есть»

(*Анциферов Н.П.* Пригороды Ленинграда: Города Пушкин, Павловск, Петродворец. М., 1946. С. 65–67). О Николае Леонидовиче Степанове (1902–1972) см. нашу справку: *From Medieval Russian Culture to Modernism*. Р. 303–311.

- 78 Протокол закрытого партсобрания Союза писателей (*Далос — Бремен*).
- 79 *Левин Ф.* Порочная методология. Об учебнике литературы для 10 класса Л.И.Тимофеева // *ЛГ*. 1946. 19 октября; *Потапов К.* Серьезные пороки учебника советской литературы // *Правда*. 1946. 6 октября.
- 80 *Шинский А.* В погоне за слезой // *Вечерняя Москва*. 1946. 24 сентября.
- 81 Протокол закрытого партсобрания Союза писателей (*ЦАОДМ; Далос — Бремен*).
- 82 *Рогачевский А.* Порочный стиль работы Дома офицера // *Красная звезда*. 1946. 3 октября; в апреле 1946 года во время поездки бригады ленинградских поэтов в Москву Ахматова участвовала в нескольких выступлениях бригады. 9 апреля Пастернак писал Рюрику Ивневу: «Здесь Ахматова и много выступает в общих сборных вечерах, к которым привлекли и меня, и я очень устал» (ГЛМ. Ф. 372. Оп. 1. № 340). Один из вечеров — в Клубе писателей — описан в дневнике И.Н. Розанова: «Народу

тьма. Я не узнал сразу Ахматову, когда она вошла. Показалась мне выше и шире, чем была. За председательский стол села. Остальные ленинградские поэты разместились сзади. Два лица незнакомых. Ахматову встретили аплодисментами, так что она не сразу могла сесть. Антокольский открыл заседание широко-вещательно. “В нашей жизни это второй праздник. Первый был праздник победы”. Выступали в таком порядке. 1. Дудин (Ахматова аплодировала). 2. Вс. Рождественский (Ахматова не аплодировала). 3. Ник. Браун (Ахматова хлопала чуть-чуть). 4. Ольга Берггольц (Ахматова аплодировала не менее, чем Дудину). 5. Прокофьев. 6. Ахматова (которой публика аплодировала стоя, а потом сидя). Просили прочесть еще. Пастернак, который сидел за ней, заявил, что “вечер не кончился”. Но Ахматова отрицательно отнеслась к просьбам, по-видимому, ссылаясь на усталость. Она одна читала с места, пред ней лежали бумаги in folio. Остальные читали с кафедры. У Дудина мне понравились многие образы и выражения, но в целом длинновато. Поэт, как я потом сказал Дмитрию Цензору, увлекается своим умением писать стихи. Н. Браун понравился мне больше, чем я ожидал — о сказках <?> простые и искренние стихи. Рождественский, которого потом очень хвалил [Н.М.] Любимов, не произвел впечатления. Берггольц понравилась многим, между прочим, Тоне, но мне показалось, что здесь жизнь, еще не претворенная в высокое искусство. Тронуть могут и газетные сообщения, и дневники. Прокофьев выделялся своеобразием и манерой, читал стихи — стихи под лубок, как сказал кто-то. Но он сделал ошибку, прочитав под конец 10 стих<отворений> о белянке. Они хуже других, и их надо было прочесть раньше. У Ахматовой мне больше всего понравилось очень женское стихотворение “Не потому”. Когда публика убедилась, что Ахматова больше читать не будет, стали раздаваться голоса, чтобы выступил Тихонов, он тоже отказался. Анток<ольский> заявил: “Вечер окончен”. Публика повалила к Ахматовой, к<отор>ая милостиво стала беседовать с некоторыми, напр<имер>, Петровых. Я дал ей свою книжку “Русские песни XIX в.” с надписью “Лучшей из русских поэтесс Анне Ахматовой”, но м<ожет> б<ыть> это ей показалось мало. Юр. Верховский потом сказал мне: “Сологуб считал, что раньше у нас были поэтессы, а она первый поэт”. Я хотел, чтобы она написала мне книгу “Четки”, которую принес, но даже и не вынул ее из портфеля. В общем, она показалась мне похожей на императрицу Екатерину II, она

уходила в сознании своего величия» (НИ ОР РГБ. Ф. 653. К. 5. № 7. Л. 65–67); 6 апреля: «Вечером у меня Крупянская.<...> Рассказала о вечере ленинградских и московских поэтов 4-го в клубе МГУ. Пастернак имел колоссальный успех, а Ахматову встречали лучше, когда она вышла, но после стихов сдержаннее. <...> Звягинцева о вечере поэтов 3-его в Колонном зале. Колосальный успех Пастернака (опять больше Ахматовой)» (Там же. Л. 69); 7 апреля: «Ахматова читала свои стихи в комнате № 8 — переполненной до отказа. Читала выразительно, и другие стихи, чем в прошлый вторник. Хорошо улыбалась. Мне понравилась «Юность», стихи о том, что не будет ахматовской улицы и другие» (Там же. Л. 71об; о встречах И.Н. Розанова с Ахматовой см. нашу справку: *Крымский Ахматовский*, 11. С. 153–155; «Не потому» — «Не оттого, что зеркало разбилось»; «не будет ахматовской улицы» — «И увидел месяц лукавый...»). Ср. также: «И в начале апреля 1946 года в Колонном зале на вечере ленинградских и московских поэтов, где была Ахматова, первенствовала не она, а Пастернак. Он читал стихи о Марине Цветаевой, и ему долго и мощно аплодировали. Держался он удивительно свободно, словно был не в державном зале, а у себя дома, по-детски смеялся не слишком смешным басням Михалкова и выглядел молодо, куда моложе, чем на фотографии с Ахматовой, снятой тогда же» (Корнилов В. С. 254–255).

- 83 В рассказе Ю. Трифонова «Недолгое пребывание в камере пыток» (Зн. 1986. № 12) есть сцена комсомольского собрания в 1951 году и выступления «Н.»: «...вот, что я говорил когда-то об Ахматовой. Это было давно, но тем хуже для меня. Значит, уже тогда я недопонимал». См.: Шитов А. Юрий Трифонов. Хроника жизни и творчества. 1925–1981. Екатеринбург, 1997. С. 231. О стиховой инвективе И. Кобзева в адрес Ахматовой см.: Турков А. Что было на веку... М., 2009. С. 55.
- 84 *Бабенышева С.* Стихи Людмилы Татьяничевой // Октябрь. 1946. № 10–11. С. 188). Михаил Давыдович Львов (наст. имя — Рафкат Даветшович Маликов-Габитов; 1917–1988) надписал свою книгу «Живу в двадцатом веке»: «Анне Андреевне Ахматовой с глубоким уважением и преклонением. М. Львов. 23. IV. 58 г. Москва» (Из личной библиотеки. С. 33); Тихон Васильевич Тюричев (1912–1977) — тоже поэт; ср. в выступлении А. Караваевой: «Никто не обратил внимание на звучавшие в [стихах Л. Татьяничевой] вредные ахматовские мотивы» (Большеви́ст-

ская идейность — основа советской литературы. На общесоветском собрании писателей // ЛГ. 1946. 21 сентября). Людмила Константиновна Татьяничева (1915–1980) надписала свою книгу «День погожий»: «Дорогому для меня поэту Анне Андреевне Ахматовой сердечно. 6–2-64 г. Челябинск» (МАА).

85 Воспоминания о Елизавете Стюарт. Новосибирск, 1988. С. 216.

86 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. № 782. Л. 80, 82. Впрочем, о б. комсомольском поэте Александре Алексеевиче Жарове (1904–1984) в письме 1965 года вспоминала читательница из Иркутска Г.С. Белявская — о том, как перед войной в школе на Арбате после вечера Жарова школьницы попросили его рассказать об Ахматовой: «Его удивило и тронуло, что мы, т.е. тогда еще девочки, знаем и любим Вас. Сам он большой поклонник Вашей поэзии. Он прочитал нам несколько Ваших произведений (я хорошо помню, что ему особенно нравилось четверостишие

Задыхаясь, я крикнула: “Шутка
все, что было. Уйдешь, я умру”.
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: “Не стой на ветру”.

И еще, я не помню всего, но начало

Мне от бабушки татарки
Были редкостью подарки.

Короче говоря, он в следующий раз завез нам и подарил шесть экземпляров Вашей книги “Четки” <sic!>— она тогда вышла очень маленьким тиражом и по его словам разошлась по работникам литературы и искусства» (№ 1115; при некоторой сомнительности обстоятельств допустим, что речь шла о сборнике «Из шести книг»).

87 На собрании комсомольского актива Москвы // ЛГ. 1946. 21 сентября. В докладе также отмечалось неблагополучие среди студентов Литинститута: «Очень развито некритическое восприятие поэзии Б. Пастернака, И. Сельвинского, преклонение перед ними». Вероника Михайловна Тушнова (1915–1965) надписала книгу «Дорога на Клухор»: «в знак благодарности и большой, давней любви. Вероника Тушнова. 10/VI-56» (*Из личной библиотеки*. С. 41). У нее нашли «надуманные переживания в духе салонной лирики Ахматовой» (*Семенова М. Повысить идейный уровень литературы для юношества и детей // Комсомольская правда*. 1949. 6 марта). Школьным преподавателем Тушновой в Казани был Б.Н. Скворцов (*Тушнова В. Дом мой — в сердце моем*. М., 2000. С. 15), некогда работавший над

- сочинением «Поэзия Анны Ахматовой» (Казанский библиофил. 1921. № 2. С. 195).
- 88 Выступление Анны Караваевой 17 октября 1946 года // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед.хр. 782. Л. 12–14. Следы чтения Ахматовой у начинавшей поэтессы отпечатались на ее поэтическом лице, например: «Что ты бродишь неприкаянный, на окно глядишь вприщур?» (Николаева Г. Стихи. М., 1984. С. 27). Галина Евгеньевна Николаева (Волянская; 1911–1963) — впоследствии благополучный прозаик; ср. эпиграмму Яна Сашина (Якова Александровича Левина; 1911–1954) на ее стихи, озаглавленную «Анна Ахматова (Из дневника)»: «Вот стихи про любовь, про Русь... / Все такое же, только хуже — / Я дисквалифицируюсь!» (НМ. 1945. № 10. С. 184).
- 89 Советская Латвия. 1946. 7 сентября.
- 90 Собрание писателей в Ташкенте // Заря Востока (Ташкент). 1946. 29 сентября; об Абдулле Каххаре см. в письме Н.И. Пушкинской к Н.Я. Мандельштам об общежитии писателей на улице Жуковской: «Там из узбекских писателей жил Абдулла Каххар — хороший прозаик, суровый поэт Тимур Фаттах и тихая добрая жена его Лютфи с глазами антилопы» (РГАЛИ); о дружбе Каххара с Ахматовой см.: *Бабаев Э.* С. 11; о Фаттахе см. запись Ахматовой: «Когда я прочла поэму Фаттаху, он сказал: “Я ваших дел не знаю, но стихи хорошие”»; поэтесса Светлана Александровна Сомова (1911–1989) оставила воспоминания об Ахматовой в Ташкенте; см. еще: *ЛЧЗ.* С. 43; ср. также: «Вера Звягинцева рассказывала мне, как сразу после постановления в одной из республик был организован “праздник поэзии”. Русских поэтов встречали на вокзале транспарантами с выдержками из постановления. На одном из транспарантов было начертано: “Долой соломенную поэтессу Анну Ахматову!”. Произошла подмена незнакомого слова “салонная” на понятное “соломенная”» (*Мкртчян Л.* Анна Ахматова. Жизнь и переводы. Егвард, 1992. С. 25).
- 91 *Либединская Л.* «Зеленая лампа» и многое другое. М., 2000. С. 262.
- 92 Кажалось, она и футуристов когда-то заражала «вопреки сопро­вождающих их декларациям»: «Вот, к примеру, стихи Николая Бурлюка из футуристического сборника “Требник троих” (1913 г.):

...Луч солнца, зыбкий и упругий,
Теплит запыленный порог,

Твой профиль, мальчик, слишком строг
 Для будущей твоей подруги...

- отчетливо перекликающиеся с Ахматовой» (*Мустангова Е.* Лирика Маяковского. Литературная учеба. 1935. № 5. С. 50).
- 93 *Павлович Н.* Рец. на кн.: Е. Шевелева. Лирика. Ростов на Дону // ЛО. 1941. № 4. С. 28–29.
- 94 *Малахов С.* Литературная молодежь Иваново-Вознесенского края // На литературном посту. 1926. № 4. С. 49. И не только комсомолку из провинции, но и столичного популярного тогда поэта — в предварительном тексте тыняновского «Промежутка» (1924) главка о нем соседствовала с ахматовской главкой: «Любовная лирика Казина, сводящая мир к “черному всполоху” “поманивших глаз”, к “тенистому смятенью искусительных... ресниц”, “к хищному восхищенью” “лучистой грудью” и “жаркой походкой”, — вся эта лирика, несмотря на очевидное формальное мастерство Казина, принципиально ничем не отличается от эротической лирики дворянско-буржуазной поэтессы Ахматовой» (*Малахов С.* Поэзия // Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. М., 1929. С. 89). Пролетарский поэт и критик Сергей Арсеньевич Малахов (1902–1973) вспоминался Ахматовой в 1960-е: «Ругань шла, как вода по водопроводу. Напр <имер>, Перцов, Малахов, Лелевич и др.» (С. 146–147). В примечании к статье «Ахматова и борьба с ней» о 1920–1930-х: «Пытаться найти какую-нибудь работу было бессмысленно, потому что после первой [же] статьи Перцова, Лелевича, Степанова (среди заглавий мне почему-то вспомнилось: “Лирика и контрреволюция” (!)) и т.д. всякая работа тут же бы рухнула» (С. 139) — имеется в виду статья Малахова «Лирика как орудие классовой борьбы (О крайних флангах и непролетарской поэзии Ленинграда)», в которой говорилось:
- «Можно обнаружить довольно легко в произведениях акмеистов после Октябрьской революции их прямое политическое отношение к ней, довольно откровенно сквозящее в целом ряде стихотворений. Достаточно вспомнить, например, гумилевского рабочего, занятого отливанием пули, “что меня с землею разлучит”, — классовое предвидение, сбывшееся с абсолютной точностью в 1921 году, когда был расстрелян пролетарской республикой Гумилев за участие в контрреволюционной организации. Не менее откровенные в своей классовой обнаженности строки можно найти в стихах Ахматовой после Октября:

Все расхищено, предано, продано...

На Малаховом кургане
Офицера расстреляли.
Без недели двадцать лет
Он глядел на божий свет.

Еще на западе земное солнце светит...»

(Зв. 1931. № 9. С. 160).

В разборе сочинений Г.Е. Горбачева Малахов критиковал утверждение последнего, что акмеисты замкнулись в искусственный мир и стараются не замечать, «что вот-де произошла революция». Малахов утверждал, что речь идет «не о замалчивании, а об активной борьбе с революцией, хотя бы и “абстрагированным от реальной пролетарской революции образом”. Горбачев даже не поднимается до понимания того, что сама эта “абстрагированность” есть лишь особая форма классовой борьбы, объясняемая конкретно-исторической постановкой классовых сил.

Приводя следующие строки Ахматовой:

Все расхищено, предано, продано...

или:

Еще на Западе земное солнце светит,
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж белая дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят...

Горбачев ограничивается глубокомысленным замечанием, что «ничего нового ни в сюжетах, ни в их разработках, кроме враждебной или пессимистической оценки современности», Анна Ахматова в них не дала. Из прямого смысла приведенной фразы ясно, что для Горбачева “новая” разработка сюжета важнее прямой классовой оценки писателем современности» (Зв. 1931. № 6. С. 191).

Он был один из авторов статьи в «Литературной энциклопедии»: «Ахматова — поэтесса дворянства, еще не получившего новых функций в капиталистическом обществе, но уже потерявшего старые, принесенные из общества феодального. О сложившейся веками дворянско-поместной культуре, в обстановке которого выросло творчество А., говорят чрезвычайно выразительным яз. многие из ее стихотворений. Это дворянские усадьбы с вековыми аллеями и парками, под сводами

к-рых белеют фигуры полуразрушенных статуй у каменных арок семейного склепа, куда приносят оранжерейные розы вымирающие потомки тех, чьи портреты застыли в парадных залах, сохраняя на пышных мундирах жалованные регалии российских императоров:

Течет река неспешно по долине <...>

Молебны служим, урожая ждем.

Необходимо отметить, что и в этом, и в других стихах характерны не только изображения поместной обстановки, но и глубоко им созвучное настроение самой поэтессы. Изображая город, А. с особой любовью останавливается все на тех же реликвиях дворянской культуры: Исаакиевский собор, Смольный, Петропавловская крепость, Царскосельский парк и Петергофские фонтаны, словом — дворянский Петербург — “пышный, гранитный город славы и беды”, — славы дворянского прошлого и беды его вырождающихся потомков. Естественно, что в этой обстановке, напоминающей о невозвратном прошлом, последыши дворянской культуры, лишенные всяких производственных связей с настоящим, уходят исключительно в узкую область интимнейших эротических переживаний. Почти все творчество А. представляет сконцентрированное переживание именно этих эмоций. Эротическое переживание является для творчества поэтессы той осью, вокруг к-рой вращается ее духовный мир.

Однако глубочайшее чувство обреченности, к-рое пронизывает социальное сознание вымирающей группы, проходит и через эту область, окрашивая ее в сумеречные тона предсмертной безнадежности. Эти настроения сочетаются с мистическими переживаниями, также характерными для классов нисходящих, создавая противоречивый на первый взгляд образ ахматовской героини “не то монахини, не то блудницы” (Б. Эйхенбаум *см.*), у к-рой “на шее мелких четок ряд” (а в другом месте: “все мы бражники здесь, блудницы”) и клятвы любовные перемешиваются с церковными закланиями:

Но клянусь тебе ангельским садом,

Чудотворной иконой клянусь

И ночей наших пламенных чадом.

Поэма “У самого моря”, по определению Г. Лелевича («На посту», № 2–3, 1923) — “не что иное как мистическая повесть об ожидании таинственного жениха”. Только в стихах, написанных А. после 1914, начинают звучать общественные мотивы, что

вполне естественно, ибо даже стекла дворянских особняков не могли не отозваться на раскаты войны 1914–1918 и Октябрьского переворота. Война 1914–1918 дает скорбным интонациям поэтессы историческую мотивировку, это — причитания над убитыми и пробуждение общественного сознания по линии национализма, смыкающегося с империализмом отечественной буржуазии. В дворянском заточении вновь просыпается мечта об “орлах Екатерины” (“Белая стая”, стр. 57), реющих над порабощенными народами, над проливами, ведущими к “святой Софии” (Anno Domini, стр. 145). Гражданская война также достаточно недвусмысленно заставила откликнуться поэтессу:

Еще на западе земное солнце светит
И кровли городов в его лучах блестят
А здесь уж белые дома крестами метит
И кличет воронов, и вороны летят

(Anno Domini, стр. 82)

“Все расхищено, предано, продано”, и дворянской поэтессе остается только печалиться о том, что “на Малаховом кургане офицера расстреляли” (Белая стая, стр. 72). Касаясь формально художественной оценки творчества А., следует сказать, что в ее лице мы имеем поэта с чрезвычайно сильным дарованием. В этом отчасти разгадка популярности А. в некоторых читательских кругах...» (М. и С. [Малахов С. и Совсун В.] // Литературная энциклопедия. Т. I. М., 1929. С. 280–282. Ср.: «Очень мило звучат критические статьи того времени. Напр <имер>: “[Лирика] и контрреволюция”. Можно еще заглянуть в тогдашнюю литературную энциклопедию (!?)» (С. 698). Пытливая молодежь увидела в этой статье источник ждановского доклада (Евтушенко Е. Волчий паспорт. М., 1998. С. 49).

Известной популярностью пользовалось его стихотворение “О партии и любимой» (Малахов С. Стихи. М. 1923. С. 20; ср.: Современный декламатор. / Под ред. Н. Омелянович и В. Пяста. Л.; М., 1926. С. 10), которое с (понятным, пожалуй) искажением цитировал О. Мандельштам: «Вместо юбки — третий том Бухарина» (Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем / Сост. А.Г. Мец. Т. 3. М., 2011. С. 237). О соответствующей строфе —

У нее на курчавых кольцах платок
Дразнится красным пятном.
У нее не юбок шуршащий шелк,
А Ульянова пятый том, —

отнесся Маяковский: «Дичь» (*Харджиев Н., Тренин В.* В мастерской стиха Маяковского. М., 1970. С. 304); ср.: «Выходит, что у комсомолки книжка Ленина, дорогого нам Ленина, вместо юбки какой-то, что ли?» (*Маяковский В.* Полн. собр. соч. в 13 т. Т. 13. М., 1961. С. 487).

В 1930-е Малахов был заключен в Ухтпечлаг. О нем как руководителе литобъединения в пединституте им. Герцена в 1960-е см.: «Ярый рапповец в двадцатые годы, во время закономерного заключения в пору репрессий он обратился к античной тематике и создал прекрасные по форме стихи (по-моему, до сих пор не опубликованы). Поэзию он знал превосходно и многому мог нас научить» (*Филиппов Г.* Постскрипtum // Новый журнал (СПб.). 1993. № 1. С. 171).

См.: Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / Сост. С.С. Виленский. М., 2005. С. 286–288.

- 95 *Молчанов И.* Сосед по столу. Неприятная поэма // Крокодил. 1946. № 28. С. 3). См. об Иване Никаноровиче Молчанове (1903–1984) стихотворение Маяковского «Письмо любимой Молчанова, брошенной им». Имя «Гофман» попало в амфибрахий из доклада Жданова, который пролистал ташкентский сборник 1943 года и заметил строчки «Совсем не тот таинственный художник, избородивший Гофмановы сны...» из сонета «Надпись на книжке “Подорожник”» (или это сделал ждановский референт). Это привело к верному, признаться, умозаключению о присутствии тени Э.Т.А. Гофмана в стихах Ахматовой (см. об Ахматовой и Гофмане: *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы. Избранные труды. СПб., 2003. С. 457–480), о чем 15 августа 1946 года было доложено ленинградском партактиву: «Лев Лунц пишет: “Еще один путь открывает нам пустынный Серапион”. А этого пустынного Серапиона изобразил Гофман. Их идеалом является рафинированный аристократ Гофман. Кстати, я должен сказать, что идеологом и “Серапионовых братьев” типа Зощенко и других, и идеологом Ахматовой является писатель Гофман, который писал насчет блох и всякого рода другие аристократические, снобистские вещи, насквозь проникнутые духом отщепенства и отчуждения от общества» (*Файман Г.* Юбилей // Независимая газета. 1996. 29 августа). В «сокращенной и обобщенной стенограмме» двух выступлений Жданова это место изложено не столь блестяще, что заставило И. Эренбурга высказать гиперкорректирующую гипотезу: «Одну ошибку Жданов все же успел исправить — до-

клад напечатали полтора месяца спустя. В напечатанном тексте есть такая фраза: “И у акмеистов и у ‘серапионовых братьев’ общим родоначальником являлся Гофман, один из основоположников аристократически-салонного декадентства и мистицизма”. В своем выступлении Жданов принял за одно лицо знаменитого немецкого романтика Эрнста Теодора Амадея Гофмана, которого любил Маркс и который скончался в 1822 году, и мало кому известного эпигона Бальмонта, русского поэта Виктора Гофмана, родившегося в 18[8]4 году» (*Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 3. М., 1990. С. 34*). Об Э.Т.А. Гофмане см. нашу справку: *Крымский Ахматовский*, 8. С. 44–49, а о Викторе Гофмане: *Некалендарный XX век. С. 333–337*.

- 96 Критик Даниил Семенович Данин (Плотке; 1914–2000) совсем отмолчаться не мог: «На исходе гражданской войны, когда наша революция уже утвердила с триумфом все свои права, реакционно настроенный акмеист Осип Мандельштам, склонный к метафизическому философствованию, объяснял свое враждебное отношение к революционной действительности тем, что существует, по его мнению, нечто гораздо более значительное и прекрасное в подлунном мире, чем “земная суета”.

Есть ценностей незыблемая скала

Над скучными ошибками веков.

Он притворялся нео-классиком, которому дорога “революция в искусстве”, потому что она “неизбежно приводит к классицизму”. Он уверял, что “пьянеет классическим вином”, потому что, “не довольствуясь сегодняшним днем, тоскуя, как пахарь, жаждет целины времен”. “Сегодняшним днем” была революция. Он “не довольствовался” ею. Он был не нео-классиком, а реакционером-романтиком, глубочайшим пессимистом-романтиком. Он тосковал по “целине времени” средневековья. Он благодарил “чужих людей за трогательную заботу, за нежную опеку над старым миром”. Мнимое возвышение поэзии над житейской суетой было выражением не только ухода от революционной действительности, ухода в старый мир, который объявлял он живым “более, чем когда-либо”, но и формой довольно откровенной политической борьбы с основными идеями и основными политическими завоеваниями нашей социалистической революции и среди них — широчайшей демократизацией искусства. Акмеизм всегда был реакционен. И он всегда был реакционно-романтичен, куда бы ни уходил он от жизни народа — в монашескую келью или в экзотические

странствования, во мрак “звериной души” или в эмпирии абстрактного созерцания» (Данин Д. Пути романтики. Заметки о поэтах-архаистах, порочном романтизме и революционной романтике // *Зн.* 1947. № 5. С. 166). Сегодняшнему читателю следовало бы напомнить о том, что ярлыки тех лет могут создавать полвека спустя не совсем точное представление об обозванных. Например, возведенный в «проповедники утонченного снобизма» (Соловьев Б. Эстетствующий злопыхатель // *ЛГ.* 1949. 5 марта) Даниил Данин писал тогда в основном так: «Что рассказала нам в последние годы поэзия о передовых людях [индустриального] труда <...>? Ничего или почти ничего, что стало бы дорогим и близким читателю, вызывало такое же волнение, как романы В. Ажаева, В. Игишева, В. Попова...» (Данин Д. День сталинградской весны // *ЛГ.* 1949. 2 февраля). Впрочем, следовало бы также учитывать обычную советскую практику вписывания редактором в текст публикуемой им статьи немереного количества отсебятины. Данин всю жизнь был поклонником Пастернака и с 1930-х полвека вел споры со своим ровесником-математиком, который на исходе эпохи сказал ему: «— От поэзии Пастернака возрастает хаос в мире! Все в ней слишком бессистемно. Она — анти-математична. В отличие... да, ты прав... от Ахматовой! Ты еще помнишь мою страсть? Ничто не изменилось. Она — божественно алгебраична!. Да еще классически геометрична — по Эвклиду!..» (Данин Д. *Бремя стыда.* М., 1997. С. 63).

- 97 За новый подъем советской поэзии // *Зн.* 1949. № 1. С. 172; Грибачев Н. Против космополитизма и формализма в поэзии // *Правда.* 1949. 16 февраля. Ср. слова М. Светлова о Грибачеве: «Это как сосед, которого зовут, когда надо зарезать курицу» (Паперный З. *Несмотря ни на что. От Чехова до наших дней. Истории, анекдоты и смешные случаи.* М., 2001. С. 96). Поэт Николай Матвеевич Грибачев (1910–1992), творения которого, «отмеченные Сталинскими премиями и писавшиеся, чтобы провозгласить подлинно социалистическое, оптимистическое отношение к колхозной работе в послевоенное время, типичны для периода культа личности с его “лакировкой действительности”» (Казак В. С. 238), принял участие в обсуждении сборника «Слава миру»: «Сборник стихотворений Анны Ахматовой представляет собой явление сложное, противоречивое. Безусловно стремление поэта выйти из заколдованного круга узко-интимных чувств и переживаний, из субъективист-

ских воззрений на мир. С другой стороны, это стремление не может быть осуществлено в полной мере уже по одному тому, что Анна Ахматова не в состоянии решительным образом обновить метод своего поэтического письма, изобразительные средства. На примере этого сборника можно с редкостной наглядностью демонстрировать необходимость единства формы и содержания, <...> отсечь из сборника все, что тянет поэта назад, показывает его в старом качестве. Таково, например, стихотворение “Городу Пушкина”, в котором автор скорбит над разрушением некоей “вещной” красоты (аллеи, фонтан) и не понимает того простого факта, что в надругательстве над историческими памятниками России отразилось прежде всего презрительное отношение ко всему национальному, русскому. Разрушал не просто завоеватель, а завоеватель-расист. Это — чрезвычайно важно для понимания современных событий. У Анны Ахматовой получилось нечто совершенно обратное — ее не трогают судьбы народа, а только собственные воспоминания. Из сборника нужно убрать все стихи и строки подобного рода. Очень серьезной правки требуют многие стихи — серьезной не потому, что это требует большой работы — наоборот, работы подчас мало, — а по изгнанию из них чуждого, полубиблейского, архаического. Так, в стихотворении “Наступление” это строка — “где томится пречистое тело” (речь идет о земле). В стихотворении “Победители” абсолютно неверно передается психологическое состояние людей, идущих в атаку, — “впереди была только смерть”... “шла пехота прямо в желтые горла ‘берт’”. В первом случае — обреченность, во втором — нелепость (идут не в пушки, а на пушки). Ваньки, Васьки и пр. в концовке — явно никуда не годно и явно оскорбительно для армии, народа. Вероятно, автор не справится с переделкой, и тогда его лучше снять» (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед.хр. 151. Л. 1–2).

- 98 «Была вчера у Анны Петровны [Остроумовой-Лебедевой]. Она глубоко возмущена ждановской речью. Как можно оскорблять всенародно женщину! Критикуй поэта, но оскорблять женщину недопустимо. И вот мы не можем написать. Я ночью составила мысленно очень красноречивое письмо Жданову, в котором я говорю, что такое выступление позор для них и т.д. А потом подумала: если меня вышлют, это не беда, меня это не страшит. Но Васю исключают из студии. Перед ним закроются все дороги, а проку никакого» (*Шапорина Л.В. С. 25*).

99 *Гаген-Торн Н.* Стихи сороковых-пятидесятых годов / Сост. и предисловие Г. Гаген-Торн. СПб., 2001. С. 67.

100 *Пунина И.* Под кровлей Фонтанного Дома. С. 150–151.

101 *Шварц Е.* Живу беспокойно...: Из дневников. Л., 1990. С. 311.

102 *Шапорина Л.В.* С. 229.

103 Ср. отголосок этой клички сына горийского сапожника в речи «Самого толстого» (Жданова) в «Прологе»:

«Х [т.е. Ахматова] 1) исключается из всех лит[ературных] организаций и снимается со всех видов довольствия, доп[олнительной] кв[артирной] площади, дров, мед[ицинской] помощи, перевязочных средств и т.д. 2) Все ее произведения передаются великой дочери нашей родины Бэлле Гуталиновой.

Бэлла: *(с места)*: Гусаковой. Прошу выдать мне выписку из протокола» (С. 397).

Ср.: «Гуталин — это Иосиф Виссарионович Сталин, он же Джугашвили. Ведь в Ленинграде все сапожники были айсоры» (*Волков С. С.* 24); воспоминания В.Е. Ардова: «А “чистильщиком сапог” народ называл Сталина. И известно было: за слово “чистильщик сапог” — 5 лет лагерей» (*Дувакин В. С.* 160).

104 *Двухтомник.* Т. 2. С. 228.

105 *Алигер М.* Первые приметы. Стихи. М.; Л., 1948. С. 34.

106 *Лавренев Б.* О вдохновении и мастерстве // *ЛГ.* 1953. 30 мая. Ахматова была знакома с недоброй памяти Борисом Иогансоном (*Пунин Н. С.* 393; *ЛЧи.* С. 312); когда-то он вместе с автором одного из ахматовских портретов, Львом Бруни, служил в пропагандистском подразделении колчаковской армии, и «злые языки говаривали позже, что “Допрос коммуниста” написал со знанием предмета» (*Ракитин В.* Оптина Пустынь и «Коммуна пастухов всемирного искусства» // Оптина пустынь: монастырь и русская культура. Материалы Международного симпозиума в г. Бергамо (Италия), 19–23 апреля 1990 г. Вып. I. М., 1993. С. 319). Иогансон приходил к Ахматовой вместе с Осмеркиным. «Инициатором травли Осмеркина был Иогансон. <...> В день смерти было заседание президиума Академии художеств. Кто-то вошел и сообщил, что умер Осмеркин... В абсолютной тишине скульптор Матвеев произнес: “И убийца рядом с нами...”» (*Ласкин А. С.* 275).

Знакома она была и с Борисом Андреевичем Лавреневым (наст. фам. Сергеев; 1891–1959), когда-то описавшим ее в статье «Замерзающий Парнас»: «...нежная, исстрадавшаяся, молчаливо-загадочная и жуткая» (*Жатва.* 1913. № 4. С. 351), а позднее

приветствовавшим «Anno Domini» под «говорящим» псевдонимом «Б. Акмеев» в ташкентской прессе (*Лавренев Б. Собр. соч. Т. 7. М., 1995. С. 402–404*), за что получил отпор в местной печати: «“Изумительными” кажутся автору заметки написанные ею строки. Г. Акмеев говорит о “потрясающем трагизме” поэтессы, о ее патетическом исступлении, переходящем порою в истерику. Впрочем, это понятно, т.к. Ахматова является “истинным поэтом философии упадочного надрыва” (?). Мы хотя и не и понимаем философии “упадочного надрыва”, но ничего не имеем против вкуса автора заметки: бабушка С. Аксакова любила, например, гнилые грибы с червями, предпочитала их свежим и от них, по рассказам внука, и померла» (*Розен Ю. Поэты расцвета и упадка // Искусство и труд (Ташкент). 1922. № 1. С. 6*).

Ахматова внесла в автобиблиографию статью Б. Лавренева на смерть Жданова (хотя ее имя в статье и не названо):

«Еще в 1934 году нам довелось прослушать на первом писательском съезде глубоко содержательный, нелицеприятный доклад Андрея Александровича о путях советской литературы. В обстановке разноречивых, импрессионистических и туманных речей, звучавших с трибуны съезда, так радостно было услышать организованное, твердое слово, четко намеченные вехи, по которым должна была держать курс советская литература. После выступления Андрея Александровича не оставалось места для неясностей и кривотолков. С каким удовлетворением было встречено это спокойное, умное, веское выступление после путанных и жалких клоунад некоторых “псевдовождей”, использовавших трибуну съезда для вредных и пакостных разглагольствований. Спустя двенадцать лет, в 1946 году мы с тем же волнением выслушали блестящий доклад Андрея Александровича о журналах “Звезда” и “Ленинград”. Этот доклад, как яркий луч света, прорезал удушливые облака тумана, напущенного в литературе безответственной, обывательской, “местечковой” критикой, утратившей чувство реальности, захваливавшей произведения, глубоко враждебные и чуждые идейным установкам советской литературы. <...> Тяжело наше горе. Думая о нашей тягчайшей утрате, мы можем повторить слова великого русского поэта: “Какой светильник разума угас! Какое сердце биться перестало!» (*Лавренев Б. Незабвенный // Известия. 1948. 2 сентября*). См. также нашу справку: *От Кибирова до Пушкина. С. 607–609*.

- 107 Соловьев Г. Расслабленным шагом // ЛГ. 1953. 26 мая.
- 108 ЛЧз. С. 82, 625. Ср.: Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. 1912—1969. М., 2003. С. 355. Прочитируем: «Есть тут и “улыбающийся в усы”, скромный, но мужественный Герой Советского Союза, объясняющий детям, что “долг, учеба — выше всего!”; есть и простая, но мудрая бабушка, великолепно усвоившая вредоносность суховеев; и пронизательный отец, умело и своевременно разъясняющий сыну его ошибку; и добродетельный председатель совета отряда Ваня. Звучит тут и спокойный голос Пети: “Я не собираюсь отводить удара от Вани, хоть он и лучший мой друг”, и восклицание другого пионера: “Этот сбор должен стать переломным моментом в жизни класса!” <...> Тут нечему и рассыпаться в порошок, — ни одной страницы не коснулось вдохновение, а следовательно, и жизнь. Все гладко, чисто и... пусто. Дети и взрослые, образы которых пытался создать А. Алексин, не увидены, не встречены им, а почерпнуты из привычного ассортимента исполнительных, хотя и ошибающихся председателей совета отряда, старых учительниц, которые двигаются легко, совсем как молодые, и учительниц молодых, кочующих по страницам детских книг и отличающихся одна от другой разве что по имени и отчеству» (Чуковская Л. О чувстве жизненной правды // ЛГ. 1953. 24 декабря).
- 109 «Куда я ни пойду, всюду разговоры об этой статье. Восхищаются misquotation. “Над вымыслом слезами обольюсь” и “Кто ей поверит, тот ошибется”. <...> Говорят, что Мариэтта предприняла ряд контр-мер» (Чуковский К. Т. 13. С. 164). Действительно, М. Шагинян написала тогда П.Н. Поспелову: «Буржуазные настроения захватили некоторую часть московской молодежи и довольно широкие литературные круги» (Зезина М.Р. С. 129). М.А. Лифшиц показал, что автор путает Михайловский дворец с Михайловским замком, плохо помнит содержание «Вия». «Бога вы не боитесь, товарищ член ученого совета [ИМЛИ]». Цитировалась по этому поводу и ария из «Риголетто» (НМ. 1954. № 2. С. 228—229).
- 110 Ваксберг А. Моя жизнь в жизни. Т. 1. М., 1998. С. 368.
- 111 Ср.: «Если я для эмиграции — Вера Инбер...» (С. 377). Доверчивому итальянцу в Москве в 1961 году рассказывали, что в Ленинграде есть салоны в традициях девятнадцатого века, попасть в которые труднее, чем в клубы лондонского Пель-Мея, и царят в этих салонах Берггольц, Ахматова и Ин-

бер (!) (*Ronchey, Alberto. Russia in the Thaw / Transl. by Raymond Rosenthal. New York, 1964. P. 144*). Имя Веры Михайловны Инбер (урожд. Шпенцер; 1890–1972) возникает на периферии ахматовской литературной биографии на всем ее протяжении: в 1913 году Гумилев пишет ей из Одессы о лекции этой тогдашней парижанки, в 1914 году под общим заглавием «Жеманницы» ее сборник «Печальное вино» вместе с «Четками» обозревал Р.В. Иванов-Разумник. Ср. также о следующем ее сборнике «Горькая услада»: «Но если бы мы не знали Ахматовой, для нас была бы гораздо интереснее и значительнее и без того неплохая книжка г-жи Инбер. Есть у нее и свои отличительные черты: кое-где проявляющееся стремление к живописи, совершенно отсутствующее у Ахматовой, и экзотичности» (*Выгодский Д. О новых стихах // Новая жизнь. 1917. 24 декабря (13 января)*). В 1933 году она начала борьбу с «ахматовщиной»: «Создается впечатление, что после революции женщины перестали писать стихи. Вернее, они продолжают писать стихи дореволюционные. Дыханье Ахматовой веет и сейчас над женскими стихами, как и 15–20 лет назад. <...> Главное это умение зарифмовать свои чувства, — думают, вероятно, в таких случаях. — Пока что мы будем чувствовать, как Ахматова или Есенин. А как только овладеем стихом, так сейчас же переключимся на “современность”. Но понятное дело, подобный фокус не удавался никому на свете» (*Инбер В. О женских стихах // ЛГ. 1933. 29 января*). Ср. отклики Г. Адамовича на «недавние грустные слова Веры Инбер о том, что “в сердцах многих советских читательниц жива Ахматова”» (*Сизиф [Адамович Г.]. Отклики // Последние новости. 1933. 9 февраля; 1934. 19 августа*). В. Инбер говорила вступительное слово на вечере Ахматовой в Союзе писателей в Москве в апреле 1946 года, и, может быть, поэтому Фадееву нужно было прикрыть ее после ждановского постановления: «Ведь у нас есть примеры того, как писатели решительно освобождаются от влияния безыдейных школ. <...> Вера Инбер в начале своего творческого пути, может быть, ближе всего была к линии Ахматовой. И с какой решительностью она освободилась от этого груза» (Большевистская идейность — основа советской литературы. На общемосковском собрании писателей // *ЛГ. 1946. 21 сентября*). Запуганная навсегда своим родством с Л. Троцким, к тому же воспетым в ее стихах:

При свете ламп — в зеленом свете
Обычно на исходе дня

В шестиколонном кабинете
 Вы принимаете меня
 <...> Четыре грозных телефона
 Блестят на письменном столе.

(Ср.: Малахов С. «Утепление мира» // Печать и революция. 1930. № 2. С. 54), она в минуты государственного гнева всегда представляла наиправовой.

Во внутренней рецензии на сборник «Слава миру» В. Инбер боролась с «поверхностностью», «риторичностью» ахматовских стихов «на очень ответственную тему» и наставляла: «Книга должна выйти, и не только потому, что она, несомненно, будет замечена за рубежом, где имя Ахматовой хорошо известно. Это соображение отнюдь не главное. Главное — это показать нашим читателям разительный пример перестройки сознания такого, казалось бы, уже раз навсегда завершившего свое развитие поэта, как Ахматова» (Кралин М. «Победившее смерть слово...». Томск, 2000. С. 154–174). Ср. также ее поправку при обсуждении резолюции Союза писателей о Пастернаке: «Эстет и декадент — это чисто литературные определения. Это не включает в себе будущего предательства. Это слабо сказано» (НЖ. 1966. № 83. С. 227), до Ахматовой ее слова дошли в таком виде: «Когда была эта история с Пастернаком, то Инбер сказала, что его надо расстрелять, как Гумилева...» (Готхардт Н. С. 277).

В 1964 году Ахматова внесла в библиографию: «Инбер Вера. (Где?)» (С. 469) — по-видимому, речь шла о книге «За много лет» (М., 1964), где приведена дневниковая запись от 12 июня 1944 года: «Вчера мы освободили Териоки. Вчера был и радиомитинг в Пушкине (145 лет со дня рождения). Митинг происходил в Доме культуры, бывшей ратуше, как сказала мне Ахматова. Подымаясь по лестнице, она добавила: “Сколько раз я танцевала здесь...” И от этих слов и моя юность пронеслась передо мной. Я вспомнила себя совсем юной над книгой Ахматовой (литературно она гораздо старше, хотя человечески, вероятно, не очень). И вот теперь мы, постаревшие, я совершенно седая, она с сединой, мы выступаем перед ленинградцами в бывшем Царском селе под далекий (а иногда и не слишком) гул рвущихся мин. Это работают саперы, разминируя окраины города» (С. 120). Ср. отклик на эту запись: «В отличие от Веры Инбер, Ахматова не вступила в КПСС, и можно поручиться, она не мечтала ни об орденах, ни о страницах “Правды”. В ней нет “духовного опьянения”, она чрезвычайно “трезвенна”. Бо-

гатством своим — талантом — она владеет, как бы не владея, и потому, надо думать, она более способна убежать тех “душевных ям”, в которых намучилась Вера Инбер» (*Коряков М.* Листки из блокнота. Душевная яма Веры Инбер // *НРС.* 1964, 25 октября).

«Помню, говоря о наивности западных журналистов, я рассказал ей про Улофа Лагеркранца, который брал интервью у Веры Инбер. Лагеркранц спросил: “Теперь вы можете писать все, что думаете?” Инбер на это ответила, что она всегда писала только то, что думала. Ахматова улыбнулась, помолчала, а потом сказала: “Я не уверена, что Вера Инбер способна думать!”» (*Rittenberg S.* *Minnen från Petersburg och dess poeter // Lyrikvännen.* 1972. № 5. S. 45). Ср. о ней также: «Вера Михайловна произвела на меня впечатление необычайно живой, говорливой и инфантильной дамы с каким-то безмерно радужным мирозерцанием. Почти обо всем и обо всех она отзывалась с чувством восторга и даже влюбленности, будь то Никита Хрущев, Джон Кеннеди, Солженицын или ее любимая такса по имени Бенья Крик. Слушая Веру Инбер, хотелось думать, что все в этом мире чудно и прекрасно, а когда я все же не выдержал и сказал, что, несмотря на всю эту хрущевскую оттепель, поэт Иосиф Бродский находится в ссылке, Вера Михайловна досадливо поморщилась и возразила:

— Да, но ведь у Бродского, говорят, такой плохой характер...» (*Довлатов С.* Сквозь розовые очки // Альманах «Панорама» (Лос-Анджелес). 1985. 2–9 августа).

- 112 Ср., например: «Я часто думал, на основании жизненных встреч, что образцы коммунистического идеализма изредка попадают, — но только среди женщин. Этот тип идеализма нам всем хорошо знаком по 60-м годам. Идеализм педагогов-просветителей, наивных благодетелей человечества, непременно глуповатых, чуждых высокой культуры, но гуманных и демократически ориентированных. Таковы, по прямой линии из 60-х годов, представительницы старой гвардии: Крупские, Лилины, Бонч-Бруевич и проч. В литературе Сейфуллина и Шагинян» (*Федотов Г.* Правда побежденных // *СЗ.* 1933. № 51. С. 376). «Будучи увлекающейся и легко переходя от одного увлечения к другому, Шагинян дает собой пример вращивания религиозного мистика в коммунистическую идеологию с признанием большевизма, как высшего нравственного и духовного достижения человечества» (*Агурский М.* Загадка Мариэтты Шагинян // *РМ.* 1979. 1 февраля).

- 113 См., например, некоторые записи в дневнике Мариэтты Сергеевны Шагинян (1888–1982):

«26 мая 1922. Ахматова жаловалась на то, что Голлербах за-
владел ее письмами к какому-то другу (покойному) и демон-
стрирует их»; «2 января 1923. Анна Ахматова сообщила мне
странную историю о том, что Жак, провожая ее от Щеголевых
(где они встречали новый год) на лестнице обнял ее и поцело-
вал» (сообщил З. Бар-Селла; Жак — Яков Львович Израилевич
(1887–1953), торговец антиквариатом). Они вместе выступали
на литературных вечерах — ср. запись в альбоме М.М. Шкап-
ской: «Мало кому не везет так с коверканием имени, как Ма-
риэтте Шагинян. На вечере Союза Печатников, где, положим, и
Анну Ахматову подали как Анну Хоматову — Мариэтту пред-
ставили как Марионетту Шагинян» (РГАЛИ). Ср. также письмо
Ахматовой к М. Шагинян конца января 1927-го, хранящееся в
архиве семьи и любезно сообщенное нам Е.В. Шагинян:

«Дорогая Мариэтта Сергеевна, мне очень грустно, что я не
могу быть у Вас сегодня. Я уже месяц лежу в постели, и мне
едва ли лучше, чем в первый день болезни. Неужели я не увижу
Вас до Вашего отъезда?

Боюсь приглашать Вас, зная, что Вы этого не любите.
Целую Вас

Ваша Ахматова

Не уезжайте из России навсегда».

Это, видимо, ответ на записку М. Шагинян:

«Дорогая Анна Андреевна, очень хочу Вас видеть и боюсь
идти к Вам. Сегодня у Давида Выгодского я “импровизирую”
прощальную танцуюлку, — если б Вы могли прийти, доставили
бы мне большую радость. От Вас это очень близко (Моховая,
9, кв. 1).

Как Ваше здоровье?
Целую Вас нежно

Мариэтта Ш. 23 I 1927

P. S. Будут все, кого Вы знаете. Кроме “серапионов” — музы-
кант Шкуб, режиссер Вейсбрем, издатель Сергеев. Не обижай-
те меня и обязательно приходите. В конце января переселяюсь
с семьей в Закавказье, уже на совсем» (РГАЛИ; частично: *Ле-
топись*. С. 235).

См. инскрипт на «Четках» (8-е изд.): «Мариетте Шагинян
очень снисходительному критику и очень строгой ко мне в
жизни с любовью» (Памятные книжные даты. М., 1988. С. 172);

о манере Шагинян при встрече целовать руки Ахматовой см.: *Гинзбург А.* Записные книжки. СПб., 2002. С. 417.

Ср. позднее: «Для разъяснения акции [Жданова] населению были посланы эмиссары: <...> Шагинян — Ср<едняя> Азия» (С. 265) — в октябре 1946 года Шагинян выступала с разъяснением постановления в Ташкенте и Алма-Ате, и об этой миссии Ахматова знала, по-видимому, от Н.Я. Мандельштам (*Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 127); «Когда была эта история с Пастернаком, <...> Шагинян заявила, что он всегда был плохим поэтом» (*Готхарт Н.* С. 277). Шагинян поэтому поддержала идею высылки Пастернака из страны, высказанную Н. Грибачевым и С. Михалковым (Записка Отдела культуры ЦК КПСС от 28 октября 1958 г. // *Континент.* 1995. № 83. С. 198).

Ср. рассказ Ахматовой: «— Я встретила Мариэтту Шагинян. Она сказала мне: “Я уезжаю в Армению. Навсегда. Слишком изолгалось перо”. Это было в двадцать втором году. Представляешь, что с этим пером сейчас?» (*Ардов М.* Легендарная Ордынка. СПб., 1997. С. 45).

- 114 *Усиевич Е.* Пути художественной правды. Критические статьи. М., 1939. С. 84–85. Елена Феликсовна Усиевич (1893–1968) — член партии большевиков с 1915 года, дочь видного коммуниста Ф.Я. Кона и вдова убитого на сибирском фронте большевика Г.А. Усиевича, которая в 1922-м обратилась к М.И. Калинину с просьбой о помиловании осужденных к расстрелу петроградского митрополита Вениамина и других деятелей церкви (*Нежный А.* Плач по Вениамину // *Зв.* 1996. № 5. С. 126).

В декабре 1933 года Г.И. Чулков сообщал Ахматовой о беседе за ужином с посетившим его Л.Б. Каменевым: «Возобновился также разговор об издании Ваших сочинений. К этому моменту я отношусь скептически, но бывшая при этом разговоре Е.Ф. Усиевич заявила, что она у Вас находит во всех книгах только три стихотворения, неудобных с точки зрения главлита, и готова писать предисловие к собранию Ваших стихов (ей это было предложено Каменевым). По-моему, предисловие Усиевич более приемлемо, чем предисловие Демьяна Бедного» (РГАЛИ).

Она, вероятно, была в 1935 году инициатором несостоявшегося двухтомника Ахматовой. Ср.: «[У Е.Ф. Усиевич] однажды застал А.А. Ахматову, сборник избранных стихов которой я тут же предложил издать (я уже работал тогда в издательстве “Советский писатель”; издание удалось осуществить, хотя это было в то время нелегко)» (*Левин Ф.* Из глубины памяти).

- Воспоминания. М., 1984. С. 150). Один из ряда примеров, когда память мемуариста ошибается только в одном: сборник Ахматовой напечатан не был.
- 115 Ср.: «Мы не обвиняем А. Ахматову и Б. Томашевского в “биологизме”, “фрейдизме” и тому подобных страшных вещах. Легко заметить, что психоаналитические выводы вовсе не вытекают из их интересных исследований, а привязаны к ним искусственно. Только неутешительностью чистой филологии можно объяснить обращение к подобным суррогатам глубокомыслия. Трудно представить себе что-нибудь более далекое от объективной широты пушкинского гения, чем копание в “подсознательном”, “подавляемых страстях” и т.п. Поразительная безвкусица — вот что прискорбно в подобном истолковании реализма Пушкина. Упрек достаточно обидный для людей, изучающих творчество великого поэта» (*Лифшиц М. Пушкинский временник // Литературный критик. 1936. № 12. С. 254–255*). Об ахматовских открытиях в области пушкинской психобиографии в этой статье см.: *O’Bell, Leslie. Akhmatova and Pushkin’s Secret Writing // Anna Akhmatova 1889–1989: Papers from the Akhmatova’s Centennial Conference, Bellagio Study and Conference Center, June 1989 / Ed. Sonia I. Ketchian. Oakland, CA. 1993. P. 136–138*.
- 116 Ср. некоторые из ахматовских высказываний: «Я многого не понимала бы в Николае Николаевиче [Пунине], если бы не Фрейд. Николай Николаевич всегда стремится воспроизвести ту же сексуальную обстановку, какая была в его детстве...» (*ЛЧ1. С. 39*). «Во всех этих сексуальных рассуждениях и мифах так и видишь отражение той прокисшей, косной, провинциальной среды, в которой [Фрейд] жил...» (*ЛЧ1. С. 143–144*). «И все ложь. Любовь для мальчика или девочки начинается за порогом дома, а он возвращает ее назад, в дом, к какому-то кровосмешению... А насчет раннего детства догадывались и без [Фрейда]» (*ЛЧ2. С. 149*). «Для нее детство не имеет ничего общего с тем, как его изображает психоанализ. Оно не замкнуто домом, семьей. Наоборот, в детстве мир начинался там, за калиткой, вовне» (*ВАА. С. 488*). «Весь пресловутый комплекс Эдипа — это просто ревность наследника, буржуазная психология» (*ВАА. С. 526*). «Говорила, что он перенес на весь мир частую для венских аристократов расстановку сил: престарелый отец, в свое время женившийся на молодой девушке против ее воли, и для самой этой дамы, и для ребенка представляется

врагом и соперником. А в нормальной семье так не бывает» (Ардов В. С. 57); ср. еще одно свидетельство В. Ардова: «Она говорила, что Фрейд сгноил всю современную литературу» (Ардов В. Выступления на вечере памяти Ахматовой в Доме актера ВТО 14 марта 1972 г. // РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Ед.хр. 145. Л. 5–6); ср. также: *Найман А. С.* 297.

- 117 «М. Лифшиц в статье “Дневник Мариэтты Шагинян”, с барски-эстетских позиций разбирая недостатки книги М. Шагинян, обрушивается против писателей, стремящихся активно вторгаться в жизнь, ставит под сомнение важность обращения писателей к темам труда, производственной деятельности и другим актуальным темам нашей действительности» (Об ошибках журнала «Новый мир». Резолюция президиума правления Союза советских писателей // *ЛГ.* 1954. 17 августа).
- 118 *ЛЧ.* С. 172. Речь шла о публикации: *Шагинян М.* [Рец. на кн. Ахматовой:] Anno Domini MСMXXI // *Жизнь искусства.* 1922. 3 января.
- 119 Вскоре после смерти Блока и расстрела Гумилева М. Шагинян писала: «Из всех, ныне живущих русских поэтов, Анна Ахматова — самый нужный русский поэт. Мы умеем любить ушедших. Если бы научились мы беречь и любить живущих!» (*Шагинян М.* Рец на кн: Ахматова А. У самого моря. Пг., 1921 // Петербург. 1921. № 1. С. 18). Один из читателей, преподаватель Московской духовной академии С.А. Волков, в апреле 1947-го пометил на экземпляре «Литературного дневника» Шагинян против этих слов: «1946. Осень» (*Молодяков В.Э.* Загадки Серебряного века. М., 2009. С. 286).

Ср. воспоминания соседки по Дому искусств: «Могла бы запомнить Мариэтта <...> страшную смерть, которую она не решилась даже помянуть — это расстрел Гумилева. Когда она узнала об этом, она заперлась в своей комнате и, так как ключ остался в замке, то видеть, в каком она состоянии, было невозможно. Друзья были в волнении — не натворила бы она чего с собой, и то и дело подходили к двери, прислушиваясь. <...> Мариэтта, милая, позвольте вам задать один вопрос. Почему, пока вы делали блестящую советскую карьеру, Есенин повесился, а Маяковский застрелился? Они “отлынивали от своего дела”? Да?» (*Чернавина Т.* Дневники Мариэтты Шагинян. 1917–1931 // *СЗ.* 1934. № 55. С. 424–426).

- 120 *Кацева Е.* Мой личный военный трофей // *Зн.* 2002. № 1. С. 165. Ср. там же о заключительной сцене отрецензированного рома-

на: «...при остановке поезда на какой-то станции молодой муж вышел за снедью и вернулся с ликующим криком, размахивая газетой: “Маша, Маша, наконец-то свершилось! Вот оно, постановление о журналах ‘Звезда’ и ‘Ленинград!’».

- 121 «Дама-шатенка в розовом платье, / Шалью черною над городом ночь, / Я забыться хочу в ее нежных объятьях...»
- 122 *Усиевич Е.* Небылицы в лицах. [Рец. на кн.: Шевелов В. Оружие сильных. Роман. Гос. изд-во Молдавии.] // *НМ.* 1953. № 1. С. 261. Виктор Макарович Шевелов (1921–1963) — впоследствии замминистра культуры Молдавской ССР.
- 123 Ср. инскрипт Юрия Николаевича Либединского (1898–1959) на романе «Неделя» (М., 1957): «Дорогой Анне Андреевне Ахматовой с глубоким уважением. Ю. Либединский. 6/ХІІ-57 г.» (*Из личной библиотеки.* С. 32). Со Львом Вениаминовичем Никулиным (1891–1967), «сталинским холуем» (*Довлатов С.* Записные книжки. Л., 1992. С. 33), Ахматова часто встречалась в доме Ардовых, дружила с его семьей, но предупреждала о его «дурной славе» (*Липкин С. С.* 497) — у него была прочная репутация секретного сотрудника органов безопасности. О слухах, окружавших имя Л. Никулина, который был «сложный человек, но в общем-то плохой человек, двусмысленный, опасный», см.: *Дневник Александра Гладкова: 1960–1976 годы / Публ. М. Михеева // НМ.* 2014. № 2. С. 144 (А.К. Гладков писал: «Когда-нибудь все станет известно: и про Никулина, и про Веру Инбер, и про Всеволода Рождественского <...> и про Ираклия Андроникова, и про Льва Ошанина, и про всех других, кого чернит молва»). О его вкладе (наряду с другими персонажами ЗК — В. Вишневским и М. Шагинян) в дело разоблачения безродных космополитов см.: *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. М., 2001. С. 340.

Ср. его письмо парижской поэтессе Софии Прегель от 8 марта 1966 года: «Вы, конечно, уже знаете давно о кончине Анны Ахматовой 5 марта. Я и Катя [Рогожина-Никулина] были у нее вечером 1 марта, вспоминали Питер, шутили, выглядела она очень нехорошо, она очень похудела и говорила, что ее измучили 100 дней в больнице, она не хотела больше там оставаться и настояла на том, чтобы ее перевели в подмосковный санаторий. Я видел ее, следовательно, за 4 дня до ее смерти в последний раз. Завтра 9-го мы провожаем ее гроб в Ленинград, где ее похоронят, в Павловске. Кажется, это была ее воля. За последние годы я видел ее часто и после заграницы, она была

очень радостная, часто веселая, наконец, незадолго до кончины она дождалась широкого признания, а сколько ей пришлось ее <sic!> ждать. Бедная, милая, старая женщина с большим сердцем, которое билось по-молодому и не выдержало...» (Библиотека Иллинойского университета, Урбана-Шампейн; о С.Ю. Прегель (1897–1972), испытавшей не раз отмеченное критикой влияние Ахматовой, см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 721–722).

- 124 Зезина М.Р. С. 148.
- 125 Спустя четыре года Федор Петрович Фоломин (1908–1978) писал Максиму Рыльскому: «Пора понять, начать говорить о том, что все талантливое — народно. Народны и Ахматова, и даже Дудинцев, не к ночи будь помянут» (*Рильський М.Т. Зібрання творів*: У 20 т. Т. 20. Киев, 1990. С. 16).
- 126 Ср. отмеченное в качестве «одного из курьезов новейшей советской литературной жизни покровительство Ахматовой Алексеем Сурковым, в свое время одним из наиболее активных поборников сталинской литературной политики» (*Маклин Ю. Как писатели встают из гроба // Социалистический вестник*. 1963. № 3/4 (775/776). С. 82); «С Ахматовой его связывали долгие и не схематичные: начальник–подчиненная — отношения. Он напечатал цикл ее верноподданнических стихов после постановления и второго ареста сына...» (*Найман А. С.* 250); «Опубликовал он и небольшой цикл опальной Ахматовой, к которой вообще относился с большим уважением и употребил весьма грубые слова в разговоре с главой писательской поликлиники, который вознамерился, было, отказать исключенной из Союза писателей Анне Андреевне в медицинской помощи» (*Турков А. С.* 83); ср. его чуть что не конспиративную записку от 18 сентября 1950 года: «Если у Вас найдется завтра (19-го) два-три часа свободного времени, не посчитали бы Вы возможным заехать ко мне во Внуково, где в деревенской тишине можно было бы побеседовать по всем интересующим Вас вопросам. Если такой вариант Вас устраивает, скажите об этом подателю записки, моему водителю, который завтра заедет за Вами часа в три и потом благополучно доставит в Москву» (*Летопись*. С. 445). Надпись красным карандашом на его книге «Миру — мир! Стихи 1946–1949 гг.» (М., 1950): «Анне Андреевне Ахматовой от одного из подмастерий русского языка 21/4. 1950» (М.А.). В 1965 году в Англии Ахматова объясняла, что «не сомневалась, что он имел непосредственные связи с НКВД, но именно поэтому,

- говорила она, его покровительство многому помогало, в том числе ее поездкам за рубеж <...> Она утверждала, что Сурков с восторгом относился к ее поэзии и знал наизусть ее стихи. В подтверждение этого она вспоминала, как однажды он напомнил ей ее же собственные строфы, которые она сама в тот момент забыла» (*Норман П.* С. 56–57). Ср.: «И человек он был неоднозначный: да, сталинист, да, истовый функционер Союза писателей СССР, не чуждый демагогических приемов в литературной борьбе (за что и был кем-то прозван “гиеной в сиропе”), но не забыть, как в самый разгар пресловутого “дела врачей”, с омерзением отозвавшись о том, как его чуть ли не однофамилец Суров, “драматург”, за которого пьесы писали другие, старался все выше поднять грязную и попахивающую кровью волну, Алексей Александрович вдруг горько и гневно сказал мне (отнюдь не близкому ему человеку!): “У меня иногда создается впечатление, что я живу на территории, оккупированной Геббельсом!”» (*Турков А.* С. 84). Ср., впрочем, в его докладе 1956 года: «У нас часто из-за этого положения выветривается русский национальный элемент в языке, в образном строе. И особенно это отражается в том обстоятельстве, что не русские по крови люди целиком занимаются переводами на русский язык в области поэзии...» (*Свирский Г.* На лобном месте. Литература нравственного сопротивления 1946–86 гг. Лондон, 1979. С. 196).
- 127 Чуковский К. Т. 13. С. 155; 21 октября Ахматова сдала эту книгу в печать (*ЛЧ2.* С. 74).
- 128 Протокол заседания редколлегии журнала «Новый мир» 9 августа 1954 г. // *Бианки Н. К.* Симонов, А. Твардовский в «Новом мире». М., 1999. С. 121–122.
- 129 Ср. воспоминания перемещенного лица по поводу характеристики Суркова в «Истории советской литературы» Глеба Струве: «Струве перечисляет целый ряд его стихотворений и среди них не называет самое популярное и удачное, ставшее знаменитым и общеизвестным — “Землянку”. Что это, рассеянность или оригинальничанье?» (*Рудинский В.* Две истории русской литературы // *Возрождение.* 1957. № 69. С. 131).
- 130 Об истории этой песни на старости лет он рассказывал, что в 1937 году он, заподозрив (ошибочно) слежку за собой, «не выдержал, рассказал Фадееву. Александр Александрович провел двумя ладонями по шевелюре, приглаживая и без того гладко зачесанные волосы, и строго спросил:
— В издательстве сборник идет?

- Идет.
- Сталину есть стихи?
- Нет.
- Напиши и вставь, пока не поздно.

Послушался, написал. Потом они песней стали» (*Муштаев В.* Неумолимое время // *ЛО.* 1989. № 10. С. 98).

- 131 О зависимости этого поэта от созданных до него образов, в конечном счете акмеистических, писал Д.П. Святополк-Мирский. Ср.: «Сурков, следующий в своем творчестве литературной традиции революционных народников, внезапно и опять-таки без аргументации зачислен по ведомству эпигонов акмеизма» (*Усиевич Е.* О вкусе и капризах вкуса // *Литературный критик.* 1935. № 5. С. 131). Ср.: «...и он же искал ее одобрения своим стихам, говоря о себе: “Я — последний акмеист”» (*Найман А.* С. 250).
- 132 *Дементьев Н.* Об Алексее Суркове // *Красная новь.* 1935. № 10. С. 207.
- 133 В марте 1957-го он говорил экс-поэту Н. Тихонову: «Ну, ты же у нас настоящий поэт, не чета мне» (*Лахути Г.* «Любви моей осталось в мире дело». Повесть об отце // *ЛО.* 1993. № 9–10. С. 83). Ср., впрочем, об «обычных ернически-униженных тонах» Суркова (*Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // *Зн.* 2004. № 10. С. 157).
- 134 *Иванов Вс.* Дневники. М., 2001. С. 299. Ср. об одном из разговоров начала 1950-х: «Сурков как-то неожиданно перешел к поэзии, прочитал вслух по памяти что-то из Бёрнса в переводе Маршака, заговорил о своих литературных затруднениях, о потере мужества писать новые стихи. Все чаще, сказал он, после того, как прочитаешь Шекспира, Пушкина или того же Бёрнса, не решаешься писать свое. Оно кажется таким малым, необязательным, уже написанным другими и много лучше. В молодости все воспринималось иначе...» (*Борщаговский А.* Записки баловня судьбы. М., 1991. С. 328).
- 135 *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1990. С. 475. В молодости он считал Мандельштама «чуждым нам элементом» (Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 24), но, вероятно, был готов к смягчению — ср. запись 1938 года в дневнике Э.Ф. Голлербаха: «Мандельштам, говорят, написал стихи о Сталине. До сих пор они не напечатаны, но критик Сурков уже занес Манд<ельштама> в актив советской поэзии» (Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М.,

1991. С. 109–110). В 1937 году Сурков помогал организовывать вечер Мандельштама в Клубе писателей, впрочем, не состоявшийся (ВЛ. 1991. № 1. С. 70).
- 136 На обсуждении книг о Маяковском // ЛГ. 1940. 1 декабря.
- 137 Демьян Бедный (псевдоним Ефима Алексеевича Придворова; 1883–1945) со времен обзора П.С. Когана, где было сказано, что «сравнивать Демьяна Бедного с Ахматовой равносильно сравнению ружья и кружева» (Коган П. Пролетарская литература. Иваново-Вознесенск, 1926. С. 5), стал обозначать противоположный полюс наличной русской поэзии. Тем не менее, их пути пересеклись, когда дело шло об издании ахматовского двухтомника на рубеже 1930-х. Ср. московский слух в дневнике книготорговца за 5 июля 1930 года: «Демьян Бедный ужинал в Б. Московской гостинице с... Анной Ахматовой! Вот сочетание!.. Очевидно, Ахматова приехала из Ленинграда хлопотать о выпуске двух своих книг, уже напечатанных, но задержанных Литом» («Бесконечно дорогое, родное и любимое дело»: дневник букиниста и коллекционера Э.Ф. Ципельзона / Публ. и предисл. О. Андреевой // Библиофилы России. Т. 6. М., 2009. С. 320). Ср.: «Демьян Бедный сказал мне: “Я бы считал вас первым поэтом, если бы не считал им себя”» (Ардов М. «Не поэтесса». Поэт! Из бесед с Анной Ахматовой // ЛГ. 1989. 4 января). Ср. также: «[В.И. Соловьев] “правый”, т.е. сторонник правых теорий Воронского, он предпочитает правую попутническую прозу какой-нибудь другой. Он внутри любит “Ахматову” — и даже осмелился высказать это, предложив включить ее сочинения в “план”. Он предложил Демьяну написать предисловие к ее стихам. Демьян отказался» («Мне эта возня не кажется чем-то серьезно литературным...»). Из дневника Вяч. Полонского. Март-апрель 1931 года / Публ. И.И. Аброскиной // Встречи с прошлым. Вып. 9. М., 2000. С. 289). По версии Иванова-Разумника, Ахматовой было предложено издать двухтомник «под редакцией с примечаниями Д. Бедного... От этой чести Ахматова категорически отказалась, предпочитая остаться неизданной» (Иванов-Разумник. Писательские судьбы // Новое слово (Берлин). 1942. 20 сентября; Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремьы и ссылки. М., 2000. С. 56). Ср.: «Некто, приехавший из Москвы <...> рассказывает, что не так давно в некоторых издательствах были сделаны попытки переиздания стихов Ахматовой. На них будто бы не прекращается спрос. Но попытки так и остались попытками. В “сферах” затея встретила

суровое и решительное осуждение. Она была квалифицирована как “стремление провести буржуазную отраву в массы”. Издательства предложили выпустить ахматовские стихи с предисловием какого-либо “авторитетного товарища”, где было бы разъяснено, почему Ахматову читать вредно. Но и эта уловка не помогла» (*Сизиф* [Адамович Г.В.]. Отклики // Последние новости. 1932. 15 декабря). См. письмо Демьяна В.И. Соловьеву от 4 февраля 1931 года:

«Дорогой Вася,

Ахматова, конечно, поэт изумительный. Пленительно и непрекрасимо ее своеобразное мастерство. Но кроме мастерства у нее имеется еще и некое абсолютно неприемлемое для нас существо. Об этом существе я мог бы произнести слова, которые слишком ранили бы нежное сердце Ахматовой. Стоит ли тогда и огород городить? Да и кроме того: я только вчера вечером вернулся из поездки в Ростов на Сельмаш. Сегодня через несколько часов я уезжаю в Саратов на съезд по случаю завершения сплошной коллективизации. Все это так не вяжется со стихами Ахматовой. До Ахматовой ли сейчас мне, да и всем нам? Против нее завопит та самая бумага, на которой мы рискнули бы тиснуть ее стихи. Сладка отравка, наполняющая ахматовские стихи. И еще не мертва. Мы не можем препарировать ахматовскую технику без того, чтобы кто-либо не отравился в той или иной мере ахматовской сладкой отравой. Короче: я возвращаю рукопись стих<отворений> Ахматовой» (*Крымский Ахматовский*, 10. С. 159).

Ср. также «разговоры о Демьяне Бедном» в 1925 году (Л. С. 66). У Ахматовой была возможность ознакомиться и с бедноведением — ср. в дневнике Н.Н. Фатова о вечере «Русского современника» в Москве в 1924 году: «Анна Ахматова. Интересно. Уже переспелая, драная, но лицо прекрасно. Когда-то была очаровательна, вероятно, кокетлива. Прочла три стихотворения замогильным голосом. Понять из четвертого ряда ничего нельзя было. Странно, что так и не научилась читать. Публика насторожилась, замерла. <...> Ахматова любезно улыбалась. Поцеловал ручку. Дал Демьяна. Обещал прислать Андреева» (цит. по: А.А. Ахматова и Е.И. Замятин. Переписка (1922–1924). Вступит. статья, публ. и комм. Е.Ю. Литвин // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 242–243). Николай Николаевич Фатов (1887–1961) — литературовед; подарил свою книгу «Демьян Бедный» (М., 1922) и

- обещал прислать «Молодые годы Л. Андреева. По неизданным письмам, воспоминаниям и документам» (М., 1924). Из литературы о Демьяне Бедном см., например: *Добренко Е.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999. С. 210–220.
- 138 *Сурков А.* Предчувствие победы // *ЛГ.* 1944. 7 ноября; *Сурков А.* Собр. соч. Т. 4. М., 1980. С. 458.
- 139 Всеволод Вишневский записывал его выступление 28 августа 1946 года на собрании партгруппы Союза писателей: «Признает ошибки. Сборник Зощенко в “Огоньке” и чуть не вышло собрание стихов Ахматовой. — Очень больно и горько. — Лениность ума. Тупость в ощущении матерьяла, нет политической остроты в чтении матерьяла. — Есть эти ошибки — и у актива ленинградцев. Значит, болезнь есть, широко распространенная. — И это объясняет явление Ахматовой. Обедня Ахматовой Пастернаку — даже Сельвинский пробовал перебить эту линию, почуял... — Пастернака выдвигали с пеной у рта на Стал<инскую> премию...» (РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед.хр. 1889. Л. 5).
- 140 «Едва открылись первые цветы...»: «Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 году / Публ. документов Ан. Петрова; изложение и комментарии Ю. Буртина // *Дружба народов.* 1993. № 11. С. 222. А по центральным улицами Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана об эту пору стали бродить молодые люди с «тарзаньими прическами» — т.н. «стиляги» (*Шелепин А.* Отчет ЦК ВЛКСМ XII съезду // *Комсомольская правда.* 1954. 20 марта). Стилягой обозвала своего ровесника бабушка в исполнении ахматовской доброй приятельницы Фаины Раневской в самой, вероятно, блеклой кинокомедии всех времен и народов (уж не о нем ли Раневская сказала: «сняться в плохом фильме — все равно что плюнуть в вечность»), и, по-видимому, эта реприза вызывала взрывы смеха в зале в 1961 году, когда фильм «Осторожно, бабушка!» занял четвертое место среди лидеров проката.
- 141 *Бург Д.* [*Дольберг А.*] «Холодная война» на внутрилитературном фронте // *Социалистический вестник.* 1962. № 5–6. С. 71.
- 142 *Поликовская Л.* «Мы предчувствие, предтеча...». Площадь Маяковского 1958–1965. М., 1997. С. 40.
- 143 Ср. рассказанное Ахматовой в 1949 году: «Кто-то в Москве в каком-то обществе прочел поэму Марины Цветаевой, написанную за границей. Этому человеку дали 5 лет» (*Шапорина*

Л.В. С. 133); речь, скорее всего, шла о поэте и критике Ярополке Александровиче Семенове (1906–1950; расстрелян) — см. о нем: *Рубинчик О.* Надпись чернильным карандашом. Отец и сын Семеновы: www.akhmatova.org/experts/rub_arto2.htm; *Островская С. С.* 567, 687–688.

- 144 *Яновский Н.* Забытый поэт. Памяти Г.Н. Оболдуева // *ЛО.* 1987. № 6. С. 109.
- 145 *Приходько В.* Амулет / Публ. Н. Рождественской // *ЛР.* 2005.19 августа; ср.: *ЛЧ2.* С. 103, 628.
- 146 *Пастернак Б. Т.* 10. С. 40. Армянского поэта Егише Чаренца (Согомоняна; 1897–1937) в 1936 году Ахматова переводила для не вышедшего его гослитиздатского сборника. Перевод «Газеллы моей матери» появился в «Литературном Ленинграде» 29 сентября 1936 года с примечанием: «Гонорар за перевод этого стихотворения прошу перевести в фонд помощи женам и детям героического испанского народа, мужественно борющегося против фашистов за свободу и независимость своей страны. А. Ахматова». Ср. воспоминания Руфи Зерновой о рассказе Льва Гумилева в 1936 году: «И рассказывает, что в доме не было ни копейки, и мать сказала: вот получу гонорар из газеты, купим водки, колбасы... И тут позвонили и говорят: “Анна Андреевна, не хотите ли вы пожертвовать свой гонорар в пользу испанских детей?” Ну что было делать?» (*Зернова Р.* Иная реальность // *Свою меж вас еще оставив тень. Ахматовские чтения.* Вып. 3. М., 1989. С. 23).

См.: *Ketchian, Sonia.* Highlighting tragedy through deflection: Akhmatova translates Eghishe Charents // *Poetics, self, place: Essays in Honor of Anna Lisa Crone.* Bloomington, Indiana. 2007. P. 399–423.

К вопросу о слухах 1954 года ср.: «Анна Андреевна спросила об обстоятельствах гибели [Хармса]. Я ответил, что он умер в блокадной тюрьме, но, по мало достоверным слухам, его след всплыл впоследствии в Новосибирске, где эвакуированные актеры будто бы носили ему передачи. Анна Андреевна пришла в волнение: — Этим слухам нельзя верить ни в коем случае! Они могут распускаться только с определенной целью. Я сама полтора года стояла в очередях и знаю, что этого быть не может» (*Мейлах М. С.* 99). Ср. также письмо Фадеева Эсфири Шуб от 24 ноября 1955 года: «С 15 октября я не встречаюсь ни с кем из литературной среды и среды искусства, не читал за это время ни “Литгазеты”, ни “Сов. культуры”, чтобы не раздражаться. Но

краем уха, от больных, я слышал, что будто бы реабилитирован Мейерхольд?» (*Шуб Э. Жизнь моя — кинематограф. М., 1972. С. 415*). Дело Мейерхольда 1 июля 1955 года поступило в военную прокуратуру. Прокурор вспоминал: «Сталину были доложены слова З. Райх: “Передайте Сталину, что, если он не понимает в искусстве, пусть обратится к Мейерхольду”.<...> ...и Сталин на деле Мейерхольда поставил палку, одну черту. Когда он ставил одну черту, это означало расстрел, когда две — десять лет. <...> Шостаковичу, когда он узнал от меня правду о гибели Всеволода Эмильевича, стало дурно, совсем плохо, еле вынесли его от меня. <...> [Ильинский] сказал: “Смотри, у него много врагов, многие не захотят, чтобы он воскрес...”» (*Ряжский Б. Как шла реабилитация // Мейерхольдовский сборник. Вып. I. М., 1992. С. 149, 154, 157*). См. письмо Пастернака военному прокурору Б.В. Ряжскому от 24 августа 1955 года: «Вы помните наш разговор. Главное его существо заключалось вот в чем. Так же, как и Маяковский, я был связан с Мейерхольдом поклонением его таланту, удовольствием и честью, которое доставляло мне посещение его Дома или присутствие на его спектаклях, но не общей работой, которой между нами не было, для меня и он, и Маяковский были людьми слишком левыми и революционными, а я для них был недостаточно радикален» (Реабилитирован посмертно. Вып. 1. М., 1989. С. 193). Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940), знакомый с Гумилевым с 1909 года, печатал стихотворный диалог Ахматовой и Блока в своем журнале «Любовь к трем апельсинам» в 1914 году. 12 февраля 1915 года Ахматова была приглашена в числе «друзей» на спектакль Студии Мейерхольда (РГАЛИ. Ф. 998. Оп. 1. Ед.хр. 2867. Л. 1). Впоследствии должна была много слышать о методике его режиссуры от своих друзей, участников Студии Н.В. Рыковой и Г.Г. Фейгина. Фигура его (Дапертутто) введена в «Поэму без героя»: «...сам Мейерхольд-Демон — руководит представлением [...] Вс. Эм. продолжает тут же создавать из ничего — Нечто»» (*Я не такой. С. 1278*).

В списке кандидатов на реабилитацию против имени умершего в Лефортовской тюрьме знакомого Ахматовой — литературоведа Г.А. Гуковского сохранилась помета М. Сулова: «Не время!» (*Оскоцкий В. «Главный идеолог режима»: Штрихи к политическому портрету М. Сулова // Апрель. 1992. № 5. С. 180*). Итальянскому коммунисту объяснили московские, что возрождение забытых имен сопровождалось шумным скандальным

тоном и тенденцией идеализировать литературные имена и события прошлого (*Boffa, Giuseppe. Inside the Khrushchev Era. New York, 1960. P. 190*).

147 *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы (1932–1946). Сталин, Бухарин, Жданов, Щербаков и другие // *ВЛ.* 2003. № 5. С. 247.

148 *Сельвинский И.* Наболевший вопрос // *ЛГ.* 1954. 19 октября.

149 Ср. письмо И. Сельвинского к переводчице И.М. Зусманович от 10 января 1964 года: «Дорогая Инна! Только что я прочитал “Поэму без героя”. Пишу Вам о первом впечатлении. Большой темперамент, великолепное мастерство, за каждой строчкой — жгучая боль. Но эта поэма — такой могучий поток намеков, она так засекречена, что никогда не станет любимой книгой читателя. Подобно тому, как Хлебников — поэт для поэтов, так и эта поэма — поэма для литературоведов. Даже я, который кое-что помню о символизме и символистах, не в состоянии распутать этот узел. Верхним чутьем я ухватываю настроение той или другой строки; помогает и то, что вся поэма написана скорее Блоком, нежели Ахматовой, которая вернулась к себе только в последней части. Портрет Блока, этого Демона с улыбкой Тамары, написан гениально, иногда есть прямые линии к нему (например, воспоминание о черной розе в бокале), но все окружающее, вся аура, само место Ахматовой в первых частях поэмы — все это тайна для нашего брата советского человека. Поймут это только шведы... Но, вообще говоря, замечательно, что эта поэма существует. Я отдохнул на ней от частушек со всем их антуражем. Она освежила бы нашу поэзию, если б была издана, хотя выход ее вызовет резкую отповедь со стороны нашей ведущей критики типа Старикова и К°» (№ 221; критик из журнала «Октябрь» Дмитрий Викторович Стариков регулярно выступал с нападениями против «Нового мира», стал широко известным, когда атаковал стихотворение Евтушенко «Бабий Яр» за оскорбление торжества ленинской национальной политики и отступление от коммунистической идеологии на позиции буржуазного толка). На него, зятя А. Софронова, была сочинена эпиграмма:

Ну что с него такого взять?

Не сукин сын, а сукин зять.

(РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 2. Ед.хр. з. Л. 42).

Ср. фразу Ахматовой об И. Сельвинском: «Думали, он — гитарист-виртуоз, а он ничего не умеет» (*Берестов В. С.* 217).

- 150 *Грибачев Н., Смирнов С.* «Виолончелист получил канифоль...» // *ЛГ.* 1954. 21 октября.
- 151 *Луговской В.* Раздумья о поэзии // *ЛГ.* 1954. 16 ноября.
- 152 Имя Б. Пастернака появилось и в следующем списке, предложенном двумя молодыми поэтами, в ряду недостаточно часто печатаемых, где соседями Пастернака по списку были М. Агашина, Л. Вышеславский, Ю. Гордиенко, В. Казин, К. Ковальджи, В. Корнилов, Н. Краснов, Ю. Левитанский, М. Львов, Б. Палийчук, А. Рывлин, М. Соболев, Ник. Соколов, В. Субботин, И. Френкель и, опять-таки по умолчанию, авторы статьи (*Ли-сянский М., Мурзиди К.* Почему отстает наша поэзия // *ЛГ.* 1954. 30 ноября). Последнее добавление поступило от ленинградской администрации: А. Решетов и В. Саянов (*Друзин В.* К спорам о поэзии // *ЛГ.* 1954. 2 декабря).
- 153 *Луговская Т.* О Владимире Луговском // *Луговской В.* Стихи разных лет. М., 1988. С. 11; *Туманова З.* Про те года... Литературные воспоминания // Молодая смена. Ташкент. 1990. № 10. С. 17. Некоторые наблюдения над тематическими переключками их стихов см.: *Королева Н.* «Ветер войны» // *Сочинения.* Т. 2. Кн. 1. С. 308–315. Сильвия Гитович записала слова Ахматовой: «А Вы бы видели его в Ташкенте во время войны. На него страшно было смотреть. Такой бровастый, огромный, мужественный, он мученически нес ореол труса» (*Memento vivere.* С. 535).
- 154 О том, что в стихотворении 1943 года «Гости» изображены двое ташкентских знакомых, пишущий эти строки слышал от Н.Я. Мандельштам, но, к сожалению, тогда не записал, а теперь не может вспомнить, кто подразумевался под вторым гостем.
- 155 Ср.: «Владимир Луговской рассказывал мне, что ее строки спасли ему жизнь, когда жить он не мог, надеялся только на пистолет, тяжесть которого чувствовал в те дни. Машинально листая какой-то старый зачитанный томик Ахматовой, он вдруг увидел бессмертную строку о солнечном луче, который взбегал “по влажному горячему плющу”. Прочитал, как Ахматова следит за этим лучом, и подумал: если есть такая возможность следить за ним, стоит жить хотя бы ради этой возможности. И остался жить» (*У времени в плену.* Интервью с А. Межировым // Юрмала. Городская газета. 1990. 13 сентября; строфа из стихотворения «Слаб голос мой, но воля не слабеет...»: «Как прошлое над сердцем власть теряет! / Освобожденье близко. Все прощу, / Следя, как луч взбегает и сбегает / По влажному весеннему плющу»).

- 156 Интерьер квартиры В.А. Луговского: «Взирала с книжной полки фотография Ахматовой. В сентябре 46-го (то есть после доклада Жданова и постановления ЦК) она еще там стояла, стояла и в октябре, но к декабрю то ли мэтр, то ли его молодая жена <...> этот снимок убрали. Впрочем, и на том спасибо. В другой семье фотография исчезла бы в день постановления...» (Корнилов В. Белый стих // Первое сентября. 2001. № 23). Ср.: «Елена Леонидовна, жена В.А., спрятала портрет Ахматовой, а на его месте поставила снимок химеры с собора Парижской Богоматери. Заметив подмену на письменном столе Луговского, язвительный Михаил Светлов воскликнул: “Боже мой, как изменилась Анна Андреевна!”» (Громова Н. Все в чужое глядят окно. М., 2002. С. 51).
- 157 «...он поэт! У поэта должны быть падения, иначе не будет взлетов. Не все ли равно, что будут о нем говорить!» (Грудцова О. Довольно, я больше не играю... Повесть о моей жизни / Публ. Е. Царенковой, предисл. и примеч. А.Л. Дмитренко // Минувшее. Исторический альманах. 19. М.; СПб., 1996. С. 63). Ср. пересказанный Н. Климонтовичем рассказ Т.В. Ивановой: «...история из времен эвакуации: однажды <...> вместе выступали Ахматова и поэт Луговской, который, несмотря на свою курсантскую, что ли, венгерку, на фронт никак не хотел. Естественно, они сидят в президиуме, Луговской читает первым; был он, как водится, вполъядна, что никак не мешает, мы знаем, вдохновению; отчитав, он откланялся, но отправился не на свое место в президиуме, а в глубь сцены; Ахматова уж было приготовилась выйти к рампе, как заметила, что весь зал, замерев, смотрит куда-то за ее спину; обернувшись, она обнаружила, что Луговской преспокойненько тут же, на сцене, мочится в кадку с фикусом...» (Октябрь. 2000. № 11. С. 96).
- 158 Ср. стихотворение Майи Луговской (Е.Л. Быковой) «В фиолетовом буйстве сирени» (День поэзии. М., 1973. С. 193) о дне рождения Ахматовой, отмечавшемся в Фонтанном доме.
- 159 19 апреля 1951 года он говорил в московской секции поэтов: «Забыли о лирике, особенно о так называемой лирике философского порядка. Один Степан Петрович Щипачев работает на этом фронте. Забыли любовную лирику, философскую. А это нужно. Пригласила меня дочка-десятиклассница в Детский театр, где собиралось человек 100 актива. Со мной был Михалков. То я кидался в бой, то Михалков (ему там устроили хорошую баню). Десятиклассницы нас заклевали. Они ставили

вопрос о лирике Щипачева и Симонова. Они гоняли нас, как зеленых зайцев. И они говорили: “Дайте нам Щипачева и Симонова, — мы их загрызем”. В общем, чувствуется, что люди волнуются. Это были дети Москвы. Их было сто человек. Причем в большинстве это были именно рабочие ребята, но они достают томик Гумилева, переписывают стихи Гумилева, переписывают Ахматову, раннюю ее лирику, и т.д.» (*Луговской В. Раздумье о поэзии. М., 1960. С. 195*).

- 160 Ср.: «Затем, как известно, я уже бесчисленное количество раз чисто уничтоженная, снова подвергалась уничтожению в 1946 дружными усилиями людей (Сталин, Жданов, Сергиевский, Фадеев, Еголин), из которых последний умер вчера, а стихи мои — более или менее живы» (*ЛО. 1989. № 5. С. 6*). Ср.: «Ахматова утверждает, что ее муза — та же, которая диктовала Данте страницы его “Ада”. Вряд ли это так. “Божественная комедия” — одно из самых тенденциозных произведений мировой литературы, автор которого жил всеми политическими страстями своего времени и своими чеканными терцинами творил суд над современниками и над героями близкого и далекого прошлого. <...> Ахматова восприняла войну только как проклятие; в большинстве ее стихотворений ленинградского цикла военная тема раскрывается исключительно как тема боли и страдания. <...> Ахматова не разглядела в советских людях того нового, что внесено в их сознание социалистическим общественным строем и советским государством. Защитникам Ленинграда она приписывает какие-то смертнические настроения, изображает их героическую борьбу, как слепое и покорное движение навстречу неминуемой гибели <...> Так оборачивается перед Ахматовой советская действительность военных лет: как вереница бессмысленных, ничем не заполненных, мертвенных в своей пустоте дней, отравленных “ядовитым туманцем” пошлости. Снова мир предстает перед ней какой-то огромной, чуждой и враждебной ей ненужностью, снова все явления действительности приобретают сумрачную, зловещую окраску <...> В этом мире все призрачно, все бrenно, все обречено смерти. Одинок и бесприютен в нем человек, отданный во власть темных роковых сил <...> Таков логический итог, который подводит Ахматова пройденному ею пути, — итог достаточно красноречивый» (*Сергиевский И.В. Об антинародной поэзии Ахматовой // Культура и жизнь. 1946. 30 августа*). Ср.: «Его волновало все, что делалось в литературе и в жизни, но

- эти волнения горели внутри, в его сердце, и, должно быть, поэтому он погиб так рано» (*Левин Ф. Из глубины памяти. С. 113*). Ср. воспоминания о его жене, предостерегавшей знакомых от контактов с детьми репрессированных: «Мара Сергиевская была очень тонкий человек. Она убаюкивала свою девочку не песенками, а стихами Блока, Гумилева, Ахматовой» (Вся наша жизнь. Воспоминания Галины Ивановны Левинсон и рассказы, записанные ею. М., 1996. С. 156). Ср. воспоминания о траурном митинге в Отделении литературы и языка по поводу смерти генералиссимуса: «Когда я увидела, что по щекам И.В. Сергиевского катятся натуральные слезы, меня охватил необоримый приступ смеха, как на уроке в школе» (*Роскина Н.А. Смерть Сталина в «Литературном наследстве» // РГАЛИ. Ф. 3120. Оп. 1. Ед.хр. 2. Л. 26*).
- 161 Ср. воспоминания Е. Евтушенко: «Либеральная интеллигенция аплодировала Алигер, когда на собрании московских литераторов она сказала, что “старые товарищи по фронту и по поэзии простят Косте Симонову некоторые его поступки только при условии, что он их никогда не повторит”» (*Строфы века. С. 580*). Газетный отчет сообщил, что Алигер упрекала Суркова, Симонова, Тихонова в том, что они недостаточно боролись за здоровую и нормальную обстановку в Союзе писателей (За высокую творческую активность! // *ЛГ. 1954. 9 декабря*).
- 162 *ЛГ. 1954. 26 декабря*. Кандидатура Б. Зайцева наряду с М. Шолоховым и М. Алдановым рассматривалась в том году среди нобелевских соискателей (премию получил Э. Хемингуэй). В 1964 году Борис Зайцев обратился к Ахматовой с печатным поздравлением по случаю ее 75-летия (*РМ. 1964. 13 июня; Pro et contra. 2. С. 226–227*).
- 163 *Чуковский К. Т. 13. С. 179*. Пастернак съезд игнорировал: «Клянись Анне Андреевне», вот и все его отношение к съезду» (*Там же. С. 218*).
- 164 *Ардов М. Легендарная Ордынка. С. 52*. Рассказ об этой оговорке восемь лет спустя на вечерах Е. Евтушенко пользовался таким же бурным успехом у аудитории, как и его стихотворение «Бабий Яр» и его сообщения о том, что Ленин был за свободу творчества, а Фидель Кастро поддерживает абстрактное искусство (*Viereck P. The Mob within the Heart: Russia's Rebel Writers // Tri-Quarterly. Spring, 1965. Creativity in the Soviet Union. P. 27*).
- 165 *Шапорина Л.В. С. 278*. Тов. Казьмин Николай Дмитриевич (1904–1963) — в 1949–1955 годах секретарь Ленинградско-

го обкома ВКП(б)/КПСС, в 1955–1961 годах в аппарате ЦК КПСС, затем директор Центрального музея В.И. Ленина — имел в виду встречу с английскими студентами 5 мая 1954 года в Доме писателей. Ахматова рассказывала Л.В. Шапориной: «В апреле этого года в Ленинград приехала делегация английских студентов и пожелала встретиться с Зощенко и Ахматовой. А.А. всячески отказывалась от этого свидания, когда из Союза писателей ей позвонили об этом; “посадите вместо меня какую-нибудь старушку”, — просила она, но все же пришлось идти. В зале на эстраде стояло только три стула — для Саянова, Зощенко и Ахматовой. Среди англичан были, видимо, знающие русский язык, так как они попросили, чтоб им дали возможность разбиться на группы и лично поговорить с писателями, которые их интересуют. На это им ответили отказом, они могут говорить только через переводчика. Они спросили Зощенко, как он отнесся к словам Жданова и к постановлению 46-го года и принесли ли они ему пользу. Зощенко ответил, что он ни с чем не был согласен. В первые годы советской власти еще живы были мещане, он их и высмеивал. Он не видит, какую пользу могло ему принести пресловутое постановление. Его слова были встречены громом аплодисментов.

То же самое спросили у А. Ахматовой. “Зачем я буду выносить сор из избы, все эти люди — враги нашей страны”, — подумала она и коротко ответила, что согласна и с тем и с другим. Гробовое молчание было ответом на ее слова. <...> В заключение англичане сказали: “Запрещенные у вас произведения Ахматовой и Зощенко пользуются у нас большим успехом”. Этот случай вызвал много толков, одни обвиняли Ахматову в трусости, другие превозносили ее патриотизм» (*Шапориная Л.В.* С. 272). «Сергей Орлов рассказал мне, как, услышав ответ Ахматовой, Зощенко сказал соседу: «...Я же был первым и не успел ничего сообразить...» (*Молдавский Д.* Снег и время: Записки литератора. М., 1989. С. 318).

Казьмин написал в Москву: «Второй выступила Ахматова. Она лаконично заявила, что постановление ЦК правильное и критика тоже. “Так я поняла раньше. Понимаю и теперь”. В ответ аплодисментов не было.

На вопрос одного из писателей; почему ответ т. Ахматовой не был удостоен аплодисментов, как ответ Зощенко, члены делегации английских студентов ответили, что выступление Ах-

матовой для них неприемлемо и не импонирует их взглядам, а Зощенко они аплодировали за исключительную “искренность”. Далее они заявили, что, может быть, Ахматова и Зощенко обидятся на них, но их произведения чтут на Западе» (Записка Ленинградского обкома КПСС о встрече ленинградских писателей с участием М.М. Зощенко и А.А. Ахматовой с делегацией английских студентов, 27 мая 1954 г. // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М., 2001. С. 216).

- 166 *Clifton, Daniel*. 3 Soviet Writers Return to Favor. Authors Formerly Criticized Named to Board of Union by Literary Congress // *New York Times*. 1954. December 27.
- 167 *Ардов М.* Возвращение на Ордынку. СПб., 1998. С. 58.
- 168 *ЛЧ2*. С. 106; *Ардов М.* Возвращение на Ордынку. С. 57. Зять — композитор Ю.С. Бирюков, автор песен к фильмам «Антон Иванович сердится» и «Небесный тихоход», а также оперы «Кавалер Золотой Звезды» по одноименному роману С. Бабаевского. Ср. воспоминания либреттиста этой оперы: «Но в это время, на нашу беду, раскритиковали роман Бабаевского... “Не повезло вам, друзья!” — огорчился Городецкий. Наша неудача расстроила его больше, чем нас» (*Железнов П.* Наставники, друзья. М., 1982. С. 93). Утром этого дня, 19 декабря 1954 года, Городецкий писал: «Третий час. А вставать мне в семь. К десяти на наш могучий съезд <...> Бьют Кремлевские часы. Каждая минута жизни каждого советского человека драгоценна для вечности, в которой где-то скоро будет найдено счастье всех людей во всех странах. Нельзя потерять ни атома, ни электрона из того, что кем-то где-то и когда-то было сделано для блага и победы коммунизма» (*Городецкий С.* Об Армении и армянской культуре. Ереван, 1974. С. 197). О взаимоотношениях Ахматовой и С. Городецкого см. нашу справку: Блоковский сборник XVIII. Россия и Эстония в XX веке: диалог культур. Тарту, 2010. С. 26–51. Как и большинство современников, Ахматова считала его автором единственной книги. Ср. по этому поводу эпиграмму Леонида Борисова:

Древний хаос потревожил,
 До времен великих дожил,
 Эх, и был же я поэт!
 Выдыбай меня, Ярила!
 Был талант, была и сила,
 А теперь, простите, — нет.

(РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед.хр. з Л. 36).

- 169 Второй всесоюзный съезд советских писателей. Художественные переводы литературы народов СССР. Сводоклад П.Г. Антокольского, М.О. Ауэзова и М.Ф. Рыльского // *ЛГ*. 1954. 21 декабря.
- 170 Правда. 1954. 24 сентября.
- 171 Письмо Л.Н. Гумилеву от 27 марта 1955 года (*Зв*. 1994. № 4. С. 180).
- 172 Фраза супругов Козловских в октябре 1956 года (*Вертинский А. Дорогой длиною*. М., 1990. С. 515).
- 173 Из самих десятых осталось, кажется, лишь одно возможное документальное свидетельство такого рода переписки — письмо Ахматовой к О.Д. Ниловой от 31 декабря 1916 года: «Благодарю Вас за то, что Вы захотели сказать мне, что любите мои стихи. Не огорчайтесь, думая о своей жизни. Мне, право, стало казаться, что все жизни одинаковы» (*Летопись*. С. 118). Впрочем, здесь может говориться и не о письме, а о беседе. Адресат — наверняка Ольга Дмитриевна Нилова, сестра адмирала К.Д. Нилова (1856–1919), соседа, между прочим, Гумилевых по Царскому селу (Малая 28), в 1920-е — переводчица в Наркоминделе. Яркие воспоминания о ней по семейным преданиям см.: *Гречухин В.А. Барыня Нилова // Кацкая летопись*. 2004. Лето (электронная версия: kl-21.narod.ru/sto/128.htm). Ей было посвящено знаменитое стихотворение «Леда» Д. Мережковского, который к ней «испытывал в 1894 г. восторженно-дружеские чувства, не без оттенка увлечения» (*Мережковский Д.С. Стихотворения и поэмы*. / Вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. К.А. Кумпан. СПб. 2000. С. 847).
- 174 Реабилитирован в 2000. Из следственного дела Варлама Шаламова / Публ. И. Сиротинской и С. Поцелуева // *Зн*. 2001. № 6. С. 137. Ср. на книге стихов В. Шаламова «Огниво»: «Анне Ахматовой с уважением, благодарностью и любовью. Много лет мечтал о том, что pošлю Вам сборник своих стихов. 14 мая 1961 г.» (*МАА*).
- 175 Речение зафиксировано в дневнике Эйдельмана 25 февраля 1956 г. (*Эйдельман Ю. Дневники Натана Эйдельмана*. М., 2003. С. 34); ср.: *Масленикова З.А. Борис Пастернак. Встречи*. М., 2001. С. 121; *Ардов В. Записи стихотворных фраз...* // РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 2. Ед.хр. з. Л. 3.
- 176 Ср. фразу Ахматовой: «Когда Герман предался милиции...» (*Найман А. С.* 128). Ср.: «...самый опасный момент для автора, рискующего при изображении коммунистов впасть (как это случается с большинством) в приторность юбилейного

спича. Но талант и хороший вкус автора спасает его: несмотря на то, что все коммунисты выступают в романе в качестве положительных типов (конечно!), автору удается сделать их все же живыми людьми с помощью очень хорошо найденных и приправленных юмором деталей. <...> Странная игра природы: все люди, служащие в Г. П. У., всегда оказываются у советских авторов идеальнейшими людьми! Этой банальности не избежал и Ю. Герман, но единственный “юбиляр” в его романе отходит куда-то на задний план, заслоненный целой толпой живых, оригинальных персонажей» (*Замятин Е.* Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. Сост. и комм. А.Ю. Галушкина. М., 1999. С. 234). Ср. воспоминания о тосте Юрия Павловича Германа (1910–1967) при встрече нового 1947 года у О. Берггольц: «Дорогая Анна Андреевна, мы вас очень любим и хотим, чтобы вы услышали это еще и еще раз. Вы для нас всегда были и навсегда останетесь великим русским поэтом. В русской поэзии были Пушкин, Лермонтов, а теперь есть вы» (*Левин Л.* Дни нашей жизни. Книга о Юрии Германе и его друзьях. М., 1981. С. 219).

Ср. также характеристику ранней его прозы: «Иногда в “Наших знакомых” заметна близость к “Что делать?” Чернышевского или даже к Фаддею Булгарину, однако и на таких страницах [Л.Н.] Толстой не уступает своих прав окончательно: всегда, везде, во всем <...> у Юрия Германа есть чему верить и над чем задуматься. Пусть в романе много казенщины, — сквозь нее видна жизнь, и то, как изображает ее Герман, дает будто бы понятие о загадочном существе, о пресловутом “новом советском человеке”» (*Адамович Г.* С того берега. М., 1996. С. 288–289).

- 177 См.: *В.А.А.* С. 364, 539, 556–568; *ЛЧ2.* С. 200–201; *Найман А.* С. 231; ср. приложенную в письме читательницы из Мурманской области (1965) открытку с портретом Баталова и просьбу об автографе на ней (№ 1315). Л.Н. Гумилев писал из лагеря 16 октября 1955 года: «Был в кино. Видел Алешу Баталова. Он играет хорошо, а картина более чем неважная. После кино, разговаривая, высказали мнение, что если бы в картине был только Алеша с его романом, то это было бы в самый раз» (*Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 370). Ср. запись 1962 года: «А.А. не была в кино с 1957 г. Она любит кино, но не признает телевизор» (*Будыко М.И.* С. 377). Михаил Иванович Будыко (1920–2001) — геофизик, познакомившийся с Ахматовой в 1962-м в Доме творчества в Комарове и записывавший беседы с ней.

Ахматова смотрела и другой кинофильм с А. Баталовым — «Мать» (поставлен М.С. Донским в 1956 году): «Когда (в прошлом году) ставили в кино горьковскую “Мать”, никому не пришло в голову справиться, как в самом деле одевались участницы революционного движения того времени, и нарядили их в парижские модельки 60-х, кажется, годов. Очень интересно было бы посмотреть, как барышня в таком виде пришла бы агитировать рабочих и что бы они ей сказали. Я пробовала протестовать, но Алеша Баталов, который играл Павла, только рукой махнул: “Ну, это вы одна помните”. Почему я одна?» (*Десять лет*. С. 28; художник по костюмам — Е. Гаккебуш).

- 178 Ахматова встретила в апреле 1946 года у Пастернака. Так запомнился этот эпизод вдове Вертинского: «Вечером мы с Александром Николаевичем сидели дома. Раздается телефонный звонок. Звонит старый приятель Вертинского писатель Лев Вениаминович Никулин и сообщает, что сегодня у поэта Бориса Леонидовича Пастернака в доме собираются гости и на вечере будет присутствовать А.А. Ахматова. Никулин предлагает заехать за нами на машине и отвезти к Пастернаку по его приглашению. Мы с мужем взволнованы и спешно одеваемся. Познакомиться с Ахматовой — какое это счастье! Приезжаем на квартиру к Борису Леонидовичу в Лаврушинский переулок. Гости уже в сборе и сидят за большим овальным столом, среди них — величественная, гордая Анна Андреевна Ахматова. Пастернак представляет Александра Николаевича и меня. Нас посадили за стол напротив Ахматовой. Помню, что сам Борис Леонидович не садился и все время прохаживался среди гостей. Шла беседа о поэзии и о поэтах. Вертинский завел разговор об эмигрантских парижских поэтах — о Георгии Иванове, Георгии Адамовиче, Владиславе Ходасевиче, о Довиде Кнута и других. Стал читать Георгия Адамовича. Читал Вертинский поэтов, произведения которых главным образом были на тему тоски по Родине. Но Ахматова стала резко осуждать эти стихотворения и с упорной горячностью настаивала, что в поэзии искусство должно быть только для искусства. Александр Николаевич был очень смущен и огорчен, он высоко ценил и любил поэзию Ахматовой, но ему было непонятно ее отрицательное отношение к поэтам Серебряного века, живущим вдали от своей Родины» (*Вертинская Л. «Он все терпел» // Московские новости 2004. 24 сентября*). Сильвия Гитович записала рассказ Ольги Берггольц: «Ужинали, пили,

читали стихи по кругу. Когда очередь дошла до Вертинского, он встал, поднял бокал и, грассируя, сказал: “Я поднимаю этот бокал за Родину, потому что те, кто с нею не расставались, и понятия не имеют о том, как можно любить Родину!” И тут с бешеными глазами встал Пастернак и сказал Вертинскому: “Как вы смеете говорить о любви к Родине! Вы г....!” Растерянно Вертинский протянул руки в сторону Анны Андреевны и сказал: “Анна Андреевна, что же это?” “Да, да, — царственно наклоняя голову, произнесла она. — Да, да!» (ОАА. С. 331–332). В пересказе Зои Томашевской «не полным словом, а одной буквой» (Ласкин А. С. 264). Вдова А.К. Тарасенкова вспоминала: «И почему-то Вертинский стал читать стихи Георгия Иванова о любви к России. Было ли это связано с тостом, хотел ли он заполнить возникшее напряженное молчание — не помню. Помню, что он стоя читал стихи и, закончив их, заговорил о том, что никто из нас здесь — в России — не мог любить Россию так, как любили они Россию там... <...> [Ахматова] поднялась с дивана и, поправив шаль на плечах, сказала, что здесь, в этой комнате, присутствуют те, кто перенес блокаду Ленинграда и не покинули города, и в их присутствии говорить то, что сказал Вертинский, по меньшей мере бестактно и что, по ее мнению, любит Родину не тот, кто покидает ее в минуту тяжких испытаний, а тот, кто остается вместе со своим народом на своей земле» (Белкина М. Скрещение судеб. М., 1988. С. 224–226). Ср. устный рассказ М.Д. Вольпина, согласно которому Ахматова «пришла оттуда возмущенная, на грани неприличных слов просто, что это — черт знает что!»: «Пастернак меня пригласил к себе, а там оказался... Вертинский. <...> Я подошла к Борису и говорю потом: “Как же Вы могли позвать меня и Вертинского? Что, Вы не понимаете, что этого вообще нельзя делать?” И Вы знаете, что он мне ответил: “Я был в одном доме и... Вы знаете роль Вышинского в литературе сейчас? Он представляет собою партию и правительство, то есть он ведает нами, Вышинский ведь! И вот меня знакомят с бритым человеком — я протягиваю руку, и он тоже любезно протягивает, и мне слышалось — ‘Вышинский’. И я ему говорю, что значение этой встречи я понял... Это историческое рукопожатие, потому что это мост через ту пропасть, которая отделяет правительство от поэтов... И как было бы хорошо, если бы Вы могли вот также просто общаться с нами. Чтоб ко мне пришли, допустим, или я к Вам... Он сказал: ‘Это можно сделать’.. И я его пригласил, а

потом мне сказали, что это Вертинский, ну и мне неудобно же было отказать...» (Дувакин В. С. 261). Вертинский положил на музыку три ахматовских стихотворения, внеся в текст различные изменения: «Сероглазый король», «Лучше б мне частушки задорно выкликать» («Ее простое желание»), «Чернеет дорога приморского сада» («Темнеет дорога приморского сада»). Ср. воспоминания Михаила Ардова:

«Я произношу ахматовские строки:
— Темнеет дорога приморского сада,
Свежи и желты фонари...

Сама Анна Андреевна сидит на диване и посмеивается. А я продолжаю в мужском роде:

— Я очень спокойный, но только не надо
Со мной о любви говорить...

Тут Ахматова смеется сильнее и даже на какое-то мгновение закрывает лицо руками.

Это было в тот вечер, когда я вернулся с концерта Вертинского и рассказывал Анне Андреевне, как он переиначивает ее стихи» (Ардов М., Ардов Б., Баталов А. Легендарная Ордынка. СПб., 1997. С. 124).

Переделка Вертинского не только комична буквализмом гендерного перевода, она уничтожала самое существенное в этом стихотворении — не просто «притаившуюся боль» («Теперь свобода, чудесная легкость — и где-то притаившаяся затихшая боль. Эта легкость, эта боль — в плавном течении задумчивого амфибрахия, в нежном узоре речи: Я очень спокойная. Только не надо...» — *Слонимский А.* «Белая стая» // Вестник Европы. 1917. № 9/12. С. 41; *Pro et contra.* 1. С. 171), — а значительно более трагический подтекст идиллической картинки. Строки «Я очень спокойная... только не надо / Со мною о нем говорить» цитировали строку поэтессы, убившей себя незадолго до написания ахматовского стихотворения. Об этой строке Ахматова писала в статье «О стихах Н. Львовой»: «И та, которая с такой горькой печалью поведала нам свою любовь, таким задыхающимся голосом припоминала о встречах и разлуках, говорит совсем просто и уверенно, когда почувствовала дыхание смерти:

Я нынче светлая. Я нынче спокойная».

О взаимоотношениях Ахматовой и Вертинского см. также наши справки: *Пути искусства.* С. 402–406; *Пермяковский сборник.* С. 578–579. В мемуарах певца рассказывалось, что больной Шаляпин говорил Вертинскому:

«— Ты помнишь у Ахматовой?

Иди один и исцеляй слепых,
Чтобы узнать в тяжелый час сомненья
Учеников злорадное глумленье
И равнодушие толпы!..»

(Вертинский А. Четверть века без родины // Москва. 1962. № 5. С. 218). Ср. реакцию Твардовского на эту публикацию: «“Москва” можно печатать и Бунина (кромсая), и Мандельштама, и Вертинского, “Новому миру” — никого, ничего...» (Солженицын А. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. М., 1996. С. 107). Ср.: «...с дамской небрежностью было сказано о мемуарах Вертинского, появившихся в журнале “Москва” — “наверное, пишет всякие глупости”, но мое сообщение о том, что автор воспоминаний застал как-то Шаляпина размышляющим над ахматовским стихотворением “Нам свежесть слов и чувства простоту...”, восприняла удовлетворенно» (Толмачев М. Бутылка в море. М., 2002. С. 26).

179 «С М. Горьким А. А. виделась всего раз в жизни. Рассказывала мне: живя у Рыбаковых на даче, работая на огороде, босая, расстрепанная, она однажды пришла к Горькому и просила устроить ей какую-нибудь работу. Горький посоветовал ей обратиться в Смольный <...>, чтобы переводить на итальянский язык прокламации Коминтерна.

“Я тогда, не зная достаточно итальянского языка, не могла бы, даже если б захотела, переводить эти прокламации. Да потом, подумайте: я буду делать переводы, которые будут посылаться в Италию, за которые людей будут сажать в тюрьму...” Дальше заговорила о тогдашних возможностях Горького, о степени его влияния, и закончила: “Он был один, а к нему обращались сотни людей. Не мог же он всех устроить! Но, конечно, по отношению ко мне он поступил недостаточно обдуманно, сделав такое предложение”» (Л1. С. 260–261). Ср. запись Л.В. Горнунга от 31 марта 1926 года: «Анна Ахматова заговорила со мной о Максиме Горьком. Она сказала, что он настолько знаменит, что каждое его замечание и каждая записка будут запоминаться и будут где-то опубликованы. У меня осталось впечатление, что, говоря о Горьком, Ахматова думала о себе» (ВАА. С. 188). М. Алигер вспоминала: «Анна Андреевна с негодованием относилась к тому, что люди подчас разрешают себе недостаточно почтительно говорить об Алексее Максимовиче.

— Постыдились бы, право, — говорила она резко и сухо. — Если бы не он, многие из них просто бы не выжили. Горький спас петербургскую интеллигенцию в трудные годы. Стыдно забывать такое» (В.А.А. С. 366–367). Ср. разговор 1964 года: «Среди самых известных и в то же время самых скрываемых в советские времена поступков классика пролетарской литературы было его заступничество за Гумилева, не приведшее к желанному результату. О том, как это было, я и осмелился спросить Ахматову — кому, как не ей, была известна вся правда?

— Ничего подобного не было! — отмахнулась Анна Андреевна. — Все это враки. Про то, что он ездил к Ленину, расплакался, уговорил... Вы это имеете в виду? Что Ленин пообещал Колю отпустить, а по телефону приказал немедленно расстрелять? Всё — враки. Выдумка Горького. Или кого-то еще...» (Ваксберг А. Моя жизнь в жизни. Т. 1. С. 119–120). Рассказ о том, как Ахматова ходила к Горькому, и тот хлопотал за Гумилева — сомнителен (Липкин С. С. 499).

В 1930 году Горький заметил: «Ахматова подавлена сексуальной лирикой» (Горький А.М. Собр. соч. Т. 30. М., 1955. С. 184). Поэтический консерватизм Горького пригодился его другу В. Десницкому в горячие деньки ждановского разгула: «Критика некоторых стихов В.Е.Гаккель и в наши дни звучит как злободневная, поскольку иные из современных поэтов, поднявших на щит А. Ахматову, нашли в ее стихах для себя источник почтительного благоговения и рабского подражания. М. Горький пишет В.Е. Гаккель-Аренс: “У Вас, в таких стихотворениях, как например ‘Осень’, избыток литературного ‘дендизма’, которым гг. эстеты отравляют русскую поэзию и портят русский язык. Этот ‘дендизм’ выражается на Руси не подчеркнутым вкусом к слову, не грацией неожиданных созвучий, но расшатанностью ритма и провинциальной манерностью. Поэзия гг. эстетов — титулярная советница из Калуги в парижском платье, она еще не умеет его носить незаметно для себя самой”» (Десницкий В. Максим Горький в борьбе за идейность и партийность литературы в годы реакции // Зв. 1946. № 9. С. 188). О Вере Евгеньевне Арэнс (в замужестве Гаккель; 1883–1962) см. нашу справку: *Я всем прощание*. С. 498–500.

180 *Рафальский С.* Русская поэзия на перепутье // Посев. 1956. 29 января.

181 *Endler, Adolf.* Der Pudding der Apokalypse. Gedichte. Frankfurt/Main, 1999. P. 68. Из упомянутых в этом стихотворении имен

прокомментируем здесь только Александра Евдокимовича Корнейчука (1905–1972), академика АН СССР (ср. эпизод неожиданной его встречи с Ахматовой: *Ильина Н.* Дороги и судьбы. М., 1991. С. 340–342), и поэта Леонида Первомайского (Илью Шлемовича Гуревича; 1908–1973), чье стихотворение очень понравилось Ахматовой в Ташкенте (*Ольшанская Е.* Поэзии родные имена. Воспоминания. Стихи. Письма. Киев, 1995. С. 8). Кстати, Леониду Первомайскому В. Каверин писал в мае 1946 года: «Вот заметьте, кто не только устоял в русской поэзии (современной), но и двинул ее вперед. Мандельштам, Пастернак, Ахматова — люди поэтической личности. Она сильна и у Заболоцкого» (*Каверин В.* Литератор. Дневники и письма. М., 1988. С. 115). К вопросу о вопросах: «Интересно отметить некоторые из большого числа заданных нам немецкими читателями и писателями вопросов.

Чем объясняется то, что советские писатели постоянно перерабатывают свои произведения? (Ссылка на Фадеева).

Когда в советской литературе появятся произведения, посвященные преимущественно теме любви?

Почему советские писатели мало внимания уделяют бытовым подробностям в изображении советских людей?» (Отчет В. Ажаева и Е. Долматовского о пребывании в ГДР в марте 1954 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 1344. Л. 4).

182 Пусть крепнет наша Родина // *ЛГ.* 1954. 14 мая.

183 РГАЛИ. Ф. 2219. Оп. 2. Ед.хр. 550. Л. 1–6.

184 *Gibian, George.* Talks with Soviet intellectuals // *New Republic.* 1957. March 18. P. 13; *Gibian G.* Interval of Freedom. Soviet Literature during the Thaw 1954–1957. Minneapolis, 1960. P. 10.

185 Отсутствие произведений, упоминающих 40-летнюю годовщину, ставилось потом в упрек второму выпуску альманаха (*Дмитриев А.* О сборнике «Литературная Москва» // *Правда.* 1957. 20 марта). Что же касается маяковского пророчества, то оно издавна обросло разговорами о его зависимости от Хлебникова: «В 1912 г. Хлебников берет историю России за руку и спрашивает: Не следует ли ждать в 1917 г. падения государства? В 1915 г. Маяковский в “Облаке в штанах” зарифмовывает ясновидения Велемира, неудачно сварьировав дату» (*Хлебников В.* Всем. Ночной бал; *Альвэк.* Нахлебники Хлебникова. Маяковский — Асеев. М., 1926. С. 14). Ср.: *Баран Х.* Был ли Хлебников Кассандрой? // *Авангард и остальное.* Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса. М., 2013. С. 254–275.

Образ Хлебникова у Ахматовой иногда возникал в пересечении с образом Маяковского (*Тименчик Р.Д.* Несколько примечаний к статье Т. Цивьян // *Труды по знаковым системам.* V. Тарту, 1971. С. 278–280). Хлебников посвятил Ахматовой, как она считала, стихотворение (С. 69, 707) «Песнь смущенного», датированное 1913 годом:

На полотне из камней
Я черную хвою увидел.
Мне казалось, руки ее нет костяней,
Стучится в мой жизненный выдел.
Так рано? А странно: костяком
Прийти к вам вечером
И, руку простирая длинную,
Наполнить созвездьем гостиную.

В комментариях к его републикации Н.И. Харджиев сообщил: «По свидетельству А.А. Ахматовой, Хлебников в ноябре—декабре 1913 г. читал посвященное ей стихотворение, которое заканчивалось следующими строками:

...Поднявши руку длинную / Освещу созвездьем гостиную».
(*Хлебников В.* Неизданные произведения. М. 1940. С. 407; ср.: «Ездили в Царское село к Гумилеву и Анне Ахматовой» (*Каменский В.* Путь энтузиаста. М., 1931. С. 226).

«Рука длинная», вероятно, пришла как метонимия «светской изысканности» из стихотворения Ильи Эренбурга:

Вы приняли меня в изысканной гостиной,
В углу дремал очерченный экран.
И, в сторону глядя, рукою слишком длинной
Вы предложили сесть на шелковый диван.

На тонком столике был нежно сервирован
В лиловых чашечках горячий шоколад.
И если б знали Вы, как я был зачарован,
Когда меня задел Ваш мимолетный взгляд.

Я понял, отчего Вы смотрите нежнее,
Когда уходит ночь в далеких кружевах,
И отчего у вас змеятся орхидеи
И медленно ползут на тонких стебельках.

Это стихотворение процитировал Н. Гумилев в «Письмах о русской поэзии» рядом с отзывом на стихи Хлебникова в «Садке судей»:

«И. Эренбург поставил себе ряд интересных задач: <...> быть утонченным, создать четкий, изобразительный стих. И ни одной из этих задач не исполнил даже отдаленно, не имея к тому никаких данных. <...> Вот утонченные образы. <...> “на тонком (?) столике был нежно (?) сервирован в лиловых чашечках горячий шоколад” <...>».

Стихотворение Хлебникова через Л.Д. Большинцову и Е.М. Клебанову дошло до Р.Н. Гринберга, который поместил его в своем альманахе (Воздушные пути. III. 1963. С. 13). Он писал перед тем В.Ф. Маркову 18 декабря 1962 года: «За справку о Хлебникове еще дополнительная благодарность. Дело в том, что А.А.А. хранила это стихотворение в заветном своем альбоме, где хранятся все посвященные ей стихи. <...> Меня уверяли, что эти посвящения она никогда из рук не выпускала. Вот как нужно быть осторожным! Возможно, все же, что я пушу эти стихи в 3-м № с примечанием, как Вы его изложили» <...> (Сообщено Ж.Шероном).

- 186 ЛЧ2. С. 207; в итоге в это издание вошли: одно старое стихотворение, когда-то написанное от лица мужчины, потом переделанное в двуголосную драматическую сценку («...А что теперь?») о разлюбившем («Сказал, что у меня соперниц нет...»), образец оптимистической философской лирики («И ведут за утренней звездой», раньше было мрачное «И ведут за черною звездой») «Многое еще наверно хочет...», плач о погибших ленинградцах (с давно переправленным «Для Бога мертвых нет» на некую «славу») «А вы, мои друзья последнего призыва», два клочка из «Поэмы без героя» («А вокруг старый город Питер» — где упомянут «народ» и «предчувствие рассвета», сорокалетие которого отмечало издание, и «Так под кровлей Фонтанного Дома» — про ВОВ, как стал народ говорить позже) (Антология русской советской поэзии. М., 1957. Т. 1. С. 322–325). Выходы в печать стихов Ахматовой воспринимались за океаном как знаменательное событие (*Salisbury, Harrison E. Soviet Reissued Forbidden Books. Works Banned in Stalin Era Republished in Moscow. Akhmatova's works are now included in anthologies of poetry. Zoshchenko's post-war satire of Soviet life // New York Times. 1957. January 27*).

- 187 Слизской А. Коридор Двенадцати коллегий // РМ. 1959. 7 марта. Аркадий Федотович Слизской (1892–1974), учившийся на юри-

дическом факультете Петербургского университета и участвовавший в чине поручика в «Ледяном походе» генерала Корнилова в 1918 году.

- 188 Владимир Никитич Виноградов (1882–1964) — медик-терапевт, личный врач Сталина; ср. пересказ этого места доклада в устах Ахматовой (*ЛЧ2*. С. 189).
- 189 Леонид (Генрих) Михайлович (Эрнестович) Заковский (Штубис) (1894–1938) стал начальником ленинградского УНКВД после убийства Кирова, арестован в апреле 1938 года, расстрелян. Не со всеми, впрочем, был он так строг. Ср. в показаниях М.Е. Кольцова слова А.Н. Толстого, тревожившегося в 1938 году за судьбу арестованного художника Б. Малаховского: «Будь на месте Заковский, он освободил бы Малаховского» (*Фрадкин В. Дело Кольцова*. М., 2002. С. 238–239). Ср. в ахматовской перелицовке рылеевской песенки:

Где Ягода-злодей
 Не гоняет людей
 К стенке
 И Алешка Толстой
 Не снимает густой
 Пенки (С. 392).

О наркоме внутренних дел Генрихе Григорьевиче Ягоде (1891–1938) ср. отклик издаেকে:

«И если сожмется над нами в кольцо
 Свирепая вражья порода,
 Мы встанем, как армия смелых бойцов,
 И в бой поведет нас Ягода.

Так еще только в 1936 году обращались к “дорогому Генриху Григорьевичу” члены Болшевской имени Ягоды трудкоммуну НКВД (ГПУ); обращались “семь тысяч коммунаров”, переделанных первым после Дзержинского “инженером душ” (слова Максима Горького) из беспризорников и всякого рода уголовников. Теперь, повидимому, придется в срочном порядке уничтожать прекрасно изданный том “Болшевы”, где в прозе и в иллюстрациях восхваляется вернейший ученик и исполнитель намерений и планов Сталина, ныне брошенный сам в чекистскую камеру жесточайший палач Ягода. Серьезнейшие иностранные газеты — “Тан”, “Таймс”, “Дэйли Телеграф” и т.д. придают аресту и преданию суду человека, который сначала фактически, а потом и формально в течение 15 лет стоял во главе всей жандармско-сысской и пытательной деятельности

Сталина, чрезвычайное значение и в особенности подчеркивают тот нескрываемый восторг, с которым Москва и вся страна встретили весть о готовящейся расправе с “самым ненавистным” всем слоям населения человеком во всем СССР» (*Керенский А.* Голос издалека // Новая Россия (Париж). 1937. 11 апреля).

И поскольку имя Ягоды попало в стихотворный корпус Ахматовой и попросится обрасти комментариями в будущем академическом издании, приведем еще записанный по памяти мемуаристом рассказ отца наркома на лагерном этапе: «Генрих утром пил кофе с рижскими булочками. Каждое утро ему их привозили из Риги из одной и той же пекарни. Специально летал самолет каждый день, и только в плохую погоду булочки доставляли поездом в специальной упаковке. Я ему говорил: „Владимир Ильич узнал бы об этом, наругал бы тебя“. А он смеется и ест булочку с кофе» (*Чирков Ю.* А было все так... М., 1991. С. 217–218). Что же касается до Алексея Николаевича Толстого (1882–1945), давнего знакомого Ахматовой еще со времен первого Цеха поэтов, когда он сочинял неказистые экспромты —

Цех поэтов будь венчан.
Подарю тебе кочан.
Ты надень его, как лавры.
Не добиться лавров Мавре, —

а Городецкий комментировал:

Пьян Алешка толстопузый
Чепуху понес ой-ой!
Дать бы в рот ему арбуза,
Бросить с кафедры долой (ИРЛИ),

до запрета сборника «Из шести книг» — «Тогда не затрагивали А.А. как человека и даже как поэта, и такое отношение она приписывает влиянию А.Н. Толстого, который любил ее стихи» (*Шапорина Л.В.* С. 38) — и далее до последних ташкентских встреч (о которых см. скорее злобные воспоминания сына писателя: *Толстой Д.А.* Для чего все это было. Воспоминания. СПб., 1995. С. 209–211), то см. самое пристальное исследование их литературных взаимоотношений: *Толстая Е.* Ключи счастья: Алексей Толстой и литературный Петербург. М., 2013. С. 457–500. Добавим к этому отзыв Ахматовой о «Хождении по мукам» и об образе Елизаветы Киевны, прототипом которой была преподобномученица и «праведница народов мира» Е.Ю. Кузьмина-Караваева: «Какой кощунственный пасквиль у Толстого! Блок — еще больший пасквиль. Свое беспутство

и связь с адвокатской женой (Н.В. Волькенштейн [Крандиевской]) Толстой подсовывает Блоку. Отношение Блока к женщинам: Дельмас и Валентина Щеголева хранили о нем самые высокие и нежные воспоминания. (“Женщины вокруг него вились, как лианы”; “Женщины стояли к нему в очереди и уже на лестнице снимали штаны”). “Что он сделал из величайшего поэта XX века?”. Толстой от Москвы, а не от СПб., которого и не знал. Сидя в Париже, в 1919-м, писал о СПб., не чувствуя, не зная, путая, не имея даже карты города. Так писал о Блоке... — ...а Блок в это время умирал от голода, таскал в свою даль гнилую картошку с Моховой. У него была распухшая аорта, это было смертельно для него» (*Островская С. С.* 601; «Так писал о Блоке... — ...» — здесь в дневнике было оставлено место для цитаты, так и не внесенной).

Ср.: «Мы смотрели в театре Ленсовета инсценировку “Хождения по мукам”. Романа я не читал, но спектакль мне понравился. На сцене размалеванные, крикливо одетые футуристы, красавец Бессонов, загримированный под А.А.Блока, потом разудалый батька Махно, поющий песни под гармошку. Рядом со мной Эйхенбаум, ерзает в кресле. В антракте спрашиваю:

— Вам что, дядя Боря, не нравится?

Он отводит меня в сторону и говорит очень серьезно:

— Ты сейчас, Миша, может быть не поймешь то, что я тебе скажу. Но запомни на всю жизнь. Это всё ложь.

— Что, дядя Боря? Спектакль?

— И спектакль, и Махно, и Бессонов, и роман этот, в основном, ложь» (*Козаков М.* Рисунки на песке. Tel Aviv, 1993. С. 106).

- 190 Слух о том, что «Сталин лично не дал тронуть Ахматову: поэт Сосо когда-то любил ее стихи», в качестве рупора МГБ сообщал писателям, в том числе своему соавтору С.А. Радзинскому, Петр Павленко (*Радзинский Э.* Сталин. М., 1997. С. 563–564), некогда входящий к генеральному секретарю (Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина // Исторический архив. 1998. № 4. С. 137). Ср.: «По собственным его словам — он, правда, мог и прибавить, а иной раз и попросту приврать, — он около то ли тридцати, то ли пятидесяти раз встречался со Сталиным» (*Субботин В.* По краю земли // Урал. 1999. № 2. С. 160). Ср. запись рассказа Ахматовой у Александра Крона: «Сталин говорил (кому?), что с юности знал стихи Ахматовой и два стихотворения знает наизусть, — какие, не установлено» (*Зв.* 1998. № 3. С. 217). Из толков, запущенных в писательские круги, отметим

еще и такой: «Оказывается, Сталин отдал негласный приказ, о котором в годы оттепели [М.А. Слонимскому] рассказал один из бывших функционеров ЦК. После первого постановления о литературе, где были упомянуты Зощенко, Ахматова, Слонимский, Тихонов, Герман и Хазин, Сталин, через стукачей проверив, что заговора никакого нет, приказал не арестовывать никого из тех, кто обруган в этом постановлении. Вот такой восточный сатрап с извилистой садистской психологией: арестовывали тех, кто не был обруган в партийных документах, так что даже ругательное упоминание в них почему-то становилось “охранной грамотой”!» («Жизнь между прошлым и будущим». Беседа с С.М. Слонимским // Невское время. 1997. 26 ноября). Ср.: *Слонимская И.* Что я помню о Зощенко // *Нева*. 1990. № 7. С. 203.

- 191 *ЛЧ2*. С. 190. О том, как это предсказание буквально реализовывалось в мизансценах «оттепельной» прозы — у Виктора Некрасова в «Кире Георгиевне», у Василия Гроссмана во «Все течет» — см.: *Dobson, Miriam.* Khrushchev's Cold Summer. Gulag Returnees, Crime, and the Fate of Reform After Stalin. Ithaca, N.Y. 2009. P.237.
- 192 Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М., 2003. С. 40.
- 193 Политический дневник. 1964–1970. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1972. С. 221.
- 194 Пусть наша память будет доброй. Из архива писателя Михаила Слонимского // *Искусство Ленинграда*. 1990. № 10. С. 67.
- 195 А. Сурков два года спустя объяснял немецкому журналисту: «Любой по-советски мыслящий человек, который принимает нашу действительность и воспринимает ее как свою, может быть членом Союза писателей. Конечно, его произведения должны быть ценны и сами по себе. Мы не принимаем просто сочинителей». Я хотел выяснить, как эти принципы отбора работают на практике. «Ну, вот например. Мы не исключали Бориса Пастернака, хотя он субъективистский и идеалистический поэт». Сурков засмеялся. «Очень талантливый поэт Анна Ахматова — выходец из декадентской школы, это верно, но она тоже член нашего Союза». Слова Суркова напомнили мне, что во времена Жданова он должен был предаться самокритике за то, что напечатал несколько стихотворений Ахматовой в журнале, который он редактировал» (*Ruge G.* Conversations in Moscow // *Encounter*. 1958. Vol. XI. № 4. P. 28). Ср. покаяние

А. Суркова: «Были времена, когда мне не надо было каяться, когда я с иронией слушал людей, которые в кулуарах утверждали, что Зощенко — глубокий психолог, и под его гаерством скрывается настоящая душа. То же и в отношении Ахматовой. <...> В качестве редактора “Литературной газеты” я вместе со всей редакционной коллегией больше года тому назад напечатал под рубрикой “Будущие книги” интервью Ахматовой с ее портретом. Я себя спрашиваю теперь, когда все это стало ясно, как, отчего это произошло? Не аллилуйствуя, не бросая слов на ветер, я должен признать, что потерял остроту идейной оценки литературных явлений. <...> Была бы не очень великая беда, если бы один Сурков проявил политическую слепоту. Нет, это более широко распространившаяся болезнь. Сколько ленинградцев проявили ту же самую слабость. Да и в Москве один ли я? Вот товарищ Вишневский, он тоже редактор. Хотел он или не хотел этого, но в качестве редактора напечатал цикл стихов Ахматовой. В нескольких статьях, давая обзоры литературы, журнал “Знамя” возвращался к произведениям Ахматовой в таком контексте, где она зачислялась в первую пятерку или восьмерку людей, определяющих уровень и направление нашей поэзии» (Культура и жизнь. 1946. 10 сентября; о реакции Вс. Вишневского на этот перевод стрелки и о его отношении к Ахматовой и Мандельштаму см. нашу справку: *Russica Romana*. 2010. Vol. XVII. P. 205–212). «Годы, предшествовавшие войне, были для большой группы литераторов разных национальностей Советского Союза годами очищения сознания и чувств от хлама старых представлений о роли и назначении литературы в обществе. О том, что пережитки чуждых и враждебных теорий были еще живучи в литературной среде, свидетельствуют хотя бы вспышки рецидивов формализма и попытки гальванизации буржуазно-салонной поэзии Ахматовой буквально в самый канун войны. И грустно, что прошло уже два года, а ни у писателей, ни у критиков не нашлось времени для того, чтобы приступить к серьезному и глубокому синтетическому обобщению творческого опыта советской литературы в военные годы. Если бы этим занялись, может быть, и не нашли бы места апологетическая критическая свистопляска вокруг Ахматовой, критические восторги перед далекой от жизни народа лирикой Бориса Пастернака, воочию показавшие короткую память некоторых литераторов» (Сурков А. Незабываемое // ЛГ. 1947. 9 мая). Сурков был также ответственным редактором

ахматовской книжки из библиотечки журнала «Огонек» (Избранные стихи (1910–1946). М.: Изд. «Правда», 1946). Она была подписана им к печати 9 июля 1946 года; тираж был уничтожен.
196 № 1190; в том же году он вернулся в Ленинград и навестил Ахматову: «К ней пришел Кузьмин-Караваев, старик, сосед по Слепневу.

— Мы провели целый вечер втроем: он, я, Левушка, пили вино, перебирали с ним всех слепневских. Когда он ушел, меня вдруг, часа через два, осенило: да ведь он из-за меня стрелялся!

Сидя на постели, большая, тучная, она закрыла лицо руками, и задорно, лукаво сверкнули глаза между пальцев. Опустила руки.

— Подумайте, целый вечер провели вместе, и я только через два часа вспомнила... Ему было тогда 17 лет, это был красивый молодой человек, студент, подававший надежды» (ЛЧ2. С. 238).

197 Зв. 1994. № 4. С. 184.

198 «Я рассказала Анне Андреевне, как, вернувшись из тюрьмы, А.И. Любарская прочитала мне две пушкинские строки:

И первый клад мой честь была,

Клад этот пытка отняла, —

сказав, что только в тюрьме по-настоящему поняла «Полтаву».

<...> Она на минуту прижала руки к лицу.

— Откуда он знал? Откуда он все знал?

Потом:

— Никогда больше не буду это читать!» (ЛЧ1. С. 28).

199 Ср.: «Конечно, большевицкие бесчувственные цензоры не сразу “учуяли политику” в этих стихах, но для нас всех, считавших свою жизнь “десятым кругом дантова ада”, последние строки стиха прозвучали как откровение» (Анин Н. [Давиденков Н.С.] Ленинградские ночи // Парижский вестник. 1943. 21 августа).

Ср.: «Как много и часто говорит она о Музе! И она сумела сделать так, что это звучит не как стилизация. “Ты ль Данту диктовала страницы Ада? — Отвечает: Я”. Это придает всей ее лирике мифологическую основу — ту, которая нужна для подлинной, высокой лирики» (Эйхенбаум Б. Об А. Ахматовой // День поэзии 1967. Л., 1967. С. 170).

200 В редколлегию журнала входили тогда Д.И. Еремин, Н.И. Замошкин, Л.М. Леонов, М.А. Шолохов. С.П. Щипачев. Николай Иванович Замошкин (1896–1960) писал когда-то по поводу статьи Леонида Гроссмана об Ахматовой: «Гроссман говорит, что популярность поэтессы среди интеллигенции объясняется

трагическим стилем ее поэзии. Жаль только, что этот трагизм не доказывается, а импрессионистически раскрывается. Этюду определенно не достает социальных предпосылок» (*Замоскин Н.* По альманахам и сборникам // *НМ.* 1926. № 6. С. 155). Леонид Максимович Леонов (1899–1994) незадолго перед тем описывал в романе «Русский лес» неведомый ему «Привал комедиантов» (в первой редакции названный «Бродячей собакой» — см.: *Зн.* 1953. № 12. С. 125) с его посетителями — Л. Андреевым, А. Куприным и М. Арцыбашевым на фоне фресок Бориса Григорьева, занавесок судейкинской работы и «картавцев поэта Кузьмина»; знакомая Ахматовой, посетительница «Бродячей собаки», актриса Ольга Высотская отозвалась в своих мемуарных записках: «Зачем теперь некоторые писатели (Л. Леонов), которые и не бывали в “Бродячей собаке”, говорят об этом артистическом обществе как о каком-то развратном кабаре с проститутками и переодетыми жандармами. Не было проституток, не было жандармов в штатском, не было лакеев во фраках. Это сплошное вранье».

Ср. в «Листках из дневника»: «Больше всего почему-то Мандельштам ненавидел Леонова» (но отметим благожелательный, кажется, отзыв о «Скутаревском» в письме Мандельштама к М. Шагинян 1933 года — Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 74). В этой связи ср. рассказ о том, как Мандельштам советовался с Ахматовой в 1937 году по поводу своего возможного самоубийства: «...но она подвела: “Знаете, что они сделают? Начнут еще больше беречь писателей и даже дадут дачу какому-нибудь Леонову”» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. 1989. С. 52).

- 201 В рекомендации Владимиру Николаевичу Корнилову (1928–2002) в Союз писателей 15 апреля 1964 года Ахматова писала: «Не только книга стихов “Пристань”, но упорная и живая работа при сильном и своеобразном даровании — я имею в виду яркий и гибкий стих, талант точной и выразительной обрисовки современных характеров, а также настойчивые и плодотворные поиски путей освоения современной разговорной речи (это — одна из первостепенных задач русского стиха) дает право В.Н. Корнилову встать в ряды Союза советских писателей. Своя интонация и свой путь в поэзии — явления совсем не такие уж частые» (*Бек Т.* Взаправду // Литература. 2004. 16–22 декабря). Ср. разговор 1961 года: «Из молодых поэтов она высоко оценивает Володю Корнилова, особенно за поэму о смер-

- ти Сталина, которую она знает» (*In memoriam*. С. 555). Ср. о нем: «Володя был высокого накала, высокого каления русский интеллигент — с постоянными сомнениями в своей нужности, талантливости, правильности совершённого» (*Симонов А. Корниловский мятеж совести // Новая газета*. 2002. 21 января). 15 сентября 1956 года он писал Ахматовой о том, что с таким азартом брал у нее стихи, а они до сих пор не напечатаны, так как заболел С.П. Щипачев, без которого В. Корнилов не может отдать их в печать (№ 1674); отобраны к публикации были «Нет, я не выплакала их...», «Черную и прочную разлуку...», «И время прочь, и пространство прочь...», «Он прав — опять фонарь, аптека...».
- 202 ЛЧ2. С. 232. М.Б. Храпченко вернул из «Октября» и рассказы М. Зощенко (*Чуковский К. Т. 13. С. 201*). О Михаиле Борисовиче Храпченко (1904–1986) как «литературном капитане второго ранга» (наряду с В. Ермиловым) см. в письме Ю.Г. Оксмана к В.Б. Шкловскому октября 1955 года (*Зв*. 1990. № 8. С. 131).
- 203 Напомним, что речь шла не только о подозрении в намеренной шифровке, но и о т.н. неконтролируемом подтексте. Стихотворение Пастернака «Разлука» («С порога смотрит человек...»), например, читалось эмигрантами как рассказ об обыске и аресте ([Б. и.]. Тень Жданова // *Возрождение*. 1954. № 35. С. 186).
- 204 Ср. монолог Д. Поликарпова: «Сурков — недурной оратор, но не готовится к выступлениям и часто порет чушь... Плавает. Я ему это не раз говорил. Мы с ним друзья и прямо говорим друг другу все в глаза...» (*Чуковский К. Т. 13. С. 273*). Дмитрий Алексеевич Поликарпов (1905–1965) — в 1944–1946 годах оргсекретарь правления Союза писателей. Ср. первое впечатление от него у Л.И. Тимофеева: «...крайне грубый и высокомерный человек, которому порученная ему работа совершенно противопоказана. Дубина с дубинкой» (*Зн*. 2004. № 7. С. 154). В 1955 году — снова секретарь Союза, затем — заведующий отделом культуры ЦК. Ср. запись от 25 ноября 1964 года: «Поликарпов превратился в злого гения литературы. В сороковых годах он все-таки подавал надежды на обратное. Казалось бы, в последние годы он мог бы и образумиться, так нет же — это заядлый и закостенелый мракобес и сталинист» (*Антокольский П. Дневник 1964–1968*. СПб., 2002. С. 27). Лично Д.А. Поликарпов любил послушать в своем кабинете песни Вертинского (*Евтушенко Е. Волчий паспорт*. М., 1998. С. 251). См. о нем умиленный (там он читает наизусть «Орлеанскую девственницу» в русском

переводе, дошел до начала третьей песни) очерк писательско-го чиновника «Дмитрий Алексеевич»: «Многие, очень многие тебя не забудут никогда. Очень многие» (*Сытин В. Избранные рассказы. Очерки. М. 1987. С. 270*).

205 Частично: *Летопись. С. 500; ЛЧ2. С. 214*.

206 Запись от 27 сентября 1962 года: «Умерла Тамара Трифонова. Неужели мне действительно суждено пережить всех деятелей 1946 г. (*mes amis du quatorze*)» (С. 248). Ср.: «В течение почти двух десятков лет Ахматова, не выступая в печати и не включаясь ни в какую иную деятельность, жила страшно замкнутой и бесплодной жизнью внутреннего эмигранта. Политическая линия Ахматовой несомненно определяется как вполне сознательный уход от жизни, как пассивное, но тем не менее решительное неприятие действительности. “Потемневшее трюмо”, “на блюде устрицы во льду”, “на маленьком столе стаканы ледяные”, “над черным кофеом пахучий легкий пар”, “высокий царский дом” — таковы бытовые аксессуары ахматовской поэзии. И всеми этими аксессуарами она любитя до сих пор. Она всеми своими корнями — в прошлом, в тех последних днях агонизирующего, бесплодного русского дворянства, когда оно уже чувствовало свою обреченность и могло играть только вредную реакционную роль.

Революция заставила последних представителей дворянской интеллигенции решительно пересмотреть и четко определить свой путь. Некоторые, как Зинаида Гиппиус и Марина Цветаева, Мережковский, Гумилев и Ходасевич, порвали со своим народом и стали активными врагами Советской России, другие — и их оказалось значительно больше — поняли, что русский народ и русское государство вступили на новый прогрессивный путь исторического развития и что задача интеллигенции — служить своему народу.

Судя по ее творчеству, судьбы народа и России никогда не волновали Ахматову, и общественные события находили косвенное отражение в ее стихах лишь постольку, поскольку они непосредственно влияли на ее личную судьбу. Даже несколько стихотворений, посвященных Отечественной войне и блокаде Ленинграда, не подняли поэзию Ахматова над прежним ее обликом. Такие стихотворения, как “Ленинград в марте 1942 года”, “Возвращение”, “Подмосковное”, в которых ни одним намеком не отражены военные события, вызывают не только недоумение, но и возмущение, даже в стихотворении “Муже-

ство” (1942 г.) Ахматова остается аполитичной и говорит лишь о сохранении “великого русского слова” (*Трифонова Т.* Поэзия, вредная и чуждая народу // Ленинградская правда. 1946. 14 сентября; «Ленинград в марте 1941», конечно). Ср. эпизод во время эвакуации, когда Т.К. Трифонова говорила: «Я ничего не взяла в эвакуацию, кроме двоих детей, да этого томика Ахматовой. Я держу его под матрацем на моем топчане, чтоб не сперли. Это моя единственная радость и утешение» (*Крамцова Н.* Пока нас помнят... Tenaflly, N. J., 1989. С. 80). О Т.К. Трифоновой (сестре Веры Кетлинской и дочери расстрелянного большевиками в 1918-м контр-адмирала) как «лжеэксперте» по делам арестованных С. Дрейдена и Р. Бершадского см.: *Чуковский К. Т.* 13. С. 187; Политический дневник. 1964–1970. Амстердам: Фонд имени Герцена, 1972. С. 223; *Золотосов М.* С. 139. Т.К. Трифонова и ее сестра выступали на общегородском собрании работников литературы 16 августа 1946 года. Вера Казимировна Кетлинская (1906–1976) — прозаик, с большими романами и большой дачей (*Найман А. С.* 205), фигурировавшая в числе «связей» Ахматовой в отчетах о слежке за ней (*Калугин О. С.* 51). Ср. ее письмо июля 1964 года из Комарова в Комарово по поводу 75-летия адресата: «Ваши стихи вошли в мою боевую юность нотой нежности, часто грустной, иногда тревожащей. И с тех пор живут со мной <...> А я желаю Вам по-женски — долго-долго быть такою же красивой, с тою же горделивой статью» (№ 843). На могиле Ахматовой она рассказывала утешительные байки: «Ахматова покупала крохотный флакончик духов в Гостином дворе... на следующий день постановления о ней и Зощенко» (*Макарова Н.* Мужество // Нева. 1991. № 5. С. 188).

- 207 29 июня К. Федин записал в дневнике: «На днях письмо от Суркова — будет издан сборник Ахматовой» (*Федин К.* Собрание сочинений в 12 тт. Т. 12. М., 1986. С. 410). Видимо, поэтому вопрос об издании был поставлен и в Ленинградском отделении «Советского писателя». В конце 1955 года планировался сборник на 3 листа. Редакционное совещание 21 февраля 1956 года (присутствовали в числе прочих Е.И. Наумов, В.П. Воеводин, А.А. Троицкий, С.Д. Спасский, М.С. Довлатова, А.Н. Узилевский) постановило: «По разделу “Поэзия — переиздания” — считать целесообразным издать сборник стихов А. Ахматовой, объемом 5 а. л., предварительно уточнив этот вопрос с автором и центральным изд-вом». Тираж — 20 тыс. экз. Срок представ-

ления рукописи 1/VI-56, срок сдачи в набор 1/VIII-56». В дальнейшем эта книга из плана выбыла (ЦГАЛИ СПб. Ф. 344. Оп. 2. № 157. Л. 3, 5, 12, 24; Оп. 2. № 4. Л. 9; Оп. 2. № 3. Л. 3; сообщено О.Е. Рубинчик). В 1956-м возник проект издания Ахматовой в «Библиотеке поэта», хотя это и противоречило принятому в этой серии правилу издавать только усопших. 14 сентября 1956 года В.Н. Орлов докладывал на редакционном совете «Советского писателя»:

«В настоящее время план пересматривается в сторону издания целого ряда поэтов, занимающих видное место в истории русской поэзии. <...> Там имеется целый ряд крупных поэтов XX века, которые должны быть изданы: Сологуб, Белый, Ахматова, Бунин — в этом году, Саша Черный — в будущем году, Хлебников и целый ряд крупных поэтов народов СССР.

Кетлинская. А как с Гумилевым?

Орлов. Он фигурирует в сборнике начала XX века. Там будут поэты малого масштаба, которые должны быть представлены тоже» (*Там же.* Оп. 2, № 6. Л. 114). В 1956-м по Москве ходил слух о предстоящем издании книг «великого поэта Бориса Пастернака и даже Анны Ахматовой» (*Schakovskoy Z. The Privilege was Mine. A Russian Princess Returns to the Soviet Union. Transl. by Peter Wiles. New York, 1959. P. 53*).

208 *ЛЧ2.* С. 232.

209 *Пунин Н.* Обзор литературы по искусству 1932–33 г. // *Зв.* 1933. № 9. С. 189.

210 *Струве Н.* Восемь часов. С. 332. Ср.: «Я видел, как старик Фаворский делал карандашные наброски ее головы» (*Баталов А.* Судьба и ремесло. М., 1984. С. 32). Ср. запись от 22 января 1957 года о В.А. Фаворском: «Раньше он ее никогда не видел, знал лишь по портретам Петрова-Водкина и Альтмана, и даже несколько был озадачен, когда увидел ее в теперешнем состоянии. Но все же доволен, что как-то удалось выразить поэтическую сущность изображенной» (*Вакидин В.Н.* Из дневника // Фаворский В.А.: Воспоминания современников. Письма художника. Стенограммы выступлений / Сост. Г.А. Загянской и Е.С. Левитина. М., 1991. С. 26). Ср. воспоминания Н.И. Харджиева: «В 50-х годах я познакомил его с Ахматовой. Встретились у входа в издательство “Художественная литература”. Через некоторое время Владимир Андреевич нарисовал ее портрет. Не знаю, сохранился ли этот рисунок. Ахматовой портрет не понравился (“мужеподобный”). Не нравился ей и портрет ра-

боты М. Сарьяна (масло), превратившего ее в “этнографическую” обитательницу горного аула. Зато она охотно позировала А. Тышлеру, чьи рисунки считала наиболее удачными своими изображениями» (В.А. Фаворский: Воспоминания о художнике. М., 1990. С. 156). См. также: В ста зеркалах: Анна Ахматова в портретах современников / Комм. Т.С. Поздняковой, О.Е. Рубинчик. М., 2005. С. 142.

- 211 Так, в «Ленинградском альманахе» (1954) было напечатано стихотворение «Приморский Парк Победы»; ср. письмо составителя альманаха Ильи Авраменко от 24 августа 1954 года: «Очень жаль, что Вы прислали только одно стихотворение» (№ 1682). Ср. письмо читательницы 1955 года: «Я люблю Ваши стихи и обрадовалась увидя их в “Ленинградском Альманахе” № 9. Слышала, что сейчас Вы работаете над сборником, и решила высказать пожелание, чтобы в Ваших новых стихах были отражены и личные мотивы — любовь, разлука, материнство — вековые темы, от которых женщине не уйти, где бы она ни работала. Лучше Вас об этом никто не напишет, а такие стихи нужны, молодежь тянется к лирике, увлекается песенками Шульженко, а текст их далеко не всегда на высоте. Да и не только молодежь, но и пожилым, таким, как я, в 14 лет прочитавшим Ваши стихи в “Вестнике Европы”, Ваше творчество доставит радость» (№ 1219; в журнале «Вестник Европы» Ахматова не печаталась, но там была опубликована рецензия А.А. Слонимского на «Белую стаю»).
- 212 Николай Васильевич Лесючевский (1908–1978) — см. главное о нем в заметке Ю.Г. Оксмана «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых»: «...директор издательства “Советский писатель,” распределяющий и деньги и бумагу, отпускаемые всем московским и ленинградским писателям на житье-бытье. На основании ложных доносов Лесючевского были расстреляны в 1937 <sic!> году поэты Борис Корнилов (первый муж поэтессы Ольги Берггольц) и Бенедикт Лившиц, и осуждена на многолетнее тюремное заключение писательница Елена Михайловна Тагер, автор талантливой книги повестей “Зимний берег”. По клеветническому заявлению Лесючевского в Ленинградское отделение НКВД был осужден на восемь лет лагерей Николай Алексеевич Заболоцкий, преждевременно скончавшийся в 1958 году от туберкулеза, нажитого им от истязаний на допросах и издевательствах и от голода в лагерях» (Социалистический вестник. 1963. № 5–6. С. 75). Ср. запись 1964

- года: «Не читающий 99,9[%] выпускаемых книг, полагающийся целиком на мнение какого-нибудь Б. Соловьева <...> или Е. Книповичихи. <...> и не удержался я от сладостной утехи почти что отчаяния, обматерил его, самым прямым образом, обозвал его тупым и чуждым литературе человеком, больше того — не верящим ни в сов[етскую] власть, ни в партию — и это уже при раскрытых дверях, к восторженному ужасу “аппарата”. — За все сразу этому костяному жуку» (*Твардовский А.* Из «Рабочих тетрадей» // *Зн.* 2000. № 11. С. 145). Андрей Вознесенский писал о нем: «Ста медалями увенчан, стольким ноги изувечил...». Ср. слова Ахматовой: «Не хочу с Лесючевским» (*ЛЧ2.* С. 229).
- 213 Идут прения... // *ЛГ.* 1956. 24 июля. Александр Альфредович Бек (1903–1972) — прозаик. Ср. надпись на романе «Волоколамское шоссе» (М., 1964): «Анне Андреевне Ахматовой в благодарность за стихи примите эту прозу А. Бек. 26-VIII-64» (*ММА*). О сопутствовавшем надписи визиту см.: *Бек Т.* До свидания, алфавит! М., 2003. С. 63–64.
- 214 Письмо С.А. Оболенского от 3 сентября 1956 года (№ 926). Сергей Алексеевич Оболенский (1893–1976) — инженер, коллекционер, одно из его писем — от 7 января 1964 года — Ахматова показывала Л.К. Чуковской (*ЛЧ3.* С. 140); об автографах Ахматовой в его собрании см.: *Чесанова Т.* Судьба коллекции // *Ленинградская правда.* 1976. 2 ноября.
- 215 *ЛЧ2.* С. 232. В 1972 году «Есть три эпохи...» Антокольскому читала Евдокия Ольшанская, тот «несколько раз повторил “Какие стихи! <...> Приедете домой — перепишите и пришлите их мне”», потом еще раз прочитали зашедшему М.Л. Матусовскому — и тому понравилось, потом Антокольский нашел это стихотворение у себя дома в книжке «Бег времени»: «И как это я его не запомнил!» (*Ольшанская Е.* Поэзии родные имена. С. 139). Ср. отзыв Ахматовой о П.Г. Антокольском: «Тщедушный Пастернак!» (*Берестов В.* С. 217). Видимо, в тон ахматовскому невесторженному отношению к коллеге писала ей одна из ее собеседниц, З.Д. Виноград, 19 июля 1955 года: «Не знаю, прочли ли Вы уже отвратные стихи Антокольского. На всякий случай я их списала для Вас» (№ 766) — речь, конечно, о стихотворении «Встреча» («Ей давно не спалось в дому деревянном...») о старости и смерти Анны Керн (*НМ.* 1955. № 7. С. 109–110).
- Сохранился инскрипт П. Антокольского на его книге «Запад» (М., 1926): «Анне Андреевне Ахматовой с душевным

- приветом. 1926. Май. Москва» (собрание Л.М. Турчинского); Антокольский навещал Ахматову в Ташкенте, она читала ему «Поэму без героя» (Сухомлинова А. «Простите нас, Анна Андревна...» // Книжное обозрение. 1989. № 25. 23 июня). Ср. запись от 4 апреля 1966 года: «Ушла из жизни Анна Ахматова — я о ней даже не упомянул. Чем же я лучше наших газет, которые хоть некролог напечатали...» (Антокольский П. Дневник 1964–1968. С. 56).
- 216 Кедрина З. Именем Маяковского // *Зн.* 1957. № 5. С. 182). Зоя Сергеевна Кедрина (1904–1992) — критик, общественный обвинитель на процессе Синявского и Даниеля. Агния Львовна Барто (1906–1981) — детская поэтесса. Ср. ее позднейшее стихотворение «Сборник стихов»: «Девчонка в синих джинсах / Ахматову читает на окне. / Девчонка угловатая, / Нескладная пока, / Но ей уже Ахматова / Понятна и близка, / Понятна ревность ранняя, / И нежность, и тоска» (Юность. 1980. № 6. С. 19).
- 217 *Летописец*. С. 186. Речь шла о том, что составителем изданного во время войны сборника Ахматовой года был К.Л. Зелинский: «...в Ташкенте в 1943 г. вышла маленькая книжка “Избранное” под ред<акцией> К. Зелинского (10.000 экз.). Рецензий о ней не было, и ее было запрещено рассылать по стране. Продавалась она в каких-то полузакрытых распределителях. На книге не обозначено место издания. (Запрещали ее, по словам А.Н. Тихонова, 8 раз.)» (С. 29). И он же хвалебно отзывался о послевоенных стихах Ахматовой в статье, не увидевшей света из-за ждановского постановления. См. подробнее: *Тименчик Р.* Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // История литературы. Поэтика. Кино. Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М., 2012. С. 430–442.
- 218 *Зелинский К.* Поэзия и чувство современности. По поводу сборника «День поэзии» // *ЛГ.* 1957. 5 янв. Ср.: «Рядом с А. Ахматовой напечатан К. Симонов» (*Млечин В.* Литературная Москва // Вечерняя Москва. 1956. 3 августа).
- 219 Этот автор и спустя сорок пять лет воплощал собой укориэну: «Меня всегда удивляла в [стихотворении «Есть три эпохи у воспоминаний»] какая-то вызывающая моральная глухота Ахматовой» (*Огнев В.* Амнистия таланту. Близки памяти. М., 2001. С. 49).
- 220 Ср.: «Этот сборник уже не тронули: запал, что ли, вышел? А ведь можно было найти — за что. Скажем, у Пастернака там напечатано два стихотворения. Второе — “Зимняя ночь” (“Мело,

мело по всей земле”) — кстати, тогда такие фривольности не поощрялись. Но первое-то! — “Рассвет” (“Ты значил все в моей судьбе”) — это же о Христе. Многие догадались, редколлегия тряслась. Но цензура проморгала» (*Ваншенкин К. В мое время. Из записей // Зн. 2000. № 5. С. 158*). Цензурная предыстория «Зимней ночи» не обошлась без тени нашего титульного персонажа: Фадеев был возмущен «совершенно пошло-эротическим стихом ахматовского толка, помеченным 46-м годом, — прямой вызов» (Письмо К.М. Симонову от 1 апреля 1948 г. // *Путь. 1995. № 8. С. 222*; публ. М.А. Рашковской). В фадеевской «адской памяти» (*Тихонов Н. Страницы воспоминаний // Зн. 1963. № 1. С. 55*) пастернаковские строфы —

И падали два башмачка
Со стуком на пол,
И воск слезами с ночничка
На платье капал.
На печку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла

притянуло к ахматовским интертекстам — «и башмачок у заводи нашли», «моя рука, закапанная воском», «жгу до зари на окошке свечу», «и ночей наших пламенным чадом» — и было им доложено выше: «сборник <...> кончается пошлым стихом ахматовского толка “Свеча горела”» (В ЦК ВКП(б) тов. Жданову А.А., тов. Суслову М.А. 6 апреля 1948 г. // *Вокруг Фадеева. Неизвестные письма, заметки и документы (Из Российского Государственного архива литературы и искусства). М., 1996. С. 68*).

221 Стихотворение о замученных друзьях-обереутках Данииле Хармсе и Александре Введенском: «В широких шляпах, в длинных пиджаках, / С тетрадами своих стихотворений, / Давным-давно рассыпались вы в прах, / Как ветки облетевшие сирени...». Ср. придирчивый отзыв Ахматовой об этом стихотворении: «Оскорблено таинство смерти. Разве можно в такой тональности говорить о погибших» (*ЛЧЗ. С. 237*).

222 Мария Сергеевна Петровых (1908–1979), многолетний друг Ахматовой, воспоминаний о ней не написала, но в 1975-м откликнулась письмом на журнальную публикацию воспоминаний Маргариты Алигер. В частности, она написала:

«Сразу скажу о самом главном, что меня поразило. На стр. 154 Вы пишете о том, что сын Ахматовой стал солдатом, “а она

стала матерью солдата и могла молиться за него и гордиться им”. Но неужели Вы думаете, что Анна Андреевна не молилась о нем всегда, неужели Вы думаете, что не молилась в те, предшествующие годы, когда ему было так трудно, а ей за него так тревожно? И почему только тогда, когда Лев Николаевич оказался на фронте, его мать получила возможность гордиться им? Он талантливый ученый; в тяжелых условиях ссылки он сумел написать научную работу, которая в дальнейшем была высоко оценена специалистами.

О другом. Вы знаете, как предельно лаконична — и в стихах, и в беседах — была Ахматова. Ее тирада о войне вряд ли была столь длинной (ночь в каюте). Да будь ее монолог столь длинен, разве Вы смогли бы запомнить его слово в слово? Надо было оговорить, что Вы передаете только суть, смысл сказанного ею, а не дословную речь. Я не сомневаюсь в том, что некоторые слова принадлежат ей, но не все же. “Мы выиграем войну для того, чтобы люди жили в преображенном мире”. — Фраза слишком обстоятельная, риторичная, не-ахматовская. И дальше: “Все страшное и гнусное в нем (в преображенном мире) будет смыто кровью наших близких...”. Вы тогда пережили тяжелую утрату. Естественно, понятно, что Анна Андреевна хотела найти слова, чтоб хоть немножко облегчить Вашу боль. Но не могла она произнести слова столь жестокие, бессердечные. Кровь павших на войне — это ужас, это горе непреходящее. Разве можно что-нибудь “смыть” горем и ужасом? Да и что значит “смыть”? Забыть? Она никогда ничего не забывала и не забыла до своего последнего дня» (сообщено Н.А. Громовой).

223 Ср.:

— Будьте любезны,
 — Будьте железны!
 — Вашу покорную просьбу я слышу.
 — Будьте железны,
 — Будьте полезны
 Тем, кто стремится укрыться под крышу.
 Быть из металла!
 Но, может быть, проще
 Для укрепления внутренней мощи
 Быть деревянным коньком над строем
 Около рощи
 В цветенье
 Весеннем?

А! Говорите вы праздные вещи!
 Сделаться ветром, ревушим зловеще,
 Но разгоняющим все ваши тучи,
 — Ведь ничего не придумаешь лучше!
 Нет! И такого не дам я ответа,
 Ибо, смотрите, простая ракета
 Мчится почти что со скоростью звука,
 Но ведь и это
 Нехитрая штука.
 Это
 Почти неподвижности мука —
 Мчаться куда-то со скоростью звука,
 Зная прекрасно, что есть уже где-то
 Некто,
 Летящий
 Со скоростью
 Света!

Ср. слова Ахматовой: «У Мартынова встречаются большие удачи. “Будьте полезны, будьте железны” это великолепно. А вот “богатый нищий жрет мороженое” мне ни к чему» (ЛЧ2. С. 296). См. второе стихотворение (из «Литературной Москвы»):

От города не отгороженное
 Пространство есть. Я вижу: там
 Богатый нищий жрет мороженое
 За килограммом килограмм.

На нем бостон, перчатки кожаные
 И замшевые сапоги.
 Богатый нищий жрет мороженое...
 Пусть жрет, пусть лопнет! Мы — враги!

Ср.: «А.А. о Мартынове: “Хорошо продуманная мания преследования”» (Самойлов Д. С. 315).

Ироническую новеллу Мартынова «Анна Андреевна», отпавляющуюся от их встречи на дне рождения у И. Эренбурга, см.: Арион. 2005. № 4. С. 93–105.

- 224 Огнев В. День нашей поэзии // Октябрь. 1957. № 2. С. 209–210. Ср. отзывы, появившиеся в эмиграции: «Прекрасно горестное стихотворение Ахматовой о трех эпохах воспоминаний (белые стихи). Здесь — окаменевшее отчаяние, перед которым можно только преклониться» (Бахрах А.В. // Опыты. 1957. № 8. С. 140). «Оно все оваяно какой-то вещей мудростью очень одинокого

поэта» (Александрова В. Встреча четырех поколений // НРС. 1957. 12 мая). «Стихи полноценные, просто хорошие стихи, ничуть не хуже прежних, которыми в свое время и мы зачитывались» (Трубецкой Ю. Из литературного дневника // НРС. 1957. 30 июня).

Группа советских читателей прислала письмо с благодарностью за это стихотворение: «...столько человеческого чувства и жизненной правды»; они были восхищены его финалом: “Все это невероятно”» (№ 1424). Ср. позднейшие воспоминания о впечатлении от этой элегии: «Она чем-то сразу взяла меня за душу. Толком и сейчас не смогу объяснить чем: то ли глубиной содержания, то ли необычностью формы...» (Бембеев Т. Милее книги в мире друга нет // ЛР. 2001. 3 августа); ср.: Найман А. С. 18–19; ср. также письмо К. Арсеновой по выходе «Бега времени»: «Какую радость испытываю и от старых, много раз читанных стихов и от новых. Как волнует меня: “Есть три эпохи...”» (№ 718; Клара Соломоновна Арсенева (Букштейн; 1889–1972) — поэтесса; об одобрительном отзыве Ахматовой о ней в беседе в январе 1965 года см.: Ногтева М. Звездный час // Вечерняя Москва. 1988. 7 марта).

Обозревая этот сборник, Ю. Терапиано писал: «Любители поэзии не посетуют на меня за то, что выписываю полностью ее длинные белые стихи 1945 года, насколько мне известно, в эмиграции неизвестные». Также он заметил по поводу сборника: «Нет никаких упоминаний об О. Мандельштаме и его судьбе» (Терапиано Ю. День поэзии // РМ. 1957. 9 февраля). Подборка стихов Мандельштама в альманахе планировалась — см. письмо Н.Я. Мандельштам к Суркову от 20 июня 1956 г. (Шумихин С. Три письма Надежды Мандельштам к Алексею Суркову // Окна (Тель-Авив). 1999. 2 декабря). О дальнейшем развитии событий вспоминал один из составителей:

«Я разыскал Надежду Яковлевну Мандельштам, созвонился, она мне назначила встречу в Лаврушинском переулке, в квартире Виктора Борисовича Шкловского, который ее тогда приютил. Мы стали с ней обсуждать, как напечатать в “Дне поэзии” подборку стихов Мандельштама, Надежда Яковлевна сказала:

— Мы с Анной Андреевной говорили о том, какое наступило замечательное время. Мы не думали, что доживем до дней, когда можно будет упоминать имя Осипа Эмильевича. Он уже не “враг народа”. Мы просто плакали от радости.

Я говорю:

— Ну ведь наше время не только замечательное. Есть свои пригорки и ручейки...

Она посмотрела на меня с недоумением:

— Так может говорить только тот, кто не испытал всего, что выпало на нашу долю. <...>

Надежда Яковлевна дала мне телефон тех, кто ведал делом Мандельштама. Он был уже реабилитирован по гражданской линии, но для публикации стихов требовалось другое, особое разрешение. Я звонил от имени редколлегии, старался объяснить, о каком большом поэте идет речь, — но напечатать Мандельштама мы так и не смогли. У 1956 года были свои границы...» (*Паперный З.С. День поэзии-1956 // День поэзии. М., 1989. С. 197*). Тогда же Вера Панова отстранилась от редактирования альманаха «Литературный Ленинград» после фактического запрещения печатать О. Мандельштама (*Золотосов М. С. 551–553*).

225 *Ос<оргин> Мих.* Рец. на кн.: Русский современник. 1924. № 1 // СЗ. 1924. № 20. С. 426. Ср. «географическую фанфаронаду» Алексея Вагина «Злые, смелые, русые»:

За покровами белой тундры,
за ударами злых ветров —
племена свирепы и мудры —
у стоянок — столбы костров.
Носят шкуры зверей полярных:
голубой и червонный мех.
Беспощадны, остры, коварны
топоры и стрелы у всех.
Но сквозь ветры, через откосы
незнакомцы придут на вас —
злые, белые, русоволосые
с голубыми огнями глаз.
Не устанут в удачу верить,
диких рек будить берега,
нюхать след пушистого зверя,
на Двине ловить жемчуга.
Откопают медь на истоках,
в Соловках отобьют слюду
и с мечами до Оби широкой
через горы и тундры пройдут.
Что ни речка — то гостю дорога,

а ушкуям — потеха-игра;
там, за дланью седого бога,
серебром их подарит Югра.
Где озер ледяные метели
и лесная, хвойная темь,
там поставят на дикой ели
город Гледень и город Кемь,
и на север Земли, у края,
где о берег бьют моря,
заиграет сельдь золотая
Печенегского монастыря.
Запестрят цветными убрусами
города Чердынь, Котлас,
заплетет хороводами-бусами
русых девушек чинный пляс.
Запоют трезвоны веселые
за оградами городов,
над поселками и над селами,
над ударами злых ветров!

(Русский современник. 1924. № 1. С. 130–131). К. Чуковский писал об этом авторе Е.И. Замятину: «Пишет и под Блока, и под Некрасова — откровенно» (Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 224–225).

- 226 Ср.: «Вот совсем недавно, я случайно раскрыл ее книгу и попал на одну строчку и подумал, ведь Ходасевич никогда вот не написал (я, простите, случайно вспомнил Ходасевича) — поэт, в котором не было этого полета: “И не с кем плакать, не с кем вспоминать”... И как-то эта одна строчка “не с кем плакать, не с кем вспоминать” передает все то, что она могла бы сказать, может быть, и более обстоятельно, но уже это ни к чему, потому что тут все ясно» (*Адамович Г., Франк В.* Беседа. Передача радио «Свобода». 21/22 августа 1970 года. Расшифровка магнитозаписи. Сообщено Г.Г. Суперфином).
- 227 *Amert S.* In a Shattered Mirror: The Later Poetry of Anna Akhmatova. Stanford University Press, 1992. P. 165–166.
- 228 *Amert S.* In a Shattered Mirror. P. 239.
- 229 *Основат А.А.* «Как слово наше отзовется». О первом сборнике Ф.И. Тютчева. М., 1980. С. 198. Ср.: «Ее учитель, конечно, Анненский, но и Тютчев.

Она сидела на полу
И груды писем разбирала (Тютчев)

Интонации Тютчева звучат, пожалуй, у Ахматовой чаще, чем прозрачная, почти невесомо-болезненная ткань Анненского» (*Трубейкой Ю.* Анна Ахматова // *Литературный современник.* Журнал литературы и критики. Мюнхен. 1952. № 4. С. 92). Тютчевское лыко было поставлено в строку Ахматовой и ее другу, когда пришло для этого время: «Пессимизм, окрашивающий всю поэзию Баратынского, также доведен Тютчевым до крайнего предела. Даже тютчевский лирический ландшафт, всегда возникавший в точках наибольшего сближения поэта с реальной действительностью, расшатан убежденностью в неуловимой призрачности сущего, представления о нем, как о “тени, бегущей от дыма”. Много лет спустя русские символисты поняли Тютчева именно как противоположность Пушкину. Судьбы русского стиха в начале XX века были связаны главным образом с именами Тютчева и Баратынского. Творческое воздействие Тютчева испытали не только все символисты от И. Коневского до С. Соловьева, оно ощутимо также в лирике В. Ходасевича, О. Мандельштама, А. Ахматовой» (*Маслин Н.* Поэт и народ // *Против безыдейности в литературе.* Л.: Советский писатель, 1947. С. 67). Когда-то Б. Эйхенбаум писал: «Влияние Тютчева заметно уже в “Белой стае”, а в следующих сборниках оно еще явственнее». (*Эйхенбаум Б.* Анна Ахматова. Опыт анализа. П., 1923. С. 119). См. разговор 1959 года: «— Анна Андреевна, как вы относитесь к Тютчеву?

Улыбка. Короткое молчание. И затем одно слово: “Колоно-преклоненно...”» (*Глекин Г.* С. 59–60). Ахматова и стремилась обозначить это отношение эпитафиями: к разделу планируемого сборника «Из книги “Тростник”»: «И ропщет мыслящий тростник» (С. 454). Ранее эпитафией к невышедшему сборнику «Нечет» в 1946 году она взяла

Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется...

А еще ранее в проекте второго, дополненного издания «Четок» (1915) к III разделу должен был стоять эпитафия:

«О, не тревожь меня укором справедливой!

Поверь, из нас из двух завидней часть твоя. Тютчев» (*ММА*).

См. свидетельство очевидца 1910-х — 1920-х: «Ахматова ведь Пушкина хорошо читала и знает наизусть пол-Тютчева» (*Адамович Г.* Литературные заметки // *ПН.* 1939. 31 авг.). Может быть, вспоминая те давние разговоры о Тютчеве, она, когда в 1965-м Адамович прочел ей

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел,

«улыбнулась и сказала: “Кажется, это в самом деле не плохие стихи”. А потом добавила “Помните, об этом есть и у Тютчева. Но у него иначе”» (Адамович Г. Памяти Анны Ахматовой // РМ. 1966.12 марта). Она, наверное, имела в виду строки

Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.

Внимательный читатель может увидеть в ахматовской строке о тенях и отголосок «Лаодамии» И. Анненского: «О тени, я [...] звала вас <...> а теперь / Мне страшно вас увидеть» (Венцлова Т. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Vilnius, 1997. С. 100). Впрочем, Анненский и Тютчев прочно соотношены в сознании русского читателя (см., например: Черный К.М. Анненский и Тютчев // Вестник МГУ, сер. лит. и яз. 1973. № 2. С. 10–22).

- 230 Ср. «Мы не туда попали... Боже мой!» и «Nox vitae» И. Анненского:

Неужто ж точно, Боже мой,
Я здесь любил, я здесь был молод,
И дальше некуда?.. Домой
Пришел я в этот лунный холод?

(Crone A.L., Day J. My Petersburg and Myself. Bloomington, Indiana. 2004. P. 154). Последние две строки Ахматова намечала эпиграфом к разделу «Heimkehr» в сборнике «Нечет». Об отчетливо ощутимых тютчевских интонациях в «Nox vitae» см.: Аникин А.Е. Ахматова и Анненский: Заметки к теме. IV. Препринт. Новосибирск, 1989. С. 27.

- 231 См.: Кравцова И. Северные элегии. Опыт интерпретации целого // Russian Literature. 1991. № 30. P. 303–315.
- 232 Франк В. Бег времени // После всего. С. 236. Ср. о стилистике «Северных элегий» как родственной сюрреализму: Perkins, Pamela and Cook, Albert. The Burden of Sufferance. Women Poets of Russia. New York; London, 1993. P. 152.
- 233 См.: Verheul, Kees. The theme of time in the poetry of Anna Akhmatova. The Hague—Paris, 1971. P. 170.
- 234 Monas S. The Private Muse: Some Notes on Recent Russian Literature // The Hudson Review. 1958. Vol. XI. №. 1. P. 103.
- 235 ЛЧ2. С. 91–92. Речь идет о стихотворении А. Межирова.

- 236 Ср.: «В этих строках звучит как будто упрек нам, эмигрантам, которые во дни великой скорби не были со своим народом» (*Грот Е. Анна Ахматова // НРС. 1965. 6 июня*).
- 237 Ср. запись 1963 года: «Поспорил с Агнессой [Кун-Гидаш] о Вознесенском и Мартынове. Их она ставит выше Ахматовой» (*Самойлов Д. С. 327*).
- 238 *Эренбург И. Уроки Стендаля // Иностранная литература. 1957. № 6. С. 204*. Ср.: «Обзор творческого пути французского писателя Эренбург использовал как повод для того, чтобы высказать свои фрондерские взгляды на политику в области советской литературы и искусства. Эренбург местами формулирует свои взгляды открыто, но чаще выражает их эзоповским языком» (Зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС Б. Рюриков. Записка об ошибках в статье И.Г. Эренбурга «Уроки Стендаля». 2 августа 1957 г.). Студентка Литературного института Галина Арбузова была исключена из комсомола за одобрительный отзыв в стенгазете об этой статье И. Эренбурга (см.: *Goldberg Anatol. Ilya Ehrenburg, Revolutionary, Novelist, Poet, War Correspondent, Propagandist: The Extraordinary Epic of a Russian Survivor. L., 1984*). Галину Арбузову, падчерицу К.Г. Паустовского, находим среди знакомых Ахматовой (С. 278).
- 239 Ср. его выступления в ждановские дни: «Постановление ЦК ВКП(б) нашло глубокий отзвук в сердцах писателей. В нем затрагиваются вопросы, которые должны заставить пересмотреть многое во всей нашей работе. Наше Правление и его председателя Н. Тихонова правильно обвиняют в том, что мы дали возможность пропагандировать чуждые взгляды таким литераторам, как Ахматова, Зощенко. В дореволюционный период развития Ахматова была довольно заурядным представителем того течения “искусства для искусства”, с которым большевизм и литература, выражающая идеи большевизма, всегда боролись. Мы являемся наследниками передовой русской общественности, начиная с Белинского, Чернышевского, Добролюбова. Литературная теория получила свое последовательное и принципиальное развитие в учении Ленина–Сталина. Мы — борцы за лучшие передовые идеалы человечества. Та идеология, которая противостояла и противостоит нашему движению, утверждает, что художник — вне политики, вне идейной борьбы. Мы как советские литераторы родились в борьбе с подобным индивидуализмом, упадочничеством. Как же получилось, что после такой войны, в которой победили ос-

новые принципы нашего строя, отдельные советские литераторы утратили чувство органической вражды к проявлениям аполитичности, безыдейности? Как получилось, что некоторые литераторы стали разбазаривать наше идейное наследство? Как могло получиться, что в нашей организации могли найтись люди, которым казалось, что и Ахматова, человек чуждого нам лагеря, может появляться на страницах наших журналов?» (ЛГ. 1946. 10 сентября); «Что касается Ахматовой, — сказал тов. Фадеев, — то мы не хотим, чтобы наш народ и в частности наша молодежь пачкалась пессимистическими, упадочническими произведениями. Мы не хотим, чтобы нас постигла судьба Франции 1940 года <...> Зачем нужно собирать объедки с чужого стола, выброшенные в мусорный ящик, когда перед вами прекрасно накрытый стол...» (Собрание писателей и интеллигенции города Праги // Вечерняя Москва. 1946.11 ноября). Ср.: «Кто дал ему право так говорить? Какая отвратительная подлость. Писатель, русский интеллигент, поносит своих товарищей за границей, в Праге. Какая чудовищная низость. Таким выступлением можно подорвать всякое уважение к русскому народу. Какое растление нравов. Не могу, физически тошнит. Двадцать девять лет такого страдания, презрение душит» (Шапорина Л.В. С. 30). Фадеев «пытался совместить человечность с гепоушничеством. Отсюда зигзаги его поведения» (Чуковский К. Т. 13. С. 215): «в 1948 г. выступает и говорит, что “Повести Белкина” чепуха, “без царя в голове”; а наследники по пушкинской линии Ахматова+Маршак» (Эйдельман Ю. Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003. С. 353; запись рассказа Д. Данина). Эпоха Фадеева была описана в конце 1940-х одним из современников: «Читаю Монте-Кристо, по франц<узски>, 6 томов. Дезинфекция мозгов и спасение от лит<ературной> газеты, Фадеевых, Кирпотиных и tutti quanti. Поймут ли, оценят ли потомки нашу муку — это безвоздушие, эти потемки, эти густые потоки невежества и мракобесия?.. Сплошное прохвостничество, жульничество, мошенничество, шулерство — и при замкнутых ртах. Как же, вельможа, сановник. Когда вельможа говорит, все Лейтесы чувствуют страх» (Слонимский А.А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 228. Оп. 1. Ед.хр. 45. Л. 436).

- 240 На Западе припомнили речи Фадеева во Вроцлаве в 1948 году. О Дос Пассосе, Элиоте, О’Ниле, Мальро и Сартре он сказал, что если б гигиены владели пишущей машинкой, а шакалы — авторучкой, они могли бы писать такие сочинения. Год спустя

в Америке его спрашивали о судьбе замолчавших писателей. Он отвечал: «Они все существуют, живут на свете. Пастернак мой сосед. Вот про Бабеля не знаю, и про Киришона не скажу...» (Jackals with Fountain Pens // Time. 1956. May 28).

241 Ардов М. Возвращение на Ордынку. С. 66.

242 Бабаевский С. Последнее сказание // НС. 1997 № 6. С. 125.

243 Smith, Mark B. Peaceful coexistence at all costs: Cold War exchanges between Britain and the Soviet Union in 1956 // Cold War History. Vol. 12. № 3. 2012. P. 552.

244 Ср. его письмо к Г.П. Струве от 27 июля 1956 года: «Я отбываю в Москву в воскресенье <...> я не знаю адреса Ахматовой; когда я видел ее в Ленинграде в 1945 году, она жила в Фонтанном Доме Шереметевых на Фонтанке — точного адреса я никогда и не знал. Я знал, как найти это место. С тех пор я слышал, что она снимает где-то “близ Москвы”...» (оригинал по-английски). Это ответ на письмо 20 июля 1956 года: «Между прочим, один мой хороший приятель и старый знакомый А.А. Ахматовой хотел бы знать ее адрес или по крайней мере где она. Не известно ли Вам это? Это — Б.В. Анреп, известный мозаист, когда-то близкий к петербургским литературным кругам. Если можно, сообщите мне адрес Анны Андреевны». В течение десяти лет Исайя Берлин хранил публичное молчание о встрече с Ахматовой, но в 1953 году изложение разговора с ним об Ахматовой появилось в журнале «New Republic»:

«Исайя навестил ее. Свет в комнате был тусклым, стены грязные, обстановка ветхая и уродливая. Но посреди всего этого на одной из стен он с удивлением увидел шедевр постимпрессионизма — великолепный модильяниевский портрет юной женщины. “Какая чудесная картина, — заметил он за чаем. — Это кто?” — “Это я, — старая женщина счастливо вздохнула, — когда я девушкой была в Европе перед войной”. — “Кто рисовал?” — спросил он невинно. Она улыбнулась.

— Такой славный парень, красавец с черными кудрями, у него был только один старый свитер — он был ужасно беден. А когда закончил рисунок, отдал его мне за батон хлеба и бутылку вина. Больше я его не видела. Модии... Модии... Модильяни его звали, — задумчиво произнесла Ахматова, — Амадео Модильяни! Меня всегда занимало — что случилось с беднягой!»

И. Берлин написал автору заметки Майклу Стрейту:

«...Во-первых, что касается фактов. В начале месяца, в злосчастную минуту в Дарлингтоне я сказал Вам, что встретил г-жу

Ахматову в Советском Союзе (не в Москве, как Вы заявляете) и упомянул анекдот о том, как дочь Сталина и т.д. способствовала реабилитации г-жи Ахматовой — в Вашей версии это появилось в несколько искаженной форме, но главное заключается в том, что я рассказывал Вам это не как подлинный случай, о котором у меня есть основательные свидетельства, а как ходовой анекдот. Я также сказал Вам, что видел рисунок Модильяни с г-жи Ахматовой, висящий на стене ее комнаты, и добавил, что казалось, что она не знала, что художник стал знаменит с тех пор, как она в последний раз видела его в Париже до 1914 года. Она сказала о нем не больше этого, насколько я помню, и я сказал не более Вам. Откуда же взялись черные курчавые волосы, фуфайка, бутылка вина, и ломоть хлеба, и все прочее в Вашем сценарии?..

<...> Живы еще люди, хорошо знавшие г-жу Ахматову, и если они читали Ваш отчет о моем разговоре с ней, они решат, что я лгун и пошляк, невыразимо омерзительный, и будут правы. Если это обвинение будет предъявлено мне в лицо, мне будет нечем им ответить, кроме как тем, что я не говорил того, про что сообщено как про сказанное мною; но у меня мало надежды, что мне поверят. Люди верят печатному слову значительно более, чем следовало бы. Мысль о том, что однажды эти слова могут быть предложены для чтения самой г-же Ахматовой — это нечто такое, о чем мне непереносимо даже подумать. Г-жа Ахматова, помимо того, что она гениальная поэтесса, еще и чрезвычайно изысканная женщина великой чувствительности, жизнь которой была мученичеством в течение многих лет: мне, конечно, не следовало говорить о встрече с нею ни Вам, ни кому-либо другому, из опасения, что нечто подобное может произойти; и должен сказать, все люди, с которыми я говорил об этом, включая американских журналистов, осознавали ситуацию и воздерживались, по чисто человеческим побуждениям, от того, чтобы предать это гласности. Ваш отчет так же соотносится с тем, что могла бы говорить при этом случае г-жа Ахматова, как если бы покойную Вирджинию Вулф заставили изъясняться в манере любовницы гангстера. Я не могу описать Вам, как мне делается стыдно в некоторых абзацах. Все это неприятно и весьма огорчительно, но главный момент несколько иной, и он совсем в другом измерении.

Вы должны знать лучше других, что в Советском Союзе контакт с иностранцами со стороны советских граждан, особенно

тех, кто подозревается в неправовности или сомнительной приверженности к коммунизму, исключительно опасен. Отчет в иностранной газете о встрече, особенно с расчетом усилить антисоветские настроения (как бы они ни были оправданны), кажется, наверняка угрожает безопасности затронутой в нем личности. Г-жа Ахматова, как Вам известно, имела уже достаточно неприятностей — после своей недолгой реабилитации она была осуждена никем иным, как покойным Ждановым. Ее положение сейчас, должно быть, еще более рискованно, чем прежде. Ваша история ухудшает дело. И вина, кажется, на нас обоих. Я не отрицаю собственной ответственности, хотя, конечно, никогда не мог и помыслить, что сказанное мною Вам будет предано печати. Тем не менее, полагаю, что должен был видеть дальше, и извинения для того, что я сделал, нет. Но взываю к Вам как к понимающему природу коммунизма и положение дел в Советском Союзе, — взываю к Вам как к человеку, а не как к журналисту, — сделать все, что Вы можете, для того, чтобы минимизировать эффект того, что сделано. Поверьте, я не преувеличиваю ситуацию. Возможно, надо побывать в Советском Союзе, чтобы понять, каковы могут быть последствия для советских граждан от таких случайных вещей в западной печати. Ваш рассказ годится для того, чтобы тут же быть протелеграфированным в Россию кем-нибудь из советских информаторов, а также подходящ для перепечатки в русской эмигрантской прессе, и так тоже он в конце концов попадет в Россию. Конечно, я протестую против положения, в которое поставлен — я, чувствуя себя грубо униженным тем, что случилось, — но надеюсь, Вы поверите мне, если скажу, что безопасность г-жи А. волнует меня гораздо больше, и если жизнь человека подвергнута опасности, пусть и неумышленно, надо делать что-нибудь, чтобы смягчить последствия своего деяния.

Я не знаю точно, что надо делать. Но предполагаю, что лучше всего было бы напечатать в следующем выпуске письмо, прилагаемое мною на отдельном листке. К этому Вы, если хотите, можете добавить редакционное уведомление о том, что рассказ пришел к Вам из какого-нибудь иного источника — в конце концов, Вашим читателям не необходимо знать, что это именно я разговаривал с Вами, и Вы могли услышать этот рассказ, приписанный мне каким-нибудь ненадежным посредником. Эта белая ложь представляется мне единственным путем сведения причиненного вреда к минимуму. История с Модиль-

яни вряд ли ранит чьи-то чувства, кроме г-жи Ахматовой, меня и ее друзей, и как бы она ни была неприятна, это не вопрос жизни и смерти.

Но вопрос о том, действительно ли я рассказывал Вам все это, как вытекает из напечатанного Вами сообщения, является, на мой взгляд, поистине вопросом жизни и смерти. Отсюда мое обращение к Вам.

Здесь есть три проблемы: правда; моя репутация; и физическая безопасность г-жи Ахматовой. Что касается 1 и 2 — это счета, которые мы с Вами может где-нибудь уладить после. Только 3 заботит меня здесь».

В приложенном «Письме в редакцию» И. Берлин заявлял, что большая часть статьи была для него такой же новостью, какой она явится для подавляющего большинства читателей журнала (*Тименчик Р.* Еще один рижанин // Даугава. 1997. № 6. С. 119–124). Специально истории их взаимоотношений посвящена книга: *Копылов Л., Позднякова Т., Попова Н.* И это было так. СПб., 2009.

- 245 *Костырченко Г.В.* Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. С. 652.
- 246 *Berlin I.* The Soviet Mind: Russian Culture Under Communism / Ed. by Henry Hardy. Foreword by Strobe Talbott. Washington, D.C., 2004. P. 120.
- 247 В дневнике А.И. Тургенева — запись о письме, излагающем поручение Николая I пресекать на похоронах Пушкина всякое особенное изъявление, всякую встречу, всякую церемонию — «высочайшее повеление — о невстрече» (Пушкин и его современники: Материалы и исследования. СПб., 1910. Вып. 9/10. С. 202).
- 248 *Берлин И.* Встречи с русскими писателями. В том же 1956 году Ахматова отказалась встретиться с Зинаидой Шаховской (*Schakovskoy Z.* The Privilege was Mine. P. 220).
- 249 «...so far no news of anybody & expect none — have met fewer, many fewer people than in 1945 & am making no great efforts» (*Berlin, Isaiah.* Enlightening: Letters 1946–1960 / Ed. by Henry Hardy and Jennifer Holmes with the assistance of Serena Moore. L., 2011. P. 538). 14 августа мать Берлина записала в дневнике (по-русски): «Шайнька и Aline вот уже две недели в России. Умеют брать радость жизни»; *Aline* — Берлин, Алина Элизабет Ивонна (урожд. Де Гинцбург, в первом браке — Штраус, во втором — Халбан; 1915–2014).
- 250 В первых набросках над стихотворением стояло антипосвящение «Никому» (*Ахматова А.* Победа над Судьбой. I / Сост.,

подг. текста, предисл. и прим. Н. Крайневой. М., 2005. С. 439), аukaющее с упреком стиховой наметки, сделанной через несколько лет:

От этих антивстреч
 Меня бы уберечь
 Ты мог (С. 115)

Имеющаяся на листке с этим стихотворением в экземпляре рукописи сборника «Бег времени» зачеркнутая помета «27 декабря 1940» (Собр. соч. Т. 2. Кн. 1. С. 558–559) — по-видимому, отношения к стихотворению не имеет, и отправляющиеся от этого обстоятельства интерпретации (*Есинов В.* Царственное слово. Статьи о творчестве А.С. Пушкина и Анны Ахматовой. М., 1999. С. 136–137) в таком случае беспочвенны.

- 251 На перевод В.А. Кочетова из Ленинграда в главные редакторы московской газеты газеты Виктор Ардов записал эпиграмму:

О том, что Кочетов подлюга,
 Отлично знали Мга и Луга.
 Благодаря же «Литгазете»
 Об этом знают все на свете

(РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 2. Ед.хр. 3. Л. 13).

- 252 *Вербицкий Н.* На пользу или во вред? По поводу статьи И. Эренбурга // *ЛГ.* 1956. 14 августа. Здесь учитель отвечал на фразу: «Вспомним первое десятилетие после Октябрьской революции. <...> по-новому зазвучали голоса Александра Блока, Ахматовой, Цветаевой» (*Эренбург И.* О стихах Бориса Слуцкого // *ЛГ.* 1956. 28 июля). В рукописи у И. Эренбурга было: «по-новому зазвучали голоса Александра Блока, Ахматовой, Мандельштама» (*Фрезинский Б.* С. 288). Ср. запись слов Ахматовой после появления эренбургской статьи: «...имя, без эпитета “блудница” упоминается чуть ли не в каждом номере “Литературной газеты”» (*ЛЧз.* С. 218); ср. также зубодробительный отклик из-за кордона: «Там, где еще стреляют, Эренбург своего лба тоже не подставляет (еще бы!), но в промежутках между “ежовыми иглами” он и теперь лезет, пожалуй, дальше, чем кто бы то ни было другой в казенной советской печати. Назвать Ахматову, Цветаеву и Пастернака, как самое значительное и определяющее в новейшей русской поэзии, недвусмысленно упомянуть о многолетнем зажиме всего самого даровитого и ценного, с чрезвычайной похвалой привести (на наш взгляд действительно талантливые) стихи Б. Слуцкого о праве поэта говорить об “усталости народа” (да! — об усталости) и в то же время “не лстыть ему — не ползать перед ним” — это, как бы

то ни было, кажется со стороны Эренбурга столь “дерзновенным”, что какой-то коммунистический бронтозавр не выдержал и по поводу всего этого громко (в “Литературной газете”) завыл. Будет небезынтересно посмотреть, как Эренбург отругается на этот раз (его ответа мы еще не видели): талантливый хамелеон лезет, как видно, вон из своей очередной кожи...» ([б. и.] Накануне // Возрождение. 1956. № 57. С. 157).

Затем, в развертывание кампании, педагога поддержал на страницах газеты критик В.П. Друзин в статье «Ненаписанная история» в номере от 13 ноября, где выдвинут другой ряд имен, без Пастернака, Цветаевой, Заболоцкого и Ахматовой (Не отзвенело наше дело: Борис Слуцкий в зеркале его переписки с друзьями / Публикация Б. Фрезинского // ВЛ. 1999. № 3. С. 308). Валерий Друзин, «профессиональный литубийца» (*Кичанова-Лифшиц И. Прости меня за то, что я живу. Нью-Йорк, 1982. С. 84*), прозванный соратниками «вяленая вобла» (письмо Г.Е. Горбачева Л.Г. Лелевичу (1929) // РГАЛИ. Ф. 1392. Оп. 1. Ед.хр. 97. Л. 17), о котором Б. Эйхенбаум сказал: «Это лошадь, которая постепенно стала ослом» (*Лазарев Л. Шестой этаж, или Перебирая наши даты. М., 1999. С. 44*), отчитался по линии Ахматовой и акмеизма в положенное время:

«Копаясь в этих произвольных душевных переживаниях, в этих иллюзорных представлениях, поэты акмеизма пришли к величайшей зашифрованности своей поэзии. Уже после официального конца акмеизма в середине 20-х годов некоторые поэты-акмеисты создавали произведения, которые звучали как настоящие ребусы. Таковы, например, стихи Осипа Мандельштама “Трифельная ода”, “Нашедший подкову” и др. Вот характерные строчки из “Трифельной оды”:

Кто я? Не каменщик прямой,
 Не кровельщик, не корабельщик;
 Двuruшник я, с двойной душой.
 Я ночи друг, я дня застрельщик.
 Блажен, кто называл кремень
 Учеником воды проточной.
 Блажен, кто завязал ремень
 Подошве гор на твердой почве.

Вполне очевидно, что поэт не согласен с нашей революционной действительностью. Но в этих строках — много зашифрованных образов. Можно долго гадать, что они значат. Вспомним такие меланхолические реминисценции Осипа Мандельштама:

Я буду метаться по табору улицы темной,
За веткой черемухи в черной рессорной карете,
За капором снега, за вечным, за мельничным шумом...

Что это значит? Это набор субъективных произвольных ассоциаций, противопоставленных реальной действительности.

На этом пути пребывала и Ахматова, которая в “Поэме без героя” также зашифровывала смысл своих стихов, создавая, якобы, многозначительные, а на самом деле — пустые и ложные метафоры. На этом пути — смерть поэзии, потому что здесь пропадает живое звучание образа, исчезает человеческая эмоция.

Наша советская поэзия шла, идет и пойдет дальше по широкому, настоящему жизненному пути, отвечая запросам самой жизни. Влияние акмеизма на наших поэтов — демобилизующее влияние. Оно мешает им создавать реалистическую поэзию. Я отметил бы три коренных порока акмеизма, которые можно найти не только у самих акмеистов, но и у тех поэтов, которые подвергались акмеистическому воздействию. 1. Неизменное стремление ставить свои душевные переживания выше действительности. Это — программное требование “падать навзничь в самого себя”, отгораживаясь от реальной жизни. 2. Декоративная, бутафорская “предметность”. 3. Зашифрованность и усложненность образа» (Друзин В. О стиле советской поэзии // Зв. 1947. № 5. С. 183). Впрочем, зачета он не получил: «Акмеизм здесь обозначен по своим, так сказать, “внутренним” признакам, но таким безобидным, совсем не агрессивным, что, если принять характеристику Друзина всерьез, несколько странно будет ставить вопрос о необходимости борьбы с этим явлением распада буржуазного искусства. Ведь противник, как показывает В. Друзин, и так дряхл и немощен. Далее В. Друзин подробно говорит о некоторых стилевых особенностях поэзии акмеистов—об отгороженности от реальной жизни, о лозунге “падать в самого себя”, о зашифрованности образов, о пустых и ложных метафорах, о декоративной бутафорской “предметности”. Но этот разбор стилевых примет опять-таки объективно утверждает мнение о безобидности такого течения, как акмеизм. Политическая характеристика течения у Друзина отсутствует. <...> Так невольно сглаживаются противоречия, стирается острота идейной борьбы и рисуется довольно мирная картина смены стилей. Этот либерализм тем более недопустим, что в постановлении ЦК ВКП(б) о журналах “Звезда” и “Ленинград” и в докладе товарища А.А. Жданова критикам

преподаны были примеры подлинно партийной оценки явления «декаданса» (*Ковальчик Е.* О партийности нашей критики // *НМ.* 1948. № 6. С. 249–250).

Ср. также его дебютные сочинения: «Символисты и акмеисты: Бальмонт, Белый, Вяч. Иванов, Сологуб, Ахматова, Гумилев, Кузмин — вот эти живые мертвецы. <...> Они на точке замерзания. И если Гумилев и Блок умерли фактически в авг<усте> 1921 г., то духовно они были мертвы с 1918 года» (*Друзин В.* Заметки о русской поэзии последних лет // *Красные зори.* 1923. № 5. С. 139).

253 *Пастернак Б. Т. Х.* С. 180.

254 *Крадожен Е.М.* Деривационный повтор в поэтическом цикле А. Ахматовой «Шиповник цветет» // *Проблемы деривации: семантика и поэтика.* Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь, 1991. С. 98–105. Сновидческую алогичность содержал в себе сам вторичный расцвет роз в 1956 году. Зловещесть роз, «что напрасно расцвели», уже регистрировалась в биографиях русских поэтов: «Весной 1892 года Фет писал из Воробьевки, что никогда розы в его цветнике не распускались так буйно. По народной примете, пышный расцвет роз сулит смерть» (*Садовской Б.* Кончина Фета // *Исторический вестник.* 1915. № 4. С. 150). Эта статья читалась как доклад в Обществе поэтов, заседания которого посещала Ахматова, 21 марта 1914 года. (*Пяст Вл.* С. 346); именно такова символика расцвета шиповника в этом цикле.

255 Ср. вторую строфу из стихотворения С. Надсона «В кругу своих подруг...»:

Весна была во всем — и в шорохе садов,
И в говоре реки, и в воздухе душистом,
И в раннем блеске утр, и в песнях соловьев...

256 С парадоксальной разработкой кальдероновской метафоры Ахматова столкнулась в 1920 году, когда по заказу Григория Лозинского переводила стихотворение португальского поэта Антеро де Кентала «Заре» — «Была для тебя жизнь сном. Неопределенным и тонким, но сладостным и прозрачным. Ты проснулась... улыбнулась... и безмятежно продолжала прерванный сон»:

Так жизнь твоя была чужда заботе,
Как тонкий сон, но сладостный и нежный:
Проснулась... улыбнулась... и небрежно
Вернулась ты к нарушенной дремоте.

«Концепция “Жизнь есть сон, а смерть — пробуждение от сна” осложнена у поэта представлением о небытии, которое тоже — сон, нарушаемый другим сном — жизнью. Момент бодрствования совпадает только с переходом от жизни к смерти. И в то же время, говоря о жизни, как о сне, поэт изображает ее как минутное пробуждение, осветившее красотой мир» (Лозинский Г. По поводу одного стихотворения Анны Ахматовой // *Голос России*. 1922. 27 августа).

Первые подступы к теме «Ахматова и Микеланджело» см.: Докукина А. «Нох» Анны Ахматовой // *Дом Остроухова в Трубниках. Альманах*. 1995. М.; СПб. 1998. С. 451–472.

- 257 Эта метафора тоже реяла в воздухе 1956 года, в декабре которого за хулиганский поступок был исключен из комсомола и из Уральского университета студент-филолог Л. Пашенко, представивший на кафедру психологии лекцию для населения «Сон и сновидения», заканчивавшуюся призывом: «Да здравствует Коммунистическая партия Советского Союза, великий организатор массовых снов и сновидений. Аминь» (Вопросы истории. 1997. № 1. С. 21). О Леониде Никитиче Пашенко (1936–1996) как антисталинисте и продолжателе Хлебникова см.: *Forgues, Pierre. The Young Poets // Survey*. 1963. № 46. P. 52.
- 258 Ср. слова Ахматовой в 1936 году: «Да, знать Комаровского — это марка» (О.Э. Мандельштам в письмах С.Б. Рудакова к жене (1935–1936) / Вступит. ст. Е.А. Тоддеса и А.Г. Меца / Публ. и подгот. текста Л.Н. Ивановой и А.Г. Меца. Комм. А.Г. Меца, Е.А. Тоддеса, О.А. Лекманова // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год*. СПб., 1997. С. 144). «В 1914 г. он повесился в психиатрической клинике» (Глекин Г. С. 133). Поэзия В.А. Комаровского была для Ахматовой постоянным спутником жизни — см., например, рассказ Д.М. Ганьковского о том, как в 1939–1940 годах В.Г. Гаршин безуспешно разыскивал для Ахматовой экземпляр «Первой пристани» в букинистических магазинах и как библиофил передал для Ахматовой свой, за что она поблагодарила его письмом (Фрезинский Б. Были и мифы старого дома // *Невское время*. 1997. 14 ноября). В 1960-е Ахматова всячески обращала внимание польского историка акмеизма на В. Комаровского (*Przybylski, Ryszard. An Essay on the Poetry of Osip Mandelshtam: God's Grateful Guest*. Ardis, Ann Arbor. 1987. P. 217).
- 259 Стихотворение «В Царском селе»:

Ведь будет жаль годов, когда я, нелюдимый,

Упорного труда постигнув благодать,
Записывал стихи в забытую тетрадь...

(Аполлон. 1916. № 8. С. 47). Ср.: «Стихи, пишущиеся в “сожженную тетрадь” — не в сожженную ли тетрадь царскосела-поэта гр. В. К(омаровского) — из выжженного Царского села!» (Филиппов Б. «Поэма без героя» Анны Ахматовой. Заметки // Воздушные пути. II. Нью-Йорк. 1961. С. 179); ср.: Венцлова Т. Собеседники на пиру. Статьи о русской литературе. Vilnius, 1997. С. 196. Ахматова заметила: «Гр. В.А. Комаровского придумал, вероятно, С. Маковский, который печатал его в “А<поллоне>”. Б. Ф<илиппов> копнул глубоко, но не в том месте» (С. 189).

260 Берестов В. С. 281.

261 Троицкий А. Литература и революция // Под знаменем коммунизма. 1922. № 1. С. 160); см. также нашу справку об Ахматовой и Троицком: *Пермяковский сборник*. С. 600–604.

262 ЛЧ2. С. 231.

263 В одном из черновиков Ахматова хотела заменить 4-й стих, сбивающий рисунок: «Но Бог тебе меня забыть поможет».

264 Рубенс П.-П. Письма / Пер. А. Ахматовой; ред. и предисл. А. Эфроса. М.; Л., 1933. С. 269. В цикле «Шиповник цветет» рассеяны отсылки к вергилиевской истории Дидоны, например: «И ухал черный сад как филин». Ср.: Энеида. IV. 462–463 (в переводе А. Фета):

И на кровле один погребальною песнию филин

Часто стонал и, как плач, выводил протяжные звуки.

В стихах впервые, видимо, Энея привела в город Ленина Елизавета Полонская: «Зима покрыла камни. Молча, / Как карфагенский шкипер в Ленинбурге, / Со мной проходишь рядом. Дым от трубки / Один еще живет. О, бедная Дидона! / <...> / Кто б ни был он, готовь костер, Дидона! / Все знаменья солгали и солгут / Беги ему вослед! А корабли далеко / Уже от пристани в весельи парусов...» (Полонская Е. Упрямый календарь. Л., 1929. С. 57–68). См. подробнее о Дидоне нашу справку: *На меже*. С. 333–340.

265 Британский союзник. 1945. 18 ноября. По поводу этого издания на пленуме ЦК ВЛКСМ в январе 1945 года прошелся комсомольский вождь: «Заграничные фильмы, всякие журналы вроде “Британского союзника”, различные устные разглагольствования иностранцев — все это доходит до молодежи и оказывает на нее влияние» (Зубкова Е. Послевоенное советское общество: Политика и повседневность. С. 145).

- 266 Ср. стихотворение Вяч. Иванова «На Оке перед войной»:
 Темнело. Мимо шли. Привалом
 Остановились над Окой,
 Под нашим парком, древним валом,
 Что Дмитрий городил Донской.
 (Весенний салон муз. М., 1918. С. 78.).
- 267 Беловенец Т. Московские картинки // Возрождение. 1963. № 137. С. 117. Ср. воспоминание о разговоре 1965 года: «— Да,— сказала [Ахматова],— истинная Москва — это Замоскворечье. Это я вам говорю как жительница Петербурга.
 В Замоскворечье были переулки с приземистыми одноэтажными, двухэтажными домами, иногда разреженными новыми зданиями. Лаврушинский, Большая Ордынка — это были как бы аристократы Замоскворечья, а туда вниз вели улочки и переулки, где не было Третьяковской галереи, музеев, филиала Малого театра; они принадлежали как бы другой, уходящей, мещанской, деревянной Москве, в заставленных окнах на подоконниках в кадках стояла герань» (Амлинский В. Возвращение брата. Романы. Повести. М., 1989. С. 180). Ср. фразу 1944 года: «В Москве я люблю только арбатские переулочки. И переулочки Замоскворечья. Потому что в этом месте Москва еще сохранила план деревни, там разбросанность и линии строений такие же, как в деревне...» (Островская С. С. 525). Ср. в стихотворении «Замоскворечье» Сергея Дрофенко (мельком знакомого с Ахматовой): «Есть еще камни, калитки, заборы, / Держитесь вы, / Скверы, скворечни, подвалы, соборы...» (Дрофенко С. Зимнее солнце. М., 1972. С. 11).
- 268 Федин К. Собрание сочинений в 12 тт. Т. 12. М., 1986. С. 378. В 1957 году, когда на 10 дач претендовало 18 членов Союза писателей, ей не захотели продлить аренду, но ее поддержал А.А. Прокофьев, к тому же телеграммы с поддержкой просьбы пришли от Леонида Леонова и С. Маршака; 6 октября 1960 года Секретариат ССП СССР принял постановление «о предоставлении А.А. Ахматовой пожизненного права арендного пользования дачей, занимаемой ею в пос. Комарово» (Зв. 2004. № 1. С. 182). Сосед Ахматовой по Комарову, Глеб Пагирев описывал жизнь «возле моря среди сосен и частновладельческих дач...»:
 В соседских садах матиолы
 До крыш кое-где достают
 (Пагирев Г. В дачном поселке // День поэзии. М.; Л., 1963. С. 173).

- Рассказ Ахматовой о Глебе Валентиновиче Пагиреве (1914–1986), капитане в отставке (комбат, семь ранений и одна контузия), см.: *Найман А. С.* 205. «Было в нем нечто от скромности капитана Тушина, истинный патриотизм которого не терпел высоких слов и потому был малозаметен» (*Гитович А.* Таков его характер // *ЛР.* 1964. 20 ноября). В качестве сотрудника издательства «Советский писатель» он вел сборник Ахматовой. Рассказы-валя: «Глеба назначили редактором, но как он мог редактировать Анну Андреевну — не считал возможным. Однако надо было хоть чем-то обозначить себя, он ткнул в какое-то место в рукописи, сказал: “Я тут не понимаю”. Анна Андреевна подняла на него глаза. “Что делать, — сказала она, — это не моя вина”» (*Гранин Д.* Листопад // *Зв.* 2008. № 2. С. 87). Писательское поселение в Келломяках основано летом 1945-го — см. тогдашние заметки после заседания правления Союза писателей: «Дележка дач. 30 тыс. на ремонт дачи Прокофьева. 11 тыс. на дачу для Авраменки. Прокофьев: “константировать”. Толстый болван. Я высказал кое-что. Дикий эгоизм. Глупая старуха Форш так и поняла: “Хочу такую дачу, а не такую”. А потом насчет Мишиной [М.Л. Слонимского] дачи, куда вселился детский сад. О, общественность. Десятки тысяч на 15–16 чел. заправил и их друзей» (*Слонимский А.Л.* Дневник — РГАЛИ. Ф. 228. Оп. 1. Ед.хр. 45. Л. 422).
- 269 *Рубашкин А.* Письма прошлого века // *Нева.* 2002. №11. С. 185; продолжение цитаты из письма А. Горелова 1980 года: «Незадолго до смерти Друзина я ему напомнил, что мы обменялись позициями. А он смутился, что-то хмыкнул. Сам он давно уже пребывал литературным трупом».
- 270 № 47. Л.3–30б; *Мандрькина Л.А.* Ненаписанная книга. «Листики из дневника» А.А. Ахматовой // *Книги. Архивы. Автографы.* Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973. С. 76 (с пропусками).
- 271 Переименовано в 1948 году в честь ботаника и географа, президента (1936–1945) АН СССР, Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945), об одном выступлении которого Ахматова читала в «Пушкинском временнике»: «В.Л. Комаров охарактеризовал Пушкина <...> чьи симпатии были на стороне трудового населения современной ему России. И прав поэт Безыменский, — заключил В.Л. Комаров, — когда он цитату из Пушкина превращает в боевой клич нашего времени:
Да здравствует Ленин!
Да здравствует Сталин!

Да здравствует солнце,
Да скроется тьма!

(Пушкинский временник. Вып. 3. М.; Л., 1937. С. 494). Имена Ахматовой и А. Безыменского, любимца Троцкого, когда-то противопоставила София Парнок: «Истец от революции Троцкий в своей книге упрямо заявляет, что русская литература не оплачивает своих счетов революции. — Что же это значит? Разве за последнее шестилетие у нас не накопилось изрядного количества разнообразных и разноценных стихотворных записей, относящихся к различным моментам революционного периода? <...> Разве ахматовская “перчатка с левой руки” не вытесняется совсем свежим, пахнущим сегодняшним днем “партбилетом” Безыменского? Казалось бы, чего проще? Наша современность — совокупность всех сверстанных нами дней. Добросовестно зарегистрируй их и сложи, — вот тебе и современность. <...> Ну, а что если вдруг окажется, что такая одинокая, такая “несегодняшняя” Ахматова будет современницей тем, кто придут завтра и послезавтра?» (*Парнок* С. Б. Пастернак и другие // *Русский современник*. 1924. № 4. С. 31). Речь шла о стихотворении «Партбилет № 224332», написанном на смерть Ленина:

Весь мир грабастают рабочие ручищи,
Всю землю шупают, — в руках чего-то нет...
— Скажи мне, Партия, скажи мне, что ты ищешь?
И голос скорбный мне ответил: — Партбилет...

Ср. также: «Глупцы, прохвосты и злодеи, / Скопцы, пустышечки, сморчки, / Ах-х-матовки и пыльнаячки...» (*Безыменский* А. Пролог к поэме «Гута» // *Октябрь*. 1924. № 1. С. 7). Об Александре Ильиче Безыменском (1898–1973) как антиподе Ахматовой см. в иронической реплике Л. Грабаря по поводу намерений ассоциации пролетарских писателей «федерировать всю советскую литературу от Анны Ахматовой до Александра Безыменского» (*Жизнь искусства*. 1926. № 26. С. 4). О его недолгой славе см. инскрипт Юрия Тынянова на его статье «Пушкин и Тютчев» (1926):

Взятки гладки с Пушкина, с Тютчева,
Не потребуются ли взамен с кого?
— Ну ладно, только давайте самого лучшего:
Безыменского.

(*Нянковский* М. «О тех, кого помню и люблю...». Ярославль, 2009. С. 66).

Что же касается цитаты, приглянувшейся В. Комарову, то и Андрей Платонов намеревался в 1937 году завершить свою статью о Пушкине рассказом про то, как какой-то мальчик в школе декламировал: «Да здравствует Сталин, да скроется тьма!». «Пушкин несомненно исправил бы само стихотворение — в духе “ошибки” ученика» (*Корниенко Н.В.* «Заметки» Андрея Платонова // *Русская литература.* 1990. № 3. С. 191).

- 272 Ср. ее замечание о том, что финские валуны похожи на черепа великанов — свидетельство Г.И. Гинзбурга-Воскова (*Рубинчик О.* «Я здесь, на сером полотне...»: Ахматова и художники // *Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies.* 2005. № 11).
- 273 *Лесман М.* Она приглашает меня к себе... // *Искусство Ленинграда.* 1989. № 5. С. 73.
- 274 *НЖ.* 1982. № 149. С. 139–140.
- 275

Кто-то близко, близко сзади подошел
И вонзил под ребра мне острый финский нож.
В небе я увидела много желтых пчел,
Огненные молнии, золотую рожь...

(Альманах Цеха поэтов. Книга вторая. Пг., 1921. С. 34).

- 276 Ада Ивановна Оношкович-Яцына (в замужестве Шведе; 1896–1935) — переводчица. «В 20-х годах — тяжелые осложнения в личной жизни: [М.Л. Лозинский] полюбил молодую девушку. Она была переводчицей (конечно, и сама писала, и даже неплохо), его ученицей. Никаких подробностей я не знаю, и, если бы знала, не стала бы [писать], разумеется, их сообщать...» (С. 703, 705) — ср., однако, за сорок лет до этой записи: «Говорили о стихах Шведе, “которые нужно в баночку заспиртовать” и хранить, хранить — так они недопустимо плохи» (*Л.* С. 299). Ср. запись в дневнике А. Оношкович-Яцыны в феврале 1921-го: «Черная густая низкая челка, широкое, немного цыганское лицо, черное платье с высоким воротником и пестрый платок на плечах. Я придвинулась к окну, чтоб лучше видеть. <...> Вот она чему-то улыбнулась. Лицо стало наивное, детское какое-то, милое ужасно. Как же это так он ее не любил? Разве можно сравнить ее со мной? Она такая “настоящая” и, конечно, лучше меня, гораздо <...> И я теперь совсем хорошо разглядела нос с горбинкой и светлые, пустые и грустные глаза. Знаю, отчего они — пустые! <...> Где-то в глубине думаю о Мише [М.Л. Лозинском] и о ней. И кажется мне, что они оба из какой-то страшной и высокой

- жизни, а я только чуть-чуть, носочком сапога ступила на этот порог и оттуда с порога со страхом Божиим смотрю на них, но знаю, что войду» (Минувшее. 13. М.; СПб., 1993. С. 402–403).
- 277 Ср.: «Ночкой темною, томительной / Ты мне дан, и до сих пор / Все хранишь свой блеск живительный / Голубых, родных озер» (Собрание стихотворений. Л., 1926. С. 77).
- 278 *Городецкий С.* Ленинград // ЛГ. 1940. 22 февраля. Ср. позднее в советской традиции с учетом геополитических подвижек:
- Я не стал покупать себе пукко,
Финский ножик с убранством цветным.
Нами зла не забыта наука,
Что прошла по лесам ледяным.
<...>
И солдатские видел могилы
Финнов, нами сраженных в бою.
Я хочу, чтобы сгинули силы,
Те, что ссорят людскую семью.
- (Азаров В. Вечный огонь. Стихотворения. Л., 1961. С. 76).
- 279 *Сочинения.* Т. 5. С. 162–163.
- 280 О «Медном Всаднике» см. нашу справку: *Venok*. P. 335–340; *Тименчик Р.* Ахматова и Пушкин. Заметки к теме. III. «Невидимых звон копыт...» // Пушкин и русская литература: Сборник науч. трудов. Рига, 1986. С. 119–135.
- 281 *Ауэрбах Е.* Дитя мира искусства // ЛГ. 1956. 29 декабря. Елизавета Борисовна Ауэрбах (1912–1995) — актриса эстрады и кино.
- 282 Во всяком случае, этот намек усмотрен в прижизненном исследовании: *Steininger, Alexander.* Literatur und Politik in der Sowjetunion nach Stalins Tod. Wiesbaden, 1965. S. 51.
- 283 Из персонажей ЗК письмо подписал С.А. Васильев. Ср. в докладной записке Отдела культуры ЦК: «Группа писателей и деятелей искусства (Ф. Панферов, М. Исаковский, М. Царев, Е. Вучетич, А. Герасимов и др.) пишут в ЦК КПСС, что в творческих организациях подняли головы остатки разгромленных в свое время партией группировок и течений, которые ведут открытую атаку на основы нашего мировоззрения, на социалистический реализм и на руководство литературой и искусством» (История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 124).
- 284 *Чудакова М.О.* 1956 год // Тыняновский сборник. Вып. 10. М., 1998. С. 811. Имя Гумилева было табуировано на протяжении четырех десятилетий. Из многочисленных примеров см. опи-

сание сцены в московском букинистическом магазине довоенного времени:

«...модно одетая женщина. Она вытаскивает батистовый платочек, пахнувший шипром, и обращается к продавщице:

— Скажите, пожалуйста... Ахматова есть?

— Есть “Четки”...

Но дама, не беря в руки книги стихов, тихо спрашивает:

— А муж Ахматовой... есть? <...>

— Нет, гражданка, Гумилева не продаем...» (*Иванов И. [Горчаков Н.А.; по предположению И.Н. Толстого, псевдоним Н.А. Соколовского] «И я жил в этом раю...» // Литературный современник (Мюнхен). 1951. № 1. С. 64.* Ср. стихотворение Георгия Эрнстового «У Китайгородской стены в 1925 г.»:

Вдоль стены букинистов ряд,
Молча ищу Гумилева.
Таков уж нынче обряд,
Здесь понимают с полслова.

Чирикнул шалун-воробей,
Он не боится Лубянки,
Ему не понять, хоть убей,
Ужаса этой «стоянки».

Осторожно, из-под полы,
Даст мне заветную книжку
Старик, осмотрев все углы,
Будто карманный воришка.

Дома дверь запру на замок
(Здесь моя Броселиана),
Чтоб сосед-партиец не мог
В музу стрелять из нагана.

(*Эрнстов Г. Синий вечер. Милан, 1956. С. 68.*) О Г. Сидамон-Эртстове см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции. С. 784–785.* См. по этой теме: *Что вдруг. С. 358–380; Тименчик Р.К истории культа Гумилева. I // Тыняновский сборник. Выпуск 13. XII-XIII-XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2009. С. 298–351.* Ср. также: *Эткинд Е. Возвращение Гумилева // Время и мы. 1986. № 90. С. 122–128. Из стран-*

ных исключений — появление этого имени в стихах одного из самых благополучных советских поэтов (возможно, объяснимое дезориентированностью цензурного ведомства после снятия Н.И. Ежова):

Лимонный холодок рассвета,
И гладь прудов, и рыбий клев, —
Я мог бы вам воспеть все это,
Хоть в красках я не Гумилев.

(*Лебедев-Кумач В.* Лирика. Сатира. Фельетон. М.; Л., 1939. С. 149; подписано в печать 23 января 1939 года).

- 285 История советской политической цензуры. С. 124. Авторы докладной записки — Д. Поликарпов, Б. Рюриков, И. Черноуцан.
- 286 ЛГ. 1957. 22 мая. Незадолго до того К.Г. Паустовский рассказывал А.К. Гладкову: «А. Сурков живет на грани истерики постоянной от всех этих “веяний” и волнений» (*Гладков А.* «Я не признаю историю без подробностей...»): (Из дневниковых записей 1945–1973) / Предисл. и публ. С. Шумихина // *In memoriam*. С. 536).
- 287 Ср. о собрании во ВГИКе: «Студент Шукшин в своем выступлении отметил, что в институте имеется свыше 70 студентов из стран народной демократии. Они разносят нередко вредную информацию (особенно из Польши и Венгрии), и учащиеся им верят» (Докладная отдела культуры ЦК КПСС. 18 декабря 1956 года // *Вопросы истории*. 1997. № 1. С. 18).
- 288 «Что касается Рильке, Малларме, Пастернака, о них Кундера говорит осторожнее. “До последнего времени” они казались ему “отпетыми”. Этостораживает. Не значит ли это, что “в последнее время” Кундера подумывает и о реабилитации “иного направления” модернизма, тех поэтов, которые вчера казались ему даже отпетыми?» (*Огнев В.* О реализме и новаторстве // *Зн.* 1957. № 3. С. 197).
- 289 «Я вижу, как сейчас, слезы в больших глазах молчаливой Ахматовой <...> “Баллада о двух свечах” и “Родина Шопена” Балинского, так же как и “Набат над Варшавой” Слонимского, всех потрясли» (*Чапский Ю.* // *Requiem*. С. 171).
- 290 *Slonimsky A.* O przywróceniu swobód // *Przegląd Kulturalny*. 1956. № 14. В журнале «Нева» еще успела быть перепечатанной карикатура из польского журнала «Szpilki»: «Что ты думаешь о культе личности? — Не знаю! Товарищ секретарь еще не подсчитал голосов...» (Нева. 1956. № 10. С. 201).
- 291 О месте поэта. На дискуссии польских и советских поэтов // ЛГ. 1960. 4 августа. Станислав Гроховяк (*Grochowiak*; 1934–

1976) — польский поэт, драматург, прозаик. См. «Делегация поляков. (В Будку)» (С. 691). Ахматова упоминала, что ее навещал польский поэт, у которого сборник назывался «Вальс с метлой» — имелась в виду книга С. Гроховяка «Менуэт с кочергой» (*Menuet z pogrzebaczem*, 1958) (*Браун Н.* набросок воспоминаний об Анне Ахматовой (1971) // *Русский архив в Лидсе.* 806/44). 1 августа 1960 года вместе с польскими литераторами во главе с Владиславом Броневским и его женой Вандой на комаровскую дачу явились А.А. Прокофьев, Б. Лихарев, А. Чепуров, Н.С. Полякова, переводчик В. Савицкий (*Полякова Н.* Поэтическая переключка // *Нева.* 1997. № 1. С. 209–210). Надежда Михайловна Полякова (1923–2007), ленинградская поэтесса, запомнила и воспела в стихах «маленькие руки, целованные Блоком». Поэтесса Вислава Шимборска (1923–2012), лауреат Нобелевской премии, вспоминала: «Однако нашим надеждам на интересную беседу не суждено было сбыться. Едва мы переступили порог, как появились какие-то незнакомые типы и расселись вокруг. Я тогда заметила гримасу на лице Ахматовой. Кем были эти люди? Может, какое-то местное партийное или литературное начальство?.. Они сидели, наострив уши, и в результате разговор не клеился, а по правде говоря, просто не состоялся. Да, я прекрасно помню царственный, презрительный взгляд, каким Ахматова окинула незваных гостей» (*Новая Польша.* 2002. № 6. С. 36–37). Об удачах и неудачах переводов за именем Ахматовой из Шимборской см.: *Дравич А.* Священная эта минута. Анна Ахматова и Борис Пастернак — переводчики лирики польской // *Вышгород (Таллинн).* 2002. №1–2. С. 162–163.

Среди поляков был критик Земовит Федецкий (*Fedecki*; 1923–2009); ср. о нем: «Встреча с Федецким, умным левым поляком. Слишком умным и левым» (*Самойлов Д.* С. 312); *Панченко О.* Сюжеты романа в фабулах жизни // *ЛГ.* 1996. 6 марта. Ср. рассказ З.Федецкого, отшлифованный до литературного анекдота: «Смех сокрушал основы идеологии. Поэтому Федецкий, будучи младше на два поколения, так охотно поддакнул 75-летней Анне Ахматовой, которая перед поездкой в Оксфорд в 1965 г. для получения почетного звания доктора *honoris causa* оповестила о своем приезде в Варшаву ультраромантической телеграммой: “Ждите меня в тени вокзала”. Прогуливаясь с ним по темному перрону, она с внезапным кокетством спросила: “Говорят, китайцы обвинили меня в эротизме. Вы думаете, они

- правы? ” И осталась довольна немедленным ответом: “Конечно!”» (*Поморский А.* Наш общий друг // Новая Польша. 2009. № 2. С. 9).
- 292 Партия и вопросы развития советской литературы и искусства // *Коммунист.* 1957. № 3. С. 15. Ср. запись рассказа И.С. Черноуцана в 1984 году: «Никита хотел отменить, но Суслов (1956!) предложил повременить; приказано их не переиздавать и не ссылаться..!» (*Эйдельман Ю.* Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003. С. 296).
- 293 Кинематограф оттепели. Документы и свидетельства. М., 1998. С. 213; ср.: *Жабинский В.* Просветы. Заметки о советской литературе 1956–1957 гг. Мюнхен, 1958. С. 111–113.
- 294 Запись А. Гладкова (*In memoriam.* С. 535); автографы Ахматовой: РГАЛИ. Ф. 1579. Оп. 1. Ед.хр. 23. Ср. письмо Ахматовой к Н.А. Ольшевской 27 января 1957 года: «Маргарита взяла у меня пять стихотворений для “Литературной Москвы” (№ 3). Посмотрим» (*ЛО.* 1989. № 5. С. 94). Об актрисе Нине Антоновне Ольшевской (1908–1991), жене В.Е. Ардова, см.: *Авдеенко А.* Хранительница очага // *СК.* 1991. 30 марта; см. из воспоминаний о ней: «У Нины была строгая наружность (маленькая голова на стройной шее, высокий чистый лоб, блестящие глаза под ровными полукружиями темных бровей, гладкие черные волосы, затянутые в узел). В театре Советской Армии ее засадили на роли всяких комиссарш и партизанок времен гражданской войны. Нина шуточно жаловалась [В.Я. Типоту]: “Вот Володко играет жену белого офицера, ей сшили роскошное платье с декольте, а я каждый вечер в кожаной куртке с маузером на боку”. <...> У Нины была любовь к поэзии и натренированная актерская память» (*Соколова Н.* Два года в Чистополе. 1941–1943. Литературные воспоминания. М., 2006. С. 9). О ней как «красавице-актрисе» и «одаренном педагоге» см.: *Касаткина Л.* Прошлое с нами // *Театр.* 1980. № 2. С. 84.
- 295 Александр Львович Дымшиц (1910–1975) — литературовед, который отказался быть редактором сборника Ахматовой 1946 года (С. 29). После ждановского постановления он объяснял жителям советской зоны оккупации Германии в статье «Проблема сегодняшнего советского искусства», что стихи Ахматовой столь же чужды советскому человеку, как были бы чужды сегодняшним берлинцам, занятым восстановлением города, стихи Лилиенкрона с их выделанной холодной формой и эстетизированной феодальной романтикой. Более того, эти произ-

ведения Ахматовой казались советскому читателю особенно оскорбительными и кощунственными тем, что мелкие чувства, которые трогали холодные души предреволюционных декадентов, они изображали как чувства вечные (Neues Deutschland. 1946. 10. Oktober). Линия его поведения в послесталинскую эпоху отражена в эпиграмме Твардовского по поводу предисловия А. Дымшица к публикации рассказов А. Платонова в 1959 году: «Он работает по НОТ, / Выполняя гибкий график: / И Платонову потрафит / И Софронову лизнет» (*Твардовский А. Из рабочих тетрадей // Зн. 2004. № 5. С. 139*). Ср.: «...во времена “дудинцевского взрыва” Дымшиц — может, кто-нибудь его еще помнит? — литературовед, германист, коммунист, человек очень неглупый, про которого Катя З<ворыкина> говорила “панкач!” — предупреждал молодого еврея [Е.Г. Эткинца], готового к борьбе за либерализацию или демократизацию, словом — к борьбе:

— Не раскачивайте стихию. Главное — не раскачивайте. Не надо раскачивать! <...> В 56-м году он принципиально не мог понять, как можно было рассказать Анне Зегерс о том, что такая-то ленинградка, с которой она познакомилась, сидела при Сталине; принципиально был против печатания рассказов, где говорилось о лагерях. “Не раскачивайте, главное — не раскачивайте, нельзя раскачивать”. Тогда-то, а может, раньше <...> Катя З<ворыкина> и сделала заключение: “панкач”. В конце концов я должна объяснить, что такое “панкач”, потому что вы наверняка не знаете. Продавался в начале 50-х годов в магазинах лук, слегка подгнивший. Стоил он чуть дешевле, к тому же добросовестная администрация чистосердечно признавалась, что лук этот не первосортный. Так и было написано на бирке: лук панкач. То есть — “паниженного качества”» (*Зернова Р. Израиль и окрестности. Иерусалим, 1990. С. 267–269*). О Дымшице в связи с Ахматовой см. нашу справку: *Как в прошедшем грядущее зреет. С. 308–313*.

- 296 III Пленум правления СП СССР // *ЛГ. 1957. 22 мая*. Поклонники Маяковского в это время стали реагировать на неожиданную неприятность в виде интереса молодых литераторов к Мандельштаму: «Характерно, что С. Городецкий многие годы спустя, уже советский поэт, дал совершенно определенную характеристику акмеизма: “Поэтика акмеистов была не более, чем формально-критическим освоением наследства символистов. Но так как в основе этой критики лежало компромиссное

мнимо-реалистическое мирозерцание, не ставившее себе задачей переделку наблюдаемого мира, акмеизм пришел к грубому натурализму, к фетишизации вещей". Сейчас, когда кое-кто из литераторов под флагом борьбы за различные творческие направления готов противопоставить магистральной линии Маяковского пусть даже талантливых, пусть даже незаслуженно забытых певцов акмеистического толка, эти слова одного из основателей акмеизма заслуживают, чтобы их иногда вспоминали» (*Молдавский Д.* Поэзия С. Городецкого // *Зв.* 1957. № 5. С. 206). Впрочем, и пять лет спустя один критик писал: «Разве не встречаются люди, для которых подлинными новаторами являются Пастернак и Марина Цветаева, а Твардовский — только продолжатель Некрасова, который, кстати, также представляется поэтом второго сорта? Мне приходилось слышать, как один молодой человек с жаром уверял, что величайшими поэтами всего двадцатого века являются... Эллиот <sic!>, Рильке и Манделштам. Те молодые люди, из среды которых вышли и Герман Титов, и Юрий Гагарин, и молодой учитель, погибший, спасая ребенка, и рядовой юноша, из года в год совмещающий труд с учебой в вечерней школе, — одним словом, большинство наших молодых людей, конечно, не в Эллиоте ищут эстетические радости и источники вдохновения» (*Македонов А.* Современность и поэзия // *Нева.* 1962. № 2. С. 173). Курьезным образом, он стал первым составителем и предисловщиком (затем смененным) в манделштамовском томе «Библиотеки поэта», по поводу чего в 1962 году встречался с Ахматовой. Осужденный в 1937-м по обвинению в участии в контрреволюционной группе смоленской писательской организации на восемь лет заключения, он нравился Ахматовой; как сформулировала Сильва Гитович, «ее волновала его судьба, сходная с судьбами многих, ей нравилось, что он сохранил какую-то детскую наивность. Ее подкупала его убежденность, честность в сочетании с полнейшей одержимостью, когда, очертя голову, он мог говорить Бог знает что». Сам он вспоминал: «И тут раскрылась мне любопытная черта ее личности. Своеобразная строгость самооценки, полное отсутствие завистничества или соперничества: в это время она уже была на вершине славы и знала себе цену. Обсуждая мою статью о Манделштаме и в беседах на другие темы не раз она подчеркивала, что считает Манделштама великим поэтом, более того, Ахматова искренне числила его более крупным поэтом, чем она сама, и прощала

ему даже некоторые критические и иронические замечания в свой адрес. Мандельштам вообще был для нее поэтом номер один в русской, да и мировой поэзии XX века. Она никогда не отрекалась от акмеизма. Впрочем, никогда не говорила об акмеизме как “школе”, это было не ее понятие. Указывала точный круг представителей акмеизма, в ее понимании: кроме нее и Мандельштама — только Гумилев и во втором ряду — Нарбут, Зенкевич. Михаила Кузмина ценила как поэта, но акмеистом его не считала. Как не считала подлинным акмеистом и Сергея Городецкого. И пренебрежительно говорила об эпигонах и подражателях акмеизма — и тех, кто остался у нас, и тех, кто уехал за границу. Гумилев для нее был менее значительным поэтом, чем Мандельштам, но она сохраняла глубокое уважение к нему — поэту, критику, личности — и после того, как разошлась с ним. Касаясь его трагической судьбы, говорила, что не верит в его участие в контрреволюционном заговоре; напоминала, что он сотрудничал с литературными органами советской власти; хотя и сохранял свое отрицательное отношение к ней, но контрреволюционных стихов не писал» (*Македонов А. Из воспоминаний об Ахматовой // Даугава. 1992. № 2. С. 165–166*).

- 297 *Серебровская Е.* Против нигилизма и всеядности // *Зв.* 1957. № 4. С. 201. «Моя земля» — из стихотворения февраля 1945 года «Освобожденная»: «Больше вражьего шага не слышит, / Отдыхает моя земля». Поэтесса и критик Елена Павловна Серебровская (1915–2003) написала об Ахматовой весьма «советизирующие» воспоминания (*Серебровская Е. Дочь своей Родины // Зв.* 1988. № 1. С. 178–173), как она это проделывала и с другими русскими писателями (*Манн Ю. Белинский в изображении Е. Серебровской // НМ.* 1965. № 3. С. 250). Этот ханжеский текст в свое время получил адекватную оценку в местной печати (см., например: *Лавров В. Жить и помнить // Ленинградская правда.* 1988. 30 января; *Рубашкин А. Жанры и амплуа // Смена.* 1988. 20 сентября), но здесь хотелось бы задержаться на одной источниковедческой мелочи. Мемуаристка приводит рассказ Н.Л. Пичугина, встреченного ею на похоронах Ахматовой. Рассказ сводился к тому, что смерть героини была ускорена бестактным визитом к ней жены одного из осужденных тогда антисоветчиков — Синявского либо Даниеля. Ничего подобного в реальности не было. Н.Л. Пичугина, посетившего Ахматову в 1965 году в Комарове с просьбой о покровительстве своему племяннику-поэту, пишущий эти

- строки немного знавал. Мы были соседями по рижской улице Калею — см. его запись адреса (С. 653). Он был склонен к скропалительным версиям, реальность оценивал крайне субъективно («Я пишу стихи на уровне Афанасия Фета», — говорил он), и в качестве источника информации должен быть безоговорочно забракован.
- 298 ЛЧ2. С. 260.
- 299 Ср.: «...пытаясь утвердить за декадентствующей поэтессой, чье имя и поэзия не нашли отклика в сердце народа и давно канули в реку забвения, право на сочувственное внимание массы читателей...» (Дмитриев А. О сборнике «Литературная Москва» // Правда. 1957. 20 марта).
- 300 Рябов И. Про Смертяшкиных // Крокодил. 1957. № 5. С. 11. В некрологе автору кто-то из «крокодилцев» вставил цитату из Ахматовой: «В этом суровом на вид человеке жила нежная и красивая душа. <...> Родился Иван Рябов в 1902 году “во глубине России”, в глухой тверской деревушке. “Тверская скудная земля” привила ему любовь к застенчивой, милой красоте родной природы, которую он не уставал воспевать в своих очерках до конца жизни» (Крокодил. 1958. № 28. С. 5). Статья И. Рябова была направлена против предисловия И. Эренбурга к подборке стихов М. Цветаевой в альманахе «Литературная Москва». 31 марта Н.Я. Мандельштам писала Ахматовой о своем разговоре с Сурковым насчет состава комиссии по литературному наследству О. Мандельштама: «...я с ним говорила после статьи в “Крокодиле”. И спокойно предложила Эренбурга. Он весело смеялся. Одно печально, статья действительно не тае...» (Мандельштам Н. Об Ахматовой. С. 240); «Это, значит, не тае. Обманывают они» и т.п. — присловье Акима из толстовской «Власти тьмы».
- 301 Ср.: «Это был человек очень высокой культуры, ученик Багрицкого» (Жуховицкий Л. Жизнь в свете дружбы и любви // ЛР. 2002. 17 мая). В лекциях в Литературном институте он «говорил <...> о поэтах, которых не было принято упоминать, цитировал их стихи, приводил примеры» (Ваншенкин К. Поиски себя. Воспоминания. Заметки. Записи. М., 1985. С. 75). «Когда умер Сталин, в первую же ночь в Москве были арестованы несколько тысяч человек. Среди них был преподаватель Литинститута поэт Александр Коваленков, всегда подчеркнуто элегантный по тем френчево-гимнастерочным временам. У него было легкое помешательство литературного гурмана — ему

казалось, что все наши стихи написаны давным-давно до нас. Он то и дело балетно всплескивал руками: “Женя, ну, этот хизм был еще у Тараса Мачтета”, “Простите меня, Лорочка, но ваши рифмы старомодны, как фижмы Каролины Павловой...” Немедленно после ареста Коваленкова по литературным коридорам поползли слухи о том, что он был агентом иностранных разведок. Возникла и более изысканная версия о том, что под мужским костюмом Коваленков носил женское кружевное белье, предаваясь нелегальным в то время страстям, таким далеким от сегодняшней сексуальной демократии. В связи с этой версией довольно двусмысленно прозвучала реплика поэта Сергея Смирнова на литинститутском собрании: “А вот наш недавний коллега Александр Коваленков оказался по ту сторону баррикад”» (*Евтушенко Е. Между стыдом и страхом // ЛГ. 1998. 2 декабря*).

302 По концепции А.И. Ваксберга, он был арестован в ту ночь, когда были проведены массовые аресты особо важных сексотов (*Ваксберг А. Моя жизнь в жизни. Т. 1. М., 1998. С. 88*). См. о его доносе на Ф. Левина: *Свирский Г. С. 294. Эткинн Е.Г. Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001. С. 366–367*.

303 РГАЛИ.

304 *Коваленков А. Письмо старому другу // Зн. 1957. № 7. С. 168*. См. там же далее: «Влияние Ахматовой на литературную молодежь тридцатых годов было равно нулю. Оно неожиданно проявилось значительно позднее в конце войны и первые послевоенные годы. Наряду с ее патриотическими стихами ленинградские журналы опубликовали и ряд упадочных, проникнутых религиозной символикой стихов, а в списках вновь появились ранние и неопубликованные произведения поэтессы». Александр Александрович Коваленков (1911–1971) — автор песен «Когда душа поет и просится сердце в полет...», «Дует ветер молодо во все края... До свиданья, школьная скамья...». При переиздании этой статьи в своем сборнике А. Коваленков прибавил: «Когда-нибудь я напишу тебе подробно, как два московских молодых поэта, приехав перед самой войной в Ленинград, добились аудиенции (не могу выразиться иначе) у А.А. Ахматовой и что она сказала, выслушав их стихи. Но это разговор особый, и я здесь об этом упоминаю потому, что старая поэтесса, напутствуя своих посетителей, сама прочла несколько стихотворений, и это были “Маяковский в 1913 году”, “Воронеж”, “Ива” — стихи, от которых рукой подать до напечатанного в “Правде” в первые

дни войны четверостишия: “Вражье знамя растает, как дым, правда за нами, и мы победим...”» (*Коваленков А. Хорошие, разные. Статьи. М., 1962. С. 12–13; «Вражье знамя...»* напечатано в «Ленинградской правде» 19 июля 1941 года).

305 *Schakovskoy Z. The Privilege was Mine. P. 299–300.*

306 *Аронов А. Тексты. М., 1989. С. 20.* Это самиздатское стихотворение Александра Яковлевича Аронова (1934–2001), по некоторым сведениям (см.: *Строфы века. С. 780*), ценилось Ахматовой. Этот автор посвятил памяти Ахматовой стихотворение:

А эта женщина жила,
 Когда скрывались мы в прихожей,
 Случалось, плакала она,
 Но и насвистывала тоже.
 Пока во глубине зеркал
 Запаздывали расставанья,
 Пока нас Сталин отвлекал
 От ужаса существованья.
 (Огонек. 1990. № 12. С. 14).

307 Еще в ноябре 1955 года В.Р. Щербина просил разрешения на восстановление купюр в публикации писем Горького — с именами Бабеля, Кольцова, Постышева, но Д. Поликарпов и Б. Рюриков отказали ему, а М. Суслов и П. Поспелов согласились с отказом (*История советской политической цензуры. С. 118*). Молодому журналисту, собиравшемуся писать о реабилитированном вскоре М.Е. Кольцове, Ахматова порекомендовала встретиться с актрисой Верой Леонидовной Юреновой (1876–1962), бывшей одно время спутницей жизни будущего прославленного советского журналиста (*Скорыходов Г. Разговоры с Раневской. М., 1999. С. 198*). В. Юренева была в 1920-е исполнительницей стихов Ахматовой на эстраде, а в 1940 году послала своей подруге, послу в Швеции Александре Коллонтай сборник «Из шести книг», на что та ей отвечала из Стокгольма 4 сентября 1940 года: «Дорогая Верочка, получила стихотворения Ахматовой. Большое сердечное спасибо и за книжку, и еще больше за милое внимание. Но представьте, я не могу найти часа, чтобы сесть и спокойно понаслаждаться ее стихотворениями. У меня сейчас такой наплыв работы, что я не успеваю почистить ногти и хожу со срочно закрученными волосами, как у старой гувернантки» (*Коллонтай А.М. «Революция — великая мятежница...». Избранные письма 1901–1952. М., 1989. С. 369*). Молодой Михаил Ефимович Кольцов (Фридлянд; 1898–1940) — человек

эпохи Ахматовой. См.: «Прежде всего — обложка белого цвета, фасон à la Анна Ахматова... (Теперь это очень модно: белая-белая обложка, без лишних украшений и надпись — простым и строгим-строгим шрифтом!). Бумага, конечно, верже (к стихам никак другой бумаги не подашь, хоть она и страшно вздорожала)» (Ефимов М. [Фридлянд М.]. Младенцы во фраках // Журнал журналов. 1916. № 28. С. 14).

Тот же Глеб Скороходов вспоминал: «В тот день на шее Анны Андреевны была еще и длинная цепочка, на ней часы, старинные, с серебряной крышкой, — такие в кино носят в кармане жилетки с цепочкой через живот. Она указала на них, говоря: “Михаил Ефимович, когда увидел эти часы, пришел в восторг, а я ему сказала: ‘ Это наследство моего деда ’. ‘ Счастливая, — грустно заметил он, — а я не знаю, был ли у меня дед...’ Вот и все, но эти слова его мне запомнились”» (Скороходов Г.А. Мои королевы: Раневская, Зелёная, Пельтцер. М., 2014. С. 112.)

Реабилитацию М. Кольцова приветствовали вольнодумцы из стенгазеты «Культура» ленинградского Технологического института, что было названо «смакованием ошибок, имевших место в связи с разоблаченным ЦК КПСС культом личности» (Ронкин В. На смену декаблям приходят январь... М., 2003. С. 98).

- 308 *Слоним М.* Ломка трафарета // *НПС*. 1957. 3 января. Ср.: «Вынырнуло имя И. Катаева. Изредка появляется искалеченный и совершенно поблекший Зоценко, Н. Эрдман, сосланный еще в 30-х годах, Пастернак, Ахматова, несколько литературных критиков из группы погубленных в 1949 г. <...> Но о расстрелянном Пильняке, Ключеве, о Тарасове-Родионове и о десятках других <...> сведений пока нет» (Слизской А. На литературном фронте // *РМ*. 1956. 26 июля).
- 309 *Волков А.* Русская литература XX века. Учебное пособие для вузов. М., 1957. С. 254. О «мохнатой лапе» см.: *ЛЧ2*. С. 107. Об этом литературоведе Ахматова вспомнила в наброске о царскоселах начала века: «Одичалое буржуазное общество, кот<оторое> травило Г<умиле>ва (Да, т. Волков, травили)» (№ 47). Об Анатолии Андреевиче Волкове (1909–1981), который «по слухам, подвизался на службе пресловутым “органам”», см.: *Турков А.* С. 77–78.

Глава
вторая

1957-1958

- 1 Вопросы следователя вызваны чтением показаний Б.К. Лившица: «В 1930–31 гг. параллельно с антисоветской группой, инспирируемой Кибальчицем, в среде ленинградских писателей началась концентрация части антисоветских элементов около Н.С. Тихонова. Это человек недюжинного ума, большой воли и выдержки, осторожный и скрытный. Он не раскрывает своих карт перед первым встречным и в совершенстве владеет искусством маскировки. Его публичные политические высказывания, ничего общего не имеющие с его подлинными политическими убеждениями, общеизвестны. Они создали ему репутацию «левого попутчика» (во время РАППа) и в наши дни «беспартийного большевика».

Под прикрытием Тихонова Ахматова долго протаскивала переиздание своих реакционных стихов. Мандельштам переиздавал в Гослитиздате сборник своих антисоветских произведений. При попустительстве Тихонова в Ленинградском издательстве писателей один за другим выходили порочные, клеветавшие на советскую действительность романы Вагинова, поэтическое наследие которого Тихонов на могиле Вагинова объявил бессмертным. В стихотворном отделе «Звезды», редактируемом непосредственно Тихоновым, появилась издательская поэма Заболоцкого — «Торжество земледелия», поднятая на щит, невзирая на свою явную контрреволюционность, Эйхенбаумом и Н. Степановым <...> Тихонов, в свою очередь, информировал меня, что им также создана группа, и из ее участников назвал мне поэтов Заболоцкого, Корнилова, Дагаева, А. Ахматову и указал на свою близкую связь с формалистами Эйхенбаумом и Степановым» (Русская литература. 1993. № 2. С. 224). Николай Семенович Тихонов (1896–1979) познакомился с допрашиваемой в 1922 году: «Н. Тихонова и Пастернака видела обоих сразу и обоих в первый раз у Напелябаумов. Пастернак тогда читал стихи, а Тихонов “ел его глазами”» (Л2. С. 251). Ахматовский отзыв 1927 года о поэмах Тихонова: «пускается в совсем неубедительные и не вытекающие из хода вещей заверения в своей лояльности» (Л2. С. 248).

В связи с новыми «сомнительными» стихами Ахматовой он в 1945 году наставлял: «Маститых надо печатать из уважения к тому делу, которому они служили всю жизнь» (*Перхин В.В.* К истории текста одного стихотворения Ахматовой // *Русская литература.* 1999. № 3. С. 187), но в своем докладе на пленуме правления ССП в мае 1945-го «маститую» не упомянул (оговорив специально, что «из женщин несомненно очень талантлива Галина Николаева» (*Тихонов Н.* Перед новым подъемом. Советская литература в 1944–45 гг. М., 1945. С. 49), и поправлять его довелось советскому поэту следующей формации: «В совершенно новом и замечательном качестве проявила себя Анна Ахматова, оказавшаяся глубоко современным поэтом» (*Долматовский Е.* Наши песни будут жить многие годы // *ЛГ.* 1945. 26 мая), которому в свою очередь вскоре необходимо было, устыдившись и, видимо, припомнив фразу Маяковского о себе («“Что это за Ахматова в коротеньких штанах?” <...> Я действительно тогда увлекался символистами и акмеистами» — *Долматовский Е.* Было. Записки поэта. М., 1982. С. 284), в порядке компенсации восславить «метод социалистического реализма, который выбросил на мель стихи Ахматовой и замуль Пастернака и помогает Антокольскому освободиться от груза западничества» (*Долматовский Е.* Разговор о поэзии // *ЛГ.* 1947. 9 августа). О Евгении Ароновиче Долматовском (1915–1994) в связи с Ахматовой см. нашу справку: *Как в прошедшем грядущее зреет.* С. 305–308.

Про август 1946 года «Н.С. Тихонов рассказывал, как Сталин вызвал руководителей Союза и заявил, что Ахматова и Зощенко — “враги”» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 3. М., 1990. С. 34). Во время этой беседы 9 августа 1946 года Н.С. Тихонов говорил: «Анна Ахматова, это особая статья. Это не только Ленинград. Молодое поколение думало, что она умерла, и вдруг увидел писательницу, которая давно выполнила свою политическую линию. Если она, несмотря на свой возраст, написала стихотворения, о которых говорил <А.А.> Прокофьев, это не значит, что после этого она может начинать возрождать старое положение. Нового Ахматова ничего не может дать» (*Бабиченко Д.* Писатели и цензоры. М., 1994. С. 141). Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» от 14 августа 1946 года гласило: «ЦК устанавливает, что Правление Союза советских писателей и, в частности, его председатель т. Тихонов не приняли никаких мер к улучшению

журналов “Звезда” и “Ленинград” и не только не вели борьбы с вредными влияниями Зощенко, Ахматовой и им подобных несоветских писателей на советскую литературу, но даже попустительствовали проникновению в журналы чуждых советской литературе тенденций и нравов». Ср. в докладе Жданова перед ленинградским партактивом 15 августа 1946 года: «Наши писатели, и в первую очередь Саянов и Лихарев, видимо, забыли это положение ленинизма, что наша литература должна быть литературой для народа, что если она не воспитывает народ, то она вообще не нужна, что нам не нужна литература, которая не помогает народу идти вперед. Забыв это положение Ленина или дав волю своим приятельским, личным отношениям, — здесь очень сильно повинен и Тихонов, который продолжает поддерживать свои связи с Зощенко и Ахматовой и несомненно им мирволит по старой дружбе. Несмотря на то, что над Тихоновым пронеслась война и ленинградская блокада, и он написал великолепные произведения. А когда прошла война, у него, очевидно, одно колесо стало сильно хромать, ибо он на Оргбюро доказывал, что Ахматова прекрасная поэтесса и вообще после войны произошло некоторое смещение в смысле снижения идеологического момента и т.д.» (Файман Г. Юбилей // Независимая газета. 1996. 29 августа).

В 1949 году Тихонов докладывал: «Культ Ахматовой — притягивал к себе все ржавые опилки, весь сор» (*Летописец*. С. 186). В воспоминаниях Д.Т. Хренкова, склонного идеалистически описывать дела советские, Н.С. Тихонов говорит: «<...> К акмеистам отношение сложнее. Многие из них у меня не вызвали симпатий.

— Но вы же в свое время выхлопотали паек Ахматовой и тем спасли ее!

— Поэту Анне Андреевне Ахматовой, а не акмеисту.

К Ахматовой Николай Семенович относился с безмерным уважением. В последние годы они виделись не часто, но зная, что я довольно часто встречаюсь с Анной Андреевной, он неизменно с интересом расспрашивал о ней. <...> — Да, да, есть поэтессы. Ахматова — не из их числа, — убежденно говорил он. — Она — поэт!» (*Хренков Д.Т. Осень в Переделкине // Зв.* 1981. № 3. С. 165–166). Возможно, что разговор с Ахматовой имеется в виду в свидетельстве И. Берлина: «Когда я хотел узнать мнение [писателей], например, о таком верном члене партии, как поэт Тихонов, председатель Союза писателей, мне

ответили, что он “начальство” и обсуждению не подлежит» ([*Некрич А.*] Заметки Исаяи Берлина о посещении Ленинграда 12–20 ноября 1945 года // *Обозрение. Аналитический журнал «Русской мысли»* (Париж). 1983. № 4. С. 39). Ср. слова Ахматовой в воспоминаниях Грейнема Ратгауза: «Как Вам может нравиться Тихонов? Это — эпигон, у кого он только не брал: у Гумилева, у Киплинга, у всех символистов. Неужели Вам нравится то, что он сейчас пишет?

— У него есть три-четыре очень хороших стихотворения. Можно я прочту Вам хотя бы одно?

— Нет, благодарю вас. Я до его стихов не охотница. (Это я тоже запомнил буквально.)» (*Ратгауз Г.* С. 157). Еще в разговоре 1925 года «А. А., признавая, что Н. Тихонов способный, все-таки считает его эпигonom» (*Л1.* С. 48). См. также: *Последние годы.* С. 120–121.

Ср. запись воспоминаний М.Н. Изергиной: «Тихонов прекрасно “держал стол”. Но он был простоватый, а жена ультра интеллигентная. Она его сломала. У него свой стиль был, а она его тянула на интеллигентность, и он как-то деклассировался, ушел из своей среды и не пришел к этой, а стал просто мерзким партийцем. Сталинский орел! (*презрительно*)» (*Менчинская Н. Сестры Изергины // Грани.* 2010. № 233. С. 190).

- 2 Виктор-Наполеон Львович Серж (Кибальчич; 1890–1947) — французский анархист, с 1920 года — русский большевик, редактор журнала «Коммунистический Интернационал», участник ленинградской левой оппозиции. В 1933 году выслан в Оренбург; по просьбе Ромена Роллана и хлопотами Е.П. Пешковой выпущен из СССР. Помимо упомянутых, он был хорошо знаком и с другими писателями; ср. некоторые выдержки из его мемуарных записей: «Толстой и Щеголев зарабатывали в эти годы миллионы рублей, ставя свои пьесы, героями которых были царь, царица и Распутин. Они пользовались жизнью во всю и уповали на умеренную крестьянскую контрреволюцию. Они уверяли, что симпатизируют коммунистической партии. Щеголев ненавидел Троцкого. А. Толстой, наоборот, говорил о нем с уважением и восхищением. В Царском (Детском) селе, в его особняке, было много музейных вещей. Виктор Серж надеялся, что правая оппозиция, Томский, Бухарин, Рыков возьмут верх над Сталиным и что насильственная коллективизация погубит диктатора. “Петр I” сначала казался Сержу таким же бегством в прошлое от современности, каким были романы Тыня-

- нова, Каверина и др. Но уже через короткое время А. Толстой откровенно начал сблизжать Петра и Сталина. <...> Я спросил однажды Тынянова, почему, в душе протестуя против всего, что делается, писатели так мало выражают свое возмущение. Он ответил: “Потому что все имеют, что сказать, очень важное, и стараются протянуть время, чтобы дожить до минуты, когда это можно будет сделать”» (*Ивелич [Берберова Н.Н.]*. Дневник Виктора Сэржа // *РМ*. 1949. 12 августа).
- 3 Николай Николаевич Никитин (1895–1963) —участник группы «Серрапионовых братьев», лауреат Сталинской премии, полученной за роман «Северная Аврора» (1951) об англо-американской интервенции в 1919 году. Ахматова встречалась с ним в 1920-х (*Л2*. С. 271). Ср. отзыв Ахматовой о его пьесе: «Корона и плащ — ужас один!» (*Л1*. С. 81). Из новейшей литературы о нем: *Фрезинский Б.* Судьбы Серрапионов (Портреты и сюжеты). СПб., 2003. С. 212–246. О переводчике Иване Алексеевиче Лихачеве (1903–1972) см.: *Никольская Т.* Авангард и окрестности. СПб., 2002. С. 249–260.
- 4 Ср. упоминание в его статье для французской коммунистической газеты: «Гумилев, расстрелянный в Петрограде в августе 1921 г. вместе с обвиненными в причастности к заговору Таганцева, несмотря на свое устоявшееся отношение к праву сильного, к власти и к восхищавшей его войне, воспринимал революцию со сдержанным уважением. Кузмин, утонченный певец буржуазного декаданса (“Александрийские песни”), и Анна Ахматова, создательница, быть может, самых прекрасных стихов о любви, какие существуют в современной русской поэзии, живут в Петрограде, замкнувшись в себе, упрямо оставаясь несовременными. И было бы несправедливо и напрасно требовать от них большего. Разумеется, певец буржуазного конца века не может принять революцию: достойно похвалы уже то, что он не превратился в ее врага (ибо сохранил достаточное безразличие к земному существованию). А сердце любовницы бьется в революционные годы так же сильно, как в любые другие» (*Serge V. Les écrivains russes et la révolution // Clarté*. 1922. 11 juillet). Виктор Серж познакомился ней 11 мая 1926 года у П.Е. Щеголева: «худая, стройная, бледная, как фарфоровая статуэтка, хорошо сложенная и несколько манерная (ее жест — длинная рука, положенная на плечо) и с красивыми грустными сероватыми глазами» («*maigre, fine, blanche comme une statuette de porcelaine, rudement résistante et très maniérée*

(son geste de la longue main sur l'épaule) et de beaux yeux tristes, gris-verts» (*Serge V. Pages de journal (1945–1947) // Les Temps Modernes. 1949. № 45. P. 74*). Он сказал ей тогда, что знал Гумилева в 1918 году в Париже (Л2. С. 155–156). К этой встрече относится запись П.Н. Лукницкого от 23 ноября 1926 года: «В Париже (...) рассказ Николая Степановича, тот повторял» (Л2. С. 225). Ср.: «С первого нашего разговора [Гумилев] определил себя: “Я — традиционалист, монархист, империалист, славянофил. Я — типичный русский, каким его сделало православие. Вы — тоже типичный русский, но противоположной крайности, со стороны стихийной анархии, слепого разгула страстей, беспорядочных верований... Я люблю в России все, даже то, против чего я хочу бороться, то, что воплощаете вы...” На эти темы мы вели с ним, шагая по Эспланаде Инвалидов, интересные споры. Во всяком случае, он был честен, смел в своих мыслях, полностью увлечен приключениями и борьбой — и иногда он читал волшебные стихи. Скорее худой, исключительно некрасивый, слишком длинное лицо, толстые губы и мясистый нос, конический лоб, странные глаза, сине-зеленые, слишком большие — рыбы или восточного идола, а он как раз питал страсть к священным изображениям Ассирии, с которыми в конце концов начали находить в нем сходство. Это был один из самых больших поэтов нашего поколения... Нам привелось опять встретиться несколько раз в России, противниками, но друзьями. На мою долю выпало в 1921 году бороться несколько дней, — безрезультатно, — чтобы помешать чеке его расстрелять» (*Serge V. Mémoires d'un révolutionnaire. Paris, 1951. P. 68*). Ср.: *Сречинский Ю.* Новое о Гумилеве // *НПС. 1972. 28 мая*). О Кибальчиче спрашивало НКВД и Мандельштама в 1938 году, он отвечал: «...я встречался исключительно на деловой почве, не более трех раз. Первый раз в 1924–1925 гг. Я зашел к нему на службу в Ленгиз за получением переводной работы. Второй раз я был у него на квартире, это посещение также было вызвано необходимостью получения переводной работы. И третий раз, в 1932 г., я, будучи в Ленинграде, пригласил к себе в гостиницу нескольких ленинградских писателей, в том числе и Кибальчича, которым прочел свое произведение “Путешествие в Армению”» (*Шенталинский В.* Рабы свободы. В литературных архивах КГБ. М., 1995. С. 247). О последней встрече вспоминал и Кибальчич-Серж: «Я вспоминаю вечер дома у Мандельштама в Ленинграде в 1932 году. Поэт собрал некоторых друзей-писате-

лей, чтобы прочесть прозаическую вещь, которую он привез из путешествия в Армению. Я не назову здесь никого из присутствовавших, моих товарищей и приятелей, чтобы не компрометировать живущих. Еврей, скорее небольшой, с лицом, полным сгущенной печали, и беспокойными и созерцательными карими глазами. Мандельштам, высоко ценимый в литературном мире, жил бедно и трудно. Он почти не печатался, писал мало, не осмеливаясь сражаться с цензорскими приговорами и диатрибами ораторов РАПП. Отточенный текст, который он читал нам, заставлял подумать о Жироду в его лучших проявлениях, но здесь речь шла не о мечте о Сюзанне перед Тихим океаном: вместо того речь шла о сопротивлении поэта петле палача. Видения ереванского озера и снегов Арарата шелестом бриза требовали свободы, пели подрывную хвалу воображению, утверждали непокорность мысли... Кончив читать, Мандельштам спросил нас: “Вы верите, что это можно будет напечатать?” Наслаждаться ландшафтами было не запрещено. Но проникнут ли цензоры в протестующий язык этих пейзажей? Не знаю, увидели ли эти пейзажи свет, ибо вскоре после этого я был заключен в Московскую внутреннюю (и тайную) тюрьму (за убеждения)» (*Serge V. La tragédie des écrivains soviétiques*. Paris, 1947. P. 4–5).

- 5 Напомни еще раз, что с 1925 года ее стихи в советской печати не появлялись. В 1933 году в журнале «Звезда» была напечатана ее пушкиноведческая статья (ср.: *Гулливер [Ходасевич В.]*. Литературная летопись. Ахматова — пушкинистка // Возрождение (Париж). 1933. 6 апреля; [Б. и.] «Сказка о золотом петушке». Происхождение сюжета пушкинской сказки // Молва (Варшава). 1933. 23 апреля; [Виленкин В.Я.] А. Achmatova als Puschkin-Forscherin // Moskauer Rundschau. 1933. 7 мая). В следующем году изданы в ее переводе письма Рубенса (см. сообщение о выходе книги без упоминания имени переводчицы: *ЛГ*. 1934. 11 января; ср.: [Б. и.] Анна Ахматова — переводчица // Последние новости (Париж). 1934. 25 января). В 1936 году напечатан ее перевод из Даниэля Варужана (ср.: [Б. и.] Ахматова — в ленинградской «Звезде» // Сегодня (Рига). 1936. 23 июля), и в том же году в газете «Литературный Ленинград» рядом с ахматовским переводом из Егише Чаренца появилось интервью с ней, в котором приводилась последняя строфа стихотворения, посвященного Пастернаку (см. отклик Г. Адамовича: Последние новости. 1936. 15 октября). Ранее, как сообщалось в доносе

писателя И. Фефера идеологическому начальству, на банкете после пленума правления Союза писателей в Минске в феврале 1936 года Пастернак провозгласил тост: «За настоящее русское искусство и его лучшего представителя Анну Ахматову» (*Максименков Л. Сумбур вместо музыки. Сталинская культурная революция. 1936–1938. М., 1997. С. 149–150*). В 1936 году напечатана ее статья «“Адольф” Бенжамена Констан в творчестве Пушкина» (см. отклик: *Мандельштам Ю. Пушкин и Бенжамен Констан // Возрождение. 1937. 6 февраля*).

- 6 Ахматова была знакома с поэтом Борисом Петровичем Корниловым (1907–1938), первым мужем О.Ф. Берггольц. Ср. его выступление: «Поговорим о чистой поэзии. <...> Никогда ни одно стихотворение не было оторвано от человеческой жизни. От людей. Все эти чистые стихи —

На Малаховом кургане

Офицера расстреляли —

прекрасно знают, кто стоит за ними» (*Корнилов Б. Поэзия — прежде всего оружие // ЛГ. 1934. 3 сентября*). Ср. слова Ахматовой: «Надо быть железным человеком, чтобы так пить. Но Ольга, пожалуй, в этом не очень виновата. Виноват ее первый муж Борис Корнилов. Он был доволен — ему было весело! Ольга его так любила, что если бы он сказал — “мне не нравится это... Я не хочу, чтобы дома — водка”. Но ему нравилось, он поощрял это» (*Глекин Г. С. 262*). Слухи о его конце ходили по Ленинграду: «Молодой и очень способный поэт Б. Корнилов, воспитанный советской властью, тоже верил в неприкосновенность искусства. В его стихах, очень патриотических, и в его высказываниях, очень искренних, кто-то усмотрел “контрреволюцию”. Корнилов умер от побоев в 17 камере Дома предварительного заключения в Ленинграде в апреле 1938 г.» (*Анин Н. [Давиденков Н.С.] Похищение юности // Парижский вестник. 1943. 31 июля*). Ср.: *Распяты: Писатели — жертвы политических репрессий / Авт.-сост. З.Л. Дичаров. Вып. 2: Могилы без крестов. СПб., 1994. С. 154–164*. Сергей Михайлович Дагаев (1910–1938) — поэт, преподаватель английского языка в Военно-морском инженерном училище, расстрелян. Одно его стихотворение должно было привлечь внимание Ахматовой — «На обломках Херсонеса»:

Забывтый город выжил из ума,

Он просит море дать ему напиться,

А море шарит по его домам,

Воруя мраморные черепицы...

(Зв. 1935. № 8. С. 54).

- 7 *Заболоцкий Н.Н.* Жизнеописание // *Заболоцкий Н.А.* «Огонь, мерцающий в сосуде» / Сост. Н.Н. Заболоцкого. М., 1995. С. 367–368. О «деле писателей» см.: *Иванов-Разумник.* Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. М., 2000. С. 76–77.
- 8 *Шапорина Л.В.* С. 410; *Карп П.* Единственный взгляд // Книжное обозрение. 1989. 9 июня; *Струве Н.* Восемь часов. С. 331–332; запись по памяти разговора июля 1965 года, сделанная 6 марта 1966 года пишущим эти строки: *Крымский Ахматовский.* 4. С. 171.
- 9 Об Александре Александровиче Энгельке (1904–1977), Юлии Соломоновиче Берзине (1904–1942), Сергее Константиновиче Безбородове (1904–1938) см.: *Распятые: Писатели — жертвы политических репрессий* / Авт.-сост. З.А. Дичаров. Вып. 1: Тайное становится явным. СПб., 1993. С. 41–44; Вып. 3: Палачей судит время. СПб., 1998. С. 25–26; Вып. 5: Мученики террора. СПб., 2000. С. 221–227.
- 10 Ср.: «В нашей поэзии сегодняшнего дня есть два полюса, два направления. Одно — пытающееся воскресить классическую точность выражения и художественную законченность построения, — то, которое нашло свое самое лучшее выражение в поэзии Ахматовой и Мандельштама. И другое — то, в основе которого лежит футуристическая теория, которая ныне возглавляется Маяковским. И почти все современные молодые поэты, выявляя в большей или меньшей степени свою индивидуальность, подчиняются сознательно или бессознательно одному из этих направлений <...> Это уже может служить несомненным доказательством значительности обоих названных поэтов. <...> Числясь номинально в лагере “акмеистов”, Ахматова всегда выделялась из их среды, особыми, только ей присущими свойствами: своеобразным, мы бы сказали, “отрывочным” мировосприятием и исключительной остротой переживания. В сущности, эти два сводятся к одному: для Ахматовой линия жизни не существует в своей целостности, а рассыпается в тонкий пунктир, в ряд отдельных мгновений. Каждая секунда, каждое восприятие для нее цельная и замкнутая в себе монада, только случайно соприкасающаяся с соседними восприятиями-монадами. И отсюда эта особенная острота, особенная яркость и законченность каждого мгновения, не расплывающегося, не расплывающегося на пути к следующему мгновению. Если

прав был Баратынский, определяя истинную поэзию как полное ощущение данной минуты, то очень немногих соперников имеет Ахматова, более полно выразить ощущение минуты едва ли кто из наших поэтов был в состоянии. Даже прославленный в этом отношении Фет во многом ей уступает. Вот почему Ахматова не бывает скучной, никогда нельзя скользить по ней, почти каждое стихотворение запоминается отдельно, живет в сознании читателя отдельно, не сливаясь со всеми другими. И ее слова, всегда чрезвычайно простые, самые обыкновенные, слова, употребляемые каждым из нас тысячекратно, вдруг приобретают значительность и законченность эпиграммы, так и хочется обратить их в поговорку, в эпиграф. И поразительнее всего, как умеет Ахматовой с[оче]тать эту эпиграмматическую отвлеченность с самой глубокой интимностью. Мы приведем одно стихотворение полностью как наиболее яркое именно в этом отношении:

Есть в близости людей заветная черта,
 Ее не перейти влюбленности и страсти, —
 Пусть в жуткой тишине сливаются уста
 И сердце рвется от любви на части.
 И дружба здесь бессильна, и года
 Высокого и огненного счастья,
 Когда душа свободна и чужда
 Медлительной истоме сладострастья.
 Стремящиеся к ней безумны, а ее
 Достигшие—поражены тоскою...
 Теперь ты понял, отчего мое
 Не бьется сердце под твоей рукою.

Целое психологически-философское построение, казалось бы, очень отвлеченное, умственное — и эти две строки превращают его в интимнейшее лирическое признание. В этом основной пафос Ахматовой» (*Выгодский Д.* О новых стихах // Новая жизнь. 1917. 2 декабря).

- 11 Бенедикт Константинович Лившиц (1886–1938) — поэт, переводчик, мемуарист, знаком с Ахматовой со времен «Бродячий собаки» (*Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец. Стихотворения. Переводы. Воспоминания. Л., 1989. С. 513, 515), если не раньше — с Киева через А.А. Экстер. Ср. в воспоминаниях Ахматовой о Блоке: «В тот единственный раз, когда я была у Блока [1913], я между прочим упомянула, что поэт Бенедикт Лившиц жалует на то, что он, Блок, одним своим существованием ме-

шает ему писать стихи. Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно; “Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой”». В 1919 году «Лившиц пропагандировал в Киеве “стихи киевлянки Анны Горенко” — Ахматовой и Осипа Мандельштама» (*Терапиано Ю.К. Встречи. 1926–1971. М., 2002. С. 21*). Ахматовой понравилось стихотворение Б. Лившица 1925 года о Пушкине «Как душно на рассвете века», а его сборник «Патмос» (М., 1926) разочаровал (Л2. С. 173, 179). В те же годы «А. А. сказала, что он хороший, простой человек: “Я люблю его...”» (Л2. С. 179). Ср. свидетельство Н.Я. Мандельштам о разговоре с вдовой поэта, Е.К. Лившиц: «В самые страшные годы А. А. всегда первая приходила в дома, где ночью орудовали “дорогие гости”. Это про них: “И всю ночь напролет жду гостей дорогих, шевеля кандалами цепочек дверных”. Недавно я спросила у Таточки, дивной красотки, отстукавшей, на свое счастье, только пять лет без повторных приговоров, но со всеми последующими изъятиями, капканами и лишениями: “А она пришла?” “Конечно, — ответила Таточка. — Сразу же... Первая... Мы еще не успели убрать...” — “А кто сказал, что теперь надо иметь только пепельницу и плевательницу — ты или она?” “Конечно, она”, — удивленно ответила Таточка» (ВАА. С. 300).

О «Полутораглазом стрельце» см. запись от 11 ноября 1960 года: «Я упомянул Лившица, которого читаю. “Все вранье!” — в один голос сказали Анна Андр. и Ник. Ив. [Харджиев]» (*Глекин Г. С. 188*). Мемуары Б. Лившица (редактором которых был Н.С. Тихонов), вышедшие в Ленинграде в 1933 году, отличались неожиданным для своего времени «объективизмом». Поправить «автора, далеко еще не расквитавшегося со своим прошлым», был призван вкладыш в книгу «от издательства»: «Футуризм был очень сложным, социально-политически, художественно-пестрым и противоречивым литературным движением предвоенной России. <...> Но к футуристам примыкал и мещанский поэт Северянин, и автор этой книги Б. Лившиц, по существу — акмеист, последователь Мандельштама». См. также о Б.К. Лившице нашу справку: *Я всем прощение. С. 503–505*.

- 12 Слухи о предосудительном поведении Стенича в заключении см.: *Заболоцкий Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде» / Сост. Н.Н. Заболоцкого. М., 1995. С. 393*. Однако Е.М. Тагер рассказывала Л.Д. Большинцовой, что столкнулась с денди Стеничем без шнурков на ботинках в тюрьме по дороге на допрос. Он шепнул: «Лена, все кончено. Пишу все на себя».

- 13 Павел Александрович Калитин (1908–1937?) — поэт; см., например, два его стихотворения: *Зв.* 1933. № 5. С. 129.
- 14 Прозаик, ближайший друг Михаила Кузмина Осип (Юрий) Иванович Юркун (Юркунас) (1895–1938) был с Ахматовой безусловно знаком. В его альбом она в 1920 году вписала четверостишие «О есть неповторимые слова». Ср., впрочем, воспоминание о салоне А.Д. Радловой: «Больше других шумел Юркун, и я впервые слышала, как поносят Ахматову» (*Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 106). В 1930-е от Ю. Юркуна поступил в Литературный музей автограф стихотворения «Земной отрадой сердца не томи...».
- 15 Бронислав Адольфович Кежун (1914–1984) — поэт, пародист, «его Прокофьев нежно опекал и старательно пестовал» (*Дымшиц А.* Революцией призванный // Александр Прокофьев. Вспоминают друзья. Сб. М., 1977. С. 137); в его стихах критика беспрестанно отмечала бессодержательность и отсутствие признаков поэзии. Ср. например: «Бронислав Кежун рассказывает о моряке:

Как он выплыл, сам не знает,
Но опять вернулся в строй
И сегодня отправляет
Катера на Гидрострой...

Здесь уже рукой подать до “Птички божьей” (“Птичка божия не знает, как опять вернулась в строй, хлопотливо отправляет катера на Гидрострой...”)» (*Тимофеев Л.* Поэзия и полнота жизни // *ЛГ.* 1953. 13 июня). Ср. его стихи о своей политической грамотности в семь лет:

Метели мели в исступленье,
Но знал я, что есть на земле
Заботливый дедушка Ленин,
Живущий в московском Кремле.

(*Кежун Б.* Зимой двадцать первого года // *Нева.* 1956. № 4. С. 56). Ср. эпиграмму Михаила Дудина:

Поэт Кежун в подлунном мире
С позиций собственных высот
То брякнет одою на лире,
То тьякнет шавкою в сатире,
То, как Булгарин, донесет.

(*Друян Б.* Неостывшая память // *Нева.* 2004. № 3. С. 261).

Ср. также: «В стихотворении “Пушкин” Б. Кежун заставляет Дантеса совершить прогулку по Советскому Союзу. В пол-

- ночь при бое часов Дантес поднимается из могилы и к своему, а также и нашему удивлению застаёт у могилы... октябрят, читающих сказки Пушкина. Должны же быть пределы вольной поэтической фантазии!..» (Г.С. [Сорокин Г.Э.]. О двух молодых поэтах // Литературный современник. 1938. № 7. С. 214).
- 16 Знакомство с Владиславом Фелициановичем Ходасевичем (1886–1939) относится к лету 1921 года: 22 июня он записал в альбом Ахматовой стихотворение «Имей глаза — сквозь день увидишь ночь...». Видимо, тогда же надписан «Подорожник»: «Владиславу Ходасевичу с приветом Анна Ахматова» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 27). 24 июля он писал М.О. Гершензону: «Знаете ли, мне понравилась Ахматова! Все-таки взрослая и настоящая, и очень хорошо держится. Конечно, она не Бог весть какой большой поэт» (*Ходасевич В.* Пушкин и поэты его времени. В трех томах. Под ред. Роберта Хьюза. Т. 1. Беркли, 1999. С. 413), а 27 августа — В.Г. Лидину: «Знаете ли, что живых, т.е. таких, чтоб можно написать новое, осталось в России три стихотворца: Белый, Ахматова, да — простите — я. <...> Конечно, ни Белому (как стихотворцу), ни, уж подавно, Ахматовой, ни Вашему покорному слуге до Блока не допрыгнуть» (Минувшее. 14. С. 428–429). См. также в его письмах к Анне Ивановне Ходасевич — 19 января 1922 года из Петрограда: «Кланяется Ахматова. Мы сегодня, несмотря на праздник, заседали в комитете Дома Литераторов», и 22 октября 1922 года из Берлина о раздаче экземпляров «Тяжелой лиры»: «Щеголеву, Ахматовой, если она не очень меня ругает, Мише Слонимскому...» (РГАЛИ). Ср. некоторые из ахматовских отзывов: «Есть хорошие стихи, но все это какое-то деланное, неоправданное» (Л1. С. 51); «Говорит, что ее ненавидит Ходасевич — ей об этом Ал. Толстой сказал» (Л1. С. 59); «отозвалась с большой любовью...» (ЛЧ2. С. 520), «прекрасный поэт он для нее» (*Громов П.* Написанное и ненаписанное. М., 1994. С. 211); «У него каждая следующая книга лучше предыдущей» (*Ардов М.* «Не поэтесса». Поэт! Из бесед с Анной Ахматовой // ЛГ. 1989. 4 января).
- 17 Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954) — прозаик. По сообщениям его сына, актера М.М. Козакова, когда последнего вербовали в секретные сотрудники КГБ, чекисты намекали на то, что покойный писатель помогал им. В пьесе М.Э. Козакова «Чекисты» (1938) некая поэтесса, связанная с контрреволюци-

- онным заговором, читает стихи: «Навсегда забиты окошки... / Что там — изморозь или гроза?» (*Что вдруг*. С. 162).
- 18 О многолетних дружественных взаимоотношениях с филологом Виктором Максимовичем Жирмунским (1891–1972) см.: *Эткинд Е.* Память и верность (Вместо предисловия) // *Жирмунский В.М.* Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. С. 3–20. В Ленинграде долго жил анекдот про то, как он «читал на Высших женских курсах лекции о поэзии Ахматовой. Одна из слушательниц спросила его: “Можно ли просто любить стихи Ахматовой, не зная законов стихосложения?” Он ответил: “Можно. Но знание облагораживает любовь”» (*Кочеткова Н.Д.* Основные направления научной и педагогической деятельности П.Н. Беркова // *Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России — взгляд из зарубежья.* СПб., 2011. С. 84). Ср. слова Ахматовой: «Жирмунский живет напротив. Он академик нескольких зарубежных академий, а в нашей он только член-корреспондент. Виноградов, академик, говорит: потому что еврей» (*Готхарт Н.* С. 289).
- 19 С историком литературы Юлианом Григорьевичем Оксманом (1894–1970) Ахматова познакомилась в 1924 году у П.Е. Щеголева. Ср.: «Его рассказ о своих мытарствах в лагерях в проклятых топях Колымы. Как заполучил он томик Ахматовой, который вертел в руках какой-то “чучмек” — стражник. Оксман пообещался ему за ночь владения этой книжкой “устроить ванну”, то есть бочку с водой, куда кидали горячие камни.
Я читал всю ночь и рыдал, рыдал...
Тот город, мной любимый с детства...
Моим промотанным наследством
Сегодня показался мне...»
(*Берггольц О.* Встреча. Дневные звезды. Сост., примеч. и комм. М.Ф. Берггольц. М., 2000. С. 213). Ср. его письмо к жене от 26 ноября 1945 года: «Над чем работает Анна Андреевна? Передай ей самый сердечный привет от меня. Я ее очень часто вспоминаю и не раз перечитывал за эти годы в самых неподходящих для ее книг условиях (в 1940–1941 гг.). Совсем, совсем по-новому (или, точнее, еще и совсем другое выявилось в них) стали звучать ее вещи, ничего не теряя, а приобретая ту многозначность, которая отличает подлинное от подделки, вечное от преходящего» (Четвертые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1988. С. 151).
- 20 Об отношении Бориса Михайловича Эйхенбаума (1886–1959), автора книги «Анна Ахматова. Опыт анализа» (Пг., 1923), к по-

эзии и личности своей героини см.: *Тоддес Е.А., Чудакова М.О., Чудаков А.П.* Комментарии // *Эйхенбаум Б.* О литературе. М., 1987. С. 499–501; *Эйхенбаум Б.М.* «Мой современник». Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов / Сост. Ю. Бережновой. СПб., 2001. С. 621, 637; ср. несколько поверхностный обзор: *Кертис Дж. Б.* Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб., 2004. С. 76–83, 191–194. О его поведении в дни ждановского постановления см.: *Any, Carol.* Boris Eikhbaum. Voices of a Russian Formalist. Stanford, 1994. P. 172–176; ср.: «25 сентября с докладом выступил зам. директора Института доктор филологических наук Л.А. Плоткин. <...> Мы знаем, что некоторые из наших товарищей совершили грубейшие ошибки, на которые указывают постановления ЦК ВКП(б) и тов. А.А. Жданов. <...> С лекциями и докладами о творчестве Ахматовой выступил доктор филологических наук Б.М. Эйхенбаум, автор вышедшей в свое время известной книги об Ахматовой. <...> Л.А. Плоткин, — заявил далее Эйхенбаум, — указал, что недавно я выступал несколько раз с лекциями об Ахматовой. Совершенно ясно, что эта была с моей стороны политическая ошибка, потому что в тот момент я еще не представлял себе поэзии Ахматовой как явления политического. В этом отношении я был наивен. И мне казалось, что то, что писала Ахматова в военные и послевоенные годы, представляет собой значительный поворот в ее поэзии в сторону вопросов, связанных с русской историей, с выходом за пределы глубоко пессимистической поэзии, как было раньше. При этом я не учел того, что интонация этих новых стихов осталась трагической, а трагическая окраска и тон сейчас, в момент острого конфликта между нами и нашими врагами, политически вредны. В этом смысле я совершил политическую ошибку. Вот что мне хотелось бы сказать, чтобы видно было, что я понимаю свои ошибки последнего времени, очень существенные, совершенные в силу политической наивности, а не продиктованные злым намерением» (Из обсуждения постановления ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» и доклада тов. А.А. Жданова в Институте литературы (Пушкинский Дом АН СССР) // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1946. Т. 5. Вып. 6. С. 51). Р.О. Якобсон в некрологе Б.М. Эйхенбауму писал: «...тихой и безжалостной иронией звучит вынужденное покаяние автора замечательной книги об Анне Ахматовой (1923)...» (International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1963. Т. 6. P. 167; ср. полагающийся отклик на этот некролог: «Кого обли-

чает господин профессор? Наша партия открыто и громко сказала всю правду о культе личности <...> труд советских ученых всегда высоко оценивался у нас» (Андреев Ю. По поводу одного некролога //ЛГ. 1964. 16 января). Ср. также:

«В предисловии к книге “Анна Ахматова» (1923) Эйхенбаум писал о “молодом племени” революционной эпохи, которое все хочет “делать по-своему”. Растерявшийся интеллигент великолепно умеет все извращать, хвататься за любую мелочь, прикрываясь общими фразами об искусстве: “Связи потеряны, традиции смешались, судьбы поэзии туманны,— пишет он. — Петербург разошелся с Москвой. Что значительнее? Петербургская тишина или московский шум? Муза колеблется — не уйти ли ей совсем”. Эйхенбаум заявляет, что он гордится акмеистической и безыдейно-эстетской поэзией А. Ахматовой. Он причисляет себя к дореволюционной интеллигенции и противопоставляет себя революционной эпохе. “Мы — еще не деды, — пишет он, — чтобы погружаться в воспоминания. Да, мы еще продолжаем свое дело, но уже стоим лицом к лицу с новым племенем. Поймем ли мы друг друга? История провела между нами огненную черту революции”. <...> Эйхенбаум пишет: “Н. Гумилев звал меня в акмеисты и напечатал два моих стихотворения в ‘Гиперборее’. Я не был ни символистом, ни акмеистом, потому что жил чувством исторической случайности и ждал неожиданностей. Приближалось время восстаний и кризисов. Неподвижная во времени, история делала мышечные движения, как поворачивающийся в берлоге зверь. Против культуры шла природа”. Так воспринимается Эйхенбаумом революция. Характерно, что именно так воспринимали революцию акмеисты Н. Гумилев и А. Ахматова.

Отгораживая себя на словах от акмеизма, на деле Эйхенбаум писал типично акмеистические стихи:

Убийственные дни!
Под грохот урагана
Колеблются огни
И трубы у органа. <...>
И внемлет им народ,
Не зная, где отчина:
Давно из рода в род
Поется эта тризна!

В связи с этими акмеистическими стихами становится особенно понятным увлечение Эйхенбаума поэзией Ахматовой. В

книге “Анна Ахматова” (1923) он прославляет формальное совершенство ее поэзии, ни слова не сказав на 132 страницах об ее идеях и направлении, но заявив, что Ахматову “ожидает переход к более крупной фактуре”. В трактовке поэзии Ахматовой Эйхенбаум резко отделяет себя от людей революционной эпохи. “Поэзия Ахматовой для новых людей — не то, что для нас, — пишет он. — Мы недоумевали, удивлялись, восторгались, спорили и, наконец, стали гордиться. Им наши восторги не нужны. Они не удивляются, потому что пришли позже. Они смотрят в будущее”...

Что верно, то верно. Советские люди никогда не восторгались поэзией Ахматовой. У Эйхенбаума ее поэзия вызывает восторг. Ему по душе этот крайний индивидуализм, проповедь “искусства для искусства”, “красоты ради самой красоты”, формалистическое экспериментаторство, оторванность от народа и общественной жизни, любование прошлым и вражда к революции. В своем эстетско-формалистическом анализе стихов Ахматовой. Эйхенбаум говорит о “синтаксическом движении союзов” и “членении пьес на периоды”, о “приемах интонации”, о “торжественно-декламационном стихе”, “строгих метрах”, “строфическом делении”, “словесной инструментовке”, “речевой мимике”, “стихе как таковом” и пр. и пр. На основе формалистических домыслов он силится доказать “связь” поэзии Ахматовой с Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, словом, возвести ее в ранг классиков русской литературы» (*Папковский Б.* Формализм и эклектика профессора Эйхенбаума // *Зв.* 1949. № 9. С. 169, 174). Ср. эйхенбаумовскую «Эпитафию моим клеветникам (мерзавцам типа Б. Папковского)» 1952 года:

Мой совет вам, господа:

На меня не врите —

И не будете тогда

Помирать в нефрите

(РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. № 239).

По поводу компрометирующего признания о печатании стихов в «Гиперборее» заметим, что в момент своего поэтического дебюта автор был скорее смущен и признавался в инскрипте на журнальной странице 3 апреля 1913 года:

Напечатали мои слова,

А я молчу и тоскую.

Тяжелая голова.

Томлюсь и взыскую

(Славянская библиотека Карлова университета в Праге).

- К концу 1950-х в связи с возродившимся на Западе интересом к ОПОЯЗу книга Б. Эйхенбаума вошла в обязательный круг чтения литературоведов-славистов. См. подробный пересказ ее как монографии об «очевидным образом величайшем русском поэте сегодня»: *Reeve F.D. Recent Soviet Studies in Russian Classical Literature // Slavic Review. 1963. Vol. XXII. № 1. P. 131–132.*
- 21 Художница Любовь Михайловна Козинцева-Эренбург (1899–1970), ученица Александры Экстер, «очаровательная и талантливая жена Эренбурга, забросившая или погубившая в советском “соцреализме” свое искусство» (*Анненков Ю. Борис Пастернак и Нобелевская премия (из личных воспоминаний) // Возрождение. 1959. № 85. С. 99*). По чекистскому сценарию назначалась в эмиссары троцкистского парижского центра.
- 22 Николая Алексеевича Заболоцкого (1903–1958) «она ценила, но не любила, хотя ценила — некоторые стихи — высоко. О стихотворении “Журавли” она сказала: “Это настоящая классика!” Когда я принесла ей рукопись посвященного мне “Признания”, она сказала: “Прекрасное стихотворение! Только уж очень мужское”. К Заболоцкому эпохи “Столбцов” она относилась, мне кажется, весьма прохладно, и уж конечно, ей совсем не нравились его стихи в духе “Некрасивой девочки” или “Старой актрисы”. Она сказала: “Все почему-то считают, что это похоже на Некрасова, а это похоже на Апухтина”. Однажды ей рассказали, что в какой-то компании кто-то предложил тост за Ахматову, и Заболоцкий поставил свой бокал на стол: “За Ахматову я пить не буду”. Она не прощала таких вещей, хотя если бы он просил прощения, она бы ответила: “Бог простит”» (*Роскина Н. С. 101*). Ср. в письме Л.К. Чуковской от 18 октября 1958 года: «В день смерти Николая Алексеевича мне вспомнилось, с какой любовью читали Вы его “Журавлей” и потом второе стихотворение в журнале “Москва” [«Кто мне откликнулся в чаще лесной?»]» (№ 1048). Ср. некоторые ее высказывания: «А вот Заболоцкий — это настоящий поэт. У него был период, когда он свихнулся с пути. Но потом хорошо писал. Со мной он никогда не встречался, потому что мои стихи он люто ненавидел» (*Франк В. Избранные статьи. London, 1974. С. 34*); «Я только теперь узнала, за что меня терпеть не может Заболоцкий. Ему, видите ли, не нравятся мои стихи! Ну и что же? Можно не любить стихи поэта и любить его самого» (*ЛЧ2. С. 237*). 14 сентября 1957 года, в связи с выходом книги Заболоцкого: «Да ведь это страшная книга! <...> Просто страшная. В

ней встречаются хорошие стихи, это правда, но нет лица поэта, нет лирического героя, нет эпохи, нет времени... Грузия вся насквозь переводная... Правильно говорит Маршак, что поэзия Заболоцкого выросла на обломках русской классики...» (ЛЧ2. С. 262). Запись января-февраля 1960 года: «Идущие за нами “молодые” были всегда так остро и непримиримо враждебны ко мне, напр. Заболоцкий и, конечно, другие обереуты» (Найман А. С. 39). Запись начала 1930-х (Л. Гинзбург): «Ахматова говорит, что Олейников пишет, как капитан Лебядкин, который, впрочем, писал превосходные стихи. Вкус Ахматовой имеет пределом Мандельштама, Пастернака. Обереуты уже вне предела. Она думает, что Олейников — шутка, что вообще так шутят» // ВАА. С. 137). Можно сказать, что поэтов разделяло противостояние школ их читателей: «...часто не могут сговориться любители неприкрыто-эмоциональной лирики и адепты утонченной углубленности. Во всяком случае, мир, в котором поклонники Есенина запоем читают Мандельштама, а почитатели Ахматовой восхищаются Заболоцким, до сих пор представляется почти “хлебниковской” утопией» (Марков В. Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом. Нью-Йорк, 1952. С. 6). Ср. характерный слух в читательской среде: «В один дом пришли Мандельштам, Ахматова, и должен был быть Заболоцкий. Узнав об этом, Мандельштам ушел сразу, Ахматова осталась, но можно себе представить ее отношение и презрение» (Громов П. Написанное и ненаписанное. С. 265). «Хорошо отзывался он и о Слуцком. Зато Ахматову отрицал: “Курица не птица, баба не поэт”. Ахматова знала об этом и платила Заболоцкому ответным непризнанием» (Сергеев А.Я. О Заболоцком // *Заболоцкий Н.А.* «Огонь, мерцающий в сосуде». С. 735). Ср. о его личной библиотеке: «Но сознательно не были включены в библиотеку Маяковский, Ахматова, Исаковский, Твардовский, Сельвинский и целый ряд других поэтов» (*Заболоцкий Н.Н.* Жизнеописание // *Заболоцкий Н.А.* «Огонь, мерцающий в сосуде». С. 596). См. также об эпитафии из Н. Заболоцкого к стихотворению «И вот наперекор тому...»: ЛЧ1. С. 121. Об Ахматовой и Заболоцком см. также нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 7. С. 58–59.

- 23 Н.Л. Степанов дважды упоминается в ахматовских автобиографических заметках о 1920–1930-х: «Пытаться найти какую-нибудь работу было бессмысленно, потому что после первой [же] статьи Перцова, Лелевича, Степанова <...> и т.д. всякая ра-

бота тут же бы рухнула» (С. 139); «Затем с 1925 года совершенно перестали печатать и планомерно и последовательно начали уничтожать в текущей прессе (Лелевич в “На посту”, Перцов в “Жизни искусства”, Степанов в “Лен<инградской> правде” и множество других)» (ЛО. 1989. № 5. С. 6). Такой статьи нам, к сожалению, не попадалось, но не исключено, что Ахматова включила в этот ряд по признаку запомнившегося огорчения степановскую статью «Поэтическое наследие акмеизма», совпавшую по времени со ссылкой Мандельштама, — не упоминавшую вовсе Ахматову, и хотя и задававшуюся целью опровергнуть облаивавшую акмеизм статью А. Волкова и поддержать эпигонов гумилевской поэтики из числа ленинградских литераторов, но пользовавшуюся при этом, как водится, попутным идеологическим полудоносом на коллег:

«В поисках путей преодоления абстрактного, бесцветного, инертного стихового слова поэты снова обращаются к стихам акмеистов, к принципу “предметности” слова, принципам четкой композиционной структуры стиха. Об этом говорилось в статье И. Оксенова, напечатанной в “Лит. Ленинграде”. Однако, Оксенев отнюдь не достаточно подчеркнул отрицательные стороны поэтики акмеизма, не вскрыл чуждости и враждебности идеологических позиций этой школы.

Возникший в 1909 году почти одновременно с футуризмом акмеизм выражал идеологию русской буржуазии эпохи империализма. <...> Отказ от познавательной роли искусства связан был с общей эмпирической и гедонистической философией акмеизма. Отказываясь от абстрактности образа и слова, акмеисты и создали принцип “предметного” слова, сюжетной и композиционной ясности и стройности стиха. В известной мере эти принципы могут быть использованы и в советской поэзии. Поэтому мы никак не можем согласиться со статьей Волкова в “Литературной газете”, который, полемизируя с Оксеновым, категорически отрицал какую бы то ни было ценность акмеистического наследия. <...> Эстетизм акмеистов, подхваченный эпигонами из “Цеха поэтов”, прежде всего сказывается в отношении к слову, в отрыве слова от мысли, в создании экзотической тематики и особого “поэтического” языка <...> Эта черта приводила часть акмеистов к любованию предметом, к “обыгрыванию” его, к эстетизму, других к импрессионистическому, обессмысленному слову, о котором Мандельштам говорит:

Останься пеной, Афродита,
И слово в музыку вернись

<...> Акмеистическая культура слова может быть полезна поэзии социалистического реализма лишь в той мере, в какой “предметное” слово будет освобождено от эстетизма и внешней декоративности, столь свойственной стилю акмеистов. <...> Нельзя вместо <...> традиционных поэтических “роз” подставлять описание фрезерного станка, нельзя культивировать систему равноценности предметов, характерную для акмеизма. Если самая тяга к “предметности” и композиционной сложности стиха и является “здоровым” началом в современной поэзии, то нужно прежде всего помнить, что стихи в нашу эпоху никак не могут быть просто красивыми и декоративными украшениями, что они в советской литературе имеют значение совсем не то, какое приписывали им акмеисты» (Литературный Ленинград. 1934. 20 сентября). Здесь содержится полемика со статьями И. Оксенова «Советская поэзия и наследие акмеизма» (Литературный Ленинград. 1934. 24 мая) и А. Волкова «Социалистический реализм и поэзия буржуазного декаданса» (ЛГ. 1934. 16 июля). В последней, в частности, сообщалось: «На примере творчества Гумилева и Ахматовой мы видим, что мистицизм был неотъемлемой частью их метода».

- 24 Александр Германович Розен (1910–1978) — прозаик, драматург; после смерти Ахматовой ему одно время хотели передать ее дачу — А.И. Гитович с неодобрением писал в этой связи В.А. Лифшицу: «...отдавали Розену, Вам хорошо известному» (*Кичанова-Лифшиц И.* Прости меня за то, что я живу. Нью-Йорк, 1982. С. 146).
- 25 Михаил Александрович Фроман (Фракман) (1891–1940) был знаком с Ахматовой (Лз. С. 289–290) и надписал ей свой сборник «Память» (Из личной библиотеки. С. 143). В некрологе ему И. Оксенов писал: «Зависимость некоторых образов и строф от акмеистической школы, в частности от Ахматовой» (*Зв.* 1940. № 10. С. 242). Ср.: «“Память” М. Фромана как внешностью издания, так и содержанием напоминает стихи Ахматовой:

Ты в мире не один. С улыбкою подруга,
Как старшая сестра, склонилась над тобой.
Ты слушаешь ее? И облака, и вьюга,
И голос лебедя, тревожный и грудной.

Или:

У меня есть дом — приют ночной,
 Четыре стены, окно.
 У меня есть друзья — они со мной
 Курят и пьют вино...

- Откуда такая ахматовская интонация?» (*Зенкевич М.* Рец. на кн.: *Фроман М.* Память. Л., 1927 // Печать и революция. 1927. №6. С. 216). Ср. также фразу М. Фромана в 1926 году: «Тихонов, как пастух, слова гоняет стадами, Ходасевич — напротив — работает над отдельными словами, а Ахматова — над строчкой...» (*Лукницкая В.* Перед тобой земля. Л., 1988. С. 65). Ср. также о нем: «Довольно слаба и немощна самая ткань стихов, и вялость их порой наводит скуку. Но это стихи, в которые стоит вчитаться и которые можно даже полюбить» (*Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1927. № 2. С. 72).
- 26 Поэтесса Ида Моисеевна Наппельбаум (1900–1992), знакомая с Ахматовой с 1921 года, пришла к ней в 1950-е, отбыв лагерный срок. «Она просила читать стихи, привезенные “оттуда”. Я читала ей отдельные стихи из ненапечатанной книги “Тайшетский оазис” и поэму “Хранить вечно”. Она слушала внимательно и даже удивленно, говорила: “Нет! Она никогда не смогла бы так написать, если бы не побывала там...” Говорила обо мне “она” прямо в лицо, точно говорила заочно...» (*Наппельбаум И.* Угол отражения. Краткие встречи долгой жизни. СПб., 1995. С. 81; см. о ней: *Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / Сост. С.С. Виленский. М., 2005. С. 930).*
- 27 Филологу-романисту Борису Аполлоновичу Кржевскому (1887–1954) писал в обращении к нему сонете Юрий Верховский:
- Не даром и теперь, в годину бед
 Истосковавшееся сердце наше
 Найдет ли пристань, старой книги краше?
 Да сладостней, ведь, ничего и нет,
 Как пить столетние живые строки —
 Одной извечной красоты уроки.
- (*Верховский Ю.* Солнце в заточении. Пг., 1922. С. 71)
- 28 С литературоведом Александром Александровичем Смирновым (1883–1962) Ахматова была знакома со времен своей парижской поездки 1911 года; см., например, его письмо к В.М. Жирмунскому от 24 октября 1917 г.: «Мы с Котей [К.В. Мочульским] были недавно у Ахматовой, кот[орая] еще здесь. Она слегка хворает. Подарила нам по книжке “Белой стаи”. Говори-

- ли о ее стихах и вспоминали тебя. Гумилев в Париже и зовет ее туда, но она не хочет и скоро едет на зиму в деревню» (НЛО. 1999. № 35. С. 190). Ср. начало его делового письма (о переводах из В. Гюго) от 3 февраля 1954 года: «Во 1-х, я очень соскучился, давно Вас не видя и даже не слыша Вашего голоса. Вы говорили, что поедете ненадолго, а на деле решили чуть не совсем изменить нашему городу. Мы Вас ревнуем к Москве!» (№ 997). См. подробнее: *Эдельштейн М.* Письма А.А. Смирнова к А.А. Ахматовой (1954–1957) // *Vademecum*. К 65-летию Лазаря Флейшмана. М., 2010. С. 580–593.
- 29 Сообщено Г.А. Моревым; см. основательно комментированную публикацию протокола, осуществленную А.Я. Разумовым: *Я всем прощение*. С. 254–277. Отметим, что свидетельница АХМАТОВА была спустя несколько месяцев награждена медалью «В память 250-летия Ленинграда». Ср. рассказ А.Н. Изергиной о вручении награды: «Ее покрыли громом аплодисментов. Громом! Она здорово все-таки популярна» (*Гинзбург Л.* Претворение опыта. Рига; Л., 1991. С. 132).
- 30 4 сентября 1926 года он записал в дневник: «У нас была Ахматова. Это единственный человек, приходом которого можно гордиться, приход которого можно и нужно отмечать. Она была с Пуниным» (сообщено А.Г. Мецем). См. о нем: *Фатхуллина Р.* Материалы к биографии Давида Выгодского // *Лица: Биограф. альм.* 1. М.; Л., 1992. С. 78–110; *Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / Сост. С.С. Виленский.* М., 2005. С. 534–535.
- 31 В статье говорилось об упадке поэзии из-за идеологического давления и названы Кузмин и Ахматова как поэты замолчавшие или не имеющие возможности публиковаться в этих условиях: *Une lettre de Victor Serge // Le Journal des poètes.* № 9. 5. II. 1933. Р. 3. В марте 1933-го из-за этой статьи цензура перехватила несколько номеров этого журнала (*История советской политической цензуры.* М., 1997. С. 461).
- 32 *Выгодский Д.* Два поэта и одна газета // *Зв.* 1934. № 4. С. 163. Еще раньше он с тем же недоумением писал о той же публикации: «Авторы пытаются осмыслить сегодняшний день нашей поэзии через образцы произведений Ахматовой и Кузмина» (*Зв.* 1934. № 2. С. 173). В журнале был напечатан перевод Жюльет Пары (*Juliette Pary*) стихотворения «Как велит простая учтивость» («*Comme l'ordonne la simple politesse...*»).
- 33 Расколдованный круг. Василий Андреев. Николай Баршев. Леонид Добычин. Л., 1990. С. 317. Ахматова несомненно виделась с

- Н.В. Баршевым — например, на вечере в Союзе драматических писателей в марте 1925-го (Л1. С. 45). В 1929 году, когда она в знак протеста против травли Е. Замятина и Б. Пильняка вышла из Всероссийского союза писателей, заявление о выходе из ленинградского правления подал (вслед за К.А. Фединым) Н.В. Баршев (*Галушкин А.* «Дело Пильняка и Замятина». Предварительные итоги расследования // Новое о Замятине. Сборник материалов / Сост. Л. Геллер. М., 1997. С. 126). Людмила Ильинична Толстая (ур. Крестинская; 1906–1982) — последняя жена А.Н. Толстого. Борис Лавренев писал в прокуратуру 19 мая 1956 года: «Не имея представления, какое обвинение было предъявлено Баршеву, тем не менее беру на себя смелость утверждать, что для нашего государства Баршев представлял неизмеримо меньшую опасность, чем те люди, которые лишили его свободы и честного гражданского имени и довели его до гибели в концлагере» (Распяты: писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 1. Автор-сост. З. Дичаров. СПб., 1993. С. 39).
- 34 *Берггольц О.* Встреча. Дневные звезды / Сост., примеч. и комм. М.Ф. Берггольц. М., 2000. С. 214.
- 35 О его публичных разоблачениях «внутренних врагов» в 1937-м и о его клеветническом отзыве, способствовавшем аресту художницы и писательницы Н.С. Войтинской, см.: Распяты. Вып. 1. С. 78–83, 125–126. «Замечаются явления нездоровых настроений у молодежи», — докладывал он в секретариате ССП 11 мая 1964 года в связи с «делом Бродского» (*Шнейдерман Э.* «Элитфонд». О деятельности ЛО ЛФ СССР в 1930–1950-е годы // *Зв.* 2004. № 1. С. 167). См. о нем: *Золотоносов М.* С. 138.
- 36 *Лукницкий П.Н.* Дневник 1928 года. Асуміана. 1928–1929. Публикация и комментарий Т.М. Двинятиной // Лица. Биографический альманах. 9. СПб., 2002. С. 391.
- 37 *Ефимов Е.* «Большая ответственность: не создавать легенд». К.И. Чуковский и Л.К. Чуковская о книге Е. Добина «Поэзия Анны Ахматовой» // *ВЛ.* 2001. № 6. С. 277.
- 38 *From Medieval Russian Culture to Modernism.* P. 281–283.
- 39 См. его официальное письмо от 2 апреля 1940 года: «Тов. Тынянов Ю.Н. Просим Вас взять на себя ответственную редактуру рукописи А.А. Ахматовой “Стихи” размером 6 авторск. лист. (считая 500 стих. строк или 40000 знаков прозы в листе). Срок сдачи рукописи подписанной к набору... Оплата 100 руб за лист. Дир. изд-ва Ник. Брыкин. Зав. редакцией В. Капица» (ЦГАЛИ СПб. Ф. 344. Оп. 1. № 84. Л. 11).

- 40 «Литературный фронт»: История политической цензуры 1932–1946 гг. М., 1994. С. 58–59.
- 41 Прозаик Петр Иосифович Капица (1909–1998) начинал как поэт, о чем вспоминал: «Мы все в ту пору стремились писать не хуже Безыменского, Саянова, Жарова, Уткина» (*Капица П. Резцовцы // Александр Прокофьев. Вспоминают друзья. М., 1977. С. 56*). На встрече ленинградских писателей со Сталиным в августе 1946 года генсек сказал: «Что-то не слышали о таком писателе» (*Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 580*). Ср. его выступление на общегородском собрании работников литературы 16 августа 1946 года об Ахматовой, «поэтессе очень далекой от нас, от наших идей и интересов. Мы слишком преклонялись перед ее прежним мастерством, искали поводов напечатать ее стихи, хотя не было нужды считаться со вкусами людей, которые не признают советского строя. А как мы относились к иностранным писателям, как ходили на цыпочках перед Хемингуэем, забывая, что преклонение перед иностранцами унижает советских людей. И правильно сказал товарищ Сталин: “Получается, что вы ученики, а они учителя. Неправильно это”. <...> Нужно посмотреть, правильно ли Правление Союза соблюдает Устав Союза, сохраняя в нем писателей, не стоящих на платформе советской власти. Надо освободиться от балласта, тормозящего наше движение вперед...» (*Зв. 1996. № 8. С. 11*). Ср. последовавшее выступление Б. Лихарева: «С Ахматовой мы пошли на поводу отсталых настроений. Мы здесь жестоко заблуждались. Выступавший до перерыва Капица правильно говорил о том, что Союз советских писателей, который имеет свой устав, не может в своей среде иметь членов, не стоящих на платформе советской власти, не помогающих партии в ее большом деле воспитания советского народа» (*Там же. С. 16*). Ср. стихотворение Александра Гитовича 1960 года, обращенное к другу Б.М. Лихареву с предложением навестить Ахматову в Комарове:

Может, песню ты сложишь про это,
 Чтоб друзья подивиться могли,
 Как спокойная гордость поэта
 Стала гордостью русской земли.

Ср. рассказ Ахматовой о Лихареве в конце 1944-го.: «Сидит в редакции такой несчастный, жалкий, уродливый, похожий на

- больного орангутанга. Заискивает перед всеми. Чуть не плачет...» (*Островская С. С.* 536). Ср. о событиях 1949 года: «... взял слово Б. Лихарев. Протянув руку и указывая на молодого поэта Ботвинника, он кричал: “Вы ездили в Москву, скажите мне, товарищ Ботвинник, к кому вы пошли сразу же по приезде? (Все съезжились, пошел шепот: Пастернак, Пастернак). Вы пошли к Пастернаку, этому политическому отребью!” Надо видеть физиономию этого Лихарева» (*Шапорина Л.В.* С. 124).
- 42 Беседа Л. Сидоровского с Израилем Меттером // Смена. 1992. 21 апреля.
- 43 *Рубашкин А.* Письма прошлого века / Нева. 2002. № 11. С. 182.
- 44 Вильгельм Александрович Зоргенфрей (1882–1938) арестован 4 января 1938 года и расстрелян 21 сентября, обвинялся по статьям «террористический акт» и «организационная деятельность, направленная к совершению контрреволюционного преступления». Приговор в отношении его отменили 22 марта 1958 года. В 1965-м к Ахматовой обратился с вопросом о Зоргенфрее Л. Чертков (№ 1046), сообщив, что он работает над статьей для тартуского издания (см.: *Чертков Л. В.А.* Зоргенфрей — спутник Блока // *Русская филология. Сборник науч. работ.* Тарту: Изд-во Тартус. ун-та, 1967). Леонид Натанович Чертков (1933–2000) — поэт и литературовед; см. о нем: «Действительно мы жили как князья...» / Предисл. Т.Л. Никольской. Сост. Л.М. Турчинского. М., 2001.
- 45 Записки мечтателей. 1922. № 6. С. 153.
- 46

Ваш образ так оформлен славой,
 Так ею властно завершен,
 Что стал загадкою, забавой,
 Навязчивой легендой он.
 Им все обозначают: нежность
 И вздохи совести ночной,
 Нелегкой смерти неизбежность
 И зори северной весной,
 Влюбленности глухую смуту
 И ревности крошечный дым,
 И счастья праздную минуту
 И боль от расставанья с ним.
 Я тоже, следуя за всеми,
 Привычно удивляюсь вам,
 Как шумановской грозной теме

Иль Данта знающим словам.
 Но вдруг, на время прозревая,
 Так радостно припомнить мне —
 Вы здесь, вы женщина живая,
 И что вам в нашей болтовне.
 И мысль тогда всего дороже
 Не о звезде, не о цветке,
 Но та, что все же будет прожит
 Мой век от вас невадалеке.

Ср. в его письме к П.Н. Зайцеву от 13 февраля 1926 года о том, что он на днях встретится с Ахматовой и Кузминым, чтобы ознакомиться с их новыми стихами для статьи, над которой работает (ИМЛИ). Надпись Ахматовой ему на обороте фото-портрета, воспроизведенная в недавнем издании (*Варава Б.* Воспоминания сибирского книжника и антиквара (в поисках Серебряного века). М., 2013. С. 105), является, как нетрудно увидеть, подделкой.

- 47 Ср.: «В трудном 42 году прозвучало стихотворение Ахматовой о мужестве. Оно четко, как латинская надпись. Это — слова присяги, данные всей русской литературой. Множество мыслей излучается из этого стихотворения, а в нем несколько спокойных строк. Но чтобы создать их, нужен был большой поэтический опыт» (*Спасский С.* Письма о поэзии // *Зв.* 1945. № 1. С. 119); ср.: «Стихотворение Ахматовой о мужестве Спасский объявил “словами присяги, данными всей русской литературой”. Эта попытка автора превратить Ахматову в наставницу, в знамя советской поэзии может только повредить развитию современной поэзии и самой Ахматовой» (*Маслин Н.* О литературном журнале «Звезда» // *Культура и жизнь.* 1946. 10 августа); ср. об авторе этой статьи: «...из культпропа ЦК был изгнан за непростительный бытовой проступок, трудоустроен в ИМЛИ им. Горького, но, разучившись работать, спился и скоро перестал обременять собой культуру и советское литературоведение» (*Борщоговский А.* Записки баловня судьбы. М., 1991. С. 38). Ахматова, по свидетельству М.В. Ардова, «говорила, что тот самый доклад Жданова, который мы все знаем и помним, сочинили два критика — Рыбасов и Маслин. Я, помнится, рассказал об этом профессору А.В. Западovu, и он сказал:

— Фамилии ты называешь правильные» (*Прот. Ардов.* Труды и дни Ахматовой // *Зн.* 2006. № 4. С. 224).

Александр Петрович Рыбасов (1907–1961) — издательский работник, литературовед — в последнем качестве М.К. Азадовский числил его халтурщиком (*Азадовский М. Оксман Ю. Переписка / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 1998. С. 345*), ср.: *Читатель-писатель. Литературовед-копиист // Зв. 1958. № 4. С. 220–221*. Он был вместе с Н. Маслиным редактором невышедшего в 1940-м одностомника в Ленгослитиздате. 8 марта 1940 года он писал во внутренней рецензии: «Новое издание стихов Анны Ахматовой будет встречено нашей читательской общественностью, несомненно, с большим интересом. Нужно отдать, конечно, себе отчет в том, что лирика Ахматовой относится к прошлому, что лирические переживания людей нашего времени во многом уже иные и иначе выражаются.

В поэзии А. Ахматовой мы находим не только настоящее поэтическое мастерство. В ней содержится образ большого человеческого чувства. Сила и напряженность лирического переживания придают поэзии Ахматовой черты глубокой искренности и волнующей непосредственности. В ряде стихов можно встретить поразительно естественную четкую обрисовку вещей и явлений. Что касается содержания сборника, то в него вошли почти все стихи из “Четок” (за исключением 13 стихотворений) и меньше всего из “Anno Domini” (не вошло 15 стихотворений) <...> По причинам художественного или идеологического порядка следует рекомендовать автору снять следующие стихи: Здесь все то же (с. 35), Как страшно изменилось (51), Голос памяти (63), Со дня Купальницы (70), Я так молилась (102), Нет, царевич (120), Долго шел через поля (123), Выбрала сама я (125), Столько раз я (132), Молитва (133), Ждала его (153), Не оттого (157), О есть (158), По твердому (181), Встреча (189), Памяти Блока (199), Земной отрадой (208), Последний тост (226).

В заключение следует отметить, что сборник желательно было бы открыть каким-нибудь другим стихотворением (напр. Музе, Песенка, Слаб голос и т.д.), а не “Хорони, хорони меня, ветер”, закончить же стихами последнего времени (хотя бы о Маяковском), перенеся “У самого моря” куда-то между стихами тех же лет. Возможно, что сборнику следовало бы предпослать вступление то ли авторское, то ли от издательства» (РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед.хр. 178. Л. 1).

Далее в процессе редактирования были удалены стихотворения «Все расхищено, предано, продано» — его заменили сти-

- хотворением, до того не печатавшимся «Подушка уже горяча» с датой «1918» — и «Не с теми я», замененное на «Заре (С португальского)». В сборнике было набрано стихотворение «И упало каменное слово» с датой «1938» (Ахматова А. Стихотворения в одном томе. Государственное издательство «Художественная литература». 1940. Корректурa с правкой // Государственный музей В.В. Маяковского. Ф. 17. Оп. 1. Ед.хр. 99); см. подробнее о судьбе сборника в нашей справке о П.И. Чагине: *Крымский Ахматовский* 5. С. 180–182.
- 48 Ср. рассказ о том, как Ахматова сообщила его падчерице об его аресте (Роскина Н. С. 93). Подпись Ахматовой стоит под некрологом ему (Ленинградская правда. 1956. 28 августа). В первый посмертный его поэтический сборник (Спасский С. Стихотворения. Л., 1958; редактор И. Авраменко) стихи к Ахматовой не вошли. См. рассказ Ахматовой о Пастернаке и Спасском: *Найман А. С.* 129. Ср. запись от 2 декабря 1954 года: «О возвращении Спасского мне сказала Ахматова, вызвав меня к себе, т.к. лежала больная. Спасский у нее был и рассказал, что его высылка была последствием все тех же наговоров Лившица и Юркуна, из-за которых пострадала Тагер. Будто бы они показали, что террористический заговор охватывает чуть ли не весь Союз писателей с Тихоновым во главе» (*Шапорина Л.В. С.* 275).
- 49 *Дувакин В. С.* 51.
- 50 *Шнейдерман Э.* «Элитфонд». О деятельности ЛО ЛФ СССР в 1930–1950-е годы // *Зв.* 2004. № 1. С. 165.
- 51 *Чуковский Н.* Встречи с Мандельштамом // Москва. 1964. № 6. С. 152. Этот очерк Ахматова восприняла отрицательно: «Мы это читали. Он его не знал. Там ни слова правды. Отвратно» (*Готхарт Н. С.* 296). Ср. также ее замечание об ошибке Н.К. Чуковского в датировке стихотворения «Соломинка»: *Рахманов Л.* Чет и нечет. Л., 1988. С. 486. Но при этом она, судя по записи А.К. Gladkova, оговаривала: «Большой человек имеет право быть отраженным в ста зеркалах, и каждое отражение существенно» (*In Memoriam.* С. 563). Ср. также присланную Ахматовой 29 сентября 1964 года копию письма репрессированного при Сталине геолога С.Д. Цирель-Спринсона редактору журнала «Москва» об этой «мерзости», «жалкой фронде и непристойнейшем кокетстве» (*Крымский Ахматовский.* 9. С. 130–134).
- 52 См. его ранние стихи: *Кацис Л.Ф. В. Стенич:* Стихи «русско-го денди» // *ЛО.* 1996. № 5–6. С. 72. В юности он прошел через

культ И. Анненского, с которым расстался в шутивной пародии:

Бывают такие миги,
 Когда не жаль и малых овец,
 Об этом писала в поваренной книге
 Елена Молоховец

(*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. М., 1990. Т. 1. С. 248). Ср. также финал его стихотворения, в котором молодой поэт жалуется на то, что за него все уже сказали Маяковский, Блок, Сологуб:

Пожалейте! Уйдите! Где ты, жизнь, своя и простая!
 Куда уйти от кошмара проклятого?
 То же самое писала в «Белой Стаяе»
 Анна Андреевна Ахматова.

(*Сольский В.* [Стенич]. Плененный ум // Петроградское эхо. 1918. 5(18) февраля). «У него была поразительная память на стихи. Он мог часами читать наизусть Пушкина и Лермонтова, Блока и Ахматову» (*Левин Л.* Вряд ли Мейерхольд жалел об этом // *Зв.* 1998. № 3. С. 221).

- 53 Сопо. Первый сборник стихов. М., 1921. С. 25. О чтении этого стихотворения в Киеве см.: *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 255. Ср. описание московского кафе осенью 1919 года: «Приехавший из Украины поэт Ленич, голенастый, свежее выбритый всегда, в пенснэ без ободка и в нелепо огромной партизанской папахе читал с эстрады: <...> Ленич снимает закоревшее пенсне, долго и ожесточенно трет его грязноватым платком, бухается, не раздеваясь, на полусломанную кушетку и говорит глухим голосом волнения и опаски: — Если Деникин возьмет Москву, меня повесят за мои стихи. Это верно. Как пить дать — повесят» (*Глубоковский Б.* Путешествие из Москвы в Соловки // *Соловецкие острова.* Ежемесячный журнал — орган Управления Соловецкими лагерями Особого Назначения ОГПУ. 1926. № 2–3. С. 59–60). Ср. воспоминания Джона Дос Пассоса: «Стенич, который приехал ко мне в отель, был <...> авангардистом <...> Он прекрасно говорил по-английски. Перевел мой роман и горел желанием узнать последние новости о Джайсе и Элиоте. <...> Друзья шепнули мне на ухо, что он первоклассный поэт». Далее в воспоминаниях американского писателя — явные неточности и преувеличения: «Очень молодым он вступил в Красную гвардию и во время Гражданской войны командовал дивизией, но в чем-то провинился перед режимом, его исключили из партии, и он год провел в тюрь-

ме. В шутку он называл себя контрреволюционером» (*Дос Пассос Д.* Из «Российских дневников» // *Огонек.* 2000. № 26. С. 30–31). Ср. воспоминания Н.Я. Рыковой о слухах про перенос останков Гоголя в 1931 году: «Среди ленинградцев находился переводчик и критик С. Это был человек большой культуры, известный всему Ленинграду остряк и балагур. Отрицательной чертой С. был безудержный цинизм и полнейшее презрение ко всему, что обычно чтут люди. <...> С. вдруг нагнулся, поднял что-то с земли и воскликнул: “У меня бедро Гоголя. Меняю, делайте предложения!” Кто-то с негодованием поведал мне об этом эпизоде, а я пересказала его А. А. за столиком в Ленкублите. <...> А. А. отодвинула тарелку, выпрямилась на стуле, руки и челюсти ее судорожно сжались, а в глазах появилось то выражение, которое передается банальной метафорой “метали молнии”.

— Ему будет плохо, ему будет очень плохо! — произнесла она каким-то очень глубоким и низким голосом» (*ОАА.* С. 178). В устном рассказе Стенича эта шутка развернулась в историю о похищении им с товарищи ребра Гоголя (*Жукова Л.* Эпилоги. Книга первая. Нью-Йорк, 1983. С. 131), которая проникла в окололитературный фольклор (*Н.Н.* Повесть о ребре Гоголя // *Иллюстрированная жизнь* (Париж). 1934. № 2. С. 3–4), а актер В.А. Блюменталь-Тамарин уверял что в его присутствии это сделал еврей Лев Никулин-Альперович (Северное слово (Ревель). 1942. 16 октября). См. также: *Вахитова Т.М.* «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // Михаил Зощенко. Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб., 2001. С. 169–202. ВАА. С. 492.

54

55

Поза Модильяни, лицо Тышлера. Непубликовавшиеся воспоминания Любви Большинцовой об Анне Ахматовой // *Известия.* 2002. 22 июня. Переводчице Любви Давыдовне Большинцовой (ур. Файнберг, во втором браке — за В. Стеничем, в третьем — за кинодраматургом М. В. Большинцовым; 1903–1983) на «Беге времени» надписано: «Моей милой Любочке — одной из давних читательниц этих стихов за ее чистую любовь к искусству дружески Анна Ахматова. 22 окт. 1965 Москва» (С. 680). О ней см., например: *Найман А.* С. 94–96, 98; *ЛЧз.* С. 638; *Волков С. С.* 236. Видимо, ей же адресован инскрипт на сборнике «Из шести книг»: «Милой Любочке в Ташкенте на память Ахматова. 7 февр. 1943» (*Варава Б.* С. 111). Отметим, что в ленинградских писательских кругах бродил слух, что Стенич

был записан в секретные сотрудники НКВД под агентурной кличкой «Гоголь».

- 56 Ложный слух. В ответ на вопрос Никиты Струве в 1965 году: «...зачем ему было кончать с собой, он умер своею смертью» (*Струве Н. Восемь часов. С. 330*). Поэт Владимир Алексеевич Пяст (Пестовский; 1886–1940) в 1913 году посвятил ей стихотворение (С. 707):

Здравствуй, желанная дочь
Славы, богини властительницы!
В каждом кивке твоём — ночь
Жаждет луны победительницы, —
Славы любимая дочь!

Ночь. И сама ты — звезда,
Блеском луну затмевающая...
Ведь ты зажглась навсегда!
Вот ты на тверди мерцающая,
Огромная звезда!

(В год войны. Сборник. Пг., 1915. С. 12). В феврале 1934 года Пяст записал его для Ахматовой (№ 535), вероятно, на квартире О. Мандельштама. Фраза Ахматовой, видимо, сказанная по поводу этого стихотворения: «Ох уж эти пястовские гипердактилические рифмы!» (Лз. С. 246). В связи с работой над «Листками из дневника» она припомнила экспромт Мандельштама:

[Плещут воды Флегетона,
Своды Тартара дрожат]
Съеден торт определенно
Пястом пестуем<ый> яд
(1933–34. М.)

(С. 277).

В стихотворении Пяста «Великолепная Мангуст» — мадригале скаковой кобыле содержались строки:

Твоя блестящая карьера
Ахматовских достойна уст!

(*Пяст В. Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997. С. 70*), что отразилось в пародии Леонида Борисова на Пяста:

И я теперь без сил и чувств
Ахматовых достоин уст.

(Красная газета. Веч. вып. 1925. 8 октября). Ср.: *Соболев А. Т. 2. С. 43–62*.

Падчирица Пяста, Татьяна Филипповна Фоогд-Стоянова (Foogd-Stojanova; 1922–2010), славистка, с 1944-го жившая в Гол-

ландии, посетила Ахматову 30 августа 1964 года в Ленинграде (С. 485). В письме к нам от 26 октября 2002 года она сообщала: «К А.А. Ахматовой в 1964 г. я попала по настоянию друга моей родни. Я не заикалась о такой возможности. Анна Андреевна, узнав о моем существовании, пожелала познакомиться. Из скромности, моим первым побуждением было не отнимать у нее время. Хотя, разумеется, мне хотелось увидеть ее. Знакомство состоялось. Когда мне открыли дверь, я увидела в прихожей Анну Андреевну перед зеркалом. Она поправляла прическу. Когда она пошла мне навстречу, я поразились ее королевской величественности: она была в длинном сером шелковом платье, поверх которого была надета черная шелковая же блуза на красной подкладке. Вероятно, она ожидала встретить светскую даму...

Разумеется, мы немного поговорили о Вл<адимире> Ал<ексеевиче Пясте>, которого Анна Андреевна после ссылки уже не встречала. <...> Анна Андреевна показала мне книжку только что вышедшего “Реквиема” и добавила — “Самое важное напечатано на первой странице”. Я прочла, что “Реквием” издается без ведома и согласия автора. Анна Андреевна потом спросила, хочу ли я услышать ее чтение. И она прочла мне “Реквием”».

- 57 Андрей (Юлий Михайлович) Соболев (1888–1926) — прозаик; Николай Адрианович Кузнецов (1904–1924) — «пролетарский поэт», его самоубийству посвящено стихотворение Михаила Светлова «Ночные встречи».
- 58 И.Э. Бабель был убит выстрелом в затылок в помещении Лефортовской тюрьмы НКВД 26 января 1940 года.
- 59 Ахматова была знакома по Дому творчества писателей с вдовой драматурга Владимира Михайловича Кирсона (1902–1938) Ритой Эммануиловной Корнблум-Корн (см. ее телеграмму: № 1623), которая в эти годы активно добивалась пропагандирования наследия расстрелянного мужа. Об институте писательских вдов в эту эпоху см.: *Сегал Д.* Русские вдовы в XX в. // *Jews and Slavs. Vol. 14. Festschrift Professor Ilya Serman.* 2004. С. 311–324; ср. фразу Ахматовой: «Куда ни кинешь взгляд, повсюду одни вдовы... торчат, как обгорелые пни» (*Герштейн Э.Г.* Реплики Ахматовой // *Свою меж вас еще оставив тень...: Ахматовские чтения.* Вып. 3. М., 1992. С. 9). О Рите Корн см.: «Приходила т-т Киршон, которая пишет книгу о Е. Кузьминой-Караваевой. Анна Андр. говорит о том, что мать Мария (в монастыре) была, конечно, очень религиозной, <...> почти святой, но злой, а вовсе не доброй. И тут же вспоминает Н.Г. Чулкову, которая вся теплилась добротой» (*Глекин Г.* С. 297).

- 60 Польский писатель Бруно Ясенский (Виктор Яковлевич Зускинд; 1901–1938) умер в том же пересыльном лагере, что и Мандельштам. Из уст работников ЦК, знакомившихся с делами писателей, исходили сведения о составе этих дел: «Архивы расстрелянных: Бруно Ясенский — письма Ежову в стихах, где кается в польских связях, но ссылается на Маяковского, который верил Примакову» (*Эйдельман Ю.* Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003. С. 295). Отсюда возникли надежды, пока оправдавшиеся только отчасти, на находки утраченных сочинений. Сергей Михайлович Третьяков (1892–1937) — поэт, прозаик, драматург, участник группы «Левый фронт искусств»; в своей полемической статье он писал о противостоящей «Лефу» части советской поэзии, которая «отступает на задние позиции и отбрасывая волеорганизующую функцию искусства, поет камерные песенки а ля Ахматова или междупланетные ложноклассические пасторали (пролетпоэты группы Кузница)...» (*Третьяков С.* Леф и Неп // *Леф.* 1923. № 2. С. 75).
- 61 Encounter. 1957. Vol. IX. № 1. P. 72; Свобода. 1958. № 3. С. 41. Игнацио Силоне (Silone) (1900–1978) — итальянский писатель.
- 62 Книга была сдана в набор 25 июня 1957 года.
- 63 *ЛО.* 1991. № 1. С. 98.
- 64 О стихотворении «Мой городок игрушечный сожгли...» докладывали: «Эти стихи пессимистичны, субъективны, обращены к прошлому, это перепевы излюбленных поэтессой мотивов и образов. В них нет примет нового, нашего времени. О невозвратном прошлом скорбит Ахматова» (*Маслин Н.* О литературном журнале «Звезда» // *Культура и жизнь.* 1946. 10 августа). «Симпатии и привязанности Ахматовой на стороне прошлого» (*Еголин А.* За высокую идейность советской литературы // *Зв.* 1946. № 10. С. 172). Ср. также: «В “поэзии” Ахматовой сплелись эротика и мистика, вражда к Октябрьской революции и тоска по давно отжитым временам. Совсем недавно Ахматова плакала в стихах об этом прошлом, о “царском парке” и пр. В ее стихах — пессимизм, бесперспективность, оголтелый индивидуализм» (*Петров С.* Благородная миссия советской литературы // *Советское студенчество.* 1946. № 6–7. С. 5).
- 65 Замечавший о том, что «образ “парка царского” не сразу был уточнен эпитетом “древнего”» (*Виленкин В.* Стимул точности в творчестве Анны Ахматовой. Текстологические этюды // *ВЛ.* 1983. № 6. С. 161), кажется, совсем забыл о подцензурной природе подобных «благодатных отсечений». В этом стихотворении

был еще один опасный момент, которого, как кажется, Ахматова при правке пыталась избежать: молва разноречиво толковала о том, чьи обстрелы больше разрушали Царское село (см.: *Рудинский В.* Рец. на кн.: Хренков Д. Анна Ахматова в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Л., 1989 // *Наша страна*. Буэнос-Айрес. 1989. 4 ноября). Ср. стихи Сергея Рудакова 1942 года:

И еще — спасите, люди, люди!
 Боль и холод каменных сердец —
 Залпы собственных орудий
 Царскосельский ранили дворец

(Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1993 год. СПб., 1997. С. 196).

- 66 Письмо Олега Юргина (№ 1228). Заметим, что этот корреспондент, которому Ахматова собиралась писать ответ (С. 104, 107), был не столь уж внимателен к ее творчеству. В последующих письмах он писал: «Особенно умел Александр Николаевич В<ертинский> со сцены, ах, как умел, познакомить с Вами — познакомить, покорить и загипнотизировать»; «С нетерпением жду Ваш сборник “Бег времени”. <...> В сборнике обязательно должны быть и ранние — такие, как “Сероглазый Король”, “Наши встречи” и из последних, такие как “Родная земля” и “О своем я уже не заплачу...”». «Наши встречи — минуты, наши встречи случайны...» — песня из репертуара А. Вертинского на стихи Валентина Кривича. Об Олеге Владимировиче Юргине см. подробнее: *Кралин М.* «А я говорю вероятно за многих» // *НЖ*. 2006. № 244. С. 148–149.
- 67 *Зв.* 1994. № 4. С. 187.
- 68 См., например, письмо О.И. Рыбаковой (№ 982) о передаче «Реквиема» по-русски станцией «Голос Канады» или письмо от 20 июня 1965 года читателя из-под Тулы И.И. Дружинина, узнавшего из «заграничных передач» о присвоении звания оксфордского доктора. В одной из последних записей в феврале 1966 года Ахматова фиксировала: «Говорят, меня поминали где-то далеко... (1946) как жертву» (С. 711). В эти дни рядом с заметкой о Жданове в «Правде» Ахматова могла читать материал «Шпионы в эфире»: «Миллионы долларов в буквальном смысле слова выбрасываются в эфир, чтобы сбить с толку мировую общественность. Особенно усердствует пресловутый “Голос Америки”». Слушание зарубежных станций входило в ахматовский быт — см. эвфемизм в письме И.Н. Пуниной (1957): «Купили маленький приемник, слушаем Новгород и Ве-

ликие Луки» (*Из семейной переписки*. С. 145). Ср. разговор в Комарове:

«— Анна Андреевна, сегодня на всех волнах только Москва. Будете слушать?

— Москву я никогда не слушала... — многозначительно сказала Анна Андреевна» (*Кузьминский А. Мемуары // Санкт-Петербург*. 1999. № 2 (21). С. 3).

Ср.: «Простодушный Зощенко иногда звонил [Томашевским] по телефону (он жил в том же доме и в том же подъезде):

— Ирина Николаевна! Можно, я сейчас приду к вам послушать Би-Би-Си?

А тогда за слушание иностранного радио «давали срок»» (*Любимов Н. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний*. Т. 2. М., 2004. С. 445). Ср. также письмо Н.М. Малышевой, жены В.В. Виноградова, К.Чуковскому от 21 ноября 1964 года: «Благослови Вас Бог, как сказал бы отец Владимир из Англии по Би Би Си» (*Известия РАН. Сер. Лит. и яз.* 2007. Т. 66. № 4. С. 65). Напомним, что тема вражеской радиоклеветы — одна из популярных тем советской литературы 1940–1960-х, от благородного негодования против «американских геббельсов» и «Голоса Доллара» (*Эренбург И. Фальшивый голос. Об американском радиовещании на русском языке («Голос США») // Культура и жизнь*. 1947. 10 апреля) до мягкой сатиры — «...вы, я вижу совсем взбизисились» (*Горяев В. Слушая за границу // Крокодил*. 1947. № 8). См., например: *Мартынов Л. Голоса (зарубежным радиоклеветникам) // Зн.* 1957. № 4. С. 122; см. также: *Маршак С. Неожиданная карьера (Английская <!> эпиграмма) // Крокодил*. 1958. № 9. С. 5; ср. в стихах Бориса Слуцкого: «А если ты нарушишь обещание, соврешь, как иностранное вещание?» (*День поэзии*. 1966. М., 1966. С. 23). Теме этой были покорны все жанры. В драме, например, вот что надо было сказать «эстетско-снобистскому» критику: «И статьи свои вы писали хотя и по-русски, но с тем же акцентом, который звучит иногда по радио из-за океана» (*Михалков С. Илья Головин // Советская драматургия*. 1949. М., 1950. С. 182); в лирике: «Страх в лживой передаче Би-Би-Си, / Страх в стадном послушанье Ассамблеи, / И перед ним бессилен Белый дом, / Тот Белый дом, что перестал быть белым» (*Наровчатов С. Манифест Коммунистической Партии*. 1948). Каламбур об эфире занимал в этой теме приличествующее место: «Он не стремится к дальним джазам, / И не Равель, не Дебюсси / Влекут его пытливым разум.

/ Нет, все его усилья разом / Ушли на поиск “Би-би-си”! / Он кладезь ложных информаций, / Он знает все, что ни спроси, / А все источники сенсаций / “Иже еси у Би-би-си”» (*Дыховичный В., Слободской М.* Вольный «сын эфира» // Крокодил. 1957. № 1. С. 2). Тривиальность (возможного) намека в ахматовском стихотворении по-своему вторит тому, что и заключительный образ заимствован из лексикона прописных тропов, но его банальность для Ахматовой снималась, возможно, высоким прецедентом — фразой Иннокентия Анненского: «Можно с уверенностью сказать, что высокое поэтическое создание никогда не выходило готовым ни из головы Зевса, ни из пены моря — это скорее Феникс, вечно возрождающийся из пепла» (*Аникин А.Е.* Ахматова и Анненский: Заметки к теме. II. Препринт. Новосибирск, 1988. С. 29).

- 69 27 апреля 1957 года она сказала об этом П.Н. Лукницкому (*Детопищец*, С. 187). Возможно, однако, что речь шла о книге «Избранные стихотворения», выпущенной нью-йоркским издательством им. Чехова еще в 1952 году. В программу издательства входило наряду с иными целями сохранение от забвения тех советских писателей, сочинения которых были изъяты из обращения. Зощенко и Ахматова были в числе первых выпущенных авторов, затем к ним добавились Булгаков, Ильф и Петров (*Karpovich M.* The Chekhov Publishing House // *The Russian Review*. 1957. Vol. 16. № 1. P. 56). О неполноте этого тома, сознательно допущенной издателями не без напоминаний Исаи Берлина, чтобы не подвести автора за железным занавесом, писал в своей рецензии Борис Филиппов (*НЖ*. 1953. № 32. С. 300–305). Ср. также: «В сборник стихов Анны Ахматовой, как будто, должно быть включено все выпущенное к печати этой глубокой в своем интимном мире женской души поэтессой. Русскому читателю известно, что годы революции глубоко трагично отразились на личной жизни Ахматовой и тяжело пережиты ею. Отражено ли это в ее стихах? Да, русский читатель помнит, что в те годы, когда захватившие власть большевики не могли еще осуществить полностью контроль социалистического тоталитаризма над русской литературой, время от времени, в различных изданиях появлялись стихи Ахматовой, ярко иллюстрирующие ее отталкивание от революции. Вот одно из них, сохранившееся в моей памяти:

Для того ль его носила
На своих руках?

Для того ль сияла сила
 В голубых его глазах?
 Вырос стройный и высокий.
 Песни пел, мадеру пил,
 К Анатолии далекой
 Миноносец свой водил...
 На Малаховом кургане
 Офицера расстреляли.
 Без недели двадцать лет
 Он смотрел на Божий свет.

Подобных этому стихотворений, глубоко выразительных для психического строя Анны Ахматовой, было напечатано несколько, но в выпущенный издательством им. Чехова сборник ни одно из них не вошло. Более того, этот сборник выглядит точной перепечаткой последнего советского издания Ахматовой — “подарка Светлане” от ее поэтического папаши. Например, слово Бог набрано в нем со строчной буквы, чего в Зарубежье делать все-таки не принято» (*Арбатский Б. [Львов Л.] И тут тенденция? // За Россию. 1952. 15 октября*); об этом стихотворении (также цитируемом по памяти), датированном 1(14) января 1918 года (и написанном по слухам о расстреле офицеров в Севастополе, где находился младший брат Ахматовой Виктор), критик Лоллий Иванович Львов писал, цитируя по памяти: «Это краткое стихотворение содержит в себе все основные черты творчества А. Ахматовой — его женскую мягкость, чуткость, отзвуки материнства — все “вечно-женственное”, чем так богато и прекрасно творческое наследие А. Ахматовой, этой своеобразной, задушенной теперь русской поэтессы. Быть может, она тогда уже предчувствовала свою грядущую личную трагедию — гибель мужа Н.С. Гумилева в застенке ГПУ и исчезновение сына в советских концлагерях. Судьба этого последнего нам неизвестна» (*Камов Н. [Львов Л.] Русские поэты о терроре // Воля. 1953. № 2. С. 18*).

- 70 «Как сладко будут звучать шаги того, кто принесет мне весть о гибели» (Гумилев неверно цитировал: Doux вместо beaux). Ср. в теме «гостя из будущего», который «погибель мне принесет», сладость молений и звук шагов.
- 71 «Образ лебедя повторяется любовнее других — потому ли, что он неразрывно ассоциирован с “прудом лебединым” Царского Села (“уже кленовые листья на пруд слетают лебединый”), потому ли, что его любит и народная поэзия, или потому, что

он связан с символикой смерти» (*Виноградов В.* О символике А. Ахматовой // Литературная мысль. Альманах. I. Пг., 1922. С. 101–102).

72 Из статьи Николая Пунина 1913 года (*Пунин Н.Н.* Русское и советское искусство. М., 1976. С. 127).

73 Ср.: «...прав был ваш великий поэт, сказавший, что Англия подобна лебединому гнезду среди огромного пруда» (*Дюма А.* Кин. Акт 1. Сцена 2).

74 «Цимбелин». Акт 3. Явление 4. Ср. в переводе П. Мелковой:

Пизанио

Тогда вам жить в Британии нельзя.

Имогена

Но где ж? А впрочем, разве солнце всходит
Лишь над одной британскою землею?
Британия — часть мира, но не мир —
В пруду большом гнездо лебяжье. Люди
Живут не только в ней.

75 Вариант окончания стихотворения «Не дышали мы сонными маками...».

76 Ср.:

И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церковей
И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. «То ли будет?
— Говорит он, — вижу я:
Лебедь тешится моя»

(«Сказка о царе Салтане»).

В наброске 1965 года, возникшем после посещения оксфордского дома Исаяи Берлина, герой уподоблен другому «птичьему» персонажу русского фольклора — Жар-птице:

Не в таинственную беседку
поведет этот пламенный мост:
одного — в золоченую клетку,
а другую — на красный помост (С. 643).

Гендерная двусмысленность лебеди/лебеда уводит и к «Дидоне» Овидия: «Так у Менандровых волн, умирая в траве обга-

- ренной, / Перед кончиной своей белая лебедь поет» (перевод Ф.Ф. Зелинского). Тут надо заметить, что «Героиды» вообще важный образец для Ахматовой, о чем писалось еще в 1916 году: «Как будто есть что-то общее в грустных жалобах “Героиды” Овидия и в “Четках” Ахматовой» (*Рожицын В.* Птица-то-ска (о стихах Анны Ахматовой // Сириус (Харьков). 1916. № 1. С. 9; *Pro et contra.* 1. С. 157).
- 77 Ср. ранее в варианте стихотворения из цикла «Cinq», обращенного к тому же адресату:
 Как зову и не дозовусь,
 А со мной только мрак и Русь.
- 78 Ср. ее замечания о «петербургской», «башенной» «Руси» (С. 70, 87, 157). Когда Ахматова говорит про «открытую мною доязыческую Русь (в музыке, живописи — Рерих, в поэзии — Хлебников, “Ярь” и т.д.)» (С. 175), то в прилагательном просто описка-контаминация (вместо «языческую» или «дохристианскую»), которую напрасно публикаторы подвергают «содержательной» интерпретации.
- 79 Ср.: «одно черносотенное, для меня неприятное (почему-то)» (*Чуковский К. Т.* 12. С. 9, 574)
- 80 С датой «1931. Май» записано в июле 1932 года в альбом С.А. Толстой-Есениной (*Вдовин В.* Автографы поэта // Литературная Россия. 1979. 22 июня).
- 81 *Полякова С.В.* «Олейников и об Олейникове» и другие работы по русской литературе. СПб., 1997. С. 381. Ср.: «Ахматова как ни один русский поэт близка западному психологизму двадцатых годов. У нее та же предельная честность и внутреннее бесстрашие, те же напряженно-правдивые формулы. Ее словесное новаторство всего очевиднее в умении сочетать прилагательные. И пожалуй, самый ее паузник предвосхищает лирическую прозу» (*Фельзен Ю.* Разрозненные мысли // *Круг.* 2. 1936. С. 130). Уместно напомнить о литературном родовом лоне Ахматовой по свидетельству Сергея Штейна: «Книги она поглощала в огромном количестве, причем уже в ранней юности проявился в ней особенный интерес к психологическому роману. И тогда любимым ее писателем был Мопассан. Известно также ее увлечение Золя, романы которого она читала, несмотря на запрещение, еще девочкой и, между прочим, под влиянием этих романов хотела, чтобы ее называли Напа. Вообще, французскую литературу она знала очень хорошо, в совершенстве владея французским языком» (Фрагмент магистерской работы

Елизаветы Роос об Анне Ахматовой / Публ. и вступ. ст. Г. Пономаревой и Т. Шор. Комментарии Р.Д. Тименчика // Балтийско-русский сборник. Кн. I. Под ред. Бориса Равдина и Лазаря Флейшмана. Stanford, 2004. С. 87–88). Ср. также: *Тименчик Р.* Анна Ахматова и Сергей Штейн (*Там же*. С. 103).

82 *Ратгауз Г.* С. 155.

83 Вера Клавдиевна Звягинцева (1894–1972), в молодости попрекаемая влиянием Ахматовой (*Свенцицкий А.* Рец. на кн.: Звягинцева В. На мосту. М., 1922 // Утренники. Пг. Кн. 1. 1922. С. 147; *Монина В.* Рец. на кн.: Звягинцева В. На мосту. М. 1922 // Балтийский альманах (Рига). 1924. № 2. С. 73), обратила к ней ряд стихотворений, в том числе опубликованное в очевидно известном Ахматовой издании:

Наше дело — последнюю кровь в рубины
Милому на наряд.
А на свете так: на крик лебединый
Змеи в траве шипят.

Но в униженьи (превыше трона)
Бескровные губы славу поют.
Вновь утверждаем земным законом:
«Аще кто душу положит свою».

(Утренники. Кн. 2. 1922. С. 7). Другое из ее обращенных к Ахматовой стихотворений 1922 (?) года — «И когда настали дни такие...» — обнародовано Н.А. Богомоловым (ЛО. 1989. № 5. С. 43). См. также стихотворение «Ты рассказала за меня...» (О, муза плача...: Стихотворения, посвященные Анне Ахматовой. М., 1991. С. 67–68).

84 *Боровко О.* Начало // Молодая гвардия. 1966. № 1. С. 306–307; цитируется строчка Риммы Казаковой на рождение ее сына, будущего писателя Егора Радова.

85 ЛГ. 1996. 13 ноября; ср. также: «“Эпиграмма” — актуальная не только для поэтесс, просиявших на земле советской, но и для выявившихся за рубежом... Не знаю, как обстоит дело с “замолчать заставить” в царстве Хрущева, но в эмиграции сделать это абсолютно невозможно...» (*Слизской А.* По страницам советских газет // РМ. 1960. 6 декабря). Ср. также запись от 17 декабря 1962 года: «О стихотворении Новеллы Матвеевой «Солнечный зайчик»: «Нельзя так долго быть зайчиком. Пушкин никогда бы не написал о себе: я — зайчик» (*Самойлов Д.* С. 315)

- 86 *Горбаневская Н.* Не спи на закате. Почти полное избранное с примечаниями автора. М., 1996. С. 286. См. запись о визите к Ахматовой 6 октября 1962 года: «При мне пришла очень милая и немного смешная, но по-хорошему смешная поэтесса, еще нигде никогда не печатавшаяся, которая с гордостью сказала про себя, что на всех перекрестках славословит “Иосифа”, т.е. И. Бродского. Рассказала, что В. Корнилов и Бродский постоянно ссорятся. Анна Андр. заметила, что они и у нее тоже ссорились, но она им помешала» (*Глекин Г. С.* 244). Запись 23 сентября 1962 года: «Хвалит И. Бродского и Наташу Горбаневскую» (*Самойлов Д. С.* 302); ср. у Н. Ильиной запись от 2 января 1963 года:

«Маруся рассказывала о поэтессе Юне Мориц.<...> Маруся: Она способная. АА гневно: Способных поэтов не бывает! Или поэт, или нет! Это не та работа, когда, вставши рано поутру, умывшись, садишься за стол: дай, дескать, потружусь. Стихи — это катастрофа. Только так они и пишутся. Если не так, — читатель сразу поймет и почувствует...

А что до стихов Юны Мориц — это... это рифмованные очерки.

И тут же показала мне стихотворение “Могила Заболотского” молоденькой поэтессы Натальи Гор ... (не помню фамилию) — прекрасные стихи. Анна Андреевна многих молодых поэтов видит и относится к ним очень страстно, принимая или отвергая» (РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Ед.хр. 28. Л.20); «А у Вас, как будто, побывала Горбаневская, которую Ан. Андр. называет 1-м поэтом в России?» (Письмо Д.Е. Максимова З.Г. Минц от 1 ноября 1964 года — *Минц-Лотман*).

См. заготовки марта 1963-го для вступительной заметки к несостоявшейся подборке стихов дебютирующей поэтессы (С. 306). Когда я впоследствии рассказал Наталье Евгеньевне Горбаневской (1936–2013) о виденном мною в фонде Ахматовой в Публичной библиотеке беловике этой заметки, она сказала, что не хотела бы, чтоб эта заметка входила в корпус ахматовской прозы, потому что по соглашению с Ахматовой основной текст составила она сама. 14 октября 1973 года она писала нам: «В конце мая 62 г., незадолго до того, как я должна была ехать в Ленинград на сессию, будучи в “Литгазете”, где тогда работал Валя Непомнящий и часто ошивалась я, я радостно заявила, что вот еду в Ленинград и пойду знакомиться с А. А., на что Галя Корнилова, присутствовавшая при этом, сказала, что

А. А. сейчас в Москве и пусть я ей позвоню. Я, конечно, затрепетала, спросила, может она сама позвонит, но Галя сказала, чтобы я не боялась, дала мне телефон Ардовых, и я позвонила, сказав, как мне велела Галя, что я хотела бы прийти и показать стихи. А. А. тут же сказала, чтобы я приходила завтра, и я пошла <...> Если не ошибаюсь, это было 27 мая. <...> Я пришла в воскресенье на Ордынку, читала стихи (в т.ч. Бартока и Солдатика, но еще и много мурь из предшествующего периода), разговаривала (о чем?), слушала (не помню, не помню, мемуаров из меня не выжмешь, что мне самой жалко) и ушла, надо сказать, в убеждении, что А. А. отнеслась к моим стихам вполне нейтрально. Галя же тем временем сразу после моего визита позвонила А. А., чтобы узнать впечатление, и оно оказалось очень хорошим, вопреки моему мнению. Да, А. А. узнала, что я еду в Ленинград, куда и она сама вскоре собиралась, и пригласила в Комарово. Через некоторое время я приехала в Ленинград, и очень быстро, еще до того, как я побывала у А. А., меня начали достигать слухи о том, что она меня очень хвалит. Мои ленинградские друзья, по-моему, впервые отнеслись ко мне серьезно (кроме Димы [Д.В. Бобышева], который уже и раньше так относился). Все (даже люди, к которым высказывания А. А. явно просочились далеко не из первых рук) спрашивали меня, что вот А. А. говорит, что у меня есть замечательные стихи про Бартока, и именно с этого лета я (особенно в Ленинграде) надолго застряла в позиции автора одного стихотворения, но, впрочем, не для А. А. и не для ее “мальчиков”, которые, отнесясь ко мне, наконец, серьезно (на самом деле, и действительно только в это время возникли основательные причины относиться ко мне так), уже продолжали и далее интересоваться тем, что я пишу. А дальше — дальше я бывала у А. А. в Комарово и в это лето, и во все следующие, что она там жила, бывала и в Ленинграде на ул. Ленина, и в Москве в разных местах, где она жила: у Ардовых, у Алигер, у Шенгели, у Ники Глен, у Раневской (точнее, у Раневской я была не в гостях, а перевозила А. А. на машине оттуда, с Котельнической на проспект Мира к Шенгели). Дат, конечно, не помню. Помню, например, свой приезд в Ленинград в октябре 63 г. “на встречных машинах” (по-моему, именно тогда и была сказана эта фраза: “Опять приехала Наташа на встречных машинах”), когда по дороге, на вокзале в Чудове, у меня украли очки, и я не способна была толком разглядеть ни осенние острова, по которым я гуляла в несостоятель-

но-романтических целях, ни лиц моих собеседников, т.е. также и А. А. Последний раз я видела А. А. в январе 66 г. в Боткинской больнице. Перед тем я передала ей книжечку стихов 65 г., и она очень — действительно, очень — ее похвалила. Потом я звонила ей, когда она уже вышла из больницы, перед отъездом в санаторий, и мы договорились, что я навещу ее там. Вот и все. Потом я увидела ее в морге («Барток» и «Солдатики» — стихотворения «Концерт для оркестра» и «Как андерсовской армии солдат...»). См.: *Горбаневская Н.* Не спи на закате. С. 18–19).

- 87 Ср.: «...о нераздельной <sic!> любви — целиком в плане традиционной “женской поэзии ахматовского толка» (*Беккер М.* О творчестве литактива «Огонька» // Литературная учеба. 1935. № 6. С. 160); «...заставляющее вспоминать <...> Ахматову: “Я не помню: ты меня бросил, или я от тебя ушла”» (*Добранов Ю.* О творчестве молодых поэтов ВРЛУ // Художественная литература. 1935. № 11. С. 36). Ср. в неопубликованной рецензии А. Квятковского на ее книгу «Год рождения» (М., 1938): «Такие строки, как “И теперь, когда ты приходишь, / Осторожно глядишь в глаза, / Долго ищешь, пока не находишь, / Что бы лучше, точнее сказать” — напоминают строки Ахматовой: “На глаза осторожной кошки / Похожи твои глаза”»; далее сопоставляются «Только я бы тебя полюбила, / Ты не смеешь меня полюбить» и «А ты думал — я тоже такая, / Что можно забыть меня» (РГАЛИ. Ф. 615. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 260б.). Маргарита Иосифовна Алигер (Зейлигер; 1915–1992) была знакома с Ахматовой на протяжении двух десятилетий, что не мешало ей в соответствующее время в соответствующем месте — на секции поэзии ССП 9 октября 1946 года — говорить: «Если мы отрицаем Ахматову, мы, советские поэты и коммунисты, обязаны что-то этому противопоставить. И в первую очередь мы обязаны в отношении нашей молодежи, которая не будет жить без лирики, им без любовной лирики, которая просто жаждет ее, и тут нужно думать, чем она существенно отличается от того, что мы сейчас отрицаем» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 786. Л. 17). Ее стихотворение «Конец» («Она внесла торжественное тело...») представляет собой попытку описания последнего дня жизни Ахматовой в санатории «Подмосковье» (День поэзии. М., 1988. С. 41). Другое стихотворение, по-видимому, не пошло дальше начального наброска: «Лазурные [своды] главы Николы Морского... И город распахнут, и город раскован» (сообщено Н.А. Громовой). Ахматова говорила о ней: «Да, способная... Но

длинно пишет. Все пишут длинно. А момент лирического волнения очень краток» (РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Ед.хр. 235. Л. 106.).

- 88 Ср. эпиграмму Владимира Лифшица:

Нам готовят это блюдо
На особенный манер:
Из Ахматовой немножко,
Из Кирсанова немножко —
Получается окрошка
Под названьем «а-ля-гер»

(*Мелкий завистник [Лифшиц В.А.]*. Эпиграмма на М. Алигер // Резец. 1939. № 9/10. С. 24).

- 89 *Грибачев Н.* Против космополитизма и формализма в поэзии // Правда. 1949. 16 февраля. Ср. о том, что ее позиция — «ущербная, индивидуалистическая позиция Ахматовой» (*Грибачев Н.* За новый подъем советской поэзии // *Зн.* 1949. № 1. С. 172).

- 90 Ср. воспоминания Е. Евтушенко: «...она всегда была в первых рядах тех писателей, которые, несмотря на полузадушенность, требовали права на свежий воздух. <...> Когда Хрущев решил подморозить собственную оттепель, Алигер мужественно выступила против него на правительственном банкете-дискуссии с писателями в 1957 году. Позднее, будучи уже в отставке, Хрущев просил составителя этой антологии передать извинения всем писателям, с которыми он был груб, и первой из них — Алигер, с запоздалой прямотой назвав свое поведение “вульгарным и бестактным”» (*Строфы века*. С. 580). Брань Хрущева («Отрывка капиталистического Запада!.. Не верю таким коммунистам! Вот беспартийному Соболеву верю!.. Пакостите за спиной! О буржуазной демократии мечтаете!..») с чужих слов передана в рассказе Владимира Тендрякова «На блаженном острове коммунизма». Ср. также: «...подвыпивший во время “дружеского” дачного приема писателей Никита Хрущев грубо оскорбил Маргариту Алигер (она была членом редколлегии “Литературной Москвы”), а писательская братия трусовато смолчала и только Мариэтта Шагинян демонстративно ушла из-за стола и отсиживалась в автобусе» (*Борщоговский А.* Записки баловня судьбы. М, 1991. С. 385). После этой встречи Владимир Луговской, хворавший сердцем, «все время повторял: “Все возвращается назад. Во второй раз я этого не переживу”. Вскоре он умер» (*Голубкина А.* «Милка, девочка моя...» // *Зеркало (Тель-Авив)*. 2011. № 38(158). С. 157). По писательским кругам с жарким интересом проплыл слух о том, что после

ругани Хрущева Алигер ходила на прием к Д.Т. Шепилову, и тот подбодрил ее, сказав что-то на тему не кусающей лающей собаки (*Crankshaw, Edward. Khrushchev's Russia. London, 1959. P. 120*). В декабре 1956-го на совещании по вопросам литературы в ЦК упомянутый Шепилов говорил: «...в постановлении о журналах “Звезда” и “Ленинград” есть отдельные, нуждающиеся в уточнениях оценки и характеристики. В оценках некоторых произведений допускалась ненужная регламентация или административный тон, или окрик и грубость. Но основное содержание постановлений правильное и сохраняет значение до сегодняшнего дня». Спустя какое-то время позиция Шепилова, вставшего в немилость, трактовалась партруководством как либеральная и дезориентирующая (*Зезина М.Р. С. 198–199*).

- 91 Записка Отдела культуры ЦК КПСС «О некоторых вопросах развития современной советской литературы» 27 июля 1956 г. Авторы — Б. Рюриков, И. Черноуцан и др.

92

И остались в Кукое, у светлой реки,
только дети, да женщины, да старики. <...>
Не играют тут свадьбы, не ролят детей...
Жизнь без всяких прикрас, безо всяких затей.
Ранним-рано кукоевцы гасят огонь,
никогда не играет в Кукое гармонь,
ни вечерки какой, ни гуляния нет.
Только вдовья кручина — считай сколько лет.

- 93 Ср. воспоминание об их шефе Д. Поликарпове: «Нюх у него был отменный, но иногда случалось, что он был не в состоянии сформулировать свои претензии и обвинения» (*Лазарев Л. Шестой этаж, или Перебирая наши даты. М., 1999. С. 108*).

94 Ср.:

... а председателям колхозов уже не спится по ночам,
У них свои ночные думы — в седом безмолвии зимы
они такие слышат шумы, которых не расслышим мы.

<...>

Как там ни снежно и ни вьюжно,
вот-вот сугробы стронет с места,
вот-вот она возьмется дружно,
весна Двадцатого Партсъезда.

В стихотворении «С кремлевской трибуны» —

... агроном известный и ученый
выступал на этих днях в Кремле.

<...>

Думалось: одной ли вредной травке
посвящал ученый эту речь.

Верилось: от сорняков и суши,
от иных чужих и темных сил
цельные нетронутые души
убереечь он трепетно просил.

- 95 Одним из подразумеваемых здесь примеров может быть напечатанное в альманахе «Литературная Москва» стихотворение «1941 год» Юлии Нейман, вскоре ставшей доброй знакомой Ахматовой, которая говорила о ее стихах: «Как хорошо! Как будто крепкой водки выпила. <...> — И при этом никаких двойственных ужимок, — добавила Анна Андреевна» (*Хелемский Я.* Неуступчивая муза // *ВЛ.* 2002. № 3. С. 202). Ср: «И, наконец, еще одно пробудившееся чувство, которое сейчас, в наши дни, расцветает махровым цветом — это обновление чувства гражданства: “Он был, как факел, этот год! <...> И это чувство гордого гражданства, / Впервые пережитое всерьез “» (*Тарасова Н.* Культурная и духовная жизнь современной России // *Грани.* 1957. № 33. С. 25). «В <...> сборнике “Литературная Москва” поэтесса Ю. Нейман пишет в стихотворении “1941”:

Как штукатурка сыпались уловки,
И в силу обнажившихся причин
В год затемнения и светомаскировки
Мы увидали ближних без личин.

Утверждая, что ближние — не тот или иной конкретный человек, а “ближние” вообще — якобы носят “личины”, то есть лгут и лицемерят на каждом шагу, автор также создает в корне ошибочное представление о людях, проявивших в годы войны массовый героизм и одержавших победу, всемирно-историческую по своему значению. Вот почему подозрительность к “ближним”, которую автор пытается внушить своему читателю, явно несостоятельна и свидетельствует лишь о близорукости поэта» (*Соловьев Б.* Равнение на будущее. Заметки о современной поэзии // *Зн.* 1957. № 12. С. 201). Ср. по поводу перевода этого стихотворения в США: «...ничем не примечательное стихотворение» (*Дементьев А.* Две позиции // *НМ.* 1961. № 12. С. 214). Об отношениях Ахматовой и Ю. Нейман см. нашу справку: *Memento vivere.* С. 538–541. Ее очерк об Ахма-

- товой: *Новикова [Нейман] Ю.* Таинственный источник // Пинонер. 1968. № 3. С. 22.
- 96 *Гаспаров М.* Поэтическое мелководье // Молодая гвардия. 1958. № 4. С. 236.
- 97 *ЛГ.* 1954. 26 декабря.
- 98 Ахматова сравнивала себя (*Сочинения.* 5. С. 185, 708) с героем Альфонса Доде Мальшом («Le Petit chose»), любившим в детстве ткацкую фабрику: «Фабрики больше уже нет: она превратилась в монастырь кармелиток, куда мужчинам вход воспрещен!»
- 99 Ср. в прозе: «Милые тени отдаленного прошлого почти говорят со мной. Может быть, это для них последний случай, когда блаженство, которое люди зовут забвением, может миновать их».

100

Душа моя, Элизиум теней,
 Теней безмолвных, светлых и прекрасных,
 Ни помыслам години буйной сей,
 Ни радостям, ни горю не причастных, —
 Душа моя, Элизиум теней,
 Что общего меж жизнью и тобою!
 Меж вами, призраки минувших, лучших дней,
 И сей бесчувственной толпою?..

- 101 Довольно точно некоторые из оттепельных мемуаров о серебряном веке имитированы пародистом:

«Я приехал в 1914 году в Петербург. В ту пору в расцвете был Блок. Слава его гремела, как прибой Балтики. Блок был безумно красивым. У него была мудрость змея.

С Блоком я не был знаком. Блока я не видел. Но Блока хорошо знал В. Пяст. Они дружили.

Пяста я тоже не знал. Но я часто посещал тотализатор. И сейчас, читая письма Блока к Пясту и узнав, что последний работал кассиром тотализатора, я утверждаю, что видел Пяста.

Пяст был высокий, худой, скучный. У Пяста были неотразимые глаза. Это были глаза кролика. Наверно, о них написал Блок строчки: «И пьяницы с глазами кроликов 'In vino veritas!' кричат!» (*Марягин Г.* Блока я не видел, но... // *Зн.* 1957. № 8. С. 216).

Раздумывая о планах мемуарной книги, Ахматова припомнила о предостережении Георга Брандеса в его предисловии к запискам П.А. Кропоткина: «В девятнадцатом веке автобиоог-

рафии очень часто составлены по одному из следующих образцов: “Вот как талантлива я была и привлекательна; вот как мною восхищались и как меня ценили (Иоанна-Луиза Гейберг. Жизнь, пережитая в воспоминаниях); или: “Я был талантлив и достоин любви, но между тем меня не оценили; вот те тяжелые испытания, что я перенес, прежде чем добиться венца славы” (Ганс Христиан Андерсен. История моей жизни). В этих двух типах жизнеописания автор, стало быть, занят, главным образом, тем, что современники думали и говорили о нем».

- 102 К невышедшему сборнику стихов Ольги Алексеевны Мочаловой (1898–1978) Вяч. Иванов в августе 1924 года написал предисловие, в котором, в частности, сказано: «Она похожа на Гумилева <...> духом его вольности и вызова и сталью духовного взора» (НЖ. 1978. № 130. С. 157). В мемуарах О. Мочаловой содержались между прочими и фразы Вяч. Иванова: «Последующее поколение как бы устало от широкого круга тем символистов... У Ахматовой — флирт, у Гумилева — спорт...», «Настоящее изящество было у Зинаиды Гиппиус, Ахматовой далеко до нее. Она много болела, страдала, глубокая и узкая, как колодезь», слова К. Бальмонта (1917 г.): «Ахматова — комнатна, Марина Цветаева — некрупна, Блок — истеричен. Значителен — Брюсов...», реплики Гумилева: «Об Ахматовой — Она такой замечательный человек, что нельзя относиться к ней только как к женщине...»; «Анечке каждый месяц надо давать 100 рублей на иголки»; «В дни революции Ахматова одна ходила ночью по улицам, не зная страха»; «Ахматова вызывала всегда множество симпатий. Кто, кто не писал ей писем, не выражал восторга. Но, так как она всегда была грустна, имела страдальческий вид, думали, что я тиранический муж, и меня за это ненавидели»; «Н.С. Гумилев искренне считал “что быть поэтом женщине нелепость”. Но когда он вернулся из Африки, и Ахматова прочла ему свой “Вечер”, был восхищен. — Ну, что же, Коля, теперь учи меня, — сказала Ахматова. — Что ты, Анечка, ничего не нужно — готовый поэт... — ответил он». Приводилось свидетельство М.М. Тумповской: «Ахматова, разойдясь с Гумилевым, ворчала на его новые романы только тогда, когда он плохо выбрал...».

Не дошедшее до Ахматовой письмо Г.И. Чулкова от 21 апреля 1924 года, как представляется, пронизано реминисценциями из отношений автора письма с автором «Вечера» в 1911 году, когда Чулков выступил «открывателем» Ахматовой:

«Дорогая Анна Андреевна! Это письмо вручит Вам Ольга Алексеевна Мочалова. Я не успел рассказать Вам о ней при свидании, но это — Рок; а я должен был о ней рассказать, хотя я в нее не влюблен. Дело в том, что она — поэт Божьей милостью. Ее звезда ведет — большая и лохматая, если глаза прищурить. Мочалова — пожалуй, волшебница, но в плену у собственных чар. Талант огромный, но логоса нет: давно не говела. Вообще мне с ней хлопот немало. Пожалуйста, будьте с ней ласковы. Она прочтет стихи. Целую Ваши руки. Любящий Вас неизменно. Георгий Чулков» (*Бень Е. Ахматова и Чулковы. К истории одной переписки // РМ. 1994. 27 янв. — 2 февраля*). См. о неудачной попытке О. Мочаловой встретиться с Ахматовой: *Л1, С. 254; Мочалова О. Голоса серебряного века. Поэт о поэтах / Сост., предисл. и коммент. А.Л. Евстигнеевой. М., 2004. С. 50. В 1962–1964 годах ее стихи под псевдонимом «О. Алексина» печатались в «Новом журнале» (Иваск Ю. О.А. Мочалова // НЖ. 1978. № 131. С. 277–278).*

О взаимоотношениях Ахматовой и Г.И. Чулкова см. наши справки: *Эткиндовские чтения. II–III. С. 297–298; Крымский Ахматовский. 10. С. 146–164.*

- 103 Ср.: «— Гумилев был настоящий мужчина! Никогда в жизни он не стал бы возить жену к любовнику! <...> Дайте мне адрес этой О.П. <sic!>, — сказала она, — Лева к ней пойдет объясняться» (*Роскина Н. С. 94*).
- 104 Ср.: «На запятках же саней императрицы Марии Федоровны, часто проезжавшей по Невскому, всегда высился великолепный камер-казак в красном кафтане с откидными рукавами и высокой папахе с кистями» (*Добужинский М. Воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1976. С. 32*).
- 105 *Гумилев Л. Всем нам завещана Россия. М., 2012. С. 20.*
- 106 Ср. отклик на эту фразу: «Смеялся он, думается, потому, что хорошо понимал, какими средствами надо двигать искусство вперед. Ахматова не высказывает по этому поводу своего мнения. Можно, однако, убедиться, что у нее, достигшей мудрости, мнение о путях русского искусства вовсе не совпадает с умильными акафистами, воспеваемыми у нас “Серебряному веку”. Ахматова судит о делах искусства зорко и трезво. В воспоминаниях о Мандельштаме нет у нее никакой слезливости, а есть точное понимание и личности и дела этого поэта» (*Большухин Юр. Воздушные пути // НРС. 1965. 31 января*).
- 107 *Левинсон А. Русская выставка // Последние новости (Париж). 1921. 31 декабря. Далее Андрей Левинсон писал: «Близкий им,*

как никто, по ритму композиции, по канону изображения человеческой фигуры, по трактовке пейзажа как театрального сценария...».

- 108 Вскоре после этого эпизода Михаил Лозинский написал от имени Ахматовой монолог воскресшей в XX веке героини Гюстава Моро:

И слух прибоем и стенаньем полн,
Как будто вновь, еще взглянуть не смея,
Я уношу от безутешных волн
Замученную голову Орфея.

- 109 О запахах как симптомах в ахматовской поэзии см.: *Faryno, J.* Введение в литературоведение. Warszawa, 1991. С. 335–339.

- 110 Ср. ностальгические воспоминания о навощенном полу в Розовом павильоне в Павловске: *Бенуа А.* Художественные письма. 1930–1936. М., 1997. С. 117.

- 111 Ср.: «И запах горелого кофейного зерна мало-помалу делался, наконец, второй образующей ароматического лица старого, дореволюционного Петербурга» (*Успенский Л.* Из записок старого ленинградца // *Зв.* 1957. № 6. С. 137).

- 112 *Катанян В.* Прикосновение к идолам. С. 422–423. Ср. воспоминания о запахах дрожек, дегтя, кожи, лошадей, махорки: *Стравинский И.* Диалоги. Л., 1971. С. 10–13.

- 113 *Найман А.* С. 267.

«Вот солдаты идут» — песня К. Молчанова на слова М. Львовского.

- 114 О великой актрисе Вере Федоровне Комиссаржевской (1864–1910), которую Ахматова называла «королевой модерна», она когда-то писала в поэме об эпохе модерна:

«После Ташкента в Фонтанном Доме стала писать поэму. Помню оттуда несколько слов. <...>

И женщина с зеркальными глазами
Девчонки-нищенки, властительницы сцены» (С. 436)

Толчком к выбору эпитета, может быть, стало рассуждение Ю.М. Юрьева о глазах русских актрис (М.Г. Савиной, М.Н. Ермоловой, Г.Н. Федотовой): «У Веры Федоровны Комиссаржевской <...> одухотворенные, но они не витали в облаках <...>, а вбирали все вокруг себя и пропускали все через свое я. Большие, умные, озаренные всегда мыслью, чутко прислушивающиеся ко всему, что происходит у нее в душе... Видно было в них, что у нее все через себя. Если хотите, некрасивое ее лицо приобретало особую привлекательность, благодаря ее вдумчивым, серьезным, выразительным глазам, в которых, как в зеркале,

- отражалась вся внутренняя жизнь Комиссаржевской» (*Юрьев Ю. М. Г. Савина // Ленинград. 1946. № 1–2. С. 38*).
- 115 *Будыко М. С. 357; см.: Тименчик Р. К символике телефона в русской культуре // Труды по знаковым системам. 22. Тарту, 1989. С. 155–163.*
- 116 *Будыко М. С. 373. Ср. сцены этих дней: «Солдаты снимают папаху, тут же на мостовой черпают грязную красновато-бурую жидкость, смешанную с серым снегом, и пьют. Я лично видел такую сцену у Обводного канала в момент разгрома “Келлера”» (*Фрид С. Неожиданная рубрика // Воля народа. 1917. 1 декабря*).*
- 117 *Адамович Г. Несколько слов о Мандельштаме // Воздушные пути. 2. Нью-Йорк, 1961. С. 101. Ср. впечатления современников от этого стихотворения: «Что же касается ахматовского лаконизма, здесь он не знает соперников» (*Клюева В. Рец. на кн.: Ахматова А. Anno Domini MCMXXI // Казанский библиофил. 1922. № 3. С. 92*). «Есть у нее стихи, я чуть было не сказал замогильные; Ахматова мысленно переступает порог и оглядывается оттуда с укором. Не это ли предчувствие, не эта ли жуткая и величавая близость смерти сообщает образу отвергнутой “восточной подруги”, “черной нищенки” что-то от иконописной строгости и святости» (*Левинсон А. Стучат! Очерки литературной жизни // Последние новости. 1921. 9 ноября*).*
- 118 Ср. в воронежских стихах: «...эта яма — так и зовется по имени этого Мандельштама».
- 119 Об источниках и традиции этой формулы у Пушкина см.: *Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 149–153.*
- 120 «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...» (см.: *Победа. Т. 1. С. 130*).
- 121 Ср.: «Говорят, что политическую остроту стали насаждать в Советской России клоуны, братья Бим и Бом. <...> об их островах осуждающе писали и советские газеты. Молва только преувеличила их смелость, создала своеобразную легенду» (*Фома. Советский смех // Воля России. 1923. № 10. С. 64*).
- 122 Ср. в рукописи «Листков из дневника» в июле 1957 года: «Когда я написала последнее слово, приехала Ира [Пунина] из города и привезла письмо от Нади. Оно кончается так: “...а Ося слава Богу умер” (по поводу статьи Коваленкова в “Знамени”)» (*Победа. Т. 1. С. 131*).
- 123 Ср. чтение А. Г. Каминской «Виктории» в 1955 году и перечитывание тогда же самой Ахматовой «Мистерий»: «Я читала его лет 30 назад [видимо, 50. — *Р.Т.*]. Конечно, в смысле чувств я

- его и тогда понимала вполне, а в смысле литературном — нет. Я только сейчас до конца поняла, какая это смелая вещь — в ней и Джойс, и вся современная литература — и какая она русская, как виден в ней Достоевский» (ЛЧ2. С. 144).
- 124 По поводу этого архипопулярного стиха Ахматова сказала в 1965 году: «Излишки металла нужно сдавать на переплавку, а не в издательства» (Сараева-Бондарь А.М. Силуэты времени. СПб., 1993. С. 223).
- 125 Ср. надпись на экземпляре «Белой стаи»: «В Петербурге мы сойдемся снова» Владимиру Казимировичу Шилейко с любовью Анна Ахматова. 1922. осень». «Эвридики», отсылающие к другому мандельштамовскому стихотворению 1920 года о Петербурге из цикла «и все театральное» (С. 446) — тоже «заветная заметка». За мандельштамовской «голубкой Эвридикой» встают мадригалы десятых годов, вводившие Ахматову в поле «орфеевского мифа» — уже названное стихотворение Михаила Лозинского «Не забывшая» («Воскресшая») и стихотворение Георгия Адамовича «Так беспощаден вечный договор...».
- 126 Ср. крайне резкий отзыв Ахматовой об И. Оксенове в 1926 г. (Л2. С. 228). Иннокентий Александрович Оксенов (1897–1942) — поэт, критик, автор весьма уважительной рецензии 1922 года на переиздание «Четок» (*Pro et contra*. I. С. 379). Он писал об Ахматовой в ряде своих статей: «Взыскательный художник» (О творчестве современном и грядущем) // Новый журнал для всех. 1915. № 10. С. 42; Борьба за лирику // *НМ*. 1933. № 7–8. С. 403. Ср., например: «Очарованным кругом очерчена душа самого сладкоголового соловья нашей лирики — Анны Ахматовой. Поэту не переступить роковой черты, отделяющей его от мира. А в душе поэта один извечный мотив, — одна и та же мелодия, начавшись еще с “Вечера”, продолжилась в “Четках” и “Белой стае” и теперь звенит и плачет в сорванных листьях “Подорожника”. Это — огромная страстность, мучительно переживаемая — как подвиг, как крест. К образу поэта “Подорожник” не прибавляет ничего нового: место Ахматовой в пантеоне поэтов определилось давно. Интересно, однако, проследить, как отозвалась душа “монахини”-поэта (по слову Чуковского) на неизбежно последовавшее вторжение мира. Как ни пытался поэт ничего не знать и не ощущать, кроме самого себя, все-таки мир, ширясь и двигаясь, краем задел и его душу. И вот — “Теперь никто не станет слушать песен...” Увы — душа поэта не может вместить мира; отсюда и страх, что песни боль-

ше не нужны; отсюда и скептическая улыбка и неодолимый ужас: “Чем хуже этот век предшествующих? Разве...” Но пусть на Западе светит земное солнце: оно не нужно поэту, который и любовь знает, как “испытание железом и огнем”. И в другом месте мы читаем: “Ты — отступник: за остров зеленый...” Пусть для Ахматовой не страдающий человек на первом плане, а иконы, песни, сосны — миротворная, молитвенная, уходящая стихия. Ради нее поэт “простит” миру за свой нарушенный покой и пошлет гневные укоры “отступникам”. Наконец, на голос, звавший поэта “оставить свой край глухой и грешный”, Ахматова нашла достойный ответ: “Но равнодушно и спокойно...” И, право, большего от Ахматовой мы не можем требовать. Пусть она “пьет из своего стакана”. А мы, устав от бурь и громов, с большой радостью будем приходить в тихую обитель Ахматовой. Теперь прямой нам путь к ее антиподу — неистовому Маяковскому» (*Оксенов И.* Письма о современной поэзии // Книга и революция. 1921. № 12. С. 16). Ср. его вердикт о «самоутверждении не слитого с эпохой дооктябрьского человека, последним блестящим выражением которого явились книги Гумилева “Огненный столп” и Ахматовой “Anno Domini MCMXXI”» (*Оксенов И.* Литература десятилетия // Красная газета. Веч. вып. 1927. 6 ноября). Из новейшей литературы об И. Оксенове см.: *Корниенко Н.В.* «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 381–384; *Соболев А. Т.* 1. С. 300–312. Ср. также удивленная в его стихах ахматовская интонация, комическим образом предвосхищающая самое начало «Поэмы без героя»: «Иногда стихи Оксенова звучат совсем по-ахматовски: <...> А чтобы даже крошки не пропали, ты в кучку их заботливо мела...» (*Слонимский А.* Рец. на кн.: *Оксенов И.* Зажженная свеча // Книга и революция. 1922. № 4. (16). С. 42).

- 127 «У поэтов самых различных школ, направлений, темпераментов и т.д. могут встречаться сходные образы. Но, как известно, прием сам по себе, голый прием не характеризует поэта. Характерным является цель приема, его направленность, использование его. Коренные различия между поэтами проявляются именно в этом. Эти положения как нельзя лучше иллюстрируются следующим небольшим примером. У маститого акмеиста О. Мандельштама в книге стихов “Tristia” есть стихотворение “В Петербурге мы сойдемся снова”, где встречается образ “советская ночь” в следующем контексте:

В черном бархате советской ночи,
 В бархате всемирной пустоты,
 Все поют блаженных жен родные очи,
 Все цветут бессмертные цветы.
 Дикой кошкой горбится столица,
 На мосту патруль стоит,
 Только злой мотор во мгле промчится
 И кукушкой прокричит.
 Мне не надо пропуска ночного,
 Часовых я не боюсь:
 За блаженное, бессмысленное слово
 Я в ночи советской помолюсь.

У Тихонова в поэме “Красные на Араксе” мы видим опять “советскую ночь” — такую же или нет? Пусть сам поэт скажет:
 <...>

Так дышит снам Шахразады
 Советская ночь в лицо.

Вряд ли нужно подробно указывать, что “черный бархат советской ночи” у Мандельштама “чернее чумы”, и что у Тихонова нет ни “блаженных”, ни “бессмысленных” слов...» (Оксенов И. Николай Тихонов // *Зв.* 1925. № 5. С. 262). Интертекстуальная связь осознавалась самим Тихоновым — см. эпиграф «Советской ночи бархат черный» в посвященном Мандельштаму стихотворении «Почти на взморье дом Цирцеи...» с его финалом:

Советской ночи бледный Ганимед,
 Не над тобой ли крылья распростерла
 Слепая птица песен и побед
 С железным клювом и железным горлом?

(Тихонов Н. Из могилы стола. М., 2005 .С. 117).

Ср. надпись Б. Эйхенбаума на оттиске его статьи «Судьба Блока»: «Анне Андреевне Ахматовой от автора. 12 XI 1922. “В черном бархате советской ночи...”» (Коллекция П.Н. Лукицкого // ИРЛИ).

- 128 Накануне дня 70-летия Сталина Ахматова сказала Л. Шапориной: «“Я об одном мечтаю — умереть поскорей”, а я ей отвечала, что каждый день молюсь о том, чтобы дождаться рассвета. И верю, что дождусь» (Шапорина Л.В. С. 141).
- 129 Например, в стихотворении Роберта Рождественского, осужденном в отчете отдела культуры ЦК: «Ночь, молчи! / Все равно не перекричать / разрастающейся в полнеба зари. / За-молчи! / Будет утро тебе отвечать! / Будет утро с тобой гово-

рить / <...> / Мы хотим оглядеться и вспомнить теперь / Тех, кто песен своих не донес до утра. / Говоришь, что грязь не видна при тебе?! / Мы хотим ее видеть! / Слышишь? / Пора!» (Рождественский Р. Утро // Литературная Москва. М., 1956. С. 610–611). Писатель П.В. Жур говорил тогда: «Я вспоминаю стихи Рождественского и Ваншенкина в “Литературной Москве” о том, что стояла сплошная ночь и как нас, детей, в то утро обманули. Не было сплошной ночи, и об этом нужно говорить! Тот, кто пишет обратное, пишет неправду» (Золотосов М. С. 255). Сам автор рассказывал в 1993 году: «К диссидентам себя не причисляю: писал о том, во что верил, на меня не давили. Хотя хреновина с цензурой все же была. В начале 1950-х написал я стихотворение “Утро”, где писал, что люблю утро больше, чем ночь. Это стихотворение я прочитал по ТВ, тогда был только прямой эфир, и у какого-то чина был день рождения. Вот во время “поддачи” этот чин — говорят, это был Капитонов, первый секретарь МГК КПСС — его услышал. И сказал: “Что же, значит, мы жили ночью? Себя не щадили, с врагами боролись?” Образное мышление у него неплохо было развито... После этого на книжку мою бумаги не нашлось, в газеты перестали брать...» (Известия. 2009. 19 августа). Ср.: Соловьев Б. Смелость подлинная и мнимая // ЛГ. 1957. 14 января; Жабинский В. Просветы. Заметки о советской литературе 1956–57 гг. Мюнхен, 1958. С. 26–32.

130 Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 562.

131 У времени в плену. Интервью с А. Межировым // Юрмала. 1990. 13 сентября.

132 ЛЧ2. С. 274.

133 Сергей Васильевич Смирнов (1913–1993) писал «проникнутые патриотизмом стихи в духе социалистического реализма, псевдофилософские и тривиальные» (Казак В. С. 709), например:

И пока смердят сии природы,
И зовут на помощь вражью рать,
Дорогая наша диктатура,
Не спеши слабеть и отмирать!

134 Инбер В. Если поэты всего мира... // ЛГ. 1957. 24 декабря.

135 Ср. вариант 1963 года (С. 346); см. подробнее: Солонович Е. К истории двух стихотворений Ахматовой // ВЛ. 1994. № 5. С. 302–304.

136 Это сравнение впоследствии появилось в прощании Иосифа Бродского с маршалом: «Кончивший дни свои глухо, в опале,

как Велизарий или Помпей»; 4 ноября 1957 года Виктор Ардов зафиксировал эпиграмму:

Среди десятков разных дел
 Всех занимают лишь два дела:
 Г. Жуков — тот, что вниз слетел,
 И Жучка — та, что вверх взлетела

(РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 2. Ед.хр. 3. Л. 206). Жучка — собака Лайка, погибшая на космическом аппарате «Спутник-2» 3 ноября 1957 года.

Ср. запись от ноября 1953 года: «Анна Ахматова рассказывала мне, что сразу же после смерти Сталина вернули из ссылки певицу Русланову и ее мужа-генерала. Они были высланы за то, что вскоре после окончания войны устроили банкет в честь Жукова и она подняла тост за “Георгия Победоносца!”» (*Шапорина Л.В.* С. 241); ср. запись о разговоре с Ахматовой весной 1963 года в дневнике В.А. Сутугиной: «Она подтвердила <...>, что в войну самый замечательный наш полководец был Жуков, что ему в Берлине в 1945 г. был устроен триумф, и тогда Сталин, испугавшись его популярности, отозвал его и вообще снял. Зная, что Ахматова называет себя “хрущевкой”, я спросила, а почему же Хрущев тоже его снял за “культ личности”. Она помялась, а потом сказала: “Наверное, за то же, что и Сталин”. Т.е. тоже испугался его популярности» (ИРЛИ). Вера Александровна Сутугина-Кюнер (1892–1969) — бывшая секретарша издательства «Всемирная литература», знакомая Ахматовой с конца 1910-х. См. подробнее: *Ежегодник 1974.* С. 72–75. Наконец, вернувшись к надгробному слову Иосифа Бродского, укажем на непечатное стихотворение 1974 года: «Москва хоронит полководца / И он судьбы не обогнал...» (*Орлов В.* Дым от костра. Из семи книг лирики. 1923–1981 — РГАЛИ. Ф. 2833. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 691).

- 137 *Ростов А.* [Сигрист С.В.]. Советские поэты в Риме // Русское воскресение. 1957. 30 ноября; Сергей Викторович Сигрист (Гротов) (1897–1986) — правовед, в прошлом — профессор ЛГУ, затем деятельный сотрудник нацистской печати. См. о нем: *Лепехин М.П.* О первом эмигранте «второй волны» и о последнем эмигранте «первой волны» (Необходимые уточнения) // *Journal of Modern Russian History and Historiography.* 2011. № 4. С. 31–52.

- 138 Стихи об Италии: *Прокофьев А.* Равенна. Рим. Все оливы, оливы... *Заболоцкий Н.* Венеция. Случай на Большом канале // *ЛГ.* 1958. 18 января; Ахматова сказала по поводу стихов А. Про-

кофьева: «Что может быть проще оливы?» (ВАА. С. 619); ср.; «Недавно поэт побывал в Италии. Казалось бы, итальянская тема обязывала его к пересмотру своей поэтики. Но и в новых, приподнято звучащих стихах, вошедших в сборник “Яблоня над морем”, перед нами все тот же А. Прокофьев со всеми присущими его манере столь характерными и неповторимыми чертами» (Эльяшевич А. Залог вечной молодости // Литература и жизнь. 1959. 13 марта). Д. Поликарпов же отозвался о покойном Н. Заболоцком: «...очень хорошо вел себя в Италии и отлично выступал как общественник» (Чуковский К. Т. 13. С. 273).

- 139 См. подробнее: *Requiem*. С. 23–24. Приведем здесь только один характерный документ — присланный около 1930 года в парижскую газету «Последние новости» очерк, личность подписавшего который (И. Иоффе) нам не известна:

«Человек оттуда говорил о друзьях и знакомых медленным, равномерным голосом, и я чувствую, что постепенно поддаюсь ритму этого голоса и теряю настоящий смысл слов. “Осипа Яковлевича посадили. Катя снова разводится. Анна Павловна осталась без места с годовалым ребенком...” Как все это далеко-далеко: “посадили, снова разводится...” Кажется, кто-то рассказывает давно знакомую сказку, про которую больше не знаешь, небылица ли это или быль. А человек оттуда продолжает убаюкивающим равномерным голосом: “Аня очень постарела за последнее время и все, бедняжка, хворает”. И тут я чувствую, что мне мучительно, нестерпимо больно, и что вся сказка — ужаснейшая быль, из которой у меня в ушах жужжит только одна фраза: “Аня очень постарела за последнее время и все, бедняжка, хворает”.

И я вижу стройные, гулкие улицы, торцы, красные здания и женщину, идущую вдоль них. У женщины строгие, скорбные глаза, умный лоб и тонкие губы. Она идет, не останавливаясь, не оглядываясь, и только изредка подносит руку к груди и кашляет. Нехороший кашель у скорбной женщины, и давно он у нее! Я представляю себе, как сидит она у себя в комнате, без света, и как смотрит на знакомые книги, — книги и карточки, бесконечно горькими, лучистыми глазами.

Я боюсь, что она ест хлеб без масла, так как масло стоит шестнадцать рублей фунт. Я боюсь, что в эту зиму она снова наденет старую потертую шубку и будет еще больше кашлять на зимнем воздухе. Кто знает, быть может, она будет кашлять

и у себя в комнатах. Ведь нужно покупать дрова, торговаться, запасаться, устраиваться, а она так не умеет все это делать, ей так не нужно все это, что она, быть может, сидит у себя среди книг, — книг и карточек, и смотрит, как исчезает в воздухе дыхание.

Но страшнее всего мне становится, когда я пробую догадаться, понять, почувствовать, о чем думает длинными вечерами скорбная женщина. Об этом давно уже все забыли, там — оттого что не нужно очень много задумываться, здесь — оттого что не упомнишь всего. Но никто, никто кроме Георгия Иванова, не вспомнил за последние годы, что Ахматова ничего не пишет. В этом есть какой-то беспросветный ужас, в том, что Анна Ахматова ходит по улицам, ездит в трамвае, разговаривает с людьми и... не пишет.

По стройным, гулким улицам, по торцам, вдоль красных зданий ходят люди в кепках и с портфелями. Они проводят пятилетку в порядке социалистического соревнования, устраивают колхозы, борются за диктатуру пролетариата. Тихая женщина смотрит на них скорбными, строгими глазами. Они расстреляли ее мужа и уничтожили все святое, все прекрасное, что у нее было на свете. Она ходит среди них, среди диаграмм и таблиц новых пролетарских достижений, среди сообщений о казнях и ссылках — и молчит.

Кому нужны ее стихи, нежные и прекрасные, мечтательные, как дымка, грустные, как она?

Великий поэт Маяковский, рекламировавший на трамваях в стихах Моссельпром, рифмовавший самые циничные ругательства. Великий поэт Уткин, пробуждающий классовое сознание. Великие поэты все те, кто помогает проводить ленинскую линию, кто укрепляет социалистическое хозяйство, кто готовит мировую революцию. Чем поможет мировой революции тихая, скорбная женщина? Она писала о любви, но любовь придумали мещане, и в жизни есть одно половое сближение. Она писала о Боге, но Бога придумали попы, и религия — опий для народа. Она писала о тоске своей, но тоска — отрывка гнилого буржуазного быта. Ахматова уступила место Уткину.

Я помню, как на похоронах Блока кто-то сказал: “А ведь мы, господа, хороним сейчас русскую поэзию!” Этот человек и не знал, что будет пророком. Гумилев погиб оттого, что пробовал бороться. Блок погиб оттого, что не смог вырваться. Ахматова ничего больше не пишет.

И самая тяжелая доля выпала ей, одинокой, больной женщине с лучистыми, скорбными глазами» (Гуверовский архив).

См. также в стихах:

Анна, Анна, пленная сестра!
Губы сжатые так скорбно-четки,
В зарево несытое костра
Падают разорванные четки.

Дымным пологом взметнулась даль
И на пажитях Господня Лета
Тихая, бессонная печаль
Черной нищенкой бредет одета.

Анна, Анна, голос дорогой,
Белой стаей в песне не взовьется,
Но лежит на сердце камень твой,
Белый камень в глубине колодца.

(Журавская Е. Анна Ахматова. // РМ. 1951. 18 мая).

Или: «...в хамской упрощенности мира “без черемухи” этой поэтессе голубой крови делать было нечего. Она замолчала, ушла в частную жизнь, глубоко страдальческую, почти нищенскую...» (Кадашев В. История русской литературы. (Рукопись, 1930-е — Библиотека Лилли. Индианский университет, Блумингтон).

- 140 Анализ «Седьмой элегии» см.: *Harrington, Alexandra K. Reading between the Lines: «... a Ia Molchu», Akhmatova's Silent-Speaking Elegy // The Modern Language Review. Vol. 102. 2007. P. 793–809; Döring J.R. Todesspuren Anna Achmatovas*

«Sed'maja ili Poslednjaja Leningradskaja / Severnaja elegija» // *Wiener Slawistischer Almanach. № 60. 2007. S. 311–334.*

- 141 Очевидны аналогии с ситуацией 1946 года; ср., например: «Могли раздаваться и раздавались голоса, что сомнение Сократа в истинности божеских мифов препятствует возрождению прежней безотчетной веры в богов, что его ссылки на свой демоний подрывают веру в мантику; рассуждения Сократа о справедливости и несправедливости, о добре и зле смущают только нравственное чувство народа; требование относиться с полным сознанием, основанным на доводах разума, к своим действиям подрывает силу авторитета, особенно родительского авторитета, а потому колеблет основы государственной и семейной жизни; наконец, исключительная преданность науке

и знанию отвлекает молодежь от продуктивной практической деятельности и приучает ее к ничегонеделанью, к небрежению обязанностями гражданина. Так, или примерно так, смотрели реакционеры на деятельность Сократа» (*Жебелев С.А. Сократ. Берлин; Пб.; М., 1923. С. 145–146*). В справке МГБ, полученной Ждановым, эта молодежь даже была названа по имени: «Имя Ахматовой, окруженное ореолом “гонимой и непризнанной”, вызывает значительный интерес к ней со стороны литературной молодежи, вышедшей, главным образом, из семей старой интеллигенции и тенденциозно настроенной к советской действительности. Один из таких почитателей Ахматовой — студент института им. Герцена — ИОФФЕ, 1921 года рождения, заявил: “Ахматова — это единственный поэт, которого я признаю в настоящем. Смешно говорить о подлинной поэзии, упоминая имена Прокофьева, Дудина, Берггольц. Это словесная трепалогия, обличенная в худую форму с ‘идейной’ краской. Близка мне одна Ахматова. Я знаю, что стихи мои не смогут быть напечатаны. Я пишу много о смерти. Для меня нет героики, есть вынужденность, нет патриотизма. Сегодняшних кумиров я не приемлю”. Интересно, что Ахматова о беседе с ИОФФЕ, пришедшим к ней на поклон, говорила: “Он — имя собственное, и серьезно. Я ему сказала, что смерти нет. Я верую. А потому не верю в смерть. Для неверующих — это парадокс, для меня — вывод”».

- 142 *Серман И.* Рец. на кн.: Рождественский В. Ладога. Л., 1945 // Ленинград, 1946. № 1–2. С. 47. Следующий сборник В.А. Рождественского был уничтожен Главлитом на стадии сигнального экземпляра: «Значительная часть стихотворений в этом сборнике проникнута духом ахматовщины» (*Блюм А.В. Запрещенные книги русских писателей и литературоведов 1917–1991: Индекс советской цензуры с комментариями. СПб., 2004. С. 155*).
- 143 О цитатных слоях стихотворения «В пионерлагере», посвященного Ане Каминской, дед которой сидел тогда в концлагере, а считавшийся пропавшим без вести отец тоже был репрессирован, см.: *Аникин А.Е. С. 366–367*.
- 144 *Панков В.* Главный герой // *Зн.* 1958. № 5. С. 184–187; Виктор Ксенофонтович Панков (1920–1975) — плодовитый критик без отчетливо выраженной индивидуальности.
- 145 Николай Николаевич Асеев (1889–1963) написал мадригал в альбом Ахматовой после их знакомства на вечере «Русского современника» 17 апреля 1924 года (*Лз. С. 323*): «Не враг

я тебе, не враг...» (Альбом. С. 47; опубликовано впервые: АР. 1966. 16 сентября). Ср.: «Я — виновница лучших стихов Асеева и худшей строчки Блока: “Красный розан в волосах”» (ЛЧЗ. С. 59). Риторика зачина вытекала из принадлежности Н. Асеева к враждебному «лефовскому» стану и подразумевавшейся этим антиахматовской позиции. См., например, в его статье 1924 года «Советская поэзия за шесть лет»: «Совершенно сошли на нет т.н. интимисты: Ахматова и ее эпигоны. Очевидно, модная одно время «романсная» традиция гложет вместе с однозначными с ней песенками из Изы Кремер» (ВЛ. 1967. № 10. С. 182). Ср. также его рассуждения о поэтике, несовместимой с «сегодняшним днем»: «Гумилев, Ахматова, Бунин, Бальмонт — далеко не в силу только своих социальных симпатий — частью замолчали, частью отвергли сегодняшний день» (Асеев Н. Работа над стихом. Л., 1929. С. 62).

Н. Асеев называл «на монашествовавшую похожую Ахматову» в числе посетителей своей квартиры, наряду с «нервически гордым Мандельштамом» и «огнеглазым Пастернаком» (Асеев Н. Проза поэта. М., 1930. С. 77). А в поездке в Москву весной 1926 года «А. А. Асеева в Москве не видела и сожалела об этом» (Лз. С. 58). В ждановские дни он внес скромную лепту: «Ну, а был разговор о разнице вкусов у Тихонова с Ахматовой? Об этом мы не слышали» (ЛГ. 1946. 7 сентября). В 1964 году Ахматова сказала: «Я слышала о нем только дурное» (Лесневский С. «...Известный профиль с гордо занесенной головой» // ЛГ. 1996. 14 августа).

- 146 О дружбе, начиная с 1927 года, с Самуилом Яковлевичем Маршаком (1887–1964) см.: *Летопись* (по указателю); см. также надпись на его фотопортрете: «Дорогой Анне Андреевне Ахматовой от неизменного ее друга и почитателя С. Маршак 27-X-1960 г. Москва» (РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Ед.хр. 698).
- 147 «Удивительно, как привязаны наши поэты к этому прошлому! Уж, кажется, и Содом оно, и мерзость, а все не могут никак удержаться, чтоб не обернуться к нему, не застыть в окаменелом восторге!» (Лешнев А. Среди журналов // Красная новь. 1924. № 4. С. 306); «Жена Лота, как известно, жестоко поплатилась за эту привязанность к прогнившему миру: она превратилась в соляный столб. <...> Можно ли желать более откровенного и недвусмысленного признания в органической связанности с погибшим старым миром? Можно ли желать еще более отчетливого доказательства глубочайшей нутряной антиреволюци-

онности Ахматовой? <... > Появление в журнале контрреволюционных по существу произведений — отнюдь не случайность. Значительная часть сотрудников “Русского Современника” — дети старого мира, у которых — “все в прошлом”, которые только живут мечтами об этом старом мире. Недаром во втором своем стихотворении Ахматова с таким пафосом повествует о фантастической пирушке пяти лежащих в земле джентльменов и лэди. Воистину стихи Сологуба и Ахматовой и рассказ Замятина, это — заздравные тосты на вечеринке мертвецов» (Лелевич Г. Несовременный «Современник» // Большевик. 1924. № 5–6. С. 146; второе стихотворение Ахматовой — «Новогодняя баллада»). «Ага: оглянулась! — вы видели?» — Лелевич торжествует... Дорогие читатели, если сзади вас гудит грузовик, гибнет Содом, свистит милиционер, — не оглядывайтесь назад, иначе Лелевич тотчас же запишет в свой листок то же самое, что записал он о бедной жене Лота: “Жена Лота, как известно, жестоко поплатилась за эту привязанность к прогнившему миру”. А затем процитирует четыре строчки Ахматовой и из этих строк, в полном согласии с Положением об усиленной армянской логике, сделает вывод: “Можно ли желать еще более отчетливого доказательства глубочайшей нутряной антиреволюционности Ахматовой?”» (Замятин Е. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания / Сост. и комм. А.Ю. Галушкина. М., 1999. С. 125–126). О стих. «Лотова жена» см. нашу заметку: *Quadrivium*. К 70-летию проф. В.А. Москвича. Иерусалим, 2006. С. 215–224.

- 148 «Еще в 1924 году Ахматова собрала на свой вечер в Москве полную аудиторию “советских барышень”. Можем ли мы винить ее за то, что с ходом революции этот социальный тип намечен был к сокращению <...> Такие социальные кастраты с неразвившимся или выхолощенным чувством современности населяют еще и наши дни, и это они упоенно перебирают ахматовские “Четки”, окружая писательницу сектантским поклонением. Но у языка современности нет общих корней с тем, на котором говорит Ахматова. Новые живые люди остаются и останутся холодными и бессердечными к стенаниям женщины, запоздавшей родиться или не сумевшей вовремя умереть, да и самое горькое ее страдание сочтут непонятной прихотью» (Перцов В. По литературным водоразделам. 1. Затишье // Жизнь искусства. 1925. № 43. С. 5; *Pro et contra*. 1. С. 695–696). Ср. также: «Как все-таки могло случиться, что ленинградские журналы выдви-

нули после войны Ахматову едва ли не на первое место среди ленинградских поэтов? По-видимому, руководители журналов “Звезда” и “Ленинград” решили, что после войны поэзия освобождена от боевых общественных задач» (*Перцов В.* Русская поэзия в 1946 году // *НМ.* 1947. № 3. С. 173).

Ср. наконец: «Прошли десятилетия. Наступила Великая Отечественная война. Ахматова явила нам образец высокого благородства советского гражданина, пример служения Родине всем своим творческим поведением, всем своим углубленным мастерством. В совсем иную историческую эпоху, после Маяковского, А. Ахматова сумела передать в своих стихах сокровенное чувство к Родине-матери, недоступное роковой обиде:

Нет, и не под чуждым небосводом
И не под защитой чуждых крыл,—
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Закон эстетического переживания, оказывается, имеет обратную силу. Анна Ахматова вошла в советскую литературу, и даже ее ранние книги теперь не чужие для нас» (*Перцов В.* История и современность в поэзии // Москва. 1967. № 1. С. 194).

149 По появлению его рецензии на сборник «Из шести книг» (*ЛГ.* 1940. 10 июля; *Pro et contra.* 1. С. 730–732) Пастернак писал Ахматовой: «Тон Перцова возмутил нас всех, но тут думают (между прочим Толстой), что кто-нибудь из настоящих писателей должен написать о Вас в журнале, а не в газете». Одной из попыток найти верный тон (но, конечно, не без приличествовавших времени оговорок) была рецензия Арона Гурштейна, оставшаяся неопубликованной и сохранившаяся в черновике (правку не воспроизводим):

«Менее трех десятков новых стихотворений содержит вышедшая недавно новая книга стихотворений Анны Ахматовой, в которой собраны и стихи из всех ее книг. Несмотря на такое незначительное число новых стихотворений, мы можем говорить о каких-то значительных переменах в ее поэзии. Перемены эти прежде всего обозначаются в фактуре стиха, приобретшего более строгие очертания и зазвучавшего с большей простотой. Воспоминание о Пушкине неотступно витает над новыми стихами Ахматовой, которая не только обращается у пушкинским метрам, но охотно заимствует у Пушкина отдельные словесные сочетания или же создает свои параллелизмы к пушкинским.

Пушкин писал: “Я говорю: промчатся годы”. Как воспомина-
ние о пушкинских ямбах звучит ахматовский стих: “Я говорю:
“Твое несу я бремя...”. Мы все помним знаменитые секстины
пушкинской “Песни о Вещем Олеге”:

Правдив и свободен их вещей язык
И с волей небесною дружен.

Сохраняя не только амфибрахический ход стиха, но и стро-
фическое его строение, Ахматова создает полный ритмико-
синтаксический параллелизм:

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома...

Когда Ахматова рассказывает о рождении стиха из хаоса
звуков, пишет

Так вокруг него непоправимо тихо,
Что слышно, как в лесу растет трава...

мы невольно вспоминаем пушкинские ямбы о “дольней лозы
прозябани” также в стихотворении, посвященном теме ста-
новления поэта.

И когда, наконец, в очень редких случаях Ахматова прибе-
гает к хореическому стиху:

Только... ночью слышу скрипы.
Что там — в сумраках чужих?
Шереметевские липы...
Переключка домовых..,

то в ахматовской хореической переключке домовых, безуслов-
но, слышатся отзвуки хореев из пушкинских “Бесов”:

Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?

Но речь идет не об отдельных ритмико-метрических или
лексико-синтаксических реминисценциях из Пушкина, а о
чем-то более важном: о сознательно поэтическом стремлении
к тому простому, почти “разговорному”, а вместе с тем стро-
гому и в своей сути торжественно-значительному лирическо-
му рассказу, который так характерен для зрелого Пушкина,
для таких его пьес, как “На холмах Грузии”, “Я вас любил” и др.
“Разговорная” речь не была чужда и ранней поэзии Ахматовой,
но то чаще всего была нервическая и обрывочная скороговор-
ка. Сейчас же во внешней медлительности и размеренности ее
речи нашло отражение глубокое раздумье поэта, отразилась
глубокая внутренняя перемена.

Анна Ахматова пришла в литературу после Александра Блока, и стихи Ахматовой глубоко впитали в себя звучание его поэзии. Недаром Ахматова писала о Блоке:

У него глаза такие,
 Что запомнить каждый должен;
 Мне же лучше, осторожной,
 В них и вовсе не глядеть.

Но странное дело: в то время, как Блок, величайший русский поэт предреволюционной поры, видел пред собой широкие исторические горизонты, его взору предносились перспективы страны и революции, и сама поэзия представлялась ему как звено в широко охватывающей культуре мысли и человеческого дела, многие его последователи унаследовали от него лишь одну сторону его поэзии: боль и глубокую остроту его лирического переживания. К таким последователям Блока относилась и Анна Ахматова. Несмотря на то, что она пришла в поэзию после Блока, она принесла с собой лишь проблему глубоко личного, только личного — и даже еще уже: глубоко женского, “только женского”. Сквозь всю раннюю поэзию Ахматовой проходит образ трагически заломившей руки женщины, для которой эрос является постоянным источником страданий и боли:

Сжала руки под темной вуалью...

Любовная песня неизменно превращалась для нее в «песню последней встречи». Стихи были наполнены глубочайшей печалью:

Во мне печаль, которой царь Давид
 По-царски одарил тысячелетья.

Среди примет обетованной страны была “всего неременней полынь”. Любовь ложилась на жизнь “камнем надгробным”. Даже образ весны сочетался с образом ранней смерти. Призрак смерти шел по пятам, и часто самой хотелось броситься ей навстречу:

Не гони меня туда,
 Где под душным сводом моста
 Стынет грязная вода.

Таков был общий колорит ахматовской поэзии, в целом превращавшейся в печальную повесть о женской любви. Сила поэтического выражения сообщала силу обобщения этой повести. Но повесть не поднималась до проблемы женской судьбы, как это мы видим, например, позднее в стихах Пастернака, который писал:

...с малых лет
Я ранен женской долей.

Об этой “женской доле” Пастернак рассказал впоследствии в своей автобиографической “Повести”, в изображении женской судьбы мгновеньями возвышаясь до печали Достоевского.

Ранняя повесть Ахматовой о трагической любви при всей своей значительности все же оставалась повестью по преимуществу о личной судьбе. И недаром Ахматовой приходилось испытывать на себе

...осуждающие взоры
Спокойных, загорелых баб.

На новых стихах Ахматовой, вошедших в ее последнюю книгу, лежит печать нового времени. То ворвется оно, это новое время, неожиданной для Ахматовой, которая и сейчас не забыла про традиционный “образок”, метафорой:

Было солнце таким, как вошедший в столицу мятежник...

А то оно, это новое время, еще явственней скажется уже не робкой метафорой, а целой поэтической формулой в стихах о молодом Маяковском:

Одинок и часто недоволен,
С нетерпеньем торопил судьбу,
Знал, что скоро выйдешь весел, волен
На свою великую борьбу.

И в этих же стихах о Маяковском встает у Ахматовой образ страны, бережно хранящей имя поэта, образ страны как обретенной родины. Но таких непосредственных откликов на наше новое время у Ахматовой очень мало. Воздействие нового времени надобно здесь искать преимущественно в том новом, углубленном чувстве трагического, которое часто проникает в новые стихи Ахматовой. Перед нами уже не женщина, которая заламывает муки от мучительной любви. Здесь значительно развернуты пределы ахматовского стиха. И если не перспектива будущего, то какое-то веяние историчности — хотя бы в форме какого-то итога прошедших исторических эпох — ощущается в новой книге Ахматовой. На одно мгновение даже блеснут — почти по-блоковски — зарницы “шестнадцатого года”:

Окопы, окопы, —
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,

Где в облаке дыма
Горят города...

В ранних стихах Ахматовой жила трогательная смуглянка Муза — у ней, как рассказывает сама Ахматова, “смуглые ноги”, “смуглая рука”. Ахматова тогда писала:

И Муза в дырявом платке
Протяжно поет и уныло.
В жестокой и юной тоске
Ее чудотворная сила.

Сейчас Ахматова узнала посещение трагической Музы:

Когда я ночью жду ее прихода,
Жизнь, кажется, висит на волоске.
Что почести, что юность, что свобода
Пред милой гостьей с дудочкой в руке.
И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: “Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?” Отвечает: “Я”.

И вот Ахматова пошла собирать крупницы трагического в нашей поэтической памяти. Ахматова создает ряд замечательных по своей лаконичности и своей лирической содержательности крохотных “«исторических новелл” в стихах. Такова, например, двенадцатистрочная новелла об изгнании Данте, который

и после смерти не вернулся
В старую Флоренцию свою.

Ахматова воскрешает перед нами образ великого и непреклонного изгнанника, которого Пушкин называл “суровым Дантом” и о котором исторический новеллист уже недавнего времени (Конрад Фердинанд Мейер) писал в следующих выражениях: “человек с важной осанкой, величественными чертами лица и в длинной одежде, словно явившийся из иного мира”.

В других стихотворениях Ахматова дает прекрасное переосмысление библейских мотивов. Замечательно по своей интерпретации стихотворение о Лотовой жене. Это опять лирическая “новелла” в 16 строк. Лоту, “огромному и светлому” праведнику, отрешенному от земли, противопоставляется здесь его жена, простая и обыкновенная женщина, земной и человеческой любовью привязанная к “грешной земле”, к “родному Содому”. Она не могла не переступить запрет бога и не взглянуть в последний раз —

На красные башни родного Содома,
 На площадь, где пела, на двор, где пряла,
 На окна пустые высокого дома,
 Где милому мужу детей родила.

За свое слушание Лотова жена заплатила жизнью. И Ахматова, подслушав незатейливую историю далекой библейской жены, не может забыть о ней, потому что и здесь заключена крупница трагического:

Лишь сердце мое никогда не забудет
 Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

В поисках этих крупниц трагического Ахматова в другом стихотворении обращается к образу Клеопатры, взяв эпиграфом стихи двух великих поэтов, которые посвящали Клеопатре свое вдохновение, — Шекспира и Пушкина. Образ Клеопатры у Ахматовой неожиданно оживляется какой-то близкой человечностью благодаря тому, что Ахматова вдруг начинает говорить “языком простых, загорелых баб” с тверской земли, которые некогда посылали ей “осуждающие взоры”. Клеопатре остались последние мгновенья жизни:

А завтра детей закуют. О, как мало осталось
 Ей дела на свете — еще с мужиком пошутить
 И черную змейку, как будто прощальную жалость,
 На смуглую грудь равнодушной рукой положить.

Мы видим, что многие свои мотивы Ахматова сейчас строит на книжных, литературных реминисценциях и ассоциациях. Раньше эти реминисценции и ассоциации занимали гораздо меньшее место в поэзии Ахматовой. Но они не только не лишают поэтическое чувство Ахматовой его “первичности”, но как-то его еще цементируют и сгущают. В этом отношении особенно характерно навеянное Кавказом прекрасное стихотворение Ахматовой о встрече с Демоном:

Здесь Пушкина изгнанье началось
 И Лермонтова кончилось изгнанье.
 Здесь горных трав легко благоуханье,
 И только раз мне видеть удалось
 У озера, в густой тени чинары,
 В тот предвечерний и жестокий час—
 Сияние неутоленных глаз
 Бессмертного любовника Тамары.

Стихотворение пронизано характерным для нынешней Ахматовой чувством лирической историчности, которая, с одной

стороны, дает всегда содержательное и яркое поэтическое толкование какому-нибудь историческому явлению культуры, а с другой — через это явление освещает собственное душевное состояние поэта и ставит собственное его лирическое переживание в длинный и преемственный ряд человеческих поколений... В таких стихотворениях Ахматовой понятие культуры — опять-таки почти по-блоковски — наполняется большим содержанием. В своих новых стихах Ахматова часто возвращается к теме становления стиха, к тому прекрасному мгновению в жизни поэта, когда он — по словам Ахматовой — “начинает понимать” рождающийся в его сознании стих. Что-то блоковское звучит в этих стихах Ахматовой о рождении поэзии. Это значит, что в своей новой книге Ахматова окольными путями и дорогами, через Пушкина и отчасти через Тютчева возвращается к своему учителю Блоку и становится к нему ближе, нежели она когда-либо к нему стояла. Ахматовой удалось сейчас сократить отделявшее ее от Блока расстояние. В этом большое значение новых стихов Ахматовой.

Но ретроспекция остается существенной чертой нынешнего этапа в поэзии Ахматовой. Не перспектива, а ретроспекция. В этом смысле очень любопытно композиционное строение новой книги Ахматовой. Ее прежние книги расположены здесь не в обычном хронологическом порядке, от более ранней книги к более поздней, а наоборот — хронология идет здесь вспять...

Пушкин когда-то при виде “младой роци”, которая разрослась около устарелых корней деревьев, некогда бывших свидетелями его прошедшей молодости, радостно и с надеждой приветствовал “младое, незнакомое” племя. Ахматовой не хватает этого большого чувства. Не стало любимой серой ивы, которая сопутствовала жизни поэта, и сейчас

...чужими голосами

Другие ивы что-то говорят

Ахматова росла на заре нынешнего столетия

...росла в узорной тишине,

В прохладной детской молодого века...

Нам дорого и нас волнует драгоценное поэтическое мастерство Анны Ахматовой.

Но как жаль, что молодость ее, что те годы, когда формируется человек и расцветает его сознание, не совпали с прекрасными годами нашего неповторимого времени» (РГАЛИ. Ф. 2270. Оп. 1. Ед.хр. 45. Л. 29–37; Арон Шефтелевич Гурштейн

(1895–1941) — историк еврейской и русской литературы, погибший в московском ополчении; см. о нем: *Жданов В.В.* А. Гурштейн и его критические работы // *Гурштейн А.* Избранные статьи. М, 1959. С. 215–247.

- 150 Легенда о заступничестве Светланы Сталиной не раз излагалась в эмиграции — см., например: «Светлана очень искала общества сверстниц, жалуясь на одиночество и скуку своей жизни. “Вчера, — как-то жаловалась она, — справляли мое рождение. Было очень скучно: только Молотов, Ворошилов, Каганович и папа”.. Общие отзывы всех, кому привелось с нею встречаться, скорее теплые. С ее именем во всяком случае связывают одно действительно хорошее дело. Оказывается, от кого-то из своих сверстниц она услышала стихи Ахматовой, которые ей так понравились, что она “так пристала к папе”, что тот махнул рукой и разрешил издание сборника стихотворений Ахматовой. Сборник этот разошелся в 2–3 дня, — так что когда соответствующие инстанции подняли тревогу и надели на Сталина, то в продаже уже ничего не осталось. Сборник этот так и называют: “папин подарок Светлане” (*И. [Николаевский Б.И.]* Из литературно-театральной хроники Москвы (сводка по письмам) // Социалистический вестник (Нью-Йорк). 1946. 15 февраля. С. 47). Ср. также: «О Светлане в первый раз я услышала, когда ей могло быть 14–15 лет. Кузина-москвичка, приехав к нам в провинцию в отпуск, рассказала московские слухи: “Таких-то писателей и поэтов расстреляли. А Ахматову нет, говорят, что Светлана, дочь Сталина, просила за нее отца. Она любит ее стихотворения. Даже будто бы переиздадут некоторые стихи”. Так я узнала, что у Сталина есть дочь с нежным именем из Жуковского “Светлана”. (Про существование других детей узнала только за границей.) И эта Светлана добрая, она заступилась за мою любимую Анну Ахматову. Было ли все это правдой?» (*Старицкая М.* Еще о Светлане // *Возрождение.* 1968. № 193. С. 126). «О литературных вкусах товарища Сталина спорить не приходилось. Но когда в те же годы, после десятилетий молчания был выпущен сборник Анны Ахматовой, мы ахнули опять. В Москве эта книжка называлась “папин подарок Светлане”» (*Александров Г. [Глинка Г.А. ?]* Москва, тридцатые годы // *НРС.* 1961. 13 апреля). Ср. еще одну фиксацию этой былички со слов преподавательницы немецкого языка: «Она рассказывала, что преподавала немецкий Светлане Сталиной-Аллилуевой. Что во время уроков, бывало, заходил в комнату сам Иосиф Вис-

сарионович, ложился в сапогах на постель и начинал разговор с дочерью. Увидев машинописную рукопись стихов Анны Ахматовой, которую читала Светлана, Сталин спросил, что это такое. Светлана объяснила. А почему рукопись, а не книга? Светлана сказала, что книга запрещена. Иосиф Виссарионович удивился или сделал вид, что удивился, и в результате вдруг Ахматову стали печатать» (*Горбунов-Посадов М.И.* Воспоминания. М., 2008. С. 151). О Светлане Иосифовне Аллилуевой-Петерс (1926–2011) см. нашу справку: *Как в прошедшем грядущее зреет*. С. 299–302.

Помимо Светланы фантастические слухи объявляли пособниками выхода книги Алису Коонен и Всеволода Вишневского (*Завалишин В.* Анна Ахматова // *НРС*. 1952. 27 апреля; *Zavalishin, Vyacheslav.* Early Soviet Writers. New York, 1958. P. 49). Отсюда этот слух перекочевал на обложку одного немецкого сборника (*Эткинд Е.* «...Как Феникс из пепла». Поэзия Анны Ахматовой на Западе. Германия и Франция // *Иностранная литература*. 1989. № 6. С. 227). Ср. о Вячеславе Завалишине: «...поэт и литературный критик, страшный фантазер, как потом выяснилось — он фантазировал на все темы, на советские, литературные, критические» (*Андреев Н.Е.* То, что вспоминается. Т. 2. Таллинн, 1996. С. 173). В цитируемой статье В. Завалишина содержатся как заведомое вранье (например, что он помогал Ахматовой отправлять посылки сыну в концлагерь в Красноярск), так и где-то слышанный и подредактированный звон (например, что Ахматова, мол, говорила сыну о Маяковском, что тот от своей тоски бежал в политику, а она — в православную церковь, что иконам одинаково кланялись Михаил Романов и Разин и т.д.), но при этом впервые по памяти было процитировано последнее четверостишие из «Реквиема» — из «Уводили тебя на рассвете». О нем см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 653.

- 151 Так, влиятельный американский публицист, друг Исаяи Берлина, Джозеф Олсоп писал: «Стороннего наблюдателя ничто не может привести в недоумение больше, чем скандал, поднявшийся в Москве из-за Нобелевской премии Бориса Пастернака. Перед нами мирный, работающий и благородный человек, являющийся при этом одним из двух подлинных российских поэтов. (Другая, которая тоже может пострадать из-за опасного награждения Пастернака, — Анна Ахматова)» (*Alsop, Joseph.* Red Writers Loudest Against Nobel Winner: Sour Grapes Attitude

Seems to Prevail Among Pasternak's Fellows // The Appleton Post-Crescent. November 5, 1958). Кажется, смутная память о ждановских трудах сбита с толку дежурного чекиста: «В первые годы Советской власти Пастернак примыкал к литературной группе акмеистов» (Записка Комитета госбезопасности при СМ СССР о материалах «в отношении писателя Пастернака Б.Л.». 18 февраля 1959 г. // Источник. 1993. № 4. С. 107).

- 152 *Роскина Н. С.* 24. Ср. запись слов А.А. Тарковского: «Ахматова мне рассказывала, что в ту пору Пастернак сделал ей предложение. Неожиданно. Хотя это было, очевидно, не первое предложение. Ахматова говорила: “Я отказала Борису”. А потом, когда разразилась эта гроза с его Нобелевской премией, думала: “Вот была бы парочка — баран, да ярочка!”» (*Синельников М.* Там, где сочиняют сны // *Зн.* 2002. № 7. С. 153). Молва продолжала их сплетать и после смерти обоих. Болгарский поэт взял эпиграфом к своим стихам:

*В середине двадцатого века
На костер возвели человека...*

Ахматова

Изрече тъй за своя брат-приятел
Ахматова. Але не стана Пастернак...

(*Божилов Б.* Три стихотворения за Ахматова // Литературен форум. 1991. 27 ноября — 3 декабря). Цитируемые строчки, меж тем, написал Глеб Горбовский. «Анна Ахматова, прочитавшая в Комарово эти стихи, была ими недовольна: “Костра — не было!”» (*Королева Н.* Наш учитель поэт Глеб Семенов // *Зв.* 2008. № 5. С. 220).

- 153 Воспоминания З.Б. Томашевской // *ОАА.* С. 435. За несколько дней до того происходил разговор с В.Г. Адмони, Т.И. Сильман и П.М. Карпом. Последний вспоминает: «...мой скепсис по поводу то и дело сулимого и ожидаемого либерализма был вроде ей по душе» (*Карп П.* Единственный взгляд // Книжное обозрение. 1989. 9 июня).
- 154 *Ольшанская Е.* Поэзии родные имена. Киев, 1995. С. 157–158. Ср.: «Мы были на нескольких спектаклях [Еврейского театра] с Ахматовой, она гордилась, что понимает текст, и хвалила Михоэлса, но все же упорно козыряла против него [М.А.] Чеховым» (*Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 262). О фотопортрете Ахматовой работы М. Наппельбаума см.: *Golz, Christine.* Marginalien eines Fotografen oder wie Moisej Nappel'baum Literaturgeschichte schrieb // *Zeitschrift für Slawistik* 51 (2006). S. 425–427.

- 155 *Калугин О. С.* 78–79.
- 156 См. об авторе письма Романе Николаевиче Гринберге (1893–1969): «У Романа Николаевича было одновременно много и от барина, и от богемы. И был у него очень большой личный шарм, который сразу к себе располагал. <...> Ушел обаятельный человек, представитель старой русской, очень изысканной культуры. Воздушными, неведомыми путями ушел он в лучший мир» (*Седых А.* Памяти Р.Н. Гринберга // *НПС.* 1969. 27 декабря). «Чутье и вкус Р.Н. давали себя знать повсюду» (*Адамович Г.* Р.Н. Гринберг // *ПМ.* 1970. 22 января). В связи с Маяковским он вспоминал, что тот вроде бы рассказывал ему после беседы с Троцким в 1922 году, что на вопрос наркомвоена, правильно ли тот изложил слова поэта, Маяковский ответил: «Первый блин — наркомом» (*Blake P.* *The Two Deaths of Vladimir Mayakovsky // Encounter.* 1960. Vol. XV. № 2. P. 58). Исая Берлин отказался участвовать в альманахе и предостерег о возможности принести этим подношением неприятности Пастернаку, — как он поступал и в случаях эмигрантских затей, связанных с Ахматовой. Р. Гринберг возражал: «Он не может быть этим задет: ведь он стал (в некотором смысле) мировым именем. Я обдумал то, что Вы говорите о “петле”, и не думаю, чтобы это было так <...> Действительно, познакомил нас Борис Иванович [Николаевский]. После какого-то собрания (не читал ли в этот вечер Набоков?) мы все сидели в кафе и слушали Ваш рассказ о Вашей поездке в Сов <етскую> Россию и о Ваших встречах с Ахматовой и все с тем же Пастернаком. Это было давным-давно».
- 157 *Победа.* С. 70. За спиной редактора книги Л.О. Белова был громкий скандал и строгий выговор за издание сочинений Демьяна Бедного в 1952-м, когда выяснилось, что «ряд стихов поэта напечатан с искажением политического смысла» (Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК — ОГПУ — НКВД о культурной политике: 1917–1953 гг. М., 1999. С. 675), и когда сам М.А. Суслов в ЦК назвал его дураком (*Бабореко А.К.* Дороги и звоны. Воспоминания. Письма. М., 1993. С. 42).
- 158 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 8. Ед.хр. 434. Л. 59, 65.
- 159 Бренда Трипп, представитель Британского Совета в СССР, находившаяся в ноябре 1945 года вместе с Берлином в Ленинграде, в недатированном письме к нему писала, видимо, об этом сборнике: «Видели ли Вы маленькое избранное стихов Ахматовой, опубликованное месяцев шесть назад? Оно содержит

чрезвычайно интересное стихотворение, написанное, я полагаю, в те три дня, которые Вы и я провели в Ленинграде в 1945 году». Речь, видимо, шла о стихотворении «Знаешь сам, что не стану славить...» из цикла «Cinque». Год спустя Ю. Терапиано писал о сборнике: «...дореволюционные стихи А. Ахматовой подобраны небрежно, вроде как с неохотой, лучшие стихи из ее прежних книг забыты, не включены, заменены иногда менее ценными. Второй отдел — стихи послереволюционного времени, тоже очень неполон. Тут нет опять-таки ряда лучших стихотворений, например, “Музы”, но зато сделан упор на патриотические стихотворения эпохи второй мировой войны и на “советские сюжеты” — “В пионерлагере”, “Приморский парк Победы” и т.п. Некоторые стихотворения из этого отдела — прекрасны, написаны с подлинным национальным чувством, как например, “Мужество” или “Прошло пять лет, — и залечила раны...”, а другие — например, “Маяковский в 1913 году” (помеченное 1940 г.) или “Первый дальнобойный в Ленинграде” — вряд ли принадлежат к лучшим стихотворениям Ахматовой» (*Терапиано Ю.* Новые стихи Анны Ахматовой // *РМ.* 1959. 17 октября).

160 *Найман А. С.* 250.

161 *Бабореко А.К.* Дороги и звоны. С. 47–48.

162 Книга печаталась в будапештской типографии «Атэнэум» («Злосчастный мадьяр!», — говорила Ахматова, обнаружив опечатки); среди «садов и парков» были и «бессолнечные, мражные сады».

163 Запись Л. Гинзбург (*В.А.А.* С. 140).

164 Ср.: «Русской поэзии в России не существует. Это доказывается травлей Пастернака, во-первых, снижением и маразмическим оттенком стихов Ахматовой, во-вторых. Кроме же названных двух имен, о ком можно говорить серьезно из живущих под небом Хрущевии? Мартынов? Алигер? Кирсанов? Право, не стоит пачкаться» (*Трубецкой Ю.* Перечитывая... // *РМ.* 1959. 19 февраля).

165 Ср. надписи: «Милой Елене Сергеевне Булгаковой все, что осталось от меня дружески Ахматова 15 дек. 1958 Москва»; 20 декабря 1958 года: «Борису Слуцкому тень от тени»; 4 января 1959 года А.С. Эфрон: «не без смущения эти обломки». Ср. в письме Н.Г. Чулковой Л.Д. Барановой от 14 января 1959 г.: «Т.В. [Розанова] дала мне новое издание Ахматовой. Там все старые стихи от 09 и до 50 года. Не очень яркие» (НИ ОР РГБ).

- 166 Ср. надпись В.Е. Ардову 30 декабря 1958 года «не поэту, но другу»; Т.И. Игнатовой-Коншиной: «Милой Татьяне Ильиничне от ее друга Ахматовой. 16 ноября 1958 Москва» (Автографы поэтов серебряного века: Дарственные надписи на книгах. М., 1995. С. 38).
- 167 Ср.: «Волевая напряженность строфы, деловая сухость стилистики, “командирский язык” и преднамеренная ограниченность темы дают крепкий костяк его стихам. Их можно было бы упрекнуть в отсутствии оттенков, в скованности заранее заданных себе интонаций, в еще не преодоленных до конца следах ученичества (Тихонов периода “Браги” и в особенности Н. Гумилев), но уже никоим образом нельзя было бы поставить им в вину вязкую расплывчатость образа и чрезмерную интонационную щедрость, столь характерную для многих не берегущих своего слова современников» (*Рождественский В.* Рец. на кн.: Гитович А. Стихи. М., 1934 // *Зв.* 1935. № 1. С. 250–251).
- 168 «Мне кажется, что сегодня нужно было бы выступить Александру Гитовичу и рассказать о том, в чем он ошибался и как он свои ошибки хочет преодолеть. Акмеистический груз не дает ему возможности воплотить в поэтической форме богатый груз жизненных наблюдений. Сама отсталая акмеистическая форма, которая чужда новому содержанию, на протяжении многих лет удерживает творческий рост поэта» (*Саянов В.* Поэты великого идеологического наступления // *Зв.* 1949. № 3. С. 202).
- 169 Ср. в подписанной им 13 декабря 1943 года вместе с Владимиром Лифшицем, Вадимом Шефнером, Анатолием Чивилихиным т.н. «Асторийской декларации»: «Наши творческие принципы продолжают быть простыми и ясными: писать правду (“Не лги самому себе, и ты не будешь лгать другим”). В 1940 году Юрий Николаевич Тынянов сказал нам: “Я знаю, за что вы боретесь: вы боретесь за то, чтобы вернуть поэзии утраченную цену слова” Мы отнюдь не желаем, чтобы на поэзию наших лет распространилась оценка: “...многое исчезло: совесть, чувство, такт, мера, ум, растет словесный блуд”» (*Хренков Д.* Александр Гитович. Л., 1969. С. 101).
- 170 Ср. его стихи эпохи показательных процессов: «Ибо для сво-
лочи и мерзавцев, / Злобных, продавшихся до конца, / Только
один разговор остался, — / Точный скупой разговор свинца»
(*Гитович А.* Стихи. М.; Л., 1937. С. 83). Ср. также: «Я видел, как
по шаткому асфальту / Рабочие шагали и крестьяне, / Ткачи,
ремесленники и студенты, / Высоко поднимая над собою / Пор-

- треты Сталина и Ким Ир Сена» (Гитович А. Стихи о Корее // *Зв.* 1949. № 8. С. 145). Ср. его выступление 1937 года: «Пастернак является для нас опасным», «[он] только в 1932 году понял, что такое колхоз»; «Я говорю о тех стихах Заболоцкого, о лучших стихах, настоящих советских стихах, о лучшем стихотворении о Сталине, которое написал все-таки Заболоцкий. Радостное это явление? Да. Оно тем более радостное, что Заболоцкий прошел через такие грехи, через которые не проходил, пожалуй, никто» (Перхин В.В. Русская литературная критика 1930-х годов. Критика и общественное сознание эпохи. СПб., 1997. С. 154–155, 157). В 1949 году он говорил: «Беда некоторых поэтов и критиков состоит в том, что, оставаясь наедине, они предпочитают Гумилева и Цветаеву, а выходя на трибуну, клянутся Маяковским!» (Разговор о поэзии: Дискуссия в Союзе писателей // *ЛГ.* 1948. 31 марта).
- 171 Гитович А. Старому другу. К.А. Демину // *Зв.* 1962. № 1. С. 94; Гитович А. Стихотворения. М., 1982. С. 191. Имя журналиста полковника Кима Александровича Демина есть в ахматовском реестре (С. 326). Гитович посвятил Ахматовой цикл стихов «Кремень и огонь», в который входили стихи памяти Маяковского («И стал этот выстрел, свободу суля, / Победой Поэзии в сердце Кремля. / Но долго ли длилось сие торжество? / Тюремщик — по-царски — прощает его») и Кирова («В затылок ему предназначили смерть, / В затылок народа, в затылок борца, / По каторжной воле Вождя и Отца, / Которому вбил или кол или крест / Двадцатый, еще не свершившийся Съезд») (*Зв.* 1989. № 6. С. 155–156). О его жене Сильвии Соломоновне Гитович (урожд. Левиной; 1913–1974), «нашей чудесной Сильве, чьей ангельской добротой я люблюсь уже много лет» (С. 221), см. справку: *Memento vivere*. С. 533–537.
- 172 Географ, историк, поэт Петр Николаевич Савицкий (1895–1968) оказался в эмиграции в ноябре 1920 года, в мае 1945-го после занятия Праги советскими войсками арестован и депортирован в СССР; освобожден из заключения через девять лет, вернулся в Прагу. См.: *Поэзия узников ГУЛАГа* / Сост. С.С. Виленский. М., 2005. С. 703–706. По свидетельству его сына, в их домашней библиотеке хранится также сборник 1961 года с надписью: «Петру Николаевичу Савицкому в долготу дней. Анна Ахматова. 15 апр<еля> 1961. Ленинград».
- Вскоре после изготовления этой надписи ее адресат снова был арестован. Н.Е. Андреев писал тогда Исае Берлину:

«Дорогой профессор, простите, что беспокою Вас среди каникул, но дело неотложное. Вероятно, Вы слышали, что в Праге, по-видимому, во второй половине мая арестован чехословацкими органами госбезопасности профессор Петр Николаевич Савицкий, один из теоретиков бывшего евразийского движения, уже отбывший 11 лет советских тюрем и концлагерей (в 1945–1956 годах). Факт его ареста был отмечен в “The Guardian”, 22 июня.

После некоторых размышлений и переписки с его друзьями и коллегами в США, Англии и Франции было решено обратиться с письмом (см. приложенный текст) к президенту Чехословацкой республики. <...> Конечно, неизвестно, поможет ли такая мера, но едва ли она могла бы ухудшить положение арестованного. Во всяком случае, по моим сведениям, шум вокруг Ивинской принес ей значительное облегчение». И в следующем письме: «Дорогой профессор, спасибо за Ваше письмо от 9 октября. Вполне понимаю Вашу точку зрения. Но, конечно, я жалею (и американский осуществитель этой акции, несомненно, будет жалеть) об отсутствии Вашей подписи, как историка русской мысли. Спасибо также за Вашу идею о привлечении «радикалов» и за указание имен. Я уже обращался к Lord Russell, и он уже послал личное письмо чехословацкому президенту.

Конечно, все эти и иные усилия могут привести к “ничейному результату”, но все, как и я лично, кто был в положении профессора П.Н. Савицкого, знают, что иностранные хлопоты — в худшем случае — приводят к смягчению режима арестованного (“на всякий случай” со стороны властей), что чрезвычайно важно».

Хлопоты, в том числе именно Бертрана Рассела, через некоторое время возымели действие.

Имя Ахматовой возникает в ранней евразийской статье П.Н. Савицкого «Два мира», где говорится о сочетании в русском прошлом религиозного творчества и позитивного мировоззрения: «Эта двойственность, этот спор не тускнеет, не ослабевает и теперь — в начале второго десятилетия XX-го века. Вдумайтесь в сочетание проповеди безверия, определенной и ясней, чем когда-либо, ведомой большевистскими верхами и теми, кто к ним примкнул, — с явлениями религиозного подъема, охватившими не только интеллигенцию... Сожительство форм ранних и поздних, открывающихся и завершающихся,

с большой ясностью сказывается, напр., в области поэзии: с одной стороны, элементы подлинного религиозного мироощущения (Ахматова! некоторые стихотворения Гумилева в сборнике “Огненный столп” 1921! Вячеслав Иванов в “Переписке из двух углов”!); с другой — расцвет “разработки поэтики” в смысле словесной техники стихосложения, “разработки”, в значительной мере пренебрегающей смысловым началом поэзии и относящейся, в исторической аналогии, к формам действительно “александрийства...” (ср. стиховые ухищрения латинской и греческой поэзии IV–V веков по Р. Х.)» (На путях. Утверждения евразийцев. Берлин, 1922. С. 12). Есть сведения о том, что Ахматову со стихами Савицкого знакомил Л.Н. Гумилев, и она дала высокую оценку стихотворению «Курганы» (*Бобырь А.В.* Дорога восхождения Петра Савицкого // *Савицкий П.* Дороги. Чернигов, 1996. С. 23). В 1966 году Л.Н. Гумилев встречался с ним в Праге: «Но о маме разговора не было» (Начала. 1992. № 4. С. 15).

173 Ср.: «Сегодня говорили о “смеси Европы и Азии”, идя по Фонтанке. Истоки ее А. А. видит в Вольфиле. Если они в числе других утверждений умаляют значение Пушкина — этого одного уже достаточно, чтобы отстраниться от них. ПС(?) в Р. М. (?) злобствует (и после раздумья: “А по существу, он, конечно, прав”) — и потому то, что он говорит, неубедительно. Было бы гораздо более убедительно, если бы он говорил спокойно. Мы не азиаты, конечно. Шилейко утверждает, что скифы не были азиатами, а были именно европейцами. Блок не прав со своей строкой — “Да, скифы мы, да, азиаты мы”» (Л2. С. 263–264). Возможно, Ахматова ссылаясь на первый зарубежный номер журнала «Русская мысль» — на статью П. Савицкого «Россия и Евразия»: «...в идеологическом смысле Россия распласталась на брюхе перед “Европой”. <...> При культурной “эмансипации” народа должно происходить обратное. Народ возвращается к сознанию, что не какая-либо чужая, привнесенная со стороны идеология, но его собственная является “высшей и совершенной”. Он проникается “эгоцентризмом”; он превозносит свою идеологию и ее превосходство готов действительно отстаивать пред лицом чужестранцев. Число самоутвержденных национальных идеологий мира увеличивается на одну. <...> Сказанное относится всецело к мыслимой культурной эмансипации России-Евразии. Эмансипация эта может быть обретена отнюдь не на путях противоположения “Европы и Человечества”, которое существует только в мистических чаяниях, и не путем

- очищения не-романогерманских культур от элементов “эгоцентризма”, — но в совершенно реальном противопоставлении эгоцентризму европейскому — эгоцентризма евразийского. Залог осуществления подобной эмансипации — именно в созидании, сознательном и бессознательном, действенного и творческого “эгоцентризма” Евразии, который сплотил бы силы и подвинул их на жертвенный подвиг» (*РМ*. 1921. № 1. С. 137–138).
- 174 Литературовед Владимир Родионович Щербина (1908–1989) — «правоввернейший из правоввернейших» (*Лазарев А. Шестой этаж, или Перебирая наши даты*. С. 51), еще в 1936 году сигнализировавший по поводу программы по русской литературе XX века для пединститутов: «Ведется безудержная творческая апология акмеизма: самое существенное в творчестве А. Ахматовой оказывается состоит в... “конкретности образов, простом обыденном языке; преобладании существительного словаря; приближение стиха Ахматовой к классическому”. Гумилев тоже “становится последователем классического стиха”. Вместо того, чтобы подчеркнуть эпигонство, антиреализм акмеистов, программа аттестует изысканный салонный язык Ахматовой — простым, классическим. Почему же не учиться у Гумилева и Ахматовой тысячам начинающих поэтов?» (*Щербина В. Документ литературной безграмотности*. ЛГ. 1936. 5 июня). Свое приватное умонастроение орденосолец и член-корреспондент, писавший, по авторитетному свидетельству М.Б. Храпченко, свои труды «руками подчиненных ему специалистов» (*Чуковский К. Т.* 13. С. 421), ныне «не известн[ый] даже узкому кругу специалистов» (*Огрызко В.* Не всё новое — хорошо // *ЛР*. 2002. 29 июня), раскрывал в застолье: «“Н<овый> м<ир>” — еврейск<ий> журнал, единств<енная> их цель, чтобы евреям в паспортах не ставили нац<ионально>сть. Да и понятно, там все — жида, Лакш<ин> — еврей, Кондр<атович> — еврей, а Тв<ардовский> тоже наполовину польский еврей»; «Вообще у нас не КГБ, а богадельня. Приходят в ИМЛИ и говорят, съездил бы ваш представитель к Син<явско>му, узнал бы, что он делает, чем собирается заняться после освобождения. Это вместо того, чтобы прибавить ему срока»; «Говорят — разболтанность, шатания — расстрелять какой-нибудь миллион человек, все будет тихо, никакого беспорядка не будет» (*Лакшин В.* Последний акт // *Дружба народов*. 2003. № 5. С. 171). См. «эпитафию» его коллеги по Институту мировой литературы (третий из «мудрецов» — Яков Эльсберг):

Здесь прах имлийских мудрецов:
Щербина, Яша и Перцов.
Щербина «негров» обирал —
Их стриг, как мериносов.
Перцов всю жизнь умильно врал,
А Яша — тихо сочинял
Эстетику доносов.

(*Голенищев-Кутузов И.* Благодарю, за все благодарю: Собрание стихотворений. М., 2004. С. 229).

- 175 *Щербина В.* Ответ фальсификаторам // *Коммунист.* 1958. № 11. С. 91.

Имажинист Анатолий Борисович Мариенгоф (1897–1962) был представителем последующего за ахматовским поколения литературных новаторов — ср.: «Ахматова утверждает, что главная цель, которую поставил себе Борис Михайлович Эйхенбаум в книге о ней, — это показать, какая она старая и какой он молодой... “Последнее он доказывает тем, что цитирует Мариенгофа” (Рассказано Гуковским)» (Л. Гинзбург — *В.А.А.* С. 134). Во время упоминания в журнале «Коммунист» он доживал свою жизнь как автор пьес, приспособляющихся «к партийной линии» (*Казак В.* С. 478), год спустя на его персональном творческом вечере в Ленинграде друживший с ним Б.М. Эйхенбаум умер прямо после своего выступления, почему Ахматова и «вспомнила Б.М. Эйхенбаума» (С. 680), когда почувствовала сердечные боли на дантовском вечере в 1965 году. Вкус у А. Мариенгофа бывал странный — ему, например, показалась «прелестной» шутка какого-то остроногого детского писателя по поводу стихов Ахматовой в «Огоньке» в 1950 году: «Летать рожденный могёт и ползать» (*Мариенгоф А.* Это вам, потомки!; Записки сорокалетнего мужчины; Екатерина. СПб., 1994. С. 118).

- 176 Четверостишие Юлии Нейман «Эпитафия поколению».

verte

Глава
третья

1959-1960

- 1 Об отношениях Ахматовой и Слуцкого см. нашу справку: *Лесная школа*. С. 160–164.
- 2 Чарльз Артур Мозер в декабре 1964 года обратился с призывом к американским славистам холодно встретить А.Б. Чаковского, «цепную собаку советского правительства в литературе», и Р. Рождественского (см.: Чаковский и Рождественский отвечают на критику // *НРС*. 1964. 3 декабря; Чаковский А. Американские диалоги // *ЛГ*. 1965. 21 января). Из-за своего политического консерватизма он был не в ладах с американским академическим большинством 1960-х (*Rollberg, Peter*. Charles A. Moser (1935–2006) // *Записки Русской Академической Группы в США*. Т. XXXIV. Нью-Йорк, 2006–2007. С. 32).
- 3 Письмо от Тона Латговерса (Lathouwers; р. 1932) из Неймегена от 15 февраля 1959 года (№ 1736).
- 4 Ср.: «Харкинс, не знаю, под чью диктовку и с какой целью, в своем “Алфавите русской литературы” написал нечто столь непристойное, что когда я пытаюсь пересказать это кому-нибудь из знакомых, мне просто не верят» (ЛО. 1989. № 5. С. 6). Ср.: «Хотя ее поэзия меланхолична и, в основном, затрагивает личную любовную скорбь, тему “буржуазную” в глазах советских критиков, она, кажется, приобрела большую популярность среди молодой коммунистической интеллигенции. Чтобы прекратить это отступничество среди молодежи, Партия сочла необходимым провести чистку, и атака А.А. Жданова в 1946 году привела к немедленному исключению из Союза писателей, что означало потерю права на публикации. Но в 1950 году она напечатала несколько официальных патриотических стихотворений как извлечения из цикла “Слава миру”. Качество этих стихотворений мучительно низкое; подвергшись официальному давлению, она очевидным образом в конце концов сдалась» (*Harkins W*. Dictionary of Russian Literature. New York, 1956. P. 146). Харкинс, Вильям (1921–2014).
- 5 В своей книге Л. Страховский (*Strakhovsky, Leonid I*. *Craftsmen of the Word: Three poets of Modern Russia*. Gumiliov. Akhmatova. Mandelstam. Cambridge: Harvard University Press, 1949. P. 59–60)

почти целиком заимствует фрагмент из «Петербургских зим» Георгия Иванова: «Цвет едкого купороса, злой звон меди. — Это фон картины Альтмана. На этом фоне женщина — очень тонкая, высокая и бледная. Ключицы резко выдаются. Черная, точно лакированная, челка закрывает лоб до бровей. Смугло-бледные щеки, бледно-красный рот. Тонкие ноздри просвечивают. Глаза, обведенные кругами, смотрят холодно и неподвижно — точно не видят окружающего. <...> и все черты лица, все линии фигуры — в углах. Угловатый рот, угловатый изгиб спины, углы пальцев, углы локтей. Даже подъем длинных, тонких ног — углом. Разве бывают такие женщины в жизни? Это вымысел художника! Нет — это живая Ахматова. Не верите? Приходите в “Бродячую собаку” попозже, часа в четыре утра. <...> Ахматова сидит у камина. Она прихлебывает черный кофе, курит тонкую папироску. Как она бледна! Да, она очень бледна — от усталости, от вина, от резкого электрического света. Концы губ — опущены. Ключицы резко выделяются. Глаза глядят холодно и неподвижно, точно не видят окружающего. <...>

— Как вы похожи сейчас на свой альтмановский портрет!

Она насмешливо пожимает плечами.

— Благодарю вас. Надеюсь, что не похожа.

— Вы так его не любите?

— Как, портрет? Еще бы. Кому же нравится видеть себя зеленой мумией.

— Но иногда сходство кажется поразительным.

Она снова смеется:

— Вы говорите мне дерзости».

Ср.: «Безумные похвалы моим стихам и яд, яд обо мне. Придуманно, будто я отсутствую в лирике Гумилева, будто он меня никогда не любил! <...> Автор утверждает, что я была совершенно похожа на альтмановский портрет, но сама в этом никогда не признавалась. Такое может изобрести только баба. Альтмановский портрет на сходство и не претендует: явная стилизация, сравните с моими фотографиями того же времени...» (ЛЧ2. С. 234–235). См. заметку Ахматовой: «Скажу, как Пушкин — “это дело моего биографа”, однако единственная опора Стр<аховского> — портрет Альтмана, где у художника были какие угодно замыслы, но не передача сходства. Он бы и Лину Кавальери изобразил бы таким образом. А впрочем, почему бы мне даже и в молодости не быть уродом. Странно только, что это надо так старательно и упорно доказывать»;

Лиана Кавальери (1874–1944) — итальянская певица, вошедшая в поговорку красавица. Ср. слова И.В. Щеголевой-Альтман: «А. А. [портрет] не любила. “А вы бы любили, если бы выписали все ваши кости?”» (*Катанян В.* Лоскутное одеяло. М., 2001. С. 329). Ср. замечание современника: «Альтман выдвинулся кубистическим портретом Анны Ахматовой, приводившим в отчаяние некоторых поклонников замечательной поэтессы наших дней. Худая, как щепка, будто вылепленная из дерева, Анна Ахматова была написана треугольниками, причем знаменательна была линия ноги и какая-то страшная, зеленая, но точно сделанная из листового железа, огромная еловая шишка, заменяющая собой пейзаж. Этот портрет не был полным выражением духовного человека, что, по нашему убеждению, требуется в портрете (я имею в виду не сходство, а таинственную передачу, даже в обшеммысленных на взгляд линиях и красках, внутреннего я). Но и то сказать, — как передать глаза-дебри женщины-поэта?» (*Никольский Ю.* Искусство в Крыму // Объединение (Одесса). 1918. № 3–4. С. 222). В заключение цитированной выше заметки Ахматова ссылается на статью Николая Пунина, где о Н. Альтмане, «очень сильном и подчас даже могучем Альтмане», говорилось: «...тенденциозный кубист, в глубине своего дарования сильный живописец глубоко-реалистического склада. Его портрет Анны Ахматовой — быть может, единственная по силе живописи вещь; он расширяет свой реалистический опыт исканием трехмерного пространства, и нет предела его зоркому глазу; все видеть, все сказать, а в конце концов все извратить согласно кубистическому методу — это сумел сделать Альтман и сделал, поистине, с решительным жестом, не требующим особенных комментариев. На него даже не сетуешь, — до того очевидна эта манера и подлинный смысл подделки» (*Пунин Н.* По выставкам // Северные записки. 1915. № 5–6. С. 154). Ср. еще:

«Показательно в этой работе Альтмана то, что у него, по-видимому, не было желания выявить красоту (хотя бы красоту “ахматовских” глаз), характер, дать выражение — именно то, что так типично для импрессиониста, — его единственной целью было обнаружить форму — форму тела (в частности, коленной чашки, ключицы, ступни, фаланг и т.д.), скамьи, табурета, цветов, шали. И вот эту форму он очищает от освещения как элемента случайного, от всяких мелких, мало значащих особенностей, лишает ее веса — это последнее есть индивиду-

альная особенность Альтмана, которую, как нам кажется, он будет в себе развивать и сосредоточивать — и, наконец, ставит ее в такие условия, что из всех своих свойств она с наибольшей полнотой сохраняет объем, пространство и поверхность (материал). Так, например, табурет под ногами Ахматовой взят в обратной перспективе, ради показания формы (пространства и объема) и ради композиции; лишенный весомости, он кажется призрачным или даже как бы пустым внутри и фанерованным, но при этом сохраняет все свойства дерева — плотность, цвет, строение, поверхность; его сущность обнаружена с чистотой художественного мышления, и он субстанционален, связанный глубокими узами с композицией. В этом — Альтман. В процессе искания новой художественной формы портрет Анны Ахматовой занимает определенное место...» (*Пунин Н.Н.* Русское и советское искусство. М., 1976. С. 147). Один из примеров реакции современников — письмо одесского поэта В.С. Бабаджана от 12 апреля 1916 года: «Портрет претенциозный, но сама Анна — изумительно хороша. Это какая-то невиданная породистость» (*Луцик С.* Вениамин Бабаджан. Жизнь и творчество. Одесса, 2004. С. 391). Ср. также: *Молок Ю.* Вокруг ранних портретов // *ЛО.* 1989. № 5. С. 82–84. В 1960-х портрет не был в особенной чести: «портрет в карцере секретной кладовой Русск<ого> Музея» (С. 216); возможно, на него намекал Виктор Шкловский: «Мы знаем сейчас Альтмана главным образом как театрального художника, но надо помнить его станковую живопись и прекрасные работы, оставшиеся в истории русского портрета» (*Шкловский В.* Натан Альтман // *Театр.* 1965. № 2. С.108).

- 6 Планы Гослитиздата. Беседа с директором издательства Ф. Головенченко // *ЛГ.* 1945. 7 июля.
- 7 *Struve, Gleb.* Soviet Russian Literature. University of Oklahoma Press, 1951. P. 366; ср.: «У всех свежи в памяти кратковременное и внезапное “признание” ее, а потом ждановская расправа, после которой появились ее стихи, звучащие как речь обвиняемого на московском процессе (очень возможно, что она не писала этих стихов). Вот пример:

Поджигателям

И чем грозите вы? Пожаром?
Уничтожением детей?
Но знайте: не пройдет вам даром

Яд клеветнических речей.
 Одним порывом благородным
 Фронт мира создан против вас,
 И труженику стать свободным
 Приходит долгожданный час.

(“Огонек” № 42, 15 окт. 1950 г.)»

(Марков В. Приглушенные голоса. Поэзия за железным занавесом. Нью-Йорк, 1952. С. 13). Ср.: «Сколько жестокости и цинизма надо иметь, чтобы заставить жену расстрелянного и мать погибающего в ссылке воспевать палача! Но Сталин этими качествами обладает в избытке. Ахматову стали обхаживать со всех сторон с посулами и прозрачными угрозами. Поэтесса не сдавалась, продолжая писать только то, что ей диктовали талант и сердце, хотя все последующие произведения встречались истощным воем всей советской критики, старавшейся, в угоду Сталину, направить ее творчество в кремлевское русло.

Но всякому героизму есть предел. Анна Ахматова мужественно боролась за свободу своего творчества целых тридцать лет. Сдали ли теперь нервы, принесла ли она свой талант на алтарь материнских чувств, купив им свободу для сына, неизвестно. Но, судя по последним ее стихам, посвященным Сталину и опубликованным в одном из номеров журнала “Огонек”, она побеждена:

И он орлиными очами
 Увидел с высоты Кремля,
 Как пышно залита лучами
 Преображенная земля.

Его трудов, его деяний
 Пред ним несметные плоды, —
 Громады величавых зданий,
 Мосты, заводы и сады.

Свой дух вдохнул он в этот город
 И отвратил от нас беду,
 Вот отчего так бодр и молод
 Москвы непоборимый дух.

И благодарного народа
 Он слышит голос: “Мы пришли

Сказать: где Сталин, там свобода,
Мир и величие земли”.

Можно ли считать эти стихи плодом творчества Ахматовой? Нет. Это лишь плоды сталинского насилия, неслыханного, страшного насилия над человеческой душой. Теперь можно считать, что русской поэтессы Анны Ахматовой нет. Есть лишь новая раба Сталина в советской литературе. Долго ли выживет ее талант в таких условиях? И выдержит ли ее честное сердце? Обвинять Ахматову нельзя. Нужно понять ее и, жалея, поклониться ее истерзанной душе и плененному таланту» (*Норд Л.* Трагедия Анны Ахматовой // Бюллетень русского Общества помощи беженцам в Великобритании. 1951. 6 сентября).

8

Из перламутра и агата,
Из задымленного стекла
Так неожиданно покато
И так торжественно пыла, —
Как будто «Лунная соната»
Нам сразу путь пересекла.

- 9 Ср.: «Я бы сравнила “Доктора Живаго” с гоголевскими “Выбранными местами из переписки”. Когда Гоголь написал “Мертвые души”, от него ждали, что он скажет всю правду. И он решил: если они хотят правды, так лучше я скажу ее прямоком. Это его и погубило. То же и с Пастернаком» (*Бобышев Д.* Я здесь // Октябрь. 2002. № 9. С. 105). Ср. разговор с Н.Я. Рыковой в те же дни, что и с Ч. Мозером: «В романе есть замечательные страницы высокой и чистой поэзии, особенно в смысле чувства и описания природы. Может быть, во всей русской литературе нет ничего, этому равного. Но, по-моему, беда в том, что Борису Леонидовичу этого, кажется, мало. Ему хотелось бы быть в этой книге чем-то вроде учителя жизни, пророка, апостола. А это, на мой взгляд, не получается. И недаром лучшее в романе — приложение к нему — “Стихи доктора Живаго”» (*ОАА.* С. 182).
- 10 Ср.: «Меня очень интересует Фолкнер» (*ЛЧз.* С. 303). Ахматова внимательно прочитала статью Р. Орловой и Л. Копелева «Мифы и правда американского юга» (*Иностранная литература.* 1958. № 3. С. 206–220); см. об этом: *ЛЧз.* С. 303, 550. Насчет «Особняка» она говорила, как вспоминала Л.Д. Большинцова: «Подумать, сколько переживаний из-за одной коровы», а по поводу фолкнеровской героини с левыми взглядами: «Понять,

- что такое коммунизм, может только тот человек, который живет в России и ежедневно слушает радио» (*Волков С. С.* 143). Ср. запись А.К. Гладкова в декабре 1961-го о том, что Ахматова читает «Особняк» — «и он ей не нравится» (*In Memoriam. С.* 555). Ср. стихотворные зарисовки современников: «А кто-то в гамаках качается, / А кто-то просто так сидит. / И кто-то Беллем начинается /, И кто-то Фолкнера бранит. / Здесь говорят о кибернетике, / О космонавтах молодых...» (*Гаврилов Д. Интеллигенция в лесу // Нева. 1962. № 4. С.* 134), а также репризу старомодничающего экс-модника: «Я взглядом пробежал по книжному прилавку, / Но книгу Фолкнера отнюдь не приобрел — / Он слишком мне напоминает Кафку, / Которого я тоже не прочел» (*Арго А. За много лет. М., 1969. С.* 62).
- 11 Ср.: «Критические литературные оценки Ахматовой часто поражали своеобразием внезапного подхода:
— Хемингуэй почему-то считается американским писателем. Но ведь это неверно. Он американец лишь по рождению, он почти и не жил в Америке, и все, о чем писал, происходит в иных странах: в Париже, в Испании, на Кубе...» (*Меммер И. Допрос. СПб., 1998. С.* 86).
- 12 *Мозер Ч. У Анны Ахматовой // Грани. 1968. № 73. С.* 171–174.
- 13 Ср. письмо Ариадны Эфрон от 11 сентября 1958 года: «Сейчас наступила (именно наступила сапогом!) эра Софронова, Грибачева, Кочетова и Соболева <...> “Литературу и жизнь” выписывала три месяца, по прошествии которых подписку не возобновила, решила, что обыкновенная туалетная бумага дешевле обойдется...» (*Белкина М. Скрещение судеб. М., 1999. С.* 331). См. разговор 1962 года, по поводу следующей публикации Ахматовой в этой газете: «...осмелев, я спросила, зачем она позволила напечатать свои стихи в скверной тогдашней газете “Литература и жизнь”. (Время было такое — казалось, что есть прогрессивные журналы и газеты — “Новый мир” и “Литературка” и есть реакционные: “Октябрь”, “Литература и жизнь”.) Ответ помню очень отчетливо: “Все газеты одинаковые, все меня одинаково травили, на всех написано ‘Пролетарии всех стран, соединяйтесь!’” Прикусив язык, я простилась и ушла» (*Вертман Ю. Записи и примечания / Сост. В. Емельянов. М., 1992. С.* 28). Ср. о «Литературе и жизни» и «Литературной газете»: «Для меня это одна фирма» (*Сергеев А. Omnibus. С.* 378). Ср.: «Она раздраженно сказала после одного такого разговора: “Не печатают везде одинаково. Зачем я буду выискивать микроскопическую разницу, когда печатают?”» (*Найман А. С.* 280).

- 14 Александр Макаров во внутренней рецензии на «Книгу про стихи» Владимира Огнева (*Огнев В.* Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001. С. 111). Напомним это широко известное стихотворение июня 1958 года (толчком-раздражителем к которому, возможно, был Николай Заболоцкий — «Уступи мне скворец, уголок...»):

Здесь всё меня переживет,
 Всё, даже старые скворешни,
 И этот воздух, воздух вешний,
 Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
 С неодолимостью нездешней,
 И над цветущей черешней
 Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
 Белея в чаще изумрудной,
 Дорога не скажу куда...

Там меж стволов еще светлее,
 И всё похоже на аллею
 У царскосельского пруда.

Ахматова назвала этот сонет «последним, может быть, на свете» (С. 13) и возвращалась в нем к своему началу, к стихам о царскосельских парках с их постоянными верленовскими реминисценциями. Здесь цитируется верленовское «*La bonne chanson*» («*La lune blanche / Luit dans les bois...*»). Последняя строчка сонета (в первоначальном варианте: «Где в Царском бродит тень моя»), вероятно, пришла первой, как в известном разговоре Цветаевой с Кузминым («—...Ведь все ради этой строки написано? — Как всякие стихи — ради последней строки. — Которая приходит первой»), и, видимо, связана с напрашивающимся комплиментом «месту сему». Н.Я. Берковский, например, писал летом 1958 года: «По Комарову ходит А. А., *impetratrix*, с развевающими коронационными сединами и, появляясь на дорожках, превращает Комарово в Царское Село» (ВАА. С. 334). Кроме того, сонет заgroundован памятью о многих образцах советской поэзии — см., например, соседство мотивов скворечника, цветущего сада, воздуха и перелета в одном из них: «Скворешницы темное око / Гля-

дит в зацветающий сад, / И в небе высоко-высоко / На родину
птицы летят. / Так много вас, быстрые птицы, / Что голову
только закинъ — / Лицо опалая, помчится / Крылатая, шум-
ная синь. / О летный, о реющий воздух, / Серебряный воздух
высот! / Дневные, могучие звезды / Вплелись по пути в пер-
елет... / Скворешницы темное око / Глядит в зацветающий
сад, / А в небе высоко-высоко / Пилоты и птицы летят» (*Берг-
гольц* О. Перелетная // *Литературный современник*. 1936. № 8.
С. 142). Ср. также мотив «скворешни» в раннем стихотворе-
нии О. Берггольц «Вешний утренник грянул на грядки», напо-
минающем читателям о лирике «Четок» (*Hodgson, Katharine*.
Voicing of the Soviet Experience: The Poetry of Ol'ga Berggol'ts.
Oxford University Press, 2003. P. 54).

15 *Огрызко* В. Лизать или дерзать: Историко-литературное исследо-
дование. М., 2012. С. 313, 316.

16 Она одна со мною говорит,
 И утешать мне душу не боится.
 Открыты широко ее глаза,
 И грозен за плечами блеск воскрылий...

17 *Солженицын* А. Бодался теленок с дубом. Очерки литератур-
ной жизни. М., 1996. С. 55.

18 Прозаик Евгений Ефимович Поповкин (1907–1968) вошел в
историю советской литературы как редактор, решившийся
напечатать роман «Мастер и Маргарита». К 24 июня 1959 года
Ахматова получила поздравление от редакции «Москвы», под-
писанное Е.Е. Поповкиным и Л.С. Оваловым (№ 1565). Прозаик
Лев Сергеевич Овалов (1905–1997), создатель образа чекиста
майора Пронина, за два года до того выступал на обсуждении
повести В. Дудинцева «Не хлебом единым» — недавно реабили-
тированный, он «выразил скромное желание снова сесть —
такая лапочка! — и знать, что все они, т.е. Дудинцев и иже с
ним, сидят тоже, а не ходить по улицам Москвы и знать, что
Дудинцев и иже с ним разгуливают на свободе» (*Кабо* Л. Прав-
дѣнка. М., 1999. С. 108).

Возможно, что обращение к Ахматовой было инициировано
и работницей редакции Е.С. Ласкиной (1914–1992): «Евге-
нию Самойловну побаивался или, лучше сказать, уважал и при-
слушивался к ее мнению сам Поповкин — грозный редактор
журнала “Москва”, где она работала» (*Рыбакова* Т. «Счастливая
ты, Таня...» (О Рыбакове, и не только о нем). Главы из книги //
Дружба народов. 2005. № 3. С. 110).

- 19 Болгарская поэтесса Элисавета Багряна (Белчева; 1893–1991), которую Ахматова переводила, была в свою очередь отмечена влиянием Ахматовой (С. 690) — по поводу таких случаев Ахматова говорила: «Это уже какое-то пищеварение» (БАА. С. 629). Как напоминающая Ахматову, Багряна охарактеризована в кн.: *Prampolini, Giacomo. Storia Universale della Letteratura. Seconda edizione riveduta ed ampliata. Vol. VII. Torino. 1953. P. 214. Ср.:*

«— Правда, что вас называют болгарской Ахматовой? — спросила я.

Она ответила уклончиво:

— У нас есть общее, но больше разного... Мне кажется, я динамичнее» (*Брайнина Б. Болгарские новеллы // ЛР. 1968. 11 октября*).

- 20 Ср.: «Мы с горестью думали, что уже никогда не услышим ее голоса. Но вот — свершилось чудо: в 1958 году Государственным издательством художественной литературы издана была небольшая книга стихов Ахматовой. Чудо же состоит не столько в снятии с Ахматовой опалы, сколько в том, что она, выстрадав много, снова нашла “свой город”, как и она, вышедший живым из пережитых страданий. Последние стихи Ахматовой, хотя и новые по тону, все-таки остаются стихами о Петербурге. <...> Но, конечно, и Царское село живо, как жив Петербург, в них люди могут увидеть “зимой перед рассветом, иль в сумерки” все, что было... <...> Может, конечно, тот, чьи глаза видят, заметить и разглядеть все прошлое, а быть может, и заглянуть в будущее? <...> Это все, — говорит она нам, —

Холодное, чистое, легкое пламя

Победы моей над судьбой».

(*Грот Е. Победа над судьбой. Последние стихи Анны Ахматовой // НРС. 1961. 5 февраля*). Поэтесса, бестужевка Елена Петровна Грот (ур. Баранова) (1891–1968) жила в США с 1916 года.

- 21 Юрий Павлович Трубецкой (наст. фам. Нольден-Меншиков; 1898–1974) — осведомитель ОГПУ, в 1930-х находился в заключении — см. его «Балладу о Феликсе Дзержинском» (Средь других имен / Сост. и ст. В.Б. Муравьева. М., 1990; перепечатано из: Библиотека строителя БАМа. г. Свободный. Вып. 15), во время войны попал в Германию. Воспоминания Трубецкого справедливо вызвали в эмиграции сомнения в достоверности (Из писем Дмитрия Кленовского Геннадии Панину // *НЖ. 1997. № 206. С. 119–120*); ср. замечание С.К. Маковского про «подлизу и лгуна» (*НЖ. 1989. № 177. С. 243*). В числе прочего сочинил

он и свои встречи с Ахматовой: «...когда я был подростком, пишушим неуклюжие, претенциозные стихи. Помню отчетливо тонкие длинные руки с смуглыми пальцами. Ни на руках, ни на платье нет украшений. Оранжево-кирпичная шаль накинута на одно плечо. <...> Ахматова говорила, что я на нее действую успокоительно своей веселостью и неунывающим видом» (*Трубецкой Ю.* Анна Ахматова // *Голос России.* 1950. 29 января) или в письме к Марку Алданову 1 января 1953 года: «Меня очень любил покойный Блок, покойный Макс Волошин и живущая ныне (за железной завесой) Анна Ахматова. Не говоря о расстрелянном Гумилеве» и т.п. См.: *Тименчик Р.* К биографии Ахматовой // *Минувшее.* 21. С. 507–508); к сожалению, однажды его псевдо-мемории были использованы нами как источник (*Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1988.* Л., 1989. С. 99). См. подробнее: *Хазан В.* «Но разве это было все на самом деле?» (Комментарии к одной литературно-биографической мистификации) // *A Century's Perspective: Essays on Russian Literature in Honor of Olga Raevsky Hughes and Robert P. Hughes.* Stanford, 2006. P. 464–489; *Поберезкина П.* Дело Нольдена-Меньшикова // *Авангард и остальное: Сборник статей к 75-летию Александра Ефимовича Парниса.* М., 2013. С. 477–483.

22 *Трубецкой Ю.* О новой книге А. Ахматовой // *РМ.* 1959. 15 января. Анатолий Кузьмич Тарасенков (1909–1956), критик и коллекционер стихов, на протяжении всей своей деятельности писал об Ахматовой в духе текущих директив: «Когда же [Л.П.] Гроссман <...> пишет идейно-апологетические и восторженные статьи о Гершензоне, Ахматовой, становится ясным, несмотря на отдельные “либеральные” высказывания критика, что идеалистическая концепция Гроссмана имеет своей оборотной стороной и общеидеологическую, а иногда даже *политическую* реакцию. Совершенно недвусмысленно Гроссмана надо раз навсегда отнести к разряду наших классовых врагов в науке о литературе» (*Тарасенков А.* Эпигон идеализма // *Печать и революция.* 1929. № 2. С. 51). «Печать классово-злойбы к пролетарской революции лежит на страницах “Огненного столпа” и “Подорожника”» (*Тарасенков А.* Полдень лирики // *ЛГ.* 1934. 20 мая). «Многие люди на Западе, не только наши потенциальные враги, но и некоторые друзья (например, в Чехословакии), спрашивали в прошлом году с недоумением: “Почему так суров приговор, вынесенный в Советском Союзе Ахматовой и ее личной лирике? Ну, пусть она печальна, эта лирика, но почему ее

надо столь сурово осуждать? Ведь это только выражение внутренних переживаний поэтессы...” Дело, конечно, не в личном характере лирики подобного типа. Дело в том историческом споре двух мировоззрений, которые так яростно сталкиваются при сопоставлении ущербной, пессимистической, лишенной исторической перспективы лирики Анны Ахматовой, и волевой, полной веры в будущее советской поэзии...» (*Тарасенков А. Пафос советской жизни // ЛГ. 1947. 2 августа*). «Не желая объяснить самобытную национальную природу пушкинской сказки, следуя компаративистскому методу А. Веселовского, Ахматова свела “Сказку о золотом петушке” к сумме сюжетных заимствований. Но ведь это и означает полное нежелание рассмотреть явление в его художественной самобытности и ведет к клеветническому искажению всемирно-исторического значения творчества А.С. Пушкина» (*Тарасенков А. Заметки критика // Зн. 1949. № 10. С. 173*).

В годы цветущей ждановщины ему припоминали его предельно положительную внутреннюю рецензию для издательства «Советский писатель» на рукопись невышедшей книги (лето 1946 года): «в книге есть стихи на темы, связанные с прошлым, концом века девятнадцатого, начала двадцатого. Здесь у Ахматовой много тонкого философского раздумья. Явно в отрицательных тонах она дает ту эпоху, то время, живым участником которого она когда-то была сама. Во всяком случае, ее строки о светских дамах начала века звучат иронично, в иных случаях переходя в сарказм. Очевидно, в этих негативных вещах есть для Ахматовой свой большой смысл, — она как бы сжигает корабли воспоминаний, которые могли бы ее вернуть назад, в давно забытое и чуждое нам время. Я высказываюсь безусловно за немедленное издание этой книги Ахматовой. Первоклассный русский лирик, Ахматова стала советским поэтом. Это для всех нас большая радость. И надо издательски закрепить, сделать общей радостью читателя. Я думаю, что надо лишь исключить из книги два стихотворения, имеющих какой-то религиозный подтекст — это “Третий Зачатьевский” и “Распятие”. Все остальное в новой книге Ахматовой не вызывает никаких идеологических и уж конечно никаких художественных сомнений» (РГАЛИ. Ф. 2578. Оп. 1. Ед.хр. 70; частично: *Гончарова Н. С. 251–252*). Еще более уязвимым был его этюд об Ахматовой для цикла «Мозаика», датированный 18 июня 1946 года: «Стекло при ударе о него дребезжит — отрывисто, как бы с надса-

дой. Хрусталь поет. Так бывает и с поэзией. Если она настоящая, — она не “откликается” торопливо на темы дня, она живет ими, она поет о современности хрустальную свою песнь. Многие были удивлены, когда после почти 20 лет молчания Анна Ахматова заговорила с народом — какими-то удивительно ясными, прозрачными словами. Ее привыкли считать поэтом-монахиней, чистым лириком ревнивой и неутоленной женской души. Об этом были давно написаны и давно забыты толстые научные исследования. Лирика Ахматовой продолжала жить, не повинуюсь законам литературоведения и библиографии. Когда ей было двадцать лет, она говорила о любви и разлуке, о сердце, раненном тоской, а сразу вошла в русскую поэзию мастером, — у нее учились, ей подражали поэты старших поколений. В эпоху смутных и зыбких образов символистов, в дни словесных футуристических мятежей и пышной попугайской экзотики акмеистов она писала с той легкой простотой, которая корнями своими уходит к мудрому пушкинскому стиху. <...> Напрасно и наивно было бы потасовывать тогдашнюю Ахматову под какой-то новый социальный смысл. Так любили и страдали, как героиня стихов Ахматовой, не отцы и матери героев пятилеток, но их антиподы. Но и в свою лирику, стесненную рамками времени и общественного строя, Ахматова внесла нечто “сверх” — человечность, щедрость души, которые теперь, через 35 лет после написания этих стихов, все озаряют новым светом. В этом смысле Ахматова родственна Блоку. Стихи Гумилева или Городецкого обветшали до крайности, их почти невозможно перечитывать. Ахматовской лирике десятых годов суждена не только вторая — в наши дни — но, возможно, и третья, и четвертая жизнь. <...> Любовь стала какой-то по-особому чистой, гордой, сильной. И во всем этом масса чудесного женского лукавства, масса намеков и полупризнаний, масса формул, выражающих человеческие отношения с такой ясной точностью, которая просится на то, чтобы стать крылатыми выражениями, поговорками. “С каплей жалости твоей иду, как с солнцем в теле”, — говорит Ахматова, обращаясь к любимому. И вдруг, внезапно, рядом с этим почти испуганная ревность, а затем снова полуулыбка, кокетливый взмах ресниц и неожиданное признание. Обаяние женственности в стихах Ахматовой всегда было важно. Теперь это стало поистине удивительным. <...> Нет, это не “запоздалая весна”, как говорит Ахматова в одном из своих последних стихотворе-

ний. В поэзии, вероятно, весна длится вечно» (РГАЛИ. Ф. 2587. Оп. 1. Ед.хр. 72. Л. 2–6). Поэтому «общественному осуждению подвергались уже его статьи о Пастернаке и Ахматовой, но А. Тарасенков и после этого, работая в журнале “Знамя”, сделал не одну ошибку, печатая и культивируя декадентщину» (Лукошин М. Советская поэзия в 1948 году // ЛГ. 1949. 19 марта).

Евгений Винокуров вспоминал, как И. Эренбург говорил ему: «Не будьте как критик Тарасенков. Днем в печати он ругает Ахматову, а вечером приползает ко мне за ее новым стишком» (Евгений Винокуров: Жизнь, творчество, архив. М., 2000. С. 272). Собрание стихов Ахматовой 1930–1940-х, напечатанных в периодике и известных А.Тарасенкову в рукописях — в том числе «Один идет прямым путем», «Последний тост», «Современница», «Третий Зачатьевский», «Так отлетают темные души...», «Нет это не я, это кто-то другой страдает», «Распятие» («Хор ангелов великий час восславил»), «Голос из темноты («Кто чего боится»), «Какая есть. Желаю вам другую», «И видел месяц лукавый», — известно в двух экземплярах в ситцевых переплетах с цветочным орнаментом — в коллекциях Б.Я. Фрезинского (экземпляр И. Эренбурга) и М.В. Сеславинского (собственный экземпляр Тарасенкова); стихотворения Ахматовой частично были получены им от О. Берггольц (например, четверостишие «Бели, бели, ленинградка, / Бели густо, бели гладко. / Тебе есть что забелить, / Тебе есть что позабыть»). Ахматова подарила ему сигнальный экземпляр сборника 1946 года, тираж которого был впоследствии уничтожен (ВАА. С. 210).

Владимир Николаевич Орлов (1908–1985) был редактором уничтоженного в 1946-м сборника Ахматовой, августом того года датировано его стихотворение «Надпись на погибшей книге». Ср. его выступления на заседании правления Ленинградского отделения ССП 19 августа 1946 года: «Особая ответственность в данном случае возлагается на тех, кто печатал Анну Ахматову и выдвигал на первый план советской литературной жизни. Конечно, трудно представить, чтобы поэт, начавший писать в 1909 г., выпустивший первую книгу в 1912 г., имел равные с писателями более младшего поколения шансы идти в ногу с современным движением в литературе <...> Конечно, Ахматова в качестве члена правления и одного из руководителей ленинградской литературной организации — явление странное. Удивительно, что это не приходило нам в голову!..» Орлов.

Резолюция столь ответственна, что должна быть без сучка и задоринки. Относительно Ахматовой: формулировка дана — “религиозно-мистические”, религиозных стихов не было. Я бы предложил оставить “мистические”, но непосредственно религиозных не было. *Саянов*. Может быть, “упаднических, пессимистических и мистических”» (Хроника того августа // Петербургский журнал. 1993. № 1–2. С. 36, 39). Ср. в справке МГБ от 15 августа 1946 года: «Из ближайших связей Ахматовой по Ленинграду известны <...> поэт Спасский и профессор Института литературы — Орлов». Ср. запись в дневнике А.В. Любимовой от 10 августа 1946 года: «У нее сидел литературовед В.Н. Орлов (немного сердитое лицо, длинный ноготь на большом пальце, палка, светлые брюки). Принес ей деньги за выступление по радио». Ему принадлежат три написанных в разные годы стихотворных обращения к Ахматовой, он хорошо знал ее раннюю лирику, разыскав в периодике забытые публикации, но не симпатизировал поздним стихам — писал в 1982 году по поводу публикации стихотворения М. Цветаевой «Все повторяю первый стих...»: «Это — истинный шедевр, и что перед ним вся старческая лирика Ахматовой с пресловутой “Поэмой без героя” в придачу» (*Саакянц А.* Первопроходец (Владимир Николаевич Орлов) // *РМ*. 2000. 20–26 янв.). См. нашу подробную справку: *От Кибирова до Пушкина*. С. 609–615.

Кого Ю. Трубецкой назвал «Костровым» (В. Панкова?) — сказать не беремся.

- 23 Тема «Литературной газеты» тоже возникала в их разговорах: «На квартире Ардовых шла речь об Иннокентии Анненском. Приближалось пятидесятилетие со дня его смерти.

— А не попробовать ли нам отметить эту дату в печати? Прошу вас, узнайте в “Литературной газете”, не отважатся ли там напечатать хотя бы небольшую заметку об Анненском. Объясните, что не ославятся, напротив, сделают доброе дело.

Пошел, узнал, не захотели, не объяснили, почему не хотят. Возвратился, докладываю Ахматовой. Ничего не сказала. Отвернула лицо и долго смотрела в окно» (*В.А.А.* С. 597).

До этого небольшой сборник И. Анненского выходил перед войной в малой серии «Библиотеки поэта». Однако официальный разряд ахматовского учителя был незавидным: «В “Библиотеку” включены все реакционные поэты давнего и недавнего прошлого, даже Иннокентий Анненский, даже Андрей Белый» (*Фадеев А.* О литературной критике // *ЛГ*. 1949. 24 сентября);

ср. о включении «представителей реакционного лагеря в поэзии, как Шевырев, Павлова, Бенедиктов, Анненский, Сологуб, Белый, Хлебников и другие» (Дементьев А. Серьезные ошибки «Библиотеки поэта» // ЛГ. 1949. 24 сентября). Еще раньше А.А. Фадеев и В.Я. Кирпотин сигнализировали Сталину о группе журнала «Литературный критик»: «Внеклассовое отношение к литературе приводит членов группки к некритическому, апологетическому отношению к писателям-декадентам. Так В. Александров в статье “Иннокентий Анненский” (поэт и критик-декадент) пишет, что было бы “очень грустно”, если бы оценка творчества Анненского оказалась бы “вульгарно-социологической проработкой” («Лит[ературный] Критик», 1939 г., № 5–6). Кивая на вульгарную социологию, В. Александров совершенно обходит классовую борьбу в России начала XX века и дает чисто психологический анализ творчества поэта-декадента, по формуле “все понять — все простить”» (Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) — ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике: 1917–1953 гг. М., 1999. С. 440–441).

Когда однотомник И. Анненского вышел в конце 1959 года, в дни полувековой годовщины смерти поэта, прозвучало лукавое пожелание эмигранта: «Если бы Никита Сергеевич Хрущев не был тем, что он есть, он привез бы в Париж не лунную ракету или дьявольскую “антиматерию”, а стихи Иннокентия Анненского (беру их как символ)» (Злобин В. Литературный дневник // Возрождение. 1960. № 99. С. 137).

24 ЛЧ. С. 127.

25 Образ отсылает к стихам, выхваченным Цветаевой при первом чтении «Вечера» в 1912 году: «Но есть и трогательные строчки напр<имер>:

Ива по небу распластала
Веер сквозной.
Может быть, лучше, что я не стала
Вашей женой.

Эти строчки, по-моему, самые грустные и искренние во всей книге» (Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах / Сост. Е.Б. Коркиной. М., 1999. С. 144. Цитата приводится по памяти — у Ахматовой первая строка — «Ива на небе пустом распластала». Девушка среди ив изображена и на фронтисписе Е.Е. Лансере в «Вечере»). Ср. также: *Сигэки, Кадзи*. Образ ивы

в поэзии Анны Ахматовой (Цикл «Царскосельские строки») // Русский язык за рубежом. 1993. № 3. С. 84–89; *Ронен О.* Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000. С. 62–65; *Найман А.* Поэтическая непреложность // *НМ.* 2002. № 7. С. 168.

26 ИРАИ. Коллекция П.Н. Лукницкого. Альбом VII-2. № 101.

27 Л2. С. 197. Сама она и реализовала пожелание, набросав в 1941 году автопортрет царскосельской дриады:

Над озером серебряная ива
Касается разгоряченных вод,
В ее дупле, как белочка пуглива,
Таинственная девушка живет.

Заметим, что соединение этого, еще, по мнению Ахматовой, лицеиста Пушкина видевшего дерева с псалмическим мотивом арф, повешенных на ветки у рек изгойства, наверное, рождено названием плакучей ивы — ива вавилонская (*babylonica*).

28 Кольшется ива на том берегу,
Как белые руки.
Пройти до конца по мосту не могу,
Но лучшего имени влажные звуки
На память я взял при последней разлуке.
Стоит у излуки
И моет в воде свои белые руки,
А я перед ней в неоплатном долгу...

29 *Ратгауз Г.* С. 156.

30 Незадолго до того прозаик Сергей Сергеевич Смирнов (1915–1976) возглавлял кампанию по травле Пастернака.

31 Екатерина Алексеевна Фурцева (1910–1974) в 1959 году была секретарем ЦК и членом Президиума ЦК КПСС. Заметим совсем уж попутно, что она стала персонажем последнего в жизни сочинения Дона Аминадо: «О “Фурцева — Никитские ворота”, / Как говорит насмешница Москва» (*Дон Аминадо.* В альбом Ек. Фурцевой // *РМ.* 1957. 23 ноября).

32 Михаил Матвеевич Кузнецов (1914–1980) — критик.

33 *Лазарев Л.* Шестой этаж, или Перебирая наши даты. М., 1999. С. 103. Ср. в набросках книги Аркадия Белинкова: «Ранние стихи Ахматовой это все та же исповедь дочери века. Но как не похожи дети (сыновья и дочери) разных веков и как не похожи их исповеди! (Исповедь сына века ввести не в связи с Ахматовой, а с Блоком, например, или с другим поэтом-мужчиной. “Исповедь дочери века” звучит едва ли не смешно.)»

- 34 ВАА. С. 605–606. Ср.: Moscow Tribute is given to Poet. Anna Akhmatova, 66, Long in Disfavor, Gets Critical Acclaim for her Verse // New York Times. 1959. June 26. Текст этого сообщения был воспроизведен в эмигрантской газете: «Москва, 26 июня. В последнем номере “Литературной газеты” напечатана рецензия Льва Озерова на книгу стихов Анны Ахматовой, вышедшую еще в прошлом году. Рецензия в высшей степени благожелательная, свидетельствующая о реабилитации поэтессы, в свое время резко осужденной правительством и Союзом советских писателей за “оторванность от жизни”, “несозвучное эпохе и чуждое советскому государству творчество”» (НПС. 1959. 27 июня).
- 35 *Выгодский <sic!> А.* Октябрь в поэзии // Наш понедельник (Гомель). 1922. 2 октября. Речь идет о статье Н. Осинского «Побеги травы».
- 36 Не откликнулось ли это наблюдение ахматовской строкой 1963 года: «Но сколько предо мною ночных аллей-то...» (С. 394)?
- 37 Из стихотворения «Знаю, знаю — снова лыжи...»:

Ива, дерево русалок,
 Не мешай мне на пути!
 В снежных ветках черных галок,
 Черных галок приюти.

- 38 Ср. об этой цитате: «Это, конечно, очень “по-новому” и очень не плохо. Но от старого ахматовского очарования здесь почти ничего не осталось» (Слизской А. По страницам советских газет // РМ. 1959. 13 августа).
- 39 Описка (в оригинале: «быстрокрылых»), вероятно, навеянная популярной песней на слова С. Фогельсона «Белокрылые чайки».
- 40 Останки лодки в стихотворении, возникшем, возможно, как опыт производства «мажорной» лирики в духе «Слава миру!», видимо, являются реликтами навигации из «Медного всадника»:

Остров малый
 На взморье виден. Иногда
 Причалит с неводом туда
 Рыбак на ловле запоздалый
 И бедный ужин свой варит,
 Или чиновник посетит,
 Гуляя в лодке в воскресенье,
 Пустынный остров.

Ср.: *Сигэки Кадзи*. О славословии Анны Ахматовой // *Japanese Slavic and East European Studies*. 1991. Vol. 12. P. 50.

- 41 Стихотворение 1950 года Александра Ибрагимовича Царукаева (1918–2000), кстати пришедшее хрущевским временам:

...И колхозные ребята
Вышли шумною гурьбой,
Чтоб расчистить до заката
Кукурузы лес густой.

К слову заметим, что строка О. Мандельштама в стихотворении про Сталина “и широкая грудь осетина” Ахматову коромила (*Корнилов В.* На грани смысла // *ЛГ*. 1995. 26 апреля).

По поводу главной героини стихотворения А. Царукаева ср. запись 1963 года: «...кукурузе как кампании, как директиве, проводившейся ряд лет со всей возможной у нас жестокостью и дроволомством; кукурузе, которой отводились лучшие земли и все, что было из удобрений; кукурузе, внесшей полнейшую неразбериху в севообороты, повлекшей чудовищные затраты, деморализовавшей и разгонявшей кадры и т.д., и т.п., мы обязаны многими радостями нынешнего состояния сельского хозяйства, вплоть до такой новации, как закупка хлеба за границей» (*Твардовский А.* Из рабочих тетрадей // *Зн.* 2000. № 9. С. 166). Надежда Заглада, колхозная звеньевая, подарила Ю.А. Гагарину «на память свой тридцатисантиметровый кукурузный початок. Взглянул он на него и отвечает: “Раз вы такие початки выращиваете, раз достигли в труде высот, то вы настоящий космонавт!”» (*Заглада Н.* Запах хлеба // *Зн.* 1963. № 2. С. 141).

- 42 Стихотворение Переца Маркиша «Осень»:

Там листья не шуршат в таинственной тревоге,
А, скрючившись, легли и дремлют на ветру,
Но вот один со сна поплелся по дороге,
Как золотая мышь — искать свою нору...

(Последний стих в оригинале: *Punkt vi a goldn maizele vos hot ir nore nit getrofen*). На предложение перевести П. Маркиша в 1957 году Ахматова откликнулась с благодарностью (*Маркиш-Лазебникова Э.* Столь долгое возвращение. Тель-Авив, 1983. С. 317). Ср. в «Листках из дневника»: «Навестить Надю [Н.Я. Мандельштам в 1934 году после ареста О.Э. Мандельштама] из мужчин пришел один Перец Маркиш». Ср.: *ЛЧ2*. С. 265; *Найман А.* С. 156, 216. 25 ноября 1960 года в Клубе писателей Ахматова выступала на вечере к 60-летию Маркиша.

- 43 Стихотворение официального румынского поэта Александру Тома (1875–1954):

Когда в твои шатры приходит гость,
 Встречай добром:
 ему дай хлеба, соли,
 На раны воду лей, спасай от боли,
 Но ты его расспрашивать не смей,
 Куда идет, явился он отколе...

О грустной иронии того обстоятельства, что Ахматовой выпало переводить именно такого поэта, писали впоследствии в Румынии (*Bakonsky A.E. Meridiane. Bucuresti, 1969. P. 442*). Тем не менее стихотворение оказалось созвучно эпохе возвращения из лагерей, и, возможно, из-за неконтролируемого подтекста не было включено в журнальную подборку ахматовских переводов из Тома, в предисловии к которой Е. Долматовский писал: «Анна Ахматова мастерски перевела несколько стихотворений румынского поэта...» (*Иностранная литература. 1956. № 3. С. 3*). Ахматова говорила об этом стихотворении «Скиталец» как о любимом (*С. 579*).

- 44 *Озеров Л.* Стихотворения Анны Ахматовой // *ЛГ. 1959. 23 июня.*
- 45 *ЛЧ2. С. 776*; о реабилитации Ахматовой в этой рецензии см.: *Лясковский А.* Мартиролог русских писателей. Том II. 1901–1962. Мюнхен, 1963. С. 121–122. Но ахматофобия ощущалась еще долго — см., например, запись от 11 декабря 1964 года: «Сейчас был у меня Менделеев, редактор “Недели”. Привез мою статейку об Ахматовой, которая пойдет в ближайшем номере <... > ура — заговор молчания об Ахматовой нарушен!!!! Но почему-то я очень волнуюсь за нее» (*Чуковский К. Т. 13. С. 399–400*). Речь идет о заметке «Малиновые костры», написанной по поводу вручения премии «Этна-Таормина», о которой Н.М. Малышева писала К. Чуковскому: «Не устаем восхищаться Вашей отзывчивостью <...> по случаю славы Анны Андреевны Ахматовой» (*Известия РАН. Сер. Лит. и яз. 2007. Т. 66. № 4. С. 66*).
- 46 *Озеров Л.* Из книги «Поздняя оглядка» // Дом Остроухова в Трубниках: Альманах. М.; СПб., 1998. С. 272. Ср. в письме археолога Т.С. Пассек от 28 июля 1959 года: «Рецензию на книгу Ваших стихов прочла в “Литературной газете” и не сердилась на автора. Кое-что он написал не плохо» (№ 941). Ср. также письмо Н.А. Роскиной от 26 июня: «Глупо поздравлять с “рецензией”, но я знаю, что это было к Вашему дню рождения (случайно или намеренно?), так что поздравить можно» (№ 977). Видимо, об озеровской статье толковала и поздравительная телеграмма 23 июня: «очень важно что хоть это целуем тая [Ай-

- зенман] наташа [Ильина]» (№ 1506). Об искусствоведе Татьяне Семеновне Айзенман (1913–1993) см. воспоминания Е.Б. Муриной: «Речь идет о личности крупной и даровитой, но закрытой, далекой от “общественности”, или, как она любила говорить, от “ярмарки тщеславия”, нашедшей смысл существования в одиноком искусство-познании. Именно “познание” искусства, а не “знание” было сокровенным смыслом ее постоянных размышлений и точкой приложения всех ее исканий, в том числе и проблем самопознания и духовной жизни. <...> Несмотря на то, что ее выдающиеся способности остались не востребованными, а сама она, как и все ее поколение, была не только свидетелем, но и объектом перманентных идеологических кампаний, мне бы не хотелось говорить о “трудной судьбе” Т.С. Она с достоинством и мужеством принимала все испытания, выпавшие на долю гуманистических ее склада и убеждений. Более того, Т.С. считала себя “удачницей”, так как прошла свой путь, не запятнав совести и не сломившись» (Вопросы искусствознания. 4/93. М., 1994. С. 286). См. также о Татьяне Айзенман и немного о Наталье Ильиной и Ахматовой: *Вельчинская О.* Квартира № 2 и ее окрестности. М., 2009.
- 47 *Масленникова З.А.* Борис Пастернак. Встречи. М., 2001. С. 180–181. Ср. текст телеграммы: «поздравляю родную чудную волшебницу с днем рождения желаю ей долгих и нескончаемых радостей и вдохновений пастернак» (№ 1560). Ср. письмо К.И. Чуковского от 25 июня 1960 года: «Не забуду тех слов, которые говорил мне о Вас Пастернак, посылая Вам 24 июня в прошлом (или позапрошлом?) году свой почтительный и бурнопламенный привет» (№ 1049). 3 мая 1959 года был надписан сборник 1958 года: «Борису Пастернаку — Анна Ахматова».
- 48 *Крымский Ахматовский.* 8. С. 59–60.
- 49 *Teller, Judd L.* Literary Struggle stirs in Moscow // *The Christian Science Monitor.* 1959. June 13.
- 50 См.: *Далози Д.* С. 154–155; *Зезина М.Р.* Советская художественная интеллигенция и власть в 1950-е — 1960-е годы. М., 1999. С. 292. О том, что Ахматова могла говорить Суркову, дает представление ее запись 1961 года: «(“Детство Люверс” — новаторская проза. “Повесть” — тем более). Но вот после войны возникает “Живаго”, и какая-то неодолимая сила тянет автора в его первый мир, в конец 19 века, в “Спекторского”, в квартиру профессора Леонида Яковлевича Пастернака. Тут кругом “Улисс” Джойса, “Процесс” Кафки, “Шум времени”

Мандель<штама>, стихи его современников — он ничего не слышит и не видит. Для него это salto mortale. Жизнь поставлена на эту карту, а карта оказывается не всемогущим тузом, а улыбающаяся злой кривой улыбочкой — все та же Пиковая Дама — гибель. В романе все, кроме описаний природы, которые божественны, плоско, старомодно, неуклюже. Люди — набивные чучела — их вообще никогда не было. Женщины — омерзительны. Сам Живаго такой же. Вместо христианства — сатанизм, диалог — чудовищен и т.д. Его относит куда-то за модернизм (за Белого), в плохую провинциальную литературу 80-х-90-х годов прошлого века. Детство лучше всего, но так и должно быть. Детство у всех хорошо описано» (Ахматова А. набросок «для себя» / Публ. В.А. Черных // Наше наследие. 1998. № 45. С. 57–59; описка — отца поэта называли Леонидом Осиповичем).

- 51 Николай Александрович Абалкин (1906–1986) был критик охрнительского толка, «видный мракобес» (Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 137). Ср. к столетию Абалкина: Михалков С. Образ друга // ЛГ. 2006. 15–21 ноября.

Запись Ю.Г. Оксмана: «Летом даже “Правда” попросила что-нибудь. Она послала одно стихотворение, но они все же не напечатали его» (Оксман Ю. С. 557). Вне всякого сомнения, в нижеприводимом рассказе «Литературную газету» надо заменить на «Правду», а «Царскосельскую оду» — на «Летний сад»:

«Однажды на Ордынке в доме Ардовых А.А. Ахматова показала мне письмо редакции «Литературной газеты», просившей поэта прислать свои стихотворения.

— Вы послали?

— Да, «Царскосельскую оду» и другие, — сказала она.

Я обрадовалась было: уж если редакция просит, то все — тревожиться незачем! Но Ахматова тут же погасила мое рвавшееся наружу чувство:

— Они прислали мне это письмо в день моего семидесятилетия, сделав вид, что не знают даты... Не напечатали ничего... И замолчала.

— Ну, еще опубликуют, Анна Андреевна, вот увидите, опубликуют! Сами же просили! — воскликнула я, пытаюсь снять молчание горестной паузы.

— Нет, зимой они не станут печатать летних стихов.

И снова — крепко сдержанная горечь молчания» (Татарина Н. «Я голос ваш...» // Звезда Востока. 1989. № 6. С. 165).

Нина Ивановна Татаринова (Пушкарская) (1916–1992) — поэтесса, жившая в Ташкенте. Одну из московских встреч этого периода можно датировать по инскрипту на сборнике 1958 года: «Нине Пушкарской, ожидая ее стихов о Ташкенте дружески А. 24 марта 1960 Москва» (МАА).

- 52 3 июля 1959 года Н.Я. Мандельштам писала из Тарусы: «Мика Гольшев, молчащий физик, точно передал Ваш рассказ про “Известия”» (ЛО. 1991. № 1. С. 100); ср. в письме Т.С. Пассек от 28 июля: «Были ли напечатаны Ваши стихи в “Известиях”, как Вы говорили?» (№ 941). Молчащий физик, Виктор Петрович Гольшев, стал впоследствии известным переводчиком. В эти годы Ахматова склонна была замечать, что ученые сейчас — самые восприимчивые и искусные читатели стихов (*Carlisle O. Anna Akhmatova // Atlantic Monthly. 1964. Vol. 214. № 4. P. 61*).

- 53 Одним из воспреемников стихотворения (в котором использованы строфы из недописанной и забытой петербургской поэмы 1917 года) могло быть описание ограды Летнего сада в «Петербурге» П.А. Вяземского. Ахматова подчеркнула его в однотомнике поэта, который подарила ей Л.Я. Гинзбург 25 сентября 1958 года:

Железо, покорясь влиянию огня,
здесь легкостью дивит в прозрачности ограды,
за коей прячется и смотрит сад прохлады.
Полтавская рука сей разводила сад! (МАА).

Ахматова, судя по всему, санкционировала среди своих близких догадки о том, из каких беглых впечатлений и фраз возникали ее стихи, — так, И.Н. Пунина писала ей 12 октября 1965 года: «...два стихотворения: “Летний сад” и “Последняя роза” получили первоначальный толчок к своему зарождению от моих слов...» (*Из семейной. С. 158*). Три Летних сада в своей жизни (предреволюционный в июльской неподвижности, в наводнение 1924 года и изрезанный зловонными окопами-щелями в 1941 году) Ахматова вспоминала в заметке 1962 года (С. 216). Ср. также письмо Валентины Ходасевич к Н. Берберовой от 22 июня 1923 года: «Хожу в Летний сад, часто вижу там Ахматову, гуляет в 30-и одежках и в туфлях без каблуков» (*Valentina Khodasevich and Olga Margolina-Khodasevich. Unpublished Letters to Nina Berberova / Ed. by R.D. Sylvester. Berkeley, 1979. P. 54*). «Как это было давно и как все это неповторимо!» — откликнулся на ахматовский «Летний сад» эмигрант (*Слизской А.*

Вешние воды. К 142-й годовщине Санкт-Петербургского университета // *РМ*. 1961. 23 февраля).

- 54 *Огнев В.* Книга про стихи. М., 1963. С. 275–276. Мотив сугубо петербургской всеобщей удвоенности мог быть дополнительно подсказан откликнувшимся здесь («Там шепчутся белые ночи мои») стихотворением Вяч. Иванова «Сфинксы над Невой», подхватившим пушкинский мотив дуумвирата невыхских зорь:

Так в час, когда томят нас две зари
И шепчутся лучами, дея чары...

Стихотворение это приводил Иннокентий Анненский: «Чтобы любить город, Вячеславу Иванову нужна высота птичьего полета, а чтобы слиться с его белой ночью — гиератический символ» (*Аникин А.Е.* Ахматова и Анненский: Заметки к теме. IV. Препринт. Новосибирск, 1989. С. 52).

- 55 *В.А.А.* С. 480–481. Ср. воспоминания Евгения Пастернака об этом эпизоде: «После чтения возникло молчание, которое нарушил папочка, сказав, что если бы “Правда” напечатала это стихотворение, она должна была бы совершенно перемениться с этого дня, а литературная страница — выходить в кружевных оборках или вся розовая и т.п. Анна Андреевна обиженно промолчала, комплименты не были ею приняты и, может быть, даже задели ее. Стали просить ее что-нибудь прочесть. <...> Мне показалось, что стихотворение [«Читатель»] обращено к папе как продолжение разговора. В чтении слышались раздраженные интонации:

И рампа торчит под ногами,
Все мертвенно, пусто, светло,
Лайм-лайта холодное пламя
Его заклеимило чело»

(Существованья ткань сквозная. Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак (дополненная письмами к Е.Б. Пастернаку и его воспоминаниями). М., 1998. С. 559). О Евгении Борисовиче Пастернаке (1923–2012) см. нашу справку: *From Medieval Russian Culture to Modernism*. С. 297–299. В письме к нам 2009 года он вспоминал эпизод, когда Ахматова пригласила его и Е.В. Пастернак читать у нее «Реквием»: «Когда она спросила, что мне больше всего понравилось, я почувствовал себя в затруднительном положении. Сказал, что все удивительно и очень волнует, но, может быть, самое сильное впечатление произвело на меня стихотворение “К смерти” (“Ты все равно

придешь...»), в котором вспомнился Мандельштам в строках: “Мне все равно теперь. Клубится Енисей, / Звезда полярная сияет”. Я имел в виду “Уведи меня в ночь, / Где течет Енисей, / Где сосна до звезды достает...”, но этих строк я ей не сказал, потому что упоминание имени Мандельштама вызвало у нее гневную реакцию: “При чем тут Мандельштам? Он никакого отношения к этому не имеет”».

- 56 Ср. упрек этому стихотворению: «в двух начальных строках кое-что не принадлежит к лучшим ахматовским строчкам, но рядом есть строчки замечательные» (*Терапиано Ю.* О последних стихах Анны Ахматовой и о «Поэме без героя» // *РМ.* 1960. 28 мая). Ср. также: «...когда мы остались с ней вдвоем, призналась, что в стихотворении “Подумаешь, тоже работа” недовольна строкой — Так стонет среди блещущих нив» (*ЛЧз.* С. 363–364). В черновике строфа первоначально выглядела так: «И чье-то [немецкое] веселое скерцо / В какие-то строки вложить / Покаяться, что бедное сердце / Так будет и плакать и жить» (Книги и рукописи в собрании М.С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 283). Повидимому, одним из толчков к стихотворению были пейзажные впечатления того года («Когда дымовая завеса / Тумана повсюду лежит», в окончательной редакции — «...повсюду стоит»), напомнившие о роковом августе 1921-го: «В то лето горели леса под Петербургом — улицы были полны пахучим желтым дымом (как в 1959)» (*Десятые годы.* С. 262). Видимо, не случайно именно в этом стихотворении содержится напоминание о происхождении поэзии из земных шумов, стонов и блесков:

Налево беру и направо
И даже, без чувства вины,
Немного у жизни лукавой
И все — у ночной тишины, —

- за что автор и был пойман на слове: «Есть ли у Ахматовой продиктованное *лукавством* жизни? Несомненно, сама же признала то. И слово слишком значимое, чтобы не сознать природу такого источника» (*Дунаев М.М.* Православие и русская литература. Ч. VI. М., 2000. С. 133).
- 57 Москвич, историк Лев Андреевич Ельницкий (1907–1979), писавший 31 декабря 1958 года: «Глубокоуважаемая Анна Андреевна, так как эти, написанные двадцать лет тому назад, стихи, вероятнее всего, никогда не увидят света, мне стало вдруг жал-

ко, что они останутся Вам неизвестны»; приложено стихотворение с посвящением Анне Андреевне Ахматовой:

В городе этом, пустом и холодном,
 Где бы я, день изо дня, ни бывал,
 Профиль ваш плыл по тропам пешеходным,
 Ночью свой контур к окну подымал.
 Ныне ж я отбыл недолгие сроки
 В мире прямых и высоких колонн.
 Пил этих камней горячие соки,
 Принял искусства удел и закон.
 Только приблизился к вашему дому,
 Но перейти не посмел за порог:
 Долго ль мне, легионеру чужому,
 Ваших кругов наступить на зарок?
 Гордости грубой предчувствуя слабость
 Перед упорством вчерашнего дня,
 Молодость мне обернулась как наглость,
 Дрогнула вера в права бытия.
 Пусть же теперь, от меня на прощанье,
 Уши вам режет свисток поездной.
 Было б на свете темно и печально,
 Если б домой, не нарушив молчанья,
 Я возвратился безмолвный и злой.
 Каждому тяжело под собственным грузом.
 Станут доверчивей ваши глаза,
 Лишь бы нас времени путаный узел,
 Точно рабов, по рукам не вязал (№ 1269).

- 58 Легенда о приказе римского полководца пощадить Архимеда при захвате Сиракуз и о солдате, который убил ученого, сидевшего над чертежами и просившего: «Noli turbare circulos meos (Не прикасайся к моим кругам)». Имевшая обыкновение «рифмовать» смысловые узлы своей жизни, Ахматова спустя пять лет послала Иосифу Бродскому две сиракузские свечи (*Волков С. С.* 263).
- 59 Вадим Владимирович Морковин (1906–1973) — русский поэт и критик, живший в Чехословакии. В конце 1962 года ту же выписку прислала переводчица И.М. Зусманович (№ 826). Последнее в жизни предложение написать о Цветаевой (предисловие к подборке в журнале «Юность») Ахматова получила в январе 1966 года от сотрудника редакции Сергея Григорьянца (№ 1699).

- 60 В заключении этого пассажа Цветаева писала: «Знаю, что Ахматова потом в 1916–1917 году с моими рукописными стихами к ней не расставалась и до того доносила их в сумочке, что одни складки и трещины остались. Этот рассказ Осипа Мандельштама — одна из самых моих больших радостей за жизнь». В 1925 году она жаловалась Пастернаку на то, что от Ахматовой имела только “телефонный звонок, который не дошел [,] и стороннюю весть, что всегда носит мои стихи при себе, в сумочке”» (Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради / Подг. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М., 1997. С. 349). Ср. слова Ахматовой: «Этого никогда не было. Ни ее стихов у меня в сумочке, ни трещин и складок» (ЛЧ2. С. 329).
- 61 Ср., например:

Там кто-то беспомощно плачет
 В какой-то назначенный час.
 И сколько там сумрака ночи,
 И тени, и сколько прохлад,
 Там те незнакомые очи
 До света со мной говорят.
 За что-то меня упрекают
 И в чем-то согласны со мной...

и общие места символистской лирики, например, «Воздушный храм» К. Бальмонта:

Кто-то светлый там молится, молит кого-то,
 Преклоняется, падает ниц...

- 62 Стихотворение, напечатанное в 1923 году, тоже адресовалось всему начавшему тогда редеть сонму читателей первого призыва:

Я — голос ваш, жар вашего дыханья,
 Я — отраженье вашего лица.
 Напрасных крыл напрасны трепетанья,
 Ведь все равно я с вами до конца...

Заглавие следовало прецеденту стихотворения добровольно ушедшего от своих читателей поэта Виктора Гофмана — «Многим» («Меня зовете вы — союзник...»).

- 63 «Цветаева <...> навстречу любимому открывает *руки настезь*. Это очень оригинальное и запоминающееся выражение. Я был очень удивлен, что в 1958 году Ахматова заимствует его: *Весь настезь распахнут поэт*» (Биск А. Поэтессы серебряного века // НРС. 1961. 28 мая).

- 64 Гумилев писал Брюсову: «На днях я получил № 1 «Весов» и пришел в восторг, узнав, что “всё в жизни лишь средство для ярко-певучих стихов”. Это была одна из сокровеннейших мыслей моих, но я боялся оформить ее даже для себя и считал ее преувеличенным парадоксом. Теперь же, в цепи Ваших стихов она кажется вполне обоснованной истиной, и я удивляюсь ее глубине...» (Литературное наследство. Т. 98. Кн. 2. М., 1994. С. 471). Спустя четырнадцать лет Мандельштам, составляя антологию русской поэзии, «выходил из себя: “Что это значит — ‘ты должен быть жарким, как пламя, ты должен быть острым, как меч’?” — раздраженно спрашивал он, а когда дело доходило до строк про Данте, которому подземное пламя обожгло щеки, О.М. бросался к издателям отказываться от работы» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1989. С. 229) — у Брюсова:

Ты должен быть гордым, как знамя;
Ты должен быть острым, как меч;
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

- 65 *Кралин М.* Победившее смерть слово. Томск, 2000. С. 228.
- 66 Видимо, к этому визиту относится телеграмма из Ленинграда в Комарово от 12 июля 1958 года: «воскресенье днем привезу на поклон обнимаю=островская» (№ 935). 13 июля Ахматова написала М. Пискулину фотографии с рисунка А. Тышлера (Литературный Музей Пушкинского Дома). Ранее С.К. Островская рассказывала Ахматовой о нем — см. ее письмо от 13 апреля 1957 года (№ 1076). Ср. также письмо его вдовы от 31 декабря 1963 года: «Михаил Дмитриевич был все же не стандартной личностью, его особая любовь к книгам, к поэзии, в частности, привела его к особенно любовному отношению к Вашей поэзии, Анна Андреевна. Я так была рада узнать из его писем из Л-да о знакомстве и встречах с Вами. Ведь в течение 30 лет я наблюдала его трогательное отношение к стоявшим у нас на почетном месте томикам В<аших> стихов. Они утешали его в трудные минуты и часто вызывали слезы на глазах. О всех перипетиях В<ашей> жизни, конечно, мы знали и болезненно переживали. Поэтому особенно было приятно М.Д. увидеть Вас, побеседовать. Поездка М.Д. в Л<енингра>д в 58 г., в любимый, прекрасный город, общение с Вами, посещение музеев, окрестностей, прогулки по городу — это последнее удовольствие, полученное им в жизни. Я пыталась, вернее только заикнулась о том, что при состоянии его сердца после инфаркта было бы благора-

зумнее тихо посидеть дома, как он воскликнул: Мушенька, не удерживай меня, я должен перед смертью посетить Ленинград. Я умолкла. <...> Простите мне, Анна Андреевна, неудержимую потребность поговорить с Вами о М.Д. — может Вы не совсем забыли о нем, если он сумел дать Вам почувствовать свое отношение к <Вашей> поэзии. <...> Анна Андреевна, у меня есть кое-что из переписанного М.Д. у Вас. Это Вы позволите показать некоторым друзьям-любителям, или наложите veto?» На конверте — помета: «Надо ответить» (№ 948). Запись рассказа С.К. Островской: «Он (не будучи осведомителем, а из чистой бескорыстной любви к Ахматовой) буквально ходил за ней по пятам и записывал каждый ее шаг, ничем не выдавая своего присутствия. Когда же все-таки решился с ней встретиться, незадолго до смерти (это было в 1958 году), он ей рассказывал, например, следующее: “А помните, Анна Андреевна, как Вы проходили по набережной Фонтанки такого-то числа такого-то месяца такого-то года и наклонились, чтобы завязать шнурок на ботинке?”» (*Кралин М. Победившее смерть слово. С. 228*). Михаил Дмитриевич Пискулин (1890–1958) учился в 1909–1917 годах в Петербургском университете, в 1918 году переехал в Москву. Ср. в черновике стихотворения «Читатель»:

Там нет ни имен, ни фамилий,
Ни года рожденья... Увы!

- 67 Ср. запись рассказа критика Т.Ю. Хмельницкой: «Т.Г. Гнедич <...> поселилась у своей приятельницы-польки, у которой погиб отец. Мы точно не знали, при каких обстоятельствах. А оказывается, он погиб в “органах”. И вот однажды Татьяна Гнедич <...> пригласила меня к себе. Был уже 44 год. Примерно начало ноября. Я пришла к ней в гости и с удивлением увидела там Анну Андреевну Ахматову. Анна Андреевна похудела, немного постарела, но все еще была великолепна. И вот пошел разговор. Ну о чем можно было говорить в 44 году? О наших поражениях и успехах. О том, что нечего есть. О неизвестности того, что будет дальше. И зашел разговор о необычайно смешных проявлениях патриотизма — французскую булку переименовали в городскую, батон западный — в городской. Я об этом отозвалась очень насмешливо. И вдруг, к крайнему моему удивлению, Анна Андреевна Ахматова, гордо закинув голову, отчитала меня, прямо как непристойную девчонку. Она сказала: “Как вы можете так говорить, когда страна на краю гибели, когда мы окружены врагами, когда естественно национальное

чувство! И вы можете над этим смеяться!” <...> Был, по-видимому, пятьдесят шестой или пятьдесят седьмой год, когда я увидела ее в Комарове. Она сама ко мне подходит и говорит: “Вы помните? Мы ведь с вами знакомы”. Я: “Да, Анна Андреевна, я-то очень хорошо это помню!” Она в ответ: “А вы знаете, что хозяйка дома, в котором мы познакомились, посадила целый куст людей?” Я сказала: “Догадывалась”. И после этого у нее стало больше доверия ко мне, разговоры стали более естественными. Тогда-то я поняла, что Анна Андреевна меня предостерегала. Она дала мне понять: не говорите глупостей о булках, поймите, где вы находитесь!..» (Любегин А. Пальма Серверной Пальмиры // Нева. 1997. № 8. С. 198, 200).

68 Волков С. С. 251.

69 Ср.: «La Penultieme est morte». Ср. перевод Ф. Сологуба: «Неведомые ли речи пели на ваших губах, проклятые лохмотья бессмысленной фразы? Я вышел из моей квартиры с ощущением, свойственным крылу, скользящему по струнам инструмента, влекущему и легкому, которое заменил голос, произносивший падающим тоном слова: “Пенюльтиема умерла”, так что

Пенюльтиема

оканчивает стих, и

умерла

отделилось в вещем пресечении, весьма бесполезном в пустоте смысла. Я пошел по улице и узнал в звуке *нюль* натянутую струну забытого музыкального инструмента, которого, конечно, коснулось славное воспоминание своим крылом или пальмою, — и, положив палец на хитрость тайны, я улыбнулся и испросил духовными мольбами иное созерцание. Фраза возвратилась, потенциальная, освобожденная от предыдущего падения пера или ветви, теперь уже различаемая в звуках голоса, пока она не выговорилась одна, живя в своей отдаленности. — Я шел (уже не довольствуясь одним восприятием), прочитывая ее, как конец стиха, и порою пытаюсь приспособить ее к моему выговору; скоро я, произнося ее, замолкал после “Пенюльтиема”, в которой я находил тягостное наслаждение: “Пенюльтиема”, затем струна инструмента, так натянутая в забывчивости на звуке *нюль*, лопалась, без сомнения, и я прибавлял, точно молитву: “Умерла»» (Багно В.Е. Федор Сологуб — переводчик французских символистов // На рубеже XIX и XX веков: Из истории международных связей русской литературы. Сб. научных трудов. Л., 1991. С. 195). Ср. рассказ Е.Г. Эткинда: «При-

глашая поэтессу в 1964 г. принять участие в подготовке сборника Верлена, он неожиданно получил отказ. “А вот Малларме я бы перевела”, — заметила Ахматова» (*Дубровкин Р.* Стефан Малларме и Россия. Bern, 1998. С. 479). Строку о знающих тайны вечности и гроба — «Toi qui sur le néant en sais plus que les morts» из стихотворения «Страх» («Angoisse») она особенно ценила: «Говорили о Малларме. АА процитировала на память несколько мест (в одном из них была строка — в переводе: “ты, которая — живая, знаешь больше, чем знают мертвые...”). Его она считает прекрасным поэтом. Сказала — что “надо бы достать Малларме и почитать его — уделить ему один вечер”» (Л2. С. 160). Ср., возможно, отголосок стихотворения Малларме у Валентина Кривича:

И нет в душе ни песен, ни былого,
 Ни грусти предвесеннего тепла,
 Там лишь одно заледенело слово
 Такое страшное, простое — умерла...

- 70 Антонина Михайловна Оранжевеева (ур. Розен; 1897–1960) — археолог, библиограф, переводчица, сотрудница В.К. Шилейко по Академии истории материальной культуры. Ср.: *Калугин О. С.* 75; *Тименчик Р.* Рец. на кн: Кралин М. Победившее смерть слово. Томск, 2000 // Новая русская книга. 2000. № 6. С. 67. Ср. также ее показания по делу Даниила Хармса в ноябре 1941-го: Следственное дело № 2196–41г. 1941–1942 годы / Подг. текстов и примеч. В. Сажина // «...Сборище друзей, оставленных судьбою»: «Чинари» в текстах, документах и исследованиях. В двух томах. Т. 2. [М., 1998]. С. 599–601. Недавно обнаруженный инскрипт А.М. Розен на издании «Писем» Рубенса является, вероятно, фальшивкой (Библиофильский венок Анне Ахматовой. Автографы в собрании М. Сеславинского. М., 2014. С. 114), как и автограф прекрасной Изе Давыдовне Ханцин (*Там же*. С. 124).
- 71 В этой речи, в частности, прозвучали стихи «ближайшего друга юности рабочего Пантелея Махини»:

Люблю за книгою правдивой
 Огни эмоций зажигать,
 Чтоб в жизни нашей суетливой
 Гореть, гореть и не сгорать...

(*Хрущев Н.С.* За тесную связь литературы и искусства с жизнью народа // Москва. 1959. № 7. С. 4).

- 72 РГАЛИ. Ф. 2931. Оп. 1. № 29. Л. 12–13 (подписано «Гарнист Б.В. Крестьянинова В.А. Москва, Сретенский тупик, д. 8, кв. 6»). От

редакции читателям отвечал поэт В. Кулемин: «Нам понятны Ваши возражения. Но дело в том, что как раз в это время Анне Ахматовой исполнилось 70 лет. Учитывая в связи с этим целый комплекс вопросов и отношений к творчеству Ахматовой, редколлегия сочла возможным опубликовать эти ее стихи». См. подробнее: *Тименчик Р.* Ахматова и советский читатель // Русская литература. 2014. № 2. С. 190–206.

- 73 Отсылаем читателя хотя бы к книге: *Kern, Stephen.* The Culture of Time and Space, 1880–1918. Harvard University Press: 2003. Интеллектуальные моды 1910-х Ахматова вспомнила в другом наброске на том же листке — о «бесе скорости», о рухнувшем пространстве и о пошатнувшемся времени

И все, что снилось нам в начале века

.....

Индуса бредни, и мечтанья грека

И Страшного Суда великий час

Все у порога...

- 74 *Винокуров Е.* Скорость // Юность. 1961. № 4. С. 5. Ср. строчку Д. Бобышева, запомнившуюся слушателям 1957 года: «От скорости журчало в волосах» (*Британишский В.* Похищение Прозерпины Плутоном // Нева. 2003. № 2. С. 191).
- 75 Ср. наблюдение о том, что в «очертаньях Фауста» спрятан с самого начала «черт»: *Кожевникова Н.А.* Звуковые повторы в стихах А. Ахматовой // Русский стих: Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика: В честь 60-летия М.Л. Гаспарова. М., 1996. С. 139.
- 76 *Kopelew L.* Ein faustischer Traum — Anna Achmatova // Deutsche und Deutschland in der russischen Lyrik des frühen 20. Jahrhunderts / Hrsg. von Dagmar Herrmann und Johanne Peters unter Mitarbeit von Volker Pallin. München. 1988. S. 20–21.
- 77 *Ардов В.С.* 62; «Когда японцы напали на Перл-Харбор и потопили американский флот, она сказала: “Американцы — простодушные дети, но своим зверством японцы превратят их в зверей”. Эти свои слова она вспомнила и повторила мне, когда на Японию была сброшена американская атомная бомба. А ведь мы теперь забываем, что тогда лишь очень немногие и очень пронизательные люди не обрадовались этому взрыву — концу войны, любой ценой концу войны» (*Роскина Н.* С. 96).
- 78 *Ахматова А.* О Пушкине. Горький. 1984. С. 175. Ср. сцену из «Материалов к Фаусту» Г. Лессинга (перевод В. Е. Аренс-Гаккель):

«*Фауст*. (К седьмому духу.) Скажи мне, насколько ты быстр?
Седьмой дух. Не более и не менее, чем переход от добра к
злу.

- Фауст*. Да, черт, ты мой! Быстрый, как переход от добра к
злу! Да, это переход быстрый; ничего нет быстрее, чем он!»
- 79 В составленной И.С. Ежовым и Е.И. Шамуриным антологии
«Русская поэзия XX века» (М., 1925), куда вошло 32 стихотворе-
ния Ахматовой, во вступительной статье «Основные течения
в русской дореволюционной поэзии XX века» Е.И. Шамурин
писал: «Значительно ближе к Пушкину [чем поэзия М.А. Куз-
мина] по духу и поэтическим приемам, несмотря на романтизм
ее настроения и ограниченность ее тем, поэзия Анны Ахмато-
вой» (С. XXXIV). См. также в рецензии Н.В. Яковлева на эту
антологию: «Надо ли говорить, что поэтам Александровскому,
Кириллову, Малашкину, Гастеву, Филипченко и Обрадовичу от-
ведено больше места, чем Блоку, Кузмину и Ахматовой?» (Руль
(Берлин). 1927. 26 января); ср. в рецензии Василия Бетаки на
переиздание антологии: «И вот половина антологии состоит из
“пролетарских поэтов” с прибавкой крестьянских, которых тут
вдвое меньше, как и полагалось по “нормам представительно-
сти” того времени. Все же прочие, разделенные по направлени-
ям, представлены, однако, вполне ярко, и все ж — вот он, доку-
мент времени! — составители, словно бы увлекшиеся работой
без оглядки, вдруг, временами, “опоминаются” и произносят
необходимые (уже в тот дальний год необходимые!) заклина-
ния о том, кто чего “недопонял”, кто “не дорос” до пролетарских
высот и так далее» (РМ. 1992. 5 июня). Ср. также воспоминания
С. Аллилуевой о чтении этой антологии в 1942 году: «Огром-
ная “Антология русской поэзии от символизма до наших дней”,
которую Люся [А.Я. Каплер] подарил мне, вся была испещрена
его галочками и крестиками около его любимых стихов. И я
с тех пор знаю наизусть Ахматову, Гумилева, Ходасевича... О,
что это была за антология, — она долго хранилась у меня дома
и в какие только минуты я не заглядывала в нее...» (Аллилуе-
ва С. Двадцать писем к другу. Н.-Й., 1967. С. 166). См. подроб-
нее нашу справку о Евгении Ивановиче Шамурине (1889–1962):
Крымский Ахматовский. 7. С. 76–77.

Ср.: «Весьма объемистый том. Мандельштам был недово-
лен ее составом, но всюду возил с собой, как возят семейный
альбом: не все снимки удались, но что поделаешь. Надежда
Яковлевна показывала антологию нам с Эдиком, но выносить

из дому не позволяла. Она относилась к “кирпичу” тоже как к семейному альбому» (*Берестов В. С.* 220).

- 80 *Твардовский А.* Дневник. 1950–1959. М., 2013. С. 426. Ср.: *ЛЧ*. С. 369–370. До Твардовского редактором журнала был секретарь Правления Союза писателей Константин Симонов, который, выступая 30 октября 1956 года на совещании заведующих кафедрами советской литературы, подверг критике доклад Жданова и постановление ЦК о журналах. Как сообщала записка Отдела культуры ЦК Хрущеву, «он говорил, что наряду с верными в этих документах содержатся неверные положения, ориентировавшие нашу литературу и критику на путь лакировки и сглаживания жизненных конфликтов». Составители записки объяснили главе государства: «Однако основное содержание постановлений ЦК о журналах “Звезда” и “Ленинград” и о репертуаре драматических театров совершенно правильно и в важнейших своих положениях сохраняет свое значение и сегодня. Борьба за высокую идейность литературы, против аполитичности, безыдейности, пессимизма, низкопоклонства, призыв глубже изучать жизнь советских людей, запросы народа, освещать коренные вопросы современности, воспитывать средствами искусства нашу молодежь бодрой, жизнерадостной, преданной родине и верящей в победу нашего дела, не боящейся трудностей, — все это было и остается важнейшей задачей деятелей литературы и искусства» (*История советской политической цензуры: Документы и комментарии.* М., 1997. С. 124). При всех своих порывах к либерализму К. Симонов был вовсе не поклонником творчества Ахматовой, о чем он позднее откровенно рассказывал в письме к В.Я. Виленкину (*Симонов К.* Сегодня и давно. М., 1978. С. 337–343). Ср.: «Вспоминает, что, когда она была у Эренбурга на 70-летию, там ей встретился К. Симонов:

— Он со мной не поздоровался, может быть, думал, что я ему не отвечу.

Еще раз А. А. рассказывает о домашнем приеме у Алексея Суркова:

— Мадам с голой спиной. На столе розы — в декабре. Зашла речь об издании моих стихов. В кабинете мне Сурков сказал, что Симонов против: мы не можем печатать поэта, осужденного постановлением ЦК» (*Готхарт Н. С.* 286). Как сообщалось в одном из доносов, Ахматова говорила:

«Участь русской поэзии — быть на нелегальном положении. Печатают макулатуру — Симонова, а Волошина, Ходасе-

- вича, Мандельштама — нет» (Калугин О. С. 76). Ср. разговор 1953 года: «Ему кто-то передал, будто я браню его стихи. И это мечь. А я их и не читала. Симонов в 49-м году приезжал в Ленинград и метал грома и молнии: “Ахматовщину надо выжечь каленым железом”. <... > Я прошу вас пока никому ничего о Симонове не говорить, — сказала А. А. — Через некоторое время я сама скажу человекам десяти, и тогда ему станет не очень весело: он ведь любит казаться либеральным» (ЛЧ2. С. 77, 79). В беседе в январе 1961 года она говорила: «Ну, ведь Симонов, он — все. Он — поэт и прозаик. Он — везде. (Это было сказано с иронией, но без злости)» (Ратгауз Г. С. 156). К стихам К. Симонова с годами Ахматова относилась все равнодушной или раздраженной (ЛЧ1. С. 210; ВАА. С. 430). Среди ее ближайшего литературного окружения тоже не замечалось большого воодушевления. Б.В. Томашевский говорил: «...поэт для парикмахеров, ставших в армии майорами» (Любимов Н. Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Т. 2. М., 2004. С. 446).
- 81 Шапорина Л.В. С. 124.
- 82 Так и понял эти стихи польский поэт: «Ахматова многое смогла преодолеть — глубоко пережила со всем народом горе Второй мировой войны — дни, когда и из ее сожженного дома “ее стихи вспорхнули испепеленной стаей”» (Stern). Ср. свидетельство очевидца момента переделки: «Пусть думают, что был пожар, — сказала Анна Андреевна» (Бабаев Э. С. 74). Конечно, редакционная цензура учила технике поэтического иносказания, но вряд ли Ахматова считала эту школу благотворной. В таком «примиренческом» духе Г. Адамович писал о двух вариантах стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» (Адамович Г. Литература и жизнь // РМ. 1965. 7 августа), что, видимо, вызвало отторжение Ахматовой. Ср. ее запись от 15 сентября 1965 года: «...был Добин. Показала ему “Р<усскую?>м<ысль?>”, где “отличается” Адамович. Он был со мной во всем согласен» (С. 668).
- 83 Твардовский А. Из рабочих тетрадей // Зн. 2000. № 12. С. 129.
- 84 Готхарт Н. С. 286; ср. в том же разговоре в сентябре 1963 года: «Мне рассказывали, что когда его спросили обо мне, он сказал, что я мещанка, а в постановлении 1946 года была государственная необходимость».
- 85 Берар Е. Вокруг мемуаров Ильи Эренбурга // Минувшее. 8. С. 390. И. Эренбург отвечал 10 апреля: «Я совершенно с Вами согласен, что нужно было спросить мнение Анны Андреев-

ны? — не возражает ли она против опубликования ее слов, что я и сделаю» (*Там же*. С. 392). Речь идет о странной политике Сталина в предвоенный месяц 1941 года: «В киевской гостинице “Континенталь” танцевали. За нашим столиком сидел молодой поляк; он рассказывал о немцах в Варшаве. Софья Григорьевна Долматовская плакала. В Ленинграде в “Европейской гостинице” пьяные немцы кричали “хох!”. Я выступал в Выборгском доме культуры; меня закидали вопросами: правда ли, что немцы собираются нарушить договор, или это английская провокация. <...> Вот записи тех дней: <...> 23 мая. <...> Инструктор райкома: “Незачем паниковать. Немцы соображают...” 5 июня. Вечером была А. А.: “не нужно ничему удивляться”» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь // *НМ.* 1962. № 6. С. 151).

- 86 *Лакшин В. С.* 160. Ср. надпись ленинградского прозаика Давида Яковлевича Дара (Рывкина; 1910–1980) на его книге: «Анна Андреевна Ахматова! Примите, пожалуйста, эту маленькую книжечку в качестве одной из многих сотен свечек, зажженных перед алтарем Вашего божественного величия. Ваше Бытие для меня и людей моего поколения это — огонь в ночи; костер в стужу. Бог принимает обличье Поэта и сходит на землю, чтобы вызволить людей из унижения и рабства. И за это его побивают камнями. Спасибо Вам за то, что Вы явили нам еще одно Пришествие и сделали нас участниками той единственной вечной трагической и прекрасной Мистерии, для которой вся история человечества лишь подмости и холст декораций. Д. Дар. 8 февраля 1965 г. Комарово» (*Пакишина Н., Позднякова Т.* Библиотека Анны Ахматовой // *Библиофилы России.* Т. 1. М., 2004. С. 103). См. о нем как опекуне молодых писателей: «Обращал наши взоры к здравствующей, но полуопальной Ахматовой» (*Горбовский Г.* Остывшие следы. Записки литератора. Л., 1991. С. 213).

- 87 Представляется, что имя Якобсона со слуха неверно разобрано П.Н. Лукницким («Яковлевым») в его записи беседы с Ахматовой в Комарове в 1962 году:

«Когда А. Стенич <Большинцова> выходила звонить в Ленинград, АА рассказала мне историю о том, что без ее ведома и согласия ее поэма дважды была напечатана в американском альманахе “Воздушные пути”, и что она, АА, не представляет себе каким образом и от кого этот американский издатель получил рукопись (будто бы первый вариант был увезен неким литературоведом Яковлевым, но ему АА не давала рукописи)

[Первая публикация по списку с редакции 1946 года. Вторая публикация по списку с редакции 1959 года с более поздними вставками и дополнениями, который был передан издателю знакомой Л.Д. Большинцовой-Стенич Е.М. Клебановой.] И показала мне открытку из Рима, от некоего, неведомого ей “Гринберга”, который пишет ей: “Дорогая Анна Андреевна” так, словно всю жизнь знаком ей, и упоминает о двух-трех поправках — вариантах в поэме, которые она действительно сделала, но которые попали к этому Гринбергу “редактору-издателю” неведомыми ей путями, — этот Гринберг и есть, дескать, тот самый редактор-издатель “Воздушных путей”, способный заработать на поэме АА, дважды разошедшегося альманаха, в третий раз.

— Я готова написать Кеннеди, — полусерьезно сказала АА, — напомнить ему, что в Америке право собственности уважается, а получается, что на мне, авторе, вы знаете, как живущем, этот капиталистический зубр, Гринберг, хочет в третий раз нажиться. Я хочу протестовать против публикации поэмы Гринбергом!..

Вот, не слишком внятно переданный мною, — некогда “отрабатывать” свою запись, примерный рассказ о моей встрече с АА вчера и сегодня, в Доме Творчества Комарово» («*Acumiana*» П.Н. Лукницкого 1962 г. С. 762).

С выдающимся филологом Романом Осиповичем Якобсоном (1896–1982) Ахматова встречалась в 1962 и 1964 годах (С. 266, 480, 691). Среди официального литературоведения он пользовался дурной славой. См., например: «Спекулируя былой близостью к Маяковскому, он пытается вызвать доверие к своим выдумкам, набить себе цену в глазах простаков. И не только простаков...» (*Наумов Е.* Метаморфоза профессора Гарвардского университета // Нева. 1962. №4. С. 187). О его первом после отъезда в Европу в 1920 году визите в Москву см. в письме экономиста и советолога Алекса Гершенкрона к Исаяе Берлину из Гарвардского университета 17 мая 1956 года: «А Якобсон уехал в Москву на предварительное заседание славистов. Перед отъездом был радостно взволнован, но и трусил здорово. И впрямь, а вдруг кто скажет “А теперь ступай-ка, мой милый, с Малютой в застенки” <sic!> И еще прибавят: “Знать много славистов у Гарварда есть что отдали тебя за бесценку!” Вот что!» (цитата из «Василия Шибанова» А.К. Толстого). Литературовед Рене Уэллек писал Исаяе Берлину 16 июня того же

года: «Вы должно быть слышали, что Яacobсон был недавно в Москве. Он навел Пастернака и т.д., и они все там, кажется, полны надеждами на перемены: они похваляются, как много лет их преследовали при Сталине».

Ахматовскую «пластинку» о приезде Яacobсона в 1956-м см.: *Найман А.* С. 281; ср. фактологическую корректировку «пластинки»: *Баран Х.* Об одном анекдоте Анны Ахматовой // Тихие песни. Историко-литературный сборник к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 11–20. Если верно наше предположение о том, что Ахматова назвала имя Яacobсона — университетского однокурсника Р.Н. Гринберга, то сводка документов о взаимоотношениях двух бывших московских друзей скорее подсказывает отрицательный ответ на вопрос, был ли Р. Яacobсон передатчиком «Поэмы» (Роман Гринберг и Роман Яacobсон. Материалы к истории взаимоотношений / Вступит. ст., публ. и примеч. Р. Янгирова // Роман Яacobсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 201–212).

- 88 Переписка Г.В. Адамовича с Р.Н. Гринбергом. 1953–1967 / Публ., подг. текста и комм. О.А. Коростелева // Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 155.
- 89 *Адамович Г.* Подарок Пастернаку. Альманах «Воздушные мосты» <sic!> // *НПС*. 1959. 6 декабря. Вскоре после появления этого отклика Иоанн (Шаховской) писал Д. Кленовскому о «Поэме без героя»: «Это ведь произведение души очень запуганной, очень в себя ушедшей, но сейчас, все же, хотящей показать, открыто, свою верность чему-то настоящему, что началось в прошлом... Ряд строк и строф прекрасен, но есть что-то ненатуральное в этом нагромождении эпиграфов, концовок, начал, эпилогов...» (*Странник [Иоанн, архиепископ Сан-Францисский]*. Переписка с Кленовским. Париж, 1981. С. 98). Славистка из эмигрантов заметила, что «это поэма об изгнании, с пониманием тех, кто “в Ташкенте или Нью-Йорке” должны смотреть в чужие окна и пробовать горький воздух изгнания, “как отравленное вино”. Трагичная, но не сентиментальная, исключительно утонченной красоты, она являет собой, как и творчество самого Пастернака, духовный триумф вдохновенного и строгого искусства» (*Muchnik, Helen. Vozdushnye puti // Russian Review*. 1961. Vol. 10. № 1. P. 87).
- 90 «Мне было 11 лет. Из-за болезни я пропускала занятия в школе и меня оставили во втором классе на второй год. Я очень огорчилась. И в качестве протеста написала стихотворение, кото-

рое называлось “Голос”. Это и было моим первым поэтическим произведением...» (Финогенов А. В гостях у Ахматовой [неопубликованное интервью] (№ 1783).

Ср.: «Она начинает так стихотворенье, точно продолжая начатый разговор с каким-то внимательным собеседником. Иногда, точно возражая, упрекая:

А, ты думал, я тоже такая...
 А Смоленская нынче именинница...
 А, это снова ты...
 А ты теперь тяжелый и унылый...
 О нет, я не тебя любила...
 Не любишь, не хочешь смотреть...
 Неправда, у тебя соперниц нет...

Этот прием — точно продолжение оборванного значительного разговора, характерен для речевой, стихотворной ткани Ахматовой» (Трубецкой Ю. Анна Ахматова // Литературный современник: Журнал литературы и критики (Мюнхен). 1952. № 4. С. 92).

- 91 Ср. мнение блокофила: «Стихи, что и говорить, эффектные, но правды в них ни на грош. <...> Не был он ни архангелом, ни демоном, — все это личины, маски!» (Орлов Вл. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. Л., 1980. С. 488). Ср. также: «Сравнение с Гавриилом уводит нас к “Стихам о Прекрасной Даме”» (Таубер Е.А. Неукротимая совесть // Грани. 1963. № 53. С. 85).
- 92 В сопроводительном письме она оговаривала: «Вырезки *не блещут* умом и проникновенностью, они только подтверждают мои слова, что Вас знают, помнят и любят» (№ 1009). Переводчица Наталья Ивановна Столярова (1912–1984), впоследствии часто встречавшаяся с Ахматовой, в письме от 10 августа 1959 года писала о себе: «...человек, Вам неизвестный, если не считать, что в один ужасно морозный вечер я привезла Вам от И.Г. Эренбурга “Фр<анцузские> тетради” <...> По просьбе Н. Я. [Мандельштам] я передала Вашу книгу моей приятельнице Але Эфрон». Здесь же она сообщала, что на днях в Москву приехал из Нью-Йорка В.Б. Сосинский, просивший передать Ахматовой альбом Модильяни и ноты музыки на ахматовские стихи от Артура Лурье (№ 1009).
- 93 *Mauriac, Claude. Les poesies d' Anna Akhmatova // Figaro. 1959. 18 novembre.* Прозаик Клод Мориак (1914–1996) в те годы принадлежал к школе «нового романа». Из русских литераторов он был в этот период близок с Владимиром Вейдле. Ср. отзыв

Жоржа Нива о цитируемом сочинении Ю. Жюэна: «Фантастические утверждения соседствуют в нем с неточностями» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 5. М., 1993. С. 324). В предисловии Софи Лаффитт к рецензируемой книге говорилось: «... не просто женщина редкой обольстительной внешности, не просто знаменитая поэтесса, боготворимая всеми в России поклонниками поэзии, то есть по существу всеми в стране, кто умеет читать. Она — героиня легенды. Совсем молодой, в начале века, она была посвящена в сан поэта “Учителем”, “Магом” русской словесности, загадочным Вячеславом Ивановым. Она знала Александра Блока и, говорят, была в него влюблена. В аллеях Царского Села, этого русского Версаля, она так часто сталкивалась с тенью Пушкина, что в ее собственных стихах появилось таинственное сходство с пушкинскими. Начало даже казаться, что неуловимое родство связывает ее с Пушкиным, возносясь над временем, над литературными школами, литературной модой» (*Anna Akhmatova. Poésies. Présenté et traduit du russe par Sophie Laffitte. Paris, 1959. P. 7*). О Софье Григорьевне Лаффитт (урожд. Гликман, в первом браке — Сталинская, во втором — Капитан, в третьем — Бонно; 1905–1979) Д.Е. Максимов сообщал 8 декабря 1958 года, что его парижская корреспондентка (никогда им не виденная) Лаффитт получила заказ на книгу об ахматовской поэзии. «Пишет она культурно, тщательно, по отношению к нам “нейтрально”, но пороха не выдумает» (№ 889); Ахматова в беседе с Ж.-М. Бордые в 1963 году неодобрительно отозвалась о нерифмованности переводов С. Лаффитт (*Ахматовский сборник. С. 226*; см. о визитах Жан-Марка Бордые (1940–2001) к Ахматовой нашу справку *Лесная школа. С. 147–148*).

В Париже 18 июня 1965 года в записке пневмопочтой переводчица сообщила о желании встретиться (о прибытии Ахматовой она узнала от Г.В. Адамовича): «Я надеюсь, что Вы больше не сердитесь на меня за мою (первую на франц<узском> языке книжку о Вас!» (№ 1735). Ср. рассказ о ее звонке в гостиницу: «Я ей сказала (растягивая по слогам): не надо...» (*Струве Н. «Восемь часов с Ахматовой». (Добавления) // Вестник русского христианского движения. 1989. № 156. С. 186*); ср. письмо Г.В. Адамовича А.В. Бахраху от 13 сентября 1965 года: «Произошел, между прочим, у Ахматовой инцидент с Софи Лаффитт <...>. Расскажу при встрече. Ахматова никогда дамой во всех отношениях приятной не была, а теперь стала резкой. Я ей это

- сказал, на что ответ был — “иначе нельзя, меня жизнь этому научила”. Верно, жизнь — там, на Родине с большой буквы» (*НЖ*. 2001. № 225. С. 176).
- 94 Ср. свидетельство Г.П. Корниловой: «Она возмущалась статьей из “Фигаро” о Блоке и о себе, восклицала: “Я и Блок! Зачем выдумывать? Ведь все письма Блока опубликованы”» (*Радзишевский В.* В присутствии Ахматовой. Постскрипtum к юбилейным чтениям в Москве и Ленинграде // *ЛГ*. 1990. 7 марта).
- 95 *Тименчик Р.* Текст в тексте у акмеистов // *Труды по знаковым системам*. 14. Тарту, 1981. С. 65–75.
- 96 См. ее набросок 9 мая 1961 года:

Сосны

Не здороваются, не рады,
А всю зиму стояли тут,
Охраняли снежные клады,
Вьюг подслушивали рулады,
Создавая смертный уют

(С. 183).

Видимо, зная о ее декларированной привязанности к этому дереву, Семен Липкин писал о ее переводах: «...мы благодарны Анне Ахматовой за то, что в незнакомой нам корейской поэзии она открыла нашу старую знакомку сосну, и как понятен нашему сердцу стал корейский поэт Сон Сам Мун благодаря музыке этих стихов

Если спросишь, кем я стану
После смерти, — я отвечу:
Над вершиною Пынлая
Стану я сосной высокой»

(*Липкин С.* Переводчик — это художник // *ЛГ*. 1959. 14 мая).

- 97 *Глен Н.* Вокруг старых записей // *ВВА*. С. 632; *Найман А.* С. 205–206. У М.А. Дудина: «И доносится сквозь сон / Медных сосен медный звон» (*Дудин М.* Собрание сочинений. Т. I. Л., 1977. С. 383).
- 98 *Клещенко А.* Гуси летят на север. Л., 1957. С. 80. Еще в показаниях 1954 года утверждалось, что Клещенко был подвержен нездоровому влиянию Ахматовой, Гумилева и других декадентов.
- 99 *Оксман Ю.* С. 557.
- 100 *Найман А.* С. 371.
- 101 Зная немного об ахматовской тайнописи, не удивимся, если окажется это отсылкой к первой фразе оруэлловского «1984»: «It was a bright cold day in April and the clocks were striking

- thirteen» (в переводе В. Голышева: «Был холодный ясный апрельский день, и часы пробили тринадцать»).
- 102 Отсылка к теме Куликовской битвы через процитированное Львом Гумилевым на тюремном свидании 1938 года блоковское «На поле Куликовом» лежит в самом зародыше замысла «Реквиема» (*Тименчик Р.* К генезису ахматовского «Реквиема» // *НЛО.* 1994. № 8. С. 215–216).
- 103 «Хорошо кружить по свету / пешим ходом и на ТУ, / и освещать планету, / всю земную красоту» (*Хелемский Я.* Дороги // *Литература и жизнь.* 1959.16 января); «Над взгрустнувшей осенней рощей // Пролетает могучий ТУ» (*Гампер Г.* На лету // *Живут на Неве поэты.* М., 1966. С. 19). «Так приезжай, садись на быстрый ТУ...» (*Полонская Е.* Письмо // *День поэзии.* М.; Л., 1962. С. 163). «“ТУ”, на лету напоминая касатку, / Идет на посадку» (*Мартынов Л.* У трамплина // *День поэзии.* М., 1965. С. 15). Ср.: «Поэту надо <...> соответствовать духу современника, чтобы он мог написать будто с борта “ТУ-104” — на сто девятнадцать лет вперед: Под ним Казбек, как грань алмаза, / Снегами вечными сиял...» (*Луконин М.* Товарищ поэзия // *Зн.* 1961. № 2. С. 195). Сатирический персонаж говорил тогда: «Люблю могучую технику наших дней. Те же холодильники, “ТУ-18” там, пылесосы, телевизоры, свежемороженый горошек, радий, атом» (*Ардов В.* Неоконченный разговор // *Крокодил.* 1957. № 8. С. 10). Ср. также: «Мы противники тусклого, мы приучены к шири / самовара ли тульского или Ту-104» («Репортаж с открытия ГЭС» А. Вознесенского, 1959). Тяга к скоростному полету была в те годы всемирной: тридцать тысяч человек в Сан-Ремо в 1958 году подхватили припев песни Доменико Модуньо: «Volare!» (*Голицына И.* Из России в Россию. М., 2001. С. 148).
- 104 В этом наброске — вариация антитехнологического топоса, известного, например, по стихотворению П.А. Вяземского «Дорогою» (1858):
- Дойдет ли до того затейливый наш век,
Который много снял оков с нас и опека,
Чтоб перебрасывать и нас по телеграфу
В Неаполь из Москвы, из Петербурга в Яфу? <...>
Что может быть милей родимого гнезда,
Стола рабочего и кабинетных кресел,
Где дома, без колес и без паров и весел,
На коврик-самолет вскочив, как Ариэль,
Летим себе легко за тридевять земель.

105 Ср.:

Un cygne qui s'était évadé de sa cage,
 Et, de ses pieds palmés frottant le pavé sec,
 Sur le sol raboteux traînait son blanc plumage.
 Près d'un ruisseau sans eau la bête ouvrant le bec
 Baignait nerveusement ses ailes dans la poudre,
 Et disait, le cœur plein de son beau lac natal:
 «Eau, quand donc pleuvras-tu? quand tonneras-tu, foudre?»
 Je vois ce malheureux, mythe étrange et fatal,
 Vers le ciel quelquefois, comme l'homme d'Ovide,
 Vers le ciel ironique et cruellement bleu,
 Sur son cou convulsif tendant sa tête avide,
 Comme s'il adressait des reproches à Dieu!

Перевод В. Левика:

Как-то вырвался лебедь из клетки постылой.
 Перепончатой лапою скреб он песок.
 Клюв был жадно раскрыт, но, гигант белокрылый,
 Он из высохшей лужи напиться не мог,
 Бил крылами и, грязью себя обдавая,
 Хрипло крикнул, в тоске по родимой волне:
 «Гром, проснись же! Пролейся, струя дождевая!»
 Как напомнил он строки Овидия мне,
 Жизни пасынок, сходный с душою моею, —
 Ввысь глядел он, в насмешливый синий простор,
 Содрогаясь, в конвульсиях вытянув шею,
 Словно Богу бросал исступленный укор.

Ср. перевод Эллиса, в котором «озеро» (lac natal) не потерялось:

...он вырвался из клетки
 И, тщетно лапами сухую пыль скребя
 И по сухим буграм свой пух роняя редкий,
 Искал, раскрывши клюв, иссохшего ручья.
 В пыли давно уже пустого водоема
 Купая трепет крыл, все сердце истомив
 Мечтой об озере, он ждал дождя и грома,
 Возникнув предо мной, как странно-вещий миф.
 Как муж Овидия, в небесные просторы
 Он поднял голову и шею, сколько мог,
 И в небо слал свои бессильные укоры —
 Но был небесный свод насмешлив, нем и строг.

- 106 У Ахматовой мелкая неточность в цитате; ср. перевод Эллиса:
 В мечту влюбленный, я сгую,
 Повергнут в бездну взмахом крылий,
 Но имя славного могиле,
 Как ты, Икар, не подарю!

В переводе О.А. Глебовой-Судейкиной:

Постигла огненная кара
 Того, кто бездну обнимал,
 И славным именем Икара
 Никто той бездны не назвал.

- 107 *Глекин Г. С.* 116. Ср.: «На авторитет его неоднократно ссылаются лишь поэты-какмеисты, постоянно подчеркивающие свою близость к нему и желающие быть его преемниками, да в очень узком кругу поэтов и критиков, группирующихся около книгоиздательства “Жатва”, возникает нечто вроде “культа” его имени» (*Федоров А.* Поэтическое творчество Иннокентия Анненского // *Анненский И.* Стихотворения и трагедии. Л., 1959. С. 27).
- 108 См. у Верлена:

Car vraiment j'ai souffert beaucoup!
 Débusqué, traqué comme un loup
 Qui n'en peut plus d'errer en chasse
 Du bon repos du sûr abri,
 Et qui fait des bonds de cabri
 Sous les coups de toute une race...

Ср. в переводе Э.Л. Линецкой:

Ибо знаю в страданиях толк!
 Я как загнанный псами волк:
 Он кружит, по лесу петляя,
 Где укрыться, найти приют?
 Но уйти ему не дают,
 Настигают, рыча и лая
 Зависть, Ненависть и Корысть —
 Им бы впиться в меня, загрызть,
 Не обманешь лихую стаю...

Тема «Ахматова и Верлен» весьма существенна и обширна. «Все мы вышли из Верлена», — сказала она Ондре Лысогорскому в Ташкенте (*Lysoghorsky, Ondra.* Tashkent, en 1942... // *Poésie vivante.* 1966. № 21. P. 54). Из того нового, что она могла узнать в 1960-е, отметим рассказ Сергея Риттенберга: «Послед-

- ний раз я встретил Мандельштама в Летнем саду, это было перед самым моим отъездом в Финляндию, в 1918 году. Когда я подошел к нему, он сидел на скамейке, откинув голову назад, и читал: “Le ciel est par-dessus le toit, si bleu, si calme, un arbre par-dessus le toit berce sa palme”. “Знаете, что Верлен написал это в тюрьме?” — спросил Мандельштам» (*Rittenberg S. Minnen från Petersburg och dess poeter // Lyrikvännen. 1972. № 5. S. 43*). Ср. также: «Говорим о поэзии — о французах: любит только Рембо и Верлена» (*Островская С. С. 559*).
- 109 Разумеется, ахматовский «Волк» полигенетичен, его происхождение осложнено памятью о «Смерти волка» Альфреда де Виньи, о гумилевской, нарбутовской и мандельштамовской лупологии вместе с полемикой о репутации акмеизма, которая в обычном советском изводе часто выглядела так: «Между двумя революциями возникло движение акмеизма (в основном, нашевшее свое выражение в поэзии Гумилева, Ахматовой и др.). <...> Акмеисты говорили, что борются за здоровое начало, за ясность в поэзии. Но в то же время они подчеркивали звериное начало в человеке, искали того же “сверхчеловека”, воспевали культ животной силы, т.е. по существу, сходились с символистами в ярко подчеркнутом индивидуализме и имморализме» (*Литератор. Двадцать лет советской литературы // НМ. 1937. № 11. С. 312*).
- 110 *Maritain, Jacques. Art and Poetry. Translated by E. de P. Matthews. New York, 1943. P. 92, 95–99, 102.*
- 111 Отношения Ахматовой с композитором Артуром (Артуром-Винцентом) Сергеевичем *Лурье* (1891?–1966) реконструированы (с некоторыми неточностями и лакунами) в документальной прозе: *Кралин М.М. Артур и Анна. Роман в письмах. Л., 1990. (2-е, доп. изд.: Артур и Анна. Роман без героя, но все-таки о любви. Томск. 2000)*.
- 112 Ср. копию с его открытки от 21 мая 1923 года, снятую П.Н. Лукницким: «Дорогая Аничка, сегодня в Лувре видел поразительно трогательного Христа (благословляющего) Bellini. Хотел Вам послать, но не нашел пока. Вспоминайте меня. Ваш Артур» (ИРЛИ). «Благословляющий Христос» Джакомо Беллини написан около 1460 года.
- 113 Ср. например: «О Габриеле д’Аннунцио я слышала буквально с детства. <...> Знала я всегда о том, что у него было несколько десятков борзых. Сколько об этом писалось! И фотографии в журналах. Позже слышала я о его некрасивом поступке (не

знаю, правда ли это, а потому не останавлиюсь на нем) с великой актрисой Элеонорой Дузе, бесконечно его любившей. Говорили, что ее сумасшествие было последствием этой драмы. <...> И опять-таки из газет: д'Аннунцио одновременно написал четыре письма... четырем дамам, уверяя каждую в своей тоске по ней и умоляя приехать и поселиться “в специально для нее приготовленной комнате”. Но ни одна из них не смогла или не захотела приехать... и это было тем лучше, ибо в этой “специально приготовленной комнате» уже жила другая, пятая дама» (Лидарцева Н. Итальянские впечатления. «Витториале» // *РМ*. 1963. 17 сентября).

- 114 В заключении книги Ж. Маритен пишет: «Не думаете ли вы, дорогой Лурье, что есть странные соответствия между музыкой и философией? <...> Безо всякой тени эзотеризма, они тем не менее замаскированы. Что это значит? Они должны следовать евангельским путем, замаскировав себя светом и простотой, что безусловно затемняет глаза людей». Ахматова подхватила это слово, видимо, вспомнив о постоянных упреках музыке Артура Лурье в непонятности. Ср., например: «В то время музыкальным министром (зав. муз. отделом Наркомпрпоса) был назначен Лурье (ныне в Америке), человек очень культурный, друг Блока и Ахматовой, а также питерской “Бродячей собаки”, но с каким-то налетом мистификаторства и легкого шарлатанства — писавший музыку в четвертях тонов, мало вразумительную не только для пролетариата, но и для самых передовых музыкантов» (Сабанеев Л. Музыкальное творчество в СССР. Итоги сорока лет // *РМ*. 1957. 5 ноября). Тема «непонятности» была для Лурье сквозной жизненной темой, он писал о своем друге Мандельштаме: «Личная судьба поэта ужасна, но она, надеюсь, защитит его творчество от провинциальных суждений о “понятном” и “непонятном”, суждений, неизменно отбрасывающих русское искусство на задворки европейской культуры. Пресловутый Царевококшайск стал в наши дни ценителем “прекрасной ясности”, тогда как в Европе вопрос о “понятном” и “непонятном” в искусстве не входит в категорию споров со времен Бодлэра. Никому из французов не придет сумасшедшая мысль вопрошать друг друга о “непонятности” Маллармэ, а англичане не упрекнут в “непонятности” Дилана Томаса, поэта, который, как это ни странно, перекликается с Мандельштамом на расстоянии тридцати лет» (Лурье А. О книге Мандельштама // *НПС*. 1955. 4 декабря).

- 115 Ср. маритеновский контекст (в переводе с французского): «Магия есть у Шуберта, у Шопена, у Мусоргского. Не всегда магия бывает белой. Магия Лурье восходит от темных человеческих глубин, пронизываемых всепонимающим состраданием, от катастрофы бытия, обладающей весомостью трагедии, но позволяющей усомниться в ее собственно трагическом, т.е. безысходном, характере и, так сказать, на время забыть о нем, потому что лик Божий зрим и сквозь замкнутые врата. Музыка его, обращаясь в молитву, достигает сверхъестественной сосредоточенности. Как и у других князей магии, чудо состоит у него в том, что магия придает большую силу и напряженность искусству, в которое она проникает; искусство повинуется ей, никогда перед нею не склоняясь» (*Маритен Ж.* Творческая интуиция в искусстве и поэзии / Пер. В.П. Гайдамаки. М., 2004. С. 379). Возможно, это словцо «тени» («shadows of the human depths») стало в те же дни толчком к наброску, (весьма) предположительно обращенному к Артуру Лурье и, если это так, продолжающему тему диалога с далеким иноземцем:

За пол/столе/тия // ты спря/тавшись/кричишь/
 И лю/ди го/воят: // Кака/я э/то тишь,
 А я /оглу/шена, // разда/влена, /в смяте/ньи
 Уж лучше как тогда: тени (С. 93)

- Об «эстетическом мистицизме» Жака Маритена можно было в том году прочесть в советской печати: «Бездумное откровение — вот что выступает, согласно Маритэну, главным орудием познания в искусстве, разум — подчиненная сфера, которая является к тому же отблеском божественной сущности, познаваемой художником» (*Егоров А.* Враги разума // *ВЛ.* 1959. № 8. С. 71); «Жак Маритен — один из главных представителей философии неотолизма, возрождающего средневековую богословскую схоластику, отрицает познавательное значение искусства, рассматривая его как “символы божества”. С его точки зрения, вполне приемлемы формалистические трюкачества футуристов. Впрочем, как мы знаем, Ватикан отнюдь не брезгует всеми сортами современного формализма» (*Столович Л.* Против формализма // *СК.* 1959.12 мая).
- 116 *Кантор М.* «Воздушные пути» // *РМ.* 1960. 5 января. Юрист, критик, поэт Михаил Львович Кантор (1884–1970) «писал немного — у него (можно сказать: к сожалению) совершенно не было “писательского зуда”, — но все, что он писал, неизменно

- стояло на высоком уровне» (*Адамович Г. М.Л. Кантор // НРС. 1971. 18 января*). См. о нем: *Устинов А. «Надежды символ»: Антология «Якорь» как итог поэзии русской эмиграции // From the Other Shore. 2003. Vol. 3. P. 3–11.*
- 117 Из не предававшихся печати см. мнение Владимира Набокова о «Поэме»: «Grustno vsyo zhe, chto i eyo oprovintsialil strashniy miraveynik» (*Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967. Вступит. ст., публ. и комм. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб., 2001. С. 527.*
- 118 Владимира Ананьевича Злобина (1894–1967), участника петроградского университетского «Кружка поэтов» и соредактора вместе с Л.М. Рейснер журналов «Богема» и «Рудин», рекомендовал Н.С. Гумилеву в 1915 году А.К. Лозина-Лозинский: «Моментами он напоминает как-то Вас, хотя en petit, конечно» (*Гумилев Н. Полн. собр. соч. Т. 8. М., 2007. С. 246*). Ср. едва ли не в спор с этим сближением отзыв Гумилева о «неврастенической расплывчатости» его стихов (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии. М., 1990. С. 207*). См. о нем как о «рыцаре-денди»: *Карпов П. Пламень; Русский ковчег; Из глубины. М., 1991. С. 323. С 1916 года он житейски и мировоззренчески сблизился с З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковским (за что называем был в эмиграции «гиппиусовским эпигоном»). Он являлся фактическим составителем антологии (Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З.Н. Гиппиус. Пг., 1917), в которой были помещены шесть стихотворений Ахматовой. Ср. отклик на отбор: «Правда, у Ахматовой и Мандельштама есть вещи более совершенные именно в смысле “воплощенной полноты мгновения”» (*Коковцев Д. Новые сборники стихов // Наш век. 1918. 14 / 1 апреля*); см. справку о нем: *Петербург в поэзии русской эмиграции. С. 655–656*).*
- 119 *Злобин В. Литературный дневник // Возрождение. 1960. № 98. С. 135–136.*
- 120 *Слизской А. Новый мир. Январь и февраль 1960 г. // РМ. 1960. 3 мая.*
- 121 *Буртин Ю. Г. О сталинисте Твардовском, который терпел и молчал // Независимая газета. 2000. 8 апреля.*
- 122 *Терапиано Ю. О последних стихах Анны Ахматовой и о «Поэме без героя» // РМ. 1960. 28 мая.*
- 123 Письмо писателя Юрия Плашевского от 2 февраля 1960 года из Алма-Аты (№ 1081). Из поэта Василия Дмитриевича Федорова

(1918–1984) «долго, но безуспешно делали классика при жизни» (*Строфы века*. С. 619), для чего было рекомендовано цитировать его ямбы про то, «что в дни психических атак / Сердца, не занятые нами, / Не мешкая, займет наш враг» (Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998. С. 303) и «Я за искусство левое. А ты? / — За левое... / Но не левее сердца»; «Ф., затрагивая не только светлые, но и теневые стороны жизни, полностью раскрывается перед читателем, почти не оставляя недосказанного» (*Казак В. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года*. Лондон, 1988. С. 797) — ср. образец: «Почему сыны, твои, Россия, / Больше всех на свете водку пьют, / Почему? Не надо удивляться. / Наши деды, по нужде, поверь, / Пили столько, что опохмеляться / Внукам их / Приходится теперь» (Октябрь. 1958. № 6. С. 104). Особенно его волновало следующее: «На свет божий вытаскиваются обветшалые теории имажинизма, футуризма, акмеизма. Разумеется, старых вывесок нет, а старый товар продается» (День поэзии. М., 1965. С. 183). Ср. также мягкое замечание по поводу строк из его ленинградской поэмы «Далекая»:

Подъезд... И здесь, чуть-чуть зевая,
Лежат египетские львы

«Почему египетские? В Ленинграде нет египетских львов! Быть может, речь идет о сфинксах? Но вряд ли любимая могла жить в Академии Художеств» (*Рывина Е. Живое и надуманное // Нева*. 1955. № 5. С. 146).

Ср. также письмо из Канска от радиомеханика военной части В.В. Бобырева в редакцию «Нового мира» с благодарностью за «прекраснейшие стихи» Ахматовой (№ 1668).

124 В первоначальном виде это двустушие было лишено литературной красоты:

И плавает лебедь бессмертный пока
совсем не замучит в воде двойника
Завершалось стихотворение рискованным
и новые дети играют вокруг
того, кто им дед и учитель и друг, —
рискованным потому, что «новые дети» могли привести на память «ребят» из эпиграммы Петра Шумахера:
Лукавый дедушка с гранитной высоты
Глядит, как резвятся вокруг него ребята,
И думает себе: «О милые ребята,
Какие, выросши, вы будете скоты!»

- 125 Ёлкин А. О чувстве полета и силах, сковывающих крылья // Молодая гвардия. 1960. № 5. С. 211. Сотрудник «Комсомольской правды» Анатолий Сергеевич Ёлкин (1929–1975) — «автор фельетонов-доносов» (Поликовская Л. «Мы предчувствие, предтеча». Площадь Маяковского. 1958–1965. М., 1997. С. 373). Ср. образец (Там же. С. 263–265): «Однажды мы оказались свидетелями бурной сценки. Группа парней освистала молодого человека с бородкой, который хриплым голосом что-то читал, размахивая руками, у памятника Маяковскому в Москве... Комсомольцы с “Серпа и молота,” проходившие тогда около памятника Маяковскому, во время чтения подлых стишков, отказали проводникам “сложной пустоты” в праве быть единственными истолкователями понятий правды, красоты, прогресса. Они освистали их, и тем под улюлюканье прохожих пришлось уносить ноги <...> Кто же они, эти “сложные натуры”? <...> В. Буковский — в прошлом студент биолого-почвенного факультета МГУ, бездельник, свихнувшийся от избытка благ, дарованных ему папой, разносил сплетни из антисоветской зарубежной прессы. <...> Не удивительно, что упомянутых “прогрессистов” используют всяческие злобствующие отщепенцы. Так возник, отнюдь не как Афродита из пены морской, некий Ю. Галансков, вызвавшийся играть роль “теоретика”. Сам он стихов не читал — подбивал на это легкомысленных дурачков, заболевших манией славы. Галансков клеветал на наш народ, старался духовно растлить неопытных. Это очень знаменательно, что подобные жалкие одиночки, не рискуя выйти на белый свет, роются в мусорных ямах, на задворках жизни. Не стоило бы и говорить обо всех этих подонках, но их падение предостерегает: там, где вместо твердой убежденности, ясных идеалов — душевная слякоть, там обязательно заведется плесень. Отнюдь не безобидная» (Ёлкин А. Кубарем с Парнаса // Комсомольская правда. 1962. 14 января). Ср.: «Ёлкин был мягким, добрым человеком, действительно очень талантливым, но абсолютно беспринципным. Если бы он получил задание написать, что Шекспир — бездарь, а Толстой — графоман, он сочинил бы такую статью за ночь» (Голованов Я. Записки вашего современника. Т. 1. М., 2001. С. 148); «Репутация Ёлкина в литературном мире была ужасающей. <...> Ему приказывали ругать — он ругал. Ему приказывали хвалить — он хвалил, причем с удовольствием. <...> Много подобных елкиных работало тогда в журналистике и в литературе. Время было такое» (Гла-

- дилин А. С. 112); о А. Ёлкине как «известном литературном шулере» см.: *Краснухин Г.* Стежки-дорожки. Литературные нравы недалекого прошлого. М., 2005. С. 104–105.
- 126 Ср.: «Это все было в самом начале 1960 года. Бурные собрания, надежды на новую эру, блаженное состояние духа Степана Петровича [Щипачева], положившего свой партийный билет в залог поездки неуправляемого Евтушенко за границу нашей Родины» (*Огнев В.* Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001. С. 143). Нельзя не связать эти настроения с шагами Хрущева в декабре 1959 — январе 1960 годов по сокращению вооружений и личного состава армии. В сентябре 1959 года было прекращено сплошное заглушение передач «Голоса Америки», сменившись выборочным.
- 127 *Hingley, Ronald.* Under Soviet Skins: An Untourist's Report. 1961. L., 1961. P. 14. Ранее, в своей книге «Моя Россия, переодетая в СССР. Возвращение в родную страну» Зинаида Шаховская подробно описывала чувство страха и несвободы у встреченных ею советских граждан. Московская печать устами ахматовского знакомого с негодованием отвергла клеветнические измышления (*Никулин А.* Новые сенсации г-жи Курдюковой // *ЛГ.* 1958. 29 апреля).
- 128 Ахматовские стихи соседствовали со стихами Риммы Казаковой и Людмилы Татьянической. О Римме Федоровне Казаковой (1932–2008) см. разговор 20 ноября 1962 года: «...о стихах Р. Казаковой — Ан. Андр. даже возмутилась, когда я сказал, что раньше представлял себе Римму Казакову чем-то средним между Юл. Друниной и Верой Инбер... Ан. Андр. возразила: “У нее очень хорошие стихи! Но она все так поет то с моего, то с Марининого голоса”» (*Глекин Г.* С. 248–249). В журнале «Нева» принято было говорить: «...январь — месяц ленинский (день смерти), февраль — военный (23 февраля), март — женский (8 марта), апрель — опять ленинский (день рождения), май — победный...» *Ханан В.* Вверх по лестнице, ведущей на подоконник. Иерусалим; М., 2006. С. 223). По тиражу в это время журнал обгонял «Новый мир», «Москву», «Знамя», «Звезду» (*Шолохов М.* Письма. М., 2003. С. 339) За пять лет до того из «Невы» пробовали заказать Ахматовой «стихи о лете» и «страницы три взволнованной прозы» (*ЛЧ2.* С. 129).
- 129 Владимир Иванович Дмитриевский (1908–1978) перед самым ждановским постановлением взял интервью у Ахматовой для журнала «Советская литература» на испанском языке:

- Dmitrevski V. Con la poetisa Ana Ajmatova // Literatura sovietica. 1946. № 4(46). С. 62–65, 71. (ср.: Летопись. С. 415). В 1948–1956 годах находился в заключении (Распяты: писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 5. Авт.-сост. З. Дичаров. СПб., 2000. С. 81–82).*
- 130 Критик Сократ Сетович Кара-Дэмур (1911–1977) писал незадолго до августовской катастрофы в обзоре «Ленинградского альманаха»: «Стихи Анны Ахматовой отличаются чутким восприятием мира, искренностью лирического раздумья. В них — яркий отпечаток личности поэта (“Предыстория”, “Тысяча девятьсот тринадцатый”). И любопытно отметить, что в этих, как в ряде других новых стихов Ахматовой, поэта, давно сформировавшегося, ощущаются приметы нового качества, иного, чем прежде, видения мира» (Вечерний Ленинград. 1946. 15 мая).
- 131 О некотором интересе Ахматовой к стихам Сергея Сергеевича Орлова (1921–1977) см.: *Хренков Д. Уроки добра и мудрости // Нева. 1987. № 10. С. 196–197. В одном стихотворении этого поэта содержался раздумчиво-вольнолюбивый тезис, соотносившийся со спецификой положения Ахматовой: «Но если хвалит враг кого-то, / Я не спешу рубить сплеча / И утверждать, что это плохо» (Орлов С. Встреча // День поэзии. М., 1964. С. 27).*
- 132 Ср.: «Не случайно в романе [«Севастополь»] говорится о поэзии Анны Ахматовой. Малышкин понимает, что ее поэзия выражала настроения и отражала вкусы буржуазной публики. “Мичманы и лейтенанты за белыми столиками бульварного ресторана в синих с белым кителях, их дамы с голыми руками, в косо летящих широких шляпах — брезгливо отворачивающиеся от всех изящество, французская речь. Что им революция!” Вот среди кого была популярна Ахматова. Здесь Малышкин точно определил классовую сущность салонной, парфюмерной поэзии акмеизма» (*Хватов А. Александр Малышкин. Очерк жизни и творчества. М.; Л., 1959. С. 74*). Впрочем, в журнальном варианте (Нева. 1958. № 8) этот пассаж был опущен; о риторических ухватках А. Хватова см.: *Безродный М. Пиши пропало. СПб., 2003. С. 12*).
- 133 *Серебровская Е. Дочь своей родины // Зв. 1988. № 1. С. 182. Незадолго до этого визита Е. Серебровская обвинила печатно И. Эренбурга в том, что его писания склоняют молодых художников к формализму, а еще раньше сообщала в ЦК КПСС, что издание книги Цветаевой с предисловием Эренбурга может нанести вред молодежи. И. Эренбург после этого эвфемисти-*

- чески предположил, что «литература для нее не главное занятие» (*Рубашкин А. Илья Эренбург. Путь писателя. Л., 1990. С. 469–470*).
- 134 Вторым было «Последнее стихотворение из цикла “Тайны ремесла” (“Одно словно кем-то встревоженный гром...”), “зерно” которого (“Транится, меняется, вьется...”), возможно, навеяно анненской строкой “Песня близко: и дразнит, и вьется»» (*Аникин А. С. 379*). Возможна и отдаленная переключка ахматовского стихотворения со стихотворением «Они» Зинаиды Гиппиус (1904):
- ...Они — таинственные дети
Еще несознанных миров.
Не жизнь они — но жажда жизни,
Не звуки — только дрожь струны <...>
Я только слышу — вьются, вьются,
Беззвонный трепет я ловлю.
Играют, плачут и смеются,
А я, безвластный, — их люблю.
- 135 Ср. впечатление Л.К. Чуковской: «...и “месяц алмазной фелукой” мне чем-то неприятен, и “созвездие Змея”. Чем? Наверное, своим великолепием...» (*ЛЧ2. С. 366*).
- 136 Нева. 1960. № 3. С. 55. См. в первую очередь об этом стихотворении: *Венцлова Т. Неустойчивое равновесие. Восемь русских поэтических текстов. New Haven, 1986. С. 149–164; Поберезкина П. Польские мотивы в творчестве Анны Ахматовой (Заметки к теме) // Stosunki kulturowo-literackie polsko-wschodniosłowiańskie. Rzeszów, 1995. С. 202–204; Franklin, Simon. New Light on a Poem by Anna Akhmatova? Notes on the Textology of Recollection // Oxford Slavonic Papers: New Series. 1998. Vol. XXXI. P. 87–103.*
- 137 См., например: *Новиков В. Поэт великой эпохи // Зн. 1950. № 4. С. 158.*
- 138 Польский критик и художник Юзеф Чапский (Czapski; 1896–1993), который «в Ташкенте церемонно становится на одно колено, целует руки и говорит: “Вы последний поэт Европы” (1942 г.)» (*С. 451*), задолго до этого уже рассказал в печати о встрече в Ташкенте: «Мне передавали, что Сталина привело в восторг одно из стихотворений Ахматовой и что вследствие этого она была взята под особое покровительство. Позднее, в 1946 г. на нее ополчился Центральный Комитет партии и Жданов, но тогда — в 1942 г. — она еще находилась “под высочай-

шей защитой». Рассказывали тогда, что по распоряжению самого Сталина она была на аэроплане вывезена из осажденного и голодающего Ленинграда. В тот вечер она сидела у лампы. С достоинством носила она свое платье из скверной материи, о которой нельзя было точно сказать, мешок ли это или монашеское одеяние. Ее волосы с легким налетом седины были гладко зачесаны назад и скреплены цветным платком. Она когда-то была очень красива, судя по ее правильным чертам, классическому овалу лица и большим серым глазам. Она пила вино и говорила немного, в своеобразном тоне, говорила полушутливо о самых трагических вещах. У меня было впечатление, что рядом со мной раненый человек, пытающийся скрыть свои раны даже от себя самого».

После описанного вечера (у А.Н. Толстого) Ю. Чапский хотел устроить прием русских писателей у себя: «Ахматова сообщила мне в последний момент, что она нездорова. Яхонтов, известный русский декламатор, живший в том же отеле, что и я, был вынужден внезапно покинуть Ташкент. Остальные приглашенные прислали аналогичные извинения, хотя еще накануне они искренне заверили меня, что с удовольствием ко мне придут. Налицо были все признаки “дипломатических” заболеваний! Ясно было, что тут имел место строгий запрет» (Польский художник об Анне Ахматовой // *РМ*. 1948. 30 июля); соответствующий фрагмент книги Ю. Чапского в переводе Михаила Поливанова см.: *Requiem*. С. 171–174. В интервью 1989 года Ю. Чапский рассказывал о том, что было после вечера у А.Н. Толстого: «Мы с ней совершили длинную прогулку, во время которой она совершенно преобразилась. Ахматова с болью и горечью говорила о том, что она целовала сапоги всех знатных большевиков, чтобы они ей сказали, жив или умер ее сын, но ничего от них не узнала. Мы были удивлены, что стали вдруг так близки друг другу, а это оказалось возможным из-за того, что я был в польском мундире, и она мне абсолютно поверила, что я не шпион. Об этом я, конечно, не мог написать в книге, которая вышла еще при жизни Ахматовой» (*РМ*. 1989. 10 марта).

- 139 В те же дни, когда Гумилев писал свое стихотворение, появление новой звезды в созвездии Змея отметил в своей записной книжке Александр Блок (*Блок А. Записные книжки*. М., 1965. С. 411). Ташкентские «звезды какие-то чужие» (*ЛЧ*. С. 357) напоминали Ахматовой об астральных мирах ее первого жениха:

«Однажды мы вышли из дома засветло. И вдруг, как это бывает в Азии, надвинулась ночь и вспыхнули такие крупные звезды на небе, что Анна Ахматова перекрестилась и сказала:

— Какие же звезды видел Гумилев под знаком Южного Креста?

Она говорила, что в его поэме "Звездный ужас" есть суеверие северного человека, который никогда не видел на своей родине ничего подобного тому, что действительно может внушить "звездный ужас". По ее словам, она поняла это только в Ташкенте» (*Бабаев Э. С.* 84). В Ташкенте же, видимо, Ахматова слышала от Н.Я. Мандельштам, что «О. М.<андельштам> вспомнил слова Гумилева о том, что у каждого поэта свое отношение к звездам, и сказал, жалуясь, что у него звезды появляются, когда кончается материал» (*Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 292*).

140 *Наппельбаум И.* Угол отражения: Краткие встречи долгой жизни. СПб., 1995. С. 83.

141 *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. С. 55.

142 *ВЛ.* 1990. № 10. С. 269–270.

143 «После кратковременного ареста (его обвиняли в сочувствии Бухарину) перестроился не в лучшую сторону...» (*Литературный современник (Мюнхен). 1951. № 2. С. 48*).

144 Ср.: «Совсем не помню, когда оно было написано, — сказала Анна Андреевна <...> — А вот что помню: незадолго до той поездки в Переделкино, о которой тут речь, я написала стихотворение Пастернаку. Пильняк тогда сказал мне: "А мне?" — "И вам напишу". И вот когда довелось написать» (*ЛЧ2. С. 143*). Ср.: *Леннквист Б.* Кленовая ветвь: Статьи разных лет о русской литературе. СПб., 2013. С. 137–144. Отметим, что, по-видимому, стихотворение было воспринято некоторыми читателями как обращенное к тени Гумилева. Так, М.З. Гордон писал 22 июля 1960 года, что прочел недавно новые стихи Ахматовой в «Дружбе народов» <sic!> и задумался о Гумилеве: «За последние годы нашим читателям был возвращен ряд замечательных русских поэтов. Я уже не говорю о Бунине, но в прошлом году был издан заново Ин. Анненский, а в этом году — Саша Черный, о чем несколько лет тому назад нельзя было и думать. Я замечаю, что все чаще упоминается имя Гумилева, прежде всего, как переводчика, но и это уже кое-что. Но хотелось бы услышать о полной реабилитации его имени. Мне приходилось слышать от весьма уважаемых и знавших

лично его людей. Они утверждают, что он пострадал случайно и что, узнав об этом, Владимир Ильич пытался его спасти, но уже было поздно... Если это так, нельзя ли предпринять какую-нибудь попытку как-то все это засвидетельствовать? Я думаю, что это можно было бы предпринять. Ведь смотрите: стихи Гумилева свободно выдаются по первому требованию читателей в биб<лиоте>ке им. Ленина и Салтыкова-Щедрин. Его стихи и переводы свободно продаются, правда, за баснословную цену в наших букинистических магазинах. Недавно мой друг приобрел в букинистическом магазине “Эмали и камни” Готье в переводе Гумилева за 200 рублей. Но зачем грабить читателей? Не лучше ли переиздать эту книгу? Вот вопросы, которые невольно приходят в голову. Я думаю, что сохранилось немало неизданных стихотворений и переводов Гумилева. Как интересно было бы увидеть их в печати! Я надеюсь, что Вы меня простите за то, что я затронул этот наиболее важный и для Вас вопрос, думаю, что если бы кто-нибудь поднял бы его, то встретил бы единодушную поддержку многих читателей и любителей русской поэзии» (№ 1363; под знавшими лично Гумилева людьми имеется в виду, скорее всего, В.А. Рождественский); Марк Захарович Гордон (1911–1997) — поэт, переводчик. Возможно, о нем идет речь в записи «Стихи в «Москве» [1959, № 7] дать 1) Гордону» (С. 33).

- 145 Мотылева Т. Двадцать шесть дней в США // *НМ*. 1964. № 5. С. 185. Ср.: «Но были писатели, последовательно защищавшие реакционные позиции, клеветавшие на советскую действительность. <...> Некоторые литераторы за рубежом второпях поднимают на щит Пильняка. Историки советской литературы старшего возраста помнят, что писал Пильняк, и они могли бы достойно ответить литераторам, которые, черня под флагом борьбы с культом личности все завоевания советской литературы, пытаются звать нас назад к декадентству. Но наша молодежь порой поддается на такую провокацию: она ничего не слышала о Пильняке. Не целесообразно ли было бы о таких писателях, как он, говорить несколько обстоятельнее?» (Метченко А. Историзм и догма // *НМ*. 1956. № 12. С. 229). Пильняк в эти годы появлялся в анналах советской литературы неназванным: «...зашла речь о книжке одного довольно известного литератора, произведения и поступки которого вызывали некогда шумные споры. Его новая книга, нарочито сделанная “под переводную”, мне очень не понравилась.

— Верно, — заметил Толстой, — это же проститутка. Ни родины у него нет, ни чести. Вот он так и пишет!..» (*Дымшиц Ал.* Из воспоминаний // Прибой: Сборник произведений ленинградских писателей. Л., 1959. С. 104).

О взаимоотношениях Ахматовой и Пильняка см.: *Петросов К.Г.* «Все это разгадаешь ты один» (А. Ахматова и Б. Пильняк) // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы (Межвуз. сб. науч. трудов). Вып. 1. Коломна, 1991. С. 62–69; *Петросов К.Г.* Штрихи к портрету Бориса Пильняка (материалы к биографии по письмам, воспоминаниям, публикациям) // Б.А. Пильняк. Исследования и материалы. Вып. 3–4. Коломна, 2001. С. 168–171. Добавим к этим сводкам фактов эпизод, когда Пильняк уступил своему беллетристическому alter ego дружбу с Ахматовой (*Пильняк Б.* Созревание плодов // *НМ.* 1935. № 10. С. 8); ср. реакцию тонкого критика:

«Тов. Лукач совершенно прав, когда требует вниманья к интеллектуальному облику литературного героя. В данном случае это особенно любопытно, потому что герой “Созревания плодов” — писатель. Каков интеллектуальный облик С.И. Арбекова?»

“Арбеков всю ту весну собирал материалы о русском семнадцатом веке. Анна Андреевна Ахматова передала Арбекову книгу о тульских и каширских металлургических заводах семнадцатого века. В книге рассказывалось о трех иностранцах, об Андрее Вениусе, Петре Марселесе и Филимоне Акеме, которые — впервые в России, в тогдашней Руси, — строили металлургические заводы. Обстоятельства возникновения этих заводов оказались чрезвычайно интересными”.

Б.А. Пильняк не называет авторов этой книги. (Важно не то, кто ее написал, а от кого С.И. Арбеков ее получил. Анна Андреевна Ахматова — это звучит, а имена авторов исторической книжки — тихие имена).

Назовем эту книжку мы: Н.Б. Бакланов, В.В. Мавродин, И.И. Смирнов. Тульские и каширские заводы в XVII в. 160 стр. М.-Л., 1934.

Книжка эта хорошо известна не только специалистам-историкам, но и всем тем, кто из простого и непритязательного любительского интереса хоть сколько-нибудь следит за выходящей у нас исторической литературой.

С.И. Арбеков “целую весну” собирает материалы о русском XVII в. и об этой книжке узнает (или получает ее) только от

Анны Андреевны Ахматовой! Это все равно, что вывести в романе специалиста по истории искусства, который внезапно узнает о существовании Рихарда Мутера и начинает его штудировать. С.И. Арбеков с этой книжкой оказывается в положении девицы, которая

Нечаянно “Месяц в деревне”

Прочла и пришла поделиться... [Саша Черный]

- <...> Пильняк возмущен писательской безграмотностью, например, безграмотностью писателей, изображающих чахотку, как “поэтическую” болезнь; он с удовольствием говорит о том, как хохочут врачи, читая “эти абзацы о ‘поэтической болезни’”. — Вот именно так будут хохотать историки, читая об арбековских прогулках по XVII столетию» (*Стеценко А. [Александров В.] Писатель на отдыхе // Литературный критик. 1936. №6. С. 209–210*). Было бы грехом не упомянуть здесь раннюю статью процитированного только что Владимира Борисовича Келлера-Александрова (1898–1954): «Стремительные годы далеко уводят от нас то, чем мы жили, то, что радовало нас когда-то. Но перелистав недавно страницы “Четок”, я убедился, что поэзия Ахматовой, выдержав испытание временем, осталась для меня поэзией. Я знаю, наши потомки будут проще и свободнее относиться к любви и к жизни. Такое ограниченное, такое замкнутое в себе творчество, как лирика Анны Ахматовой, не будет тогда возможным. Но хочется верить, что поэзия начала двадцатого века, пусть болезненная, пусть далекая совершенства, будет все же волновать эти счастливые поколения — как нас волнует поэзия Лермонтова, Петрарки и Катулла» (*Келлер В. Поэзия Анны Ахматовой // Огни (Воронеж). 1919. 5 мая*).
- 146 Ср. рассказ о том, как Нарбут, «ныне полузабытый поэт-акмеист», показывал в Харькове в 1921 году книгу Гумилева «Огненный столп» и свою «В огненных столбах» (Одесса, 1920), сказав что-то о ветре, который развеет пепел их поколения (*Зелинский К. На великом рубеже (1917–1920 годы) // Зн. 1957. № 10. С. 185*). Ср. также: «...эстетически, как поэт, [Нарбут] был еще там, в стане акмеизма, откуда он шагнул в сторону, прямо противоположную учителю своему Николаю Гумилеву. Политика, идеология, эстетика часто спорят друг с другом в одном человеке. И не всегда можно было понять, по каким тайным причинам поэты расходились в разные двери. Владимир Нарбут писал: “Россия Разина и Ленина, Россия огненных столпов”. Такие стихи действительно не были созвучны партийному понима-

нию революции» (Зелинский К. На рубеже двух эпох: Литературные встречи 1917–1920 гг. М., 1959. С. 18). Позднее, в одну из самых «либеральных» весен хрущевского периода Лев Озеров писал: «Читатели в своих письмах жуют меня за то, что, высказав мысль о необходимости издания поэтов начала XX века, высказав ее в общей форме, я при этом не назвал имен. И сам читатель называет эти имена. Это — А. Белый, О. Мандельштам, Б. Пастернак, В. Нарбут, В. Ходасевич» (Озеров Л. Еще о стране русской поэзии // ЛГ. 1962. 12 июня).

- 147 Ср. заявление о Борисе Слуцком, «что никакой он не новатор, что занял он место не свое, а принадлежащее другому, и если уточнять, то можно сказать, кому именно: вовсе не Владимиру Маяковскому, а другому Владимиру — Нарбуту. <...>

Из пены мыла, взбитого в ушате
 проворной сухощавою рукой,
 выглядывают (кстати и некстати)
 то пятка, то плечо, то взгляд косой.
 Там рыжего диакона свирепо
 вдоль надвое разваленной спины
 березой хлещет огненный мазепа,
 суровый банщик, засучив штаны.
 А здесь — худой, с ужимками мартышки,
 раскачиваясь, боли покорив,
 мочалкой трет попревшие подмышки...

Как видим, что касается непоэтичности, то ее тут хоть отбавляй, и поэтому нельзя толковать сегодня об изображении бань во всей их “прозаичности”, а то и неприглядности как о каком-то новаторском открытии. Подобных “открытий” в поэзии было уже немало. Владимир Нарбут даст любому современному поэту, в том числе и Б. Слуцкому, сто очков вперед, если говорить о прозаизации стиха, его “непоэтичности”, которую он доводил до самых крайних пределов, до той черты, за которой начинается клиническая запись или судебный протокол» (Соловьев Б. Легкий несессер и тяжелая кладь // Октябрь. 1961. № 6. С. 180–181).

- 148 Ср.: «И горячие серные бани из-за гор воевал Тамерлан». Ср. также горный пейзаж как «пригласительный билет к Тамерлану» в «Путешествии в Армению» Мандельштама. В третьем номере «Нашего современника» за 1960 год, сданном в набор 25 марта, были также напечатаны стихотворения «Читатель», «Портрет автора в молодости» («Он не траурный, он не мрач-

- ный...»), «Где на четырех высоких лапах...», «Первое возвращение».
- 149 Впрочем, К.Г. Паустовский назвал поэму «иезуитской» (История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 133).
- 150 ЛЧ2. С. 381–382. Из невоспомненных стихотворений, так и оставшихся по сей день в «щелочке», назовем то, о котором, со слов Н.С. Давиденкова, вспоминала Нина Берберова в своей статье 1946 года: «Благодаря другу ее сына, несколько стихотворений Ахматовой стали известны за границей. В одном из этих стихотворений она рассказывает, как в годовщину смерти Гумилева каждый год совершает паломничество по набережным Ленинграда к дому, в котором жила тридцать лет тому назад. Окна дома выходят на трамвайное депо, которое до сих пор сохранилось, как сохранился и сам дом. Многоцветные фонари посылают ей знаки в наступающей ночи» (Jun. 1946. 17 septembre). Возможно, что это слышанное Л.К. Чуковской в 1940 году «маленькое, неоконченное» стихотворение «Если бы я была живописцем», «похожее на “Александрийские песни” Кузмина». «— Я из этого, может быть, что-нибудь сделаю, — сказала А. А. задумчиво. — Тут пока что только низкие берега точны, а остальное еще случайно» (ЛЧ1. С. 177). Николай Сергеевич Давиденков (1915–1951) — поэт, деятель Русской освободительной армии. Перед войной отбывал заключение по делу ленинградского студенческого кружка (*Ботвинник М. Камера № 25 // Уроки гнева и любви: Сб. воспоминаний о годах репрессий (1918 — 80-е годы) / Сост. Т. Тигонен. СПб., 1994. Вып. 7. С. 73*). Ср.: «Где сейчас Л. Гумилев, соединивший в себе таланты своего отца и Анны Ахматовой, автор блестящей поэмы “Чингис-Хан”, которую прерывающимся шепотом читал он нам, лежа на грязном полу под дощатыми нарами пересыльной тюрьмы? По-прежнему ли он томится на Енисее, в лагерях НКВД...» (*Анин Н. [Давиденков Н.С.]. Похищение юности // Парижский вестник. 1943. 31 июля*). Попав как власовский офицер в Париж, он в марте 1944-го. в гостях у З.Н. Гиппиус (присутствовала и Тэффи) читал неопубликованные стихи Ахматовой «Тихо льется тихий Дон...» и «Один идет прямым путем...» и опубликованные «А я росла в узорной тишине...» и «Годовщину последнюю праздную...» (*Берберова Н. Курсив мой. М., 1996. С. 496–497*). См. о нем также: *Романков Л. Легендарный человек // Посев (Мюнхен). 1996. № 3. С. 60–62; Ро-*

манков Л. Контуры света. Сборник рассказов и воспоминаний. СПб., 2002. С. 78); *Польская Е.* Это мы, Господи, пред Тобою. Невинномысск, 1998. С. 33–35; *Серман И.* Время и память // *Зв.* 2002. № 12. С. 180.

Может быть, в «щелочке» лежат где-то стихи «Смирив души неукротимый ропот» (*Пастернак Б. Т.* IX. С. 194), «Не замочишь панталон» (Л2. С. 227), «Беломорский канал» (С. 229), четверостишие 1946 года «Дострадать до огня над могилой» (С. 234) и другие, нам пока неизвестные.

- 151 Основной источник ахматовского стихотворения — четверостишие Ованеса Туманяна. См. заметку Сурена Золяна в изд.: Ереванский государственный университет. Юбилейная науч. конф. молодых ученых, посв. 60-летию образ. СССР: Тезисы докладов. Ереван. 1982; *Ketchian, Sonia.* The Genre of Podrazanie and Anna Akhmatova // *Russian Literature.* 1984. Vol. XV. P. 161–164, 167; *Золян С.* Подражание как тип текста (Об интерпретации двух армянских источников О. Мандельштамом и А. Ахматовой) // *Вестник Ереванского университета: Общественные науки.* 1986. № 1(58). С. 226–236.

- 152 Ср.:

Полуголый палач в застенке
Воду пьет и тарашит зенки.
Все равно. Мертвеца в рядню
Зашивают, пока темно.
Спи без просыпу, царь природы,
Где твой меч и твои права?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова.

- 153 Ср.: «...6. Царь Шапух — как думает Аршак — взял верх надо мной, и — хуже того — он взял мой воздух себе. 7. Ассириец держит мое сердце. 8. Он — начальник волос моих и ногтей моих. Он отпускает мне бороду и глотает слюну мою, — до того привык он к мысли, что я нахожусь здесь — в крепости Ануш». Ср. в комментариях А.А. Морозова: «Армянский царь Аршак II (IV в.) восстал против персидского царя Шапуха. Тот якобы для заключения мира пригласил Аршака в свою столицу Ктесифон и вероломно заключил его в крепость Аньюш — “крепость забвения”, где узник обречен был закончить свою жизнь, Дармаст испрашивает для Аршака “один добавочный день”. Был устроен подобающий царям ужин и заказана музыка. В середине пиршества Аршак схватил нож и вонзил его себе в сердце. “Этот

кусок был снят цензурой, — замечает Н.Я. Мандельштам. — Каким образом он прошел? Не за это ли крыли Вольпе (редактора в “Звезде”. — А. М<орозов>)?” («Мандельштам О. Шум времени. М., 2002. С. 300–301). Ср.: *Победа*. Т. 1. С. 127–128.

- 154 Ср. парижское сообщение: «Одному из эмигрантских писателей удалось недавно встретиться с Ильей Эренбургом, который сказал, что за последнее время здоровье Анны Ахматовой значительно ухудшилось. С ней случился второй удар, и она была перевезена в одну из московских клиник» (Болезнь Анны Ахматовой // *РМ*. 1960. 9 июля). Ср.: «1960. 15 мая (Москва) <...> Сейчас звонили, что Пастернаку очень плохо. Положение угрожающее, — боюсь, что меня готовят к его концу. Маруся [Петровых] сказала, что он плакал, когда ему сказали, что я приезжала узнать об его здравии» (С. 83). Ср.: «...Ахматова истово перекрестилась:

— Царство ему небесное» (*Ардов М.* «Не поэтесса». Поэт! Из бесед с Анной Ахматовой // *ЛГ*. 1989. 4 января).

Свое отношение к его стихам она высказала еще в 1922 году: «Ахматова надписала Пастернаку на своем “Подорожнике”: “Борису Пастернаку, чьи стихи мне кажутся волшебными”. Ее, говорят, спросили: вы, значит, любите его стихи? Она подумала и ответила: “Я написала волшебные. Волшебство не любовь. Ему удивляются”» (*Коростелев О., Федеякин С.* Рукопись неизвестного // *Огонек*. 1995. № 28. С. 71). Пастернак, при всех высоких словах, сказанных им в стихах и в прозе о поэзии Ахматовой, при надписи из стихотворения «Художник» на книге переводов грузинских поэтов (*Готхарт Н. С.* 293):

Как гроза, в пути объемя
Жизнь и случай, смерть и страсть,
Ты пройдешь умы и земли,
Чтоб преданьем в вечность впасть,

— склонен был иногда бунтовать против поздней ахматовской поэтики. «“Ти-ти-ти — а что — неизвестно”, — сказал он вдруг о “Поэме без героя”» (*Ивинская О.* В плену у времени: Годы с Пастернаком. Париж, 1978. С. 205), чуть ли не цитируя старые футуристские манифесты: «Как картины, писанные киселем и молоком, нас не удовлетворяют и стихи, построенные на

па-па-па
пи-пи-пи
ти-ти-ти
и т.п.

Здоровый человек такой пищей лишь расстроит желудок» (*Крученых А. и Хлебников В.* Слово как таковое. 1913). Ср. также: «Пастернак ценил ее ранние книги, к поздним стихам и поэмам относился более чем сдержанно. Он дал мне почитать машинописный экземпляр “Ташкентской поэмы”, пожелтевшие от времени и коричневые, будто сожженные на изгибах страницы. Когда я хотел вернуть ему, он только отмахнулся. “Ахматова ведь очень образованна и умна, возьмите ее статьи о Пушкине хотя бы, это только кажется, что у нее лишь одна нота”, — сказал он мне при первой встрече» (*Вознесенский А.* На виртуальном ветру. С. 21).

- 155 С бывшим Серапионовым братом Михаилом Леонидовичем Слонимским (1897–1972) Ахматова была знакома с 1921–1922 годов, когда посещала собрания литературной молодежи в комнате М. Слонимского в Доме искусств (*Тихонов Н.* Устная книга // *ВЛ.* 1980. № 6. С. 134), и к этому времени относится ее недатированная записка:

«Милый Михаил Леонидович, если Вы свободны сегодня в субботу — приходите ко мне в 8–9 час. Как жаль, что Вы меня не застали в среду. Пожалуйста передайте Ходасевичам, что я их жду. Ахматова» (*МАА*).

В 1940 году он председательствовал на собрании в Союзе писателей во время первого вхождения Ахматовой в советскую литературу: «— Я его по привычке все еще называю Мишей. Он как-то очень долго был маленьким... Миша сказал, что я — среди собравшихся, и предложил приветствовать меня. Все захопало. Я встала и поклонилась» (*ЛЧ1.* С. 65).

- 156 *Пунина И.Н.* Летом 1960 года // *Я всем прощение.* С. 42–48. После операции она получила письмо от Эммы Герштейн, с которой они какое-то время были в размолвке (*Memento vivere.* С. 535–536).

- 157 Рассказ Игнатия Ивановского (*ВАА.* С. 620).

- 158 Из стихотворения «Петроград (1919)», напечатанного в берлинском издании «Anno Domini» 1923 года под заглавием «Согражданам». «Зерно» этого стихотворения угадывается по характерной описке: «И мы [остались] забыли навсегда» (С. 310). Говоря о зерне, мы имеем в виду ахматовскую фразу: «Как возникает стихотворение? Строчка — зерно. Она приходит в готовом ритме. Она — из середины стиха чаще, чем первая строка...» (*Ардов В.* С. 62). Лист с этим стихотворением был вырезан почти из всего тиража (*Струве Г.* Два «неизвестных»

стихотворения Анны Ахматовой // *РМ*. 1967. 10 января). После публикации С.С. Набоков (кузен писателя) писал Г. Струве из Брюсселя: «Думаю, что Вы правы, приписывая издателю в Берлине (г. Кагану) решение опустить “И мы забыли навсегда...” из-за “политической нотки” в этих стихах (чтобы не “подвести” Ахматову). Не думаю, что это было сделано “под давлением свыше” (тогда уже эмигрантский издатель Каган был вне досягаемости этих советских деятелей) или по почину самой Ахматовой (если память не изменяет мне, г. Каган говорил, что к тому времени он потерял всякую связь с литературными кругами в России)» (Гуверовский архив). Однако сборник печатался в Берлине в октябре 1922 года, а Ахматова видела обоих издателей «Петрополиса» в последний раз 15 ноября того же года, когда пришла на Николаевскую набережную Васильевского острова провожать высылаемых на пароходе «Preussen» представителей петербургской интеллигенции (Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб., 2002. С. 273) и, уже сопровождаемая слухами о своей высылке (ср.: Высылка Анны Ахматовой // *Сегодня*. 1922. 7 сентября), могла распорядиться о снятии стихотворения.

- 159 Нора Яковлевна Лидарцева (Сахар; псевд. «Н. Лидарт»; ум. в 1983 г.), дочь известного петербургского адвоката, была многолетней петроградской и парижской приятельницей О.А. Глебовой-Судейкиной, у которой встречалась с Ахматовой (Минувшее. 13. 1993. С. 471). Ср. ее воспоминания о похоронах Блока: «Помню бледное, залитое слезами лицо Анны Ахматовой. В гробу виднелось ставшее неузнаваемым исхудавшее лицо зеленоватого цвета, с заострившимся носом. На сгибе кисти — большое темно-зеленое пятно» (*Лидарцева Н. Памяти Александра Блока // РМ*. 1971. 16 сентября). Вскоре после этих похорон она эмигрировала — ср. публикацию ее стихов: *Вольная Литва* (Каунас). 1921. 4, 11 сентября. На страницах советской печати имя Н. Лидарцевой появилось в связи с ее стихотворением в берлинском альманахе, содержавшим строки «Я только в глаза смотреть не смею без отчизны, дома и Царя...» — ср. отзыв о ней как о «божественной цыпке» в кн.: *Василевский И.М. (Не-Буква)*. Что они пишут? (Мемуары бывших людей). Л., 1925. С. 48.
- 160 Сергей Александрович Риттенберг (1899–1975) — лектор по русской литературе в Стокгольмском университете, брат Татьяны Александровны Герман, второй жены Юрия Германа.

Домашнее прозвище — «Гуля» (Долин А. Герман. М., 2001. С. 18–19). Сын петербургского присяжного поверенного, в 1910-е был близок к семейству Бруни, бывал в «Привале комедантов» (Лидарцева Н. Доклад о Н.Н. Евреинове // РМ. 1963. 3 января). Ахматову он видел в 1916 году на вечере в Тенишевском зале. Эмигрировал в Финляндию в 1918 году. См. о нем: Берберова Н. Курсив мой. С. 689. Ср. запись после разговора с ним: «С.А. Рит[т]енберг это подтверждает ([19]62 г.)» — т.е. то, что члены парижского Цеха поэтов гордились дружбой с Ахматовой (С. 116). Как «знакомый швед», навещавший Ахматову летом 1962 года (и видевший тогда у нее на столе книгу Д. Кленовского) и летом 1964 года, упоминается в письмах Д. Кленовского (НЖ. 1997. № 207. С. 159, 162). В 1962 году дважды посещал Ахматову в Комарове с Э. Местертоном. Мельком виделся с ней в Париже в 1965-м. О его беседах с Ахматовой см. в его письмах к Г.П. Струве июля 1974-го: «М<ожет> б<ыть>, то, что Бунин не окончил гимназии, и не играло такой большой роли в его жизни. Но это объяснение очень характерно для Ахматовой, она чеканила такие изречения, как медали, причем с большой простотой. Так, о проф. Плоткине она сказала: “Дачу тут построил. На моих костях построил, а теперь зовет чай пить. Ведь есть же такие люди”. Или о Евтушенко и Вознесенском: “Я восхищаюсь их эстрадным мастерством. Я даже немного завидую им. Но при чем тут поэзия?” Когда она раз неодобрительно отозвалась о сборнике, вышедшем под ред.<акцией> Суркова, я сказал: Конечно, полного представления о творчестве Анны Ахматовой этот сборник не дает, но он дает гораздо больше, чем избр.<анные> стихи Бунина и Брюсова, хотя те сборники они составляли сами. “Мне эти имена ничего не говорят”, сказала она, “к Бунину я, м<ожет> б<ыть>, несправедлива, мы были в разных станах, а Брюсова я просто не считаю поэтом”. Это было не совсем на тему, но очень интересно. Я промолчал, конечно. Вяч. Иванова она не любила. Это понятно — уж очень чужд он ей как поэт. Она отрицала эпизод, описанный в “Петербургских зимах”, что даже Адамовича удивило, когда я ему рассказал. А вот недружелюбие к Кузмину, который написал предисловие к “Вечеру” (и немножко на нее повлиял в начале), меня очень удивило, даже огорчило»; «Я далеко не со всем, что говорила Ахматова, мог согласиться, но я любовался ее манерой выражаться (чисто эстетически), даже когда мне казалось, что она не права. <...> Я слышал Ахматову в молодости. Она

читала очень просто, немного нараспев. Никакого “эстрадного мастерства” у нее никогда не было»; о Л.А. Плоткине и Ахматовой см. подробней нашу справку: *Эткиндовские чтения. II–III*. С. 256–257; об Ахматовой и Е.А. Евтушенко см. нашу справку: *Крымский Ахматовский. 4*. С. 145–146); ср. также: « — Евтушенко и Вознесенский великолепные, замечательные... (задумалась и подобрала слово) — эстрадники. Ни Гумилев, ни Ходасевич ни за что не могли бы собрать такой аудитории. Только я не понимаю, при чем тут поэзия» (*Друскин Л.* Спасенная книга. СПб., 1993. С. 141).

- 161 *Лидарцева* Н. Последние сведения об Анне Ахматовой // *РМ*. 1960. 4 августа.
- 162 См. о Е.М. Клебановой (1903? — 1975?), например: *Ходасевич В.* Камер-фурьерский журнал. М., 2002. С. 290, 300, 303, 318, 320, 323, 327. Ср. также упоминания в письмах Г. Адамовича А.В. Бахраху (*НЖ*. 1999. № 216. С. 108) и Р.Н. Гринбергу (*НЖ*. 2000. № 218. С. 143). Письма Е.М. Клебановой к Ахматовой: открытка из «Венеции дождей» (как сказано адресанткой) от сентября 1963 года — о том, что была в Москве по делам, но не вырвалась в Ленинград и не повидала в этом году Ахматову; 13 июня 1965 года — в Париж о том, что следила по газетам за тем, что происходило в Оксфорде: «Зато я была представлена своими родственниками, которые все съехались Вас почтить и надеюсь, что они Вам все понравились, и те, кого Вы уже знали, и те, с которыми Вы столкнулись в первый раз. <...> Анна Андреевна, душечка, у меня все стены увешаны вашими портретами, вот вам и культ личности» (№ 846). См. о ней как «милой Жене» в письмах К.И. Чуковского Р.Н. Гринбергу (*Ржевский Л.* Загадочная корреспондентка Корнея Чуковского // *НЖ*. 1976. № 123. С. 136, 138).
- 163 *Глекин Г.* С. 207.
- 164 *Н-ко Н.* Мои встречи с Анной Ахматовой // *НПС*. 1966. 13 марта. Посетителей из русских эмигрантов Ахматова, как представляется, отмечала в блокнотах в последнюю очередь. В этой связи обратим внимание на запись, по-видимому, 1963 года (С. 302): Виктор Семенович Гашкель (Gachkel; 1911–1982) — парижский врач-психиатр, друг многих русских литераторов. См. о нем: *Зв*. 2004. № 10. С. 165–166.
- 165 Слух этот широко пошел по Москве. Ср.: Lindsay, Richard. *Writers and their Public* // *Survey*. 1961. № 37. P. 59. Возможно автору статьи, студенту-русисту, это сообщил описанный в ней

«Володя», поэт, 23-лет, инженер-гидравлик, который также объяснил, что основная линия русской поэзии проходит через Пушкина, И. Анненского, Мандельштама; в другой публикации, предваряющей переводы нескольких стихотворений неназванного Б. Слуцкого, видимо, этот же человек назван «Николаем», живет он в комнате, обставленной светлой мебелью на манер западного модерна 1930-х, здесь называемой «рижский модерн», о поэзии И. Анненского говорит как о «сложенной с ошеломительной и непостижимой тонкостью и точностью», о Мандельштаме — что этот великий поэт двадцатого века использовал любые литературные приемы, чтобы обострить форму. Он добавил и четвертое имя в список — свое собственное (A.Zr. Poems Underground // Harper's Magazine. 1961. May. P. 134). Будем надеяться, что к моменту написания многотомной истории русского читателя личность Владимира-Николая будет прояснена.

Слух об издании был вызван переговорами конца 1960 года со Станиславом Лесневским, сотрудником издательства «Советский писатель» — речь шла о сборнике новых стихов, который Ахматова предполагала назвать «Седьмая книга» (ср. план ее: С. 105–106). См.: Лесневский С. «...Известный профиль с гордо занесенной головой» // ЛГ. 1996. 14 августа; Гончарова Н. С. 273.

- 166 Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. С. 531. Название «Шиповник», довезенное Е.М. Клебановой до Р.Н. Гринберга, возникло из рассказа о том, как Ахматова боролась за то, чтобы в сборнике появился цикл «Сожженная тетрадь», соглашаясь за это на включение двух стихотворений из цикла «Слава миру» — «Прошло пять лет...» и «Говорят дети» (письмо В.Е. Ардова к А. Пузикову, главному редактору Гослитиздата — № 1639. Л. 22). На это словосочетание издательство не согласилось, и цикл получил «запасное» название «Шиповник цветет». Сам А. Пузиков вспоминал об эпохе после XX съезда: «К праздникам можно отнести нашу работу над книгами Булгакова, Ахматовой, Цветаевой» (*Пузиков А.И.* Будни и праздники: Из записок главного редактора. М., 1994. С. 65). Другая неточность Р.Н. Гринберга: не Коломяки (Коломякки, Коломяги), дачное место к северо-западу от Петербурга по Озерковской ветке, а Келломяки (по-фински — «Колокольная гора») на Карельском перешейке.

- 167 Ср. запись двух разговоров 1960 года: «От испуга я едва понимала смысл произносимых Анной Андреевной слов. За границей на-печа-та-на “Поэма без героя”! Значит, опять все как с “Живаго”: газеты, собрания, лужи, моря, океаны клеветы, а мы? Мы молчим, то есть предательствуем. Правда, там, оказывается, сверху поставлено: “Публикуется без ведома и разрешения автора”, — это, быть может, и спасет. И тогда, кто знает, не пугаться надо, а радоваться? <...> Анна Андреевна встревожена, но как-то не слишком. По-видимому, надеется, что повторения истории с “Живаго” не будет. Время сейчас особенное, вперед не угадаешь»; “Книги наверное не будет”, — сказала А. А. <...> Гадали: если книгу в самом деле зарежут, то по какой причине. Почему? Не потому ли, что “Поэма” напечатана в Америке?» (ЛЧ2. С. 371, 381).

Глава
четвертая

1961-1962

- 1 Разговор 21 сентября 1960 года (*Бражнин И.* Обаяние таланта // *НМ.* 1976. № 12. С. 240). Свидетельством разногласий в редколлегии является позднейшее объяснение В.О. Перцова: «Не так давно в “Библиотеке советской поэзии” вышла книга Анны Ахматовой. Обратите внимание на то, что она вышла в “Библиотеке советской поэзии”. Когда эта книга была еще в рукописи и нужно было решить судьбу ее, я, как один из членов редакционной коллегии, был привлечен к решению этого вопроса. Вопрос заключался не в том, издавать или не издавать эту книгу — в издательстве считали, что ее нужно издать, — вопрос был в том, можно ли издать ее в “Библиотеке советской поэзии”. Рецензируя рукопись, я старался в меру своих сил показать особую важность появления этого сборника именно в составе “Библиотеки советской поэзии”. Я сравнивал книгу Ахматовой с книгами Брюсова и Блока, вышедшими в “Библиотеке советской поэзии”. Часть творчества того и другого, посвященная советской эпохе, незначительна по количеству, но она по своей значимости такова, что творчество этих двух поэтов включено в состав «Библиотеки советской поэзии». Конечно, у Ахматовой совершенно иная эволюция художественная, тем не менее мы обеднили бы “Библиотеку советской поэзии”, не включив в нее творчество Ахматовой. А. Сурков в своем послесловии говорит о том, что Анна Ахматова не приняла социалистическую революцию, не разобралась в ней, что в ее творчестве были элементы упадничества. Но он говорит и о том, что “стихами, написанными за последние пятнадцать лет, Анна Ахматова заняла свое, особое, не купленное ценой каких-либо моральных или творческих компромиссов место в современной советской поэзии”. Путь к этим стихам труден и сложен. И решающую роль на этом пути сыграло то, о чем написала поэтесса в последних строках автобиографии, открывающей данный сборник: “Читатель этой книги увидит, что я не переставала писать стихи. Для меня в них — связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории

моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных”. Стихотворения заключительных разделов сборника убедительно подтверждают правоту этих искренне и взволнованно написанных строк, подытоживающих сложный пятидесятилетний путь Анны Ахматовой в русской и советской поэзии. Этот факт из нашей сегодняшней литературной жизни имеет, как мне кажется, более широкое значение...» (*Перцов В.* О чем говорит литературная карта // *ВЛ.* 1961. № 9. С. 58–59). За издание сборника в этой серии был А.А. Прокофьев, но цикл «Из сожженной тетради» (ныне известный как «Шиповник цветет») предлагал выкинуть за «сильный налет мистического настроения, из-за неопределенности намеков и т.д.» (*Летопись.* С. 552). Об истории сборника см. также: *Гончарова Н. С.* 267–271, 285–287.

- 2 Ср. записи 1959–1960 годов: «Спросить у Орлова <...> Какой портрет в книгу» (С. 32); «Мои предложения Орлову» (*Гончарова Н. С.* 273).

- 3 *Оксман Ю. С.* 557. Может быть, сгущая краски, Ю.Г. Оксман писал в 1968 году: «Недаром так презирала и в то же время так боялась его Анна Андреевна» (*Азадовский М. Оксман Ю.* Переписка / Изд. подгот. К. Азадовский. М., 1998. С. 101). Оксман позднее подключился к борьбе за сборник и 13 сентября 1960 года писал М.Б. Козмину: «По просьбе Анны Андреевны Ахматовой, до которой дошли какие-то огорчительные для нее слухи о разных сомнениях, вызываемых утвержденным ею отбором стихов для ее книжки, выходящей в серии “Библиотека советской поэзии”, прошу Вас принять к сведению следующие ее предложения:

1. Все семь стихотворений, входящих в цикл “Из сожженной тетради”, обязательно должны остаться в новом сборнике, тем более что четыре из них вошли в сборник 1958 г., а три других опубликованы в журналах “Москва”, 1959, №7 и в “Новом мире”, 1960, №1.

2. Само название цикла может быть изменено — Анна Андреевна предлагает название “Шиповник цветет” с эпиграфом

Несказанные речи
Я больше не твержу,
Но в память той невестри
Шиповник посажу...

3. Строка «О август мой, как мог ты весть такую» может быть дана в печатной редакции (см. «Москва», №7).

4. «А.А. Ахматова не возражает против включения в новый сборник трех ее стихотворений, рекомендуемых редакцией Гослита: 1) “Говорят дети”, 2) “Прошло пять лет” и 3) “Приморский парк победы” <...> Я считаю своим нравственным долгом отметить, что состояние ее здоровья сейчас таково, что было бы ничем не оправданной жестокостью волновать ее дальнейшими оттяжками и без того непомерно затянувшегося издания сборника ее стихотворений» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед.хр. 1251. Л. 9; частично: *Летопись*. С. 553).
4. ЛЧз. С. 372. Ср. дарственную надпись Ю.Г. Оксмана 1960 года на его книге «От “Капитанской дочки” к “Запискам охотника”»: «Молюсь единорогу» (*Из личной библиотеки*. С. 34).
5. ЛЧз. С. 383–384. Григорий Иванович Владыкин (1909–1983) — в 1954–1957 годах зав. отделом литературы и искусства газеты «Правда», до того — секретарь писательской партийной организации. В должности литературоведа писал предисловия к сочинениям А.Н. Островского. В 1965 году, когда он был заместителем министра культуры по театрам, с ним в больнице встретился А. Твардовский: («я же когда-то работал над Островским» — так и не доработал), увидел 5-ю книжку “Н<ового> м<ира>”, просил, как дети сладенького: дайте до пон<едельни>ка. А я его отлично вижу на месте нашего цензора» (*Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Зн.* 2001. № 12. С. 148).
6. *Кацева Е.* Мой личный военный трофей // *Зн.* 2002. № 1. С. 169.
7. *Неймирок А.* Белла Ахмадулина // *Грани.* 1964. № 55. С. 175.
8. *Озеров Л.* Одно стихотворение // *День поэзии*. М., 1965. С. 187 (о разговоре Маяковского с В. Саяновым). «Автометаописательно» обыграно в стихотворении А. Кушнера о паровозе, привезшем Ленина (Юность. 1962. № 9. С. 8). Ср. также стихи Н. Коржавина: «Революции нашей наследство / Обязует нас зоркими быть» (Юность. Избранное. 1955–1965. М., 1966. С. 669) или О. Чухонцева: «Я бы тоже хотел / так уметь молчать, / как курсант у твоего мавзолея» (*Чухонцев О.* Ночной город // *День поэзии*. М., 1960. С. 106).
9. *Тарковская М.* «Из тени в свет перелетая...». Неизданная книга Арсения Тарковского // *Грани.* 1998. № 188. С. 84.
10. Впервые: Советская женщина. 1946. № 1. С. 7. Тогда же переведено на английский: «Thrice happy I that not a mere translation / But Lenin’s own authentic words regard» (*Tarkovsky A.* The more the years run out and leave me sager // *Soviet Woman*. 1946. № 1. P. 7); *День поэзии*. М., 1957. С. 121.

- 11 В одном из мемуарных выступлений Виктор Ардов рассказывал: «Однажды, когда я был на военной службе, меня повезли во Владимир. Там на собрании выступал преподаватель Владимирского пединститута. Это был жалкий глупый человек. Он с пафосом говорил общие места о литературе. Он не произносил букву “ц”; вместо “ц” звучало “с”: “незабываемый образ бойса!”. И вот Анна Андреевна обо всяких казенных штампах говорила: “пламенный образ бойса»» (РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Ед.хр. 145. Л. 8).
- 12 ЛЧ2. С. 390, 410, 414, 425.
- 13 Чуковский К. Т. 13. С. 296. Позднее немецкий корреспондент Германн Порцген находил, что во всей книге нет намека на господствующее мировоззрение (Frankfurter Allgemeiner Zeitung. 1962. 13. Juni).
- 14 16 октября 1960 года В.Н. Орлов писал М.Б. Козьмину: «Никакого официального заключения по представленной мною рукописи от издательства я не получил. Знаю только, что рукопись подверглась обсуждению в различных инстанциях и, повидимому, значительно сокращена. Все это происходит без моего участия и ведома. О дальнейшей судьбе рукописи я ничего не знаю. Не понимаю, для чего же понадобилось привлекать меня к этому делу. Я полагал, что меня привлекли как специалиста, но, очевидно, это не так. Еще раз напоминаю, что мне было поручено подготовить сборник стихов А. Ахматовой не для серии “Библиотека советской поэзии”; предполагалось даже, что сборнику должна быть предпослана статья (ее тоже предлагали написать мне). Таким образом, тип и характер сборника и самый его объем определялись (в замысле) совсем иначе, нежели принято в этой серии. Я совсем не настаиваю на своем участии в подготовке книжки Ахматовой и могу лишь пожалеть, что потратил на нее дорогое время. Но при всех обстоятельствах я не хочу нести ответственность за дело, от которого я фактически отстранен. Именно поэтому, во избежание могущих возникнуть недоразумений, прошу считать меня свободным от каких бы то ни было обязательств перед издательством по данной книге» (РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед.хр. 1251. Л. 5).
- 15 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед.хр. 1251. Л. 27–27об.
- 16 РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 10. Ед.хр. 1251. Л. 12–12об; «От горизонта одиночки к горизонту всех людей» (De l’horizon d’un homme à l’horizon de tous) — заголовок одного из сочинений Поля Элюара; стих. «Говорят дети» было включено в сборник, стих. «Твой

белый дом и тихий сад оставлю» — исключено; первая фраза в предисловии была поправлена: «Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь», упоминание об изучении английского языка снято). Стихотворение «Течет река неспешно по долине» из «Подорожника» в сборник включено не было, у него издавна сложилась неблагоприятная репутация, см., например: «Характерно не только содержание приведенного стихотворения, но его плавный и спокойный ритм, отлично дополняющий этот идиллический помещицье-дворянский, полный глубокого лиризма, пейзаж. Настроения подобного рода можно условно характеризовать как пассивно-революционные <..> Анна Ахматова, которая в 1917 г. пыталась укрыться от революционного грома под сень старинной усадьбы <...>» (Майзель М. Краткий очерк современной русской литературы. М.; Л., 1931. С. 23).

- 17 Оксман Ю. С. 558. Вскоре Ю.Г. Оксман привез заметку на просмотр Ахматовой. «Сделала ряд существенных уточнений фактического порядка. Протестовала против утверждения, что М. Кузмин декларировал “прекрасную ясность” акмеизма в предисловии к ее первому сборнику. М. Кузмин был врагом акмеизма, да и все акмеисты его не любили. Ошибка идет еще от статьи В.М. Жирмунского, где Кузмин объединен с акмеизмом» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 501. Л. 14).
- 18 В 1946 году, накануне ждановского разгрома Натан Венгров (Моисей Павлович Вейнгрот; 1894–1962) написал статью о пути Ахматовой, которой суждено было не увидеть света. Там, в частности, говорилось: «Война вызвала в лирике Ахматовой новую гражданскую ноту. У ее героини проснулось чувство гражданина СССР с его ощущением социалистической родины, неразрывной связи со своим народом, братской любовью к народам Союза. Широко развернулся круг ее душевных восприятий, иные интонации зазвучали в ее поэтическом голосе.

Может быть, это произошло и потому, что сын поэтессы в эти годы сражался в победоносных рядах Красной Армии. Он участвовал в освобождении Праги. Может быть, поэтому в ее голосе в это время громче и отчетливее зазвучали интонации женщины-матери. Детям клялась поэтесса от имени народа защитить честь родной земли. О ребенке прежде всего вспомнила она, когда услышала сухой, “как пекло”, звук первого разрыва вражеского снаряда в Ленинграде. О пляшущей вокруг

шарманки детворе как о символе жизни говорила она, вспоминая о голодных годах Ленинграда в начале революции. <...> Но она осталась верна и в эти годы своему любимому образу разлюбленной, трагическому часу разрыва. Однако эта тема в значительной мере потеряла ущербный, болезненный характер эстетического любования человеческой болью. В дни разрыва — воспоминание, “как блаженный голос птицы” поет этим “горьким и надменным, не смеющим глаза поднять” — о днях, когда они «друг друга берегли». Светлая грусть лежит легкой тенью на лирических зарисовках Ахматовой, чем-то напоминающая первые ее стихи. Улыбка и мягкая ирония появились в ее лирике, в ее поэтическом рассказе о том, “из какого сора растут стихи, не ведая стыда» (РГАЛИ. Ф. 3114. Оп. 1. Ед.хр. 629).

- 19 Стенограмма заседания сектора русской советской литературы, посвященного обсуждению макета «Краткой литературной энциклопедии». 21 октября 1960 г. // РГАЛИ. Ф. 3105. Оп. 1. Ед.хр. 57. Л. 13, 21, 23, 40, 42, 57. Литературовед Владимир Викторович Жданов (1911–1981) попал на страницы ЗК в автобиографии (С. 631)— его рецензия на «Судьбу Лермонтова» Эммы Герштейн, «работу интересную, всем доступную и, более того, по верному определению А.А. Ахматовой — каким-то образом принадлежащую к художественной литературе» (НМ. 1965. № 5. С 257). Ср.: «А это рассказал мне сам Владимир Викторович. По делам КЛЭ ему несколько раз приходилось звонить по телефону Ахматовой. Она ему сказала:

— Когда вы звоните и я слышу: “Это говорит Жданов”, в первую минуту я переживаю потрясение. Мне кажется, что весь этот ужас вернулся» (Баевский В. Table-talk // Знамя. 2011. № 6. С. 167). См. о нем: Дмитренко С.Ф. Не тот Жданов // Экслибрис НГ. 2011. 6 сентября.

- 20 *Страницы черновиков.* С. 375–376.
 21 *Корней Чуковский — Лидия Чуковская.* С. 388.
 22 Н. Гумилев. А. Ахматова. По материалам историко-литературной коллекции П.Н. Лукницкого. СПб., 2005. С. 124. Хронология их сближения отражена в надписи на книжке «У самого моря»: «Моему тихому и светлому другу в четвертую годовщину Нашего Дня. Анна. 1 декабря 1921. Петербург».
 23 *Зноско-Боровский Е.* Творческий путь Анны Ахматовой // Воля России. 1923. № 10. С. 80. Ср.: «Подоснова ее душевной жизни — ощущение Бога, преданность Богу, укорененность в высшем, в жизни, которая торжествует над земной смертью и заставляет

отступить ужасы разоренного, безрадостного, страшного настоящего (под кровавым большевистским игом): “Все расхищено, предано, продано... <...>” Высшая жизнь победительно вступает в измученное и запятнанное кровью настоящее и преобразует мирскую жизнь. Это одно из самых трогательных произведений русской лирики» (*Arseniew N. Die russische Literatur der Neuzeit und Gegenwart in ihren geistigen Zusammenhängen. Mainz, 1929. S. 350*); «Ахматова сознает, что ужас испытаний и боль позора — как язвы Иова, что чем страшнее и мучительнее наши страдания, тем ближе мы к странному свету. <...> Надежда переносится от субъективного и частного к объективному и общему. Лирическая душа ее жаждет благодатного воскресения и чуда» (*Г.Ч. [Чулков Г.И.]. Anno Domini // Феникс. М., 1922. С. 186*); «Но никто из богемы этой не смог понять до самой глубины того, что произошло, кроме Ахматовой. То ли она пережила больше, а может быть, как женщина, поняла тоньше и лучше.

Все расхищено, предано, продано...

Отчего же нам стало светло...»

(*Слизской А. Из новейшей художественной литературы // Возрождение. 1953. № 29. С. 182*). О читательских размышлениях сорокапятилетней давности по поводу этого стихотворения вспоминала эмигрантка из Петрограда: «Что это значит? Блок задыхался, сгорал в безвоздушности и беззвучии, а Ахматова слышала какое-то приближение чудесного к развалинам старого мира: чудесного, которое обещало быть желанным. Блок с его пророческой совестью предчувствовал гибель, крушение старого мира, конец серебряного века поэзии, конец всего того, что было любимо, и раньше всего по времени — свой скорый конец. Реальность близкой смерти застала реальность новой жизни. Жизнь эта своими звучаньями, которых поэт больше не улавливал, подгоняла, торопила трагическую развязку судьбы Блока. Ахматова ощущала без всякого пророчества, но с предельной чуткостью сегодняшний день, и в этот день, конечно, вливалось чудесное. Весь ужас того, что совершалось тогда за одни сутки, призывал, порождал его. Может быть, и Осип Мандельштам это чудесное в тогдашнем воздухе ощущал, собираясь “блаженное бессмысленное слово в первый раз произнести”. Углубляя, можно сказать, что Блок погиб оттого, что уже никакого чуда не ждал и видел впереди лишь серые будни нового мира, жестокого, пустого, бесстихийного» (*Элькан А. «Дом искусств» // РМ.*

1956. 20 сентября). Ср. также воспоминания о том, как «лебединым голосом читала» Ахматова это стихотворение в Вольфиле (*Гаген-Торн Н. Memoria. М., 1994. С. 26*).

- 24 Нами пока рецензии такого рода не обнаружены. В берлинской газете «Руль», которую редактировали деятели партии кадетов Иосиф Владимирович Гессен (1865–1943) и Август Исаакович Каминка (1865–1940?), рецензию на «Anno Domini» поместил Лоллий Львов, который, в частности, писал:

«В 1921 году похоронили Блока и расстреляли Гумилева. Этот год поэтому особенно жуткий, и только в этот жуткий год, в жуткой России могло возникнуть желание женщины-поэта — чьи стихи трепетны, как цветы —

Лучше бы поблескиванье дул
В грудь мою направленных винтовок...

Только в жуткой России из уст женщины-поэта, — чьи ритмы хрупки, как цветы — могло вырваться обжигающее восклицание

Нам встречи нет. Мы в разных станах,
Туда ль зовешь меня, наглец,
Где брат поник в кровавых ранах,
Принявши ангельский венец...

Да, это Anno Domini MCMXXI после семи грозных лет, когда

Война, мятеж, опустошенный дом...

Но все же, все же ведь вот в стихах на смерть Блока столько солнечного сияния, что даже пение панихидное стало нынче не печальным, светлым...

И этот неожиданный примиряющий свет и в том первом стихотворении, которым открывается эта книга Ахматовой.

Отчего же нам стало светло?..

Отчего же действительно на фоне этого томительного, испепеляющего мелькания крыла черной смерти, отчего

Отчего же нам стало светло!..

Анна Ахматова поэт Божьей милостию, а поэт неизмеримее и безгранично счастливее простых смертных: ночью Муза слезает утешать ее, и она знает, как отрадно “взглянуть на звезды и потрогать лиру”. Она владеет

чудесным садом,
Где шелест трав и восклицанья муз».

(Руль. 1922. 2 апреля). Александр Павлович Кутепов (1882–1930) — командующий корпусом в войсках А.И. Деникина и

П.Н. Врангеля, впоследствии был захвачен агентами ОГПУ и тайно вывезен из Парижа. Барон Петр Николаевич Врангель (1878–1928) — вождь Белого движения на Юге России, брат знаменитого Ахматовой по «Аполлону» и «Бродячей собаке» искусствоведа Николая Николаевича Врангеля.

- 25 Ср.: «Осинский считает неправильными утверждения зарубежных рецензентов, будто это стихотворение является намеком на то, что Ахматова ожидала избавления от белых генералов. Толкование эмигрантских писак, действительно, слишком прямолинейно и тупо. Но все-таки они ближе к истине, чем Осинский, утверждающий, что Ахматова этим стихотворением воспела революцию, “воспела то прекрасное, что родилось в огне ее и подходит все ближе, что мы еще завоюем, вырвавшись из уз голода и нужды”. По существу же что имеем мы в этом стихотворении? Довольно обычный для мистиков мотив. Читатель помнит, что еще ранее “божьи птицы говорили” с Ахматовой “о всегда чудесном”. И вот, когда привычный мир развалился, когда “все расхищено, предано, продано”, Ахматова ищет спасения в этом самом “чудесном”, в мистическом чаянии каких-то небывалых чудес. Это, разумеется — не ожидание белых генералов, но это — и не воспевание революции. Это — нечто родственное эсхатологическим чаяниям Владимира Соловьева и Андрея Белого, чаяниям конца мира и пришествию Мессии» (*Лелевич Г. Анна Ахматова (беглые заметки) // На посту. 1923. № 2–3. С. 201*). Об отношении Г. Лелевича и других «напостовцев» к Ахматовой см.: *Корниенко Н.В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М., 2010. С. 35–36, 155–156.*
- 26 *Осинский Н. Побег травы (Заметки читателя). 3. Новая литература: поэзия // Правда. 1922. 4 июля. Сменевеховская печать тоже одобряла стихотворение: «Смысл творящегося становится понятнее и ближе. Могильная плита освобождает грудь. Язык смерти оставляет поэта, он облегченно вздохнул и почувствовал в новой, вчера казавшейся ему смертоносной, обстановке присутствие кислорода. Поэт вдыхает новый воздух и чувствует, что он *может* им жить и что в этом воздухе есть не только необходимое для жизни человеческой содержание, но *чудесное и от века желанное*... Вот тот венец, которым Ахматова украсила свой четырехлетний путь терзаний» (*Северская Е. Венец из терний и роз // Смена вех. 1922. № 16. С. 19*). Петроградскому же марксисту виделась в нем «враждебная или пес-*

- симистическая оценка современности» (Горбачев Г. Письма из Петербурга // Горн. 1922. № 2(7). С. 132).
- 27 «Ахматова хохотала очень» (Чуковский К. Т. 12. С. 111).
- 28 О Н.В. Рыковой-Гуковской (1897–1928) см.: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 2. СПб., 1999. С. 225 (справка П.А. Вахтиной). Ср.: «“Очень белых взглядов”, — осторожно говорил много лет спустя, вспоминая о ней, ленинградский литературовед, которого называли “королем дезинформации” [С.А. Рейсер]» (Зернова Р. Длинные тени. Иерусалим, 1995. С. 173). Нина Семеновна Маршак (Пятницкая, Рыкова; 1884–1938) — работник Наркомздрава, расстреляна.
- 29 Впервые процитировано в: Озеров Л. Тайны ремесла // ЛР. 1963. 1 февраля.
- 30 Ср. отзыв В.Н. Тукалевского в эмигрантском журнале: «Выдержкой об Ахматовой из боевого органа коммунистов под редакцией самого Бухарина “Московской Правды” признается не только прошлое русской литературы, но даже “не пролетарское настоящее»» (Новости литературы (Берлин). 1922. № 2. С. 96). Ср. также: «Н. Осинский произносит целый панегирик Ахматовой и даже утверждает, что последней “после смерти А. Блока бесспорно принадлежит первое место среди русских поэтов”. Не знаю, оценивает ли сам Осинский серьезность и ответственность этого утверждения. *Первый* поэт страны в *величайшую* из эпох всеобщей истории — это не шутка, это не просто признание большого таланта или мастерства поэта. От первого поэта страны требуется большее» (Делевич Г. Анна Ахматова (беглые заметки) С. 178). «Продолжает “красиво тосковать” Анна Ахматова (“У самого моря”, “Лето господне”), но если это и нравится т. Осинскому, то, думаем, только потому, что в его-то характере тоскливость отсутствует совершенно: нравится в порядке контраста» (Асеев Н. Поэзия наших дней // Авангард. 1922. № 1. С. 14). «Одному коммунисту понравится келейно-монастырская Ахматова, другому порнографически-славянофильствующий Пильняк, третьему — “свободная от идеологии” Серапионова братия, — и готовы гении, революция спасена, найдены варяги, которые призваны управлять нашей революционной литературой» (От редакции // На посту. 1923. № 1. С. 5). «Т. Осинский навсегда прославил себя статьей об Ахматовой, где он, — пытаясь найти у Ахматовой, — сверхиндивидуалистки мистического толка, — нечто созвучное с

эпохой, — одновременно ударял по рабочим писателям <...> Объективный смысл выступлений Осинского заключался в расширении и углублении возможности выступлений и проявления не нашей идеологии» (*Авербах Л.* О литературной политике партии // На посту. 1925. № 1. С. 53). «Можем ли мы винить ее за то, что с ходом революции этот социальный тип намечен был к сокращению, и об Ахматовой, не испросив от нее полномочия, вспоминал с революционным сочувствием только Осинский в одном из своих сентиментальных фельетонов» (*Перцов В.* По литературным водоразделам. I. Затишье // Жизнь искусства. 1925. № 43. С. 6). «...возвращение к жизни отдельных старых буржуазных писателей, которые встречали слишком снисходительную критику со стороны некоторых представителей партийного руководства (Осинский — Ахматова, Бухарин — Эренбург) — все это делало настоятельно необходимым единение всех подлинно революционных литературных сил» (*Майзель М.* Краткий очерк современной русской литературы. М.; Л., 1931. С. 130). Ср. письмо Общества старых большевиков «О нашей литературной политике»: «Основным кадром литературно-художественных сотрудников наших партийно-советских журналов и издательств является либо чуждые нам осколки буржуазно-дворянской культуры типа Ходасевичей, Волошиных, Бальмонтов и К°, либо неустойчивые мелкобуржуазные писатели, так называемые попутчики <...> Эти писатели иногда даже выдаются за поэтов революции (статьи тт. Осинского и Коллонтай об Ахматовой) <...> С точки зрения общества старых большевиков такое положение недопустимо. Необходим решительный пересмотр проводящейся до сих пор литературной политики» (Пламя (Царицын). 1924. № 3). Общество старых большевиков вынесло порицание А. Коллонтай и Н. Осинскому за оценку Ахматовой после доклада генсека РАППа Г. Лелевича 28 октября 1923 года (Вопросы истории КПСС. 1989. № 11. С. 56).

31 *Иванов Г.* Петербургские зимы. Париж, 1928. С. 74.

32 Имеется в виду письмо сотрудницы Русского музея Т.Н. Кречетовой (1903–1960) от 12 марта 1959 года: «Я хорошо помню, как относилась молодежь тех лет к Вашему творчеству. В связи с этим, мне хотелось напомнить об одном из Ваших выступлений. Дело происходило в 1922 году в Ленинградском Университете, в аудитории Физического факультета. Вы выступали с чтением своих стихов перед огромной аудиторией, состоящей

главным образом из студенческой молодежи. Вас слушали с большим вниманием и живо реагировали на каждое Ваше слово. Вам не давали кончить, без конца просили читать стихи и не отпускали уйти с кафедры. На меня большое впечатление произвел успех этого вечера, подъем, с которым Вы читали, такой контакт с аудиторией» (Публ. М.М. Кралина // Ленинградская правда. 1989. 23 июня).

- 33 Поэта, критика мемуариста, земляка по Царскому селу Николая Авдеевича Оцуца (1894–1958) Ахматова не любила по воспоминаниям начала 1920-х (Л2. С. 108, 151). Он неоднократно писал об Ахматовой, в том числе в своей диссертации 1920-х: «Акмеистов прежде всего отличает сознательное самоограничение, сознательный отказ от достижений и — на путях мистики и социальной деятельности, т.е. на главных путях символизма. Превосходство над символистами в сжатости и ясности, которое было у акмеистов, уравнивается недостатком отваги и полета. Проблески гениальности, которые иногда отличают даже самые многословные, наиболее путанные и самые трудночитаемые символистские сочинения, почти полностью отсутствуют у сухих, ясных и скупых на слова акмеистов. Их художественное мастерство точнее, вывереннее, но и ограниченнее, чем мастерство символистов. Их стихи острее, оформленнее и живее в выражении личных переживаний, особенно любовных, точнее и удачливее в передаче пейзажей, — но в изображении мистического, в отражении существенных русских вопросов они несравненно более наивны и слабы, чем символисты. Исключение составляет лишь Ахматова, у которой, наряду с многозначительными, скромными и трагическими песнями любящей женщины, находим ряд очень сильных стихотворений, которые своей меланхолической глубиной сходны по звучанию, например, со стихами Блока о России. Весьма знаменательно, что аскетически-сильная, глубоко женская и проникновенно-меланхолическая поэзия Ахматовой, точно так же, как воинственно-мужская, героическая поэзия Гумилева расцвели в обстоятельствах внешнего упадка, а именно во время ночных застолий и вообще в том окружении, которое перед войной и во время ее заняло у молодых поэтов место символистского профессорско-пророческого стиля жизни. Когда сильная, религиозная Ахматова признается, что любила “те сборища ночные” — это не случайность. Очевидно, все же в нескудной атмосфере знаменитых артистических

кафе, как например, петербургского “Привала комедиантов” или “Бродячей собаки”, среди падших музыкантов, поэтов, художников, словом, на дне художественной богемы, в годы предвоенные и военные было что-то настоящее, что не совсем случайно возникло именно тогда, когда здоровая, полнокровная поэзия Гумилева и умная, глубокая лирика Ахматовой как раз нуждались в этой среде» (*Otzoup N.A. Die neueste russische Dichtung. Breslau, 1930*). В рецензии на эту диссертацию В. Вейдле замечал: «Акмеизм несомненно автором переоценен в его значении и в его ценности. Он правильно говорит, что Ахматову лишь условно можно причислить к акмеистам, но ведь лишь столь же условно можно причислить к ним и Мандельштама и даже вождя их Гумилева. Все эти поэты еще в гораздо меньшей степени исчерпываются акмеизмом, чем символизмом исчерпываются Белый или Блок: символизм — литературное и даже жизненное исповедание; акмеизм — лишь случайная кличка, явившаяся в результате более или менее искусной “литературной политики”. Недаром все современные поэты, некогда связанные с акмеизмом, теперь только — бывшие акмеисты, тогда как Белый или Вячеслав Иванов остались символистами и сейчас» (Возрождение. 1931. 22 января).

- 34 Н-ко Н. Мои встречи с Анной Ахматовой // *НПС*. 1966. 13 марта.
- 35 Луганов А. [Одоевцева И.] Мимоходом // *РМ*. 1960. 25 августа; ранее она писала: «...насколько я могу судить по разговорам с “поэтессами”, Ахматова перестала быть властительницей их дум и душ» (Одоевцева И. В защиту поэзии // *РМ*. 1959. 12 марта). См. ее наставления в 1957 году: «И об Ахматовой тоже вспоминать не стоит. Гумилев и Чуковский приводили меня в пример, что и “поэтесса” может расцвести абсолютно самостоятельно, вне Ахматовой, и ничем не быть ей обязанной — суметь быть ее антиподом. Впрочем, я очень люблю Ахматову, несмотря на творческое отталкивание от ее тем и интонаций» («...Я не имею отношения к Серебряному веку...»: Письма Ирины Одоевцевой к Владимиру Маркову (1956–1975). Публ. О. Коростелева и Ж. Шерона // *In Memoriam*. С. 436) и в 1974-м: «Я же всегда была и осталась — по кличке, данной мне Гумилевым, — киплингской кошкой, ходящей по своим собственным дорогам и никаким литературным влияниям — даже всеподавляющему в те годы влиянию Ахматовой на молодых поэтесс — не поддающейся» (Одоевцева И. Еще об акмеистах // *НПС*. 1974. 10 марта). Ср.: «Поэтесса прекрасная. Можно подозревать (не

без основания), что считала она себя выше (не ниже?) Анны Ахматовой» (*Озерецковский Г.* Русский блистательный Париж до войны. Париж, 1973. С. 158). О взаимоотношениях Ахматовой и И. Одоевцевой см. нашу справку: *Memento vivere*. С. 541–547; *Лекманов О.* Поэты и газеты. Очерки. М., 2013. С. 346–358. Об Ирине Одоевцевой (Раде Густавовне Генике; 1895–1990) см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 700–703.

- 36 Ольга Николаевна Емельянова (Можайская) (1896–1973) — автор содержательной статьи об Ахматовой (*Можайская О.* О близком далеком и далеком близком // *Возрождение*. 1961. № 114. С. 56–65), оставшейся Ахматовой неизвестной. Там, в частности, говорилось:

«Если мы захотим сделать анкету среди читателей, чтобы узнать их отношение к поэзии Анны Ахматовой последних лет, т.е., начиная с периода 2-ой мировой войны до наших дней, то мы придем к следующим выводам.

Для большей части этой публики А. Ахматова была и осталась любимицей. Читатели с радостью и благодарностью встречают каждое ее стихотворение, появляющееся на страницах эмигрантских журналов и газет. Поэзия Ахматовой им действительно дорога. Не совсем так обстоит дело в литературной среде. Какая-то часть ее разделяет их взгляды и чувства.

Тому же кругу, который воспитался на Серебряном Веке и как будто духовно застыл в нем, современная Ахматова, ушедшая от Серебряного Века, оказалась далекой. (Их также разочаровал Пастернак — автор “Д-ра Живаго” и стихов последнего периода.) “Конечно, Ахматова — прекрасный поэт”, скажут они вам, но из теперешних ее стихов только некоторые подымаются на прежнюю ахматовскую высоту».

- 37 Евгений Михайлович Яконовский (1903–1974) — прозаик, автор статьи о Георгии Иванове «Принц без короны», в которой, в частности, писал: «Не в пример знаменитой паре Ахматова — Гумилев, чета Одоевцева — Иванов показали пример яркой и верной литературной дружбы, причем несмотря на грандиозное соседство, Одоевцева сумела полностью сохранить свою оригинальность» (*Возрождение*. 1958. № 82. С. 125).
- 38 Сообщено Галиной Борисовной Глушанок. Юрий Константинович Терапиано (1892–1980) писал впоследствии по поводу статьи Н. Тарасовой «Живая совесть»: «Но никак не могу согласиться с таким утверждением Н. Тарасовой: “Со смертью Пастернака она заняла место первого поэта России”. Первым

- поэтом России XX века был Блок, а после его смерти — и до сих пор — Анна Ахматова. Пастернаку необходимо считаться с рядом соперников для того, чтобы занять третье или четвертое место: О. Мандельштам, М. Цветаева, С. Есенин, В. Маяковский, а, может быть, кто-нибудь назовет еще чье-нибудь имя. Впрочем, как говорила Зинаида Гиппиус: “Какой мерой поэтов мерить?”» (*Терапиано Ю. Грани*. Вып. 56 // *РМ*. 1965. 20 февраля). Ср. также: *Мнухин Л. А. А. Ахматова на страницах газет «Русская мысль» и «Новое русское слово» // Эйхенбаумовские чтения. Тезисы докладов международной научной конференции. Воронеж, 1998. С. 34–36.*
- 39 Алексей Сергеевич Дубов, известный метеоролог и многолетний поклонник Ахматовой (1917–2008), вспоминал, как в 1960-х принес ей «Петербургские зимы»: «Как можно принести мне такую книгу? Я закажу молебен, чтобы очистить комнату от этой...».
- 40 *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 364–365.
- 41 Запись рассказа знакомой по Ташкенту Е.М. Браганцевой (*Ольшанская Е.* Поэзии родные имена. С. 22). Это стихотворение являло собой поэтическую декларацию от имени тех, кто решил остаться, не отклоняя от себя ни единого удара, написанную поверх политического треугольника: белая эмиграция — сменовеховцы — большевики. Сначала Ахматова сотрудничала с большевистской зарубежной прессой. 13 октября 1921 года в рижской газете «Новый путь» было опубликовано стихотворение «Пока не свалюсь под забором...», в хельсинкском «Пути» 16 октября — «А! Ты думал — я тоже такая...» и «Путник милый, ты далече...», в берлинском «Новом мире» 23 октября — «Кое-как удалось разлучиться...» и «Пока не свалюсь под забором...». По-видимому, она вступила в издательские отношения с петроградской «конторой советских иностранных газет» — с этой конторой в сентябре-октябре 1921-го сотрудничает и М. Кузмин, часто встречающийся с Ахматовой (Минувшее. 13. СПб.; М., 1993. С. 487, 492). К июлю 1922 года провокаторская роль сменовеховцев стала для нее очевидной, тогда в разговоре с К. Чуковским она «заговорила о сменовеховцах. Была в “Доме Литер[аторов]”. Слушала доклад редакторов “Накануне”. “Отвратительно! <...>”» (*Чуковский К. Т.* 12. С. 47). На ее славу тем временем легла тень появившихся в берлинской газете «Накануне» 30 апреля 1922 года не напечатанных еще в России стихотворений. В одном

из них («Земной отрадой сердца не томи...») строки «И будь слугой смиреннейшим того, / Кто был твоим крошечным супостатом» смотрелись в контексте душеуловительного просоветского органа грубым до комичности агитационным рецептом. В июле 1922-го Ахматова публично заявила о том, что «оба стихотворения доставлены редакции без ее согласия и ведома» (Литературные записки. 1922. № 3. С. 23), и написала стихотворение «Не с теми я, кто бросил землю...». В этом стихотворении читатели 1960-х уже не всегда понимали адресации размежевания: «Я был убежден, что речь идет о красных, но Анна Андреевна только усмехнулась».

— С этой стороны никогда не было и подобия “грубой лести”. <...> Но ведь я могу просто по-человечески пожалеть изгнанников, не так ли?» (*Ратгауз Г. С.* 153).

Ср. также список, под заглавием «Эмиграции» (с неточностями), который Е.Д. Кускова послала Н.А. Рубакину, пояснив: «Стихи Ахматовой, говорят, написаны давно. Но сейчас будто бы эксплуатируются по радио» (НИОР РГБ). Об использовании имени Ахматовой в красной контрпропаганде 1921 года см.: *Тименчик Р.* Из латвийской ахматовианы // Даугава. 1994. № 6. С. 3–10.

- 42 *Тагер Е.* Письмо Блока (№ 2002; с надписью: «Дорогой Анне Андреевне с любовью»). Опубликовано: Труды по русской и славянской филологии. IV. Тарту, 1961; Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 2. С. 101–107. См. наши комментарии: Блок в неизданной переписке и дневниках современников // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 3. М., 1982. С. 443. Поэтесса и прозаик Елена Михайловна Тагер (1895–1964) писала 25 июня 1961 года о том, как читала с В.А. Сутугиной «Поэму без героя»: «Когда дошли до того, что “Разлучение наше мнимо”, — она заплакала. А когда дочитали до “И ломая руки, Россия...” — я заревела. Старые ребята!» (№ 1015). Как вспоминал Д.Е. Максимов, Ахматова как-то сказала, что плакала над стихами Елены Тагер (*Максимов Д.* Русские поэты начала века. Л., 1986. С. 398). Стихотворение Е. Тагер 1946 года, обращенное к Ахматовой — «Синеглазая женщина входит походкой царицы...», опубликовано впервые Глебом Струве (Стихотворение Е.М. Тагер об А.А. Ахматовой // *РМ.* 1965. 7 октября). Ее дочь вспоминает о 1930-х: «Анна Андреевна Ахматова в черные для себя времена поздними вечерами, стараясь, чтобы ее не видели соседи, приходила к

матери. Высокая, худая, в черном пальто и черной шляпе, в ярко-красном шарфе с очень бледным пронзительным лицом, она производила на меня какое-то колдовское впечатление своей величавой нищетой и гордой одухотворенностью» (*Тагер М.* Слово о моей матери // *Распятые: писатели — жертвы политических репрессий.* Вып. 3. Авт.-сост. З. Дичаров. СПб., 1998. С. 179). Ахматова ходатайствовала за Е. Тагер в процессе ее реабилитации в 1956 году (*Зв.* 1994. № 1. С. 184).

См. тагеровское стихотворение 1959 года с эпиграфом из выступления Веры Пановой на писательском собрании «Хватит с нас этой возни с реабилитированными»:

Ну, правильно! Хватит с вас этой возни,
Да хватит и с нас, терпеливых,
И ваших плакатов крикливой мази,
И книжек типически лживых.

<...>

Но вам, подписавшим кровавый контракт,
В веках не дано отразиться;
А мы уцелели. Мы — живы. Мы — факт.
И с нами придется возиться

(*Зв.* 1990. № 9. С. 52).

- 43 *Кузмин М.* «Соты» // *Жизнь искусства.* 1918. 18 ноября.
- 44 *Гумилев Н.* «Орион» // *Жизнь искусства.* 1918. 1 ноября; *Гумилев Н.* Письма. С. 208. С этим гумилевским текстом Ахматова после долгого перерыва встретила в апреле 1958 года (*ЛЧз.* С. 304).
- 45 Об одористическом коде фигуры Блока у Ахматовой вслед собственной блоковской привязанности к запахам духов см.: *Тименчик Р.* Блок и его эпоха в «Поэме без героя» // *Блоковский сборник.* 10. Тарту, 1989. С. 65–74. Допускаем, что отвергнутый последним вариантом Распутин, разряженный в день его единственной встречи с Ахматовой, был в тот день и раздушен: «А. А. однажды видела Распутина в поезде, идущем в Царское Село. Он был похож на нарядного деревенского старосту, близко поставленные глаза гипнотизера проникали через череп. Кто-то сказал: “Нарядился из-за Сашенькиных именин”» (*Будыко М.* С. 374); Сашенька — императрица Александра Федоровна. Ср.: «23-го апреля [1916]. Суббота. Простоял чудесный день. С утра лезли люди поздравлять. Поехали вместе к обедне. <...> Видели Григория. Покатались в моторе» (*Дневники императора Николая II.* М., 1992. С. 583).

- 46 См.: *Тименчик Р.* Анаграммы у Ахматовой // *Материалы XXVII научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика.* Тарту, 1972. С. 78–79.
- 47 *Беленсон А.* Искусственная жизнь. Пг., 1921. С. 81. Ср.: «Голос Блока это нежный, хотя и сильный лирический тенор в поэзии, но этого голоса не хватает для ролей драматических и героических» (*Зенкевич М.* О поэтах «революционного социализма» // *Художественные известия отделения искусств Саратовского совета народного образования.* 1919. № 4(31). С. 7).
- 48 *Мар Н.* Человек для людей // *Воспоминания о С.С. Смирнове.* М., 1987. С. 188. Ср.: «Кстати, этот “образ” очень ценился в провинции, — гвоздь сезона, гвоздь программы, — добавила [Ахматова]» (*Сараева-Бондарь А.М.* Силуэты времени. СПб., 1993. С. 222–223).
- 49 *Лазарев Л.* Шестой этаж, или Перебирая наши даты. М., 1999. С. 104.
- 50 *Сарнов Б.* Перестаньте удивляться! М., 1998. С. 72–73. Автографы (завизированная машинопись) сохранились у Бенедикта Михайловича Сарнова (1927–2014), ныне в Историческом архиве Восточноевропейского института в Бремене. Помимо четырех опубликованных стихотворений, Ахматова предложила следующие: «Из цикла “Ветер войны”. Послесловие...» («В прошлое давно пути закрыты...»), «Софокл» («И в эту ночь царю приснился странный сон...»), «Лирическое отступление» («Я его приняла случайно...»), «Из первой тетради» («И когда друг друга проклинали...»), «Вечерняя комната» («Молюсь оконному лучу...»), «Интермеццо. Отрывок из поэмы» («Мой редактор был недоволен...»), «Поэт» («О, как пряно дыханье гвоздики...»), «Надпись на портрете» («Дымное исчадьё полночь...») Все они могли бы быть отсеяны по разным причинам — два последних из-за неназванного Мандельштама и названного Крестителя.
- 51 По семейной легенде, родоначальником фамилии кахетинских князей Андрониковых был византийский император Андроник (1113–1185) из династии Комнинов. «Андрониковы (как и Палеологи) происходят от византийских императоров» (*Будыко М.* С. 373). Ср. стихотворение О. Мандельштама: «Дочь Андроника Комнена, / Византийской славы дочь!..» (1916). См. о ней: Кофейня разбитых сердец. Коллективная шуточная пьеса при участии О.Э. Мандельштама. Публ. Т. Никольской, Р. Тименчика, А. Меца. Беркли, 1997; *Что вдруг.* С. 436–504.

52 По просьбе автора газетная вырезка тут же была переслана адресату стихотворения Любовью Эренбург из Парижа (Письмо Л.М. Эренбург от 3 ноября 1960 года — Русский Архив в Лидсе). С Саломеей Николаевной (Ивановной) Андрониковой (Андроникашвили; в первом браке — Андреева, во втором — Гальперн; 1888–1982) Ахматова познакомилась, вероятно, в 1916 году и подарила ей сборник «Четки» с надписью «В надежде на дружбу» (*Дзуцева И.* Музы: Тифлиссские красавицы начала XX века // *РМ.* 2000. 23 ноября). В этот период их, по-видимому, и наблюдала Тэффи: «Саломея Андреева — не писательница, не поэтесса, не актриса, не балерина и не певица — сплошное *не*. Но она была признана самой интересной женщиной нашего круга. Была нашей мадам Рекамье, у которой, как известно, был только один талант — она умела слушать. У Саломеи было два таланта — она умела и говорить. <...> У Саломеи была высокая и очень тонкая фигура. Такая же тоненькая была и Ахматова. Они обе могли, скрестив руки на спине, охватить ими талию так, чтобы концы пальцев обеих рук сходились под грудью. Высокая и тонкая была также Нимфа, жена Сергея Городецкого. Мне нравилось усаживать их всех вместе на диван и давать каждой по розе на длинном стебле. На синем фоне дивана и синей стены это было очень красиво...» (*Поэма без героя.* С. 94).

Сохранилась надпись на «Белой стае»: «Моему прекрасному другу Саломее Николаевне Андрониковой <sic!> с любовью и глубокой благодарностью Анна Ахматова 1917. 12 октября. Петербург» (Фотоцентр-Контакт-Культура. Каталог № 1. Выставка-продажа июль-октябрь 1996 / Сост. М. Чапкина. С. 6).

В разговоре с И. Берлиным в 1945 году Ахматова вспомнила «ее красоту, обаяние, острый ум, ее неспособность обманываться насчет второстепенных и третьестепенных поэтов (“сегодня они уже четвертого разбора”»». Ср. в оформленной как верлибр записи беседы с С.Н. Андрониковой в феврале 1979 года:

Ахматова была скорее красивой.
 Первого я знала Гумилева.
 Не знаю, как он появился у меня.
 Почему, кто прислал и так далее.
 Он был в форме. Потому что он был военный,
 В это время же война была.
 Гумилев в форме, который ходит, и мы с ним беседуем.
 Но каким образом он попал ко мне,

Этого я не помню.
 С моей точки зрения интересным мужчиной он не был,
 И дело даже не в том, что он немножко косил.
 Стихи его мне тогда нравились.
 Анна была скорее сдержанной.
 Великой она сделалась потом.
 А тогда просто слушали стихи.
 Это был быт.

(Дубнов З. Небом и землей. Лондон, 1984. С. 88).

См. запись в дневнике К. Чуковского в Лондоне 4 июня 1962 года: «Была Мура Будберг с какой-то Андрониковой — *глухой и слепой*. «Мне Анна Ахматова посвятила стихотворение “Тень”. — Прочтите, пожалуйста. — Не помню» (Чуковский К. Т. 13. С. 336). Ср. также о ней в прозе Ильи Зданевича: «Форменная лебядь. Ее голос хриплый и противный. Настоящая лебединая песнь. Густой. Низкий. Всегда мимо. Два глаза только сыплют кукурузу. Станет пойдёт, опять станет и горем тянется. Никто не знает кто она что. Но вот стоит и стоит. Вот видят, а часто и ничего не помнят. Сыплют орешки. Червонное недоразумение. Дива. Форменная лебядь» (Ильезд (Илья Зданевич). Парижачьи. Опись / Подгот. текста и пред. Р. Гейро под ред. Т. Никольской. М.; Дюссельдорф, 1994. С. 45).

- 53 Ср. например: «Но есть у И. Лиснянской и такие стихи, которые психологически “старомодны”, выражают душевную слабость любящей и страдающей женщины. У И. Лиснянской много сильных и здоровых стихов. А вот над некоторыми простерлась какая-то тень душевной слабости, болезненности. Я ощущаю это в стихотворении “Не стою на коленях”, нечетком, смутном по мысли, и в тех стихах, где героиня “безмолвная такая, так обреченно весела...” Разве И. Лиснянская не чувствует, что это, в сущности, перифраз из ранней Ахматовой?» (Дымищц А. Взыскательность [Рец. на кн.: Лиснянская И. Не просто любовь. М., 1963] // *Зн.* 1963. № 7. С. 224); ср. также: «Единственное эхо, которое я отчетливо различаю в стихах Лиснянской, — эхо ахматовское, и слава Богу» (Горбаневская Н. «Быть может, самое святое, что у нас есть — это наш язык...»: интервью с Иосифом Бродским // *РМ.* 1983. 3 февраля). Инна Львовна Лиснянская (1928–2014) печаталась с 1948 года.
- 54 Например, она телефонным звонком пригласила к себе Светлану Евсееву (С. 28) по рекомендации Бориса Слуцкого, слушала ее стихи, сказала «Мы так не писали», подарив свой сборник

(письмо Светланы Евсеевой Татьяне Бек); реплике Ахматовой невольно вторил позднее комплимент Ильи Сельвинского «чудесной вещице» С. Евсеевой (День поэзии. М., 1960. С. 41):

Выхожу на улицу из бани.
 Дождь и ветер. А во мне — жара.
 В мусорной корзинке, как в Испании,
 Мандариновая кожура.
 ...Молодая, не больная, не болезная,
 Что ни зуб, то целый, без дупла,
 Я как новенькая печь железная,
 Раскаленная добела.

«Такого не написала бы ни Каролина Павлова, ни молодая Ахматова. Это пишет девушка советской закалки» (*Сельвинский И.* Думы мои, думы... // *ЛР.* 1964. 17 июля). Ср. об этом стихотворении: «Появляются стихи, весь смысл которых — в безудержном “самовыражении”... Читаю их и спрашиваю себя: “Да полно, уж не пародия ли это?”» (*Крячко Л.* Наблюдатель или участник? // Октябрь. 1962. № 1. С. 186). О Светлане Евсеевой см. также нашу справку: *Крымский Ахматовский.* 7. С. 56–58. Наконец, в интервью 1965 года (*Ахматова А.* Грядущее, созревшее в прошедшем / Беседу вел Е. Осетров // *ВЛ.* 1965. № 4) названо имя Аллы Ахундовой: «У нас высоко ценят Марию Петровых как отличную переводчицу. Между тем ее перу принадлежат самобытные и точные стихи. Ее стихотворение “Назначь мне свиданье на этом свете...” Ахматова считает шедевром лирики последних лет. Привлекает к себе внимание многообразное творчество Арсения Тарковского. Он большой поэт. В недостаточной мере оценен такой мастер поэтической речи, как Вадим Шефнер. Хороши стихи Липкина, Корнилова и Гитовича. Из тех, чьи стихи заметно выделяются в последние годы, хочется назвать Аллу Ахундову и Самойлова... Можно перечислить и других представителей молодежи, особенно из числа тех, кто еще только-только начинает печататься». Ср.: «Помню, в подмосковном Голицыне ко мне пришел радостный Арсений Тарковский: “Володя, нас с вами похвалила Анна Андреевна”. Я взял у него журнал “Вопросы литературы” и увидел, что в интервью работнику журнала Ахматова действительно в числе нескольких фамилий упомянула Тарковского и меня, однако ничего не сказала о Иосифе Бродском. Его она ценила выше других, но назвать не могла: его имя уже тогда было запрещено. Я смутил Арсения Александровича, предположив,

что Ахматова просто хотела нас ободрить, что на самом деле зачем мы ей, если даже Блок (о чем она мне не раз говорила) ей не нужен» (*Корнилов В. С.* 223).

- 55 Ахматова заподозрила свое косвенное отражение в портрете одной из «наученных говорить» — в героине набоковского «Пнина». В той записи, которую мы полагаем конспектом к беседе с Е.М. Клебановой, читаем: «Вопр<осы>. 1) Пнин. Все вокруг... Кто она?» (*С.* 116) — т.е. Елизавета Иннокентьевна Боголепова, практиковавшая «тот род стихотворений, которым увлекались, подражая Ахматовой, эмигрантские рифмоплетки»:

Я надела темное платье
И монашенки я скромней.
Из слоновой кости распяты
Над холодной постелью моей.

Но огни небывалых оргий
Прожигают мое забытье.
И шепчу я имя Георгий —
Золотое имя твое!

Ср. о «Пнине»: «По отношению к себе она нашла ее пасквилянтской» (*ЛЧ2. С.* 458); ср. также: «Антиахматовское направление. Я непристойностей никогда себе не позволяла» (*Сергеев А. Omnibus. С.* 377); «Там проведена некая антиахматовская тенденция. Он пишет обо мне примерно то же, что Жданов. Хотела рассердиться, но потом решила, что он мелкий пошляк» (*ОАА. С.* 308). К. Чуковский писал в Америку 11 апреля 1965 года: «И очень обидны показались Анне Ахматовой его (правда, превосходные) пародии на ее раннюю лирику» (*НЖ. 1976. № 123. С.* 122). «Имя Георгий» входит в «топос Гумилева» (у Ахматовой — «Да хранит святой Егорий твоего отца»; рифма опробована в «Вам!» Маяковского, прочтенном в «Бродячей собаке» вскоре после представления Гумилева к Георгиевскому кресту:

Вам, проживающим за оргией оргию,
имеющим ванну и теплый клозет!
Как вам не стыдно о представленных к Георгию
Вычитывать из столбцов газет?!

и всплыла в стихотворении В.И. Гедройц «Гумилеву» (1925):

Где леопард тебе напоминал
Былые подвига, востока оргий,

А грудь бесстрашную, как уголь прожигал
В боях полученный Георгий).

О переключках поэзии Е. Боголеповой с определенными стихотворениями Ахматовой см.: *Barabtarlo, Gennady. Phantom of Fact. A Guide to Nabokov's Pnin.* Ardis. Ann Arbor, 1989. P. 99. Ахматова полагала, что в Лизе изображена Ирина Одоевцева как некий дублер Ахматовой и что таким образом весь роман «чуть ли не против нее, Ахматовой, направлен» (запись Н.И. Ильиной от 21 июня 1961 года — РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Ед.хр. 28. Л. 32); но на вопрос «Кто она?» более правдоподобен ответ — Лидия Давыдовна Червинская (1907–1988) (см.: *Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Под общ. ред. Н.Г. Мельникова.* М., 2000. С. 644–645). Ср. в нескольких статьях Г.В. Адамовича о Червинской:

«Стихи эти не раз, — если не в печати, то в устных беседах, — сравнивали со стихами Ахматовой. Не совсем верно. Ахматова гораздо напряженнее, “самозабвеннее”, — и гораздо проще» (*Адамович Г. «Круг» // Последние новости. 1936. 9 июля*). «Почти неизбежно, при разборе женских стихов, обращаешься к Анне Ахматовой. Есть для параллели между Ахматовой и Червинской основания особые, но сейчас коснусь — вопроса о стиле. Чем в стилистическом отношении сразу выделилась Ахматова из тысячи поэтесс, писавших о несчастной любви? Не открытием каких-либо оттенков чувства, а именно точной и лаконической образностью (например, полуклассическая уже “перчатка с левой руки”). Но Ахматова без всякого самоумаления могла бы сказать Червинской то, что Толстой без всякого самоумаления говорил Чехову: “мне уж так не написать.” То есть не является уже каким-то усовершенствованием, внесенным вами в писательское ремесло. Точность Червинской идет дальше ахматовской, проникает в новые области и обходится без образов. <...> Она вообще — прямая и едва ли не единственная преемница Ахматовой в нашей литературе» (*Адамович Г. Литературные заметки // Последние новости. 1937. 17 июня*); ср. также о ней как литературной наследнице Ахматовой два года спустя (*Адамович Г. Литература в «Русских записках» // Последние новости. 1939. 19 января*). «Ахматова? Некоторую преемственность или зависимость Червинской от нее отмечала еще та же Гиппиус, подчеркивая, однако, что зависимость эта не имеет ничего общего со слепым, рабским подражанием “зла-

тоустой Анне вся Руси“, к которому сводится добрая половина женских стихов последних десятилетий. Отличий внешних много. У Ахматовой — другой, более вещественный, менее отвлеченный словарь, у Ахматовой гораздо более звонкий голос, с трагическими оттенками в нем, полностью отсутствующими у Червинской. Напев Червинской прерывист, приглушен, с какими глухими, матовыми в нем переливами, с паузами и недоумолвками. Он отражает задумчивость, порой недоумение и не столько боль жизни, сколько память о том, что в жизни могло бы и быть счастье... В конце концов, связь с Ахматовой должна быть объяснена тем, что по-видимому существует один, общий склад женской лирики, которому женщина-поэт безотчетно подчиняется» (Адамович Г. «Двенадцать месяцев». Стихи Лидии Червинской // *РМ*. 1956. 19 июля).

Отголоски и опровержение адамовической связки рассеяны по эмигрантской критике: «Влияние Анны Ахматовой на последующие поколения поэтесс было тем более губительным, что дело осложнялось особенностями женской психики. Женщина по своему существу тесно связана с темой Ахматовой — темой любовной, — и вот на долгие годы вся женская поэзия была отравлена влиянием Ахматовой, — ее колея оказалась настолько глубокой, что никому — подчас очень одаренным поэтессам не удавалось остаться самой собою. Червинская была первой и, пожалуй, пока единственной, оказавшейся в состоянии найти свое личное выражение теме...» (Терапиано Ю. К. Встречи. 1926–1971. М., 2002. С. 195). «Л. Червинская в строчках о флаконах и каминах отошла куда-то в до-ахматовские времена» (Берберова Н. Рец. на кн.: Круг. II. Париж, 1937 // *СЗ*. 1937. № 65. С. 432) и др.

По-видимому, отчество Боголеповой подчеркивает ее соотнесенность с ахматовской литературной генеалогией — ср.: «Есть у Червинской строчки, по остроте и меткости не уступающие ахматовским, и другие (тоже сближающие обеих) очень родственные Анненскому» (Оцун Н. Рец. на кн.: Червинская Л. Приближения. Париж, 1934 // Числа. 1934. № 10. С. 287). См. также: *Scherr, Barry*. Settling Accounts with Russia's Silver Age: Nabokov Writes Akhmatova // *The Russian Review*. 2006. Vol. 65. № 1. P. 35–52.

56 Письма Н.М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822–1829). СПб., 1913. С. 63.

57 *ЛЧЗ*. С. 433.

- 58 *Евтушенко Е.* Не потерявший упоения красотой // Новые известия. 2013. 25 октября.
- 59 Впервые напечатано: *Чуковский К.* Александр Блок как человек и поэт. (Введение в поэзию Блока). Пг., 1924. С. [142].
- 60 Канадский поэт Джо Уоллес (Wallace; 1890–1975) поддерживался советскими официальными инстанциями. Цитируемое стихотворение — в переводе Н. Разговорова.
- 61 Первый искусственный спутник Земли, — напомним читателю более полувека спустя, — был запущен 4 октября 1957 года, находился на орбите до 4 января года следующего.
- 62 *Сарнов Б.* Кому улыбался Блок. Полемические заметки. М., 1988. С. 12–13.
- 63 Ср. также присланное в редакцию «Литературной газеты» стихотворение студента Костромского пединститута, будущего литературоведа Валерия Александровича Благово (1939–2001) о «смехе веселом Блока»: «Блок — мой любимый поэт и при всем уважении к Анне Ахматовой я не могу не ответить ей своим стихом. Когда я писал стих, я не думал об ответе, только потом почувствовал какое-то возражение» (№ 1081). В 1965 году учитель из Красноярского края Н.А. Демин, узнав про трагического тенора из беседы с Е. Осетровым, писал, что ему, видевшему Ахматову на эстраде Дома искусств в 1921 или 1922 году, больно: «...если бы так сказала о Блоке Зинаида Гиппиус, а ведь это написано Анной Ахматовой, поэтическая звезда которой зажглась и светила в созвездии Блока. Вонзаете нож в светлую и мужественную тень его» (№ 1159). Но 28 ноября 1960 года преподавательница литературы из Алма-Аты писала: «Нужны людям такие стихи! Они будят прекрасное, особенное в нашей душе! А о Блоке! Это же такая тонкая, с таким вкусом написанная, я бы сказала, сатира! Просто диву даешься! Ну конечно же “трагический тенор эпохи”! Воспевает защитников революции, а “в белом венчике из роз впереди Исус Христос!” Ну как же не трагический? Так еще о Блоке никто не сказал. Это замечательно!» (ОАА. С. 544). 10 декабря 1960 года Ахматовой написала одна из неизвестных современниц — Ольга Ивановна Жаковская (урожд. Уланова; 1887–1961): «Какую огромную радость доставили всем Вашим современникам своими “Новыми стихами”, напечатанными в литературной газете. Как молод Ваш блестящий талант, и сколько в нем души, как он может волновать. И особенно этот конец последней строчки: “О тень”. Родная, Вы всем нам, женщинам, как сестра.

Я ленинградка. Я родилась в нем, здесь училась, работала, не покинула его во время блокады и надеюсь в нем закончить свои дни <...> Я пенсионерка, преподавательница литературы, но к сожалению, никогда не видела Вас и никого из наших писателей и поэтов. Такова наша участь: работала днем и часто ночью. Я видела А.А. Блока в 1912 году и В.В. Маяковского. И Ваши стихи об А.А. всколыхнули мою усталую душу. У меня есть один вопрос по содержанию одного из его стихотворений, в толковании кот<орого> с В. Орловым я не согласна. Вы, счастливица, могли видеть А.А. часто. Я до сих пор Ваше изумительное стихотворение “Я пришла к поэту в гости” хорошо помню наизусть» (№ 1185).

Особо отметим письмо из Львова от 30 октября 1960 года: «Каждый раз, встречая Ваше имя, что бывает так редко, мы радуемся, ожидая неповторимого сочетания слов, неожиданных инверсий, поразительной лаконичности, потрясающего ощущения “трагической подосновы мира”. Ожидание не обманывает нас.

Сегодня мы прочитали газету с Вашими стихотворениями. “Муза” — шедевр мировой поэзии, создание гения.

Вы — первая поэтесса мира. Только после Вас — имена Марины Цветаевой, Леси Украинки, Марселины Деборд-Вальмор.

Все остальные стихи выше похвал. Потрясающа строфа “Эпиграммы”, характеристика Блока.

Мы вспоминаем с глубокой болью о Ваших невышедших книгах, о стихах, знакомых нам в отрывках.

Какая есть. Желаю вам другую
Получше. Я счастьем больше не торгую,

.....
Настанет час, придет конец моей гордыне,
И мне, как той страдалнице Марине,
Придется наконец напиться пустоты.

И еще какие-то отрывки строф, прекрасные, разрозненные строки, которые долго шли к нам. И так и не дошли целиком.

“Из новой книги”. Значит, выходит новая книга? Мы рады ей вместе с Вами, со всеми, кто любит Вас, а значит, любит русскую поэзию. Всегда Ваши Нина Рождественская, Владимир Приходько.

Сейчас побегу прочитать Ваши новые стихи Винокурову и Межирову, они, наверно, еще не видели газеты. Как они обрадуются! В<ладимир> П<риходько>» (№ 1221). Владимир

Александрович Приходько (1935–2001) — критик; в автобиографии Ахматовой отмечена его рецензия на сборник В. Шаламова «Огниво», в которой приводилось ее стихотворение «С самолета»: «Дом, в котором мы живем, необъятен и прекрасен. Это наша Родина — великий источник вдохновения художника» (Зн. 1962. № 4. С. 220). О Марселине Дебор-Вальмор Ахматова говорила: «...хотя и мила, но чересчур сентиментальна, наивна» (Липкин С. С. 504). См. специально: Левинсон А. Анна Ахматова — русская Марселина / Пер. и примеч. И. Стаф, вступ. заметка Р.Д.Тименчика // ЛО. 1989. № 5. С. 52–56; см. также: «В русской женской лирике Анна Ахматова безусловна сыграла роль главы, предводителя школы. Было время, когда почти все женщины, писавшие стихи, подражали Ахматовой, но ни одна ее не превзошла. Анну Ахматову сравнивали с Деборд-Вальмор. Их поэзия сходна в той же мере, в которой похожи друг на друга все женственные женщины, любящие любовь, цветы и небо. Но русская сестра чересчур плаксивой Марселины — более тверда, глубока и сдержанна» (Шаховская З. Женский облик (Анна Ахматова). Со статьи, появившейся на франц. яз. в «Thyrse», revue d'art et de littérature // Русский еженедельник в Бельгии. 1934. 20 апр.; Зинаида Алексеевна Шаховская (в замужестве — Malewsky-Malevich) (1906–2001) — поэтесса, беллетристка, в 1968–1978 годах — главный редактор парижской газеты «Русская мысль»); «Когда во Франции говорят об Ахматовой, тотчас вспоминается имя Марселины Деборд-Вальмор. Хотя, помимо темы любви, занимающей ведущее место в творчестве обеих поэтесс, между ними нет ничего общего: французская поэтесса подчиняется инстинкту, нежности; она готова в любое мгновение разразиться слезами и отдаться любому порыву; ее единственное вдохновение — ее собственная душа, ей чужды литературные школы и поэтические формы. Что же до русской акмеистки, поклонницы Эредиа, Малларме и Рембо, то ее трезвые, точные, точеные стихи являют собой постоянный протест против символизма» (Berberova N. La fin d'un poete russe. Anna Achmatova // Juin. 1946. 17 septembre). Ср. об Ахматовой как «славянской Дебор Вальмор» (Friedmann, Georges. Nouveaux regards et réflexions sur l'U. R. S. S.: A propos de publications récentes // Annales: Histoire, Sciences Sociales. 7e Année. № 4 (1952). P. 494; «Ахматова переключается с Павловой и с Марселиной Деборд-Вальмор, которую, может

быть, она никогда и не читала» (*Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. 1925. 11 мая). Ср. еще стихотворение И. Эренбурга «Рано утром («Я читал рано утром стихи Марселины Вальмор...»)» (1915) в сборнике «Стихи о канунах», известном Ахматовой (*Эренбург И.* Стихотворения и поэмы. СПб., 2000. С. 208). В автобиблиографии Ахматовой (ОР РНБ) числится публикация «Русская Марселина.— 1923 (?) — Афины (по греч.)». В связи с упомянутым у Берберовой Жозе-Мария Эредиа (*Heredia*; 1842–1905) см. нашу справку: *От Кибирова до Пушкина.* С. 618–621.

- 64 В его рассказе о Блоке «Чудесный гость» живописуется собрание поэтов в 1920 году: «Ахматова, спокойная, сосредоточенно наблюдающая за всеми, сидела вдали, у окна, и курила, не затягиваясь, дешевые папиросы. К ней не подходили, но с уважением невольным кланялись ей и столь же невольно любовались ею. Она сидела, как на портрете Альтмана» (*Борисов Л.* Незакатное солнце. Л., 1940. С. 186; *Борисов Л.* Избранное. Л., 1957. С. 221).
- 65 Ср. реакцию Ахматовой: «Когда каждого пятого в его родном городе убивали — он молчал. А сейчас зыграло ретивое, возмутился» (*ЛЧ2.* С. 441). Ср., впрочем, о гражданской панихиде по Зощенке: «После того, как поэт Прокофьев произнес несколько невнятных слов, из публики выбежал Леонид Борисов и кинулся на гроб.

— Миша, Миша, — запричитал он, громко всхлипывая, потом вскочил и, наступая на Прокофьева, закричал: “Вы убили лучшего русского писателя!.. Загнали... затравили!.. Убийцы!”» (*Крамова Н.* Белый зал // *НРС.* 1994. 13 мая. Ср.: *Сарнов Б.* Перестаньте удивляться! М., 1998. С. 218).

- 66 *Карп П.* Единственный взгляд // Книжное обозрение. 1989. 9 июня. Надежда Чулкова, являвшаяся во сне Блоку, писала Л.Д. Барановой 1 января 1961 года: «А я очень обижена за А. Блока. Какой же он тенор эпохи? Вроде Лемешева или еще ниже? Как же так? Почему и в каком смысле? Не понимаю. Одна девушка, поклонница Анны Ахматовой, сказала мне, что это очень хорошо, что тенор это какое-то очень высокое существо, только вот она не знает, кто именно. А я не могу согласиться с этим словом. Я позвонила Цявловской и спросила, как она смотрит на это звание. Она сказала: “Это ужасно!” За что же, говорю я, она так его назвала? Цяв<лов>ск<ая> ответила: “Это мечь”. — “За что?” — говорю я. — “За то, что он не был влюблен в Ахматову” И опять я не верю и ничего не

понимаю. Но глубоко переживаю эту кличку». И через месяц ей же: «Мне нравится тоже эпиграмма, если только не удивляться слишком откровенной самоуверенности автора в своем единственном превосходстве перед всеми подражательницами ее школы. Немножко как-то это мне мешает принять. За Блока очень огорчена неудачной строкой и словом “трагический тенор”. Я не думаю, что можно принять такую строчку. Некоторые из молодых горячих поклонников А. Андр. тоже не решаются упрекать за это ее, ожидая какого-то таинственного объяснения» (НИ ОР РГБ).

- 67 Ср.: *Топоров В.Н.* Ахматова и Блок. Berkeley, 1981; *Топоров В.Н.* Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. С. 372–452.
- 68 В качестве забавного и поучительного недоразумения расскажем о вопросе, который, может быть, и дошел до Ахматовой. Бывший владелец издательства «Алконост» и друг Блока С.М. Алянский, которого в 1922-м Ахматова почтила мадригалом:

Хорошо поют синицы,
У павлина яркий хвост,
Но милее нету птицы
Вашей славной «Алконост»

(*Чудакова М.* Беседы об архивах. М. 1975. С. 27–28), писал 10 июля 1959 года В.Н. Орлову, что нашел в своем фонде в государственном архиве письмо Ахматовой к нему, где она говорит, что Блок ее ругал. «За что ругал? Не помню, а интересно бы установить. К.И. Чуковский, которому рассказал, вспоминает, что он как-то встретил на улице Блока, который очень ругал Ахматову за стихи “Белая стая”. Возможно Блок читал корректуру в “Алконосте”. Если доберусь туда в архив еще раз сниму копию с этого письма и тогда, быть может, Анна Андреевна сама даст Вам разъяснения по этому поводу» (РГАЛИ). Речь шла о недатированной записке: «Милый Самуил Миронович, так жаль, что Вас не застала. Сейчас меня поймал Блок, была бурная сцена. Стучалась в “Петербург”, дверь заперта. Если будете свободны, зайдите ко мне завтра в 3 ч. Ахматова. Фонтанка 18, кв. 28 (черный ход)» (ЛО. 1989. №5. С. 10; «Петербург» — журнал, издававшийся С.М. Алянским в конце 1921 — начале 1922 годов; о «неприятностях» Ахматовой с «Петрополисом» в декабре 1921 г. см.: *Чуковский К.* Т. 11. С. 370); Александра Блока со многими Блохами, в том числе и с владельцем издательства

«Петрополис» Яковом Ноевичем Блохом, не раз обрекал на пуганицу текстологический и этимологический рок.

- 69 Орлов В. Новое о Блоке // *НМ*. 1955. № 11. С. 161.
 70 Ваншенкин К. Перечитывая Твардовского (Короткие заметки) // *НМ*. 1958. № 3. С. 192.
 71 Виноградов В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 108.
 72 Какое-то воспоминанье о Блоке, возможно, есть и в другой набросанной строфе этого стихотворения —

А те, другие, — те, четыре
 Увяли в час, поникли в ночь,
 Ты ж просияла в этом мире,
 Чтоб мне таинственно помочь

Ср. блоковское «Ты помнишь? В нашей бухте сонной...»:

Нам было видно — все четыре
 Зарылись в океан и ночь, —

причем возможно также, что другая ассоциативная цепочка вела к этому стихотворению Блока через тему «матросов», присутствующую в бодлеровском стихотворении «Альбатрос», аллюзию на которое содержит эпитафия из адресата ахматовского стихотворения — Д.В. Бобышева.

- 73 Н.В. Недоброво в свое время по этому слову атрибутировал Тютчеву стихотворение «Твой милый взор, невинной страсти полный...»: «Слово “укора” (именительный падеж женского рода) исключительно редкое, но у Тютчева оно встречается еще в стихотворении “О, не тревожь меня укорой справедливой!”» (*Недоброво Н. В.* Несколько замечаний на книгу: В.И. Туманский, стихотворения и письма // *Изв. отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. наук*. 1912. Т. 17. Кн. 3. С. 359). В том же 1963 году Ахматова вставляет это слово и в другой набросок:

Оставь нас с музыкой вдвоем.
 Мы сговоримся скоро:
 Она бездонный водоем,
 Я призрак, тень, укора.
 Я не мешаю ей звенеть,
 Она поможет — умереть. (С. 348).

- 74 Ср. запись ее монолога 1962 года: «Очень возмутилась, что в какой-то статье <...> написано о письме Блока к ней, как он писал, что “не надо ни кукол”, ни “экзотики”, и что-де “вероятно поэтому-то после этого письма Ахматова изменилась в стиле”. “Это от письма Блока, которого мы не считали больше за жи-

вого, считали мертвецом”. И тут же непоследовательно — “мы не ожидали, что он может потребовать живой жизни, что он не вовсе мертвец”» (*Допырева Е.* У Ахматовой. Из записей 31 августа 1962 года // *Всемирное слово.* 1994. № 7. С. 25).

- 75 В 1961 году о своем только что написанном стихотворении «Слушая пение» она сказала: «слишком блоковское» (Запись А.К. Гладкова // *ВЛ.* 1976. № 9. С. 202). Имеется в виду близость к стихотворению Блока «К Музе», которое Ахматова некогда читала «как образец лучших его [Блока] стихов» (Л2. С. 140), а в августе 1961-го говорила Л. Озерову: «...обычные слова в стихе обретают особое звучание:

Есть в напевах твоих сокровенных...

Прочитала Анна Андреевна нараспев, торжественно, прочитала блоковское и добавила:

— Это уже не слова, это поэзия» (*Озеров Л.* Дверь в мастерскую. Париж; М.; Нью-Йорк, 1996. С. 104). О «блоковском слое» в стихотворении «Слушая пение» с возможными отсылками к Бодлеру, Гумилеву и Артуру Лурье см.: *Тименчик Р.* Баховская бразилиана Анны Ахматовой // (Не)музыкальное приношение, или Allegro affettuoso: Сб. ст. к 65-летию Бориса Ароновича Каца. СПб., 2013. С. 581–593.

- 76 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 501. Л. 5. «Назначение» — прославившегося своей «литературной бездарностью» (*Казак В.* С. 392) и запомнившегося фразой конца 1954 года «О высоких качествах нашей литературы свидетельствуют многочисленные сталинские премии» (*Шапорина Л.В.* С. 279) Всеволода Анисимовича Кочетова (1912–1973) главным редактором журнала «Октябрь». Повесть Эммануила Казакевича — «Синяя театраль» (вскоре уже и напечатана).
- 77 *Винокуров Е.* Собр. соч. в трех томах. Т. 3. М., 1984. С. 252. Ср.: «Кажется, я даже кричала: “убийцы!”» (*Райт-Ковалева Р.* Встречи с Ахматовой // *Литературная Армения.* 1966. № 10. С. 60).
- 78 *Лакшин В.* С. 146.
- 79 *Чуковский К.* Т. 13. С. 167.
- 80 *Forgues, Pierre.* The Young Poets // *Survey.* 1963. № 46. P. 32.
- 81 Читатель Б.А. Тарасов писал 17 ноября 1962 года: «Я прочитал послесловие к сборнику Ваших стихов, написанное А. Сурковым и почему-то с тех пор Сурков мне стал более симпатичным» (№ 1299); о Борисе Александровиче Тарасове (1914–1985) см.: *Тарасов Б.А.* Пять лет назад и немного позднее... / Публ., послесл., примеч. П.Е. Поберезкиной // *Крымский Ахматов-*

- ский. 10. С. 18–26; поэт Семен Олендер — 4 июня 1961 года: «А. Сурков написал очень теплое послесловие — это ему зачтется в царствии земном и небесном» (№ 1287). Отметим как характерный штрих сезона, что в этом письме ее кооптировали в стан, противостоящий поэзии молодых: «Очаровательно то, что Вы с годами не утратили свежести восприятия впечатлений и что язык Ваших стихов остался прежним — точным и прозрачным. Ваши простые рифмы и белые стихи, Ваша нелюбовь к модной рифмовке, к последним, далеко не новым ухищрениям стихотворной техники, мне кажется, больше понравятся читателям, чем многое новое, может быть свежее, но в достаточной мере претенциозное. Хорошо об этом сказал Н. Ушаков — (Мол[одая] Гвардия. № 5. 1961 г.): он завидует “весне и этим мальчикам зеленым с их бедной рифмой корневой”».
- 82 На языке советского литературоведения эта смесь хулы и одобрения описывалась так: «Конспективная и весьма сдержанная по тону, она, однако, непредвзято и правдиво показывает оплаченный многими страданиями и муками путь Анны Ахматовой от акмеистической замкнутости, отключенности от общественного бытия, от решительного неприятия Великой Октябрьской революции к выходу на орбиту советской поэзии. Сложные и острые противоречия и трудности этого процесса не выровнены и не сглажены автором “портрета” талантливого русского поэта, ставшего вровень с веком и своим народом, внесшего неповторимый и примечательный вклад в историю нашей поэзии» (*Резник О. Алексей Сурков: Очерк жизни и творчества. Изд. третье, пересмотренное. М., 1979. С. 196*).
- 83 *Старшинов Н.* Спасибо, что были... // *ЛР.* 1983. 1 января; вместо себя Ахматова посоветовала печатать ташкентскую поэтессу Наталью Бурову.
- 84 *Турков А. С.* 188.
- 85 Ср. после выхода «Из шести книг» (1940): «Федин уже имеет книгу Ахматовой — и он, и Катаев в истинном восторге» (*Корней Чуковский — Лидия Чуковская. Переписка. 1912–1969. М., 2003. С. 264*). Вспоминала Н.Я. Мандельштам: «Катаев <...> приехал в Ташкент и сообщил мне: “Ахматова переживает вторую славу, надо обязательно зайти к ней посмотреть, как это выглядит...”» (*ВАА. С. 303*). После ждановского постановления был опубликован фрагмент выступления Катаева на заседании правления президиума ССП 4 сентября 1946 года: «Ахматова никогда не считалась крупной поэтессой, она всегда была поэ-

тессой маленькой, для узкого круга. И удивительно, что среди литературной молодежи сейчас есть люди, на которых воздействовало ее творчество. Это могло произойти только потому, что отсутствовало общественное мнение. Мы должны были рассказать молодежи, что представляет собой Ахматова, как смотрел Маяковский на ее творчество, как незначительно ее место в развитии литературы» (ЛГ. 1946. 7 сентября); текст несколько отредактирован — см. стенограмму: «Что касается Ахматовой — Ахматова никогда не была знаменем. Я помню ее книжки 1914–15 гг. Она никогда не считалась крупной поэтессой, она считалась поэтессой маленькой, для избранного круга, иногда очень изящной. Но она не определяла никакой линии. И удивительно, что сейчас молодежь так подхватила эту Ахматову и сделала из нее знамя. Действительно, отсутствие общественного мнения! А нужно было бы нам рассказать молодежи о том, что представляет собой Ахматова, как Маяковский смотрел на Ахматову, какое она занимает место. И может быть, это и ей принесло бы пользу. Но выходить на арену и делать из нее знамя после такой великой войны и в преддверии, может быть, еще более великих войн, когда мы окружены этими мещанами, которые делают атомные бомбы, — мне стыдно было, когда я читал это постановление. И я решил, что, действительно, буду теперь говорить то, что думаю, не считаясь ни с чем» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед.хр. 773. Л. 73). См. также обсуждение постановления 17 сентября 1946 года на общемосковском собрании писателей: «Там <у М.М. Зощенко> не только аполитичность, как у Ахматовой, а скрытое злопахательство. <> Наконец, у нас есть потребность в лирике, в настоящей чудесной лирике, и то, что Ахматова упражнялась в салонных писаниях, вовсе не значит, что наши поэты не должны писать прекрасные лирические стихи и о любви, и обо всем» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед.хр. 782. Л. 123, 126). Еще и почти год спустя он в качестве депутата Верховного Совета РСФСР продолжал говорить, что думал, ни с чем не считаясь: «В нашу крепкую литературную среду стали проникать нездоровые, враждебные настроения. Появились произведения упадочнические, аполитичные, полные тошнотворного мещанского пессимизма, сугубо эстетские. А иногда были и просто хулиганские выходки против советских людей» (Московский большевик. 1947. 25 июня).

В эпоху «оттепели» на вечере воспоминаний о Михаиле Булгакове в Школе-студии МХАТ он сказал о присутствующей Ах-

матовой «великолепная поэтесса», чем вызвал аплодисменты, как и затем именем Зощенко, что можно слышать на сохранившейся магнитной записи вечера (www.theatrologia.su/audio/34). В неопубликованных воспоминаниях И.В.Штока содержался эпизод, вероятно, известный, со слов Штока Ахматовой: «Когда взяли автора “Конармии”, я побежал к Катаеву: — Валя, что случилось с Бабелем? — Кто вы такой и зачем задаете провокационные вопросы?! — Валентин Петрович вскочил из-за стола, побелел лицом: — Я вашего Бабеля не знаю, мы вообще виделись один раз, и то случайно!» (Елин Г. Книжка с картинками. М., 2008. С. 354). Об Ахматовой и Катаеве см. нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 11. С. 143–146.

- 86 Он объяснял свое поведение самому Зощенко: «Миша, я думал, что ты уже погиб. А я — бывший белый офицер» (*Иванов Вс. Дневники*. М., 2001. С. 389).
- 87 «Когда появился “Звездный билет” Василия Аксенова, А.А. Ахматова мне сказала: “Талантливо! Это заговорило новое поколение — уже не дети, даже не внуки, а правнуки”. И радостно добавила: “Половину слов я не понимаю”. А Ахматова редко кого хвалила...» (*Лишкин С. Образ и давление времени. Открытое письмо // Апрель*. 1991. № 3. С. 305).
- 88 Первый набросок:

Слышишь, [Это] ветер поет блаженный
То, что Лермонтов не допел.
А за стенкою альт колдует —
Это с нами великий Бах.

11 февраля 1961. Кр. Конница (С. 129);

почти окончательный вариант:

Словно Врубель наш вдохновенный,
Лунный луч тот профиль чертил.
И пропел нам ветер блаженный
То, что Лермонтов утаил. (С. 130).

- 89 Ср.: «Тот не будет универсальным, кто не любит одинаково всех вещей, содержащихся в живописи; так, если кому-либо не нравятся пейзажи, то он считает, что эта вещь постигается коротко и просто; как говорил наш Боттичелли, это изучение напрасно, так как достаточно бросить губку, наполненную различными красками, в стену, и она оставит на этой стене пятно, где будет виден красивый пейзаж. Правда, в таком пятне видны различные выдумки, — я говорю о том случае, когда кто-либо пожелает там искать, например, головы людей, различных жи-

вотных, сраженья, скалы, моря, облака и леса и другие подобные вещи, — совершенно так же, как при звоне колоколов, в котором можно расслышать, будто они говорят то, что тебе кажется. Но если эти пятна и дадут тебе выдумку, то все же они не научат тебя закончить ни одной детали. И этот живописец делал чрезвычайно жалкие пейзажи» (*Леонардо да Винчи. Избранные произведения: Переводы, статьи, комментарии. В 2 т. Т. II. СПб., 1999. С. 49*).

- 90 1 июня она читала это стихотворение В.Я. Виленкину (*Виленкин В. В сто первом зеркале. М., 1987. С. 40*), 24 июня — Л. Чуковской (*ЛЧЗ. С. 463*), и, видимо, его же — Г. Глэкину 13 июля: «12 строчек подлинно гражданской лирики» (*Глэкин Г. С. 210*).
- 91 См. об этом письме (подписанном также В.В. Полторацким и Б.М. Зубавиным) запись Л.К. Чуковской (*ЛЧЗ. С. 475–476*); в записи неточность — стихотворение «Александр у Фив» было написано позднее, в октябре-ноябре 1961 года, и в журнал не могло быть послано.
- 92 Алан Морей Уильямс (1915–1996) в годы Второй мировой войны писал стихи о Маяковском и Пастернаке, а также и о Ленине («mightiest of modern men»): см.: *Williams, Alan Moray. Children of the Century. L., 1947*. Тогда же он перевел одно стихотворение Ахматовой (*The Road to the West. Sixty War Poems chosen and translated by Alan Moray Williams and Vivian De Sola Pinto with an introduction by Janko Lavrin. L., 1943. P. 81*).
- 93 «Эротику» Ахматовой задолго до Жданова специально обсуждал в тематической антологии Борис Бродский: «Корней Чуковский, разбирая первые два сборника стихов Анны Ахматовой (“Четки” и “Белая стая”), писал — “для Ахматовой характерна обостренная чуткость ко всему микроскопическому. Еле заметное прикосновение руки приобретает великую роль. В эротике Ахматовой почти отсутствуют поцелуи и объятия, все свелось к еле заметному —

Он снова тронул мои колени

Почти недрогнувшей рукой...

Вся поэзия Ахматовой есть поэзия еле заметного, еле слышного, еле уловимого”. В последней книжке Ахматовой “Anno Domini MСMXXI” (куда вошел и вышедший раньше “Подорожник”) сказалась известная эволюция — необычное влечение к некоторой законченности образов и движений, к известной подчеркнутости, раньше любовной лирике поэта столь чуждой. Но и теперь эротика Ахматовой продолжает пребывать в

едва заметных, трудно уловимых полутонах, в недоговоренности, в умолчании» (Эротика в русской поэзии. Сборник стихов. Берлин, 1922. С. 168); в антологию включен цикл «Смятение», «Вечером», «Настоящую нежность не спутаешь», «У меня есть улыбка одна», «Мальчик сказал мне», «Гость», «Есть в близости людей заветная черта», «Проплывают льдины, звеня», «Пленник чужой! Мне чужого не надо», «Земная слава, как дым».

- 94 Глекин Г. Из записок о встречах с Анной Ахматовой // День поэзии. М., 1988. С. 215.
- 95 Ср запись слов Исаяи Берлина о его визитах 1945–46 годов: «я ей только дал книги, которые были у меня. Английские книги. <...> какие-то стихотворения Ситвеллов, которые были плохие поэты и которые не нужно ей было давать. Ну все-таки они были у меня, и я решил лучше ей их оставить. Братья Sitwell, братья и Edith Sitwell, поэтесса. Не очень важная» (Найман А. Сэр. М., 2008. С. 213). В связи со ждановским постановлением английский критик Сирил Конноли разъяснял: «Госпожа Ахматова что-то вроде Вирджинии Вулф или Эдит Ситуэлл, но которым было бы за шестьдесят» ([Connolly C.]. Comment // Horizon. 1946. Vol. XIV. № 82. P. 207). Эдит Ситвелл (1887–1964) и ее братьям сэру Осберту (1892–1969) и сэру Сачевереллу (1897–1988) нашлось место на страницах сталинской печати: «...сложная мешанина из символических образов христианства и язычества. В туманной, аллегорической форме поэтесса вещает о том, что страх перед атомной бомбой будто бы охватил все человечество, подобно некоей космической силе. <...> Своими писаниями Эдит Ситуэлл пытается отвлечь читателей от реальных атомщиков — поджигателей новой войны» (Жантиева Д. Космополиты — враги своего народа // ЛГ. 1949. 6 августа); «Эдит Ситуэлл, поэтесса старшего поколения, в своей “Песне” задает читателям глубокомысленный вопрос: “В последнем итоге можете ли вы отличить дух человека от духа блохи?” Не в силах сама разрешить этот вопрос, она взывает смиренно к “Христу новых песен”. В своих заметках о поэзии Эдит Ситуэлл прибегает к помощи святых отцов католической церкви и к средневековым мистикам. Усердно цитируя творения Августина и других, она пытается их “авторитетом” подкрепить современное поэтическое ясновидение. Попытка с явно негодными средствами» (Зенкевич М. В мире призраков // ЛГ. 1948. 9 июня). Ср. в реферате 1920-х: «Совсем особняком стоит поэтесса Edith Sitwell, одна из тех, кто стара-

- ется защитить английскую поэзию от упреков в закоснелости формы и традиционности приемов. Она “ищет оживить поэзию подбором новых метафор и сравнений”, в результате чего получается набор “довольно живых и странных слов, которые, в каком бы порядке они ни стояли, не имеют никакого значения”. Мисс Ситвелл—явление несколько странное, или, вернее, странно отношение к ней. У нее есть два брата — Osbert и Sacheverell, тоже занимающиеся поэзией, и Мирский считает Осберта более значительным, чем его сестру <...> Очевидно, англичане увлечены левизной ее формы, но для нас эта левизна, — в лучшем случае в стиле Метерлинка, — давно уже стала правой и устаревшей» (*Шпет Л. Современная английская поэзия // Искусство. 1927. № 1. С. 79*).
- 96 Цит. по переводу, хранившемуся в бумагах Ахматовой: «Русские переиздают стихи, запрещенные в 20-е годы как эротические (Нью-Йорк Геральд Триббюн от 24 ноября 1961 г.)» (*Латманизов М. С. 94*). Ахматова жила не с племянницей, а с дочерью Н.Н. Пунина Ириной Николаевной Пуниной (1921–2003) и с внучкой Н.Н. Пунина Анной Каминской. Кошек Мишку и Стрелку можно видеть на фотопортрете А.Г. Каминской 1951 года (*Пунин Н. Вклейка между С. 400 и 401*). Они похоронены в Комарове у восточной стены в зарослях малины и бузины.
- 97 *Каминская А. С. 42.*
- 98 Имя гамсуновского персонажа появляется в набросках «Поэмы без героя» в начале июня 1961 года — судя по положению в блокноте, в те же дни, что и замысел стихотворения «И анютинных глазок стая»: «Этот Фаустом, тот Дон Жуаном <...> Самый скромный северным Гланом» (*С. 61*). О культуре норвежского писателя напомнили за два года до того мемуары сверстницы Ахматовой, ей нелюбезные (*ЛЧ. С. 69*): «Лейтенант Глан — любимый герой. Неясно все же, в кого я была влюблена тогда, в него ли, в самого ли Гамсуна с челкой на лбу? Вероятно, в обоих, и притом — безнадежно» (*Крандиевская-Толстая Н.В. Я вспоминаю // Прибой: Сборник произведений ленинградских писателей. Л., 1959. С. 70*). О взаимоотношениях Ахматовой и поэтессы Натальи Васильевны Крандиевской (1888–1963) см. нашу справку: *Я всем прощение. С. 493*. Кстати, возможно, Н. Ильина рассказывала Ахматовой случай из истории газеты «Шанхайская заря», когда ее сотрудник «выдает стихи Крандиевской за стихи Ахматовой» (*Ильина Н. Из последней папки. Записи разных лет (1957–1993) / Публикация Вероники Жобер.*

Предисловие, подготовка текста, примечания Маргариты Тимофеевой // Октябрь. 2000. №6. С. 113.

Рядом с Гланом в этой строке «Поэмы» в черновике фигурировало: «Дезесентом» — героем романа Ж.-К. Гюисманса «Наоборот», как другим популярным литературным персонажем, «делать жизнь с кого» — см., например: «Мы были то розенкрейцерами, то нитшеанцами, то Des Esseint'ами (так, в зеленой лавке купили маленькую черепаху, украсили ее елочной мишурой и положили на тахту, чтобы она могла радовать наш взор “эстетов”, сверкая своим убранством на узорах восточного ковра)» (*Трофимов А. [Трубников А.А.] Как я стал «татарин» // РМ. 1959. 8 января*). См. конспект разговора с Ахматовой о раннем Гумилеве: «Гюисманс — влияние» (*Л1. С. 197*).

Замечание Ахматовой о Гамсуне в набросках автобиографического очерка, цитируемое обычно (напр.: *Сочинения. 5. С. 215*) вслед за первым публикатором Л.А. Мандрыкиной, на наш взгляд, неверно:

«Читала много и постоянно. Большое (по-моему) влияние (на нее) оказал тогдашний властитель дум Кнут Гамсун (“Загадки и тайна”, “Пан”, “Виктория”). Меньше другой властитель Ибсен <...>; с той же ошибкой (“...“Виктория” меньше. Другой...») воспроизведено в (весьма неполном) указателе: Кнут Гамсун в России: Библиографический указатель (с литературными иллюстрациями). К 150-летию со дня рождения / Сост. Б.А. Ерхов. М., 2009. С. 199.

«Большинство стихотворений Ахматовой стилизовано под героиню во вкусе гамсуновской Эдуарды Макк из романа “Роза” и обращено к “милому”» (*Виноградов В. О символике Анны Ахматовой // Литературная мысль. Пг., 1923. Кн. I. С. 135*). Ср. например, героя стихотворения «Потемнел, искривился бревенчатый мост» («словно леший дик, а нежней сестры») и рассказ Эдуарды Макк о Глане: «Он оброс бородой, он был точно зверь <...> И одевался то он в звериные шкуры. <...> Он был такой большой и добрый» (*Гамсун К. Полное собрание сочинений. Т. 5. СПб., 1910. С. 210*) — см.: *Timenchik R. On Akhmatova's Tsarskoye-Selo Code // A Sense of Place: Tsarskoye Selo and its Poets. Columbus, Ohio. 1993. P. 365*. О другом возможном отголоске чтения норвежца см.: *Тименчик Р.Д. Анна Ахматова. Тринадцать строчек. Из комментариев // De visu. 1994. №5–6. С. 63–64*; ср. также наше наблюдение о стих. «Он любил три вещи на свете...» как отголоске мо-

- нолога Глана: *Виноградов В.В.* Поэтика русской литературы: Избранные труды. М, 1976. С. 504.
- 99 См. подробнее: *Тименчик Р.Д.* Чужое слово: Атрибуция и интерпретация // *Лотмановский сборник*. 2. М., 1997. С. 95.
- 100 Речь идет о ленинградском поэте Всеволоде Борисовиче Азарове (1913–1990). В этот день сделана надпись на его сборнике «Возвращение счастья»: «В солнечном августе в Комарово» (МАА).
- 101 *Кузьминский К., Ковалев Г.Л.* Антология новейшей русской поэзии у голубой лагуны. В 5 т. Т. 5а. Ньютонвилл, Мэссачузетс, 1986. С. 597.
- 102 *Шульц С.С., мл.* Иосиф Бродский в 1961–1964 годах // *Зв.* 2000. № 5. С. 77. Описано же было следующее:
- Когда в Москве в петлицу воткнут
и в площадей неловкий толк
на полстолетия изогнут
Лубянки каменный цветок,
а Петербург середины века,
адмиралтейскому кусту
послав привет, с Дзержинской съехал
почти к Литейному мосту,
и по Гороховой троллейбус
не привезет уже к судьбе.
Литейный, бежевая крепость,
Подъезд четвертый кgb.
<...>
Не то страшит меня, что в полночь,
героя в полночь увезут,
что миром правит сволочь, сволочь.
Но сходит жизнь в неправый суд...
- 103 *Озеров Л.* Дверь в мастерскую. С. 104.
- 104 *Айхенвальд Ю.* 100 поэтов в четырех лицах // *Неделя*. 1966. 5–10 июля.
- 105 См: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1956. Т. 3. С. 452. Ср. свидетельство из 1911 года: «Едва ли не первый из современных поэтов, начавший читать Даля, был Вячеслав Иванов. Во всяком случае современные поэты младшего поколения под его влиянием подписались на новое издание Даля. <...> ...для поэта было заманчиво вместо привычного и утомленного иностранного слова “горизонт” сказать “овидь” или “озор”, вместо “футляр” написать “ляло”, вместо “спира-

- ли” — “увой”, вместо “зенита” — “притин”) (*Волошин М.* Лики творчества / Издание подготовили В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л., 1988. С. 535).
- 106 См. статью Эрика Местертонна (1903–2004) об Ахматовой, напечатанную уже после больничного посещения в гётеборгской газете 5 декабря 1961 года: *Mesterton E.* Speglingar: essäer, brev, översättningar. Uddevalla, 1986. P. 104–109. Ср. рассказ о Э. Местертоне: «— Я никогда не видела такой ослепительно белой рубашки, как та, что была на нем. Мы тут воевали, устраивали революцию, голодали, снова воевали, а шведы все эти годы сти-и-рали и гла-а-дили эту рубашку...» (*ЛЧ2.* С. 475); этот рассказ слышали и другие: *Ахмадулина Б.* Сочинения. Т. 2. М., 1997. С. 561; *Райт-Ковалева Р.* Встречи с Ахматовой. С. 58. Ср. у Н. Ильиной: «рубашка шведа, как ангельское крыло» (РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Ед.хр. 28. Л. 19).
- 107 *Ласкин А.* С. 141.
- 108 *Лыжина Е.* Щедрость души поэта // Вечерний Ленинград. 1989. 16 ноября). В рукописной автобиографической книге Е.А. Лыжина вспоминала: «Исхудавшую, коротко остриженную, меня привезли на коляске в палату, [Ахматова] нагнулась надо мной и сказала: “Ангел мой, ты разбился о грешную землю...”» (Архив Тихона Черноземова; любезно сообщено В.Н. Денисовой).
- 109 *Иванова-Романова Н.М.* Встречи и проводы (1968) — ИРЛИ. Разряд I. Оп. 11. № 71). Впоследствии, в 1981 году, она рассказывала, что хотела еще показать рукопись своей книги о стенографе Л.Д. Троцкого Н. Сермуксе, но Ахматова «рукопись читать отказалась (“О ком? О троцкистах? Увольте...”»)» (*Гончарок М.* [Письмо в редакцию] // Окна. Приложение к газете «Вести» (Тель-Авив). 2001. 26 июля). О визитах Н. Ивановой-Романовой см. нашу справку: *Крымский Ахматовский.* 4. С. 148–149.
- 110 *Эрик Л.* Воспоминания о Анне Ахматовой // *Alma Mater* (СПб.). 1996. № 5); см. о Л.Н. Эрик также нашу справку: *Крымский Ахматовский.* 7. С. 79–80.
- 111 *Каминская А.* С. 51.
- 112 *Крячко Л.* «Модерн-мещанство» и его обличители // Октябрь. 1962. № 3. С. 186. Критика (в лице Д. Хренкова) предупреждала: «Конечно, хорошо, что у нас издают Марину Цветаеву, Бориса Пастернака и других известных в недавнем прошлом поэтов. <...> Но сегодня нельзя механически переносить приемы работы этих мастеров в лабораторию поэта, рассказывающего о бригаде коммунистического труда» (*Нева.* 1962. №3. С. 187).

- 113 *Венно Р.* «The Political Aspect» // *Soviet Literature in the Sixties. An International Symposium* / Ed. by Max Hayward and Edward L. Crowley. New York; London, 1964. P. 181. Есть смысл напомнить об анкете, заполненной во второй половине 1960-х читателями «Литературной газеты». На вопрос «Назовите, пожалуйста, советских поэтов, стихи которых Вам очень нравятся», отвечают: «Евтушенко (40,9), Рождественский (23,3), Вознесенский (18,5), Маяковский (14,5), Твардовский (12,8), Есенин (12,7), Симонов (11,6), Гамзатов (11), Светлов (10,7), Пастернак (8,8), Друнина (8,6), Мартынов (8,5), Матвеева (7,5), Окуджава (7,2), А. Ахматова (7,1), Винокуров (6,3), Ахмадулина (6), Асадов (5,4), Смеляков (4,7). Берггольц (4,1), Цветаева (3,8), Слуцкий (3,1), Мандельштам (1,2)». (Политический дневник. Амстердам, 1972. С. 582–583); там же смотри комментарии социолога Д. Шляпентоха: «Разумеется, популярность писателя или поэта во многом зависит от того, в какой мере его произведения печатаются. Массовый читатель, например, почти не знает стихов Мандельштама, ему неизвестны многие стихи Слуцкого, мало печатают Ахмадулину, Цветаеву. <...> А вот данные о нелюбимых поэтах: Вознесенский (8,7), Рождественский (8,3), Евтушенко (7,1), Асадов (6,1), Прокофьев (5,7), Грибачев (3,0), Софронов (3,1), Ахмадулина (2,7), С. Васильев (2,7), Кобзев (2,4), Марков (1,7), Фирсов (1,3). Как отмечают социологи, анализирувавшие эти таблицы, тот факт, что в списке не понравившихся лидируют самые популярные сегодня поэты (хотя Евтушенко и расстается с первым местом), — это неизбежная, по-видимому, реакция на слишком большую популярность. Есть поэты, которые собрали почти равное число голосов за и против, например, Асадов. Что касается поэтов Прокофьева, Софронова, Грибачева, С. Васильева, Маркова и Фирсова, то отношение к ним читателя почти только отрицательное (отметим, что такой поэт, как С.В. Смирнов, хотя он пишет очень много, вообще не попал ни в какой список. Его просто не читают). Один из вопросов анкеты касался советской классики («Какие произведения советских писателей, созданные в 20–40-е годы, выдержали, по Вашему мнению, испытание временем?»). Места в этом списке распределились следующим образом: Шолохов, А. Толстой, Ильф и Петров, Островский, Фадеев, Паустовский, Бабель, Маяковский, Булгаков, Горький, Эренбург, Фурманов, Есенин, Серафимович, Федин, Симонов, Платонов, Леонов, Пастернак, Грин, Твардовский, Зощенко, Олеша, Тынянов, А. Ахматова, Гайдар,

Гладков, Макаренко, Каверин, Светлов, Соболев, Лавренев». Заявления вроде того, что после появления стихов Ахматовой в альманахе «Литературная Москва» она быстро стала идолом русской молодежи (*Gerstenmaier C. The Voices of the Silent. New York, 1972. P. 45*), являются с точки зрения статистики явным преувеличением и, видимо, вызваны случайностью попавшихся собеседников.

- 114 *Попова Н.И.* Заметки А. Ахматовой на пушкинском издании 1936 года // *Методология и методика историко-литературного исследования. Тезисы докладов. Рига, 1990. С. 134.* К лету 1964 года современница (Е.Г. Полонская) имела все основания для обобщения: «Вы знаете, как у нас распространено переписывание стихов и распространение их из рук в руки? Этим занимаются даже двенадцатилетние дети» (Не отзвенело наше дело: Борис Слуцкий в зеркале его переписки с друзьями / Публикация Б. Фрезинского // *ВЛ. 1999. № 3. С. 303.*
- 115 *Narari, Manya.* Letter from Moscow // *Encounter. 1962. № 106. July (Vol. XIX. № 1). P. 22.*
- 116 Копия дневниковых записей К.К. Рессер (*МАА*).
- 117 10 декабря 1959 года в Ленинграде на Всероссийской поэтической дискуссии «Поэт и современность» Леонид Соболев заявил: «Пора сказать всему миру, что поэзия русская существует в превосходном качестве, спекуляция четырьмя именами поэтов на западе недопустима...» (*Паишев Э. Нас мало, нас может быть четверо // ЛР. 2013. 19 июля*). Андрей Вознесенский, видимо, на это отозвался подправленной цитатой из пастернаковского «Нас мало, нас может быть трое» — «Нас мало, нас может быть четверо». Публика подставляла имена: «Назвать эту четверку мог без труда любой активный читатель тех лет: Евгений Евтушенко, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Булат Окуджава» (*Там же*). Ахматовская четверка, помимо отсылки к известному antecedенту — стихотворению Вордсворта «Нас семеро», где деревенская девочка упрямо считает умершего брата и сестру за живущих («Nay, we are seven!»), — на что мне когда-то указал Дима Борисов, — может иметь в виду подборку в журнале «The Paris Review» в 1961 году (P. 224), где под рубрикой «Досье из русской поэзии» (A Portfolio of Russian Poetry) к четверым из ахматовских «комаровских набросков» был присоединен А. Вознесенский. См. подробнее: *Timencik R. Рождение стиха из духа прозы: «Комаровские кроки» Анны Ахматовой // Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60. Geburts-*

tag. L. Flejshman, C. Gölz, A.A. Hansen-Löve (Hsgg). Hamburg, 2004. S. 541–562; *Найман А.* Воздух. Задыхание. Немота // *PM*. 1991. 29 ноября.

- 118 Открытка от 24 октября 1961 года: «Дорогая Анна Андреевна, посылаю Вам самые древние христианские мозаики в Риме; IV век. Они сделаны из пестрых, ярких и очень веселых красок, а место — мавзолей Констанции, дочери Константина Великого. Ваш редактор странствует по Италии и решился наконец (и это ужасно трудно) Вам сказать, как ему совестно и не по себе за “случится” вместо “смутится” и “защитный” и другие промашки. Какое было б счастье узнать все, что нужно исправить, от Вас. Я бы все исправил и снова тиснул. Напишите мне: Hotel Flora-Roma. R. Grynberg. Остаюсь здесь еще 3–4 недели». Речь идет об опечатках в строках «Что смутится Двадцатый век» и «И стоит мой город зашитый». Несколько опечаток в «Воздушных путях» распознал В. Набоков, но в одном случае преמודернистическая стиховая установка его характерно подвела. Он писал о строках

Кто за полночь под окнами бродит,
 На кого беспощадно наводит
 Тусклый луч угловой фонарь,
 Тот и видел, как стройная маска
 На обратном «Пути из Дамаска»
 Возвратилась домой... не одна!

— «...str. 15 i 18 yavno nahodyatsya v sovershenном bezporjadke (m.b. «fonar' uglovoу» i «ne odna vozvratilas' domoу», vo vsyakom sluchae ne tak, kak narechatano) (Друзья, бабочки и монстры: Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. 1943–1967 / Вступит. ст., публ. и комм. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы. I. Париж; СПб., 2001. С. 527). Гринберг отвечал: «Совсем не понял, чем Ахматова опровинциализалась в этой своей поэме, как ты пишешь. Она ее так крепко зашифровала, что не имея ключа — не понять. Не хуже 10-ой главы Е<вгения > О<негина>. Кое-что все-таки начинает проясняться и видны старые знаменитые герои прошлой русской жизни, но сюжета я не понимаю. Кстати, европейские издатели одно время искали переводчика для “Поэмы” и так-таки не нашли и писали, что она не по зубам. Конечно, один только Набоков мог бы это сделать, но есть ли у него охота для такого дела, — другой вопрос. Не спросишь ли ты его? Вы же — соседи!» (*Там же*. С. 529–530).

18 декабря 1961 года Р. Гринберг писал Б. Филиппову: «Сегодня получил грустную новость, что Анна Ахматова имела сердечный припадок в октябре и еще в ноябре оставалась в больнице. Ее навещал человек, который мне пишет. Он же со слов врача говорит, что есть надежда, что Ахматова поправится» (Сообщено Г.Б. Глушанок).

- 119 *Басалаев И.* Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) / Публ. Е.М. Царенковой. Прим. И. Колосова [А. Дмитренко] и Н. Крайневой // *Минувшее*. 23. СПб., 1998. С. 574). Отметим, что Ахматова, видимо, говорит посетителю не всю правду — нью-йоркский альманах она видела (*ЛЧ*. С. 476). Ср. неточно понятое другим больничным посетителем: «...открытка из Рима, написанная по-русски от некоего Филиппова, издателя сборников “Воздушные пути”, где уже дважды напечатана в разных вариантах ее “Поэма без героя”. Обратный адрес — какой-то шикар-ной римской гостиницы. А. А. шутливо называет это “письмом от акулы капитализма”. Но любопытно, что открытка дошла до нее» (*In memoriam*. С. 554).
- 120 *Зн.* 2000. № 6. С. 169. На радиостанцию «Свобода» были тогда присланы стихи за подписью «Елена»: «Всевышней волею властей / (Я это видела воочью) / Из усыпальницы вождей / Тебя изъяли поздней ночью. / Хотя, по правде говоря, / Недалеко тебя умчали, / Все ж это сделано не зря, / Хоть не поймешь, с какой печали / Властитель новый неспроста, / Без всяких там спортивных правил, / Ударом в некие места / К стене Кремля тебя отправил. / И, понимаете, пошел / На э...э...э...скандал всемирный. / Или колеблется престол / Под все растущей тушей жирной? / А может быть, сама земля / Дрожит уж от противоречий? / Народ стоит у стен Кремля... / Молчит. Но расправляет плечи» (Стихи из СССР // *НЖ*. 1962. №69. С. 133–134).
- 121 *Кондратович А.* Новомирский дневник 1967–1970. М., 1991. С. 77. Пока же, в ожидании отмены постановления, школьные учебники гнули привычное: «В тех же журналах появлялись стихотворения А. Ахматовой, проникнутые тоской, пессимизмом и разочарованием в жизни» (*Трифонов Н.А., Кудряшов Н.И.* Русская советская литература: Учебник для X класса нерусской средней школы. М., 1962. С. 212–213). В 1961, по-видимому, году Николай Глазков написал стихотворение: «Вновь читал поэтессу старую, / Очень старую и молодую, / Небывалую и бывалую, / Небезгрешную и святую. / Как поэт поэту, нежданно / Ей хочу сказать в благодарность: / Ошибался товарищ

Жданов, / Не Ахматова ошибалась!» (Толстяков А. Сюжеты из ахматовианы // Библиофил. 2000. № 2(3). С. 85).

- 122 Шкловский И. «На далекой планете Венере» // Известия. 1961. 13 февраля; веч. вып; автор статьи обратился к Ахматовой в день ее именин 16 февраля 1961 года: «Это пишет Вам незнакомый человек, не литератор, а астроном и физик. В ранней юности, еще до отечественной войны, я был очарован стихами Николая Степановича. И это осталось у меня навсегда. Жестокая несправедливость судьбы по отношению к *такому* поэту меня всегда оскорбляла. И вот представился неповторимый случай. Я сделал попытку, если так можно выразиться, реабилитировать его через Космос и этим, в меру моих скромных сил, отметить 75 годовщину его рождения. Я знаю, что это его последнее стихотворение. Я представляю, как оно писалось... Простите меня, дорогая Анна Андреевна, что я допустил вольность, искажив текст: вместо «на далекой звезде...» написал «на далекой планете...». Иначе ничего не вышло бы. Весь расчет строился на этом и еще на ужасном цейтноте, в котором оказалась газета» (№ 1057). П.Н. Лукницкий рассказывал нам, что статья была напечатана в отсутствие редактора А. Аджубея. Газета получила за цитату «нахлобучку», но вернувшийся из командировки А. Аджубей оставил дело без последствий.

Ср. отклик на статью И. Шкловского в эмиграции: «Ирина Одоевцева рассказывала мне, что вопрос о существовании жизни на других планетах всегда чрезвычайно интересовал Гумилева и что в последние годы своей жизни он читал теософические и антропософические книги. Быть может, в этой литературе, в каких-либо индусских или тибетских преданиях, он нашел и описание жизни на планете Венере?» (Терапиано Ю. «На Венере, ах, на Венере»... // РМ. 1961. 4 марта).

- 123 Я не такой. С. 1296; здесь цитируются и называются стихотворения Гумилева: «Потомки Каина», «Орел», «Природа», «Заблудившийся трамвай» (строку из которого «А в переулке забор дощатый» Ахматова считала описанием дома Шухардиной в царкосельском Безымянном переулке, где она жила в детстве, и взяла эпиграфом к «Царкосельской оде», «У цыган» (которое цитировалось в строке «И цыганочка лижет кровь» в раннем варианте «Решки»).

Ср.: «Гумилев — поэт еще не прочитанный. Визионер и пророк. Он предсказал свою смерть с подробностями вплоть до осенней травы. Это он сказал: “На тяжелых и гулких маши-

нах” и еще страшнее (“Орел” — ...), “Для старцев все запретные труды” и, наконец, главное: “Земля, к чему шутить со мною...”» (С. 251).

- 124 Воспоминания Эммы Герштейн (ВВА. С. 553); формула «земля — звезда», по-видимому, восходит к памяtnому стиху К. Бальмонта. Как писал Виктор Гофман о стихотворении Зинаиды Гиппиус «Земля»: «Безумная кошмарность мироздания почувствована и передана в нем очень остро. “Пустынный шар в пустой пустыне” — так характеризует писатель нашу прекрасную Землю, эту “зеленую звезду” по выражению наиболее жизнерадостного поэта, Бальмонта» (Правда жизни. 1908. 1909. 20 апреля); имеется в виду стих К. Бальмонта «Зеленая звезда, планета изумруда» в стихотворении «Земля» («Земля, я неземной, но я с тобою скован»). Ср. мотив «Демона» Блока: «Да, я возьму тебя с собою / И вознесу тебя туда, / Где кажется земля звездою, / Землею кажется звездою») или стихи Анны Радловой «Земля, нежнейшая звезда Господня, / Забвенья нет в твоих морях глухих». Ср. о цитированном стихотворении Гумилева: «Его собственным стихам не доставало распева, гипноза. В них четко оттиснут его собственный благородный облик; но если сравнивать, — а это всегда невольно делается, — стихи Гумилева со стихами его жены Анны Ахматовой, полными простого, неотразимо-живого очарования, то видно, что непосредственной поэтической “благодати” нет в отточенных до совершенства, до “акмеизма”, сборниках Гумилева. От книжной сухости его спасали только — любовь к России и всегда жившее в нем ощущение тайн звездного неба:

Земля! К чему шутить со мною?
Одежды нищенские сбрось! —
И стань, как ты и есть, звездою,
Огнем пронизанной насквозь!»

(*Тхоржевский И.И.* Русская литература. Изд. 2, испр. Париж, 1950. С. 494).

- 125 «Из космоса вернувшись, шла устало / Впервые в мире звездная сестра» (*Тихонов Н.* Чудо на лугу // День поэзии. М.; Л., 1963. С. 12); «И улыбка смущенья / На губах Терешковой» (*Озеров Л.* Новизна — это Тютчев... // День поэзии. 1963. М., 1963. С. 227); «Так сверкайте слова и поступки, / Различая в прозреньи своем / Очертания белой голубки / На скафандре ее золотом» (*Гитович А.* Некоторым американцам (Девушка в космосе) // День поэзии. М.; Л., 1964. С. 57); «Не знали, что люди зовут тебя Ва-

- лей, / Что Чайкой сегодня народ назовет» (*Берггольц О.* Валентине Терешковой // *День поэзии.* М.; Л., 1963. С. 11); «Взлетела наша Валентина, / Взметнув космическую пыль» (*Искандер Ф.* Звездная сестра // *Юность.* 1963. № 7. С. 3); «В тишине Байконура понимал тебя Главный конструктор» (*Ойфа П.* Солдатская дочь // *День поэзии.* М.; Л., 1963. С. 171). Ср. сведения о неудачности полета В. Терешковой и о недовольстве им Главного конструктора (*Голованов Я.* Заметки вашего современника. Т. 1. 1953–1970. М., 2001. С. 193–194).
- 126 Ср. воспоминания о восходящей поэтической звезде на вечере журнала «Юность» в Ленинграде в 1964 году: «Дрожащим голоском корреспондентка, выжимавшая информацию по принципу “хочу все знать”, вдруг восторженно пролепетала: “Да, а вы слышали, у Терешковой ребенок родился...” Терешкова. Тоже кумир. Тоже крутая знаменитость. Литературная знаменитость крутанула в блюдечке сигарету, гася, как убивая, и выдохнула надменно, своим неповторимым кумирским голосом, как бы выбрасывая сокрушительное стальное жало: “Ребенок Терешковой... Кому это надо!” И ушла читать свои божественные стихи» (*Казакова Р.* «Переломилась эпоха...» // *Литературная учеба.* 2001. № 3. С. 212–213).
- 127 Об отношениях Ахматовой с актрисой Валентиной Андреевной Щеголевой (1878–1931) см.: *Тименчик Р.* Из переписки Анны Ахматовой // *Themes and Variations.* Stanford, 1994. P. 317–318. Ср.: «Я — confidentка Вал<ентины> Андр<еевны> Щеголевой (“Валентина, звезда, мечтанье”)...» (С. 222); «Свой роман с Блоком мне подробно рассказывала Вал. Андр. Щеголева. Он звал ее в Испанию, когда муж сидел в Крестах» (С. 671) — ср. детали этого рассказа в записи Ю.Г. Оксмана: «...а маленького Павлушу ей не на кого было оставить» (ВАА. С. 647). Ср. о ней: «В.А. была совсем не красива лицом, очень женственна и грациозна, имела оригинальный голос. Когда очень волновалась, речь ее была порывистой и почти бессвязной. В третьем посвящении строчки “Эти дикие слабые руки” и “Бормотаний твоих жемчуга” прекрасно передают ее манеру выражать свои чувства» (*Чулкова Н.* Александр Блок (Из воспоминаний) // *НЖ.* 2002. № 226. С. 190).
- 128 *Комиссарова М.* Избранное. Л., 1984. С. 239. У Блока: «Валентина, звезда, мечтанье! / Как поют твои соловьи...». Ср. запись в дневнике В.А. Щеголевой об именинах Федора Сологуба в 1915 году: «А к Судейкину мне удалось подойти близко, просто и

ласково. “Вы сегодня какая-то особенная, — сказал он мне, — привлекательная и уютная“. Она всегда “душка“, — бросила О.А. <Глебова-Судейкина>, — “Валентина, звезда, сиянье, как поют твои соловьи...“. Я побледнела и могла только проговорить страдальческим тоном: “не надо, не надо...“ (ИМЛИ). Ср. также:

Осыпанная звездным роем,
Забыв о пенье соловья,
Шалунья, ставшая героем,
Ты в каждом доме, как своя

(*Сельвинский И.* Валентине Терешковой // *ЛР.* 1965. 3 декабря).

- 129 Письмо А.И. Солженицына А.В. Жигулину // За что? Проза. Поэзия. Документы / Сост. В. Шенталинский, В. Леонович. М. 1999. С. 232. Ср. также: «Когда-то я слышал от Ахматовой признание, что она не в силах читать “Рыцаря на час“: “не могу, дойду до середины — душат слезы“» (*Адамович Г.* К спорам о Некрасове // *НРС.* 1952. 11 мая); «“В комнате нашей, пустой и холодной, пар от дыханья волнами ходил“. Так, кроме Некрасова, писать никто не умел»; «Лучшие стихи пишут “на случай“, как “Вчерашний день, часу в шестом...“ Некрасова...» (*Бабаев Э.* С. 12).
- 130 Л2. С. 189–190; далее в разговоре упомянут А.И. Тиняков, и это упоминание почти наверняка означает ссылку на его статью 1915 года: «У Ахматовой встречаются мотивы, не совсем обычные для женской поэзии, именно: сострадание и, так сказать, сословная совесть такой же окраски, какая была, например, у Некрасова. Стихотворение “Ты знаешь, я томлюсь в неволе“ сближает Ахматову именно с Некрасовым, с женственными началами его поэзии» (*Тиняков А.* Анна Ахматова. Критический очерк // *Журнал журналов.* 1915. № 6. С. 16; *Pro et contra.* 1. С. 139); ср. также: *Урбан А.* Анна Ахматова. «Мне ни к чему одические рати...» // *Поэтический строй русской лирики.* Л., 1973. С. 264–268; *Кралин М.* Некрасовская традиция у А. Ахматовой // *Некрасовский сборник.* VIII. Л., 1983. С. 74–86.
- 131 Ср.: «Какие-то некрасовские звуки врываются в метрику “Четок“:

Над ребятами стонут солдатки,
Вдовый плач по деревне звенит.
Не напрасно молебны служились,
О дожде тосковала земля».

(*Гроссман Л.* Весенний салон поэтов // *Жизнь* (Одесса). 1918. № 7. С. 10). О появлении цитат из Некрасова у Ахматовой в

моменты «сильных потрясений» см.: *Тименчик Р.* Храм Премудрости Бога: Стихотворение Анны Ахматовой «Широко распахнуты ворота...» // *Slavica Hierosolymitana. V–VI. Jerusalem. 1981. P. 317. Ср., например, в «Реквиеме»:*

Как трехсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своей слезою горячею
Новогодний лед прожигать. —

и «Мороз, Красный нос»:

Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет.

(*Аникин А.Е.* Ахматова и Анненский: Заметки к теме. IV. Препринт. Новосибирск, 1989. С. 41). Ср. рассказ о реакции А.Н. Егунова на «Реквием»: «Мне не нужен эпигон Некрасова! Некрасов все это уже сказал, правда — на другом материале» (*Маркиш Ш.* Об А.Н. Егунове // *Иерусалимский журнал. 2004. № 18. С. 234*). Как подсказал Г.А. Левинтон, в военных стихах —

Вот о них и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки, —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, —
Внуки, братики, сыновья, —

слышен некрасовский отголосок:

Книжки неценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек
Тимошек, Гришек,
Гаврюшек, Ванек...

«И наконец, приехав на вокзал чуть не за два часа до поезда, Ахматова обратилась к провожающим с предложением: — Поговорим о Некрасове! (Как писали уже многие, Ахматова в последние годы тяжело больной человек, боялась вокзалов, боялась длинного пешего перехода по платформе и, избегая спешки, приезжала задолго до отправления)» (*Мейлах М. С. 96*).

132 Ср. ранний отклик Мариэтты Шагинян на это стихотворение: «...стихотворение идет из глубины и по своему лирическому совершенству может быть названо лучшим произведением последнего десятилетия. Советую моему читателю дважды и три-

жды прочесть эти строфы, разобравшись в хрупкой сложности их и усвоив себе их музыкальное очарование.

Стихотворение начинается мощным *adagio*. Устанавливается “заветная грань”, и дальнейшие стихи как бы плещут об эту непереступаемую грань, все нарастая, волнуясь и заканчиваясь трепетным оцепенением, — образ сердца, замершего под любимой рукой. Черта непереступаема ни влюбленностью, ни дружбой, ни “высоким и огненным” освобождением души, отказавшейся от “истомы”; последнего слияния двух душ здесь, на земле, не дано. А вечное мученье истинной любви — это не тоска по “взаимности”, но тоска по “слиянности”... “Стремящиеся к ней безумны, а ее достигшие поражены тоскою” — ее, т.е. роковой разделительной черты, непереступаемой для любви. Запечатленный в этом стихотворении опыт ставит его в одну категорию с *Silentium* Тютчева и с лирическими прозрениями Лермонтова» (Кавказское слово (Тифлис). 1916. 2 февраля).

- 133 Никулин А. Путь поэта // ЛГ. 1961. 29 декабря. Ср. разговор 1 января 1962 года: «По словам Ахматовой, многие бранили статью, но сама Анна Андреевна судила о ней снисходительно» (Мануйлов В.А. Записки счастливого человека. СПб., 1999. С. 309).
- 134 Ср.: *Salisbury, Harrison E. Stalinist Jailing of Poet's Son told. Soviet Magazine Reveals Persecution of Scholar // New York Times. 1962. January 14.* По этому поводу 12 февраля 1962 года Артур Лурье писал Саломее Андрониковой: «И зачем этот Солсбери о ней пишет? Какая бестактность писать о семье, которая в железном кольце врагов» (Кралин М.М. Артур и Анна. С. 107). Гаррисон Эванс Солсбери (1908–1993) — американский журналист, московский корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс», материалы которого порицались сенатором Маккарти как сочувствующие коммунизму. События вокруг ждановского постановления изображены в его романе «Дело Северной Пальмиры» (*Salisbury, Harrison Evans. The Northern Palmira affair. New York, 1962*). Цель постановления, — говорится в романе, — «уничтожить одну-единственную женщину» (Солсбери Х. Дело Северной Пальмиры // НЖ. 1962. № 70. С. 35). См. о нем нашу справку: *Venok*. Р. 340–343.
- 135 Наметившееся после победы в войне сближение русской эмиграции с Советским Союзом в значительной мере было подорвано именно ждановским постановлением, вызвавшим у симпатизеров оторопь. Просоветская парижская газета предварила выдержки из постановления: «...не располагая покуда

исчерпывающей информацией по данному вопросу ограничиваемся воспроизведением существенных выдержек из этих документов. Мы не можем, однако, не выразить убеждения, что все, кто, как и мы, на чужбине остро переживает судьбу своего народа; кто считает, что залогом его великого и светлого будущего является гармоническое развитие мощи государства и свободы человеческой личности, — прочтут нижеприведенные документы с тяжелым сердцем» (Русские новости. 1946. 6 сентября). Газета получила ответ: «Я хочу сказать редакции “Русских Новостей”, что она сделала ошибку, взяв под свою защиту не советскую молодежь, а этих двух писателей, которые не хотят разделять вместе с другими советскими писателями их большое и благородное дело художников и творцов социалистического общества» (*Советский гражданин*. Письмо в редакцию «Русских Новостей» // Русские новости. 1946. 20 сентября). 4 октября газета поместила статью Николая Бердяева «О творческой свободе и фабрикации душ» (см.: *Requiem*. С. 252–258). Екатерина Кускова писала:

«Персик цветет и фиалок дым
Черно-лиловый
Кто мне может сказать, что здесь
Злая чужбина?

Сказать смеет орган высший, орган самодержавный, орган, имеющий право жизни и смерти не только над лирикой “дамы в шали”, нет, орган, позволяющий дышать или приказывающий затаить дыханье, орган, одним словом, тоталитарный: Центральный Комитет Коммунистической Партии. Творчество знаменитой поэтессы, слившейся с народом в самое тяжелое для него время, квалифицировано как “чуждая нашему народу и пустая поэтесса”.

Кто мне посмеет сказать,
что здесь злая чужбина?

Да, центральный комитет коммунистической партии родину сделала для Ахматовой злой чужбиной. Снова должна она умолкнуть. Ее “священное ремесло” не будет больше светить миру. Стоп...

У Центрального комитета коммунистической партии достаточно других поэтов, “близких народу”» (*Кускова Е.* Очередной загиб // *НПС*. 1946. 22 сентября). Ср:

«Человека даже мало знакомого с творческим обликом обоих писателей, прежде всего поражает самое объединение этих

столь двух различных имен. Вот уж когда действительно можно повторить вслед за Пушкиным: “волна и камень, стихи и проза, лед и пламень не столь различны меж собой”. Одно, впрочем, их, может быть, все-таки объединяет: оба писателя обвиняются в преклонении перед буржуазной культурой, “столь ненавистной нашему народу”; между тем, в среде современных писателей вряд ли можно найти двух других, которым было бы внутренне столь чуждо “преклонение” перед буржуазной культурой, чем Ахматовой и Зощенко. <...> Еще больше поражает небрежность и противоречивость формулировки обвинения против Ахматовой: с одной стороны ее поэзия объявляется “салонной”, лишенной каких бы то ни было идей, с другой — ее стихи вносят “идеологический хаос” в умы и души советской писательской молодежи! Однако, именно эта небрежность формулировок и выдает с головой инициаторов чистки» (*Александрова В.* Чистка советской литературы // *НПС.* 1946. 1 сентября; ср.: [Б. п.] Зощенко, Ахматова и парижская эмиграция // *НПС.* 1946. 10 сентября; *Крузенштерн-Петерец Ю.* Значение доклада Жданова // *Антигона (Шанхай).* 1948. № 1. С. 14–15). Ср. и письмо А.Н. Бенуа к Н.А. Бенуа от 14 октября 1946 года:

«Неужели ты забыл, почему ты покинул свою родину-Россию? Откуда ты взял, что там мирно и безнаказанно цветут романтики поэзии и что там вообще для искусства здоровый воздух? <...> советую тебе призадуматься над постановлением ЦК ВКП(б), появившимся в “Правде” от 21 августа, назначающим принципы, которые должны быть положены в основу руководства советскими журналами. Руководящие работники (забыл их положение) нашли: не может быть аполитична деятельность работников культуры и искусства. <...> И что же? Ленинградские писатели на собрании признали постановление ЦК ВКП(б) всецело правильным (попробуй, не признай!), полностью присоединились к нему и сделали его боевой программой для всей деятельности. В частности, утверждается, что грубой ошибкой журналов “Звезда” и “Ленинград” явилась популяризация такой чуждой нашему времени, типичной дореволюционной аристократически салонной поэтессы Ахматовой. Печатание в обоих журналах стихотворений Ахматовой является пропагандой пессимизма и упадочничества, безыдейности и мистицизма (вот тебе и романтики!). Редакции журналов оказались в плену у дутого “авторитета” Ахматовой, угодливо предоставляя ей возможность протаскивать насквозь чуждые

советской литературе декадентские теориейки «искусство для искусства». Руководящие работники журналов “Звезда” и “Ленинград” забыли то положение Ленина, что журнал, является ли он научным или художественным, не может быть аполитичным. Собрание ленинградских писателей объявило беспощадную борьбу с безыдейностью, пошлостью, аполитичностью, сползанием на позиции так называемого “чистого искусства”.

Ну, что скажешь? Нет, нам там не место, а если место, то разве только в Бутырках или в какой-нибудь туркестанской глуши» (*А.Н. Бенуа и М.В. Добужинский. Переписка (1903–1957) / Сост., подг. текста и комм. И.И. Выдрина. СПб., 2003. С. 204–206*).

Ср. разговор с Тэффи незадолго до ее кончины:

«...— Будь я помоложе, я, может быть, и уехала бы туда.

— Да что бы вы там стали делать, милая Надежда Александровна? — ответил я. — Ведь там даже Демьяну Бедному и Зощенке не удалось до конца приноровиться. Горького отравили, Есенин и Маяковский покончили самоубийством. А что сделали с Ахматовой? Заставили ее писать стихи в честь Сталина. Это Ахматову-то!

В глазах Тэффи вдруг зажегся тот огонек, который обычно появлялся у нее, когда она раздражалась своими блестящими парадоксами.

— А знаете, Сталина мне жалко. Очень жалко.

— Что?

— Вы только подумайте: когда простой уголовный преступник убивает человека, ему, вероятно, страшно тяжело. Я никогда никого не убивала, но уверена, что убивать ужасно тяжело и утомительно, даже одного человека. А ведь Сталин — сколько людей он убил! Его надо пожалеть...

— Ну, если вы с такими мыслями поедете в СССР, то “возможности” ваши будут весьма ограничены...» (*Алексинский Г. Ее доброй и светлой памяти. (Воспоминания о Н.А. Тэффи) // Грани. 1952. № 16. С. 137*). Ср.: «Однажды в книжный магазин на Литейном летом 1946 года зашел 12-летний мальчик. Он рылся в книгах, когда высокая женщина в черном обратилась к нему с вопросом: “Что Вас интересует?” — “Тэффи”, — ответил мальчик. “Бедный мальчик!” — сказала женщина. Она вскоре ушла. Одна продавщица, обращаясь к другой, сказала: “Ахматова!”» (*Вербловская И. Горькой любовью любимы: Петербург Анны Ахматовой. СПб., 2002. С. 219*).

Анализ эволюции эмигрантских настроений, начавшейся в сентябре 1946 года, был дан три года спустя:

«Факт ныне общеизвестный: едва миновал кризис военного времени, как режим начал систематически и упорно восстанавливать по всей линии свой ослабевший партийный характер; к рукам прибирали постепенно и в самой России, и здесь. Вспоминаю первое отрезвляющее впечатление, произведенное на прельстившуюся сталинизмом часть парижской эмиграции: дело Ахматовой–Зощенко, и, в частности, независимую статью, написанную по этому поводу покойным Н.А. Бердяевым, появившуюся в “Русских Новостях” (в то время коммунистическая реакция только начиналась, и просоветская пресса могла еще позволять себе подобные вольности). Составленный в консульстве косноязычный “ответ Бердяеву”, появившийся в “Советском патриоте”, не мог, конечно, никого убедить, но сравнительная мягкость первоначальной реакции официальных советских кругов еще оставляла некоторую лазейку, позволяя толковать громы и молнии Жданова как “случайный зигзаг”. Того же Бердяева московская печать начала поносить последними словами значительно позже.

Но в этом первом отшатывании от сталинизма, вызванном историей Ахматовой–Зощенко, в той позиции, которую тогда определил Бердяев, наличествовал внутренний порок. Верно то, что “коммунизм есть зло прежде всего духовное”. Но по своей природе, это зло терзает и плоть, и душу России. Бердяев же, со свойственным ему отталкиванием от всего органического и от всякого историзма, усмотрел в отсутствии духовной свободы как бы единственный “недостаток” сталинизма (и в его вышедшей теперь “Философской автобиографии”, где он признает свое “разочарование”, речь опять идет только об этом).

Отсюда — вывод, тогда же нашедший подражателей среди советофильствующей эмигрантской интеллигенции: “простые” люди из эмиграции пусть едут в СССР, а мыслителям лучше не ехать, за отсутствием там духовной свободы. Сочувствие страданиям живых людей, страдающих не только в области духа, но и плотью и душой, — это сочувствие, искони являющееся едва ли не самой ценной чертой русской культуры — делось неизвестно куда. В кругах “умеренно-просоветских” людей можно вздыхать о литературных преследованиях, но говорить о концлагерях — “неприлично” и “некультурно» (Оболенский С. Письмо в редакцию // Народная правда (Париж). 1949. № 6. С. 39).

Ср. также из первых откликов: «Пройдут годы, Бог даст, и нынешние вершители судеб нашей страны останутся в памяти как дурной сон, как кошмар приснившийся томительно долгой ночью, затянувшейся на несколько десятков лет. А имя Анны Ахматовой будет по-прежнему повторяться с любовью десятилетиями поколений. Ее стихи будут по-прежнему заучиваться наизусть, потому что в этих стихах вечная, как мир, радость и такая же вечная печаль...» (*Орда К.* Вместо венка // *Эхо* (Регенсбург). 1946. 21 сентября).

- 136 *Забезинский Г.* Ахматову рвут пополам // *РМ.* 1962. 29 марта. Григорий Борисович Забезинский (1879–1966) — доктор права, литератор (иногда под псевдонимом «Борский»), поэт (Жизнь и творчество Райнер Мариа Рильке / Стихотворные переводы «Часослова». Париж, 1947; Стихи. Нью-Йорк, 1953), до революции — москвич. Напомним, что по большей части Ахматова воспринималась эмиграцией как «своя». Ср., например, письмо Ю. Топоркова от 11 марта 1966 года: «Ну вот, — нет больше нашей Анны Ахматовой. Нашей — потому что была какая-то светлая точка в России, к которой тянулись от нас, эмигрантов, невидимые нити какой-то особой симпатии и уважения. Этой точки нет, и стало как-то невыразимо грустно. Сужу по себе...» (*Струве Г. Ю.А.* Топорков // *РМ.* 1970. 8 октября; Юрий Александрович Топорков — брат С.А. Топоркова, армейского сослуживца Гумилева). Известная заданность пиетета приводила в каких-то случаях к своего рода эмигрантскому «двоемыслию», напоминающему советское. Так, прозаик и критик Юрий Яковлевич Большухин (Кандиев; 1903–1984) написал рецензию на первый том американского собрания сочинений (*НРС.* 1965. 12 декабря), которую Ахматова успела прочитать (*С.* 696), — ее передала Л.К. Чуковская 25 февраля 1966 года: «Посылаю Вам статью о Вашем I томе, полученную мною сегодня из Переделкина. Ничего интересного, на мой взгляд, в ней нет (это Вам не Арсений Тарковский) — посылаю “просто так”, “для коллекции”» (*РА.* 2014. №2. С. 190; письмо Тарковского по поводу «Бега времени» см.: *ВА.* 1994. № 6. С. 337). В рецензии были произнесены все полагающиеся похвалы. Ср., например:

«...Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.

Эти строки помечены 1961 годом. Можно бы указать на них тем, кто из ведомственных канцелярий неразумно и кощунст-

венно болтает о необходимости связи искусства с жизнью, — да — не в коня корм...

<...> Три поэта запечатали память сердца — но и рассудка — эпоху всероссийской грозы и бури: Блок, Пастернак, Ахматова. Лирический охват у всех трех широчайший, они берут жизнь во всем ее многообразии, в ее буйной подлинности, от любовной до смертной дрожи. Никто из них не был поэтом гражданской темы, но все приняли в сердце долю одиночного человека и в ней — всеобщую долю».

Три месяца спустя, однако, он писал Ю.П. Иваску: «В нашем Вавилончике бушуют панихиды и чтения стихов новопреставленной рабы Божией Анны. Царство ей небесное, но ее поэзия никогда меня не пленяла, а "Реквием" убийственно скучен, что, конечно, нисколько не снижает гражданских и литературных заслуг новопреставленной» (*Богомоллов Н. Маргиналии к публикациям // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись. Иерусалим; Таллинн, 2004. С. 15*). См. о нем также: *Кторов А. Ю.Я. Большухин. К десятилетию со дня кончины // НРС. 1994. 29 апреля*). См. подробнее нашу справку: *Эткиндовские чтения. II-III. С. 227–228*.

- 137 *Странник [Иоанн, архиепископ Сан-Францисский]*. Переписка с Кленовским. Париж, 1981. С. 115. «Д. Кленовский» — псевдоним Дмитрия Иосифовича Крачковского (1893–1976), выпустившего в Петрограде в 1916 году сборник стихов «Палитра». Второй сборник, «Предгорье», был принят к печати издательством «Петрополис» (см. письмо Д.И. Крачковского Кузмину — РГАЛИ), но в свет не вышел. С 1921 по 1942 год жил в Харькове. В автобиографии он писал: «В 1942 г. <...> я воспользовался немецким происхождением моей жены, чтобы покинуть пределы Советского Союза, где я 25 лет задышался от чувства безграничного омерзения, а впоследствии приобрести немецкое подданство» (*Современник. Торонто. 1978. № 37–38. С. 194*). В эмиграции к моменту написания цитированного письма вышло три сборника его стихов (см. справку и комментарии: *Петербург в поэзии эмиграции. С. 668–676*). Какой-то из них попал к Ахматовой. Ср. разговор июня 1964 года: «А. А. говорит, что он не талантлив, но на самом деле "царскосел", "сын известного художника-анималиста"» (*In memoriam. С. 563*; неточность: академик живописи Иосиф Евстафьевич Крачковский — скорее пейзажист). Д. Крачковский присутствовал на вечере Ахматовой в Харькове 22 апреля 1924 года и запомнил

«записки с наглыми вопросами, дерзкие возгласы из пролеткультовских рядов. Часть публики пыталась поддержать поэтессу, шикали. На короткое время водворялся порядок. Ахматова читала волнуясь, спеша. И вообще-то она декламировала стихи невыразительно, а тут обстановка совсем ее доконала, чувствовалось, что она нервничает и пересиливает себя. Прервать чтение, уйти — было невозможно, это грозило не только большим материальным ущербом, но и крупными личными неприятностями. Исполнив объявленное в программе, Ахматова поторопилась исчезнуть и не вышла на долгие вызовы части зала...» (*Кленовский [Крачковский] Дм.* Казненные молчанием (О судьбе некоторых русских поэтов) // *Грани.* 1954. № 23. С. 107). Ахматова на этом вечере в «небольшом уютном зале Харьковской Публичной библиотеки» запомнилась другому мемуаристу как «хрупкая женщина, с челкой на лбу и бриллиантовым крестиком на груди» (*Домогацкий Б.* Анна Ахматова (К 35-летию творческой деятельности) // *Эхо (Регенсбург).* 1947. 26 июня), а сама она в разговоре с критиком Г. Гельфанд-Бейном в Ташкенте сказала: «...это был трудный вечер, где отвратительно читали мои стихи» (*Шоломова С.* Единственный вечер в Харькове // *Красное знамя.* Харьков. 1989. 6 июля).

Из откликов в эмиграции на «лягушку» отметим еще один:

«Во время литературной оттепели 1960–2 гг. историки и любители русской литературы получили несколько подарков: к ним принадлежат такие издания, как полное собрание стихотворений Иннокентия Анненского, избранные стихотворения Фофанова, первое полное издание стихотворений Ивана Аксакова, довольно небрежное издание небольшого числа избранных стихотворений Анны Ахматовой и т.п.» (*Чижевский Д.* «Стихотворения и поэмы» К.К. Случевского // *НЖ.* 1963. № 74. С. 170).

- 138 Russia: A Longing for Truth // *Time.* April 13. 1962.
- 139 *Белинков А.* Победа Ахматовой // *Новый колокол.* Литературно-публицистический сборник. Лондон, 1972. С. 428.
- 140 *Sandomirsky, Vera.* A Note on the Poetry of Anna Akhmatova // *Poetry.* 1950. Vol. 76. № 2. P. 115.
- 141 *Сосинский В.* Рассказы и публицистика. М., 2002. С. 360. М.Е. Салтыков-Щедрин приписывал поэзии К. Павловой, «мотыльково-чижиковой поэзии» и «гили архивной», следующий лозунг: «Не станем обращать внимания на историю, в которой, того гляди, нас невзначай раздавят, а лучше уберемься-ка

мы восвои от всех этих обидчиков...» (анализ позиции его по этому поводу см. во вступительной статье П.П. Громова в кн.: Павлова К. Полное собрание стихотворений. М.; Л., 1964. С. 68–69; см. о Каролине Павловой и Ахматовой нашу справку *Лесная школа*. С. 149–151).

142 ЛЧ2. С. 486.

143 См. в его отчете о научной командировке: «Эти беседы касались: генезиса акмеизма, отношения Мандельштама к Вячеславу Иванову и к символизму, античности у Мандельштама, критической литературы об акмеизме, отношения А. Ахматовой к поэзии П. Валери и Т.С. Элиота, отношения Мандельштама к парнасизму» (*Biuletyn polonistyczny*. 1961. Z.12. S.25). См. запись о его первом появлении у Ахматовой в Ленинграде: «Он хорошо говорит по-русски, но иногда неверно делает ударения (“писал стихи” с ударением на первом слоге). Рассказывал о том, как ему какая-то аферистка подсовывала золотые кольца, и очень насмешил нас» (*Глекин Г. С.* 215).

144 «О попытке самоубийства его, о которой сообщает Георгий Иванов, даже Надя не слыхивала, как и о дочке Липочке, которую она якобы родила» («Листки из дневника»). О небывалой дочке Г. Иванов сообщил в печати в 1955 году (*Иванов Г. Собр. соч.* М., 1994. Т. 3. С. 625, 633). Ср.: «В 1923 году у него родилась дочка Липочка, Олимпиада, и он оказался не только верным мужем, но и нежным заботливым отцом. Это о ней, о дочке Липочке и о своей жизни он пишет:

В окне звезда, в углу лампада
И колыбели тихий свет,
Поутру стол и табурет —
Так, значит, суждено и нет
Другого счастья — и не надо...

Это для Липочки он сочиняет детские стихи вроде: Плачет телефон в квартире...» (*Одоевцева И.* Осип Мандельштам // *Современник* (Торонто). 1964. № 9. С. 27–28. «В окне звезда...» — из стихотворения С.А. Клычкова, ошибочно напечатанного под именем Мандельштама в 1923 году и перепечатанного в собрании сочинений Мандельштама под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова).

145 В книге Л. Страховского Ахматова точно обнаружила сомнительное место — воспоминания автора о студийных занятиях у Гумилева с поездками к цыганам в Новую Деревню и вылазкой на саях в Царское Село. Позднее Страховский (которого

- Ахматова ошибочно именовала Шацким, неверно поняв латинскую передачу его поэтического псевдонима «Л. Чацкий»), сообщал, что его единственная встреча с Гумилевым («краткое знакомство», сводившееся к одной прогулке сквозь Летний сад) состоялась в мае 1918 года, когда никаких поэтических студий еще не было (См.: *Тименчик Р.* К вопросу об источниках для жизнеописаний Гумилева и Ахматовой // *Ахматовский сборник.* I. С. 252). Ср.: «Страховский — просто самозванец» (С. 318). О Леониде Ивановиче Страховском (1898–1963) см: *Г.С. [Струве Г.П.] Л.И. Страховский // РМ.* 1963. 14 мая; *Струве Г.* К истории русской зарубежной литературы. Мелочи из копилки моей памяти. Л.И. Страховский — Л. Чацкий // *НРС.* 1972. 25 июня; *Петербург в поэзии русской эмиграции.* С. 741–741. Ср. замечание рецензентки о переводах в книге Страховского: «Тонкий лирик Ахматова невольно получила у него смехотворное истолкование» (Deutsh В. Three Russian Poets // *The New York Times Book Review.* 1949. August 28).
- 146 Ср. в дополнениях к «Листкам из дневника»: «Брюсов <...> в разговоре с М<андельштамом> чрезвычайно расхваливал какие-то строки, делая вид, что они принадлежат Осипу. Строки эти принадлежали перу поэта Маккавейского». Об этом эпизоде см.: *Мандельштам Н.* Вторая книга. М., 1990. С. 73; *Победа.* Т. 1. С. 122. Владимир Николаевич Маккавейский (1893–1919), которого Мандельштам назвал «последним киевским снобом» и в котором находили то «лик *назывателя*, мастера определения» (*Шенгели Г.* Рец. на кн.: Маккавейский В. *Стилос Александрии // Одесский листок.* 1919. 21 ноября (4 декабря), то «эрудицию и версификацию», «стихотворную bijouterie» (*Винавер Е.* Рец. на кн.: Маккавейский В. *Стилос Александрии // Родная земля (Киев).* 1919. № 2. С. 19), как-то отнесся насчет «Анны Ахматовой, великой отравительницы: “попроще!”» (*М<аккавейский> В.* Рец. на кн.: *Архангельский А.* Черные облака. Чернигов. 1919; *Давыдов З.* Ветер. Чернигов. 1919 // *Неделя (Киев).* 1919. № 1. С. 11).
- 147 *Brown С.* Every Slightest Pebble // *London Review of Books.* 1995. May 25. Ср. фразу Ахматовой: «Ну как же, шесть часов ему вправляла мозги» (*Франк В.* Встречи с А.А. Ахматовой // *Франк В.* Избранные статьи. London, 1974. С. 36). Рассказ о визите Кларенса Брауна и обрушившейся печке: *Глекин Г.* С. 214. Ср. также рассказ Ахматовой год спустя: «У нее постоянно гости, невозмутимо заметила она. И все ее легко находят. Недавно был один иностранец, — так ему план расположения в

Нью-Йорке нарисовали! Он что-то перепутал, мимо калитки прошел. Но, заметив его из окна, Ахматова сказала вслух: “Этот все равно ко мне!” И он вернулся...” (Жирмунская Т. «Ум ищет божества»: Библия и русская поэзия XVIII-XX веков. М., 2006. С. 281–282). Кларенс Браун был знаком с Артуром Лурье и, может быть, слышал от него о плане приглашения Ахматовой в Европу. 4 июня того же 1962 года К. Чуковский, поехавший в Оксфорд за докторской степенью, встретился в Лондоне с С. Андрониковой, которая заговорила о подобном плане. Ответ К. Чуковского был очевиден. 20 июня Лурье писал С. Андрониковой: «Быть может, Корней Чуковский и прав. И сейчас еще рано звать ее» (Кралин М.М. Артур и Анна. С. 111).

Прощаясь с Кларенсом Брауном, она попросила передать Артуру ее настоятельную просьбу («Скажите, что я велела») записать свои мемуары: «Скажите ему, что то, что отдал, — то твое».

- 148 Липкин С. С. 502. Джон Голсуорси (Galsworthy; 1867–1933) — лауреат премии 1932 года. См. ахматовскую формулу «Смрадные Форсайты» (Ардов М. Возвращение на Ордынку. С. 25).
- 149 Э. Местертон сказал в 1990 году: «В разговоре с историком литературы, который проживал в том же поселке, что Ахматова, я сказал, ничего не имея в виду: “Было бы хорошо, если бы Ахматова получила нобелевскую премию?” Ответ был: “Это было бы очень хорошо”. Из этого маленького перышка выросла большая курица. Что касается моей роли в нобелевском предпрятии, то выщечитированные слова — это единственная реальность. Все остальное — фантазии» (Timenchik R. A Literary Intrigue and Intriguemakers: Erik Mesterton, Anna Akhmatova and Nobel Prize // *Ord & Bild*. 1990. № 4. P. 44; текст на шведском языке). Ср. изложение ахматовской нобелианы (с некоторыми неточностями): Блох А.М. Советский Союз в интерьере Нобелевских премий. Факты. Документы. Размышления. Комментарии. СПб., 2001. С. 466–476. См. также: *Espmark, Kjell*. The Nobel Prize in Literature. A Study of the Criteria behind the Choises. Boston, MA. 1991. P. 125, 129, 161. Э. Местертон рассказывал своему ученику М. Юнгрену, что ему довелось в 1950-х писать отзыв об Ахматовой для Шведской Академии, и он, полагая тогда, что одна она рассчитывать на получение премии не может, предложил разделить премию с М. Шолоховым. Ср. также письмо Глеба Струве к Борису Филиппову от 22 октября 1962 года: «Об Ахматовой: Она очень надеется и очень *хочет*

получить в этом году нобелевскую премию. Меня запросили, как я расцениваю ее шансы, а я, хотя и читал в НРС о том, что ее кандидатура кем-то (вероятно, итальянскими и французскими писателями) выставлена, понятия не имею, насколько серьезны ее шансы. Никакой частной информации на этот счет у меня нет. И она, и ее литературные друзья будут рассматривать присуждение ей премии, как окончательное дискредитирование Жданова и как удар по Кочетову и С°. Правительство нового “дела Пастернака” не желает и в случае присуждения премии Ахматовой будет либо этот факт игнорировать, либо же обратит его в “советский” триумф (в первый раз премия присуждена советскому писателю!). Вся эта моя информация — с места и, так сказать, из первых рук».

150 Ср.:

С полуотравой мадригала
 В незаполнимые часы
 Моя рука соединяла
 Сарона чистые красы;
 И эту музыку когда-то,
 Разгадку скрытницы-земли,
 Четыре ветра обрели
 В сухих полях Иосафата.

(1916)

См. об этом стихотворении: *Шилейко В.* Пометки на полях. Стихи / Публ. И.В. Платоновой-Лозинской. Предисл. А.Г. Меца, И.Г. Кравцовой. Подгот. текста и примеч. А.Г. Меца. СПб., 1999. С. 149–150.

151 Ср. запись в дневнике В.А. Сутугиной о дне рождения Ахматовой за несколько дней до написания этого стихотворения: «У А. А. было, как всегда, много народа — преимущественно молодежи — поэтов. А. А. выглядит, как всегда после Москвы, очень хорошо. Рассказывала, что 600 млн китайцев требуют запретить печатать Ахматову!! (Это из “Голоса Америки”, кот<орый>, как и “Би-би-си” будто теперь не глушат)» (ИРАИ). Ср.: « — Сейчас во владениях Мао Цзедуна меня проклинают, словно я нанесла Китаю личное оскорбление. В чем дело?» (ВАА. С. 606); запись 15 января 1964 г.: «А китайцы пишут о ней похабные фельетоны, уверяя, что именно она (а также Чухрай, Сурков и кто-то еще) готовит третью мировую войну (“А я самое большое, что могу убить, — это моль. Муху уже не могу”))» (Глекин Г. С. 287).

- 152 О Ли Хун Чанге см. нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 5. С. 174–175.
- 153 О судьбе своей поэзии в Италии Ахматова позднее читала в статье Пьетро Антонио Цветеремича (1922–1992) «Анна Ахматова: о ней много говорили во времена Жданова...» (*Zveteremich P. Anna. Achmatova: ne parlarono tanto ai tempi di Zdanov... // Paese sera*. 1964. 31 gennaio), которую она сочла «очень значительной» (С. 699). В этой статье констатировалось, что книга ее стихов в переводах Бруно Карневали (1924–1990), вышедшая тоже в пармском издательстве в 1963 году, не вызвала должного отклика среди итальянских критиков, в том числе тех, кто прославлял ее как персонификацию оскорбленного искусства в эпоху ждановской брани.

Поэт Бруно Карневали направил Ахматовой письмо в 1962 году. В частности, он писал: «Ваш народ самый добрый, может быть, в мире», «не понимаю “Дворец Фонтанный”, “мангалочий дворик”, «Кто это “таинственный художник”?» «Не понимаю “подкапризовый”». «Поздравляю с новым чудесным успехом советской науки!» (№ 1712; последняя фраза относится к полету А. Николаева и П. Поповича).

Первые итальянские переводы Ахматовой, сделанные Этторе Ло Гатто (1890–1983) и Раисой Нальди-Олкеницкой (1886–1978), появились в начале 1920-х, и Ахматова по-видимому, не сразу узнала о них, ибо 12 июля 1925 года в анкете Всероссийского союза писателей на вопрос о переводах ответила: «Да, на библейский (Иерусалим), на англ<ийский>, фр<анцузский> и нем<ецкий>». Между тем, весть о переводах Э. Ло Гатто в неаполитанском журнале «Russia» (1924. № 3) проникла в русскую эмигрантскую печать (СЗ. 1924. № 19. С. 446–447). Э. Ло Гатто навестил ее 17 апреля 1929 года в Фонтанном доме и рассказал о том, что студент из Флоренции (впоследствии — известный писатель) Томмазо Ландольфи (1908–1969) готовит дипломную работу о ней. Об этом эпизоде, по-видимому, Ахматова говорила Исае Берлину: «...была особенно довольна <...> тем, что в Болонском университете защищена диссертация о ее творчестве. <...> автор переписывал[ся] с ней» ([*Некрич А.*] Заметки Исая Берлина о посещении Ленинграда 12–20 ноября 1945 года // *Обозрение. Аналитический журнал «Русской мысли»* (Париж). 1983. № 4. С. 39). Э. Ло Гатто написал книгу «URSS 1931», в которой «откровенно высказался о психологической невозможности для мыслящего человека западной

культуры столкнуться с русскими большевиками, ибо с одной стороны — культура вековых преемственных накоплений, до-рожающая каждым их слоем, как свою органическую часть. С другой — лже-культурное вандализм разрушителей своей национально накопленной культуры во имя мегаломанического бреда, в котором перевернутый Маркс перепутан с безумным Нероном. Ведь, подобно последнему, большевики тоже «искатели невероятностей», *incredibilium petitores*» (*Амфитеатров А.* Трижды в СССР // *Сегодня.* 1932. 27 июля). 1 декабря 1960 года Э. Ло Гатто встретился с Ахматовой в Москве. В 1962 года вышла книга: *Anna Achmatova. Poesia a cura di Raissa Naldi. Presentazione di Ettore Lo Gatto.* Milano. Nuova Accademia. Ср.: «Она сердилась — зачем дана канва жизни — “стыдно как, впервые такое читаю и все глупости, неверно»» (*Лопырева Е.* У Ахматовой. Из записей 31 августа 1962 года // *Всемирное слово.* 1994. № 7. С. 25).

«Ахматова в Италии» — обширная тема, уже открытая итальянскими славистами (*Риччо К.* Ахматова и Италия: библиографические заметки // *Эйхенбаумовские чтения: Тезисы докладов международной научной конференции.* Воронеж, 1998. С. 55–56; доклад покойной Ольги Обуховой, прочитанный в Музее Ахматовой, ждет своей публикации) и нуждающаяся в дальнейшей библиографической и комментаторской разработке. О Карло Риччо (1932–2011) см. некролог В.А. Черных: *Крымский Ахматовский.* 9. С. 308–312.

154 *Poesia russa del Novecento, a cura di A.M. Ripellino.* Parma, 1954. P. 31, 35–36. Анджело Мария Рипеллино (1923–1978) — итальянский поэт, переводчик, литературовед-славист.

155 Ср.: «Самое слово “акмеизм”, хотя и производилось <...> будто бы от греческого “акмэ”— “острие”, “вершина”, — но было подставлено, подсознательно продиктовано, пожалуй, именно этим псевдонимом-фамилией. «Ахматов» — не латинский ли здесь суффикс, “ат”, “атум”, “атус”... “Ахматус”, — это латинское слово, по законам французского языка, превратилось бы именно во французское “Акмэ”, — как “аматус” в “эме”, во французское имя “aimé”, а *armatus*— в “armé”» (*Пяст В.* Встречи. М., 1929. С. 156; *Пяст Вл.* С. 110–111).

156 Дувакин В. С. 278.

157 *Друскин Л.* Спасенная книга. СПб., 1993. С. 142.

158 *Саакянц А.* «Спасибо Вам!» (Воспоминания. Письма. Эссе). М., 1998. С. 294.

- 159 *Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее. М., 1991. С. 392.
- 160 *Dunham, Vera S.* Poems about Poems: Notes on Recent Soviet Poetry // *Slavic Review*. 1965. Vol. XXIV. №. 1. P. 62. Вера Сандомирская-Данем (1913–2001), американская славистка, перевела стихи Ахматовой. Об Ахматовой и Белле (Изабелле) Ахатовне Ахмадулиной (1937–2010) см. нашу пространную справку: *Крымский Ахматовский*. 9. С. 109–129.
- 161 В 1930 году это имя стало поводом для стихотворного упражнения (типа «жоры» 1910-х) пианистки Надежды Иосифовны Голубовской (1891–1975):
- Королева шахмат о вас тоскует,
Ах, матовая ваших рук белизна!
Ее не отдам за сто драхм, а то в аду я
Прокляну день и час, когда вас узнал
- (№ 570; *Богомолов Н.* «Таким я вижу облик ваш и взгляд» // *ЛО*. 1989. № 5. С. 37). Об этимологизации имен «Ахматова/Горенко» см.: *Мароши В.В.* Имя автора: историко-типологические аспекты экспрессивности. Новосибирск, 2000. С. 196–214.
- 162 «Там говорится, между прочим, будто к тридцати двум годам она разочаровалась в своей интимной лирике и перестала писать» (*ЛЧ2*. С. 454). Ср.: «Стало очень легко со мною расправиться, что не без грации делает напр. в своей антологии Ripolino. Не зная, что я пишу, не понимая, в каком положении я очутилась, он просто кричит, что я исписалась, всем надоела, сама поняла это в 1922 и так далее» (*Найман А.* С. 40).
- 163 *Шкловский В.* О Маяковском. 1940. М., 1940. С. 93.
- 164 *Недоброво Н.* Анна Ахматова // *Русская мысль*. 1915. №7. С. 68 (паг. 2-я). Ср. в статье Василия Гиппиуса 1918 года: «Некоторые критики, еще при появлении “Вечера” сочли нужным обвинить Ахматову в том, что поэзия ее “миниатюрна” в дурном смысле, то есть по содержанию и по чувствам, что автор не умеет выйти из тесноты собственного “я”. Критика этого рода нас не обманет: мы знаем из практики, что подобные “знатоки” предпочитают румяна и картонные мечи с ламентациями о страданиях человечества подлинному искусству и искренним словам о себе. Но и помимо того, обвинение критиков оказалось несостоятельным в корне, это подтвердили “Четки”, а особенно “Белая стая”. В миниатюрах Ахматовой отразилась не только ее душа, но и души ее современников, и быт, и природа (особенно четок и, уверен, пейзаж в стихах “Белой стаи”») (*Десятые годы*. С. 218–219).

165 Ср. также:

В чем же тайна Ахматовой?
 В том, что в любовных признаньях,
 В книгах «Вечер» и «Четки»
 в стихах,
 наиболее ранних,
 В строчках
 самых бессмертных,
 почти что
 из синей тетрадки,
 Мысль какая-то
 более общая
 скрыта
 о миропорядке,
 Рукомойника зазеленевшая медь,
 как Эллада, —
 Результат
 совмещенного взгляда
 Изнутри
 и откуда-то со стороны...

(Межиров А. Поземка: Стихотворения и поэмы. М., 1997. С. 154).

- 166 О возможных блоковских отсылках этого стиха см.: *Тименчик Р.* Текст в тексте у акмеистов // Труды по знаковым системам. Тарту, 1981. XIV. С. 68–69; ср. также: *Левинтон Г.* Заметки о Хлебникове // Русский авангард в кругу европейской культуры. М., 1993. С. 137.
- 167 *Гудзий Н.К.* Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. № 2. С. 549; о взаимоотношениях Н.К. Гудзия и Ахматовой см. подробнее нашу справку: *Эткиндовские чтения. II–III.* С. 231–232); ср. ту же тютчевскую строфу, «развитие» которой — «почти вся поэзия Ахматовой» (*Фельзен Ю.* Разрозненные мысли // *Круг.* [Сб.] 2. Париж, 1936. С. 130).
- 168 De visu. 1994. № 1/2 (14). С. 59 (с опечаткой).
- 169 *Будыко М.* С. 375, 363, 376. Итальянка — Грация Деледда (1871–1936), лауреат 1926 года. Кармен Сильва премии не получала.
- 170 *Твардовский А.* Рабочие тетради 60-х годов // *Зн.* 2000. № 7. С. 128.
- 171 *Бражнин И.* Обаяние таланта. С. 241.
- 172 По справке Йона Кюста, речь шла о писательнице Карен Бликсен (1885–1962), писавшей на двух языках — датском и англий-

ском, в том числе под именем «Исаак Динесен». Она умерла за неделю до этого разговора. Номинировалась она на премию дважды, уступив Альберу Камю и Хемингуэю. В следующем 1963 году премию получил греческий поэт Георгос Сеферис (1900–1971), которому раньше влетело от бывшего акмеиста: «Однако, читатель тщетно стал бы искать в этих стихах отклика на ту героическую борьбу, которую ведут сейчас греческие патриоты. <...> Георгий Сеферис пространно рассказывает о приятном отдыхе в доме на берегу моря» (Зенкевич М. В мире призраков // ЛГ. 1948.9 июня). Он в заключение своей нобелевской речи обратился к тому же образу, который когда-то вдохновлял автора «Тихих песен» Иннокентия Анненского — «Ник. Т-о»: «Благодарю также и за то, что ваша “шведская щедрость” позволила мне почувствовать, что я — как ответил Одиссей циклопу Полифему — никто, что я — лишь частичка таинственного потока, имя которому Греция» (Нобелевская премия по литературе. Лауреаты 1901–2001 / Авт.-сост. Е. Белодубровский. СПб., 2003. С. 164). Ср. в письме Е.М. Клебановой к Л.Д. Большинцовой от 25 октября 1963 года: «Я была ужасно разочарована тем, что нобелевскую премию по литературе получил какой-то чертов грек, а никто из Ваших» (архив Д.Л. Файнберга).

- 173 Библиотека Бейнеке Иельского университета, Нью-Хейвен; со-общено А.А. Долининым; Карл Веннберг (1910–1995) — шведский поэт, считавшийся главной фигурой шведского модернизма и учеником Т.С. Элиота.
- 174 *Salisbury, Harrison E. A new Russia. New York, 1962. P. 34.* В эти месяцы Питер Вирек диагностировал словами Юрия Олеши «заговор чувств» среди советских писателей (см.: *Слоним М. Что происходит в советской литературе // РМ. 1962. 17 мая.*)
- 175 *Будыко М. С. 364.*
- 176 Ср. запись Л.Д. Большинцовой: «Утром в Комарове пришел Козинцев уговаривать ее написать текст для “Тамлета” и прочесть его сценарий. Она не собиралась исправлять Пастернака и никогда бы не согласилась, но была польщена и возбуждена... Беседовали в садике... <...> “Уговорите ее согласиться”, — попросил он и, просясь, добавил: “Поразительно — до чего хороша она, и откуда это очарование пред тобой: глядишь на старую женщину и не замечаешь, что у нее два зуба (А. А. в то время еще не обзавелась протезом). И все это время чувствуешь ее обаяние”. <...> Со многим она была не согласна. С чем именно,

- к сожалению, не помню. Помню, что она говорила: “И почему соломенные крыши? Надо не забыть ему сказать, когда он придет. А он придет. Непременно. Он надеется, что уговорит меня перевести часть заново. Помилуйте, разве я согласилась бы переделывать Бориса? Да ни за что на свете. Ни за какие деньги. На что это похоже?” Козинцев приходил несколько раз, пока сам не убедился, что Ахматову не переубедишь» (Поза Модильяни, лицо Тышлера. Непубликовавшиеся воспоминания Любови Большинцовой об Анне Ахматовой // *Известия*. 2002. 22 июня). Ср.: «А.А. Ахматова вступила, и довольно яростно, со мной в спор (она была убеждена, что автором не был артист из Стратфорда)» (*Козинцев Г. Время и совесть: Из рабочих трагедий*. М., 1981. С. 238). Кинорежиссер Григорий Михайлович Козинцев (1905–1973) ранее как театральный режиссер ставил «Гамлета» в Ленинграде, в связи с чем Б.Л. Пастернак 14 марта 1954 года писал ему: «Перед своим отъездом из Москвы Ахматова вызвалась передать Вам привет от меня в Ленинград. Я рассказывал ей о разных своих настроениях и обстоятельствах, среди которых Ваш “Гамлет” <...> рассказывал я ей и о поспешности перевода 74-го сонета. Ей показалось, что его мог бы читать Горацио» (*Пастернак Б. Т.* 10. С. 21).
- 177 Ср. записку Р.А. Рубинштейна от 19 июля 1962 года: «О телевидении: если Ахматова не приходит к нему, то оно придет к ней» (*Из семейной переписки*. С. 152). 1 сентября Ахматова принимала у себя работницу телевидения Ирину Муравьеву (*Зв.* 1989. № 6. С. 177).
- 178 Стенограмма обсуждения «Краткой литературной энциклопедии». 21 сентября 1962 г. РГАЛИ. Ф. 3105. Оп. 1. Ед.хр. 6. Л. 99; выступление литературоведа Александр Ивановича Овчаренко (1922–1988), «отъявленного демагога и лжеца» (*Турков А. С.* 142), «Волчаренко» (филологический фольклор), о котором см., напр.: *Огрызко В.* Обыкновенный приспособленец // *ЛР*. 2011. 2 июля.
- 179 «Выпрямлением» называли одну из диверсий энциклопедистов (В. Жданова, А. Белкина, А. Лебедева): «В пространной заметке о второстепенном поэте-декаденте М. Волошине всерьез говорится о “раздумьях его над ходом истории и трагическими судьбами человека”, о “философско-исторической направленности” его лирики и т.д. Это стремление “выпрямлять” отдельных писателей недавнего прошлого, связанных с декадансом, замалчивать ошибки некоторых современных советских лите-

раторов сказывается и в других материалах Энциклопедии». В статье «Литературы и жизни» (о которой ниже) говорилось: «А. Синявский в статье “М. Волошин”, по существу, идет «на компромисс» с буржуазным декадансом. <...> А. Синявский не забыл порекомендовать статью М. Цветаевой о М. Волошине, изданную в... Нью-Йорке» (многоточие редакции!).

- 180 Ахматова заметила в этюде «К истории акмеизма»: «Волков в весьма смягченном виде в каком-то там IV-ом изд<ании> продолжает витийствовать о связи акмеистов с крупной буржуазией, забывая, что “культ личности” довольно давно сдан на слом» (ЛО. 1989. № 5. С. 7). Речь, возможно, идет о книге А. Волкова «Очерки русской литературы конца XIX и начала XX века» (издание второе, исправленное и дополненное; М., 1955), где «в смягченном виде» повторялись положения его книги «Поэзия русского империализма» (1935). Глава «Поэзия декаданса (символизм, акмеизм, футуризм)» завершалась радостным аккордом: «Упадочнические, декадентские течения, получившие столь широкое распространение накануне Октября, не нашли себе места в новой, социалистической культуре. В докладе о журналах “Звезда” и “Ленинград” А.А. Жданов отмечал: “Все эти символисты, акмеисты, ‘желтые кофты’, ‘бубновые валеты’, ‘ничегоки’, — что от них осталось в нашей родной русской, советской литературе? Ровным счетом ничего...”». Имея в виду прежде всего это сочинение, бывший юный читатель 1950-х вспоминал: «...как радостно было выдергивать жемчуг его певучих строф (вроде

Ли́ла, ли́ла, ли́ла, качала
 Два тельно-але́е стекла.
 Беле́й ли́лей, а́лее а́ла
 Бе́ла была ты и а́ла)

из кучи тусклой брани, которой наспех осыпала Сологуба очередная бездарь в липких учебниках сорокалетней давности» (Тименчик Р. Федор Сологуб // Родник. 1987. № 11. С. 20; у Волкова еще жгучие «тельно-алые» были заменены на дурацкое «два только алые стекла»).

- 181 В редакционной статье газеты «Лижи», опубликованной несколько дней спустя после отправки этого документа и очень близко его перелагающей, руки к небу воздевались еще выше: «Слыханное ли дело, чтобы энциклопедия, поместив статью о серьезном ученом, докторе наук, профессоре, авторе многочисленных литературоведческих трудов, утверждали, что работы

его “носят по преимуществу компилятивный характер”? <...> Нанеся ученому прямое оскорбление, “КЛЭ” тенденциозно отобрала и библиографию о работах этого ученого, исключив из нее многочисленные положительные статьи и рецензии. Случай с А. Волковым — беспрецедентный» (Серьезные недостатки. К выходу в свет первого тома «Краткой литературной энциклопедии» // Литература и жизнь. 1962. 29 июля).

- 182 Волков С. С. 241. Ср.: «Но он не выражал никакого желания со мной встретиться» (Толмачев М. Бутылка в море. М., 2002. С. 34). Ахматова писала И.Н. Пуниной 8 октября 1962 года: «Видела в телевизоре Стравинского, слушала “Весну священную” и “Петрушку”» (Из семейной переписки. С. 152). Его жена Вера в письме от 10 декабря 1962 года к московскому кузену из Америки просила передать, если будет случай увидеться, привет Ахматовой (*Stravinsky I. and Craft R. Themes and Episodes. New York, 1966. P. 75*) — возможно, к этому эпизоду относится запись мемуариста от 16 августа 1963 года: «Когда приезжал Стравинский, мадам написала мне. Она забыла, что мы не были знакомы» (Готхардт Н. С. 281; письмо в архиве Ахматовой не обнаружено). Вера Артуровна до Стравинского была женой Сергея Судейкина, и в 1918 году записала в дневнике: «Потом приходит Сережа, и так как у нас разговор об Анне Ахматовой, то я прошу его рассказать о ней подробно. Он рассказывает о любовных неудачах ее (Князев, граф Зубов, Блок, Лурье)» (Судейкина В. Дневник: 1917–1919 (Петроград — Крым — Тифлис) / Подгот. текста, вступит. ст., коммент. И.А. Меньшовой. М., 2006. С. 203; см. также: М<еньшова> И. «Подпись не надо» или «Присутствие отсутствующих» (Experiment / Эксперимент. Vol. 13. Los Angeles, 2007. P. 266–267).

Ко времени московского вояжа композитора относится неоправданное письмо Н.Я. Мандельштам к Вере Стравинской: «Уважаемая Вера Артуровна! Мне помнится, что стихотворение моего покойного мужа — Осипа Эмильевича Мандельштама — “Золотистого меда струя” (сборник “Tristia”) — обращено к вам. Знали ли вы об этом? Не можете ли вы вспомнить, не жили ли вы в Профессорском Уголке под Алуштой в 1916 году на даче каких-то родичей Александра Александровича Смирнова (кельтолога). Если да, то это вы — та женщина, которая “через плечо поглядела” и молвила, что она не скучает в Крыму. Я хотела бы уточнить это для комментария к изданию О.М. Буду признательна, если вы ответите мне. Надежда

Мандельштам». Ср. недописанную записку: «Уважаемая Вера Артуровна! У меня к вам большая просьба. Мне нужно уточнить, к кому обращены стихи — “Золотого <sic!> меда струя”, в которых говорится о женщине “и через плечо поглядела”. Анна Андреевна [записка обрывается]» (Кузнецов А.М. Письма Н.Я. Мандельштам к М.В. Юдиной и В.А. Стравинской // Невельский сборник. Статьи и воспоминания. Вып. 2. СПб., 1997. С. 50, 54; описка — стих. «Золотистого меда струя из бутылки текла» написано в 1917 году). Ср. запись Роберта Крафта в книге «Retrospectives and Conclusions» о том, что рассказывала В.А. Стравинская Евгению Евтушенко в 1966 году: «Мандельштам всегда чем-то горел. И он всегда был голоден. Правда, тогда все были голодны, так что лучше сказать — он был голоднее, чем все другие. У него было очень мало одежды, и то, что выглядело более или менее прилично, он берег, в том числе одну рубашку, про которую он говорил — “на экстренный случай”, а также туфли с почти продырявленными подметками. Однажды он пришел к нам в дождевике, под которым действительно ничего не было; он ходил взад и вперед возле буфета — не для того, чтобы согреться, а затем, чтобы принюхаться, нет ли там чего съестного. Как-то раз мы поехали поездом в Симферополь. В вагоне была давка — солдаты, беженцы, ребятишки спали на полу, и их прикрывали ведрами и корзинами, чтобы кто-нибудь не наступил. Я сидела между Мандельштамом и Судейкиным, который нарядил меня татаркой, чтобы ко мне не так приставали солдаты...» (М.К. У Стравинского // РМ. 1970. 1 января).

Ср.: «У Стравинского ей нравилось не только его творчество, она ценила и его блестящий ум. Однажды Алексей Федорович [Козловский] рассказал о том, что Скрябин на вопрос, как ему понравилась музыка “Петрушки”, ответил, что это совершенное выражение хамства. А. А. невероятно возмутилась» (В.А. С. 393).

183 См.: [Б. и.]. Леонарда Бернстина просили не говорить о Стравинском в СССР // НРС. 1959. 2 сентября.

184 «Я хорошо знал Городецкого в 1906–7 гг., когда сочинял музыку к его песням. Мы не “сотрудничали” в них, однако, услышав их на концерте в Петербурге, он поведал мне, что “музыка весьма приятна, но в действительности она неточно интерпретирует мой текст, поскольку я описываю одновременный перезвон больших, медленных колоколов, а ваша музыка — это что-то

- вроде бубенчиков”. Он был высоким, белокурым, крючконосым, и впоследствии был добрым другом моей жены Веры в Тифлисе во время революции». Ср.: «Он принадлежал к плеяде тех авторов, которым суждено было своим талантом и свежестью дарования обновить нашу несколько застоявшуюся поэзию» (*Стравинский И.* Хроника моей жизни / Пер. с франц. Л.В. Яковлевой-Шапориной. Л., 1963. С. 62). Ср. воспроизведенное с ошибкой у Л. Чуковской: «...заговорила о Стра[вин]ском: “Подумайте, Россию он забыл начисто, запомнился ему только один Городецкий”» (*ЛЧЗ.* С. 41).
- 185 *Stravinsky.* Selected correspondence. Vol. II / Ed. and with commentaries by Robert Craft. New York, 1984. P. 373. По поводу же визита в СССР Н. Набоков сообщал И. Берлину из Парижа 22 октября 1962 года слова Стравинского: «Ну ты знаешь, как говорили, что в России ничего нет... ерунда!... Вот столько икры, с утра до вечера...» etc. And in the same breath: «...в магазинах все такая рвань, просто гавно...» etc. ... «Ах, Ленинград, Ника! (как будто я никогда там не был)... это il faut le crier sous les toits, такая роскошь!... И вы знаете, большевики все царское бережно и полностью восстановили... туда нужно ездить, ездить, как в Венецию etc. Хрущев это удивительно умный мужик... Так замечательно рассказывал об ирригации Туркестана, я бы всю ночь слушал!...».
- 186 *Viereck P.* Dream and Responsibility: Four Test Cases of the Tension Between Poetry and Society. The University Press of Washington, D.C.: 1953. P. 43.
- 187 «Вот она в первый раз <...> читает в редакции “Аполлона” свои стихи, и от волнения слегка дрожит кончик ее лакированной туфельки, а Вячеслав Иванов ее за что-то отечески журит. Вот я везу ее “Вечер” вместе со своей “Дикой порфирой” на склад к Вольфу, и на собрании Цеха поэтов мы сидим с ней в нелепых лавровых венках, сплетенных Городецким...» (*Зенкевич М.* Сказочная эра. М., 1994. С. 420–421).
- 188 Ср.: «Ахматова в недавнее свое пребывание в Париже отозвалась о нем пренебрежительно и враждебно. По двум-трем ее фразам мне почудилось, что вражда вызвана поведением Городецкого в годы “культы личности”. Но это — страницы из темной советской летописи, их не мало, и только наши сыновья или внуки получат возможность беспристрастно в них разобраться» (*Адамович Г.* Скончался Сергей Городецкий // *РМ.* 1972. 14 сентября). Одна из страниц этой летописи упомянута

в «Листках из дневника»: «А в это время бывший синдик Цеха поэтов, бывший Сергей Городецкий, выступая где-то, произнес следующую бессмертную фразу: “Это строчки той Ахматовой, которая ушла в контрреволюцию”, так что даже в Литературной газете, которая напечатала отчет об этом собрании, подлинные слова оратора были смягчены. (См. “Литературную Газету” 1934 года, май)» — имеется в виду отчет о заседании 23 мая 1934 года: «О недостаточно активных попытках наших поэтов переработать свое сознание для преодоления отставания поэзии говорил в своем выступлении С. Городецкий» (На всесоюзном поэтическом совещании // ЛГ. 1934. 26 мая). В действительности Городецкий говорил: «Огромный поэт — Анна Ахматова, поэт, который ушел в молчание или контрреволюцию (*Голос с места*: Для того, чтобы так говорить, нужно знать). Она в поэзии не участвует, потому что не нашла выхода на том же пути из тех же ошибок» (Блоковский сборник. XVIII. С. 48).

В ноябре 1959 году на вопрос В.П. Нечаева, что стало с Мандельштамом, Городецкий ответил: «Он утонул на пароходе, на Дальнем Востоке. Кажется, в 1938 году» (*In Memoriam*. С. 15).

- 189 Козинцева В., Бутовский Я. После «Гамлета», перед «Лиром» // Киноведческие записки. 2003. № 63. С. 172.
- 190 Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. Новосибирск, 1999. С. 305, 315, 372–373.
- 191 Подвал памяти. Ахматовские дневники Лидии Чуковской. Интервью Н. Ивановой-Гладильщиковой с Никой Глен // ЛГ. 1996. 20 ноября; ЛЧ2. С. 572; по предположению Н.Г. Гончаровой, об этих событиях Ахматова могла узнать от Г.В. Глекина, жена которого Ирина Николаевна была родом из Новочеркаска (*Глекин Г.* С. 240–241).
- 192 «Не отзвенело наше дело»: Борис Слуцкий в зеркале его переписки с друзьями / Публикация Б. Фрезинского // ВЛ. 1999. № 3. С. 326–327.
- 193 Чуковский К. Т. 13. С. 353. Вадиму Андрееву и его жене О. Черновой-Андреевой осенью 1962 года Ахматова читала «Рекем». «Она сказала, что в этот день впервые решила записать его на бумаге...» (*Чернова О.* Холодная зима // НЖ. 1976. № 124. С. 210). Вадим Леонидович Андреев (1902–1976) — поэт, критик, мемуарист; см. справку: *Петербург в поэзии эмиграции*. С. 584–585. Он познакомился с Ахматовой в 1960 году. «Вадим Леонидович Андреев сказал мне: “Я думал, что здесь есть тайна, и я ее разгадаю, если приеду. Нет, здесь нет тайны. Тай-

на — это вы”. На его другое высказывание я ответила: “Я не стажирую на Елену Троянскую”. (О холодной войне)» (С. 152). В 1966 г. В.Л. Андреев написал мемуарный этюд об Ахматовой (хранится в Русском архиве университета Лидса), из которого приведем несколько выдержек: «Иногда гордость и горечь почти неожиданны: “разве там, за границей понимают? И что пишут! Воспоминания о Мандельштаме — его превратили в какого-то клоуна. Гордятся тем, что ушли. Не знают, что делается у нас. Обо мне думают, что я перестала писать, а я никогда (с ударением на слове ‘никогда’) не отрывалась от литературной работы и от стихов” <...> Еще при первой встрече по ее просьбе я прочел несколько стихотворений. Ахматова сказала мне: “Больше всего меня удивляет в Ваших стихах их внутренняя свобода. Они написаны ‘ни для кого’”. Тогда я эти слова принял за похвалу, но впоследствии понял, что это было осуждением: в ее представлении творчество было долгом, расплатой за полученный дар».

Видимо, свидетельство В.Л. Андреева приводилось в заметке парижской газеты: «Один из сотрудников “Русской Мысли” встретился недавно в Женеве с лицом, недавно видевшим в Ленинграде Анну Ахматову. По свидетельству этого лица, знаменитая поэтесса выглядит очень хорошо — “она производит впечатление настоящей королевы своей манерой держаться, своим голосом, своими жестами”. Она немного пополнела, и “старость ее украсила, наложив тот свой отпечаток, который бывает виден только на больших людях.” Ахматова оказалась в курсе зарубежной литературы и поэзии, назвав несколько имен эмигрантских поэтов, произведения которых она читала в СССР» (Анна Ахматова // *РМ*. 1961. 18 февраля). См. о нем: *Флейшман Л.* Предисловие // *Андреев В.* Стихотворения и поэмы. Т. 1. Berkeley, 1995. С. 7–16; *Кралин М.* Победившее смерть слово. Томск, 2000. С. 291–310.

- 194 Обращению к К.И. Чуковскому предшествовала многолетняя обида Ахматовой на статью «Ахматова и Маяковский» (1920). Она делилась с посетителями: «В давно прошедшие времена <...> литератор <...> — назовем его Иваном Ивановичем, — написал статью, которая могла быть понята как обвинение Ахматовой в антисоветских настроениях, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Затем литератор “все понял” и просил передать Анне Андреевне, что, если она его не простит, он покончит с собой. Ахматова ответила:

— Передайте Ивану Ивановичу, что это его личное дело» (ВАА. С. 619). Ср. ее слова: «Чуковский не хотел ничего плохого, он только как журналист увлекся заострением контраста, что привело к тягостным последствиям» (*Будыко М. С.* 352).

Пара антиподов закрепились в обиходе советской публики как «Ахматова и Маяковский — выразители крайних общественных настроений, иначе говоря так: монархия и Советская Россия...» (*Шапириштейн-Лерс Я. [Эльсберг Я.]*. Общественный смысл русского литературного футуризма (Неонародничество русской литературы XX в.). М., 1922. С. 73). Сокрытый «сюжет» антитезы, предложенной К. Чуковским, проясняется из отброшенного им при публикации финала:

«Для меня не существует вопроса: Ахматова или Маяковский? Мне мила и та культурная, тихая, старая Русь, которую воплощает Ахматова, и та плебейская, бурная, площадная, барабанно-бравурная, которую воплощает Маяковский. Для меня эти две стихии не исключают, а дополняют одна другую, они обе необходимы равно. Мне кажется, настало время синтеза этих обеих стихий. <...> Вся Россия стосковалась по ним. Порознь этим стихиям уже не быть, они неудержимо стремятся к слиянию. Далее они могут существовать только слившись, иначе каждая из них неизбежно погибнет. Они должны органически претвориться в какую-то третью стихию, новую, на них непохожую. Вещим предчувствием этой стихии является поэзия Блока» (*Чуковский К.* Ахматова и Маяковский // Дом искусств. 1921. С. 42; выделенное курсивом вычеркнуто из наборной рукописи: ИРЛИ. Ф. 439. Оп. 1. № 905; сообщено Т.М. Двинятиной). Статья К. Чуковского читалась как доклад «Две России» в Доме искусств 20 сентября 1920 года. На нем присутствовал Блок (*Блок А.* Записные книжки. М., 1965. С. 502); ср.: «Читая о двух Россиях, Чуковский обещает в следующий раз коснуться одной гениальной поэмы: “Возмездия” Блока. А он тут же сидит в своем френче у боковой стены, и знающая публика (отборная здесь) сейчас же обращает на него взоры» (*Третьяков В.* Литературный Петербург. Недавнее // Сегодня (Рига). 1926. 10 ноября). О взаимоотношениях Ахматовой и К. Чуковского см.: *Тименчик Р.* Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. Фрагмент № 21 // *Toronto Slavic Quarterly*. 2012. № 40. С. 366–387.

195 *Оксман Ю.С.* 558. Вадим Михайлович Кожевников (1909–1984) — автор повести «Знакомьтесь, Балуев», романа «Щит и

меч» и мн. мн. др., депутат Верховного Совета, с 1949 года секретарь правления СП СССР и с того же года главный редактор журнала «Знамя». Напомним о ситуации с романом В. Гроссмана «Жизнь и судьба»: «Я умолял Гроссмана не отдавать роман Кожевникову, облик которого был литераторам достаточно известен. На лице Гроссмана появилось злое выражение: “Что же, — спросил он, — ты считаешь, что, когда они прочтут, меня посадят?” — “Есть такая опасность”, — сказал я. <...>. После ареста романа (изъяли экземпляр и в “Новом мире”) к Гроссману чуть ли не в полночь приехал Твардовский. Он сказал, что роман гениальный. Потом, выпив, плакал: “Нельзя у нас правду писать, нет свободы”. Говорил: “Напрасно ты отдал бездарному Кожевникову. Ему до рубля девяти с половиной гривен не хватает. Я бы тоже не напечатал, разве что батальные сцены. Но не сделал бы такой подлости, ты меня знаешь”. По словам Твардовского, рукопись романа была передана “куда надо” Кожевниковым» (Липкин С. Однажды в «Знамени»... // Зн. 2001. № 1. С. 137); в романе «Жизнь и судьба», между прочим, содержался и такой пассаж: «Но велика сила свободного, умного слова <...>. Казалось, ничего нет в жизни, кроме разговоров о Рублеве, о Пикассо, о стихах Ахматовой и Пастернака, драмах Булгакова». Ср. рассказ Ахматовой о В. Гроссмане «с которым не была знакома и книги которого были ей далеки» (Роскина Н. С. 28): «...и тогда его знакомые с ним раззнакомились и стали чьими-то чужими знакомыми...» (ВАЭ. С. 587); она и П.Н. Лукницкому в 1962 году рассказывала: «О Гроссмане и его новом романе: “все сдать!” (после того, как дал в “Знамя” Кожевникову, а потом — в ЦК). На машинке...» («Acumiana» П.Н. Лукницкого 1962 г. С. 756).

Ср. также: «Режим всех принуждал к подчинению, но одни становились в известную позу с видом жертвы, а другие — мой отец, писатель Вадим Кожевников, например, — так держались, будто им это нравится, они-де удовольствие получают, кореза свою личность, свой талант» (Кожевникова Н. Коллекционеры // Новая газета. 2001. 12 сентября); ср. некоторые из воспоминаний о нем — Григорий Бакланов: «Член редколлегии “Знамени”, весьма почтенная дама [Л.И. Скорино] говорила гордо: “Мы никогда не отклонялись от линии партии. Вадим шел на этажи и узнавал линию партии на неделю...”; «“У каждого журнала должно быть свое направление!” — “У вас какое?” — спросила [Анна Берзер] с надеждой. “Не сделать ошиб-

ку — такое наше направление!” — прокричал он» (*Рассадин С.* Мы все вышли из ливреи Фирса // Новая газета. 2000. 4 сентября); «Под маской ортодокса таилась единственная страсть — любовь к литературе. Был он крикун. Не слушал собеседника и высоким сильным дискантом кричал высокие слова. Видно, надеясь, что его услышат в Кремле, или не доверяя ветхим прослушивающим аппаратам. Потом, накричавшись, он застенчиво улыбался вам, как бы извиняясь» (*Вознесенский А.* Однажды в «Знамени»... // *Зн.* 2001. № 1. С. 9).

- 196 Ср.: «Замом себе [В. Кожевников] взял рафинированного интеллигента Бориса Леонтьевича Сучкова. Тот прошел ГУЛАГ как шпион всех разведок, чьи иностранные языки он знал. Тонкими губами он дегустировал поэзию. Но порой паника охватывала его, как, например, было с моими строчками, невинными абсолютно: “посадочная площадка”. Это было об актрисе, но он увидел здесь политику и бледнел от ужаса. — Вы правы, конечно, но зачем гусей дразнить? — говорил он мне...» (*Вознесенский А.* Однажды в «Знамени» С. 9). Ср. также: «Но на том свете мне, наверное, зачтется то, что я пробивал и роман Томаса Манна, и Гамсуна, и Кафку, — отвечает совершенно серьезно Сучков» (*Лазарев Л.* Шестой этаж, или Перебирая наши даты. М., 1999. С. 366). Б.Л. Сучков (1917–1974) — впоследствии автор внутренней рецензии на книги Абрама Терца, написанной по заказу КГБ (Хранить вечно. Приложение к «Независимой газете». 1998. 6 февраля) и член-корреспондент АН СССР (1968). Ср. также: «С течением времени стало ясно, что доклад Жданова явился началом его конца. Доклад он сделал в 46-м году. В 47-м году арестовали и засадили директора издательства “Иностранная литература” Бориса Леонтьевича Сучкова, которому протезировал хороший знакомый его отца еще по Нижнему Новгороду Жданов. Паны дерутся — у холопов чубы болят. Дрались два пана — Маленков и Жданов. Арест протезе означал падение престижа протезировавшего и пятнал его. В 48-м году Жданов скоропостижно скончался. Если даже он умер и своей смертью, то вряд ли он уцелел бы, дожив до так называемого “Ленинградского дела”, после которого романтику ленинградской блокады выбросили на свалку. Об особом героизме ленинградцев говорить уже было не принято» (*Любимов Н.* Неувядаемый цвет. Книга воспоминаний. Т. 2. М., 2004. С. 475).
- 197 *Корнилова Г.* Однажды в «Знамени»... // *Зн.* 2001. № 1. С. 135. В подборку вошли стихи с отчетливо-трагическими и, можно

сказать, недвусмысленно двусмысленными антиофициальными интонациями: «Сожженная тетрадь» («Уже красуется на книжной полке / Твоя благополучная сестра, / А над тобою звездных стай осколки, / И под тобою угольки костра»), «Опять подошли «незабвенные даты», / И нет среди них ни одной не закланной...», «Эхо» («В прошлое давно пути закрыты, / И на что мне прошлое теперь? / Что там — окровавленные плиты, / Или замуванная дверь...»). В последнем случае, видимо, была придумана мотивировка, которую должна была огласить Г. Корнилова: «К 20-летию блокады» (С. 254).

198 Ср.:

...Пусть кто-то твердит: «Успокойся!»
 Спокойным я быть не сумею.
 Покуда наследники Сталина есть на земле,
 Мне будет казаться, что Сталин еще в мавзолее.

Ср. запись от 27 октября 1962 года «Вчера был у Анны Андр. (у Петровых на Хорошевском шоссе). Анна Андр. — веселая, крепкая, полная энергии — хлопчет о прописке Н.Я. Мандельштам. Кроме М.С. Петровых и ее очень милой дочери [Арины] была незнакомая рыжеватая дама — тоже как будто писательница, и Ника Глен. Много говорили о Евтушенко — модная теперь, после “Наследников”, тема <...>» (Глекин Г. С. 247). Стихотворение Евтушенко, написанное в дни, когда труп Сталина вынесли из мавзолея, было опубликовано после того, как автор обратился к Хрущеву, намекая: «Никто не запрещает мне его читать, но публиковать тоже никто не решается. При этом никто никогда не предъявлял мне сколько-нибудь мотивированных претензий. Это также вызывает ненужные толки среди читателей. Кроме того, должен Вам высказать свои опасения. Это стихотворение ходит по рукам (причем иногда в искаженном виде) и может попасть помимо моей воли за границу» (Огрызко В. Под идейным накалом // НГ Ex-Libris. 2014. 17 июля).

199 Именно в этот день сделана запись Корнея Чуковского: «Сталинская полицейщина разбилась об Ахматову. Обывателю это, пожалуй, покажется чудом — десятки тысяч опричников, вооруженных всевозможными орудиями пытки, револьверами, пушками — напали на беззащитную женщину, и она оказалась сильнее. Она победила их всех. Но для нас в этом нет ничего удивительного. Мы знаем: так бывает всегда. Слово поэта всегда сильнее всех полицейских насильников. Его не спрячешь, не растопчешь, не убьешь» (Чуковский К. Т. 13. С. 353).

200 Ахматова сказала тогда кому-то о Солженицыне: «За что только он нам послан?!» (*Ямпольский Б.* «Покуда над стихами плачут...» // *ВЛ.* 2001. № 5. С. 276). Ср. моментальную запись разговора зимой 1963 года в Публичной библиотеке: «В зале каталогов встречаю собеседников. Мы говорим о Солженицыне. Все думают и говорят о нем, это обязательный привкус дня.

— Анна Андреевна Ахматова, говорят, сказала — необходимо, чтобы его прочитали все двести миллионов, — сообщает мой собеседник» (*Гаген-Торн Н.* *Memoria.* М., 1994. С. 134). О Нине Ивановне Гаген-Торн (1901–1986) см.: *Поэзия ГУЛАГа.* С. 262–268.

На машинописи «Одного дня Ивана Денисовича» автором надписано 30 ноября 1962 года: «Анне Андреевне Ахматовой великой русской поэтессе ее почитатель»; о встречах Ахматовой и Солженицына см.: *ЛЧз.* С. 532–533; *Орлова Р, Копелев А.* С. 272–275; Петербург Ахматовой: семейные хроники: Зоя Борисовна Томашевская рассказывает. СПб., 2000. С. 134. Через семь лет Твардовский «перечитал “Ивана Денисовича” и — ахнул. Это-таки законченно антисоветская вещь, с точки зрения времен, породивших ее и возвращающихся вспять (два лагеря, две системы, два мира, два вероисповедания — охрана и заключенные), причем все симпатии автора на стороне последних» (*Твардовский А.* *Рабочие тетради 60-х годов* // *Зн.* 2004. № 11. С. 176).

201 См. стихотворение Бориса Слуцкого «Бог»:

Мы все ходили под богом.
У бога под самым боком.
Он жил не в небесной дали,
Его иногда видали
Живого. На Мавзолее.
Он был умнее и злее
Того — иного, другого,
По имени Иегова...

(*ЛГ.* 1962. 21 ноября; там же напечатано его стихотворение о том же персонаже «Хозяин»). Ср. воспоминания о вечере в МГУ 1 декабря 1962 года: «Слуцкий отвечал — очень откровенно по тем временам — на многочисленные вопросы. По просьбе публики он прочел стихотворение “Бог”, обличил как творчески несостоятельного живописца Герасимова, противопоставив ему истинного художника — Оскара Рабина. И все мы, сидевшие в зале, понятия не имели, что в этот самый день

совсем рядом — через улицу, на выставке в Манеже бродит все более распаленный гневом Хрущев и что назавтра ударят очередные — и уже последние — заморозки в нашей первой оттепели» (*Неклюдов С.* Третья Москва // Шаламовский сборник. Вып. 1. Вологда, 1994. С. 163).

202 См. например стихи Михаила Львова и Владимира Соколова (Литература и жизнь. 1962. 30 ноября; ЛГ. 1962. 1 декабря). О настроениях осенних месяцев см.: *Михайлик Е.* Срез отложенного времени: из истории понятий: Обзор журнальных публикаций (ноябрь 1962 года) // *НМ.* 2012. №11 С. 170–181. Компактный обзор настроений истекавшего года см.: *Архангельский А.* 1962: послание к Тимофею. СПб., 2007.

203 Лиля Брик — Эльза Триоле. Неизданная переписка. (1921–1970). М., 2000. С. 389. Когда редактор коммунистической газеты Пьер Дэкс написал во вступлении к переводу «Одного дня Ивана Денисовича», что опубликование этой повести — «необратимое событие в процессе десталинизации и что возврата к прошлому быть не может»,

— Откуда вы это взяли? — спросила она.

— Но послушайте, ведь это было бы невозможно!

На что Эльза возразила:

— В этой стране нет ничего невозможного.

А потом прибавила:

— Ведь лагеря все еще существуют и не могут не существовать... Полиция продолжает арестовывать всех, кто ведет себя неосторожно. Пусть это уже не тот террор, как во времена *Другого*, но все же, вероятно, попадается немало народа... Правда ли, что это выздоровление, или только временное облегчение болезни? В стране, где не существует общественного мнения, за эту публикацию отвечают только Солженицын и Твардовский. Вы этого не знаете, Пьер, но с этой книгой дело может кончиться плохо» (*Каннак Е.* Пьер Дэкс об СССР и Солженицыне // *НЖ.* 1973. № 112. С. 277).

Русская и французская писательница Эльза Юрьевна Триоле (Triolet; ур. Каган; 1896–1970) помянута в «Листках из дневника»: «Какая-то Триолешка даже осмелилась написать (конечно, в Пастернаковские дни), что Борис погубил Осипа. Мы с Надей считаем, что Пастернак вел себя на крепкую четверку». «Презрительные слова» о Триоле с воодушевлением были поддержаны В.С. Варшавским в рецензии на «Воздушные пути» (*НЖ.* 1965. № 79. С. 292) и восхитили Г. Адамовича.

31 июля 1965 г. Ю.К. Терапиано из Парижа сообщал В.Ф. Маркову: «Ахматова задела и французскую писательницу “prix” (кажется, Гонкур) — жену Луи Арагона, Эльзу Триоле. Они — коммунисты, верно, но зачем же ругаться: “какая-то Триолешка наврала”? Арагон, говорят, хочет “реагировать”. Боюсь, как бы он не напакостил ей по своей линии...» (сообщено Ж. Шероном). В 1965 году Э. Триоле в своей антологии русской поэзии писала в преамбуле к подборке ахматовских стихов: «Не затронутая вдохновением революционной идеологии, Ахматова, тем не менее, отказалась следовать за большинством писателей своего направления в эмиграцию или оппозицию. В сборниках, опубликованных сразу же после окончания гражданской войны (“Подорожник”, “Anno Domini MCMXXI”), выражено трагическое ощущение рухнувшего мира и вместе с тем упрямая вера в судьбы новой России. <...> После 1946 года ей довелось подвергнуться догматической критике. В последние годы ее стихи вновь беспрепятственно публикуются и, как прежде, встречаются с тем же воодушевлением» (La Poésie russe: Édition bilingue. Anthologie réunie et publiée sous la direction de Elsa Triolett. Paris, 1965. P. 282). Ср. отклик в эмигрантской печати:

«Ко всем бедам, претерпленным Ахматовой под сенью “родной” партии, г-жа Триоле и К° прибавили еще одно издевательство. Насчет же того, что Ахматова не ушла в изгнание, тоже дело, для партии, не обстоит без конфуза. Все знают одно из лучших ее стихотворений, первая строфа которого *никогда* не перепечатывается в СССР: “Когда в тоске самоубийства...”. Затем там весьма охотно печатают — и нами в этой антологии оно приведено в таком обезглавленном виде — дальнейшее. Только коммунисты не заметили, что без первой строфы остальные три теряют всякий смысл: становится непонятным *почему* Ахматова “замкнула слух”, что побудило ее к столь резкому жесту? Не для того ведь, чтоб сделать приятное Косыгину или Семичастному. Объяснение отказа поэтессы от ухода в изгнание — в первой строфе, — в верности ее “суровому духу византийства” русской Церкви, т.е. в готовности принять страдание ради укрепления силы своего духа, из аскетизма. Т.е. не только по соображениям, для партии уж никак неприемлемым, но и ни в малейшей мере не извиняющим гнусное поведение большевиков. Ахматова их нисколько не оправдывает. Она только принимает их за данное, за трамплин для подъема сильных духом на высоты, которые космонавтам и не снились. По-

тому что высоты эти не материального порядка. Искажая тексты, можно вообще доказать все, что угодно, даже сочувствие Ахматовой палачам и мучителям ее родных. Но... не станем и мы бередить душевные раны величайшей из русских женщин, не сломленной никакими испытаниями.

Точно так же утверждение, будто она проявляет “une confiance têtue dans les destinées de la nouvelle Russie” — явная и притом циническая передержка. Почему “новой”, т.е. вежливо выражаясь, советской, а не вечной? Вам важно доказать, что Ахматова ваша и за вас, и только ли “à l’égard de l’inspiration idéologique”? Разве она, несмотря на мучения и угрозы, когда-нибудь отреклась от дореволюционного прошлого России? Или же написала во славу Ленина или Буденного “Поэму о Петербурге”?

Там же: в ее стихах “s’experiment a la fois le sentiment tragique de l’ecroulement d’un monde et une confiance...” etc. В кого доверие, понятно. Но... откуда “tragique”? Каким образом это слово могло сорваться из-под пера составителей? Ведь оно — признание того, что вся эта книжка стремится скрыть и отрицать. Выходит, что революция была трагедией не только для ничемных реакционеров, эксплуататоров и прочих там буржуев, чему по коммунистической этике следовало бы только радоваться? Выходит, что погиб какой-то целый мир, в котором имелись также и ценности, коммунистами принимаемые (поэзия Ахматовой)? А может быть, в этом “целом мире” были еще и иные непреходящие ценности? Будь я партийным начальством г-жи Триоле, я бы ей за эту фразу учинил такой разнос, что рядом с ним <...> Багрицкого “хлобысть по сопатке” могло бы показаться дружеской лаской.

А впрочем, нам, простым смертным, ведь все равно неизвестно, что происходит в тайниках партийных вертепов, какие там чинят друг против друга дикие расправы. Такие оплошности партийцам обычно не прощаются. А то, что составители по поводу революции обмолвились словом “трагический”, все-таки указывает на их коренную неискренность. Если же слово это они применили к внутреннему облику Ахматовой только, то им не прославлять ее следует и вставлять в антологию, а всячески порицать и “разоблачать” — вот как Жданов, против коварных нападок которого, как нам помнится, ни у Арагона, ни у его супруги не нашлось ни одного слова осуждения. Совсем наоборот. Приходится признать, что Жданов был логически по-

- следовательнее» (Бусин М. [Райс Э.]. Русская поэзия в партийном облачении // Возрождение. 1966. № 171). Ср.: «Антологию Триоле я “разделал под орех” с предельной суровостью. <...> Пока весь русский Париж хихикает. Хотя и мало кто знает, что Бусин — Ваш слуга покорный» (письмо Э.М. Райса В.Ф. Маркову от 20 марта 1966 года; сообщено Ж. Шероном; опубликовано О. Коростелевым: «Если чудо вообще возможно за границей»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов. М., 2008. С. 646).
- 204 Чуковский К. Т. 13. С. 354. Ср. гимны прежние Степана Петровича Щипачева (1899–1979), про которого Ахматова говорила «в общем, вполне приличный господин» (Глекин Г. С. 259): «Нам улыбался Сталин с мавзолея / Шутил с Калининим, махал рукой» (Щипачев С. Стихи. М., 1950. С. 7). Из новейшей литературы о Павле Петровиче Постышеве (1887–1939) см.: Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002. С. 282–296. Видимо, в связи с изменившейся политической погодой, это стихотворение в подборку лиричнейших стихов С. Щипачева (Зн. 1963. № 2. С. 100–101) не вошло. В номере первом рядом с ахматовскими стихами еще успели появиться сталинские сапоги у А. Вознесенского: «...по траурным трибунам — / По сердцу Ленина! — / тяжки, / Самодержавно и чугунно, / Стуча, / взбирались/сапоги! / В них струйкой липкой и опасной / Стекали красные лампы...».
- 205 Русская поэзия. 1950–2000. М., 2010. Т. 1. С. 344.
- 206 Давид Самойлов, «Конец Пугачева» (1968).

Глава
пятая

1963

- 1 *Рабичев Л.* Манеж 1962, до и после // *Зн.* 2001. № 9. С. 134–135. Спустя годы Хрущев рассказывал Б. Жутовскому: «...и вдруг сзади слышу “Сталина на них нет”; я совсем вспылал...» (*Эйдельман Ю.* Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003. С. 86). Александр Николаевич Шелепин (1918–1994) как секретарь горкома комсомола отправлял в партизаны Зою Космодемьянскую, что и описано в поэме М. Алигер «Зоя»: «...он всем своим юным чутьем человечим / до сути другого старался добраться <...> товарищ Шелепин, ты был коммунистом / со всей справедливостью нашей суровой»; в 1958–1961 годах — председатель КГБ, прозванный «железным Шуриком», затем — вдохновитель отставки Хрущева и замены его Л.И. Брежневым. Юло Ильмар Соостер (1924–1970) — эстонский художник, в 1949–1956 годах — в заключении по 58-й статье.
- 2 Кинематограф оттепели: Документы и свидетельства. М., 1998. С. 41.
- 3 *Кабаков И.* 60-е — 70-е...: Записки о неофициальной жизни в Москве. Wien, 1999. С. 206–207.
- 4 *Герчук Ю.* «Кровоизлияние в МОСХ», или Хрущев в Манеже. М., 2008. С. 273. Об одном из ключевых для описываемой эпохи имен, о Пабло Пикассо (Picasso; 1881–1973) см. передачу по памяти ахматовских слов лета 1961 года: «К Пикассо я отношусь отрицательно <...> Пикассо принадлежит к числу тех людей, которые во что бы то ни стало хотят стать популярными, модными. Он несколько раз менял манеру письма, у него были разные периоды, он всегда чувствовал требования моды и желал быть всегда на гребне волны. Ему это удавалось. Модильяни был другим» (*Полякова Н.* Поэтическая переключка // *Нева.* 1997. № 1. С. 209–210).
- 5 *Там же.* С. 189–191. О Владимире Александровиче Серове (Раппопорте; 1910–1968), авторе полотен «Приезд В.И. Ленина в Петроград в 1917 году», «Штаб Чапаева», «В.И. Ленин провозглашает Советскую власть», «Ходоки у Ленина», «Зимний взят!», см.: «Когда Хрущев закатил свою прогремевшую истерику в Манеже, на выставке художников, и выяснилось, что это Серов

натравил его, Анна Андреевна рассказала мне следующее (рассказала по секрету, но теперь уж, когда не только ее, но и Серова нет в живых, то и секрета нет). До войны у Серова постоянно были частные натурщики. Один юноша, позируя ему, был с ним откровенен. Когда пришла пора расплачиваться, Серов решил деньги сэкономить и донес на юношу. Из лагеря тот писал своей матери, одинокой пожилой женщине, мужественные письма, пытался ее утешить. И написал ей, чтобы она отыскала адрес Анны Ахматовой и пришла к ней поговорить. Он не был с Анной Андреевной знаком, и обе женщины предполагали, что такой совет он мог получить от кого-то из своих товарищей по заключению. А может, он и сам подумал о ней как об утешительнице — по стихам. До войны эта женщина несколько раз была у Анны Андреевны, потом след ее и сына затерялся» (Роскина Н. С. 28–29).

- 6 См. записи в дневнике Пунина от 20 апреля 1945 года: «В. Серов переизбран председателем. Теперь он надолго укрепился. Дело совсем безнадежно — в ближайшее время искусству нету хода» (Пунин Н. С. 394). Допрошенный по делу Пунина В.А. Серов показал 21 ноября 1949 года: «Осенью 46-го г. в Союзе художников Пунин сказал: “хочет или не хочет наше правительство, но нашему искусству придется отчитываться перед современным западноевропейским искусством”» (Там же. С. 422).
- 7 Ср. письмо Н. Пунина из лагеря после смерти Сталина: «“Я буду сидеть в Абези до тех пор, пока А. Герасимов сидит там, где он сидит”, — подумал я» (Пунин Н. С. 431); уже из-за гроба Герасимов своими мемуарами отметил и в ахматовской библиографии: «В поэзии и прозе тех лет воспевались такие чуждые для нормального, здорового человека чувства, как тоска, одиночество, обреченность. Напоказ выставлялись интимно личные переживания. В героях ходил арцыбашевский Санин — самовлюбленный Нарцисс и садист. Модными были декаденты Бальмонт, Зинаида Гиппиус, Мережковский, Анна Ахматова, Леонид Андреев (в оттенках их взглядов трудно было разобратся). Тянул свои песенки Вертинский о падших женщинах и грязных бульварах Москвы. Выходил он на эстраду мертвенно бледный, с темными кругами под глазами, с кровавыми, как у вампира, губами. Помню, на каком-то вечере одна ученица декламировала стихотворение, в котором, как рефрен, звучали слова: “Смерть, убаюкай меня”. А была не из бедной семьи, довольно полная, румяная, а все-таки просила, чтобы смерть уба-

- юкала ее!» (Константин Коровин: Жизнь и творчество / Сост. Н.М. Молева. М., 1963. С. 397). Ср. записку отдела культуры ЦК от 18 ноября 1958 года о Викторе Некрасове: «Ему <...> не нравится живопись А. Герасимова, о котором говорится огульно отрицательно, без учета того полезного и ценного, что было сделано этим художником в истории нашего советского искусства» (Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998. С. 133).
- 8 4 декабря Ахматова сказала: «Нет уж, Хрущева вы не трогайте! Как он мог говорить иначе в России, где всегда было неблагополучно с живописью, где даже Достоевский любовался вопиющей пошлостью — картинками Маковского, а во главе искусства стоял этот мазилка Репин, чье имя уже давно никто всерьез не принимает» (Глекин Г. С. 253).
- 9 Павел Варфоломеевич Кузнецов (1878–1968) входил в группу «Голубая роза»; ср. сближение эпохи борьбы с формализмом и упадочничеством: «Творческие стремления “Голубой розы” и позднего “Мира искусства” имели ближайшие соприкосновения с течением акмеизма, с декадентской лирикой Н. Гумилева, М. Кузмина, А. Ахматовой, с поэзией затишья после первой грозы революции» (Зотов А. Борьба двух направлений в русском искусстве (конец XIX — начало XX века) // Искусство. 1948. № 3. С. 90). О нем писал Н. Пунин: «Именно потому, что Павел Кузнецов еще в молодые годы начал с искания реалистических путей и никогда в сущности не терял из виду путей даже тогда, когда бродил по проселочным дорогам символики, — его творчество богато удачами, его эволюция последовательна, его живописное мировоззрение цельно и стойко, и сам он как художник собран, неутомим и полон той прекрасной ясностью, которая так характерно окрашивает большинство его работ, выделяя их из сотен тусклых холстов, которыми обычно они бывают окружены на выставках» (Пунин Н.Н. Русское и советское искусство. М., 1976. С. 190); П. Кузнецов иллюстрировал драму Гумилева «Дитя Аллаха».
- 10 Посетивший Манеж французский филолог-компаративист, занимавшийся в Москве разысканиями о мифе Артюра Рембо в России, писал о работах художника: «хотя он обращается к темам, диктовавшимся эпохой “культ личности” (“Смерть командира” 1937 года), ему удастся создать прекрасный пластический эффект. В конце концов, что нехорошего в смерти командира, если кем-то получено или уворовано право *написать* ее,

- то есть сотворить ее? С тех пор, как свобода, или по крайней мере частичная свобода, была восстановлена Хрущевым, Тышлер ее полностью использовал в своих “Цыганах” 1958 года, где есть легкое касание Рүо» (*Etiemble R. Pictures from an Exhibition // Survey. 1963. № 48. P. 7*).
- 11 *Кацман Е.* Высокая ответственность перед народом // *СК. 1962. 18 декабря.*
 - 12 *Налбандян Д.* Главное — консолидировать силы // *СК. 1963. 9 марта; Дмитрий Аркадьевич Налбандян (1906–1993), ученик Е.Е. Лансере, делавшего обложку к ахматовскому «Вечеру», действительный член Академии художеств СССР (1953), автор картин «В Кремлевском дворце 24 мая 1945», «Юный Сталин» («Мальчик из Гори», 1951), «Портрет Мао Цзэдуна» (1952) и мн. др. подобных; ср. экфрасис одного из его полотен: «Для счастья народа» — картина Д. Налбандяна, изображающая заседание Политбюро ЦК ВКП(б), на котором товарищ Сталин развертывает великий план создания лесных полезащитных полос. Он наклонился над картой, испещренной зеленым пунктиром. Он, наверное, негромко и спокойно поясняет и развивает свою мысль, и внимательно слушают его товарищи» (*Алигер М. Для счастья народа // ЛГ. 1949. 12 ноября*).*
 - 13 О Роберте Рафаиловиче Фальке (1886–1958) Ахматова рассказывала словенскому поэту Тоне Павчеку (1928–2011) зимой 1963 года (*Pavček, Tone. Zapisi o Ahmatovi // Sodobnost (Ljubliana). 1989. № 5. S. 502–503*).
 - 14 *Баталов А.* Судьба и ремесло. М., 1984. С. 30; ср. воспоминания вдовы художника А.В. Щёкин-Кротовой о званом вечере у И. Эренбурга: «...вдруг раздался какой-то такой шорох, что ли, и вошла в кабинет (я была в кабинете, и Фальк тоже) Ахматова, в черном платье, со своими серебряными волосами. Вдруг в комнате стало просторно, в этой тесной комнате. Все встали и тихо ее приветствовали; она как царица такая, знаете, поклонилась и вышла в другую комнату. И Фальк мне сказал: “...И упало каменное слово...”» (*Дувакин В. С. 301*).
 - 15 Знакомство с Александром Григорьевичем Тышлером (1898–1980) произошло, по-видимому, в 1934 году — ср. в письме Н.Н. Пунина от 21 февраля 1934 года: «...говорят, ты веселишься, говорят, бываешь у художников...» (*Пунин Н. С. 324*) — ср. в набросках к «Листкам из дневника»: «Я с М<андельштама>ми на блинах у Тышлера (1934)». См. его воспоминания: «С Анной Андреевной Ахматовой я периодически встречался начиная с

- 1930-х годов. Примерно в 1930 году Анна Ахматова посетила мою мастерскую вместе с поэтом Осипом Мандельштамом и его женой Надей. Они смотрели вещи по-разному. Анна Андреевна все виденное как бы вбирала в себя с присущей ей тишиной. Мандельштам, наоборот, бегал, подпрыгивал, нарушал тишину... Я подумал: как это они сумели мирно и благополучно дойти до меня? <...> Мы говорили о поэзии. Анна Андреевна читала свои новые стихи. <...> Анна Андреевна читала свои стихи эпически спокойно, тихо, выразительно, так, что между нею и слушателем словно бы возникала прозрачная поэтическая ткань. Создавалось своеобразное мягкое звучание тишины... Это помогло мне увидеть и нарисовать Ахматову» (В.А.А. С. 401–403).
- 16 Ср. дарственную надпись Иосифу Соломоновичу Школьнику (1883–1926) на книге «У самого моря» (ГЛМ); см. о нем некролог Н. Пунина: «Он любил, чтобы люди были в том же порядке, в каком были разложены на его столе цветные карандаши; над этим мы смеялись, иногда сердились, но искоренить этого не могли; впрочем, и не особенно старались: мы видели во всем этом знак того, что перед нами художник, для которого картина, декорация, жизнь, в сущности одно и то же и которому дана власть на все налагать печать своего вкуса, вносить свои интонации и, может быть, даже понимать жизнь, как подмости для живых голосов розовой киноленты, иссиня-черного ультрамарина, поль-веронеза, охры-кадмия и т.д., всех чистых и звонких цветов, какие только есть в ящике клеевых красок» (Жизнь искусства. 1926. № 36. С. 19).
- 17 Ср. запись в дневнике искусствоведа И. Боричевского от 19 июля 1926 года: «Об Ахматовой. Зашла в Музей художественной культуры. Малевич объяснял мне свои цветовые открытия. Вдруг — с обычной своей искренностью, обратился к Ахматовой: “Неправда ли, то также хорошо — как, например, Ваши прекрасные стихи”. Бедная Анна Андреевна совсем смутилась: пробормотала что-то невнятное, не знала, куда ей повернуть голову, вдруг — убежала. На другой конец выставки. Пунин сообщил мне: “Это с нею часто; я привык”» (Крайнева Н.И., Шилов Л.А. «Сверхнормальная женщина...»: (Выдержки из дневника И.А. Боричевского) // История в рукописях и рукописи в истории. СПб., 2006. С. 436).
- 18 Ср. запись 1923 года: «Татлин сказал Ахматовой: «Вы еще, может, в люди выйдете, работайте только» (Пунин Н. С. 175).

- 19 Нина Иосифовна Коган (1889–1942?) — автор портретов Ахматовой, которые та считала самыми похожими (*Последние годы*. С. 84). Ср. о ней: «Она общалась с Малевичем и с Митуричем, больше склоняясь к Малевичу. У нее была улыбка блаженной — мишугене, юродивая, но вообще святая женщина. Бескорыстная, бессеребренница, несчастная душа, кожа и кости, бегала везде, как сумасшедшая, устраивала дела <...> у нее на лице всегда была радостная улыбка, словно ей известны какие-то тайны искусства» (*Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде. М., 1997. Т. 1. С. 367); ср. также: «Очень экзальтированное существо, живет исключительно делами искусства и новаторства в нем. Обожает всех носителей новых идей и особенно тех, кто хотел в ней видеть ученика и опору» (*Митурич П.* Записки сурового реалиста эпохи авангарда: Дневники, письма, воспоминания, статьи. М., 1997. С. 67). Ср. рассказ Ахматовой в 1955 году: «Однажды я собиралась к ней в гости, вечером. Была уже в пальто. Вдруг телефонный звонок: Нина. “Приходите, пожалуйста, не сейчас, а немного позднее, я должна уложить спать мою курицу”» (*ЛЧ2*. С. 127); ср. воспоминания Мая Митурича: «В последние годы жила одиноко в Ленинграде, и в ее комнате жил петух. Рассказывают, что она делилась с петухом своим блокадным пайком. Петух пережил Нину Осиповну» (в кн.: *Митурич П.* Записки сурового реалиста эпохи авангарда. С. 160).
- 20 В.А. Милашевский вспоминает, что в 1959 году Ахматова сказала ему о полученном ею из Парижа приветом от «футуриста Рустамбекова» (*Милашевский В.* Вчера, позавчера...: Воспоминания художника. 2-е изд., М., 1989. С. 297, 299); не шла ли речь о Павле Андреевиче Мансурове (1896–1983), уехавшем в Париж в 1928 году, знакомце Ахматовой (*Л2*. С. 185, 187)? Ср. его письмо Н. Альтману 6 ноября 1970 года: «Я надеюсь, что в петербургской тишине Вами созданное опять нас обрадует так же, как было в моей юности, когда, когда я в одно счастливое утро увидел Вами сделанный портрет Анны Андреевны Ахматовой, которую я, так же, как и Вы, имел счастье знать и видеть ее во всех стадиях восторженности, как и в дни горя» (ОР РНБ. Ф. 1126. № 287).
- «О кризисе беспредметной живописи» рассказала Ахматовой парижанка Нина Лазаревна Гурфинкель в октябре 1964 года (С. 492).
- 21 *Найман А.* С. 243.

- 22 Об этом визите см.: ЛЧ2. С. 455; Ратгауз Г. С. 151. Грейнем Израилевич Ратгауз (1934–2011) — поэт, переводчик.
- 23 См.: Кольцов Д. Реконструкция легенды // ЛГ. 1998. 11 ноября; Алексеев В. «Целков — ты гений!» // Независимая газета. Антракт. 2004. 22 октября; Найман А. С. 243.; см. также нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 7. С. 73–75. См. о нем: «В театральных эскизах к “Пятой колонне” Хемингуэя О. Целков перещеголял самые левые формалистические выверты сценического оформления 20-х годов» (Иогансон Б. В защиту реалистической живописи // СК. 1959. 16 июля); см. также стихотворение «На выставке О. Ц-ва», где описаны уродливые громадины, бабы, щерящиеся из-под бессонных век, лица, будто двойники огня, и финал: «И все-таки прощаю божьей милостью художнику его проклятый дар» (Шевелева Е. В радуге — восемь цветов. М., 1971. С. 77–78).
- 24 Лемпорт В. Из альбома художника // ЛГ. 1991. 13 марта; здесь воспроизведены два портретных наброска с Ахматовой скульптора Владимира Сергеевича Лемпорта (1922–2001).
- 25 Глекин Г. С. 255. Ср.: «Анна Андреевна позволила его переписывать после появления в “Новом мире” “Одного дня Ивана Денисовича” и после того, как сама отдала в “Новый мир” “Реквием”, который, как она справедливо считала, из редакции тут же начал расходиться, хоть и не был напечатан. У нее дома — не дома, конечно, а на тех московских квартирах, где она жила в ту зиму, — его переписали десятки людей, и почти каждый из них, разумеется, продолжал распространение. От меня одной в течение зимы-весны 1963 года (хоть у меня и не было своей машинки) разошлось не менее сотни экземпляров: я напечатала по крайней мере пять закладок по 4 экземпляра и раздавала только по принципу: “Вы мне вернете мой экземпляр и еще один”, — а полученные экземпляры снова пускала в дело. Многие поступали точно так же» (Горбаневская Н. Ее голос // *Ахматовский сборник*. С. 241).
- 26 Лакшин В. С. 94.
- 27 Иудейская принцесса, дочь Иродиады, падчерица Ирода, участница казни Иоанна Крестителя (Мф. 14:1–12, Мк. 6:14–29; по имени евангелисты ее не называют), возникла сначала как двойник автора в «Поэме без героя» и в стихотворении «Последняя роза»:
«21 июля [1962] 6-ая пасторальная симфония Бетховена привела сейчас такое: <...>

Что мне Гамлетовы подвязки,
 Что мне хмель Саломеиной пляски,
 Что мне поступь Железной Маски <...>

- <вариант:> Черный зной Саломеиной пляски» (С. 241),
 что откликнулось 9 августа в «Последней розе» (С. 242). О Саломее у Ахматовой и ее современников см. нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 8. С. 64–69
- 28 *Przybylski R. Róża Anny Achmatowej // Nowe książki*. 1964. № 16 (347). S. 753–754; *Роза — это роза...* — «Rose is a rose is a rose is a rose» из стихотворения в прозе американки Гертруды Стайн «Священная Эмилия» (опубликовано в 1922 году); *Уолтер Де ла Мар* (de la Mare, Walter; 1873–1956) — английский писатель, цитируется стихотворение «All that's Past»: «Oh, no man knows through what wild centuries roves back the rose»).
- 29 *ЛЧ2*. С. 520.
- 30 В первом варианте:
 Не напрасно с вокзала
 Я сегодня спешу,
 И не хуже Шагала
 Я тебя опишу (С. 143).
- 31 См. в обзоре книг, выложенных на американской выставке в Сокольниках: «...одна посвящена творчеству Марка Шагала, который почти сорок лет назад сбежал из нашей страны и чьи формалистические выверты давно уже отвергнуты нашим народом» (*Смирнов А.* Выставка — не прилавок для гнилого товара // *СК*. 1959. 6 авг.).
- 32 В декабре именно из-за последнего вопроса «Новый мир» отказался от очерка Василия Гроссмана «Добро вам». В эти дни труппа БДТ испугалась ставить «Закат» Бабеля: «Боятся сенсации, хотя национализм начисто отсутствует в пьесе» (*Шварц Д.* Дневники и заметки. СПб., 2001. С. 185). В январе 1963 года задерживалась публикация очередной порции мемуаров И. Эренбурга — ср. в записке отдела культуры ЦК КПСС: «Особенно много внимания И. Эренбург уделяет “еврейскому вопросу”, намекая при этом, что лица еврейской национальности подвергались гонениям по обе стороны фронта <...> При подготовке к печати первой части пятой книги мемуаров (опубликована в январском номере “Нового мира”) автору указывалось на его предвзятость, на недопустимость утверждений о будто бы существующей в нашей стране национальной нетерпимости по отношению к евреям» (История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 139).

- 33 *Ben, Philippe*. Marc Chagall a l'O.N.U // *Le Monde*. 1963. 17 Mai.
- 34 *Сарнов Б.* Перестаньте удивляться! М., 1998. С. 78.
- 35 Марк (Мовша) Захарович (Хацкелевич) Шагал (Chagall) (1887? — 1985) говорил, что не уверен в дате своего рождения и, может быть, на самом деле он несколько моложе своего паспортного возраста, ибо в еврейских семьях бытовала практика изменений данных метрики для первенцев в связи с будущими призывными хлопотами (*Roditi E. Chagall's Early Years // Encounter*. 1958. Vol. X. № 3. P. 47). Скорее всего, такому же административному овзрослению подвергся и Артур Лурье (см. соответствующий подозрительный документ: *Кралин М.М.* Артур и Анна. С. 5). «Есть документы парадные, и они врут, как люди», — учил нас Тынянов.
- 36 Ср. например: «На обложке последнего американского журнала, извините за выражение, картина. По нашему надо понять, что это изображен дурак — человек с птичьей головой... Работа эта — изменившего нам М. Шагала» (Е. Кацман — Четвертая сессия Академии художеств СССР. М., 1950. С. 135); «Давным-давно забытую советскими людьми пачкотню Кандинского, Шагала, Малевича, Филонова вы называете “шедеврами русского искусства”» (*Вучетич Е.* «Собака лает, а караван идет вперед!» // *Нева*. 1961. № 1. С. 176); лишь несколькими годами позднее стало возможным появление в печати таких строк: «...На полотне Шагала / Плывут по небу люди, / Сошедшие с ума» (*Мориц Ю.* Французская баллада // *День поэзии*. М., 1965. С. 142).
- 37 Ср. например: «Год Эйфелевой Башни, Крейцеровой Сонаты, рождения Чаплина, Габриелы Мистраль, Элиота (?) был и годом моего рождения» (С. 448); имя Чарльза Спенсера Чаплина (1889–1977) появляется в стихотворении «Из Кафки», или «Подражание Кафке» («Другие уводят любимых...»):

Вокруг пререканья и давка
И приторный запах чернил,
Такое придумывал Кафка
И Чарли изобразил (С. 533, 716)

Вариант:

Кругом пререканья и давка
И приторный запах чернил
Такое придумывал Кафка
И Чаплин шутя воплотил (С. 241)

По этому поводу поэт В. Корнилов писал: «Кафка, на мой взгляд, стоит в строке заслуженно, а вот Чарли Чаплин мне ка-

жется старомодным. Анна Андреевна в последние годы жизни не бывала в кино, не смотрела лент Феллини и Антониони...» (Корнилов В. На грани смысла // ЛГ. 1995. 26 апреля). Привожу это мнение не для того, чтобы спорить с оценкой Чаплина, а чтобы в который раз напомнить о частом у Ахматовой принципе непрямого знакомства с источником. В данном случае, полагаю, источником явился пересказ фильма Чаплина «Король в Нью-Йорке» советской газетой — см. подробнее нашу справку: *Venok*. P. 343–352; ср.: «Когда я смотрю старые фильмы Чаплина, я уже смеюсь по-иному. Я думаю о Кафке» (*Cocteau, Jean*. The Art of Cinema. London, New York, 1992. P. 80); «Истинный ключ к пониманию Кафки держит в своих руках Чаплин. Как Чаплин дает ситуации, в которых уникальным образом сопрягаются отторгнутость с обездоленностью, вечные человеческие страдания — с особыми обстоятельствами сегодняшнего существования, с бытием денег и больших городов, с полицией и т.п., так и у Кафки любая случайность обнаруживает янусовскую двуликость, абсолютно непредумышленную — то она совершенно вне истории, а то вдруг обретает насущную, журналистскую актуальность» (Беньямин В. Франц Кафка / Пер. М. Рудницкого. М., 2000. С. 226).

- 38 См. например: «[Маяковский] прекрасно замечает то, что роднит декадентское искусство Запада с русским декадансом, против которого он боролся всю жизнь. В стихотворении “Версаль”, описывая свою экскурсию по дворцу, он иронически замечает:

Смотрю на жизнь —
ах, как не нова!
Красивость —
аж дух выматывает!
Как будто
влип
В акварель Бенуа
к каким-то
стишкам Ахматовой».

(Исбах А. Владимир Маяковский и Запад // НМ. 1947. № 4. С. 157). Юрий Денике по этому поводу замечал: «Исбах, конечно, знает, что Версаль был построен за два столетия до того, как появилось искусство, получившее название “декадентского”. Но это его не смущает. Для него Маяковский, которого в Советском Союзе полагается считать великим поэтом, играет

роль тяжелой артиллерии: он бьет Маяковским и по Ахматовой, и по “декадентскому искусству Запада”, к которому причисляется и созданный в 17 веке Версаль. Приведенные стихи Маяковского сами по себе достаточно плохи и нелепы (конечно, в старом Версале “жизнь... не нова” — чего же тут ахать?) и лучшего употребления, может быть, не заслуживают. Но все-таки: что же думает Исбах о своих слушателях и читателях? Дело, однако, не в том, что творится в голове какого-нибудь Исбаха, а в том, что выполняет свою функцию в новом идеологическом наступлении, в своем роде не лишенном грандиозности и направленном одновременно как против внешних (гнилой Запад!), так и против *внутренних* врагов. Что-то есть в самой стране, что еще нужно преодолевать, искоренять» (Денике Ю. Школа слепого фанатизма // Социалистический вестник. 1947. № 10. С. 190).

Может быть, хлесткие рифмы Маяковского повлияли и на поспешную атрибуцию Александру Бенуа инициалов оформителя первого ахматовского сборника «А.Б.» (Ахматова А. Стихотворения и поэмы. Л., 1976. С. 451). Инициалы принадлежали А.Я. Белобородову. См. подробнее: Тименчик Р. О художественном оформлении сборника Анны Ахматовой «Вечер» // Федоровские чтения. 1979. М., 1982. С. 113; Крымский Ахматовский. 10. С. 31–37.

- 39 Она с досадой замечала, что «Поэма без героя» была воспринята М.И. Цветаевой в 1940 году как «мирискусничная стилизация в духе Бенуа и Сомова» (С. 540); см. к этому: «ни стилизованная билибинская Русь, ни парики Сомова, ни “куда-то все уезжающие кареты Бенуа” ее не устраивают» (Глекин Г. С. 257–258); ср.: «Бенуа некогда составил себе имя своими “людовиками” и “Пушкиным”, ему верили; теперь перед сегодняшними работами Бенуа, мы понимаем, что это была — стилизация» (Пунин Н. Мир искусства // Северные записки. 1915. № 11–12. С. 213).
- 40 «Зенкевич вспоминал, что когда он в те дни впервые повстречался с Ахматовой, его поразила независимость ее суждений и ее убежденность в том, что поэзия есть нечто органичное. Мысль о Валерии Брюсове, ежедневно торжественно садящемся писать заданную порцию стихов, ее просто смешила» (Хейт А. С. 36).
- 41 Выписка из разговоров Жоржа Шарбонье с Шагалом, сохраненная в бумагах, оставленных у Ники Глен (ММА).

- 42 См.: *Компелев Н.В.* Кому посвящены русские стихи Марка Шагала 1909–1910 гг.? // Марк Шагал и Петербург: к 125-летию со дня рождения художника: Материалы Международной конференции. СПб., 2013. С. 41–53.
- 43 *Prampolini, Giacomo.* Storia Universale della Letteratura. Seconda edizione riveduta ed ampliata. Volume VII. Torino, 1953. P. 501. Типологическое сближение творческих путей Ахматовой и М. Шагала см.: *Chalsma H.W.* Anna Achmatowa: Gewissen und Werktreue der Poesie // Osteuropa. 1968. 18. Н. 1. S. 6–7. О «стилистическом долге» М. Шагалу в «Царскосельской оде» см.: *Rosslyn, Wendy.* Painters and Painting in the Poetry of Anna Akhmatova // Anna Akhmatova 1889–1989 / Ed. S.I. Ketchian. Oakland, CA. 1993. P. 171–172. Известная «интимность» и «домашность» в этом призывании неожиданно-дружеской музыки основывалась и на том, что в ленинградском доме Ахматовой хранилась принадлежавшая Н.Н. Пунину (а тому подаренная актером А.А. Голубевым) картина Шагала «Зеленые любовники». Дочь Шагала, приехавшая к Ахматовой, чтобы осмотреть эту картину, рассказала ей о любви своих родителей к ее поэзии (*Найман А. С.* 224). См. также: *Рубинчик О.Е.* Оглянувшиеся (Анна Ахматова, Марк Шагал и Рахиль Баумволь) // Русская литература. 2007. № 3. С. 215–222.
- 44 *Найман А. С.* 181.
- 45 Какое-то представление о методе и программе Шагала можно было получить даже в самые мрачные годы из снабженных ритуальной хулой рефератов советских авторов: «...мифотворчество — осознанная цель этого художника. “Следует, — пишет Шагал, — не только изменить материальный, внешний вид природы, но также изменять и ее внутреннее содержание посредством идеологического творчества, не боясь того, что называют ‘литературой’”. Как видим, формалистское искусство, демонстративно отбрасывая сюжеты, порождаемые объективной действительностью, отбрасывая содержание объективного мира и передовую идеологию, приходит к другому, мистическому содержанию и к другой идеологии — к реакционному мифотворчеству, конструирующему фантастический мир. Так М. Шагал и пишет: “Искусство слагается из всего, что отличается от природы не только по своему внешнему виду, но и по духу”. И Шагал, имитируя первобытное мышление, поэтизирует фантастические связи между явлениями, фантастическую, нереальную “целостность” мира. Именно таков смысл

- введения Шагалом фантастических взаимосвязей в первый вариант его картины “Моей жене” (1933): рыба подает невесте зонт, облако протягивает ей букет, козлик несется по воздуху с подсвечником. <...> Декаденты охотно прибегают к конструированию мифов, якобы изображающих исторические события, а в действительности подменяющих историю декадентской ложью» (*Фрид Я.* Иероглифы вместо искусства // *НМ.* 1948. № 7. С. 248–249). Чаще, однако, можно было прочесть такое: «... образчики сюрреалистической “живописи”, кроме Дали, изготовляет сейчас в Америке отъявленный сионист и космополит Марк Шагал <...> Назначение всего этого сюрреалистического бреда состоит в том, чтобы внушить зрителям мысль о мистическом характере действительности, об отсутствии в ней всякой закономерности, о зависимости общественной жизни от произвола полупомешанных субъектов, от произвола англо-американских империалистов и тем самым повергнуть трудящихся в страх пред этими империалистами» (*Трофимов П.С.* Современная революционная эстетика // *Вопросы философии.* 1953. № 2. С. 192).
- 46 В застольной беседе в мае 1965 года Ахматова рассказывала: «Я видела сына [Пушкина], когда открывали памятник в Царском [в 1899 г.]. Приехали лицеисты, привезли массу цветов. И Анненский читал речь, а гимназисток привели тоже там, они слушали это все» (Магнитофонная запись И.Д. Рожанского — МАА).
- 47 *Анненский И.* Книги отражений. М., 1979. С. 306–307.
- 48 Ср. запись от 18 июля 1961 года: «Сегодня у Анны Андр. узнал поразительную новость о последних раскопках в Кумране: обнаружена рукопись с отрывками из IV Евангелия на арамейском языке. Это убивает предположение, что Евангелия возникли 200 лет спустя после ими же описанных событий. Много говорили о революционном значении этой находки» (*Глекин Г.* С. 212).
- 49 Дата — «1945 (?)»; в одном из авторских вариантов начиналось со второй строфы: «И умерли свидетели Христовы...» (МАА); ср. в плане «другой книги» 1959 года (С. 73). Возможно, это стихотворение Ахматова читала в 1946 году И. Эренбургу — в августе 1946 года он говорил в Париже: «Перед отъездом был у Анны Андреевны Ахматовой. Ей трудно, она пишет главным образом на религиозные темы, ей нелегко печататься» (*Фрезинский Б.* Алма-Ата — Париж. Неизвестное интервью Юрия Софиева // *РМ.* 1997. 22–28 мая).

- 50 Ср.: «Вернувшись как-то раз с катанья на автомобиле, она рассказывала, что во время остановки на Исаакиевской площади шофер стал ее убеждать, что собор посвящен царю, и она сказала ему: “Прочтите, что там дальше написано” (речь идет о надписи на портике западного фасада Исаакиевского собора — “Царю царствующих”)» (Мейлах М. С. 100).
- 51 См.: *Тименчик Р.* Ранние поэтические опыты Анны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980. С. 140; *Тименчик Р.* Послесловие // *Десятые годы.* С. 267–268. Потому вчуже правдоподобным кажется толкование другого стихотворения одним из современников Ахматовой: «“Многое еще, наверно, хочет / Быть воспетым голосом моим: / То, что, бессловесное, грохочет, / Иль во тьме подземный камень точит, / Или пробивается сквозь дым. / У меня не выяснены счета / С пламенем, и ветром, и водой... / Оттого-то мне мои дремоты / Вдруг такие распахнут ворота / И ведут за утренней звездой” <...> — ...говорит как власть имеющая и нисколько не сомневается, что именно ей дано право обесмертить скрытое, тайное, бессловесное. Она выясняет счета с тремя стихиями, то есть с самой Природой именно потому, что идет за утренней звездой, то есть за Христом (см. Толковая Библия. Т. 3. С. 528: примеч. к Откровению Иоанна, 2:28)» (*Корнилов В. С.* 239). Но напомним, что первоначально звезда была «черной», и жизнь этого стихотворения во времени соответствует принципам преобразования семантики поэтического текста у Ахматовой и Мандельштама: «Суть этих преобразований — в создании семантической неопределенности, при которой элементы поэтического текста оказываются (в отношении семантических характеристик их) как бы “взвешенными”, неприкрепленными, и в последующем использовании этой неопределенности для свободного творения нового смыслового мира, для свободного диалога с читателем, который, погружаясь в этот постулируемый автором новый смысл, сохраняет несравненно большую возможность интерпретирования чем это имеет место обычно <...> У Ахматовой одним из свидетельств такой неприкрепленности слова к вещи и того, что номинация преследует цель создания именно семантических вех, а не однозначных условий, является постоянное возвращение к оси выбора, ярко проявляющееся в диахронической истории текста. Ср. варианты в разных публикациях: Вот и могущества тайные / явные знаки; Степь трогательно / ядовито зелена; Темный

слушатель светлых бредней / Светлый слушатель темных бредней и т.п.» (Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма // Смерть и бессмертие поэта: материалы международной научной конференции, посвященной 60-летию со дня гибели О.Э. Мандельштама. М., 2001. С. 295, 314).

- 52 Ср. «Тайное сродство» Теофиля Готье: «Marbre, perle, rose, colombe, / Tout se dissout, tout se détruit; / La perle fond, le marbre tombe, / La fleur se fane et l'oiseau fuit»; в переводе Н. Гумилева: «Голубка, мрамор, перл и розы, / Все погибают в свой черед, / Перл тает, губят цвет морозы, / Смерть птицам, мрамор упадет». Заметим, что на стихи «непогрешимого поэта» Ахматова оглядывалась в ту пору, когда Гумилев пропагандировал его в качестве литературного учителя (см.: Тименчик Р.Д. Портрет владыки мрака в «Поэме без героя» // НЛО. 2001. № 52. С. 200–204). Ср., например, «Часы» Готье:

Et dans nos cœurs cribles, comme dans une cible,
Tremblent les traits lances par l'archer invisible

и ее стихотворение 1912 года:

Ушла к другим бессонница-сиделка,
Я не томлюсь над серою золой,
И башенных часов кривая стрелка
Смертельной мне не кажется стрелой (иглой).

О возможном отражении рифмы «сталь-печаль» из строфы гумилевских «Пятистопных ямбов», обращенной к Ахматовой, и о возможной отсылке к гумилевскому Слову («Но забыли мы, что осиянно / Только слово среди земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что Слово это — Бог») см.: Пахарева Т.А. Храм (башня) в поэзии акмеистов // Самватас (Киев). 1994. № 10. С. 147–148; о вчитываемой семантике аллитерации «истлевать сталь» и последующих аллитераций в этом четверостишии см.: Щербинина О.Г. «Не звукоподражание, а душепреображение...» // Русская речь. 1989. № 3. С. 40.

- 53 Парадоксальным образом в специальной монографии о религиозных мотивах рассматривается лишь это обесточенное четверостишие: «Этому созвучно бунинское “Молчат гробницы, мумии и кости. [/ Лишь слову жизнь дана. / Из тьмы веков на мировом погосте / Звучат лишь письмена]”» (Дунаев М.М. Православие и русская литература. Ч. VI. М., 2000. С. 135). Ср. также: Мейлах М. Поэзия и власть // Лотмановский сборник. 3. М., 2004. С. 736.

- 54 *Pipes R.* Russia's Exigent Intellectuals. A Eulogy and a Warning // Encounter. 1964. Vol. XX. № 1. P. 83; на последнее обратили внимание не только советологи, но и косноязычные объекты их изучения: «Аполитичность не вне политики. Она сама политика. Бежит иной молодой человек на запах шашлыка, а там, оказывается, осла клеймят (оживление в зале)» (*Ильичев Л.* Доклад на пленуме ЦК 18 июня 1963 г. // *ЛР.* 1963. 21 июня).
- 55 Encounter. 1964. № 106. P. 92–93.
- 56 В августе 1963 года цензор С.П. Аветисян от себя лично и от имени главного цензора П.К. Романова трогательно просил Твардовского опустить “одно слово” в поэме «Теркин на том свете»: «От иных попросишь чуру, / И в отставку не хотят. / Тех, как водится, в цензуру, / На повышенный оклад. / А уж с этой работенки / Дальше некуда спешить...» (*Твардовский А.* Из рабочих тетрадей // *Зн.* 2000. № 9. С. 153).
- 57 Оттепель. 1960–1962: Страницы русской советской литературы. М., 1990. С. 523. Видимо, не следует преувеличивать авторство Леонида Федоровича Ильичева (1906–1990) во всем, им произносившемся: «...за всю жизнь сам лично не написал не только брошюрки, но даже газетной статьи — это делали для него подчиненные» (*Шенилов Д.Т.* Сталин и инженеры человеческих душ // *Дуэль.* 1998. 7 июля).
- 58 Идеологические комиссии ЦК КПСС, 1958–1964: Документы. М., 1998. С. 373.
- 59 *Ford, Robert.* A Moscow Literary Memoir. Among the Great Artists of Russia. From 1946 to 1980. Toronto — Buffalo — London, 1995. P. 152–153. О Роберте Артуре Дугласе Форде (1915–1998) см. также нашу справку: *Крымский Ахматовский.* 7. С. 72.
- 60 Ср. выступление А. Прокофьева на заседании правления Ленинградского отделения ССП 19 августа 1946 года: «Разве не является чувством потери ответственности многословная рецензия члена правления Ефима Добина о поэме Ахматовой “Поэма без героя”, где он рекомендует ее к изданию, поэму, зашифрованную самой поэтессой. Она сама здесь говорит — не знаю, почему (думаю, что здесь можно думать об издевательствах над нами): “признаю — я применяла симпатические чернила, я зеркальным письмом писала”. Даже не надо через лупу это рассматривать. И в предисловии было сказано, что “я ни одного слова не изменю”, затем есть французский эпиграф “все правы”, все это настораживало рецензентов, но член правления, коммунист Добин на 5-ти страницах горячо рекомендовал

к изданию эту поэму...» (Хроника того августа // Петербургский журнал. 1993. № 1–2. С. 40).

- 61 Ср. экспромт Б.М. Эйхенбаума в 1952 году:
 От юбилеев В. Гюго
 И Николая Гоголя
 Не получить мне ничего,
 Ни хлеба, ни алкоголя.
 А что касается до Винчи,
 То, как известно стало нынче,
 Он был по матери еврей.
 Не состоится юбилей
 (РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед.хр. 239).
- 62 *Минченко Д.* Как нам было страшно! Найден подлинник речей Хрущева перед советской интеллигенцией // Огонек. 2002. № 8. С. 10. Ср. в последующем письме Вознесенского на имя Хрущева: «Разговор польского журналиста со мной и Аксеновым происходил в ноябре, до посещения Вами и руководителями Партии и Правительства выставки в Манеже. Продумав сейчас эту беседу, я понял нашу недостаточную ответственность, недостаточный опыт и то, что при неточном воспроизведении ее могут использовать враги нашей страны. Вашу строгую критику я не забуду. Ваше рукопожатие обязывает ко многому. Спасибо за доверие. Ответ на это может быть только один — работа» (*Огрызко В.* Преступление — отступить // *ЛГ.* 2014. 23 июля).
- 63 Кинематограф оттепели: Документы и свидетельства. М., 1998. С. 43.
- 64 Культура и власть от Сталина до Горбачева. Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998. С. 310. В записке Л.Ф. Ильичева Н.С. Хрущеву отмечено, что «на этот раз было гораздо правильное и осмысленнее выступление Е. Евтушенко» (*Там же.* С. 382). В самиздатском журнале «Синтаксис» (три выпуска с декабря 1959-го до ареста составителя в июле 1960 года) из персонажей *ЗК* были напечатаны Б. Ахмадулина, Д. Бобышев, И. Бродский, А. Кушнер, Е. Рейн, А. Тимофеевский. Составитель — Александр Ильич Гинзбург (1936–2002), о котором председатель КГБ Шелепин сообщал Хрущеву 15 июля 1960 года: «Надо сказать, что имеющиеся разногласия у некоторых представителей творческой интеллигенции, недостаточная четкость идейных позиций и непонимание принципа партийности в вопросах творчества приводят к тому, что на

этой почве рождаются иногда идеологически вредные группы, во главе которых становятся различного рода дельцы от искусства. Они вредно влияют на творческую молодежь, прививают ей чуждые советскому искусству взгляды и нравы, пытаются играть роль борцов “за подлинное правдивое искусство”. В настоящее время Комитетом государственной безопасности разоблачена подобная группа, возглавлявшаяся политическим проходимцем и уголовным преступником ГИНЗБУРГОМ. ГИНЗБУРГ, излагая свою “платформу” в “литературном манифесте” “Скальпель”, с антисоветских позиций дает оценку советской литературе. Он обвиняет не только отдельных писателей, но всю политическую и творческую деятельность Союза советских писателей. Он утверждает, что “это не Союз писателей, это помойная яма, из которой непрерывно исходит злование самого разнообразного тупоумия и шарлатанства. Это союз полутрупов, которых уже не спасет кислородная подушка идеологических догм”. Обвиняя всех и вся за неправильную оценку творчества ПАСТЕРНАКА, он недовольно спрашивает в этом “манифесте”: “Может, эти скоты (он имеет в виду советских писателей) думают, что ФАДЕЕВ одним выстрелом смыл пятна крови с их трусливых душ”. Дальше он призывает вырастить такого искусного кузнеца, который бы разбил оковы из наручников с побрякушками водородных бомб и освободил народ. <...> Обращают на себя внимание и такие факты, когда отдельные известные представители творческой интеллигенции покровительствуют такого рода дельцам и тем самым поднимают их вес в глазах окружающих» (История советской политической цензуры: Документы и комментарии. С. 134). А.С. Есенин-Вольпин выпустил в 1961 году в «тамиздате» (в Нью-Йорке) книгу стихов «Весенний лист». См., например, в его стихах:

И когда «мечту всех времен»,
 Не нуждающую в защите,
 Мне суют как святой закон,
 Да еще говорят: любите, —
 То, хотя для меня тюрьма
 Это — гибель, не просто кара,
 Я кричу: «Не хочу дерьма!»...

Ср.: *Строфы века*. С. 679. Альманах «Коктейль» был составлен из сочинений Вит. Скуратовского и Г. Якобсона под разными псевдонимами.

- 65 Ср. запись о разговоре с Ахматовой 22 сентября 1961 года: «Мы говорили о стихах и об истории с плохим, но <нрзб> стихотворением Евтушенко о евреях» (*Глекин Г. С.* 215); ср. письмо Д.Е. Максимова к З.Г. Минц о В.Н. Орлове: «публично выступил против “Бабьего Яра” Евтушенко — стих<отворен>ия поэтически неважного, но не подлежащего критике со стороны честных людей» (*Минц-Лотман*).
- 66 *Баранович-Поливанова А.* Оглядываясь назад. М., 2001. С. 170–171.
- 67 *Юдина М.* Лучи Божественной Любви: Литературное наследие. М., 1999. С. 115. Несколько слов о М.В. Юдиной. В письме немецкому корреспонденту от 27 ноября 1962 года она писала: «Несколько дней тому назад я разговаривала с великой Анной Ахматовой. Она не принадлежит к кругу моих любимых поэтов, так как для меня понятие лирики вообще сконцентрировано в образе Райнера Марии Рильке (из числа, так сказать, новых поэтов), но она великая, колоссальная личность, великодушная, бесстрашная, образованная, гордая и смиренная, настоящая королева, сказочная героиня... В разговоре она очень хорошо сказала о ком-то, кто ей звонил: “Поэт — это тот, которому ничего нельзя дать, и у которого ничего нельзя отнять...” — Словом — истинное бытие... “Такое же” стихотворение есть у Рильке» (Невельский сборник. Статьи, воспоминания. Вып. 12. СПб., 2007. С. 25; оригинал — по-немецки — С. 22). Ср. ее письмо к Т.Ф. Фоогд-Стойановой декабря 1962 года: «На днях я была у Анны Андреевны Ахматовой. Это, конечно, человек вершин, и я повинулась перед нею, что так часто и надолго ее забываю, когда ей должно лишь поклоняться, служить ей. Я для себя ее поэзию не так уж люблю — еще меньше люблю Цветаеву, — но как личность в целом она *грандиозна!*...» (Невельский сборник. Статьи, письма, воспоминания. Вып. 3. СПб., 1998. С. 74); ср. в ее письме к П.П. Сувчинскому от 28 декабря 1962 года: «А.А. Ахматовой буду счастлива передать то, что Вы о ней написали. Она, знаете ли, и внешне сейчас — вроде Куманской Сивиллы» (*Юдина М.* Лучи Божественной Любви. С. 471).

«Ахматова в одном разговоре назвала Марию Вениаминовну Бетховеном в юбке» (*Козырева М.* Из цикла «Портреты» // *Зв.* 1997. № 6. С. 49).

Они были знакомы, по-видимому, со времен детскосельского дома Шапориных в 1931 году (*Юдина М.* Лучи Божественной Любви. С. 180). Во время войны Юдина возила от Томашевских

в Ленинград ташкентские письма Ахматовой к Гаршину (*Ласкин А. С.* 229). Напомним ее письмо Пастернаку после вечера 7 января 1954 года, когда была сделана надпись на пастернаковском переводе «Фауста»: «Дорогому другу Анне Андреевне, моей великой знакомой, милой, бесконечно милой и еще более бесконечно бессмертной Ахматовой. Пастернак» (*Летопись. С.* 469). Юдина писала: «А величественную Анну Андреевну я всю жизнь *читу*, но чуждая она мне. Говорите, что хотите, а быть настолько женщиной и великой поэтессой — вместе — невысказано. Вот она и прекрасна под 70 лет и неувядаема, но стихи ее не выдержат потока Времени и мало кого согреют, как можете Вы» (*Юдина М.* Обреченная абстракции, символике и бесплотности музыки: Переписка 1946–1955 гг. М., 2008. С. 342). В комментариях к письму по поводу фразы «очаровательный Андрей Владимирович взял себе львиную долю беседы» сказано, что «неустановленное лицо». Речь шла о поэте князе Звенигородском (1878–1961), о котором Д.С. Усов писал в 1932 году: «Он, кажется, очень и очень часто посещает О. Мандельштама и однажды встретился там с А.А. Ахматовой, о которой отзывался более, чем сдержанно. В записной книжке <...> он *заставил* (форменным образом!) ее записать ему ее стих<отворение> “Не бывать тебе в живых”, и она нацарапала его карандашом, с явным нежеланием» (*Усов Д.* «Мы сведены почти на нет...» / Сост., вступит. ст., подгот. текста, комм. Т.Ф. Нешумовой. Т. 2. М., 2011. С. 602). В октябре 1946 года А.В. Звенигородский писал Е.Я. Архипову: «Ее сильно и совершенно преувеличенно раздули, и теперь она за свое дутое величие несет незаслуженную кару. Я никогда не был в числе ее поклонников. Марина Цветаева куда ее значительнее!» (*Там же.* С. 606). Правда, в 1927 году Д.С. Усов сообщал, что Звенигородский «всецело принял Ахматову, говоря, что она ему конгениальна» (*Там же.* С. 468). Ср. в воспоминаниях Х.В. Горенко: «Забавно было слушать, как она рассказывала о приеме у Б. Пастернака, куда она пошла вместе с Н.А. Ольшевской. Прекрасно сервированный стол, масса гостей и среди них какой-то захудалый князь, вероятно, живущий возле кладбища. Да и брюки он снял, вероятно, с какого-то мертвеца. Когда сели за стол, князь попросил у Б.Л. лопаточку, чтобы положить на тарелочку икру. Лопаточки не оказалось, и Пастернак через весь стол крикнул жене: — Зина, где лопаточка для икры? — Нет лопаточки, пусть берут ложкой, — ответила она. Шокированный князь принялся за икру» (частное собрание).

- 68 Выражать помыслы современников // СК. 1962. 25 декабря. В этом же номере в статье П. Соболевского «Столбовая дорога и окольные тропки» был сделан вдогонку выстрел в «Сашеньку Тышлера», как называла его Ахматова: «...показанные им станковые работы отличаются формалистическим, субъективистским восприятием».
- 69 Глекин Г. С. 257.
- 70 См. о Степане Петровиче Аветисяне (1914–2006): «Человек по натуре добрый, благожелательный и, что уже совсем редкость среди аппаратчиков, не потерявший вкуса к литературе. Ему нравилось то, что он читал, или не нравилось — и это было для него главным. А это уже в среде чиновничьей архиредкость» (Кондратович А. Новомирский дневник 1967–1970. М.; СПб., 1991. С. 61); в этих же мемуарах сообщается, что его подчиненная Г.К. Семенова часто не соглашалась с решением начальника, настаивая на изъятиях и сокращениях.
- 71 Ср.: «...в эти дни, когда на страницах нашей печати люди фабрик и полей в полный голос заговорили о рабочей, человеческой совести, о том, что без нее нельзя жить, разве не созвучны сердцам современников стихи А. Ахматовой — укор тем,
 Кто не знает, что совесть значит
 И зачем существует она»
 (Осетров Е. Стихи идут в наступление // ЛГ. 1962. 15 декабря).
- 72 Глекин Г. С. 256–257; Жану Бло в ноябре 1963 года Ахматова ответила на вопрос о Хрущеве, что он — Освободитель. «J'ai demande a Dieu de mourir avant Nikita Sergueitch» (Blot, Jean. Retour a Moscou // Preuves. 1964. № 161. P. 62); вчерашний зэк «[Белинков] сердится на потуги Хрущева руководить искусством — скандал на выставке в Манеже, встречи с писателями, — а Анна Андреевна недовольно отвечает: “А мы с вашей мамой иного мнения о Хрущеве”» (Яблокова-Белинкова Н. Погасшая елка // Грани. 1965. № 136. С. 113). В октябре 1962 года она говорила, что «она “хрущевка”, потому что он “всех выпустил и расселил”» (Катанян В. Прикосновение к идолам. М., 1997. С. 422).
- 73 Кондратович А. Новомирский дневник 1967–1970. М., 1991. С. 77.
- 74 Об этом публично было сообщено позднее (Соколов М. Партия учит требовательности // ЛГ. 1963. 2 апреля); ср.: «Этот типичнейший представитель сталинской “литературной” бюрократии, казалось бы — завзятый враг всех новых веяний, как мог

- он, в начале нынешнего контрнаступления партийной реакции, рядом с подписью Эренбурга поставить свою подпись на знаменитом письме в ЦК, требовавшем, в области культуры, свободы и равных прав для всех направлений? Невероятный факт налицо: из последовавших нападок на него стало известно, что Сурков это письмо подписал. Правда, письмо это самими авторами было затем взято назад, правда, Сурков стал потом отговариваться тем, что за “мирное сосуществование разных идеологий” он стоял всего только девять часов, а затем передумал. Но разве мог Сурков сознательно полезть в пасть ко льву? Совершенно очевидно: в момент, когда партийную реакцию спускали с цепи, Сурков полагал, что последнее слово все же окажется за противоположной стороной, и сам стал перебежать на эту, противоположную, ему самому по существу совершенно чуждую сторону. Подмахивая письмо в ЦК, по советским условиям, в сущности, революционное, Сурков, очевидно, полагал, что в самом ЦК кроме реакционеров-сталинцев существуют и другие, притом достаточно сильные, которым такое выступление может даже потрафить» (*Оболенский С.* Дела и люди // *Возрождение.* 1963. № 137. С. 155). Ср.: «И... Сурков! — вот куда он попался!» (*Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. С. 66). Ср. объяснения И. Эренбурга Хрущеву: «Идея этого письма родилась на сессии Верховного Совета в разговоре с Сурковым и Тихоновым. Сурков сказал мне, что письмо подпишут также Соболев и Рыльский, с которыми он разговаривал, и попросил меня составить черновик, так как он занят» (*Берар Е.* Вокруг мемуаров Ильи Эренбурга // *Минувшее.* 8. Париж, 1989. С. 402).
- 75 *Ю.Г. Оксман — К.И. Чуковский.* Переписка. М., 2001. С. 121–122; речь идет о реакции после подавления польского восстания 1863 года.
- 76 «Ясная Наташа»: Осип Мандельштам и Наталья Штемпель. М.; Воронеж. 2008. С. 150–151.
- 77 *Ермилов В.* Необходимость спора. Читая мемуары И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь» // *Известия.* 1963. 30 января. Редактор «Известий» спустя четверть века от статьи отмежевалась: «... была предопределена без нас. И в целом ситуация была зыбкой» (*Аджубей А.* Те десять лет. М., 1989. С. 171).
- 78 *Глекин Г.* С. 266.
- 79 *ЛЧЗ.* С. 11–12; по-видимому, речь идет о томе О. Мандельштама в «Библиотеке поэта».
- 80 Ср.: *ЛЧЗ.* С. 13 (с несколько неточным изложением письма); отвергнутые сначала «Новым миром», а затем «Знаменем» фраг-

- менты «Поэмы без героя» автор предложил журналу «Москва». «Судьбу Поэмы решает Лев Никулин» (*Оксман Ю. С.* 561). Но и там она была отвергнута.
- 81 *Караганова С.Г.* В «Новом мире» Твардовского // *ВЛ.* 1996. № 3. С. 330.
- 82 *Колчинский А.* Евгений Михайлович // Евгений Винокуров: Жизнь, творчество, архив. М., 2000. С. 227; ср. надписи на его сборниках: «Анне Андреевне Ахматовой с благоговением перед Вашим великим талантом. 24.5.59»; «Анне Андреевне Ахматовой, великой русской поэтессе, с любовью к Вашей поэзии — считающий себя Вашим учеником. 21.1.61» (*ММА*). Впрочем, возможно, до Е. Винокурова дошел ахматовский отзыв: «На столике лежит книга Е. Винокурова “Слово” с такой надписью: “Великой русской поэтессе Анне Ахматовой”. По поводу автора: “Хороший поэт, но знаете что? — в его стихах нет тайны. У Пушкина тайна во всем, у Блока тоже, а вот у Винокурова ее нет...”» (*Глекин Г. С.* 264).
- 83 21 января 1963 года (*ЛЧ2. С.* 18) — в этот день сделана надпись на сборнике Е. Винокурова «Слово. Новые стихи» (М. 1962): «Великой русской поэтессе Анне Ахматовой — сердечно, с преклонением перед ее талантом» (*ММА*). Ср. характеристику лирики Евгения Михайловича Винокурова (1925–1993): «Винокуров пишет давно, со времен войны. Никакого заметного невооруженному глазу скачка в развитии его поэзии не было. Был лишь медленный, упорный рост мастерства, ведущий ко все большей краткости. С самого начала он избегал украшений и всякого рода риторики, стремясь к ясности, четкости, к некой сезанновской вескости: “В казарме густо побеленной, я честно красоту искал”... В его стихах нет лживой условной официальщины. Он уже из тех, кому “нужна только истина. Вынь да положь! Жив я, правдой одной дорожа”... Винокуров выгодно отличается от большинства советских поэтов своей содержательностью» (*Райс Э.* Заметки о поэтах «четвертого поколения» // *Грани.* 1964. № 55. С. 152–153). См. его небольшой мемуар «Анна Ахматова» (1976): «Когда Ахматова бывала иногда в Москве, она звонила мне. Я бывал у нее там, где она оставалась, — то у Виктора Ардова, то у Марии Петровых, то у Ники Глен. Анна Андреевна сидела в шали, в старом халате, еще красивая, величественная, седая, как императрица в изгнании. Говорила она медленно, с расстановкой. Она придавала очень большую цену каждому своему слову, каждой надписи. <...> Слишком серьезных разговоров чаще всего избегала» (*Ви-*

нокуров Е. Собр. соч. в трех томах. Т. 3. Переводы. Проза. М., 1984. С. 250–252); ср. две надписи, от 30 мая 1959 года на «Стихотворениях» 1958 года — «Евгению Винокурову малый дар» и на «Четках» — «Евгению Винокурову с верой в его силы» и надпись на «Стихотворениях» 1961 года от 26 июня 1961 года: «...от которого жду стихи» (сообщено И.Е. Винокуровой).

- 84 Ср. запись от 27 ноября 1962 года: «Третьего дня был у меня [С.В.] Образцов и сообщил, что в Москве закрывается газета “Лит<ература> и жизнь” из-за недостатка подписчиков (на черносотенство нет спроса) и вместо нее возникает “Литературная Россия”. Глава Союза писателей РСФСР — Леонид Соболев подбирает для “Лит<ературной> России” сотрудников и, конечно, норовит сохранить возможно больше сотрудников ЛИЖИ, чтобы снова провести юдофобскую и вообще черносотенную линию. Но для видимости обновления решили пригласить Шкловского и Образцова. Обр<азцов> пришел в Правление, когда в нем находились Ст<епан> Щипачев и Соболев, и сказал: я готов войти в новую редакцию, если там не останется ни одного [А.] Маркова, а если там проявится антисемитский душок, я буду бить по морде всякого, кто причастен к этому. Соболев помрачнел и ушел. Образц<ов> уполномочил меня пойти к Щипачеву и сказать, что он в редакцию “Лит<ературной> России” не входит. <...> Щ<ипачев> рассказывает, что на президиуме Соболев, перечисляя намечаемых сотрудников, даже не упомянул ни [З.С.] Паперного, ни Образцова и так нагло просовывал своих, что Щип <ачев> ударил кулаком по столу и ушел, хлопнув дверью» (Чуковский К. Т. 13. С. 354).
- 85 Лев Кассиль внес в ахматовиану свой вклад, сообщив, в числе многих мемуаристов, о шутке Маяковского: «“Как вы относитесь к Ахматовой?” — “Обо-жжаю!” — и Маяковский поет на мотив “Ухаря-купца”: — “Здравствуй навек, неизбывная боль. Умер вчера сероглазый король...”» (Кассиль Л. На капитанском мостике // Утро. Лит.-худ. сб. Курск, 1936. С. 21; в последующих изданиях своих мемуаров он этот эпизод исключал).
- 86 Ср.: «Умер Рыленков <...> вчера послал вдове телеграмму, употребив слова “русская поэзия”, хотя, конечно, в поэзии этой заметной борозды он не прорезал» (Твардовский А. Из рабочих тетрадей // Зн. 2004. № 5. С. 159). Николай Иванович Рыленков (1909–1969) выступал на траурном митинге у гроба Ахматовой и написал посвященную ее памяти статью.
- 87 Михайлов О. Как я был членом редколлегии «Литературной России» // ЛР. 2001. 10 августа.

- 88 Там же.
- 89 Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 206; будто бы он «тайно любил стихи» (*Вознесенский А.* На виртуальном ветру. М., 1998, С. 293) и при этом «не уставал повторять <...>, что оценивать предлагаемые произведения нужно прежде всего по их художественным качествам, без всяких скидок на именитость и возраст их авторов» (*Лейкин Н.* Без страха и упрека // *АР.* 2001. 15 июня).
- 90 *Последние годы.* С. 46; Константин Иванович Поздняев (1911–2000) в бытность свою начальником отдела культуры газеты Московского военного округа «Красный воин» обращался к Ахматовой 18 апреля 1946 года с сообщением, что опубликовал в газете ее стихи без ее ведома (№ 1655).
- 91 Диалог писателей: Из истории русско-французских культурных связей. 1920–1970. М., 2002. С. 407. Ср.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. Постановления. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 1112.
- 92 Михаил Николаевич Долгополов (1901–1977) — журналист, киносценарист, коллега В.Е. Ардова по редколлегии журнала «Советская эстрада и цирк»; «Просить Долгополова удостоверить первенство “Александрины”» (С. 416). Ср.: «В начале 63 года я более подробно изложила мои пушкинские исследования корреспонденту “Известий” М. Долгополову, который был у меня» (*Ахматова А.* О Пушкине. Статьи и заметки. Изд. 2-е, доп. Горький, 1984. С. 272).
- 93 *Davies, Leslie Dorfman.* Serapion Sister: The Poetry of Elizaveta Polonskaja. Evanston, Illinois, 2001. P. 189. 12 февраля 1962 года это стихотворение было передано автором Ахматовой (№ 604) в комаровском Доме творчества, где они одновременно проживали. Елизавета Григорьевна Полонская (Мовшензон; 1890–1969) была знакома с Ахматовой со времен, когда она была участницей кружка «Серапионовы братья», на заседания которого приходила Ахматова (*Полонская Е.* Начало 20-х гг. // *Простор.* 1964. № 6. С. 118). Ее лирика неоднократно сопоставлялась в критике с ахматовской, например: «Но из всех трех корифеев акмеизма Полонской тех лет безусловно ближе других была его женская представительница — Ахматова <...> Благодаря близости тематики и, очевидно, всего мировосприятия, заимствованная речь звучит почти так же естественно, как своя:

Не любишь ты, а я люблю, и тяжек
Неопыленный цвет на древе бытия.

Он упадет, и пустоцветом ляжет
 На книгу новую любовь моя.

Общий тон скорбной и страстной лирической исповеди — с патетическими акцентами и эмоционально насыщенными «разговорными» интонациями, сила заключительных стихов и фраз, даже пристрастие к «медленным», 5- и 6-стопным ямбам и сжатой, преимущественно трехстрочной композиции стихотворений — все это, несомненно, восходит к Ахматовой. «Ахматовский» мотив неразделенной любви является лейтмотивом всей любовной лирики Полонской, насыщенной трагическими переживаниями... <...> Но что Полонской абсолютно чуждо в Ахматовой — это та атмосфера слащавой мистики и салонной церковности, в которой живет и дышит лирическая героиня Ахматовой! Ей противостоит у Полонской откровенный биологизм, бурное проявление темперамента и даже атавистических инстинктов:

Сжимается рука, а в мыслях — нож иль яд
 И к горлу подступает злоба:
 Как много тысяч лет назад
 Тебя я задушить готова и т.д.»

(*Вышеславцева С.* 15 лет поэтической работы // *Художественная литература.* 1935. № 10. С. 6).

Ср также: «Услышав имя Полонской, А. А. ничего не говорит, но как-то иронически шевелит губами и насмешливо (хотя и сдержанно) смотрит на Н. Я. [Мандельштам]» (*In Memoriam.* С. 564).

- 94 *Будыко М.* С. 353; ср. запись 1962 года: «Сейчас (29-ое окт.) позвонила Галя Корнилова <...> и просила принять редактора “Сов <етского> пис<ателя>” на предмет небольшого сборника. Его зовут Фогельсон — он провожал меня к Пастернаку 1 янв. 1957. Предложение не очень серьезное, но это так не сложно — собрать книгу» (С. 257); ср.: «Светский Фогельсон — нюхатель успеха» (*Самойлов Д. С.* Поденные записи. Т. 2. М., 2002. С. 156). Виктор Сергеевич Фогельсон (1932–1994) — редактор издательства «Советский писатель». См. о его редакторской подцензурной практике: *Дмитриева Е. Е.* Игровое поле советской цензуры (1970–1980 гг.) // *Языки рукописей.* СПб., 2000. С. 260, 263, 265; ср.: «...был мастером “спасения на водах”. Он умудрялся протаскивать и печатать стихи, которые неминуемо должен был задушить местный цензор Борис Иванович Соловьев. Витя разработал и применил на практике простую, но эффективную систему

“циклов”. Стихи — не проза, их можно тасовать, как карты, их можно засовывать под самую невинную вывеску. Например, в цикл “Зарубежные впечатления”. Туда он вставлял тоску, надрыв и душевный мрак. В “Подражания древним” недурно вписывались сатира, злая ирония и эротика. Иногда он сплавлял их в те же “Зарубежные впечатления”. Меньше риска» (*Муравник М. Розовый дом. Вспоминая что было. М., 2006. С. 10*).

- 95 *Рубинчик О.* «Жемчужин для слез достать мне негде». Об Анне Ахматовой // *Русский ювелир. 1997. № 5. С. 59.* Ср. повторяющийся мотив «черного агата» у Н. Клюева (*Азадовский К. «Гаргарья судьбина» Николая Клюева. СПб., 2004. С. 128–129*).
- 96 Ср.: «Вчера (31 января [1918]). Евгения Федоровна. Черный агат. Шея. Духи. Есть и то, что в современной молодежи, но пострадала от того и — *борьба. Тихо слушать*» (*Блок А. Собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 324*). Ср. сказанное Ахматовой о Евгении Федоровне Книпович (1898–1988) в 1956 году: «Это настоящая леди Макбет» (*ЛЧ2. С. 210, 662–663*). В начале 1960-х в ходу была эпиграмма:

Ах, до чего же жизнь жестока!
Какой восход — какой закат:
Вначале были губы Блока,
Теперь Анисимова зад.

Ср. также:

У Книпович
И Павлович
Вышла склока
Из-за Блока

(*Петровых М. Избранное. Стихотворения. Переводы. Из письменного стола / Сост., подгот. текста А.В. Головачевой, Н.Н. Глен. М., 1991. С. 340*; о Надежде Александровне Павлович (1895–1980) и Ахматовой см. нашу справку: *Пути искусства: С. 440–442*; ср. в ее письме к З.Г. Минц от 9 января 1964 года: «Я с [Ахматовой] не переписываюсь и не общаюсь, она в обиде за Гумилева в моей поэме» (*Минц-Лотман*).

См. о Е.Ф. Книпович в записной книжке А.Л. Дымшица: «Умнейший, очень тонкий человек» (*Паньков Н А. В поисках утраченного времени // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 3–4 (7–8). С. 98*).

- 97 Ср. рассказ И.Л. Фейнберга: «Однажды я заглянул к нему в кабинет и увидел, как он стоял перед ней по струнке...» (*Сарнов Б. Бедный лен // Литература. 2002. № 45*).

- 98 Полный текст внутренней рецензии см.: *Сочинения*. Т. 2. Кн. 2. С. 282–284.
- 99 *Огнев В.* Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001. С. 111. Ср. об Иосифе Львовиче Гринберге (1906–1980) недобрый медальон Ю. Оксмана «Фигуры не имеет»: «Говорит Гринберг мало, пишет еще меньше. Никаких подлостей за ним не числится. Но и добрые его дела покрыты мраком неизвестности. Много лет назад, еще в 1940 г. напечатал Гринберг что-то о Багрицком. В пору борьбы с космополитизмом статью эту почему-то вспомнили, да так, что бедный критик перепугался лет на двадцать пять» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 3. Ед.хр. 38). Внутренняя рецензия И. Гринберга была напечатана после выхода «Бега времени» (*Гринберг И.* Весь настужь распахнут поэт // *Культура и жизнь*. 1966. № 3. С. 23–27).
- 100 *Металлургстрой* (Новокузнецк). 1963. 16 марта. Бывший тогда редактором многотиражки поэт Владимир Леонович (1933–2014) вспоминал, что стихотворение было передано ему Сергеем Дрофенко, заведовавшим отделом поэзии в журнале «Юность».
- 101 Ср. его текст («сообщил Долматовский») в хранившейся у Абрама Эфроса ахматовской подборке «Стихи, не вошедшие в ее книги», датированной 25 апреля 1945 года (НИОР РГБ); бывшая зечка Елена Ильзен сообщила его Т.И. Лещенко (*Лещенко-Сухомлина Т.* Долгое будущее. М., 1991. С. 275), Е.С. Левитин — Симону Маркишу (*Маркиш Ш.* «Могучая евангельская старость...» // *Зн.* 1997. № 11. С. 121); ср. также: «Я видела, как уважительно и тепло держалась Ольга Дмитриевна с А.А. Ахматовой. Я понимала, что их надо оставлять вдвоем, и всегда находила повод для этого. Однажды, проводив Ахматову, Ольга Дмитриевна, закрыв глаза, медленно припоминая, слово за словом прочитала мне стихотворение, которое она, видимо, недавно услышала от автора:

Один идет прямым путем,
 Другой идет по кругу
 И ждет возврата в отчий дом,
 Ждет прежнюю подругу.
 А я иду — за мной беда,
 Не прямо и не косо
 А в никуда и в никогда,
 Как поезда с откоса»

(*Довлатова М.* Человек умной души. Воспоминания об О.Д. Форш // *Нева*. 1972. № 2. С. 131; об Ахматовой и Ольге Форш см.

нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 8. С. 69–71). См. также воспоминания Александра Тимофеевского об Анатолии Якобсоне: «Якобсон чувствовал поэзию бесподобно. В детстве и юности мы дарили друг другу поэтов. Толя открыл мне Цветаеву, открыл в свое время Мандельштама. Дело в том, что я как-то умудрился совершенно равнодушно отнестись к Цветаевой, прочтя ее в десятом классе в Исторической библиотеке, мне ее поэзия показалась неинтересной. Открыл “новую” Ахматову пятидесятых годов. Произошло это так: мы с ним переходим улицу, идем к тому месту, где он жил, к Хлыновскому тупику на углу улицы Герцена. Толя раскуривает сигарету, говорит: “Хочешь, я тебе прочту стихи?” — “Прочти”. — “Ну вот послушай”: “Один идет прямым путем <...>”. Он меня спрашивает: “Как ты думаешь, чи это стихи, по крайней мере, кто написал, мужчина или женщина?” — Я думаю: стихи напористые, жесткие, и говорю: “Конечно, мужчина”. “Нет, это написала Анна Андреевна Ахматова”» (Памяти Анатолия Якобсона: Сб. воспоминаний. Бостон, 2010. С. 243–244); Анатолий Александрович Якобсон (1935–1978) — поэт, литературовед, переводчик, деятель правозащитного движения, автор обращенного к Ахматовой стихотворения (23 октября 1962 года):

Рука всевластная судьбы
 Россию взвесила, как глыбу,
 И подняла — не на дыбы,
 Как Петр когда-то, а на дыбу.
 И на весу гремят составы,
 Несутся годы-поезда;
 Отменная была езда:
 Мгла — впереди и бездна — под,
 И от заставы до заставы —
 Все вывернутые суставы,
 Все смертный хрип да смертный пот.
 Но, извиваясь от удушья,
 Вручая крестной муке плоть,
 Россия, как велел Господь,
 В ту пору возлюбила душу:
 Себе самой могилу рыть,
 Любые вынести глумленья,
 Но душу спрятать, душу скрыть,
 Спасти — живую — от растленья.
 Надежный отыскать сосуд,
 Чтoб в нем душа, как хлеб в котомке,

А там — какой угодно суд
 Пускай произнесут потомки.
 В одной крови себя избыть,
 В одном дыханье претвориться —
 В наперснице своей судьбы,
 В сестре, избраннице, царице.
 Найти такую. И обречь
 На муки. И — святынь святей —
 Собою заслонив, сберечь
 От тысячи смертей.

Автограф с надписью «Анне Андреевне Ахматовой, душехранительнице России»: №634; о поэте Александре Павловиче Тимофеевском и его строке «Ни вспомнить, ни забыть», подобранной Ахматовой (С. 441), см. нашу справку: *Эткиндовские чтения. II-III. С. 294.*

- 102 Письмо к Ахматовой от И.А. Давыдова из Семипалатинска от 22 июля 1965 года (ОАА. С. 548–549). К редактору фронтовой газеты Ивану Андреевичу Давыдову (1902–1966) во время войны стекались и другие неопубликованные ахматовские стихи. Например, машинистка Е.Н. Ледер послала ему летом 1944 года из Ярославля стихотворение «А я уже стою на подступах к чему-то...» (РГАЛИ).
- 103 *Жовтис А.* Вопреки эпохе и судьбе // Нева. 1990. № 1. С. 175. Как известно из рассказа В. Шаламова «Афинские ночи», в 1948 году до колымского лагеря дошла и «Поэма без героя», посланная киносценаристу А.З. Добровольскому, как будто, Иваном Пырьевым и Мариной Ладыниной. См. о последней свидетельство Н. Побоя: «Вопреки своему амплу в кино, она была невероятно умным, очень образованным и интересным человеком, в отличие от своего мужа, знаменитого кинорежиссера Ивана Пырьева» (Собеседник на пиру: памяти Николая Побоя / Ред.-сост. П. Полян. М., 2013. С. 58–59). Списки «Поэмы» распространились в Москве во время войны. Основным источником стал экземпляр Зои Томашевской (*Зоркая Н.* Мой незабываемый 1968-й // Кинематограф оттепели: Документы и свидетельства. М. 1998. С. 434). Строки из «Решки» взял в 1944 году эпиграфом в своей роман Аркадий Белинков (*Белинков А.* Россия и Черт. Роман. Рассказы. Пьеса. Допросы. СПб., 2000. С. 52–53).
- 104 «Вот, например, одно из последних стихотворений, полученное в письме, без указания даты и где оно напечатано» (*Тера-*

пиано Ю. О последних стихах Анны Ахматовой и о «Поэме без героя» // *РМ*. 1960. 28 мая). В Париже в присутствии З.Н. Гиппиус, Тэффи и Берберовой его прочел Н.С. Давиденков (*Берберова Н. Курсив мой. Автобиография*. М., 1996. С. 496–497). Заметим, что в бумагах Тэффи (Бахметевский архив) сохранилась подписная машинопись другого неопубликованного стихотворения Ахматовой — «Последний тост» (1934–1940). Это стихотворение было предоставлено журналу «Резец» («Ленинград») перед войной, и как вспоминает мемуарист, было одобрено к публикации А.А. Прокофьевым. Мемуарист только, как водится, не добавляет, что эта публикация не состоялась (*Дымшиц А. Звенья памяти. Портреты и зарисовки*. М., 1975. С. 146). О хождении этого стихотворения свидетельствует письмо С.С. Наровчатова от 26 июня 1943 года к Ольге Берггольц: «Много было поводов <...> чтобы жизнь разонравилась, но нет — она хороша, горькая и жестокая — все равно хороша. Помнишь строки:

Я пью за разоренный дом... и за тебя я пью

И дальше...» (Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 425).

105 Оно широко расходилось — видимо, из какой-то из редакционных корзин. В письме к Ахматовой от 7 декабря 1961 года его цитировал незнакомый ей Юрий Данилович Кашкаров (псевд. Skalon/Скалон; 1940–1994), с 1976 года эмигрант, редактор нью-йоркского «Нового журнала» (*Кашкаров Ю. Два письма Анне Ахматовой / Публ. М. Кралина // НЖ*. 2005. № 241. С. 247).

106 Москва. 1963. № 3. С. 42.

107 *Бабиченко Д.Л.* Писатели и цензоры. М., 1994. С. 46. О лопухах и лебедь в этих стихах см.: «И тогда же в сороковом году их должны были прочитать по радио. Но секретарь ленинградского обкома по пропаганде товарищ Бедин написал на экземпляре стихотворения свою резолюцию: “Надо писать о полезных злаках, о ржи, о пшенице, а не о сорняках”» (*Меттер И.* Допрос. СПб., 1998. С. 97).

108 *Ильин И.А.* Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М., 1993. С. 226. Ср. о нем: «Разговор о Скрябине [он начинал] воплем: “Скрябин писал в своих симфониях о таких половых мерзостях, что я не решаюсь посмотреть в лицо соседке по ложе”» (*Ветлугин А. [Рындзюн В.И.]. Образы расплавленной Москвы*. Берлин, [1922]. С. 31).

109 *Трифонов Ю.* Ответ на анкету // *ВЛ*. 1963. № 2. С. 61; ср. об этих строках у А. Тарасенкова в 1946 году: «Значит, везде, во всем

поэзия. Это старый закон реализма, если хотите, открытый еще Бальзаком» (РГАЛИ. Ф. 2587. Оп. 1. Ед.хр. 72. Л. 3). Не углубляясь в историю этого топоса, напомним о переключке со стихами К.К. Случевского «Не так ли в рухляди, над хламом...», отмеченной В. Перельмутером (*Перельмутер В.* Пушкинское эхо. Записки. Заметки. Эссе. М.; Торонто, 2003. С. 106). Ср. также, вероятно, увиденное Ахматовой: «...волшебные звуки иногда кажутся залогом того, что рай, “утопия”, “идеал”, а также и поэзия могут быть сделаны из какой-то ерунды, чуть ли не из любого “сырья”, из каждого случайного настроения. Здесь поневоле вспоминаются прекрасные строки Анны Ахматовой: Когда бы вы знали, из какого сора...» (*Иваск Ю.* Парадоксы звукописи // Воздушные пути. Альманах IV. Нью-Йорк, 1965. С. 234–235).

110 Ср. набросок к нему: «А я говорю, вероятно, за многих — / Юродивых, скорбных, немых и убогих, / И силу свою они мне отдают / И помощи скорой и действенной ждут / И стала бы богаче всех в Египте / Как говаривал Кузмин покойный. 1961. 30 марта. Красная Конница» (С. 134–135).

111 *Сергеев А.* Omnibus. С. 379; *Последние годы.* С. 209–210; здесь сближение с известным эпизодом из «Петербургских зим» Георгия Иванова («Зима. Она одета плохо. Шла мимо какая-то женщина... Подала Ане копейку. — Прими, Христа ради. — Аня эту копейку спрятала за образа. Бережет...» — *Иванов Г.* Собр. соч. В 3 т. Т. 3. М., 1994. С. 55), о чем Ахматова писала: «Сочинение таких мемуаров дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Там фигурируют <...> я, собирающая подаяние» («Листки из дневника»). О реминисценции из «Записок из Мертвого Дома» у Г.В. Иванова см.: *Богомолов Н.А.* От Пушкина до Кибирова: статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. М., 2004. С. 326–327. Ивановская история о копейке изложена в посвященном Ахматовой стихотворении «Поэтессе» эмигрантского поэта Павла Адриановича Сухатина (1902–1978) в его сборнике «Контрасты. Книга первая» (Сидней, 1964).

Об Андрее Яковлевиче Сергееве (1933–1998) см.: *Королева Н.* Собеседник Анны Ахматовой — Андрей Сергеев // *ВЛ.* 2008. № 1. С. 296–322. «Настоящий русский интеллигент, христианин, человек высокой культуры и острого ума, он так тонко чувствовал жизнь и так много мог и умел о ней сказать» (*Балл Г., Строчков В.* Памяти Андрея Сергеева // *РМ.* 1998. 3–9 декабря). В первом своем письме к Ахматовой от 2 апреля

1961 года он, говоря о своем преклонении, оговаривал: «Я не решился сказать Вам эти слова летом при встрече в Москве. Вы сейчас самый большой русский поэт — в силу внутренних, а не внешних причин: Ваши новые стихи становятся все лучше и лучше. Случайные поводы к этому письму — Ваша вышедшая книга, сложившиеся у меня стихи Вам» (№ 990).

По смежности заметим, что, возможно, имеет некоторое распространение неточное мнение об отношении Ахматовой к одному из самых значительных имен поколения — о том, что Ахматова была «among the admirer's of Krasovitski's talent» (*Kolchinsky, Irene. The Revival of the Russian Literary Avant-Garde: The Thaw Generation and Beyond. Munchen, 2001. P. 94*). Известное нам свидетельство говорит об обратном:

«Я прочел Ахматовой несколько моих любимых стихотворений Красовицкого. Не понравилось.

— Нет звука» (*Sergeev A. Omnibus. С. 379*; не читалось ли, между прочим, стихотворение «Форель», которое могло навести на неприятные для Ахматовой ассоциации? — ср.:

Форель разбивает лед,
Глаза устремив вперед,
Выкрасив бледный рот —
Вперед мимо черных спин.
Рыбой во льду манекен,
Люди ряды морен,
Но ею ломается лед
Мертвых окон, витрин...
В красном пальто идет
В снежную даль она.
Странно звучат слова
Случайные Кузмина:
Форель разбивает лед,
Форель разбивает лед —
Верность, цели, весна,
В новую жизнь переход...и т.д.

(Эхо (Париж). 1980. №1. С. 46–47).

- 112 См. письма П.И. Лобасова 1960 года (ОАА. С. 541–542); ср.: ЛЧз. С. 428–429, 434. В то же время она отвечала заключенному Н. Беклемишеву (С. 104; в цитируемом издании атрибуция неверна) — ср. его письмо (№ 1425). Ср. также: «Письма каторжников. <...> Последнее (лето 1962 г.) из Усть-Кута Иркутской области». Человек 11 лет сидит в тюрьме (58 статья)» (С. 237).

Речь идет о Геннадии Михайловиче Черепове (1934–2001; документальными подтверждениями дат жизни не располагаем) — ср. запись ноября 1962 года: «Кому писать. <...> Черепову лагерь» (С. 262). Черепов, участник восстания в норильском Горлаге (Особлаг № 2), писал в первом письме, присланном на адрес «Литературной газеты» (№ 1117): «Собственно, я и знаю-то Вас только книжную и то очень отрывочно. Ни одной черточки Вашей реальной биографии — только психологический очерк, содержание которого почерпнуто из Ваших нескольких стихотворений, дошедших неисповедимыми путями в эту глухомань, да из переписки Блока. <...> В 1953 году я встречался в Омске, в Камышлагге, с сыном Гумилева, но к сожалению, тогда всем нам было не до узнаваний». В этом письме Г. Черепов предлагал свои стихотворения и ссылался на Лао-Цзы, «заумные пустоты» которого в это время восхищали Ахматову; ср. о читанных им среди заключенных лекциях по истории философии и оккультизму: «Черепову, с его заоблачных, трансцендентных высот, всякая политика казалась мелка...» (Вайль Б. Особо опасный. Лондон, 1980. С. 235–236). В следующем письме, отвечая на посланное по просьбе Ахматовой сообщение о том, что она напишет ему, когда почувствует себя лучше, он замечал по поводу упоминания имени в статье Л. Озерова «Еще о стране русской поэзии» (ЛГ. 1962. 12 июня): «Почему он не бережливо относится к Вашему имени? Как можно знать Вас и писать о Вас по столь незначительному поводу?» К этому письму было приложено десять стихотворений. «К Евтушенко, Сельвинскому, Слуцкому и пр. обращаться с этим не хочу. Это не от сомнения. Просто, они далеки мне». 25 октября 1962 года он сообщал: «Совсем на днях мои друзья пообещали мне прислать Вашу переписанную “Поэму без героя”. Жду не дождусь, когда же?» После этого письма был продиктован Нике Глен ответ: «Милый Геннадий Михайлович, меня очень огорчает, что Вы так тревожитесь. Теперь Вы знаете мой постоянный московский адрес и убедились, что письма хорошо доходят. Сюда, в Москву, мне переслали сразу 2 Ваших письма — от 25 и 30. Я слишком мало знаю Ваши стихи, чтобы судить о них. Во всяком случае, они искренние, и в них присутствует мысль, что не так часто бывает. Вы спрашиваете о моих стихах. Посылаю Вам 3 стихотворения <...>, недавно напечатанные. В январских номерах “Нового мира” и “Знамени” будет четыре моих стихотворения, в “Новом мире” пять. Если достану мой сборник — что

не так легко — пошлю <...> («МАА»). 2 апреля 1965 года, только освободившись, он писал из Красноярска, просил одолжить 30 рублей. «Она сразу же велела выслать деньги телеграфом» (Найман А. С. 199). Ср. воспоминания Ильи Бокштейна: «Был у нас потрясающий поэт Геннадий Черепов. Его поэзия — поэзия нестерпимой боли, но это не боль человека, лишённого внешней свободы (никаких примет лагеря в его стихах нет), — это бездонная трагедия эзотерического сознания:

Но где я их встречал? Скажи, сестра иль брат,
В каком созвездии, в какой иной эпохе?
Я помню явственно: вот так же шли в закат
Слепцы, паяцы, скоморохи...

Огромного накала поэт!» (Поликовская Л. «Мы предчувствие, предтеча...». Площадь Маяковского 1958–1965. М., 1997. С. 203).

Ср. также фразу Ахматовой случайному посетителю в 1964 году: «...были письма (раньше) из мест заключения, письма раздирающие душу» (Казанков Б. [О встрече с Ахматовой]. // Терийоки — Зеленогорск 1548–1998. СПб., 1998. С. 39).

- 113 На эту тему см.: *Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В.* Ахматова и Кузмин // *Russian Literature. Vol. VI (№ 3)*. С. 213–305. Эта связь актуализирована «Поэмой без героя», что ощущалось уже первыми читателями — см., например, письмо Е.Е. Тагер к Ахматовой 1942 года: «Но я поняла тогда строки —

я на твоём пишу черновике,
и вот чужое слово проступает —

как разговор Ваш с каким-то другим поэтом и мне слышалась тогда переключка с кузминскими строками “В оркестре пело раненое море, зелёный край за паром голубым”

— — — —

Я расскажу, как мне слышалось

Вдруг поднялись, и там —

— Зелёный дым

Не море ли?

И в накипающие пен

Все ближе, ближе — Marche funèbre — Шопен

—

Кони бьются, храпят в испуге,

Синей лентой обвиты дуги

Полость треплется, диво-птица.

Визг полозьев — “гайда, Марица!”

Стой... бежит с фонарем гайдук...

Распахнулась атласная шубка

—

Как парадно звенят полозья,
И волочится полость козья —
Мимо, тени! он там один.

И самая тема его вступления
где “память-экономка”
Воображение — воу

— приведшие к нему в гости давних друзей, литературных героев, каких-то персонажей.

И наконец, темные ресницы Антиноя, все мне прозвучала переключка с Кузьминым <sic!>, его слово чужое проступает и доверчиво и без упрека тает» (*От Кибирова до Пушкина*. С. 602); Елена Ефимовна Тагер (урожд. Хургес; 1905–1981) — искусствовед, жена литературоведа Е.Б. Тагера; ср. запись рассказа Ахматовой 14 декабря 1963 года: «— А Елену Ефимовну Тагер вы знаете? — с живостью спросила она. — Нет? Не знаете, что было со мной в Ташкенте? Как она один раз ночью страшно ко мне вошла. Общежитие уже покоилось в объятиях Морфея... Я в своей комнатке — помните? четверть здешней кухни! — я тоже легла уже, но еще не спала. Вдруг слышу деревяшка по лестнице: “курлы, курлы” — и прямо в нашу общую с соседями прихожую. Ну, думаю, не ко мне... Нет, ко мне, вошла: “Я знаю шифр вашей поэмы”... Повернулась и вышла... Представляете себе, как это тогда звучало страшно? Слово “шифр”?» (*ЛЧЗ*. С. 123).

- 114 Ср. например: «Мы скажем, что Ахматова *не поднялась и не могла подняться до реализма*. В этом ее принципиальное отличие от Пушкина; она, как и многие другие поэты (например, Кузмин), не умела осмыслить “деталей”, — они у нее являются самодовлеющими эстетическими моментами, не подчиненными, как это всегда бывает у Пушкина, большой и волнующей идее. Что кроется за описанием вещей у Ахматовой? “Ни в лодке, ни в телеге / Нельзя попасть сюда. / Стоит на гиблом снеге / Глубокая вода; / Усадьбу осаждает / Уже со всех сторон... / Ах! близко изнывает / Такой же Робинзон. / Пойдет взглянуть на сани, / На лыжи, на коня, / А после на диване / Сидит и ждет меня / И шпорою короткой / Рвет коврик пополам. / Теперь улыбки кроткой / Не видеть зеркалам” (1916). Это уже совсем

по-кузмински!» (Волков А. Поэзия русского империализма. М., 1935. С. 111).

Ср. фразу о «кузминском духе» в ее ранних стихах: *Амстердам* А. Всеволод Рождественский: *Путь поэта*. М.; Л., 1965. С. 24. Ср. также: «В предисловии к ее первой книге декадент М. Кузьмин <sic!> расточал комплименты буржуазно-салонной поэтессе...» (*Перцов В.* Маяковский. Жизнь и творчество (До Великой Октябрьской социалистической революции). М., 1951. С. 191). Всю жизнь проносил это сближение Виктор Шкловский: «И хотя стихи Кузмина сейчас не переиздают и читают его мало, мне кажется, он не умер в литературе. “В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые”. Так писал Гоголь. Я думаю, что Ахматова многим обязана Кузмину. Она его прямой потомок. Через Ахматову, может быть, Кузмин неузнанным, инкогнито, прошел в нашу литературу. Тень его бродит где-то рядом с нами» (*Шкловский В.* Ветер наполняет паруса... // *ЛГ.* 1984. 15 февраля).

- 115 Ср.: «1915. Лето. Была вместе с Николаем Степановичем у Ф.К. Сологуба на благотворительном вечере, устроенном Сологубом в пользу ссыльных большевиков. Билеты на вечер стоили по 100 рублей. Были все богачи Петербурга, в одном из первых рядов сидел Митька Рубинштейн. АА читала стихи. Николай Степанович не читал, потому что был в военной форме, и ему было неудобно выступать. Такие вечера устраивались Ф.К. Сологубом ежегодно» (*Л2.* С. 321–322).
- 116 Выступление А.А. Жданова на собрании Ленинградского партактива в Смольном 15 августа 1946 г. (*Хроника того августа // Петербургский журнал.* 1993. № 1–2. С. 33).
- 117 Ср. слова Ахматовой: «Удивительно, как могли напечатать... Это страшнее “Ивана Денисовича”... Там можно все на культ личности спихнуть, а тут... Ведь это у него не Матрена, а вся русская деревня под паровоз попала и вдребезги...» (*ЛЧЗ.* С. 16).
- 118 См. например: «В наши дни женщина вызывает к жизни мощные общественные движения, показывает образцы коммунистического труда. Имена многих героинь известны всей стране. Их по праву называют “маяками”. Не солженицынская Матрена, а такие, как Гаганова, Долинюк, Загада, составляют основу нашей жизни. Это без них, говоря языком А. Солженицына, “не стоит село, ни город, ни вся земля наша”» (*Сергованцев Н.* Трагедия одиночества и «сплошной быт» // Октябрь. 1963. № 4.

С. 207). Валентина Ивановна Гаганова (1932–2010) — прядильщица Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината, инициатор перехода передовиков производства на отстающие участки; по наблюдению американки, о ней в СССР писали больше, чем об Элизабет Тейлор в США (*Mosby, Aline. The View from № 13, People's Street. New York, 1962. P. 235*); ср.: «Сам Хрущев перед друзьями в Польше / Вновь о Валентине говорил» (*Дементьев А. Дорога в завтра // Наш современник. 1960. № 4. С. 24*); Евгения Алексеевна Долинюк (1914–1990) и Надежда Григорьевна Заглада (1894–1977) — колхозницы, «труженицы кукурузных полей». Ср.: «Самым неповторимым и напрочь сшибавшим с ног во времена Хрущева было появление не помню откуда взявшейся бабки-кликуши современного образца Надежды Заглады. Вызванный к жизни фантазией правдивов, этот образ умудренной жизнью старухи периодически “вещал” с первой страницы “Правды”. Она обращалась ко всем — пионерам, пенсионерам, школьникам, рабочим, колхозникам, домохозяйкам с мудрыми поучениями. Стилизованным, псевдонародным языком, с шутками и прибаутками, она наставляла, учила уму-разуму граждан великой страны. По замыслу авторов вся эта анекдотичная затея должна была, видимо, формировать общественное сознание и укреплять моральные устои человека новой формации» (*Шапченко Н. Этюды вчерашнего дня: Павлодар середины века // Простор. 2001. № 5. С. 64*); «Как всем памятно, Загладу уже некоторое время тому назад советская печать превратила в подобие богородицы поморского согласия: учить всех премудрости, как надо колхозное строительство вести. И вот бабку прорвало: стала она впрямь наворачивать правду-матку. И не про одну только химию. За то, что урожай в этом году оказался уж до такой степени плох, вождь, как известно, обвиняет погоду. А Заглада заявляет: “Как говорится, на погоду надейся, а сам не плошай... Неужто все одинаковы перед погодным фактором? Разве до сих пор никто не боролся с капризами природы? Кто это дал волю болтунам отставлять хлебобобов от ответственности за урожай?” <...> «Плодим безответственность, а потом удивляемся, — наворачивает бабка: — поведете свое хозяйство в тупик и будете думать, что совесть у вас чиста, партбилет остался при вас... Воткнули в землю лозунг, и люди, можно сказать, все время будильник перед собою видят, и так без труда совестью полнятся» (*Оболенский С. Дела и люди // Возрождение. 1964. № 145. С. 159*).

- 119 Чалмаев В. «Святые» и «бесы» // Октябрь. 1963. № 10. С. 215.
- 120 Ср.: «Жуткой, мертвой красотой веют стихи Ахматовой о войне (“Молитва”, “Утешение”, “Июль 1914 г.”), в них есть какое-то закрывание глаз на жизнь, реальный ужас заслоняется иконописными образами “заступников наших”, погибших воинов, в просветленных небесных ризах. И какой надуманной, славянофильско-сусальной является в этих стихах русская деревня, покрытая “белым платом” Богородицы и живущая только суевериями да приметами» (*Гизетти А.* Три души. Стихотворения Н. Львовой, А. Ахматовой, М. Моравской // Ежемесячный журнал. 1915. № 12. С. 159).
- 121 «И вот среди шуток она вдруг сказала о себе: “Я та самая старуха из Солженицына, которая говорит, что ей надоело всех провожать на тот свет”» (*Глекин Г.* С. 269). К внушительному каталогу ахматовских двойников-зеркал добавим еще формулу чешского критика: «Чуть не Суламифь, чуть не Медея, чуть не Саломея...» (*Р.Е. [Eisner, Pavel].* А.А. Achmatowa // Prager Presse. 1923. 22. August; Павел Эйснер (1889–1958) — поэт, переводчик, изучал славистику в Немецком университете в Праге. Ср. жалобу 1920-х: «Почему никто не скажет обо мне что-нибудь простое, человеческое. Все какие-то Кассандры и Андромахи» (*ОАА.* С. 174).
- 122 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 826. Л. 18. Американский поэт, прозаик, литературовед Фрэнклин д’Олиер Рив (Reeve; 1928–2013) был персонажем одной «пластинки» Ахматовой: «“Вы знаете, что он сделал, когда услышал об этой нечаянной встрече с Блоком на платформе?” После выразительной паузы: “Он свистнул!” Развязность этого дикого ковбоя ее приводила в восторг (*ВАА.* С. 502). 14 сентября 1961 года он писал Ю. Оксману: «А на прошлой неделе я провел целый вечер у Анны Андреевны в теплой и с ее стороны очень милой беседе» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 825. Л. 15).
- 123 С этим стихотворением она впервые выступила в своем первом публичном чтении стихов в Обществе ревнителей художественного слова (*Пяст Вл.* С. 110); ср.: «Глубоко по настроению легко начинающееся стихотворение “Я пришла сюда, бездельница...”, завершающееся строгими строфами ограниченной в своих возможностях бессильной человеческой примиренности» (*Б <ухарова> З.* «Четки» // Россия. 1914. 29 апреля).

19 мая 1918 года Ахматова участвовала в литературном утреннике «Земля у современных русских поэтов», где, кстати, впервые, видимо, увидела Е.И. Замятина.

- 124 Ср.: «Ахматова выступает перед нами в первых стихотворениях, как натура бурная, страстная, активная, полная жгучей жажды “жить во всю”. Достоевский как-то сказал, что “душа человеческая по природе христианка”, так как всегда тоскует по иному, лучшему миру. Душа Ахматовой *в начале* ее творческого пути могла служить живым опровержением этой мысли. Она — по природе “язычница”, привязанная прочными нитями к прекрасной земле и ей “верная” по завету Ницше» (*Газетти А. Три души. Стихотворения Н. Львовой, А. Ахматовой, М. Моравской // Ежемесячный журнал. 1915. № 12. С. 154*). Ср. проповеди Заратустры: «Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! <...> Теперь хулить землю — самое ужасное преступление, так же как чтить сущность непостижимого выше, чем смысл земли!» Заметим к слову, что Ницше и Ахматова соседствовали на книжных полках читателей 1910-х: «В угол установились косо / Ницше, Ахматова, Гастев...» (*Александровский В. Север. Стихотворения. М., 1919. С. 16*).
- 125 *Reeve, Helen S. Two Unsung Russian Poetesses // Connecticut College Alumnae News. 1964. Vol. XLI. № 3. P. 18*; Хелен Рив — американская славистка, которая сообщила нам в письме от 3 июня 1998 года, что они с ее тогдашним мужем Франклином Ривом дважды навещали Ахматову в 1961-м по рекомендации Д.Е. Максимова и Ю.Г. Оксмана; ср. рождественское поздравление, подписанное супругами Рив и тремя их детьми (№ 973а).
- 126 См.: «...напечатали в “Юности” мое стихотворение “Памяти Тициана Табидзе” <...> И мне тогда же позвонила Анна Андреевна Ахматова и сказала, что она в Москве и хотела бы со мной повидаться... произнесла замечательные слова об этом стихотворении. А я сказала ей... что не могу с ней встретиться, потому что ее стихи значат для меня столь много, что встреча с ней будет для меня потрясением, которого я физически не переживу. А дня через два-три мне позвонила Мария Сергеевна Петровых и сказала, что просит меня зайти, так как она редактирует переводную книгу, где есть и мои переводы, и она хочет, чтоб мы их вместе посмотрели. Я пришла к ней, она сказала: “Сейчас поставлю кофе”... пошла на кухню... В это время вышла Анна Андреевна и сказала: “Ну, ловко мы вас обманули?” Для меня это был страшный миг! Казалось, у меня разорвется сердце...» (Юнна Мориц: «...все корни тянутся к свободе...» / С Ю. Мориц беседовала Е. Михайлова // Даугава. 1987. № 7. С. 78).

- 127 Ср.: «Однажды Борис Пастернак привел Тициана и Паоло [Яшвили] ко мне, на Фонтанку 34, где я тогда жила. По моей просьбе Тициан прочел много стихотворений по-грузински; мне хотелось глубже вникнуть в музыку грузинского стиха, постичь его звучание. <...> Мы все, ленинградские поэты, его очень любили. Это был необычайно теплый, искренний человек, всей душой преданный поэзии, живший в искусстве; к тому же он обладал редким умением держать себя в обществе» (У Анны Ахматовой: Беседа критика В. Балуашвили с А.А. Ахматовой // Литературная Грузия. 1965. № 1. С. 96). Ср. об этом визите: *Андроников И.* Чист как самородок // Литературная Грузия. 1977. № 8. С. 46. Ср. также заметку о Табидзе и Яшвили: *Сочинения.* Т. 5. С. 264–265. Современник описал Ахматову на ленинградском вечере Тициана Табидзе в Союзе писателей 31 марта 1937 года: «Ахматова появилась. Как прежде, носит свой портрет. Но не столь воспечаленный лик» (*Крайнева Н.И., Шилов Л.А.* «Сверхнормальная женщина...» (Выдержки из дневника И.А. Боричевского) // История в рукописях и рукописи в истории: Сборник научных трудов к 200-летию Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. СПб. 2006. С. 440). См. о Паоло Яшвили и Ахматовой нашу справку: *Лесная школа.* С. 168–171.
- 128 ЛЧЗ. С. 33–35.
- 129 Ср. зафиксированные в блокноте слова К.П. Богатырева: «Про “Родную землю” — это *только* вы имели имели право написать» (С. 297); о Константине Петровиче Богатыреве (1925–1976) см. в справке С.И. Богатыревой: «Демобилизовавшись, Константин Богатырев поступил на филологический факультет Московского университета, но мирная студенческая жизнь продолжалась недолго. Он учился на третьем курсе, когда его арестовали по доносу сексота. Обвинение было чудовищным и нелепым: попытка государственного переворота и убийство всех членов правительства. Приговор: смертная казнь, “гуманно” замененная на четверть века лагерей. Там, на Воркуте, в недрах ГУЛАГа, с лопатой в руках Константин Богатырев начал переводить с немецкого своих любимых поэтов — те стихи, которые знал наизусть» (ВЛ. 1996. № 1. С. 238). См. пересказ впечатлений парторгши, присутствовавшей в зале суда: «Он хотел — ты подумай только! — взорвать Кремль, уничтожить многих честных коммунистов <...> Когда зачитывали обвинительный акт, Костя смеялся и вообще вел себя нахально и на-

гло...» (Клейнер П. Заседание кафедры // Народ и земля (Иерусалим). 1985. № 4. С. 166); ср. также: «Выйдя на волю в 1956-м, он закончил университет, но служить никуда не пошел, избрав нелегкий и совсем не хлебный удел профессионального литератора, переводчика поэзии. Выбор этот, в своем роде тоже героический, был, по-моему, обусловлен тем, что Костя, по существу родившись заново, уже ни на йоту не хотел поступиться новообретенной свободой. Думаю, именно здесь исток и его ликующей, мальчишеской готовности радоваться жизни, и спокойного внутреннего бесстрашия, с которым он в те печальной памяти застойные годы не признавал в разговорах запретных тем и вообще не желал жить с вечно пугливой, униженной оглядкой на органы, на всеобщий перед ними страх» (Рудницкий М. Пример бескорыстного служения: Заметки о Константине Богатыреве // Иностранная литература. 2001. № 6. С. 279).

- 130 Урбан А. Прямо в жизнь (Заметки о поэзии) // ВЛ. 1964. № 1. С. 48.
- 131 Так, 26 января 1963 года ей написала Т.Г. Цявловская: «Потрясена Вашей “Родной землей” и “Последней розой” и четверостишиями» (надпись на статье: *Цявловская Т.Г.* Неясные места биографии Пушкина // Пушкин: исследования и материалы. М.;Л., 1962. Т. 4 — МАА). Пушкинистка Татьяна Григорьевна Цявловская (урож. Зенгер; 1897–1978) писала К.В. Шилову 1 мая 1966 года: «Умерла Ахматова. <...> Была знакома лет 35, бывала у нее — в начале знакомства, приезжая в Ленинград, потом робость сковывала перед ее знаменитостью и зная, что к ней всегда паломничество людей. Она бывала у меня, приезжая в Москву, или вызывала меня, приехав. В Ташкенте, в эвакуации жили в одном доме, и она спускалась к нам — читать мне и моим близким свои только что написанные стихи. Так, читала нам поэму, которая называлась “1913”, потом — “Поэма без героя”... (Часть первая “1913 год” входит в “Поэму без героя”). После войны она прислала мне через одного знакомого (она была тут, в Москве) свою статью одну ненапечатанную о Пушкине, сказав, что она рассчитывает особенно на мое понимание (может быть, не совсем так, но смысл такой). Читала мне и Бонди другую свою статью о Пушкине. Перед поездкой в Италию звонила мне, что написала новую статью о Пушкине, которую пойму только я, что она — в сущности, только мне ее и писала. “Вернусь из Италии, — повидаемся и я Вам

ее (покажу? прочту? — не помню, — передам?)”. Нам не суждено было увидаться. Все собираюсь с духом написать ее близким об этом, просить их прислать мне эту статью. Знакомство шапочное? — Отнюдь» (*Шилов К.* Восстановление родства. М., 2007. С. 389–390). Ср.: «В то недолгое время, что я жила у Цявловских, мне доводилось видеть, как многие женщины, в том числе и “роскошная” жена Евгения Габриловича, словно верные пажы, служили Ахматовой. Она с милостивой улыбкой принимала их услуги: кто-то делился с ней картофелем, кто-то ташил принесенную снедь или нес ведро с водой. Наблюдая все это, Татьяна Григорьевна Цявловская с лукавинкой в глазах говорила нараспев:

Королева играла
В башне замка Шопена.
И внимая Шопену,
Полюбил ее паж...»

(*Крикун Н.* «Я буду помнить звездный кров...» // Мангалочий дворик: Ахматовский Ташкентский сборник. Вып. 1. Ташкент, 1999. С. 12).

- 132 *НРС.* 1963. 17 марта; *Левинг Ю.* «Ахматова» русской эмиграции — Гизелла Лахман // *НЛО.* 2006. № 81. С. 167–168; о Г.С. Лахман (Рабинерсон; 1895–1969) см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции.* С. 686. Ср.: «...одного стихотворения Гизелла Лахман не любила, в котором Ахматова говорит, что она “руками замкнула слух” лишь бы не слышать “утешного” голоса, звавшего ее оставить Россию “навсегда”. <...> Россию Гизелла Лахман покинула молодой девушкой, тогда же, когда за границу уехали многие другие русские.

<...> — Можно выбирать политическое мученичество для себя, но нельзя выбирать его для своих детей.

Долг матери Гизелла Лахман ставила превыше всего. И она считала, что долг Ахматовой был спасти сына, которого она, оставшись в России, обрекла потом на все муки — аресты, издевательства, каторгу. Когда же в 1962 году появилось второе стихотворение “Родной земле”, в котором Ахматова бросила упрек всем покинувшим Россию, <...> Гизелла Лахман была глубоко уязвлена. На эти стихи она ответила своими, в которых защищала свою правду. Нужно было, конечно, много мужества, чтобы посметь возразить Ахматовой, но оно у Гизеллы было» (*Крузенитерн-Петерец Ю.* Живому другу // *НРС.* 1969. 4 ноября).

- 133 Слизкой А. Два рассказа А. Солженицына // *РМ*. 1963. 12 марта; ср. также рассуждения Г.В. Адамовича: «...когда я говорю, что в ее позиции был какой-то вызов, это не относилось к отдельным людям. У меня не было в разговорах — в общем я с ней проговорил, может быть, часов 5–6 — не было ни одной минуты какого-то ощущения недоброжелательства, что она на одной стороне, а я на другой — ничего подобного. Но, так сказать, в общем ее... одно из последних ее стихотворений и одно из первых [«Когда в тоске самоубийства...»] не то чтобы оправдывало <sic!> как одно из возможных ее решение <sic!>, выбор, а считала <sic!>, что ее позиция вернее другой. Между тем, как в таком сложном деле, как революция, как все эти несчастья, всем том, что... конечно, в революции было много необходимого и верного, но было много жестокого и несправедливого, как во всяком великом мировом общественном явлении. Нельзя одну сторону найти и считать, что вот это поведение правильно, а другое неправильно. Я боюсь быть неправильно понятым в свою очередь, но я только говорю, что можно было поступить так, как поступила Ахматова, можно было поступить так, как поступил, скажем, Бердяев, хотя Бердяев был выслан, или как поступил Лев Шестов и другие» (*Адамович Г., Франк В. Беседа об Ахматовой 21/22 августа 1970*).
- 134 Между оказавшимися рядом в журнальной подборке «Царскосельской одой» и «Родной землей», возможно, существует тонкая внутренняя ассоциативная связь, пролегающая через навязчивый для Ахматовой мотив атомной катастрофы: «— Я помню, как в начале века у нас говорили, что в Царском Селе очень полезно жить, потому что там радиоактивная земля...» (*Ардов М. «Не поэтесса». Поэт! Из бесед с Анной Ахматовой // ЛГ. 1989. 4 января*).
- 135 В «Знамени» (1963. № 1) не прошло только стихотворение «Наследница» («...И даже собственную тень, всю искаженную от страха, / И покаянную рубаху») (*С. 249*); его опубликовали в журнале «Москва» через три месяца после смерти автора.
- 136 Например, «Царскосельская ода» вызывала естественный интерес к генеалогии двустопного анапеста: «Про “Оду” — совершенно неверное суждение о ее близости к “Вакханалии”. Здесь (т.е. в “Оде”) — дерзкое свержение “царскосельских” традиций от Ломоносова до Анненского и первый пласт полувоспоминаний, там (у Пастернака) описание собственного “богатого быта”» (*С. 297*). С.Ю. Неклюдов вспоминает, как в дни после

выхода этого номера «Нового мира» ему по просьбе Ахматовой звонила Н.Е. Горбаневская, чтобы выяснить образчики ритмики «Вакханалии». Представляется, что основным ритмико-семантическим импульсом был «Снег» И. Анненского: «Полюбил бы я зиму, / Да обуза тяжка... / От нее даже дыму / Не уйти в облака. / Эта резанность линий, / Этот грузный полет, / Этот нищенски синий / И заплаканный лед!..»; им, в свою очередь, наследуются смысловые ресурсы «отблеска светлых видений» и «эпопеи священной» из едва ли не первого образца этого размера — из «Палестины» П. Вяземского: «Свод безоблачно синий / Иудейских небес, / Беспредельность пустыни, / Одиноких древес. / Пальмы, маслины скудной / Бесприютная тень, / Позолотою чудной / Ярко блещущий день». Размер избран вослед «пропущенному звену», метафоре разрушенного Петербурга как разрушенного Иерусалима (ср. вариант в «Поэме без героя» с пушкинской отсылкой: «Расстояние как от Луги до сионских горних высот»).

См. также: *Арьев А.* «Великолепный мрак чужого сада»: Царское Село в русской поэтической традиции и «Царскосельская ода» Ахматовой // *Зв.* 1999. № 6. С. 220–238.

- 137 *Озеров Л.* Дверь в мастерскую. Париж; М.; Нью-Йорк, 1996. С. 107.
- 138 Ср.: «Я лично, говоря о современном мышлении в поэзии, не мог бы обойти и таких (тоже очень разных) поэтов, как Асеев и Ахматова, Заболоцкий и Мартынов, Винокуров и Самойлов» (*Сарнов Б.* Размышления о «современном мышлении» в поэзии // *ЛГ.* 1963. 28 февраля).
- 139 *Струве Н.* О «Полночных стихах» // *Вестник русского христианского движения.* 1990. № 159. С. 197–204.
- 140 *Минченко Д.* Как нам было страшно! Найден подлинник речей Хрущева перед советской интеллигенцией // *Огонек.* 2002. № 8. С. 11.
- 141 *Ромм М.* Устные рассказы. М., 1989. С. 133.
- 142 Ср.: «Пусть его [Данте] тень с орлиным профилем указывает путь нашим юным поэтам (аввакумовцам)» (С. 679); ср. объяснение прозвища: «Ахматова однажды назвала нас “аввакумовцами” — за нежелание идти ни на какие уступки ради возможности опубликовать стихи и получить признание Союза писателей» (*Найман А.* С. 101).
- 143 *Иерусалимский журнал.* 2001. № 9. С. 170.
- 144 *Найман А.* Четыре стихотворения // *ЛО.* 1989. № 5. С. 111.

- 145 *Последние годы*. С. 89.
- 146 *Фрадкина С.Я.* Вера Панова и Пермь // Воспоминания о Вере Пановой. М., 1988. С. 144. О прозаике Вере Федоровне Пановой (1905–1973) см.: «Она любила Цветаеву, не любила Ахматову» (*Громов П.* Написанное и ненаписанное. М., 1994. С. 291); в марте 1966 года Л.К. Чуковская записала: «Она не любила Анну Андреевну, Анна Андреевна ее терпеть не могла...» (*Зн.* 2003. № 1. С. 156). Как-то вместе с Пановой перепало Магомету: «Мы рассказали, как Панова благоговейно говорила о ней и читала ее стихи. Она слушала отстраненно, мы не сразу поняли, что она не хочет говорить о Пановой. Едва услышав, что та собирается писать книгу о Магомете, взметнулась, глаза потемнели от гнева, голос задрожал:
- Магомета ненавижу. Половину человечества посадил в тюрьму. Мои прабабки, монгольские царевны, диких жеребцов оббезджали, мужей нагайками учили. А пришел ислам, их заперли в гаремы, под паранджу, под чадру.
- Мы слышали лекцию по истории ислама, о первых халифатах, настоящую лекцию серьезного, разносторонне образованного историка. О Магомете она говорила с такой ненавистью, как говорят лишь о личном враге, еще живом» (*Орлова Р., Копелев А.* С. 277).
- О своем выступлении с осуждением Пастернака в 1958-м В.Ф. Панова говорила: «— Нет, я должна выступить. Вы разве не понимаете, что иначе всей интеллигенции будет худо. Если исключат Пастернака, они успокоятся, если нет, то начнется то, через что мы с Вами прошли» (*Бабеншыева С.* Вера Вельтман — Вера Панова // СССР: Внутренние противоречия (Нью-Йорк). 1982. № 4. С. 192).
- 147 Ср.: «...стихи, в которых она *разыгрывала* любовный роман, воспроизводивший в обращенной назад перспективе и отражавший в старых зеркалах ряд реалий нашего с ней единого многомесячного, хотя и разорванного на отдельные фрагменты разговора, конкретного, всегда немного таинственного, мерцающего, исполненного искренности, чувства, лукавства, напрягаемого внезапным конфликтом, согреваемого быстрым примирением. Некоторые стихи из тех, что я тогда писал, она приводила к знаменателю своих собственных: например, на мои, начинавшиеся “После последней ссоры больше уже не мучь”, адресованные третьему лицу, откликнулась ответом “Кто тебя мучит такого”, включив их тем самым в “наш”, слышимый

ею диалог. Уже тогда до меня доходили слухи, объясняющие наши с ней отношения по схеме, рисуемой желанием мерить всех по своей мерке, как правило, увы, пошло-подлой и, само собой, раскрашенной грязным воображением» (*Найман А. С.* 383; стихи «После последней ссоры...» и «Кто тебя мучит такого»: *С.* 714).

Пространство записной книжки трансформировалось, таким образом, в пространство альбома, и завязывался стиховой турнир наподобие того, что когда-то состоялся в салоне «первой русской поэтессы», дальней ахматовской родственницы Анны Буниной: «В альбоме Буниной, например, под стихами некоего Бориса Бланка “Мне ль сметь писать стихи...” и т.д. кто-то другой подмахнул:

Кто ж под руку тебя толкал?
Не смеешь — лучше б не писал»

(*Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. СПб., 2001. С. 23).

- 148 31 декабря 1963 года В. Сутугина записала в дневнике о вечере, проведенном ею у Е.М. Тагер: «Читали стихи Анны Андреевны Исаю <sic!> Бродскому. Это молодой, 22 лет, поэт, очень талантливый, и она в него влюблена и такие стихи ему пишет — как в молодости писала. А он влюблен в какую-то молоденькую красавицу Марину, девушку. Его чуть не выслали из Ленинграда. Говорят, что они с товарищем хотели захватить самолет и ударить за границу. А по другим слухам — все это на антисемитической подкладке» (ИРЛИ); через месяц она писала Ахматовой: «...мне удалось прочитать Ваши “Полуночные стихи”. Что это за прелесть! Это лучшее, что Вы написали за последнее время (по моему мнению). В них такой аромат молодости, что я вспомнила Вас с большим гребнем в волосах и меховом воротнике» (№ 1013).

- 149 *Гозенпуд А.* Неувядшие листья // *ОАА.* С. 319. Ср. запомненные Томасом Венцлова слова Ахматовой по другому поводу: «Чаша бывает так полна, что из нее падает пена. Это и есть новые произведения. Вот так случилась у Пушкина “Сцена из Фауста”. Такое может случиться и с “Тамлетом”» (*Последние годы.* С. 80).

- 150 В переводе Т.Л. Щепкиной-Куперник: «Здорова ли моя Джульетта? Если / Ей хорошо, дурного быть не может! / *Бальтазар.* Ей хорошо, дурного быть не может! / Синьоры тело в склепе Капулетти, / Бессмертная ж душа — на небесах. / Я видел сам, как в склеп ее несли...».

- 151 Театровед А. Гозенпуд вспоминал: «Анна Андреевна в беседах не раз возвращалась к “Макбету” Шекспира. <...> Однажды она сказала, что пришла к выводу, что прообразом главной героини послужила Мария Стюарт. Если Екатерину II Анна Андреевна “терпеть не могла”, то шотландскую королеву она ненавидела, как самого лютого врага.

— Это олицетворение вероломства, подлости, коварства, предательства. Она вдохновительница убийств мужа и любовника, всех, кто ей мешал. По сравнению с ней Клеопатра — невинное дитя. И подумайте только, как ее прославляли и возвеличивали, словно христианку, растерзанную львами на арене Колизея по приказанию Нерона. <...> Сравните характер и поведение леди Макбет и Марии Стюарт. Для их властолюбия не существует нравственных преград. Убийство оправданно, если оно прокладывает дорогу к трону. Леди Макбет подсказывает мужу мысль об убийстве короля, так же как Мария Стюарт внушает то же своему любовнику Босуэлу, и он убивает ее мужа и поджигает дом, куда заманили несчастного. И там и здесь вину возлагают на слуг. Мы не знаем, испытывала ли Мария Стюарт муки совести, подобно леди Макбет. Но это ничего не меняет. И конечно же, убийство Дарнлея не единственное преступление Марии — ее руки в крови, и ее запаха не уничтожить никакими благовониями. <...> А.А. Ахматова говорила не только убежденно, но и страстно, как если бы Мария Стюарт была ее современницей» (ОАА. С. 325–327).

- 152 *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. С. 74, 81; ср. запись в апреле 1963 года: «Борьба каких-то сил наверху, когда “паны дерутся”, а в Москве запрещают Шекспира» (*Иванов Вс.* Дневники. М., 2001. С. 458).
- 153 Фотография была подарена А. Найману полтора года спустя — 11 октября 1964 года (*Найман А.* С. 133); стихотворение «Берегись» завершается стихом «Живые, бойтесь земных разлук!».
- 154 Второе Ахматова читала 1 апреля 1946 года А.В. Любимовой — «Вот это хорошее» (ОАА. С. 243):

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь — одна. <...>
Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа — верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна (1896).

Это стихотворение, как и предыдущее, разошлось на эпиграфы. Один из них украсил стихи недотезки Анны Ахматовой, «курсистки А. А-товой», как было подписано в старом петроградском альманахе:

Любовь одна, как Смерть одна.

З. Гиппиус.

Весь ужас в том, что жизнь неповторима,

Что каждый час спадает цвет с души;

Любовь, как сон в тоске проходит мимо.

О, колесница жизни, не спеши!

Хочу любить совсем и без остатка

и т.д. (Студенческий сборник. П., 1915. С. 71); см. запись 2 октября 1964 года: «Стихи в “Студенческом сборнике” (1915 г.) — не мои» (С. 561). Сведения о сборнике были приведены в указателе «Литературно-художественные альманахи и сборники» (Т. 2. М., 1958. С. 165).

- 155 Поэзия З. Гиппиус неоднократно сопоставлялась с ахматовской, например: «Есть в Ахматовой что-то родственное с дарованием Гиппиус» (*Кадмин Н. [Абрамович Н.Я.] История русской поэзии. Т. 2. М., 1915. С. 310*); «Если уж говорить о “королевском” пафосе в писаниях современных женщин-писательниц, то его в действительности можно открыть разве только в лирике З.Н. Гиппиус. Здесь требовательность, непримиримость и тайная гордость подлинной королевы в изгнании, королевы, не пожелавшей неправдою добиваться утраченного престола истины (религиозные писания З.Н. Гиппиус, как сложенные под непосредственным и дурным влиянием г. Мережковского, в счет не идут) и потому возложившей на себя несносный обет смирения. Наряду с Гиппиус, и А. Цветаева, и А. Ахматова, и наивная М. Моравская — скромные фрейлины, правда, порою несговорчивые, капризные, часто ноющие, иногда удачно имитирующие жесты своей старшей сестры, но не способные к ее упорству, к ее немеркнувшей сознательности и вечному оплакиванию утраченных прав <...> А. Ахматова не позволяет себе быть сантиментальной: она казнит себя за каждый просто-человеческий, просто-женский шаг, но есть предел ее жестокости к себе: в молитве, в религиозной условности, в поклонении возлюбленному, в подчинении иной воле она готова обрести тихую пристань» (*Лундберг Е. Рец. на кн.: Цветаева А. Королевские размышления. М., 1915 // День. 1915. 8 августа*).

- Мнение З.Н. Гиппиус о поэзии Ахматовой было обнародовано от имени А.И. Тинякова: «Поэзия З. Гиппиус говорит о вечно-женственном, поэзия А. Ахматовой — о вечно-женском, поэзия Л. Столица — о вечно-бабьем...» (*Тиняков А.* На книжных полях. Заметки и афоризмы // *Новый журнал для всех.* 1915. № 10. С. 59); ср.: «Эпиграмма Зинаиды Гиппиус напечатана за подписью Тинякова!» (*Л2.* С. 189); ср. в «Черных тетрадах» З. Гиппиус (1918): «А такие внесознательные, тонкостебельные, бездонно-женские женщины, как поэтесса А. Ахматова (очень талантливая) — разве это люди?» (*Звенья.* Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 61); о нелюбви Ахматовой к «злой» (*С. 616*) З. Гиппиус см. свидетельство З.Б. Томашевской (*ОАА.* С. 417); ср.: *ЛЧ1.* С. 79.
- 156 Ахматова любила цитировать финал стихотворения «В волшебную призму»: «Но радуги нету победней, / Чем радуга конченных мук!..» (*ЛЧ1.* С. 364). Ср. формулу «радуга невольных слез» в стихотворении «Тринадцать строчек», расшифровывающую перифразу Анненского (*Аникин А.Е.* Ахматова и Анненский: Заметки к теме. IV. Препринт. Новосибирск, 1989. С. 46).
- 157 *Л2.* С. 294.
- 158 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 501. Л. 16.
- 159 В блокноте отмечена четверка «именинников» того дня, когда написана «Предвесенняя элегия», изгнанных, умученных и гонимых: «10 марта 1963. Комарово. День Данта (приговор). Смерть Замятина (1937) и Булгакова (1940). Арест Левы (1938)» (*С. 308*).
- 160 *Минченко Д.* Как нам было страшно! // *Огонек.* 2002. № 8. С. 11.
- 161 *СК.* 1963. 23 марта. 12 апреля 1963 г. М. Шагинян писала из Москвы в Ленинград брату Е.Г. Полонской, искусствоведу А.Г. Мовшенсону, знакомому Ахматовой (*С. 214, 327, 623*): «...все вокруг достаточно противно» (*ВЛ.* 2000. № 2. С. 287).
- 162 *Блюм А.* «Берегите Зощенко...»: Подцензурная судьба писателя после августа 1946-го // *Зв.* 2004. № 8. С. 133.
- 163 *ЛЧ2.* С. 341.
- 164 *Мандельштам Н.Я.* [Об Ахматовой] / Публ., прим. и послесл. П. Нерлера // *Литературная учеба.* 1989. № 5. С. 134.
- 165 «Здесь мне миров наобещают, / Здесь каждый сильный мне знаком, / И небожители вещают / Обыкновенным языком. / Степенный бог проведать друга / Приходит здесь: поклон, привет — / И подымаются в ответ / Слова, как снеговая вьюга» (*Тринадцать поэтов.* Пг., 1917. С. 31).

- 166 Чудовский В. По поводу стихов Анны Ахматовой // *Pro et contra*. 1. С. 67. И. Одоевцева передает слова Гумилева: «Все же, несмотря на то, что это образ чисто акмеистический, надо обладать изумительным зрением, чтобы разглядеть в небе на таком расстоянии крохотную распластанную беличью шкурку. Я советовал заменить ее овечьей, но Ахматова меня, конечно, не послушала», — рассказывал мне он. — «Хорошо сделала», — подумала я про себя» (*Одоевцева И. Об «акмеистах» // НРС*. 1974. 3 февраля). «Не будь этой беличьей шкурки, и все стихотворение, может быть, не имело бы той хрупкой пронзительности, которую оно имеет», — писал М. Кузмин в предисловии к «Вечеру». О подспудном соединении темы Снегурочки с темой Офелии за пятьдесят два года до «Предвесенней элегии» — через эпиграф из «Гамлета» в стихотворении Жюля Лафорга, послужившего толчком для стихотворения «Высоко в небе облачко серело» см. нашу справку «Лафорг Жюль»: *На меже*. С. 338–340.
- 167 Пяст В. Встречи. М., 1929. С. 156; Пяст Вл. С. 110.
- 168 Шкловский В. О Маяковском. 1940. М., 1940. С. 29; ср. например: «Весной я умру, — говорила она себе, — умру, как Снегурка». <...> Она оказалась правой и по отношению к себе, когда говорила, что умрет весной, как Снегурочка» (*Дымов О. Томление духа // Лит.-худ. альманахи изд-ва «Шиповник». СПб., 1912. Кн. 17. С. 69, 88*); ср. также у Игорь-Северянина в «Поэзе предвесенних трепетов» (1913), предположительно обращенной к Ольге Судейкиной: «И вздох мимозного лица, — / Лица, которого бесчертны / Неуловимые черты: / Снегурка с темпом сердца серны...». О бытовании образа Снегурки в начале XX века см.: *Душечкина Е.В. Русская елка: История, мифология, литература. СПб., 2002. С. 372–383*.
- 169 У этой героини, как известно, две ипостаси, которые можно обозначить двумя опытами портрета.

Первый:

«В «Четках» Ахматовой владеет земное, может быть, даже слишком полно владеет: истерическая надорванность («десять лет замираний и криков»), манерность, слишком обостренное жизненное восприятие, чувственная окраска — все это, в значительной части «Четок», создавало даже атмосферу пошлости, не убеждая, впрочем, никого в личной «порочности» поэтессы, чего ей, по-видимому, хотелось» (*[Якубович Д.П.] Рец. на кн.: Анна Ахматова. Белая стая // Русское богатство. 1918. № 1–2–3. С. 302*).

Второй:

«Как подлинно русская женщина, она в своих стихах почти не знает счастливой любви:

Столько просьб у любимой всегда.
У разлюбленной просьб не бывает.
Как я рада, что нынче вода
Под бесцветным ледком замирает.

Она не знает взаимного счастья, требуя от любви слишком многого, неизменно стремясь к предельному. В этом особая нравственная чистота ее строк, бескомпромиссность выраженного в них чувства. Во имя любви героиня Ахматовой ничего не просит для себя, она готова целиком слиться с любимым. И в силу этого она оказывается выше и жертвенней своего избранника. Каким прекрасным и неподкупным самозабвением дышит, хотя бы, стихотворение, говорящее об одном желании:

Смотреть, как гаснут полосы
В закатном мраке хвой,
Пьянея звуком голоса,
Похожего на твой.

<...> Жертвенная и страстная, влекущая возлюбленная и верный друг, одинаковая и в радости, и в беде, — такова героиня лучших ахматовских стихотворений. Она возникает перед нами то как изящная “канатная плясунья”, сознающая, что ушедшего возлюбленного ей не заменят “четыре новые плаща”, то как нежная “снегурочка”, обреченная погибнуть с первым весенним солнцем, но благословляющая свой удел, потому что была любима. В ее сердце нет чувства мести к любимому и обманувшему, она находит силы перенести обиду и сказать беглецу от любви:

Будешь жить, не зная лиха,
Править и судить,
Со своей подругой тихой
Сыновей растить.

И какой бесконечной нежностью звучит ее обращение к тому, кто поднимается до подлинного исповедания любви, кто так же, как и она, опьянен густым и терпким хмелем колдовского напитка:

Вы хотели муки жалящей <sic!>
Вместо счастья безмятежного.
Не покину я товарища,
И беспутного и нежного.

Через все встречи, пожатия рук и разговор глаз, она проходит верная и преданная, неизменная и терпеливая. Даже покинутая, она остается до конца верна своим друзьям и с надрывной мукой, как подбитая чайка, следит на холодном берегу за ускользающими парусами. Но и здесь ее жалобы сдержанны, стонов не слышно. Полюнной мудростью звучат строки:

Знаю, гадая, и мне обрывать
Нежный цветок — маргаритку.
Должен на этой земле испытать
Каждый любовную пытку.

В этой примиренности с судьбой, со своей женской жертвенной долей характерная черта ахматовской лирики. Недаром она с таким волнением говорит, что ей памятна до боли “твердая скудная земля”:

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб.
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

Так за образом салонной дамы вновь выступает фигура простой русской женщины, которая признается:

Муж хлестал меня узорчатым
Вдвое сложенным ремнем.

Да, это не очаровательная Манон Леско, а именно русская женщина со всем своим “бабьим”, непосредственным и простым» (*Рудин Дм. [Александров Р]. Русская женщина // Новое слово (Берлин). 1944. 25 июня*).

Ср. ахматовское резюме подобных интерпретаций: «Ну да, я понимаю: святая-пресвятая, несчастная, брошенная чужим и злым мужчиной, слеза на щеке, канарейка в клетке...» (*ЛЧ. С. 345*).

170 Рукопись в бумагах В.Ф. Боцяновского (ИРЛИ).

171 Ср. запись жителя столицы от 15 июня 1963 года: «Москва в тополином пуху. Он носится по улицам, залетает в комнату, садится на лицо, костюм, волосы. <...> Слежавшийся тополинный пух похож на вату или посеревший снег. В жизни не видел столько пуха. И не знал, что Москва так богата тополями» (*Леввицкий Л. Дневник // Зн. 2001. № 7. С. 120*).

172 *Горький А.М.* Письмо к Е. Феррари от 2 октября 1922 г. // *Литературное наследство. Т. 70. М., 1963. С. 566*; предыдущая фраза относится к стихам адресатки: «Может быть, именно в образности их сила?»; имя Ахматовой не могло не вспомниться

над сочинениями Е. Феррари: «У нее ахматовская дикция — даже не дикция, а произношение. Легкие приемы легко перенимаются. Параллельность природы и психики. Отрывистость, неожиданность переходов. Например:

Вы уедете и сразу станет пусто;
Сердце бледное заледенеет.
Пусть и снег лежит, и ветер пусть,
Мне уж быть не может холоднее.
Не изменится ничто вокруг,
Все останется по-прежнему,
Только я, вступая в новый круг,
Улыбаться буду реже.

- Припоминаете? Все — почти дословно, как у “той” — а ничего не получается. Там — страдальческие складки, здесь — гримаска. Там переживание — здесь жеманство» (К.В. [Мочульский]. Рец. на кн.: Феррари Е. Эрифилли. Берлин, 1923 // Звено. 1923. 13 августа; Мочульский К. Кризис воображения. Статьи. Эссе. Портреты. Томск, 1999. С. 344); ср. также о влиянии Ахматовой в рецензии А. Закржевской на эту книгу (Дни. 1923. 15 июля); Елена Константиновна Феррари — псевдоним Ольги Федоровны Голубовской (1899–1938), советской военной разведчицы, впоследствии расстрелянной; ср.: Шкловский В. Гамбургский счет. М., 1990. С. 53. См. о ней: Флейшман А. Поэтесса-террористка // Феррари Е. Эрифилли. М., 2009. С. 29–71.
- 173 Казанков Б. [О встрече с Ахматовой] // Терийоки — Зеленогорск 1548–1998. СПб., 1998. С. 38.
- 174 На развертывании этой метафоры, вплетя в нее впечатления от встречи, строил свою концепцию Андрей Синявский в письмах из лагеря:

«Поэзия Анны Ахматовой похожа на пруд или озеро, отороченное лесом, или на зеркало, в котором все кажется менее реальным, но более выпуклым, чем в действительности. Отражение яркого неба и блистающих облаков, которые становятся еще ярче — в черной заводе, где черти водятся, но на поверхности ни зыби, ни плеска: все в невидимой тишине, в озарении темного, подводного света. Заливка. Белое на черном. Странная чернота в белизне. Зависимость от фона, который по-зеркальному гладок, глубок, траурен, на котором контур предмета резок и в нем посверкивает что-то пронзительное, магическое, непонятно откуда берущееся, потому что — “ничего нет”.

То же: низкий, бархатный фон ее голоса и рокошущая манера читать, и ахматовское платье, глухое, закрытое. То же: традиционность Ахматовой, ее приверженность к классическому зеркалу стиха, в которое она смотрится пристально и где, как в венецианских затонах, отражается и нынешний день, и живая мелодия речи, торжественно, авторитетно — на неподвижном фоне Лирики прошлых столетий. В ее стихах — до нее кто-то прошел — как в зеркале, когда взглянешь внезапно, кажется — кто-то только что был и вышел, и вещи настороженно прислушиваются — к отсутствию.

Зеркало — анаграмма ее стиля. Жест застылости, знак почета и немоты, величия. А цвет — всегда черный. Кого ни спроси: какого цвета Ахматова? — и всякий скажет: черного. И когда она вызывающе произнесла: “Из мглы магических зеркал”, — ей, разумеется, не мог не припомниться Пушкин, с его “магическим кристаллом”, сквозь который все так ясно светится, а у нее — зеркальная мгла, откуда никто не выглядывает, но скользят по стеклу титулованные отражения. Таков же аристократизм Ахматовой — алмазное зеркало в обрамлении Санкт-Петербурга, Царского Села (Версаля), которые под стать ее позе, всегда позе, играющей роль фона. Точнее сказать, роль и фон, на котором она играет, медлительная, важная, чтобы не потревожить эту завороженную воду, — слились в позе Ахматовой, в неподвижном, зеркальном состоянии Королевы.

В алмазном зеркале немотствующих вод
Сияют облаков живые очертанья...

(Терц А. Голос из хора. Лондон, 1973. С. 84–85; «В алмазном зеркале...» — перевод Ахматовой из Ваана Терьяна).

175 О мотиве «Анна» — «благодать» см.: Мейлах М.Б. Об именах Ахматовой. I. Анна // Russian Literature. 1975. № 10–11. С. 33–57.

176 Ср.: «...усиление гласного *a* при помощи двойного *n*, тоже часто встречающееся в стихах Ахматовой (“Несказанная радость твоя”, “Осиянным забвением смой”, “И несказанным светом сияла”), осмыслено самой Ахматовой не только как акустическое, но и как артикуляционное:

Мне дали имя при крещенье — Анна,
Сладчайшее для губ людских и слуха»

(Эйхенбаум Б. Анна Ахматова: Опыт анализа. Пг., 1923. С. 103); ср. воспоминания о пересказанной для Ахматовой в 1930-х лекции Г.А. Гуковского:

«Речь шла о звукописи. Он сказал:

— Помню, Владимир Шилейко, муж Анны Андреевны, все ее поддразнивал: “Мне дали имя при крещении Анна — сладчайшее для губ людских и слуха”. И удивлялся: для губ, для губ!»; «Она усмехнулась воспоминанию, но возразила:

— Я вовсе не хотела сказать, что это был губной звук» (*Зернова Р.* На море и обратно. Иерусалим, 1998. С. 192, 199); строки эти были памяты Ахматовой и по грубому упреку: «Имя Анна — “сладчайшее для губ людских”, понятно почему: ведь это имя автора. Но взята эта “сладость” у Бунина, у которого “сладчайшее из слов земных — Рахиль” в одном из его чудесных сонетов. Стилизацией старинных “любовных сетей” и “сладкого земного питья” не скрыть скудости своего поэтического багажа» (*Тальников Д.* «Четки» // Современный мир. 1914. № 10. С. 211; 2-я паг.; *Pro et contra.* 1. С. 111; о Д.Л. Тальникове-Шпитальникове см. нашу справку: *Я всем прощение.* С. 511–513). В.К. Шилейко обыграл эти ахматовские строки в фонетике своего, явно обращенного к Ахматовой, восьмистишия (1916):

Моя причуда безымянна,
И для меня она давно,
Как небо севера, туманна
И несказанна, как оно.
И все ее призыв безумный
Пустынным сердцем стерегу, —
Как бури жалобный и шумный
Порыв на хмуром берегу

(*Марков А.* Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 334–335).

177 См.: *Виленкин В.Я.* В сто первом зеркале. М., 1987. С. 143.

178 О поэтессе и переводчице Анне Дмитриевне Радловой (1891–1949) Ахматовой рассказывала в 1962 году М.И. Будыко: «Врагом А. А. была А.Д. Радлова — леди Макбет, провинциальная Кармен. Она писала плохие стихи, ее называли “Анна, но не та”. <...> Кузмин стал орудием А.Р. (так же, как и Чу[д]овский) <...> А.Р. и С. Р<адлов> остались у немцев, она умерла в лагере, он умер год или два тому назад» (*Будыко М.* С. 351); ср.: «В ее стихах есть нечто от Анны Ахматовой, но можно сказать, перефразируя известную поговорку “Анна, да не та”» (*Его [Голлербах Э.]* Рец. на кн.: А. Радлова. Корабли // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 9); «Анна Радлова отравлена другой “Анной”, чье имя светло, как “белая стая”». (*П.Л.* Рец. на кн.: А. Радлова. Корабли // Новый путь (Рига). 1921. 10 августа); «Радлова

очень и очень сродни Ахматовой. Если мы примем предложенную Чуковским антитезу “Ахматова и Маяковский — две России”, то, конечно, Радлова окажется дочерью России ахматовской — России, уже сыгравшей, по-видимому, свою историческую роль <...> Радлова, повторяем, ведет свою поэтическую родословную от Ахматовой. Это вполне естественно — вряд ли мыслима сейчас женщина-поэт, не зависящая так или иначе от самого женственного нашего лирика. Но в строгие формы ахматовского стиха сумела Радлова вложить переживания души, поистине обновленной трагической эпохи» (*Оксенов И.* Рец. на кн.: Радлова А. Корабли // Книга и революция. 1921. № 7. С. 59); ср. о «любопытной белой вороне буржуазной поэзии», «приявшей и в общем понявшей величие революции и своеобразно восхвалившей ее в полуахматовских по форме и словарю стихах» (*Горбачев Г.* Письма из Петербурга // Горн. 1922. № 2(7). С. 133); «С Анной Ахматовой ее связывает почти один лишь автоматизм критиков, видящих в Анне Ахматовой родоначальницу всех стихотворящих женщин» (*Чудовский В.* По поводу одного сборника стихов («Корабли» Анны Радловой) // Начала. 1921. № 1. С. 210); ср. слова Ахматовой о А.Д. Радловой в связи с этой рецензией: «Я боюсь осуждать ее, грех осуждать, но...» (*Чуковский К.* Т. 11. С. 371); «Книгой “Корабли” А. Радлова вступила полноправно и законно в семью больших современных лириков, как Ахматова, Блок, Вяч. Иванов, Мандельштам и Сологуб» (*Кузмин М.* Голос поэта // Жизнь искусства. 1921. 26–29 марта).

179 *Глекин Г.* С. 292.

180 Новые ведомости. Вечерний вып. 1918. 22 (9) апреля. В период сочинения и публикации приведенного стихотворения А. Радловой Ахматова еще поддерживала с ней отношения — ср. воспоминания актрисы Е.Д. Головинской «Из опыта моего поколения» о 1918–1920 годах: «Я часто бывала у Радловых. <...> Часто бывал М.А. Кузмин, В.М. Ходасевич, редко Ахматова. Кузмин мне очень нравился своей вдумчивостью, изысканными стихами, которые он любил читать в напевной, почти певческой манере. Он почти всегда бывал со своим близким другом Юркуном, и этот друг почти напугал меня своей самоуверенностью и снобизмом» (РГБ); тогда же первая строфа стихотворения «И мнится голос человека» с датой «1917. Слепнево» была вписана в альбом А. Радловой (ИРЛИ); ср. также: *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 106; *ЛЧи.* С. 59, 175; *Тименчик Р.* Об одном

письме Анны Ахматовой // *Зв.* 1991. № 9. С. 165–168; *Что вдруг.* С. 463–467, 494–503.

- 181 Ср.: «Поздняя лирика вносит интригующую “непонятность” в содержание “любовой памяти” <...> Стихотворение начинается серией обобщений <...> и затем, с введением “его” памяти (“придется тебе вспоминать”), семантически резко сужается, чтобы завершиться единичной, видимо, символической подробностью (“Тот ржавый колючий веночек / В тревожной своей тишине”). О значении символа можно лишь строить догадки...» (*Гурвич И.* *Любовная лирика Ахматовой (целостность и эволюция)* // *ВЛ.* 1997. № 5. С. 32–33). Заметим, что стертый оксюморон «тревожная тишина» нужен для отсылки к мучительному сонету Иннокентия Анненского о явлении стихов:

Но все мне дорого — туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,
Без плана, вспышками идущее сцепленье:
Мое мучение и мой восторг оне.

(*Аникин А.Е.* *Ахматова и Анненский: Заметки к теме.* II. С. 37).

- 182 Письмо к Сергею Штейну от 11 февраля 1907 года.
- 183 Гитан(н)а Аркадьевна Леонтенко (р. 1935) — потомственная цирковая артистка, вольтижировщица, цыганская танцовщица, жена А.В. Баталова с 1963 года (первая его жена — Ирина Константиновна Ротова). См. ее имя в списке адресатов дарения «Реквиема» в декабре 1962 — январе 1963 годов (С. 271). «Фото — Гитане» (С. 482) — на нем была сделана надпись: «Милому чуду, которое мы называем Гитана» (*Кваснецкая М.Г.* *Алексей Баталов.* М., 2000. С. 96); «Кому дать книгу <19>65 <г.>» (С. 573). См. запись мая 1960-го об одной из героинь в либретто балета по «Поэме без героя», «Цыганке»: «Похожа на нашу Гитану» (*Я не такой.* С. 1291). В тот период, когда велись споры о будущем браке актера, Ахматова говорила: «Я — партия Гитаны» (*Кваснецкая М.Г.* С. 96). См. о ней: *Дмитриев Ю.* *Рассказы о мастерах арены и сцены* // *Советская эстрада и цирк.* 1980. № 6. С. 27.
- 184 *Глекин Г.* С. 279.
- 185 Ср.: «*Бога полн.* См.: Гораций. I. III, XIX. Дифирамб Plenoque Vaschi: Quo me Vasche rapis tui plenum (I. III, XXV) [Вакх, я полон тобой! Куда увлекаешь меня (кн. III, ода XXV; перевод Г.Ф. Церетели)], а также Нор. I. I, XIX: In me tota ruens Venus Surgum deseruit [Гораций, кн. I, ода XIX: И бессилен пред натиском Я Венеры: она с Кипром рассталася (перевод А.П. Семёнова-Тян-Шанского)], но и у Горация это уже традиция, идущая

из Греции (...). У Пушкина “Пока не требует...” (в черновике *бога полн*). Комментарии публикаторов: «Цитаты Пушкина из стихотворения “Поэт” (“Пока не требует поэта...” — III, (2), 599). Здесь ошибка памяти: метонимического словоупотребления “бога полн” в черновиках этого стихотворения нет. Существует еще одна заметка А.А. Ахматовой (на обороте одной из черновых вставок к статье “Каменный гость”) — “бога полн” у Шенье “plein du Dieu”, имеющая в виду строчку из “неизданных стихов” Андрея Шенье, записанных Пушкиным в имевшемся у него издании Шенье 1819 г. (см.: Б.Л. Модзалевский. Библиотека А.С. Пушкина. Библиографическое описание // Пушкин и его современники. Вып. IX–X. СПб., 1910. С. 192. № 736). Стихи эти были переведены Пушкиным (“Близ мест, где царствует Венеция златая”, 1827; III, 66); указанное выражение передано: “и тихой музы полн»» (*Герштейн Э.Г., Вацууро В.Э.* Заметки А.А. Ахматовой о Пушкине // *Временник Пушкинской комиссии*, 1970. Л., 1972. С. 37).

186 К примеру, в первом же стихотворении сборника Ирины Одо-евцевой «Десять лет» (Париж, 1961) находим обращенное к читателям: «Но какое вам в сущности дело».

187 Это, напомним, пейзаж первых поэтических опытов Ахматовой (см.: «Над черною бездною с тобою я шла...» (1904); образ «бездны» — один из ключевых в диалоге Ахматовой с Гумилевым — по сведениям П.Н. Лукницкого, в 1907 году Гумилев из Трувилля прислал ей фотографию с выписанной на ней первой строфой «Гимна Красоте»: «Viens-tu du ciel profond ou sors-tu de l'abîme, / O Beauté?»

При разговоре об этом и последующих стихотворениях цикла речь пойдет только о части внешних толчков к его созданию, в котором также участвует и, как к месту напоминает очевидец его возникновения, «то, никакими наблюдениями и анализом не учитываемое, что приводит к творчеству» (*Найман А.* С. 383); о других, в частности о наступившей 5 марта кончине человека, память о котором была неотделима от памяти о его брате, — «Смерть Л.Н. Пунина»» (С. 307) — см.: *Зыков Л.* Николай Пунин — адресат и герой лирики Анны Ахматовой // *Зв.* 1995. № 1. С. 82; можно было бы упомянуть и о состоявшихся незадолго до того пробах А.Г. Каминской на роль Офелии в козинцевском фильме, стихотворении А. Вознесенского о современной Офелии в журнале «Знамя» рядом с подборкой Ахматовой и проч.

- 188 *Superfin G. et Timencik R. A propos de deux lettres de A.A. Akhmatova a V. Brjusov // Cahiers de monde russe et soviétique, XV. 1/2. 1974. P. 198.* Показательно, что план «прошлого» ощущался сверстниками Ахматовой в этом стихотворении. Представляя его эмигрантскому читателю, Юрий Терапиано писал: «“Полночные стихи” Анны Ахматовой полны высокого лирического напряжения и тревоги, образы прошлого и настоящего с исключительной ахматовской остротой, как и в “Поэме без героя”, ведут свою тайнопись» (*Терапиано Ю. «День поэзии». 1964 // РМ. 1965. 27 марта*).
- 189 О реалиях быта, отраженных в этом стихотворении и ставших мотивами поэзии того года см.: *Тропкина Н.Е. Образный строй русской поэзии 1917–1921 гг. Волгоград, 1998. С. 96–98.*
- 190 Ср.:

И шальная пуля за Невою
Ищет сердце бедное твое.

и

Если бы тогда шальная пуля
Легкою тропинкою июля
Увела меня куда-нибудь (*С. 241*).

- Этот мотив связан у Ахматовой с темой перелома поэтовой судьбы — ср. ее фразу о Маяковском: «Жаль, его в семнадцатом году шальной пулей не убило» (*Сергеев А. Omnibus. С. 376*).
- 191 Ср.: «В мае 1963 года мы были в Ленинграде и на “авось” пошли к Ахматовой. Она расспрашивала о московских новостях. Ее интересовало все — приятное и неприятное: как вели себя Эренбург и Вознесенский, почему начальство набросилось на Евтушенко, что представляют собой работы Эрнста Неизвестного, кто и как ругал Л. [Копелева] за “абстрактный гуманизм”?» (*Орлова Р., Копелев Л. С. 275*). Либеральные знакомые Ахматовой в то лето склонны были драматизировать рядовые факты советской литературной повседневности. 15 мая 1963 года Ольга Берггольц сообщила новое бонмо: «Мы живем в эпоху непросвещенного абсолютизма» (*Шапорина Л.В. 2. С. 398*). Настроена О. Берггольц была в ту весну бодро. На вопрос о том, где гарантии, что не будет возврата к сталинизму, отвечала: «Гарантии в людях, люди стали другими! Вот Хрущев предложил Твардовскому уйти с поста редактора “Нового мира” “по собственному желанию”, а Твардовский ему ответил: “Вот вам, Никита Сергеевич (Берггольц выставила вперед два кукиша и покругила ими), снимайте со скандалом, а сам ухо-

дить я не собираюсь!»» (Ронкин В. На смену декаблям приходят январь... М., 2003. С. 178).

192 Аксенов В. Ответственность перед народом // Юность. 1963. № 4. С. 5; Чичибабин Б. Я хочу быть таким, как Ильич! // Юность. 1963. № 4. С. 12.

193 Гитович А. Заметки переводчика // День поэзии. Л., 1966. С. 57; естественно, намеки должны были быть сбалансированы успокоительной лексикой и даже, до некоторой степени, убаюкивающим синтаксисом: «Ду Фу многое знал и еще больше предвидел. Он шел в грядущее — и вот он ворвался к нам в двадцатый век, к нам, в Союз Советских Социалистических Республик, и стал нашим современником, нашим другом и соратником в борьбе». О Ду Фу в 1961 году напечатал стихотворение Н.Тихонов:

Как он страдал, как он бродил по свету,
Покрыто все веков тяжелой тьмой,
В России еще не было поэтов,
Да и России не было самой.

(Тихонов Н. Хвала поэту // Знамя. 1961. № 9. С. 104).

194 Сурков А. Традиция открытий // Комсомольская правда. 1963. 9 мая.

195 Горенко Х.В. Воспоминания (частное собрание).

196 Ср.: «Один раз меня позвали к ней в Комарово. Там собрались ее друзья. И она сидела, царственная, во главе стола. Каждый говорил что-нибудь коротко, остроумно и громко, так как она уже плоховато слышала. Все ближе и ближе подходила и моя очередь, я лихорадочно соображаю: что я скажу, что я скажу? Как я могу что-то сказать ей? Я перед ней преклонялся. Тогда я делаю вид, что занят, что разговариваю с соседом на ухо. И вдруг Ахматова обращается ко мне. Растерялся я жутко и пробормотал то, что шептал соседу, какой-то бред, и... замолк. Кто-то бросил: «Да, разговорчивый гость у нас сегодня попался». А Ахматова: «Что вы, он весь вечер разговаривал, только про себя»» (Володин А. На шаре тесненьком столпились мы // Октябрь. 1999. № 1. С. 97; Александр Моисеевич Володин (Лифшиц) (1919–2001) — драматург, прозаик, поэт.

197 «Говорят, открылся пленум...», — приведено среди типовых обрывков советского разговора в «Представлении» Иосифа Бродского. В интеллигентских кругах бродили слухи о возможном усилении т.н. «черносотенцев» на июньском пленуме — одним из них называли Ю.А. Жданова — сына А.А. Жданова и

зятя Сталина (Накануне идеологического пленума // *РМ*. 1963. 18 мая). Пленум ЦК состоялся 18–21 июня 1963 года. Хрущев корил писателей-«дегтемазов»: «Кое-кто разучился радоваться героическим свершениям народа, с кислой гримасой встречает изображение светлых сторон нашей жизни» (*Ильичев Л.* Доклад на пленуме ЦК 18 июня 1963 г. // *ЛР*. 1963. 21 июня). Было принято постановление: «Считать основными задачами печати, радио, кино и телевидения: формирование у советских людей марксистско-ленинского мировоззрения и коммунистической морали; систематическое и глубокое освещение работы партии и всего советского народа по выполнению народно-хозяйственных планов, повышению производительности труда, улучшению партийного руководства производством...». Через год Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати отчитывалось о выполнении решений пленума, указав на пресеченные попытки не соответствовать вышесказанному: Феликс Светов в книге о современности в искусстве, «допуская идеологическую неразборчивость, соединил в едином “современном” искусстве Чухрая и Феллини, Эдуардо де Филиппе и Арбузова, Хемингуэя и Тендрякова, Ремарка и Симонова» и написал: «Духовная жизнь современника в значительно большей степени обусловлена происходящим сегодня в мире, чем мы привыкли думать. И это вполне естественно. Можно делать одно, думать другое, говорить третье, человек к этому оказался “приспособленным”»; журнал «Наш современник» представил на контроль стихотворение Риммы Казаковой, где «не считаясь с партийной критикой некоторых ошибочных произведений, опубликованных в 1962–1963 гг., автор вновь безосновательно поднимает так называемый еврейский вопрос», а «Новый мир» предложил к публикации «Театральный роман» М. Булгакова: «Автор, издеваясь над Станиславским, рисует сцену, в которой его тетушка выступает как главный консультант великого режиссера. Узнав, что один драматург “современную пьесу сочинил”, она встревожилась: “Мы против властей не бунтуем”. Когда выяснилось, что в этой пьесе действуют массы, Станиславский предлагает: “А они пусть за сценой столкнутся... Ужасно, когда они на сцене сталкиваются”»; в книге В. Шкловского «Лев Толстой» классик изображался склонным к эротике и картежной игре, попавшим в венерическое отделение Казанской клиники, и говорилось: «Софью Андреевну очень жаль, она была беременной от Тол-

стого. Аксинью, которая мыла пол, тоже жаль, — она родила от Толстого сына раньше»; «Не случайно поэтому в книге не нашлось места для того, чтобы сказать о значении ленинских работ для понимания творчества и личности Толстого» (Документы свидетельствуют... / Публикация Р. Романовой // *ВЛ*. 1995. № 1. С. 325–331). Летом 1963 года «зарезал», как народ тогда говорил, «Театральный роман» и «Чуму» Альбера Камю слывший либеральным И. Черноуцан (*Закс Б.* Из истории публикации «Театрального романа» // *РМ*. 1983. 24 марта). Ср. сцену на Ордынке по выходе «Театрального романа»: *Найман А.* С. 129–130.

- 198 *Цивьян Т.В.* Наблюдения над категорией определенности-неопределенности в поэтическом тексте (поэтика Аны Ахматовой) // Категории определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 361. По поводу ахматовского финала заметим, что одним из разнообразных его источников, возможно, служила простонародная питерская алогическая речевая конструкция «как и не я», «как и не вы» в значении «как и я», «как и вы». Так говорил Синявский. Так говорили хорошие, но недообразованные героини Юрия Германа. В 1950-х конструкция эта стала замечаться в речи молодой ленинградской интеллигенции (*Тимофеев Б.* Правильно ли мы говорим? // *Нева*. 1959. № 6. С. 196).

До известной степени метафизика этого санкт-петербургского уличного речения вторит поэтологии Иннокентия Анненского: «Но в самом Я от глаз Не Я / ты куда уйти не можешь».

- 199 *Найман А.* С. 153.

- 200 *Chesterton, Gilbert K.* Tremendous Trifles. London, 1909. P. 207; о чтении книги Честертон: *Л2*. С. 330.

Одна из ипостасей «красотки» — «Государыня-смерть сама». Она — наследница летальной «Дамы» Иннокентия Анненского и его попыток «одолевать» метафизическую таинственность смерти брутальным балагурством и травестированием» (*Тищенко Р.Д., Черный К.М.* Анненский И.Ф. // Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М., 1989. С. 87).

- 201 *Готтхарт Н.* С. 287. Об этом стихотворении «как-то в разговоре о нем Анна Андреевна <...> призналась, что она сама его “немножко боится”» (*Виленин В.* Стимул точности в творчестве Анны Ахматовой: Текстологические этюды // *ВЛ*. 1983. № 6. С. 164). Ср.: «Вам не кажется, что это очень страшная вещь?»

- Мне всегда страшно, когда я ее читаю» (*Струве Н.* Восемь часов. С. 342).
- 202 С Полем Валери, «представителем индивидуалистической поэзии», ее удосужился сравнить Н. Вильям-Вильмонт в страдные дни 1946 года: «Поэзия Ахматовой — наиболее крайнее проявление такой индивидуалистической поэзии. Вообще такая поэзия существует даже среди тех поэтов, которые думают, что они могут выступать со своими поэтическими ресурсами вне народа» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед.хр. 85. Л. 43–44).
- 203 *Суперфин Г., Тименчик Р.* Письма А.А. Ахматовой к В.Я. Брюсову // Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 33. М., 1972. С. 276.
- 204 Как сказано в книге, хранившейся в эти годы у Ахматовой (*Гораций*. Оды и Эподы с примечаниями Лукиана Миллера. Ч. I. Изд. 5. СПб., 1914), во взятой в эпиграф оде (III, 26) «Гораций прощается с любовью и эротической поэзией. <...> Отказываясь от своих обычных занятий, посвящает соответствующие им орудия божеству».
- 205 *Анненский И.* Книги отражений. С. 388.
- 206 Ср. вложенные им в души горьковских героев свои переживания: «...в этом инстинктивном протесте молодой натуры против дурмана похотливой бабьей страсти Горький приоткрывает нам завесу совсем нового миропорядка — будущего безлюбия людей, т.е. их истинной свободы и чистой идейности» (*Анненский И.* Книги отражений. С. 78).
- 207 *Л2.* С. 287.
- 208 См. подробнее: *Цивьян Т.В.* Кассандра, Дидона, Федра: Античные героини — зеркала Ахматовой // *ЛО.* 1989. № 5. С. 31–33.
- 209 Ср. запись по поводу ранее избранного эпиграфа: «My end is in my beginning (Mary's of Scotland motto) 19 авг<уста 1965>. А сейчас слушаю Шотландскую симфонию Мендельсона, где мелькает образ той же несчастной королевы» (С. 653).
- 210 *Роскина Н.* С. 96; ср. третье явление первого акта шиллеровской пьесы: «Die Jugend mildert Eure Schuld. Ihr wart / So zarten Alters noch»; ср. перевод В.А. Зоргенфрея: «*Мария.* Нет, эта, мне прощенная, вина / Опять из гроба восстает в крови! / Ни благовест церковный, ни дары / Причастия в могилу не вернут / Супруга тень, взывающую к мщенью. / *Кеннеди.* Не вы его убили, а другие! / *Мария.* Я знала все. И я дала свершиться, / Сама его я заманила в сеть. / *Кеннеди.* Ваш возраст оправданье вам. Вы были / Так молоды. *Мария.* И молодость свою / Такой

виной обременила тяжкой»; биографические показатели легко подсказывали аналогию — ср. стихотворение Евгении Куниной об ахматовском голосе: «Ахматова! Глубокий терпкий голос / В рубцах и ранах голос. Не поет, / А сдерживает боль. Марии Стюарт голос, / Державный голос воли и неволь. / Да, королева! Да, лишилась трона! / Трон потеряла. Сына потеряла мать. / Будь наш надгробный плач тебе короной / И данью — горе умершей внимать» (Кунина Е. Самое дорогое. М., 1994. С. 205).

- 211 О навязчивом мотиве обезглавливания у Ахматовой: *Тименчик Р.Д.* К описанию поэтической мифологии Ахматовой // Анна Ахматова и русская культура начала XX века: Тезисы конференции. М., 1989. С. 24–25.
- 212 Ср. перевод Н. Гумилева: «Но если посмотреть на поворот несмелый / Плеча изящного ея, / На худощавость ног, на стан оцепенелый, / Как разъяренная змея, / Она еще юна! — Ее душа пустая / И чувства скукой сожжены, / Открылись ли они остервенелой стае / Желаний чуждой стороны?»

Среди сонма «молодых красоток», просвечивающих за циклом и особенно высветившихся в «Ночном посещении», была и та, которую в молодости звали «Venus moscovite», — о примерке образа «старухи-графини» как одного из двойников см. примечания М.М. Кралина (*Двухтомник*. Т. 2. С. 334). В «Пиковой даме» содержится сюжетный каламбур, являющийся одним из подтекстов названия цикла: «Молодой архиерей произнес надгробное слово. В простых и трогательных выражениях представил он мирное усение праведницы, которой долгие годы были тихим, умирительным приготовлением к христианской кончине. “Ангел смерти обрел ее, — сказал оратор, — бодрствующую в помышлениях благих и в ожидании жениха полунощного”. Служба совершилась с печальным приличием». Об «экспрессивной многокрасочности» евангельской цитаты писал Виктор Виноградов: «Выражение “в ожидании жениха полунощного” покоится на символике евангельской притчи о десяти девах, из которых мудрые бодрствовали (со светильниками и с маслом для них) в ожидании жениха полунощного (“сына человеческого”, Христа), а неразумные в полночь ушли покупать масло для светильников и опоздали на брачный пир. Но в семантике “Пиковой дамы” этот символ проецируется на вернувшуюся с бала старуху и Германна, который “ровно в половине двенадцатого ступил на графинино крыльцо”» (*Виноградов В.* О стиле Пушкина // Литературное наследство. Т. 16–

18. М., 1934. С. 207). Ср. фразу Ахматовой в застольной беседе в мае 1965 года: «"Пиковая дама" — может быть, лучшее, что написано на русском языке вообще, за все время существования этого языка...» (ММА).
- 213 В окончательном варианте последняя строфа выглядит так: «И никаким не внемля славословьям, / Перезабыв все прежние грехи, / К бессоннейшим припавши изголовьям, / Бормочет окаянные стихи».
- 214 *Готхарт Н.* Двенадцать встреч с Анной Ахматовой. С. 271.
- 215 *Черноуцан И.* Невежество у власти // *Фомин В.* Кино и власть. Советское кино 1965–1985 годы. Документы, свидетельства, размышления. М., 1996. С. 162.
- 216 Борьба против буржуазной идеологии в сов<етском> искусстве продолжается // *НРС.* 1963. 1 августа.
- 217 *Чухрай Г.* «Как я делал большую политику» // *ЛГ.* 1994. 13 апреля.
- 218 *Готхарт Н.* С. 280.
- 219 *Там же.* С. 273. Ср.: «— Теперь Сартр в фаворе,— сказала Анна Андреевна, — а когда он в свое время написал, что Сталин отличается от Гитлера только длиной усов, о нем и думать было нельзя, а у того, кто дотронется до этой книги, руки должны были почернеть до локтя...» (*Мейлах М.* С. 99). См. об отношении Ахматовой к Сартру нашу справку: *Лесная школа.* С. 160.
- Кроме приезда Сартра ленинградский конгресс ознаменовался тем, что перед его началом частично было прекращено глушение западных радиостанций (*Эггелинг В.* Политика и культура при Хрущеве и Брежнев. 1953–1970 гг. М., 1999. С. 151).
- 220 История литературы Восточной Европы после Второй мировой войны. Т. 1: 1945–1960 гг. М., 1995. С. 182.
- 221 *Hájek, Jiří.* Leningradska setkání // *Plamen.* 1963. № 9. S. 129. Словацкий писатель Ладислав Мнячко (Мњаčko; 1915–1994) был известен своей фразой на чехословацком писательском съезде в 1956 году: «Я больше не буду лгать», после 1968 года — эмигрант; в цитируемом издании его автограф разобран неверно (С. 393; см. фотокопию на иллюстрации между С. 748 и 749); Иван Скала (*Skála;* 1922–1997) — чешский поэт, затем был одновременно с Ахматовой в Таормине. В свое время он написал статью к пятилетнему юбилею постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград» (*Rude pravo.* 1951. 14 srpna). Вместе с означенными был и Леонид Николаевич Новиченко (1914–1996) — член-корреспондент АН УССР (1958), секретарь СП СССР (с 1959),

- автор монографии «О многообразии художественных форм и стилей в литературе социалистического реализма» (М., 1959). Ср.: «...умный, все понимающий, хитрющий и нечестный даже перед самим собой Леонид Новиченко. Нечестный, потому что всему знает цену» (*Некрасов В.П.* Записки зеваки. М., 2003. С. 245).
- 222 *Глекин Г. С.* 209.
- 223 Иностранная литература. 1963. №8. С. 228; в цитируемом издании записных книжек, как, впрочем, и в издании бесед Г.В. Глекина, сокращение «Олд» неверно раскрыто как «Джеймс Олдридж».
- 224 *ЛЧи.* С. 490.
- 225 Ахматова объясняла англичанам в 1965 году: «...давно уже перестал существовать в литературе» (*Норман П.* С. 56), а в 1962 г. сказала о нем Л.Д. Большинцовой: «высококвалифицированный графоман» (архив Д.Л. Файнберга). Ср.: «На лице Федина его компромиссы, измены и низости многих лет напечаталась одна на другую, одна на другую, и без пропуска (и травлю Пастернака начал он, и суд над Синявским — его предложение)» (*Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. С. 185). Ср. также формулы В. Шкловского: «Подсадная утка. Томас Манн для домохозяек» (Библиофилы России: Альманах. Т. 1. М., 2004. С. 423).
- О многолетней (с 1922 года) дружбе Ахматовой с Константином Александровичем Фединым (1892–1977) см.: *Перхин В.* «От старого друга...» Дарственные надписи Анны Ахматовой Константину Федину // *Нева.* 1995. № 9. С. 222–223.
- 226 *Рюриков Б.* Роман и духовные ценности нашего времени // *Коммунист.* 1963. № 13. С. 65. Потом К. Симонов, естественно, возражал Р. Кайюа (*Лакшин В. С.* 150); с Роже Кайюа (Caillois; 1913–1978), директором департамента литературы ЮНЕСКО, Ахматова встретилась на следующий год в Таормине (№ 1718).
- 227 *Федин К.* Судьба романа // *ЛГ.* 1963. 6 августа; в советской риторике 1963 года пример входил в моду — ср.: «Если вспомнить ряд крупных советских художников, начинавших внутри декадентских школ и групп, то станет ясно, что воспринимать их достижения надо не в связи с этими школами, но вопреки им. <...> Стоит сравнить Брюсова с Мережковским, Блока с Зинаидой Гиппиус, Маяковского с Крученых, Ахматову с Георгием Ивановым, Сергея Городецкого с Георгием Адамовичем, Есенина с Куסיковым, Заболоцкого с Хармсом (от которого оста-

лись неплохие детские стихи), чтобы полностью убедиться в этом. <...> Ни Анна Ахматова, ни Сергей Городецкий не остались “только акмеистами”. Тогда как последовательные акмеисты Г. Адамович и Г. Иванов быстро превратились в дюжинных эпигонов. <...> Блок критиковал антигуманистическую, эстетскую школу акмеистов — школу типично модернистскую. Но при этом он видел, что Анна Ахматова не укладывается всецело в рамки школы, “изма”, чувствовал в ее поэзии живые душевные порывы» (*Дымшиц А.* Модернизм — враг творчества // *Зн.* 1963. № 6. С. 192–193).

228 *Лакшин В.* С. 149.

229 *Щербина Т.* Интервью с Мишелем Уэльбеком и Аленом Роб-Грийе // *Русский журнал.* 1999. 10 июня.

230 Ср. в записке Л. Ильичева в Президиум ЦК КПСС: «Евтушенко пытался найти сочувствующих и среди зарубежных литераторов. С этой целью, например, он приезжал в Ленинград во время симпозиума европейского сообщества, куда он не приглашался, чтобы установить контакты с такими зарубежными писателями, как Натали Саррот и Роб-Грийе, которые стоят на чуждых нам позициях в искусстве» (*Евтушенко Е.* Волчий паспорт. С. 539).

231 Ср.: «Показываю Ахматовой статью Татьяны Тэсс, напечатанную в “Известиях” 19 октября 1963 года, в которой о Евтушенко написано следующее: “Самоуверенность неминуемо наказывается и всегда достаточно больно. Когда в Ленинграде проходило заседание Европейского сообщества писателей, посвященное проблемам романа, в городе появился Евгений Евтушенко, которого, поскольку он поэт, никто не приглашал на это заседание. Этот молодой человек приехал в Ленинград, видимо, с единственной целью ‘похлопать по плечу’ иных литераторов из западных стран и тем самым продемонстрировать всем другим, насколько он известен в мире. Писатели рассказывали мне поучительную историю, которая произошла с Евтушенко, когда он оказался в гостинице, где жили французские и немецкие писатели. Он встретился там с известным западногерманским поэтом Гансом Энценсбергером. Не знаю, понял ли сразу Евтушенко, почему холодно встретил его Ганс Энценсбергер, но ларчик, как мне рассказывали товарищи, открылся довольно просто.

Ганс Энценсбергер сказал Евтушенко примерно следующее: ‘Я уважаю людей, чья самоуверенность находится в рамках их

возможностей. Вы рассказывали мне в Германии, господин Евтушенко, что наш поэт Рильке чуть ли не был вашим учителем, что вы воспитаны на его стихах. Но здесь, в Советском Союзе, я узнал, что Рильке переводили на русский язык очень немного, да и давно, а вы ведь не знаете немецкого языка, и как же он может быть вашим учителем? Разве нужны комментарии к этому маленькому, но разящему случаю?"

А. А. очень сосредоточенно читает это место <...> и говорит:

— Что-нибудь похожее, возможно, и было, но написать об этом в газете... Это, по-моему, неприлично. Но что можно ожидать от Татьяны...

Затем добавляет:

— Конечно, если Евтушенко не владеет немецким языком, то Рильке он знать не может. Это был сложный поэт. И у нас его переводили мало и плохо. Рильке — это немецкий Блок.

Далее говорит, что у нас хорошо знают Байрона, Гейне. Их хорошо переводили на русский язык. С Байроном нас познакомили Пушкин и Лермонтов. А Рильке у нас не знают. — А может быть, Евтушенко из вежливости говорил о Рильке? Это может быть... Вы знаете, немцы, с которыми мне приходилось говорить, всегда восхищались Блоком (А. А. говорит утрированно: «О, Блэк, Блэк!»). Но разве они могут понять Блока?..

— А все-таки, мне жаль Евтушенко»

(Готхарт Н. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Время и мы. 1989. № 106. С. 263–264, 267); Татьяна Николаевна Тэсс (наст. фам. Сосюра; 1906–1983) была знакома с Ахматовой через Ф.Г. Раневскую, которая называла ее очерки «сопли в сахаре» (Щеглов А. Раневская. Фрагменты жизни. М., 1998. С. 114). Эпизод впоследствии пришлось улаживать Твардовскому, который отчитывался в январе 1965 года: «В ходе беседы с Энценбергером мы установили, что на его стремлении поддерживать контакты с советскими писателями никак не отразилась вызвавшая международные отклики публикация в “Известиях” Татьяны Тэсс, содержащая искаженные сведения о беседе между ним и Евтушенко» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 6290. Л. 14).

232 Лакишин В. С. 146. Ср.: «[Сарро] рассказывала, как за ней из всех сил ухаживали Анисимов и Корнелий Зелинский, бешено старались эти два подхалима, из которых один оплевал Пастернака, а второй — Евтушенко, лицемеры!» (Леценко-Сухомлина Т. Долгое будущее. С. 457).

- 233 Об этом Н. Сарро рассказывала Эрику Местертону. О Натали Сарро(т) (Sarraute; она же Наталья Ильинична Черняк; 1900–1999) ср. запись ее собеседника от 5 ноября 1963 года: «...позвали Паустовские. Была у них Натали Саррот — русская по происхождению, родом из Иваново, отлично говорящая по-русски и великолепно представляющая себе, что у нас делается. Хотя она и французская писательница и даже числится одной из родоначальниц “нового романа”, она не чета иностранцам, которые развешивают уши и верят всему, что им показывают и говорят. Она рассказывала, как наш гид врал, как лживо объяснял, что люди, стоявшие в очереди за хлебом, якобы стоят за апельсинами, спрос на которые в связи с ростом благосостояния увеличивается с каждым днем. И как она, сознавая, что у нее родные в Советском Союзе, судьбой которых она не имеет права рисковать, слушая эту лживую чепуху, не раскрыла рта. Удивительно, что женщина, выросшая во Франции, только понаслышке зная наши беды, прониклась нашей осторожностью, нашим страхом» (*Левицкий Л. Дневник // Зн. 2001. № 7. С. 123*). Ахматова предполагала послать ей «Бег времени» (С. 680) и составила текст инскрипта в феврале 1966 года: «Натали Саррот из оснеженной Москвы в предвесенний Париж после 100 дней в больнице Ахм<атова>» (С. 712).
- 234 Письмо М. Ульмана автору настоящей книги от 1 ноября 2002 года.
- 235 Владимир Муравьев писал ей 10 октября 1963 года: «В “Тринадцати строках” мне показалось кружение памяти, может быть, неправильно. У Вас стали очень тайные обращения в стихах, поэтому все так открыто. Как природа ничего не прячет, кроме одной и той же, и всегда самой главной, тайны. Предел поэзии, когда все очевидно, и чем очевиднее, тем потаеннее».
- 236 *Гр<от> Е. Памяти Анны Ахматовой и других // НРС. 1966. 10 апреля.*
- 237 *Петровский М. Ответственность героя // Юность. 1961. № 12. С. 95*). Напомним, что это было время «дежурных деклараций о бродягах парнях, о веселых зубоскалах в куртках и стеганках» (*Горбаневская Н. Прикасясь к земле родимой // Неделя. 1966. 18 февраля*).
- 238 Ср. например: «Круг от лампы желтый... / Шорохам внимаю... / Отчего ушел ты? / Я не понимаю...», «Только в спальне горели свечи / Равнодушно-желтым огнем», «...Флаги желтые на вязах. / Оба мы в страну обманную / Забрели...», «Желты и свежи

фонари. / Я очень спокойная. Только не надо / Со мною о нем говорить». М. Кузмин писал в предисловии к «Вечеру»: «Часто она точно и определенно упоминает какой-нибудь предмет (<...> облако как беличья шкурка на небе, желтый свет свечей в спальне <...>), казалось бы, не имеющий отношения ко всему стихотворению, брошенный и забытый, но именно от этого упоминания более осязаемый укол, более сладостный яд мы чувствуем». Н. Гумилев замечал по поводу «Четок»: «Цветовых определений очень много в стихах Ахматовой и чаще всего для желтого и серого, до сих пор самых редких в поэзии». Эту многозначительность желтого заметил в пародии Леонид Борисов: «Сжала руки под желтою блузкой, / Тяжела ты, любовная мгла, / Я единственной, первой и русской / Истеричной кликушей была. / Много песен тебе я пропела, / Эти песни, как дар сбереги, / Я на левую ногу надела / Валенки с правой ноги» (Красная газета. Веч. вып. 1925. 8 октября).

Ср.: «Напомним вскользь, что <... > ассоциациями, если и не обязательно “греховными”, то все же роковыми и мертвящими, напоен желтый цвет, например, и у Анны Ахматовой: “... Желтой люстры безжизненный зной...” — пишет она в “Белой стае” (1914)» (*Эйзенштейн С. Избранные сочинения в 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 217–218*).

Одним из литературных стимулов привязанности Ахматовой к этому цвету был, возможно, сборник стихов Тристана Корбье-ра «Les Amours jaunes», который в первый год брака подарил ей Гумилев (*Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1989. С. 295*).

- 239 Флюиды давних ревностей витали в комаровском воздухе, когда появлялась в гостях подруга Недоброво Вера Алексеевна Знаменская (в первом браке — Фехнер, во втором — Щербачева; 1892–1968). 12 августа 1965 года: «Приходила Вера З^{наменская}. О письмах Недоброво (14–15 гг.)» (С. 655) — В.А. Знаменская читала письма Недоброво к ней: «прочтя 5–6 вслух и... остановилась, застеснялась, что-то почувствовала неладное. А А.А. говорит: “да они носят влюбленный характер...” М^{ожет} б^{ыть} смешно, но точно какая-то тень ревности мелькнула» (*Струве Г. Ахматова и Н.В. Недоброво // Ахматова А. Сочинения. Т. 3. Париж, 1983. С. 400*). Ср. в записях Х.В. Горенко: «Меня поразило то, что она с какой-то, совсем непонятной мне злобой смотрела на Ахматову, когда та не смотрела на нее. <...> И видя мою растерянность, Ахматова потом сказала мне, что эта женщина недобрая. Она не решилась вы-

сказаться полнее, но я чувствовала это. Она редко говорила плохое о людях» (частное собрание). См. о Ханне Вульфовне Горенко (1897–1978), первой жене брата Ахматовой: *Дарзникс И.* Ханна. Портрет в оправе. По материалам архива Х.В. Горенко // Даугава. 1996. № 5. С. 125–137; *Ольшанская Е.* Анна и Ханна // Ренессанс (Киев). 1997. № 16 (2). С. 87–93.

Сохранился инскрипт на «Четках»: «"Не соблазнять я к вам пришла, а плакать". Ин. Анненский. Милой Вере Алексеевне Фехнер в знак дружбы и любви. Ахматова. 29 октября 1921. Петербург». О визите в 1927 году и об отношении Ахматовой к ней в ту пору см. запись П.Н. Лукницкого (Л2. С. 235; с неточно записанной фамилией). См. о ней справку П.А. Вахтиной: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. Т. 2. СПб., 1999. С. 313–315. См. также сообщение Н.И. Крайневой (Шестые тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига; М., 1992. С. 175–176).

240 Ср.:

Обрывки пыльных опер
И ангельские голоса из смерти:
Карузо, Титта Руффо и Шаляпин (С. 539).

Об исполнителе процитированного «Tango della gelosia» Роберто Лоретти (р. 1947) см., например, стихотворение 1963 года: «Вы знаете, люди? Вы слышите, дети? / Поет мальчуган Робертино Лоретти. / В костюмчике с бантом, в коротких штанишках / Поет штукатура простого сынишка» (*Попова Л.* Аппассионата. Л., 1970. С. 135); см. подробнее нашу справку: *Как в прошедшем грядущее зреет.* С. 313–315.

241 В переводе Пьера Форга (Forgues; псевдоним Jean-Jacques Marie) строка «Но смычок не спросит, как вошел ты...» была понята как сообщение о собаке:

Invisible aux chiens de garde tu entreras
Dans ma maison de minuit.

(*Esprit.* 1964. № 7; ср.: *Найман А.* С. 210; *Gribomont, Marie.* Présence d'Anna Akhmatova. Louvain-la-Neuve, 1987. P. 73; *Ардов М.* Возвращение на Ордынку. С. 22–23); переводчика, видимо, подвел В.И. Даль: «*смычек*, звено меж двух вещей или частей, связь, скрепа. В псовой охоте: дружка ошейников, связанных цепочкой; гончие ходят на *смычке*, *смычками*, *дружками*» — надо было смотреть не в статье «Смыкать, сомкнуть, смыкивать», а в статье «Смыкать, смыкнуть».

- 242 «Образ был бы замечательный, если бы не известная картина Арнольда Беклина “Автопортрет со смертью”: над художником, держащим палитру, наклоняется скелет, играющий на скрипке» (*Трубецкой Ю.* Анна Ахматова. (Опыт анализа) // Литературный современник (Мюнхен). 1952. № 4. С. 91).
- 243 Здесь, возможно, отсылка к теме «Лебеди/Лебеда» через метаморфозу из стихотворения 1917 года «И вот одна осталась я...»:
- ...О вольные мои друзья,
О лебеди мои!
<...>
Настигнут смертною стрелой,
Один из вас упал,
И черным вороном другой,
Меня целуя, стал.
<...>
Не знаю, кто окно раскрыл
В темнице гробовой.

«Седьмой ворон» из «Пролога», вероятно, отзывается и на сильное читательское переживание 1929 года: «Разговор об Э. По. Прочитала по-английски “Ворона”, и восхищена им, — его силой, [простотой его] тем, что он написал совсем простыми, “комнатными” словами, всем. Прочитала (впервые) сообщение Э. По о том, как он делал эту вещь. Говорила мне, что “Ворона” никогда не любила, зная его по русским переводам и по французскому переводу Mallarmé. Перевод Mallarmé знала наизусть. Осуждает переводчиков за то, что они перевели “Ворона” — высоким штилем, пафосными словами и пр.» (*Лукицкий П.Н.* Дневник 1928 года. *Acumiana.* 1928–1929 / Публ. Т.М. Двинятиной // Лица: Биографич. альманах. Вып. 9. СПб., 2003. С. 482). Эпиграфом из «The Raven», строкой с обыденной, «комнатной» интонацией («Ah! distinctly I remember...») Ахматова в 1940-е обозначила и приход к ней демонической «Поэмы без героя».

- 244 См.: *Тименчик Р.* «Семисвечник» Анны Ахматовой // *НЛО.* 1993. № 3. С. 195–197.
- 245 Фраза из седьмой главы второй книги: «...и страсть перегорала в пепел, ниоткуда не приходила помощь, ниоткуда не пробивалось солнце, — со всех сторон ее охватил беспросветный мрак, и она гибла в этом ужасном, пронизывающем холоде» (перевод А. Ромма); «...а страсть сторела дотла, помощь ниоткуда не приходила, луч солнца ниоткуда не пробивался, со всех сто-

рон ее обступала темная ночь, и она вся закоченела от дикого, до костей пробирающего холода» (перевод Н. Любимова). Ср.: «АА: “Перед отъездом в Италию в 12 году Н.С. [Гумилев] купил мне книгу Густава Флобера ‘Мадам Бовари’, чтобы я читала в дороге. Но я не выдержала и прочла в несколько дней до отъезда...”» (Лукницкая В. Николай Гумилев. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких. Л., 1990. С. 135); выписанная фраза была в ее обиходе в годы дружбы с Н. Пуниным — см. его дневниковую запись от 24 марта 1944 года: *Пунин Н. С.* 379; отголоски флюберовского образа Ахматова могла слышать в ценимом ею как пророчество блоковском «Голосе из хора» — «И век последний, ужасней всех, / Увидим и вы и я, / Все небо скроет гнусный грех, / На всех устах застынет смех, / Тоска небытия... / Весны, дитя, ты будешь ждать — / Весна обманет. / Ты будешь солнце на небо звать — / Солнце не встанет» — и в цитировавшихся ею (*Сараева-Бондарь А.М.* Силуэты времени. СПб., 1993. С. 221) цветаевских стихах к Блоку: «И вдоль виска — потерянным перстом — / Все водит, водит... И еще о том, / Какие дни нас ждут, как Бог обманет, / Как станешь солнце звать — и как не встанет...».

246 *Лукницкий П.Н.* Дневник 1928 года. С. 475.

247 *Зв.* 1997. № 12. С. 125.

248 *Лакшин В.* С. 160.

249 *Готхарт Н. С.* 287. Ю. Барабаш среди цекистов «слыл “консерватором”» (*Беляев А.* Литература и лабиринты власти. От «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 89). То ли повторялась эта фраза дважды, то ли неточно записано мемуаристом, но она прозвучала в редакции «Литературной газеты» уже в январе 1962 года, когда шли в печать «Комаровские кроки» (*ЛЧ2.* С. 449). Ср. также письмо Н.Я. Мандельштам из Пскова: «Очень обрадовалась стихам в “Литературной”. У меня уже лежит куча номеров — все приносили и присылали. Слава богу, что она есть. Сейчас отобрала у Дмитрия Васильевича [Бобышева] остальные, но не могу даже прочесть, потому что он уезжает» (*Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 266). Ср. также недатированную записку Льва Озерова: «Ваши прелестные “Полночные стихи” передал “Литературной газете”. Жду ответа» (№ 929).

250 *Davies, Leslie Dorfman.* Serapion Sister: The Poetry of Elizaveta Polonskaja. Evanston, Illinois, 2001. P. 189.

251 2 ноября 1963 года Р.Н. Гринберг писал В.Ф. Маркову: «Из Сов. Союза доходят первые отклики о 3-ем №. Он в спросе» (сооб-

- щено Ж. Шероном). 21 июля того же года в письме Р.Н. Гринбергу откликнулся на свежий номер Г. Адамович: «Очень интересна Ваша заметка об Ахматовой в конце книги. [*Эрге*. Читая «Поэму без героя»] <...> А вот предисловие, пожалуй, чрезмерно воинственно, не само по себе, а в том смысле, что закрывает доступ книге “туда”» (Литературоведческий журнал. 2003. № 17. С. 171).
- 252 В альманахе было напечатано с искажением: из Мариинской башни. Марина Мнишек, жена Лжедмитрия I, затем — Лжедмитрия II, одну неделю была русской царицей в 1606 году. Ср.: «Та, с кот<орой> она [М.И. Цветаева] любила себя сравнивать» (С. 278); в варианте «Невидимки»: «Так твоя знаменитая тезка в золотую вступала Москву» (С. 198). Ср. воспоминания Л.В. Горнунга о посещении Ахматовой этой башни в 1936 году (ВАА. С. 196; ср.: *ЛЧЗ*. С. 655). Воспоминания свидетеля этого посещения: «В одной из кирпичных кремлевских башен заточена была, по преданию, Марина Мнишек. Вряд ли это было так, но имя Марины Мнишек всеми повторялось в связи с этой круглой и стройной башней, реставрированной еще Археологическим обществом» (*Шервинский С.* Стихотворения; Воспоминания. Томск, 1997. С. 110). О возможном восхождении строчки Ахматовой к повести Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» см: *Прохоров С.М.* Символ “Маринкиной башни” в стихотворении А.А. Ахматовой “Поздний ответ” и литературный контекст эпохи. // Б.А. Пильняк: Исследования и материалы. Коломна, 1991. С. 57–61.
- 253 Ср. аттестацию К. Бальмонта: «Наряду с Анной Ахматовой, Марина Цветаева занимает в данное время первенствующее место среди русских поэтесс» (Современные записки. 1921. № 7. С. 92), выданную незадолго перед тем, как возникло разделение читателей на два стана приверженцев — ср. у Веры Лурье: «Какой маленькой и бледной кажется женственность и нежность Ахматовой в сравнении с любовным порывом Цветаевой» (Новая русская книга. 1923. № 3–4. С. 15; о В.И. Лурье (1901–1998) см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 689–690).
- 254 До московской встречи в июне 1941 года, когда Цветаева предстала «седая, как лунь, с дубленой старческой кожей» (запись Н.И. Ильиной: РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Ед.хр. 28. Л. 23) среди невстреч числится несостоявшаяся поездка или переезд Ахматовой в Париж. Прослышав об этом «решении или мечте»,

Цветаева писала ей 12 ноября 1926 года: «Знайте, что буду встречать Вас на вокзале. Целую и люблю — вот уже 10 лет»; ср. записи П.Н. Лукницкого в ноябре того же года: «Письмо Цветаевой», «Мысли АА по поводу возможности поездки в Париж» (Л2. С. 224–225) и стенограмму разговора Ахматовой с Н.Н. Пуниным: «П<унин>: я не могу согласиться, чтоб Вы ехали заграничку. <...> М<арина> тоже в Вас влюблена» (Пунин Н. С. 264). В воспоминаниях Эмилия Миндлина «Листья старого дерева» сохранилась деталь, не прошедшая сквозь цензурные фильтры: «Когда, прочтя в газете, наклеенной на забор о расстреле Н.С. Гумилева, “филолога”, я прибежал с этой вестью к Марине, она сначала молча поникла головой, стала курить папиросу за папиросой, а потом заговорила, но не о Гумилеве, а об Ахматовой. Ей за Ахматову было страшно» (РГАЛИ. Ф. 2552. Оп. 1. Ед.хр. 2. Л. 83об).

- 255 *Зноско-Боровский Е. А.* Заметки о русской поэзии // Воля России. 1924. № 3. С. 96. В книге Г. Струве «Русская литература в изгнании» (Нью-Йорк, 1956. С. 151) Ахматова читала в декабре 1962 года: «[Цветаева] могла восхищаться бескорыстно и восторженно всякой подлинной поэзией, где бы она ее ни находила — в Блоке, в Белом, в Бальмонте, в Брюсове, в Кузmine, в Ахматовой (стихи Цветаевой к Ахматовой полны неожиданной ласковости, приоткрывают их схождение в каких-то сокровенных русских глубинах: “Чернокосынька моя! Черно-книжница!”)... <...> у нее в стихах меньше всего специфически-женского, а поскольку это женское есть, <...> восходит оно к народным заплачкам и причитаниям (здесь, может быть, можно найти и тайное глубинное сродство с Ахматовой)»; ср. его раннее сопоставление: «Тяготение Цветаевой к Ахматовой, выразившееся в посвящении целого цикла стихов, не поэтическое, а душевное, человеческое. <...> [У Ахматовой] строгость, четкость мира, подчинение словесной стихии логическим велениям, тяготение к классическим размерам, а у Цветаевой из каждой строчки бьет и пышет романтическая чрезмерность и черезкрайность» (Струве Г. Рец. на кн.: Цветаева М. Ремесло. М.; Берлин, 1923; Психея. Романтика. Берлин, 1923 // Руль. 1923. 24 июня); о Г.П. Струве (1898–1985) см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 742–744.
- 256 Противопоставление Ахматовой и Цветаевой по части стиховых переносов см. у Георгия Адамовича: «С каким безошибочным мастерством пользуется [переносом] Ахматова:

О, там ты не путаешь имя
Мое. Не вздыхаешь, как здесь».

(Адамович Г. Несколько слов о Марине Цветаевой // НРС. 1957. 9 июля).

В 1965 году Ахматова при случае сказала о стихотворении «О муза плача...»: «Подстрочник какой-то, а не стихи...» (Хренков Д. День за днем: Лирический дневник критика. Л., 1984. С. 60).

См. о «Позднем ответе»: Хазан В.И. «Судьба одна» (М. Цветаева как тема и образ в цикле А. Ахматовой «Венок мертвым» // Ахматовские чтения. Тверь, 1991. С. 73–85; о поэтическом диалоге Ахматовой с Цветаевой см.: Taubman, Jane. Tsvetaeva and Akhmatova: two female voices in a poetic quartet // Russian Literature Triquarterly. № 9. 1974. P. 355–370; Smyth, Alexandra. The Tsvetaeva's Theme in Akhmatova's Late Poetry // Australian Slavonic and East European Studies. 1996. Vol. 10. № 2. P. 139–156; ср. также увлеченную и увлекательную книгу: Лиснянская И. Шкатулка с тройным дном. Калининград (Моск. обл.), 1995; сопоставление двух поэтических миров см.: Лосская В. Песни женщин: Анна Ахматова и Марина Цветаева в зеркале русской поэзии XX века. Париж; М., 1999.

257 ЛЧз. С. 412; речь шла о диалоге покойников Есенина и Маяковского у Цветаевой.

258 Будыко М. С. 358. В уравнении Блока и Гумилева, вызвавшем протест Ахматовой, Цветаева сознательно следует «благоуханной легенде» — ср. ее наблюдение о представлениях «читателя-черни»: «Ахматова влюбляется в Блока, расходится с Гумилевым и выходит замуж за — целый ряд вариантов. (Блоковско-Ахматовской идиллии, кстати, не оспариваю — читателю видней!)» (Цветаева М. Собр. соч. в семи томах. Т. 5. М., 1994. С. 290–291).

259 «Двойник» в зачине ахматовского послания, вероятно, вызван «Стихами о Москве» («И — двойника нащупавший двойник — / Сквозь легкое лицо проступит лик»). О первом чтении Ахматовой этого цикла 19 февраля 1917 года см.: Адамович Г. Литературная неделя // Иллюстрированная Россия. 1929. № 24; Поэма без героя. С. 366. В роли невольного «двойника» Цветаева выступила в 1961 году — поэт-эмигрант Алексис Раннит написал Ахматовой из США, что в приложении к газете «Нью-Йорк Таймс» американский писатель Роберт Пейн (Рауне; 1911–1983) похвастался, что видел Ахматову в Париже в 1938 году и вел там

с ней длинные беседы (№ 1757). Приятельница Раннита, эмигрантская поэтесса Лидия Алексеевна Алексеева (псевд.; урожд. Девель, в замужестве Иванникова; 1909–1989) написала письмо в редакцию газеты: «Я довожусь Ахматовой племянницей и, не имея возможности сноситься с ней по причине железного занавеса, я не пропустила ни слова о ней в русской эмигрантской прессе и в письмах многих моих друзей, живущих в Париже. Я бы желала знать имя хоть одного живого лица (кроме г-на Пейна) из “большого числа людей, видевших ее в Париже”. Или это была массовая галлюцинация? Она никогда не выезжала из России после 1912 года. Она сама рассказывает в автобиографии <...> что провела две весны (1910 и 1911) в Париже и ездила в Северную Италию в 1912 году. Там нет ни слова ни о каких путешествиях за границу после 1912 года» (*The New York Times Book Review*. 1961. September 10). На это Роберт Пейн там же отвечал: «Г-жа Алексеева говорит, что эта дама не была в Париже с 1911 года. Она подтягивает тяжелую артиллерию — автобиографию. Можно вообразить себе большой том, в котором поэтесса дает полный отчет о своей жизни. К счастью, у меня есть книга, на которую она ссылается. Это очень маленькая книжечка в серо-зеленом переплете, содержащая избранное из ее стихов с 1909 по 1960 г. Там есть предисловие, озаглавленное “Коротко о себе” — и оно действительно очень коротко. Это пять крохотных страниц с несколькими замечаниями о ее рождении и об обстоятельствах, при которых писались ее стихи. Там полный пробел между 1922 и 1941 годами. Там не говорится, что она не выезжала из России после 1912 года. “Стихотворения” — означает “Poems”, и эта книга — не автобиография. Утверждение г-жи Алексеевой о том, что она не могла сообщаться со своей тетей, так же озадачивает. В конце концов, почтовое сообщение между США и Россией продолжается уже много лет».

В феврале 1962 года Ахматова отвечала А. Ранниту: «Трудно понять, зачем кому-то понадобилось тревожить мой прах и сообщать бредовые легенды о моем пребывании в Париже в 1938 году. На Западе после 1912 года я не была, а в 1938 году дальше Москвы не ездила» (С. 151), а в январе 1964-го, найдя то же утверждение во французском издании книги Пейна о Пастернаке, записала: «В 38 г. в Париже я не была, <...> самого Р. Пейна ни во сне, ни наяву не видела и о его существовании не подозревала» (С. 423). Меж тем, у Ахматовой было свое объяснение

недоразумения: «Читаю, что в тридцать седьмом году я была в Париже. Каким диким это ни кажется нам, знающим, что тогда творилось, вранью можно найти отгадку. Кто-то рассказал ему про Цветаеву, которая действительно была тогда в Париже. А чтобы американец предположил, что на свете в одно время могут существовать две русских женщины, пишущих стихи... — слишком много хотите от человека» (*Найман А. С.* 157).

260 Здесь, возможно, воспоминание о своем стихотворении 1916 года «Небо мелкий дождик сеет...»:

Все мне дальний берег снится,
Камни, башни и песок.
Вот на крайнюю из башен
Я взойду, встречая свет...
Да в стране болот и пашен
И в помине башен нет, —

которое, может быть, раскланивалось с одобренным Гумилевым у Е.Ю. Кузьминой-Караваевой «определением России как чего-то далекого, ненужного, нами овладевает раздумье, точно ли она наша родина...» (*Гумилев Н.* Письма. С. 180):

Смотрю, смотрю с одинокой башни.
Ах, заснуть, заснуть бы непробудно!
Пятна черные русской пашни,
Паруса подъяты турецкого судна.

Противостояние «Башни и Пашни» развернуто Федором Сологубом в одноименном стихотворении. Александра Смит в указанной выше статье сближает «пашни» с фразой Пастернака в парижском разговоре с Цветаевой 1935 года о ее возможном возвращении: «Ты — полюбишь Колхозы!» (*Цветаева М.* Собр. соч. в семи томах. Т. 7. М., 1995. С. 552).

261 *Самарин Р.* Софийская осень: (Заметки участника V конгресса славистов) // *ЛГ.* 1963. 21 ноября.

262 Месяц спустя записано: «Посмотрела Поэму в “Дне поэта”. От нее почти ничего не осталось. Это хуже, чем молчание. И у меня *все так!*» (*С.* 427).

263 Ср. его ранние литературные выступления: «И там, где завязывалась круговая порука и семейщина, против которых предостерегали нас исторические постановления партии, там, где взаимная выручка эстетов не находила отпора, там рождались и находила себе приют подопечная враждебная литературная практика. Это и произошло, например, в журнале “Знамя”, где известное время царил тесная семейка, которая свои домаш-

ние увлечения Гумилевым и Ахматовой, свои домашние привязанности друг к другу тащила на страницы журнала»; «Мы помним, с какой ненавистью эти подонки эстетства относились к нашей поэзии в самом ее начале и как боялись ее и как хотели всю ее отдать в плен Ахматовой и Гумилеву, в плен заграничному декадансу»; «Буржуазные эстеты и безродные космополиты на все лады прославляли юродивое и ленивое творчество Пастернака только потому, что он щекотал их антипатриотические чувства, капал елей на их коленопреклоненные перед Западом души. Не случайно так вспыхнул среди эстетов и формалистов культ Ахматовой: Ахматова появилась, как магнит, и притянула к себе все ржавые опилки, весь сор в наших рядах» (Луконин М. Проблемы советской поэзии // Зв. 1949. № 3. С. 183–185). В 1960-е он позволял себе некоторую независимость в поведении: перлюстраторы обнаружили посланные им в 1964 году в Чехословакию идейно-порочные стихи Н. Глазкова (История советской политической цензуры: Документы и комментарии. С. 373).

- 264 *Milner-Gulland R.* Den Poezii // Survey. 1964. № 53. P. 175. В авторитетнейшей английской газете говорилось, что «трагическая призрачная арлекинада» «Поэмы без героя», «творение великого и совершенного поэта», в «Дне поэзии» выглядит исключением на фоне «традиционных и безобидных стишков» ([*Werth A.*] Landscape with Leninists // Times Literary Supplement. 1964. April 30).
- 265 *Осетров Е.* Стихи и годы // ЛГ. 1963. 21 декабря.
- 266 *Мильков В.* Снова День Поэзии // ЛР. 1963. 20 декабря. «Пролетарский поэт» Павел Александрович Арский (Афанасьев; 1886–1967) писал по поводу сборника Анны Барковой: «А.В. Луначарский в своем кратком предисловии к стихам Барковой обронил два слова о слабости некоторых мотивов юной поэтессы по сравнению с соответствующими мотивами Ахматовой. На самом деле — Баркова — это бунт ученика против учителя — Ахматовой, воспетой Чуковским и прозванной «богородицей поэтов из “Дома искусств”». На каждой странице своей замечательной книги Баркова с чисто революционным буйством опрокидывает лампадки, зажженные богомольной по-старушечьи Ахматовой» (Жизнь искусства. 1922. 13 июня); имеются в виду слова наркомпроса: «Не нарочно похоже на Анну Ахматову, но какая совсем иная и какая богатая связь у этой дочери пролетариата между амазонкой в ней и скорбной возлюбленной».

Ср. рассказ о том, как П. Арский с «идиотической глупостью» выискивал белогвардейские намеки в африканских стихах Гумилева (*Чуковский К. Т.* 11. С. 295). Что же касается Городецкого, то заметим, что в осторожно-либеральном обзоре (с цитатами из стихов М. Светлова о Ленине) двух латвийских рецензентов (где о «Поэме без героя» говорилось, что пока детально не анализируя эту, по слову Льва Озерова, «поэтическую мистерию», можно уже теперь утверждать, что она является одним из самых значительных художественных достижений автора) было не очень умно заявлено, что стихи Городецкого, современника Блока, тоже звучат очень современно, как и Ахматова (*Timenčiks R., Todess J. Dzejas diena* — 1963 // *Karogs*. 1964. № 3. L. 140).

- 267 См.: *New Voice from Russia* // *The Sunday Telegraph*. 1963. December 22; *Зайцев Б. Дни* // *PM*. 1964. 7 января); *Pro et contra*. 2. С. 224–225. Первая реакция Артура Лурье была: «Подделка» (письмо Кларенса Брауна Глебу Струве от 29 января 1964 года). Претензии В.Ф. Маркова изложены в письме Г. Струве к Р.Н. Гринбергу: «1) стихи слабые, не на уровне лучшего у Ахматовой; 2) эгоцентричность, занятость собой; и 3) высокомерность по отношению к тем, кто покинул родину, а не остался там, как она». 16 января 1964 года Н. Набоков писал из Берлина Исаяе Берлину: «А из Парижа пришлю Вам, если у Вас еще нет ахматовский Requiem, вышедший недавно в Мюнхене, но неоспоримо автентичный».

Дискуссия развернулась в переписке соредакторов ахматовского собрания. Филиппов 9 января 1964 года: «Книга интересна очень, но пестровата по художественному достоинству. Кое-что — очень сильно». Струве 14 января: «Меня удивляет, что Вы нашли некоторые стихотворения Ахматовой в “Реквиеме” слабыми или слабоватыми. По-моему, весь цикл — вещь замечательная, большой силы. Не в обиду будь Вам сказано, Ваша бывшая жена [О. Анстей] хорошо написала о ней. Неплохо написал и Зайцев в “Русской мысли”. <...> Кстати, какое же третье стихотворение было раньше напечатано? И где? Мне известно два: “И упало каменное слово” (без заглавия и с ложной датой) и “Тихо льется тихий Дон” (в статье Н. Анина; кстати, Вы знаете, кто он?) (На раз, в суждении о “Реквиеме”, Вы сошлись с В.Ф. Марковым)». Филиппов 16 января: «О “Реквиеме” Ахматовой: цикл очень сильный, но некоторые его стихотворения настолько ниже по художественному уровню стихотворений и поэм последних 20-ти лет, что это сразу бросается в

глаза. Какое третье стихотворение было раньше напечатано? “И упало каменное слово” в книжке А. Ахматовой. Стихотворения, Москва, 1961 год, стр. 171-я, с явно фальсифицированной датой; впрочем, мне не вполне ясна и дата, указанная в “Р<еквием>е”: лето 1939. Дело в том, что приговор сыну Ахматовой, кажется, был объявлен в 1937 году <ошибка Б. Филиппова>. Второе стихотворение “Тихо льется Тихий Дон” — было, кажется, напечатано в одной из русских газет, выходивших во время войны в Берлине. Кажется, именно в статье Н. Анина. Насколько я знаю, это — поручик РОА — Давиденков, сын знаменитого хирурга. Третье стихотворение, напечатанное не то в Риге, не то в Режице, тоже во время войны, — “Уводили тебя на рассвете”. Иногда даже в статьях Завалишина, в начале 50-х годов, в “Новом русском слове”, цитировались строки: “Буду я, как стрелецкие женки, Под Кремлевскими башнями выть”. Струве 22 января: «Никак не могу согласиться с Вашим мнением о “Реквиеме” Ахматовой — никаких ни слабых, ни даже слабоватых стихов я в нем не вижу (как видите Вы и Марков). Вещь большой силы—и именно в целом. С “Поэмой без героя” не следует сравнивать, это совершенно разные вещи. Но в «Поэме без героя» — при всех ее качествах—слишком многое уж зашифровано (кстати, мне известно, что АА отвергает Ваше толкование в “Воздушных путях”). Что касается хронологии в “Реквиеме”, то сын АА был арестован дважды и долго сидел до приговора — в дате под стихотворением с этим названием — первоначально датированным 1934 г. (и не только в советском издании, но и в чеховском и — до того — в “Из шести книг”) — нет оснований сомневаться <ошибка Г. Струве>. То, что три стихотворения были раньше напечатаны вне цикла, а отдельные строчки из других были известны и цитировались, ничуть не умаляет значения и ценности цикла в целом. Мне случайно известно, что Ахматова в свое время весь этот цикл уничтожила и уже много позже восстановила по памяти, а в последние годы часто читала его своим гостям — и иностранцам, и молодым советским поэтам, и личным друзьям — (в том числе прошлым летом одному знакомому Кленовского, русскому иностранцу <С.А. Риттенбергу>). Между прочим, Гринберг не так давно получил тоже экземпляр (рукопись стала ходить по рукам с весны 1963 г.) и собирался напечатать эту вещь в “Воздушных путях”, поэтому очень недоволен появлением ее в Мюнхене. Боюсь, что напечатал бы ее с какими-нибудь комментариями,

- что могло бы и ослабить впечатление и — кто знает — повредить, если не АА, то ее сыну. Так, без комментариев, лучше»; он же 31 января: «Одоевцева считает, что стихи Ахматовой в “Реквиеме”, кроме нескольких, — подлог. Какая дура, с позволения сказать!».
- 268 *Глекин Г. С.* 285.
- 269 *Фойер, Льюис С.* О научно-культурном обмене в Советском Союзе в 1963 году и о том, как КГБ пытался терроризировать американских ученых. С. 348–349.
- 270 *Оксман Ю. С.* 559.
- 271 В эти дни было получено огорченное письмо от матери восемнадцатилетнего киевского студента-вечерника, не слушавшего советского радио и не читавшего газет, но сочинявшего стихи и ведшего дневник, в котором он писал: «Несчастливая Россия, в революцию погибли лучшие поэты и писатели, среди них поэт Гумилев, писатель Пастернак, Анна Ахматова тоже пострадала. Мы будем за них бороться!» Мать сообщала: «Лично Вам он посвятил стихотворение в очень писимистическом <sic!> духе, такое же почти стихотворение написал на смерть Ольги Форш». Письмо Антонины Пилипенко от 19 ноября 1963 года (№ 1144) было показано Л.К. Чуковской 8 декабря (*ЛЧЗ*. С. 117).
- 272 РГАЛИ; черновик письма: С. 421. Фельетон «Окололитературный трутень» начинался зловеще-эпически: «Несколько лет назад в окололитературных кругах Ленинграда появился молодой человек, именовавший себя стихотворцем. На нем были вельветовые штаны, в руках — неизменный портфель, набитый бумагами. Зимой он ходил без головного убора, и снежок беспрепятственно припудривал его рыжеватые волосы».
- 273 *Русанова А.А., Русанова Т.А.* Встречи с Ахматовой и Мандельштамом. Воронеж, 1991. С. 2.
- 274 Идея личного обращения Ахматовой к председателю Президиума Верховного Совета СССР А.И. Микояну принадлежала журналистке, историку Ольге Георгиевне Чайковской (1917–2012): «Я изложила суть дела, [Ахматова] ответила, что хорошо знает молодых ленинградских поэтов, все они у нее бывают, и Бродский среди них, безусловно, самый первый; и если это нужно, она пойдет к Микояну. <...> А через некоторое время встретила я Сергея Наровчатова, поэта, он был в ту пору секретарем Союза писателей СССР.
- Какой-то идиот, — сказал он мне, — уговорил Анну Андреевну идти к Микояну просить за Бродского, я ее еле отгово-

рил. И кто это придумал? Неужели люди не понимают, что весь Бродский не стоит одной минуты волнения Ахматовой, вредного для ее здоровья? (Того идиота, который все это придумал, я, разумеется, не выдала)» (*Чайковская О.* Неточные, неверные Зеркала // *ЛГ.* 2001. 7 февраля). Кроме того, Ахматова пыталась воздействовать на Д.Т. Хренкова, чтобы он опубликовал стихи Бродского:

«— Не будете печатать?

— Не буду.

— Тогда и я свою книгу вам не дам» (*Хренков Д.* День за днем. С. 68).

- 275 *Шнейдерман Э.* Круги на воде (Свидетели защиты на суде над Иосифом Бродским перед судом ЛО Союза писателей РСФСР) // *Зв.* 1998. № 5. С. 194; из персонажей ЗК выступили на этом заседании В.Б. Азаров, Н.Л. Браун, Д.А. Гранин, А.А. Прокофьев; о Д. Гранине см.: *ЛЧз.* С. 213. *Золотоносов М.* С. 607–680.
- 276 *Из семейной переписки.* С. 155.

Глава
шестая

1964-1965

- 1 *Холопов Г.* Сорокалетие «Звезды» // *Зв.* 1964. № 1. С. 186; ср.: «Звезда» вспоминает об опале Зощенко и Ахматовой // *НРС.* 1964. 2 марта. Вскоре был снят с поста редактор журнала «Нева» С. Воронин за антисталинские мотивы в напечатанных, а также в снятых цензурой произведениях. В числе последних был рисунок Натана Альтмана, «искажающий облик» В.И. Ленина (*Блюм А.* «Нева» в годы оттепели и застоя // *Нева.* 2005. № 4. С. 240).
- 2 *Самойлов Д. С.* 352. Фильм «Тишина» В. Басова снят по роману Ю. Бондарева. Ср. воспоминания Н.Н. Глен: «Статья Паустовского “Сражение в тишине”, опубликованная в “Известиях” 27 октября 1962 г., была посвящена напечатанному незадолго до этого роману Ю. Бондарева “Тишина”, а также кривотолкам некоторых критиков по поводу романа. “Каждая попытка оправдать ‘культ’ — перед лицом погибших, перед лицом самой элементарной человеческой совести — сама по себе чудовищна”, — писал, в частности, Паустовский. Вообще вся статья, которая была, на мой взгляд, одним из самых ярких публицистических выступлений эпохи “оттепели”, говорила о народной трагедии, эвфемистически называвшейся тогда “нарушения законности в период культа личности”, гораздо более открыто, прямо, гневно, чем сам роман, и Анна Андреевна, которую любые сведения, любые суждения о сталинских лагерях, о репрессиях всегда страстно волновали, не могла на статью не отозваться» (*В.А.А.* С. 637). Ср. «— Вы читали в “Новом мире” о приемной МГБ? Это из романа Бондарева “Тишина”. Я ходила туда десять лет. Переступаешь через порог, а чин тебе: “Ваш паспорт”. Это чтобы к ним поменьше ходили. Советские граждане знают, что нельзя расставаться с паспортами... В Ленинграде я бывала и трехсотую» (*Орлова Р., Копелев А.* С. 271). Поэт Игорь Сергеевич Холин (1920–1999) — представитель «лианозовской школы», один из лидеров неофициального искусства 1960-х; Сурков попал в «эти» как покровитель Ахматовой и в связи со слухами о его опале — см. эпизод, произошедший спустя месяц с лишним в писательской парикмахерской: «Он — явно

на меня — рассказывает о суде над Бродским с возмущением. Потом: — Меня считают убийцей Пастернака, а ведь я не голо-
совал за его исключение. Я вообще был против этого, хотя он и
написал антисоветский роман. Это вы все голосовали, — гово-
рит Сурков. Он явно отставлен от власти» (*Самойлов Д. С.* 354)

- 3 Ирина Николаевна Озерова (1934–1984) — поэтесса, прозаик, переводчица. Ср. в письме к нам чеченской поэтессы Раисы Ахматовой (1928–1992) от 20 июня 1972 года о встрече с Анной Ахматовой на писательском съезде в 1965 года: «Спросила, кто переводит мои стихи. Я сказала, что Ирина Озерова. Анна Андреевна благосклонно отозвалась о ней». См. об Ирине Озеровой: «Серьезного издания ее произведений нет до сих пор» (*Строфы века. С.* 786); стихи из самиздатского сборника ее стихов см.: *Континент. 1985. № 43. С.* 43–52. Ср. особенно строфы:

На родине, а все равно в изгнание,
Свободные, а все-таки рабы...
Довольствуемся скудным подаяньем
Привычной, узаконенной судьбы.

Или:

Мы все в ночлежке века квартиранты,
Статистики суровой должники
И нам поют отходную куранты,
И нашей плоти ждут гробовщики.

- 4 Об осторожности Георгия Дмитриевича Гулиа (1913–1989), ко-
ему «удалось остаться членом редколлегии при шести глав-
ных редакторах», см.: *Лазарев А. Шестой этаж, или Перебирая
наши даты. М., 1999. С.* 60.
- 5 *Дробот Г. Такая любовь! // ЛР. 2001. 15 июня.* Ср. запись беседы
Т.А. Бек с Г.В. Дробот 17 апреля 2004 года:

«А разрешение должно было быть от секретаря Союза Ле-
онида Соболева и от Прокофьева. <...> Звоню Прокофьеву. Он
говорит... Такая какая-то пауза (видимо, он чего-то соображал)
и — говорит: — Хорошо, печатайте. Только она — в Москве.

<...> Она сказала: — Нет. Для печати мы сейчас с вами от-
берем.

И она стала отбирать. “Это мы не будем...” Я говорила: “По-
чему?” “Так надо! А вот это мы будем”.

<...> Приехала я к ней. На столе стоял кофе, чай и красное
вино. Она говорит: — Ну, давайте, поскольку это первая пу-
бликация и для меня она очень важна, — давайте выпьем по
рюмочке. <...>

И она сказала мне, что она мне благодарна даже не просто за эту публикацию — она благодарна мне за то, что в это пока еще очень тяжелое время... Это очень важно, что в московской центральной прессе ее напечатали. Потому что их газета о ней даже не хочет вспоминать...

(Должна сказать, что Чаковский мне позвонил и сказал: “Ты что — сумасшедшая?” — когда я это напечатала. Я сказала: “Нет. Я нормальная”. Он сказал: “Я этого не нахожу”. Я ответила:

— Саш, когда дойдешь до этого, тогда мы с тобою поговорим...)

<...> Я для этой публикации должна была иметь не только разрешение главного редактора, но еще — ленинградской организации и Соболева. От Соболева — это было, конечно, самое сложное, хотя потом Соболев как-то приезжал в редакцию, зашел ко мне и говорит: — Слушай, это ты сама придумала печатать Ахматову?

Я говорю: — Ну и что? — Он говорит: — Да нет. Ты — молодец. Мне просто интересно: тебе пришло в голову или...? <...>

Для меня самое высокое начальство был Леонид Соболев, а для Чаковского начальство — в ЦК партии... Еще Хрущев был, но оттепель уже сворачивалась потихоньку. Но с ней как раз... Наша публикация попала в последний момент оттепели».

- 6 Конъюктура в цитируемом издании неверна — не «блоковский номер». В том же номере в статье Ольги Берггольц «Слушай нас, родная страна!» был приведен текст ахматовского выступления в сентябре 1941-го в передаче «Говорит Ленинград»: «Городу Петра, городу Ленина, городу Пушкина, Достоевского и Блока, городу великой культуры и труда враг грозит смертью и позором. Я, как и все ленинградцы, замираю при одной мысли о том, что наш город, мой город может быть растоптан...». Ср.: «Ольга написала обо мне в Ленинграде, о том, как я выступала по радио в квартире Зоценко. Она все время порывалась это напечатать, но ей говорили: “Нельзя. Нельзя допустить, чтобы Ахматова защищала Ленинград”» (Глекин Г. С. 289). В книге О. Берггольц «Говорит Ленинград» (Л., 1946; подписана к печати 31 декабря 1945 года) рассказ о радиовыступлении Ахматовой опущен. Об этом выступлении Ахматова рассказывала в 1946-м В. Дмитриевскому: «В момент моей речи началась сильная бомбежка. Находившиеся в комнате подавали друг другу знаки и Бог знает почему говорили тихим голосом. Позже я поняла, что они старались не напугать меня и казаться

- спокойными, как будто ничего не происходило» (*Dmitrevski V. Con la poetisa Ana Ajmatova // Literatura sovietica. 1946. № 4(46). P. 65*). И в том же номере «Литературной России» в статье Д. Левоневского «Память сердца» рассказывалось об альбоме работника Политуправления армии и Воениздата Василия Ивановича Цветкова (1900–1975), в котором содержалось два автографа Ахматовой — надпись «Для славы мертвых нет», сделанная 30 августа 1945 года на открытке с гравюрой Ю. Мезерницкого «Салют», и четверостишие «Так в ночи огромной, беззвездной...» — тоже о салюте.
- 7 Ранее, 3 января, Ахматова предполагала дать туда же и три отрывка из «Пролога» (С. 420, 421).
- 8 См.: *Тименчик Р. О «библейской» тайнописи у Ахматовой // Зв. 1995. № 10. С. 201–207; ср. комментарии Н.В. Королевой: Сочинения. Т. 2. Кн. 2. С. 474.*
- 9 В варианте коды:
 Из-за тебя и всех тебе подобных
 Рыданий я не слышала надгробных.
- 10 Ср.: *Хазан В.И. Об одном поэтическом парадоксе Ахматовой (К проблеме передатировки стихотворных текстов) // Forschungen zur Linguistik und Poetik: Zum Andenken an Grigorij O. Vinokur (1896–1947). Frankfurt am Main, 1997. С. 94–96.*
- 11 Ахматова читала его Л. Чуковской в 1940 году (ЛЧЛ. С. 132), но его не было в списках двухтомника, составлявшихся в 1920-е.
- 12 *Найман А. С. 197–198.*
- 13 Задуманная в эвакуации, дописанная в 1945 году, она, по свидетельству А. Наймана, вспоминалась по частям в 1960-е (*Verheul K. The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova. The Hague—Paris, 1971. P. 178–179; там же — первый подробный анализ этой элегии*).
- 14 Ср.:
 К чему невольнику мечтания свободы?
 Взгляни: безропотно текут речные воды
 В указанных берегах, по склону их русла;
 Ель величаява стоит, где возросла,
 Невластная сойти...
- 15 Ср. в интервью Иосифа Бродского Наталье Рубинштейн для передачи Би-Би-Си в 1986 году: «И мы отправились в Комарово. Знакомство состоялось, чисто формально — я показал Анне Андреевне свои стихотворения, которые она хвалила, она мне показывала свои, то есть чисто профессиональный поэтический контакт имел место быть, пока в один прекрасный

день, возвращаясь вечером из Комарова в поезде, в переполненном поезде, вдруг в моем сознании всплыла одна фраза, одна строчка из ахматовских стихов — “Меня, как реку, суровая эпоха повернула”. Я вдруг понял, с кем я имею дело, кого это я вижу, к кому это я наезжаю в гости в Комарово. То есть произошел некоторый едва ли не душевный переворот» (Иерусалимский журнал. 2001. № 9. С. 170).

16 Пунин Н. С. 309.

17 Горбаневская Н. Прозой. О поэзии и поэтах. М., 2011. С. 29. Эта «Шестая песенка» («Последняя песенка»), возможно, названная «экспромтом», который надо показать Вл. Муравьеву (С. 425), носит в блокноте подзаголовок «А у нас».

18 Антошкин Е. Песни остаются. К 90-летию С.А. Поделкова // ЛГ. 2002. 18 сентября.

19 День поэзии. М., 1989. С. 63.

20 МАА. О Сергее Александровиче Поделкове (1912–2001) см.: Поэзия узников ГУЛАГа. С. 254–256.

21 См., например, его стихи 1963 года:

Говорят, что хорошо в Париже,
Там Пикассо, Жан Кокто, Монтан.
... Чужеземье силясь обаять
Подыгрываем, наши шпингалеты,
С модернистским ячеством поэты,
Любят в дегте русское подать.

(Поделков С. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М., 1982. С. 355).

22 ЛЧЗ. С. 208.

23 Азадовский К. «Гагарья судьбина» Николая Клюева. СПб., 2004. С. 57–62. О взаимоотношениях двух поэтов см.: Швецова Л. Николай Клюев и Анна Ахматова // ВЛ. 1980. № 5. С. 303–305; Азадовский К.М. «Меня назвал “китежанкой”»: Анна Ахматова и Николай Клюев // ЛО. 1989. № 5. С. 66–70.

24 Поэтесса Ольга Николаевна Анстей (псевдоним; урожд. Штейнберг, в первом браке — Матвеева, во втором — Филиппова; 1912–1985) — эмигрантка второй волны. Статья «Черный год»: НРС. 1963. 15 декабря.

25 «Иван Елагин» — псевдоним поэта Зангвильда Венедиктовича Матвеева (1918–1987; см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 649–652). Этот эпизод середины августа 1939 года, в котором присутствует и портрет работы А.А. Осмеркина, описан в его поэме «Память»:

Даже казался странным
 В комнате Вашей свет
 И над простым диваном
 Девушки в белом портрет.

В конце августа 1939 года О. Анстей сообщала приятельнице о нем: «Ахматова его выгнала, как он пишет. Пишет: “выгнала, а все-таки дважды поцеловал руку!” и в конце прибавляет: “Могу писать мемуары, как меня выгнала великая русская поэтесса!”», и 26 октября 1939 года: «Она объявила ему, что сына ее высылают, и у нее должно быть последнее свидание, и вообще она никаких стихов слушать не может, она совершенно не чувствует в себе способности руководить молодыми дарованиями, и вообще “не ходите ко мне, забудьте мой адрес и никого ко мне не посылайте. Это не принесет радости ни мне, ни вам”. <...> А еще получилась пикантность: когда [он] стал распространяться, что она нам, дескать, потому так близка, что не печатается и т.д., она и говорит: “Вы ошибаетесь! Мои последние стихи скоро появятся в...” и назвала журнал. [Он], конечно, забыл, какой именно. Живая картина!!! <...>» (*Витковский Е.В.* «На экране памяти моей...» // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 710; речь шла о «Московском альманахе»).

- 26 Воспоминания Т. Венцлова (*Последние годы*. С. 89). Ср. разговор об этой статье с П.Н. Лукницким (*Летописец*. С. 191).
- 27 В августе 1963 года «Эренбург говорил с Н<икитой> С<ергеевичем> о реабилитации Раскольникова и имел успех» (*Лакшин В.* С. 148).
- 28 Ср.: «Известно, что Евтушенко ознакомил болгарского поэта С. Цанева с неофициально распространяемым письмом Раскольникова Сталину» (Председатель КГБ В. Семичастный. Письмо в ЦК КПСС от 6 июля 1964 г. // *Евтушенко Е.* Волчий паспорт. М., 1998. С. 540).

О составе поэтического самиздата тех месяцев некоторое представление дает пакет материалов, переданный из СССР для публикации в Париж (*Терапиано Ю.* Стихи «оттуда» // *РМ.* 1964. 14 марта), содержащий, например, «Восьмистишия» Мандельштама, одно стихотворение М. Алигер и одно — безымянного автора, который впоследствии оказался Ольгой Берггольц, — стихотворение 1940 года, концовка которого навеяна ахматовским «Но в мире нет людей бесслезней...»:

Нет, не из книжек наших скудных,
 Подобья нищенской сумы,

Узнаете о том, как трудно,
Как невозможно жили мы.

Как мы любили горько, грубо,
Как обманулись мы любя,
Как на допросах, стиснув зубы,
Мы отрекались от себя.

Как в духоте бессонных камер
И дни, и ночи напролет
Без слез, разбитыми губами
Твердили «Родина», «Народ».

<...>

И молча, только тайно плача,
Зачем-то жили мы опять,
Затем, что не могли иначе
Ни жить, ни плакать, ни дышать.

И ежедневно, ежечасно,
Трудясь, страшились тюрьмы,
Но не было людей бесстрашной
И горделивее, чем мы!

29 Тихомиров В. Красный адмирал // Известия. 1964. 1 апреля; ср.: «Это беспрецедентное дело в нашей печати. Человек по вызову его в Москву из-за границы, сообразив, что к чему, едет во Францию и там в буржуазной печати (не в коммунистической же!) выступает против Сталина и его режима. Это решительно новое во многих смыслах» (Твардовский А. Из рабочих тетрадей // Зн. 2000. № 11. С. 161).

30 См. копию П.Н. Лукницкого (ИРЛИ). Ср. текст этого письма: «Дорогая и глубокоуважаемая Анна Андреевна. Газеты, проехав девять тысяч верст, привезли нам известие о смерти Блока. И почему-то только Вам хочется выразить, как это горько и нелепо. Только Вам — точно рядом с Вами упала колонна, что ли, такая же тонкая, белая и лепная, как Вы. Теперь, когда его уже нет, Вашего равного единственного духовного брата, — еще виднее, что Вы есть, что Вы дышите, мучаетесь, ходите, такая прекрасная, через двор с ямами, выдаете какие-то книги каким-то людям — книги, гораздо хуже Ваших собственных.

Милый Вы, нежнейший поэт, пишете ли Вы стихи? Нет ничего выше этого дела, за одну Вашу строчку людям отпустится

- целый злой, пропащий год. Ваше искусство — смысл и оправдание всего — черное становится белым, вода может брызнуть из камня, если жива поэзия. Вы радость содержания и светлая душа всех, кто жил неправильно, захлебывался грязью, умирал от горя. Только не замолчите — не умрите заживо <...>» (Рейснер Л. Избранное. М., 1965. С. 518–519; письмо написано 24 ноября 1921 года в Кабуле, где она находилась вместе со своим мужем Ф. Ф. Раскольниковым, служа в советском посольстве); Ахматовой оно было передано С.А. Колбасьевым; в июле 1965 года пишущий эти строки спросил у нее. «Вы уже видели письмо Ларисы Рейснер к Вам?» Она ответила: «Ну что ж, я у нее мужа не отбивала!» Позднее она увидела место для этого письма в будущей диссертации об ахматовских читателях (незадолго до этой записи она получила письмо от преподавателя Иркутского университета Л.А. Ермолинского: «Какой Вам помнится Лариса Михайловна? (Момент. Эпизод, Штрих)» — № 1116).
- 31 Запись от 25 января 1964 года: «Лариса приходила ко мне, когда мы с Влад. Казимировичем (это мой второй муж) страшно, по-настоящему голодали. Она рассказывала мне, как ее обидел Ник<олай> Степ<анович>. У них был роман. Он писал ей с фронта. А мне это было так безразлично! Так безразлично — ведь мы с ним уже давно разошлись. И потом мне очень хотелось есть. Лариса мне писала из Афганистана... Ее муж Раскольников был там послом. В общем, все, что она писала, так ничтожно. Она была какая-то никакая...» (Глекин Г. С. 290)
- 32 Лазарев Л. Шестой этаж, или Перебирая наши даты. С. 374; Гладиллин А. С. 164.
- 33 Аксенов В. Я не считаю сейчас себя эмигрантом. Беседа с С. Кузнецовым // ЛР. 2002. 8 ноября; ср. приводимое здесь обещание нового главного редактора Бориса Полевого: «За моей широкой ж... вы будете чувствовать себя в безопасности».
- 34 «В статье А. Синявского отсутствуют даже элементы критики Пастернака. Автор выражает сожаление по поводу того, что в новом сборнике поэта не нашли места такие стихотворения, как “Август” или “В больнице”, хотя критику не может не быть известна их явно религиозная направленность и окрашенность. Он уверяет, что в этих стихотворениях “поэт само прощание с жизнью заставляет звучать как проповедь ‘творчества и чудотворчества <sic!>’, лежащих в природе бытия искусства”. Да, стихи эти поистине звучат как проповедь, но проповедь в сугубо религиозном смысле этого слова» (Соловьев Б. Поэ-

- зия и ее критики: Полемиические заметки // Октябрь. 1963. № 7. С. 207).
- 35 *Слизской, Арк.* «Новый мир» — июнь 1964 года // *РМ.* 1964. 3 сентября.
- 36 *Жолковский А.К.* Вспоминая Синявского // *Синтаксис.* 1995 [1998]. № 36. С. 26.
- 37 *Толмачев М.* Бутылка в море. М., 2002. С. 42; ср.: «Он знал всю мою поэзию, но так меня и не понял <...> с Синявским я встречалась в Москве, говорила ему, но как его ругать, ведь он такой хороший, его так молодежь любит...» (*Струве Н.* Восемь часов. С. 328).
- 38 «Есть другая опасность: увидеть как сгустки — собственные вещи — попасть в плен к собственной стиховой культуре. Здесь — в первую очередь — вопрос о темах. В плен к собственным темам попадают целые течения — этому нас учит история. <...>В плену у собственных тем сейчас Ахматова. Тема ее ведет, тема ей диктует образы, тема неслышно застилает весь стих.<...>

Взглянула — и, скованы смертною болью,
Глаза ее больше смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.

- Это тема Ахматовой, ее главная тема пробует варьироваться и обновиться за счет самой Ахматовой». См. подробнее: *Тименчик Р.Д.* Тынянов в «Поэме без героя» // *Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения.* Рига; М., 1996. С. 235.
- 39 Ср. в общеобязательном для запоминания приговоре Жданова: «Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой. Но клянусь тебе ангельским садом, / Чудотворной иконой клянусь / И ночей наших пламенным чадом...».

Первоисточником явилась классическая книга Бориса Эйхенбаума об Ахматовой (видимо, через статью С.А. Малахова и В. Совсуна в «Литературной энциклопедии»): «Образ делается загадочным, беспokoящим — двоится и множится. Трогательное и возвышенное оказывается рядом с жутким, земным, простота — со сложностью, искренность — с хитростью и кокетством, доброта — с гневом, монашеское смирение — со страстью и ревностью: <...>

Будь же проклят. Ни стоном, ни взглядом
Окаянной души не коснусь,

Но клянусь тебе ангельским садом,
 Чудотворной иконой клянусь
 И ночей наших пламенным чадом —
 Я к тебе никогда не вернусь.

Так от стилистических парадоксов, придающих поэзии Ахматовой особую остроту, мы переходим к парадоксам психологическим и сюжетным».

Ахматова жаловалась многим слушателям на то, что Синявский бестактно защищал ее от Жданова. «“Этого не было”, — сурово сказала она» (Лесневский С. «...Известный профиль с гордо занесенной головой» // ЛГ. 1996. 14 августа).

- 40 Письмо Ивана Черныка от 9 января 1961 года (№ 1106); ср.: ЛЧЗ. С. 456; его адрес есть в списке ответов на письма, продиктованном Н.Н. Глен (ММА). Ср. рассказ Людмилы Алексеевой о том, как она в школьной юности, попав под подозрение в чтении вслух стихов Ахматовой одноклассницам, опознала сходство крамольного стихотворения с клятвами лермонтовского Демона (Alexeyeva L., Goldberg P. *The Thaw Generation: Coming of Age in the Post-Stalin Era*. Boston, 1990. P. 53–54). Когда-то о том же генезисе говорил Г.А. Гуковский (ВАА. С. 138). Да и прозаик Иван Лазутин, вставивший по памяти эту строфу в свой роман «Черные лебеди» (см.: Бушин В. Геростратовы столбы // ЛР. 1965. 13 августа), знать, ознакомился с ней в том же докладе. Ср. также рассказ о том, как ученик пермской (молотовской) средней школы узнавал в 1954 году про Ахматову: «something between a “half-nun” and “half-prostitute”» (Krasnow, Wladislaw G. *Soviet Literature in Soviet Highschool (and Here) // Eissenstat, Bernard (ed.). The Soviet Union: The Seventies and Beyond*. Lexington, MA. 1975. P. 231). Современники в эти годы обратили внимание на то, как реализовалось ахматовское пожелание из стихотворения 1913 года: «Пусть когда-нибудь имя мое прочитают в учебнике дети».
- 41 Рид Иосифович Грачев (Вите) (1935–2004) — ленинградский поэт и прозаик, Ахматовой понравился его рассказ 1959 года «Подозрение» (Найман А. С. 298); лексикологический разговор, возможно, был связан с его стихотворением 1962 года, возрождавшим сологубовские мотивы и обыгрывавшим злополучное слово, означающее по Далю «развратные действия, растление или уклонение от прямого пути, в прямом и переносном смысле»: «Собака я, собака, / ничей прибудный пес, / держу в прибудных лапах / прибудный мокрый нос. / Откуда

приблудился? / Куда бреду, куда? / Наверное, родился / от блуда для блуда. / Блуждаю по задворкам, / по улицам брожу, / и рад бываю коркам, / когда их нахожу. / Лежу, хвостом махаю, / гляжу на сытых дам / и даже вслед не лаю / идущим поездам. / Пускай себе проходят, / пускай себе идут, / пускай себя находят, / пускай себя блюдут. / Блудливо улыбаюсь, / чтоб дали есть и пить, / и вовсе не стесняюсь / униженно просить». В связи с Ридом Грачевым см. характерную зарисовку в письме Р. Мессер к А.Л. Дымшицу: «Я присутствовала при такой сцене: есть некто Рид Грачев (его перевозила Панова в статье “Под добрым солнцем” — “Лит. газета”). Берковский, Беньяш и прочие кричат о нем на всех комаровских перекрестках как о лучшем современном советском прозаике, которого нигде не хотят печатать из-за “антиказенного духа” его рассказов. И вот сцена: препротивный злой заморыш нахально поливает грязью все наши журналы, потом задает риторический вопрос: “Прямо хоть проси где-нибудь художественного убежища?”. И четверо почтеннейших литературоведов (в том числе Ваш старый друг Мотылева) с обожанием глядят на этого выродка, и никто не решится оборвать наглеца хотя бы напоминанием, что такое “убежище” может быть только политическим» (*Огрызко В. Лизать*. С. 140).

Покойный Мартин Маляя рассказывал нам, что Ахматова спросила его: «Вы понимаете, что такое блудница? Это же — блядь».

42 *НМ*. 1964. № 6. С. 174–176.

43 *Слизской, Арк.* «Новый мир» — июнь 1964 года // *РМ*. 1964. 3 сентября.

44 *Кабаков И.* 60-е — 70-е... Записки о неофициальной жизни в Москве. С. 20.

45 Из письма к нам от 29 мая 1998 года бывшей заведомой изучения творчества Маяковского Инны Соломоновны Правдиной (1927–2013); в связи с подготовкой вечера они с зав. массовым отделом Л.Ю. Огинской дважды навещали Ахматову в мае 1964 года у Ардовых (С. 328). Воспоминания Ларисы Юзефовны Огинской перепечатаны в нашей справке о ней: *Некалендарный XX век*. С. 345–349. Ахматова сказала: «Вечер можно сделать очень интересным. Я готова помочь Вам во всем. Позвать для рассказа профессора Виноградова, у него есть книжка обо мне. У Прокофьева — романс, который исполняет Вишневецкая. Мои стихи читает Алеша Баталов — если вы его позовете,

прибежит пол-Москвы. Я могу дать звукозаписи своих стихов. Могу специально для Вас прочесть, что захотите. Можно 'Поэму (без героя!); отрывок, или всю, что угодно, кроме... моего присутствия'. <...> Помолчав, продолжила: "У меня было три инфаркта, врачи не разрешают волноваться, да я и сама не могу, задыхаюсь, а разыграть перед публикой сцену обморока — это не лучший выход". А затем, словно в раздумьи, проговорила: "Я больше никогда и нигде не буду выступать — поздно!" "Вот и премию дали. Поздно!"».

- 46 *Иванов Вяч. В.* Встречи с Ахматовой // *Зн.* 1989. № 6. С. 204; ср. реплику Ахматовой (в доме у М.И. Алигер; со слов чтеца Г.В. Сорокина) по поводу Н.А. Ольшевской: «О, она, пожалуй, единственная женщина, которая умеет читать мои стихи». Потом была большая пауза, за которой последовало: "А вообще мне надоело слушать дамское исполнение моих стихов. Для этого должен быть мужчина"» (*Брудный Д.* Сам такого не прочтешь // Советская Россия. 1989. 3 декабря); впрочем, по поводу чтения стихов иными поэтами Ахматова цитировала эпиграмму Сергея Соболевского «На чтение К.К. Павловой» (1866): «Что эдак воет лишь волчица, / Когда берут у ней волчат».
- 47 *Дружинина Н.Л.* Три встречи с Анной Ахматовой // Дом Остроухова в Трубниках. Альманах. 1995. М., 1995. С. 331–336; по-видимому, в проекте очередного вечера в Литературном музее (октябрь 1964-го?) запись «Галя — лирика» (С. 471) относится к Г.Г. Грибакиной-Ларской, а запись в плане (тоже не состоявшегося) вечера в марте 1965 года «Моск<овские> девочки» (С. 507) — к ней и второй чтице Анне Мамоновой (Шустер).
- 48 *Ларская Г.* Слова... М., 2002. С. 72–74; ср. впечатления Л.К. Чуковской: «Читали они грамотно: то есть не разлучали смысловые ударения с ритмическими. И не занимались каждая демонстрацией собственной особы — "поперек стиха не лезли", как сказал мне, присевший на минуту рядом со мной, Тарковский» (ЛЧЗ. С. 225).
- 49 *Шилов Л.* Анна Ахматова. М., 1989. С. 10.
- 50 *Лаврова А.* Классик Круча. Воспоминания. Херсон, 1997. С. 27. 22 февраля 1963 года Ахматова присутствовала на дне рождения Крученых у Лидии Либединской, там с присутствующими гостями — Л. Никулиным и поэтессой Т. Толстой (Вечеркой) — они вспоминали времена «Бродячей собаки». На скатерти хозяйки дома, где расписывались почетные гости, Ахматова написала: «В то время я гостила на земле» (*Либединская Л.* «Зеле-

ная лампа» и многое другое. М., 2000. С. 36–37). Этой встрече предшествовала многолетняя история дружеских житейских и конфликтных литературных взаимоотношений. См., например: «Как ни дуются наши барышни и их кавалеры — все ж в России *поэтесс нет*. Правда, по “честному заверению” Чуковского, над одной замахала было тень Пушкина, — но как-то криво: другой “честный страж пушкинского мундира” — Брюсов — уверяет, что этой поэтессе лучше было бы не родиться (т.е. не печататься)! — всем ясно, что речь идет об Ахматкиной, которую расчитил Маяковский, обозвав ее “вовсе не поэтессой, а романсисткой”» (*Крученных А.* Кукиш прощаякам. М.; Таллинн, 1992. С. 29). Или же см. сближение Ахматовой с Вербицкой (*Крученных А.* Сдвигология русского стиха. М., 1923. С. 36). В 1940 году он написал стихотворение «Анне Ахматовой»:

Хлебнув смолы и жупела с самого дна,
Вы уже не та светская дама,
Что были в тринадцатом году,
Вам не страшны никакая полынь и яма,
Пожар, резак и игра в аду.

(Встречи с прошлым. Вып. 7. М., 1990. С. 518). По поводу этого стихотворения Б. Пастернак замечал ему 15 февраля 1943 года: «Я не знаю, не истолковала бы Анна Андреевна ложно некоторую общую твою необычность. Как бы она не показалась ей, в особенности при огорчительности ее жизни, легкостью и неуважением к ней, которых у тебя, конечно, нет и в помине» (*Пастернак Б.* Т. IX. С. 339). См. также ряд его вариаций и «доделок» к ахматовским стихам, о которых Крученных писал Пастернаку:

Борис, ты видел:
летом, у тебя на даче,
в Переделкино,
Анна Андреевна Ахматова
улыбаясь,
приветствовала
мои к «Шестикнижию»
доделки.
Вспомни и ты, Борис,
и улыбнись.

*Когда человек умирает,
изменяются его портреты.*

По-другому глаза глядят, и губы
 улыбаются другой улыбкой.
 Я заметила это, вернувшись
 С похорон одного поэта.
 И с тех пор проверяла часто,
 и моя догадка подтвердилась.
 А сказать вернее —
 это вырастает
 наша любовь к нему,
 к ушедшему.
 Сметается пыль будней,
 омытый смертью
 встает он, великий
 и переросший все портреты

и т.д.

В архиве Б.А. Пастернака, как сообщал нам покойный В.М. Козовой, хранился список двух стихотворений «из цикла “Пять стихотворений”» с пометой Крученых на стихотворении «И <sic!> дышали мы сонными маками...»: «В наше время так писать стыдно, Анна Андреевна».

О его репутации среди нормальных совписов см., например, монолог В.А. Кочетова:

«Писать надо по-простому, — учил он меня, — для народа, для людей, вот как я пишу. Вот я пишу про рабочий класс “Журбины” роман, и все понятно, все ясно. Я помогаю и партии, и правительству, а то, что эта интеллигенция все мудрит, изощряется, кому это нужно, этот Серебряный век, все эти Крученых-Перекрученых, на хрена они нужны?» (*Гранин Д. Листопад // Зв. 2008. № 2. С. 16*). Из новейших мемуаров о нем см.: *Емельянова И. Дыр Бул Щыл на пороге // «Тихие песни»: Историко-литературный сб. ст. к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 163–168*.

51 *Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995. С. 388.

52 *Хелемский Я.* Вечный подданный поэзии // Ты помнишь, товарищ... Воспоминания о Михаиле Светлове. М., 1973. С. 75–76. См. высказывание М.А. Светлова в 1963 году: «Я рассказывала Светлову, как познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой, как боялась встречи с ней.

— Ну что ты, она очень милая женщина» (*Кулешова В. Архив Михаила Аркадьевича // Там же. С. 321*). Сохранилась телеграмма ко дню рождения: «Ночная. Москва, Советская пло-

щадь, ресторан “Арагви”, кабинет 7. Михаилу Светлову. Сердечно поздравляю сегодняшним днем желаю хороших стихов талантливому поэту=анна ахматова» » (ГЛМ).

- 53 Частное собрание; сообщено Г. Суперфином. См.: *Копелев Л., Орлова Р. С.* 280–285; ср.: *ЛЧЗ.* С. 222–227. Об успехе вечера, доказавшем, что Ахматова — «королева», рассказывал немецкой переводчице Гедди Просс-Веерт (1917–2004) неназванный российский коллега — почти наверняка Л.З. Копелев (*Pross-Weerth, Heddy.* Sie ist eine Königin. Erste Begegnung mit der russischen Lyrikerin Anna Achmatowa // *Frankfurter Allgemeiner Zeitung.* 1964. 31. Oktober).
- 54 *Точеный О.* Книги, как звезды // *ЛР.* 1964. 19 июня.
- 55 *Зн.* 2000. № 12. С. 129. Ср., возможно, связанные с ситуацией вокруг «Нового мира», разговоры 5 июля 1964 года: «...приход Фишей, и чтение с ними стихов Мандельштама, Ходасевича, Б. Ли[в]шица, и длинный разговор за полночь — все о том же, эта тема — центр всей нашей галактики, а вокруг нее вертятся мелкие звезды поэзии, личной жизни, дружбы, — и тема эта четырежды несчастная и семижды ненавидимая, — наше общее положение на белом свете, положение всей советской интеллигенции, а может быть, и всего народа» (*Антокольский П.* Дневник 1964–1968. СПб., 2002. С. 19–20). Геннадий Семенович Фиш (1903–1971) — поэт, писатель. Его жена — редактор Татьяна Аркадьевна Смолянская (1911–2003). Визит Г. Фиша 15 декабря 1963 года отмечен у Ахматовой. (*С.* 415). Как поэт Г. Фиш испытал влияние Ахматовой (*Жак Л.* Геннадий Фиш. М., 1976. С. 42–43) и Гумилева (Печать и революция. 1928. № 4. С. 197; наблюдение М. Зенкевича). Он писал по поводу «Шума времени» Мандельштама: «Ощущение вещи и слова — одно из оставшихся в литературе достижений акмеизма» (*Фиш Г.* «Дирижер Галкин в центре мира» // *Красная газета.* Веч. вып. 1925. 30 июня). Ср. позднейшее приветствие ему от Союза писателей: «Весьма значительны Ваши заслуги как писателя-коммуниста в пропаганде учений Мичурина и Лысенко. Зарубежные поездки позволили Вам создать высокие по идейному содержанию и художественным особенностям книги о людях Финляндии, Дании, Норвегии» (*ЛР.* 1963. 12 апреля). В одном из путевых очерков Г. Фиш рассказывал, как в связи с разговором о 7-й симфонии Шостаковича он читал своей шведской переводчице соответствующую строфу «Поэмы без героя» (Москва. 1965. № 6. С. 183).

См. также нашу справку: *Крымский Ахматовский.* 7. С. 71–72.

- 56 Хейт А. С. 184.
- 57 Ср.: «Филипп Бен —? (Paris)» (С. 460). В позднейшем списке встреченных иностранцев и зарубежных отзывов о себе: «Филипп Бен («Monde»)» (С. 557). Филип Бен (1913–1978) — корреспондент парижской газеты «Монд» и тель-авивской газеты «Маарив»; настоящее имя — Норберт Нижевский, в предвоенной Польше был журналистом, с армией генерала Андерса из Советского Союза, где был интернирован как солдат польской армии, попал в Палестину. В конце 1956 года выдворен из Польши как «агент израильской и американской разведок»; по одной из версий, был причастен к передаче на Запад текста доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС. См. подробнее: *Тименчик Р.* Три персонажа «Записных книжек» Анны Ахматовой // К 65-летию С.Ю. Дудакова: История, культура, литература / Под ред. В. Московича и С. Шварцбанда. Иерусалим, 2004. С. 226–230.
- 58 Бен Ф. История из времен «чисток» // Маарив. 1964. 1 июня; перевод З.Л. Копельман; неточность Ф. Бена — сборники Ахматовой выходили в 1959 и 1961 годах. Идея двухтомника, при жизни не реализовавшаяся, в последние годы не раз обдумывалась ею. Проект такого двухтомника (для Лениздата) Ахматова продиктовала и за четыре дня до смерти (Im Arbeitsraum der Dichterin. Besuch in der Wohnung von Anna Achmatowa // Nürnberger Zeitung. 1966. 1. Juli).
- 59 *Кондратович А.* Новомирский дневник 1967–1970. М., 1991. С. 77–78.
- 60 *Урбан А.* Заметки о незамеченном // *Зв.* 1964. № 5. С. 197–198; о критике Адольфе Адольфовиче Урбане (1933–1989) Ахматова записала в феврале 1964 года: «Урбан — Вопр. лит., № 1, 1964. Стр.... Спросить об авторе Г. Корнил<ову>» (С. 439; ср. С. 430). 21 мая 1961 года вместе с сотрудником «Звезды» И.М. Басалаевым он навещал Ахматову в Комарове, и ему была сделана надпись на «Подорожнике». Процитированный Н. Тарасовой абзац — весьма вероятно, является изложением монолога Ахматовой во время этой встречи. Позднейшая статья А. Урбана о сборнике «Бег времени» (*Зв.* 1966. № 5. С. 208–210) была перепечатана Юрием Анненковым с комментарием: «Как мы видим, эта статья совсем не похожа на гнусную ругань Жданова и всяких ждановцев. Можно с гордостью констатировать, что победила Ахматова, а не Жданов. Статья глубоко искренняя, глубоко прочувствованная. Но все же следует отметить, что в

- ней, из осторожности, ни одним словом не упоминается трагическая книга Ахматовой “Реквием”, вышедшая за рубежом» (Анненков Ю.П. Об Ахматовой в СССР // Возрождение. 1967. № 184. С. 128).
- 61 Тарасова Н. Живая совесть // Грани. 1964. № 56. С. 8–10.
- 62 См.: Далош Д. С. 176–179. Дадаист и сюрреалист Тристан Тцара (Самуэль Розеншток; 1896–1963) вступил во французскую компартию в 1937 году и вышел из нее в 1956-м в знак протеста против советского подавления венгерской революции.
- 63 «Она часто приговаривала, что, мол, водка полезна сердечникам — расширяет сосуды» (Хейт А. С. 186).
- 64 О переводчице Марии Александровне Энценсбергер (1943–1991), дочери А.А. Фадеева, см. справку в кн.: Mandelstam O. Selected poems. A Necklace of Bees / Transl. by Maria Enzensberger. [Cambridge], 1992. P. 42. Ср. о ней: ЛЧ2. С. 358–359; Строфы века. С. 580.
- 65 Гладков А. «Я не признаю историю без подробностей...». С. 563. См. о редакторе, специалистке по польской литературе: Рубинчик О. Юлия Марковна Живова (1925–2010) // Крымский Ахматовский. 8. С. 284–295.
- 66 Ср. его заметку «Досужие домыслы верного друга» (Советская Россия. 1989. 20 декабря) и ответ ему «Мы еще живы», подписанный М.А. Дудиным, Н.Н. Глен, В.Г. Адмони, Н.А. Жирмунской, С.С. Лесневским, С.И. Липкиным, Л.К. Чуковской, Л.А. Шиловым (ЛГ. 1990. 17 января).
- 67 Запись П.Н. Лукницкого (Летописец. С. 191–192). Ср.: Латманов М. С. 185; ЛЧ3. С. 192, 235. Пять лет спустя В. Гольцев прислал Твардовскому эту «статью о Гумилеве, критикующую американское издание его сочинений (при отсутствии дурного или хорошего у нас). Статья была затеяна при Аджубее и не успела появиться» (Твардовский А. Рабочие тетради 60-х годов // Зн. 2004. № 10. С. 141). При личном знакомстве он показался Твардовскому «довольно навязчивым и развязным в суждениях».
- 68 Гладков А. «Я не признаю историю без подробностей...». С. 563.
- 69 Фохт Н. Чемодан Ахматовой и сто автографов для фотографа // Известия. 1995. 13 октября; фотография надписана 24 июня 1964 года.
- 70 Толмачев М. Бутылка в море. М., 2002. С. 42.
- 71 Валентина Михайловна Карпова (1915–2001) — главный редактор издательства «Советский писатель», известная своим службистским рвением и прозвищем «Большая сука» (Глади-

лин А. С. 141), «полное собрание жира, злобы, тупости и дерьма» (Белинков А. Побег // Белинков А.В. Россия и Черт: Роман. Рассказы. Пьеса. Допросы. СПб., 2000. С. 274). Поэта Егора (Георгия) Александровича Исаева (1926–2013) Наталья Ильина язвила за строки «А здесь уже мы ложим камни и третий делаем замес» (Ильина Н. Внимание: опасность! // Крокодил. 1959. № 8. С. 14), друзья Ахматовой находили бездарным (ЛЧЗ. С. 31), а историограф — примитивным (Казак В. С. 386). Поэт Дмитрий Николаевич Голубков (1930–1972) исполнял обязанности заведующего редакцией русской советской поэзии и 30 мая 1964 года поднес свой сборник «Зов» «благодарно и благоговейно» (МАА).

- 72 Ср. запись «Знамя просит стихи» 1 марта 1965 г. (С. 508). 10 октября 1965 года: «Что “Знамя” и что в “Знамя”?» (С. 654). Публикация не состоялась. Ср. рассказ о прохождении в этом журнале ахматовской прозы: «Одну рукопись А. А., которую я притащила, окрыленная первым успехом, мои начальники просто украли. То было ее эссе об Осипе Мандельштаме, и, как всегда, первым читателем в редакции стал Сучков. Однако напрасно я ждала, что рукопись появится передо мной с заветной пометкой “в набор”, о ней не было ни слуху ни духу. Наконец я поднялась на второй этаж.

— Мы это печатать не будем, — сухо объявил Борис Леонтьевич.

— Жаль. Тогда давайте, я верну эссе автору.

— Я все передал Скорино...

Но Людмила Ивановна, глядя на меня в упор правдивыми водянисто-серыми глазами, ответила, что она такой рукописи даже не видела. Побегав безо всякого результата из одного кабинета начальника в другой, я с повинной головой поехала на Ордынку к Ардовым, где остановилась Ахматова, чтобы сказать: бесценное ее произведение украли мои начальники. К счастью, Анна Андреевна отнеслась к моему рассказу с прищущим ей чувством юмора» (Корнилова Г. Однажды в «Знамени»... // Зн. 2001. № 1. С. 135). Людмила Ивановна Скорино (1908–1999) — критик, с 1949 года — член редколлегии и зам главного редактора этого журнала. В связи с сочинением книги о Валентине Катаеве Л.И. Скорино расспрашивала Ахматову о знакомце Катаева Владимире Нарбуте (ЛЧЗ. С. 522). Ср. воспоминания Г.П. Корниловой: «Мне показалось, что, облаченная в обтягивающую ее вязаную кофту, с гладко зачесанными и со-

бранными в пучок волосами, она выглядела бы более естественно не за столом редакции, но за прилавком какого-нибудь магазина. <...> Внезапно, навалившись всем телом на столешницу, заговорщицки прошептала:

— Учтите: я здесь — единственный настоящий марксист!»

(*Корнилова Г.* Однажды в «Знамени»... С. 134–135); ср.: «Ася Берзер мне, хохоча, рассказывала, как Л.И. из ее статьи о Пушкине выкинула последнюю строфу “Памятника” (“Что в мой жестокий век восславил я свободу”), мотивируя это тем, что места мало» (*Петрушевская Л.* Однажды в «Знамени»... // *Зн.* 2001. № 1. С. 14); ср. о передаче в КГБ романа В.С. Гроссмана: «С большим огорчением я узнал в новые времена о том, что в этом деянии, наряду с главным редактором, участвовала всегда любезная Людмила Ивановна» (*Синельников М.* Однажды в «Знамени»... // *Зн.* 2001. № 1. С. 18).

- 73 Машинопись, подписанная «Странник» с надписью-автографом — просьбой к неустановленному лицу передать стихотворение Ахматовой (№ 621). Ср.: *Странник [Иоанн, архиепископ Сан-Францисский]*. Переписка с Кленовским. Париж, 1981. С. 142). О Страннике (Шаховском Д.А.; 1902–1989), брате З.А. Шаховской, см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 740–741.
- 74 *Домогацкий Б.* Низкий поклон Анне Андреевне Ахматовой // *Современник* (Торонто). 1964. № 10 [Ноябрь], С. 3–5) Ему также принадлежит статья по поводу публикации «Реквиема»: «Я была тогда с моим народом...» // *РМ.* 1964. 28 мая; биография Бориса Сергеевича Домогацкого (1892–1968) восстанавливается по его сборнику рассказов «Память сердца» (Сидней, 1966) — детство прошло в Смоленске, воевал на стороне белых, в 1930-х жил в Переделкине, в 1934–1940 годах — в заключении на Воркуте, во время войны ушел на Запад. Его статью передала Ахматовой Л.Н. Назарова (*Савин В.* Поклон, который был передан Анне Андреевне Ахматовой // *Русское слово в Канаде.* 1966. № 36. С. 11).
- 75 *Русская литература.* 2014. № 2. С. 184. Допускаю, что за неразборчивой подписью стоял известный впоследствии педагог Симон Соловейчик.
- 76 *Soviet Honors Akhmatova, Poet repressed by Stalin* // *New York Times.* 1964. June 26; 5 июля эту заметку послал Ахматовой брат Виктор из Нью-Йорка (№ 795); в эмигрантской газете из преувеличенного отчета «Нью-Йорк Таймс» вывели, что в «Ли-

тературке» помещена большая статья, содержащая теплые отзывы о творчестве (Юбилей Анны Ахматовой // *НПС*. 1964. 27 июня).

На родине отозвались встревоженные читатели — см., например, телеграмму от Е.В. Юнгер и ее тогдашнего мужа В.Н. Орлова: «никакого флегетона для вас нет запятая есть бесконечная дорога большого русского поэта точка» (№ 1613). Елена Владимировна Юнгер (1910–1999) — актриса, дочь хорошо знакомого с Ахматовой поэта В.А. Юнгера. Ср. ее воспоминания: «В жизни, в обычном общении она была очень проста, очень мила и как-то неумела. Когда она первый раз поехала за границу, то с ней ходила, по-моему, Фаина Георгиевна Раневская — покупать ей платок, оренбургский, чтобы она прилично выглядела. Она ведь была бедна. У нее совсем не бывало денег. Но она была горда и совершенно этого не замечала. Когда к ней приходили, что-нибудь приносили, она говорила: “А-а, хорошо, хорошо, давайте чай пить”. И все это было королевское, величественное при абсолютной простоте» (*Хрусталева О. «Я смеюсь над своей старостью» // Коммерсантъ-Daily*. 1997. 24 сентября). См. о ней нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 10. С. 165–167.

- 77 Ср. разговор в октябре 1963 года: «Подумайте, как я оскандалилась. Недавно, слушаю по радио “Гранатовый браслет” Куприна. Я не поклонница этого классика, а уж эта вещь из рук вон плохая, безвкусная. Но — помните? Мандельштам в одной рецензии про меня написал, что я прессую русскую психологическую прозу. Помните?.. И что же? Мои строки: “В которую-то из сонат / Тебя я спрячу осторожно” — это точное совпадение с “Гранатовым браслетом”. Там герой перед своей смертью просит любимую женщину играть “Appassionata”. Только не говорите никому! Срамотища!» (*ЛЧЗ*. С. 84); см. стихотворение «Зов» из «Полночных стихов»:

В которую-то из сонат
Тебя я спрячу осторожно.
О! как ты позовешь тревожно,
Непоправимо виноват
В том, что приблизился ко мне
Хотя бы на одно мгновенье...
Твоя мечта — исчезновенье,
Где смерть лишь жертва тишине

(1 июля 1963 г.)

Ср. у Куприна: «И она прочла слова, написанные знакомым почерком: L. van Beethoven. Son. № 2, op. 2. Largo Appassionato... Она... спросила себя: почему этот человек заставил ее слушать именно это бетховенское произведение, и еще против ее желания? И в уме ее слагались слова. Они так совпадали в ее мысли с музыкой, что это были как будто бы куплеты, которые кончались словами: “Да святится имя Твое”.

«Вот сейчас я вам покажу в нежных звуках жизнь, которая покорно и радостно обрекла себя на мучения, страдания и смерть. Ни жалобы, ни упрека, ни боли самолюбия я не знал. Я перед тобою — одна молитва: “Да святится имя Твое”»; ср. в записи 1964 года: «...в “Зове” бьют часы из другого века...» (С. 452).

- 78 Ахматовой была известна рецензия Саша Черного на «Подорожник» (С. 212), где он, исповедовавший и в стихах своих «котофилию» (см. об этом: *Бельская Л.Л.* «Ах, как много на свете кошек...» // *Русская речь.* 2002. № 6. С. 19), особо выделил одно стихотворение, включенное им тогда же в антологию «Радуга. Русская поэзия для детей» (Берлин, 1922): «И неожиданно, теплым розовым огнем расцветает среди надломленных болью песен крохотное стихотворение о ребенке:

Мурка, не ходи, там сыч
На подушке вышит,
Мурка серый, не мурлычь,
Дедушка услышит.
Няня, не горит свеча,
И скребутся мыши.
Я боюсь того сыча,
Для чего он вышит?»

(Жар-птица. Берлин. 1921. № 1. С. 43). Ср.: «Анна Андреевна ненавидела свое стихотворение “В детской” (“Мурка, не ходи...”) и однако санкционировала его печатанье. А говорила о стих[отворении] с содроганием: “Опять будут печатать это отвратительное ‘Мурка, не ходи’, а что я хочу — не печатают” (это при издании “лягушки” были у нас такие разговоры)» (*Петровых М.* Избранное. Стихотворения. Переводы. Из письменного стола / Сост. А.В. Головачевой, Н.Н. Глен. М., 1991. С. 344); в «лягушку» оно не вошло, но шестивие его по миру продолжалось — «однолетка и уроженец Петрограда» Бруно Тутенберг из Магдебурга 27 октября 1961 года послал автору перевод «Мурки» на немецкий, напечатанный в журнале Frau

von Heute, — перевод был сделан по тексту, сохранившемуся в памяти его жены (№ 1774). Ср. также отзыв Ахматовой в 1960 году: «Очень интересно впервые прочитать Черного подряд. Вы заметили, что с ними со всеми происходит в эмиграции? Пока Саша Черный жил в Петербурге, хуже города и на свете не было. Пошлость, мещанство, смрад. Он уехал. И оказалось, что Петербург — это рай. Нету ни Парижа, ни Средиземного моря — один Петербург прекрасен» (ЛЧ2. С. 392) — впрочем, здесь излагается мысль К. Чуковского в предисловии к изданию, по поводу которого зашел разговор: «Чуть только он оторвался от России, с ним произошел переворот, нередко наблюдавшийся среди эмигрантов: он какой-то новой любовью, неожиданной для него самого полюбил все русское, решительно все — даже то, что еще так недавно коробило и раздражало его» (*Саша Черный*. Стихотворения. Л., 1960. С. 19); ср. мнение Гумилева: «Для грядущих времен его книга будет драгоценным пособием при изучении интеллигентской полосы русской жизни. Для современников она — сборник всего, что наиболее ненавистно многострадальной, но живучей русской культуре» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии*. С. 146).

- 79 Ср.: «Бальмонта читала в юности, с тех пор не читала почти, потому что терпеть не может его» (Л2. С. 195); «Между прочим, как это ни странно, он и в самом деле поэт» (ЛЧ1. С. 96); И. Берлину она говорила: «Что же касается Бальмонта, то его презирали совершенно напрасно. В нем, конечно, было много комической помпезности, и он был о себе преувеличенно высокого мнения, но его одаренность была несомненной». К. Бальмонт писал как-то: «А. Ахматова немножко напоминает З. Гиппиус, немножко Мирру Лохвицкую. Это уже розыгрыш слов о женской любви в поэзии» (*Бальмонт К. Песни женской любви // Сегодня*. 1930. 28 июня). Ср. у мемуаристки: «Приехал! Приехал! — ликовала Анна Ахматова. — Я видела его, я ему читала свои стихи, и он сказал, что до сих пор признавал только двух поэтесс — Сафо и Мирру Лохвицкую. Теперь он узнал третью — меня, Анну Ахматову» (*Тэффи*. Встречи. О Бальмонте // *НРС*. 1948. 5 сентября) — эпизод относится к ноябрю 1913 года, и в те же дни, 13 ноября на вечеринке у Е.С. Кругликовой Бальмонт произнес запомнившуюся Ахматовой фразу: «Почему я, такой нежный, должен видеть это?»

Из не раз встречающихся в критике контрастных сопоставлений ахматовской и бальмонтской поэтик см., например:

- Melniková-Papoušková N.F.* Básníci různých škol // Čas. Več. vyd. 1921. 25. června. Имена эти обозначали господствующие вкусы двух разных десятилетий — ср. например: «...сколько самых что ни на есть эсеров и эсдеков можно было видеть с томиком Ахматовой под мышкой, потому что уж Бальмонт и тот стал казаться недостаточно изощренным» (*Аничков Е.* Акмея русского художества // *Новости литературы* (Берлин). 1922. № 1. С. 9).
- 80 *Андреев В.* Встреча с Анной Ахматовой // *РМ.* 1970. 12 февраля.
- 81 Впервые: *Жизнь* (Одесса). 1918. № 7. С. 1; *Сполохи* (Берлин). 1922. № 5. С. 1; возможно, использовано реальное имя поэта Анатолия Пучкова (1894–1973), рецензию на книгу которого (за подписью Н. Гумилева) Бунин мог видеть в журнале «Аполлон» в 1915 году; потом Бунин заменил Пучкова на «Кузьмина».
- 82 *Звено.* 1926. 31 января. В 1940 году Ахматова прочитала наизусть это стихотворение Л.К. Чуковской (*ЛЧ.* С. 114). Ср.: *Бунин И.* Стихотворения. Т. 2 / Сост. Т.М. Двинятиной. СПб., 2014. С. 131, 427. Ср. отзыв Бунина по поводу стихотворения «Читая “Гамлета”» в письме к Г.В. Адамовичу 1948 года: «И такую дуру прославили замечательной поэтессой!» (*И.А. Бунин: Новые материалы.* Вып. I. М., 2004. С. 80). Еще в 1910-х он говорил: «Ахматова — провинциальная барышня, попавшая в столицу» (*Катаев В.* Трава забвения // *НМ.* 1967. № 3. С. 30).
- 83 *Найман А.* С. 126; запись эпитаграммы: РГАЛИ. Ф. 2182. Оп. 1. Ед.хр. 140. Л. 329; помета М.М. Шкапской о том, что автор неизвестен; ср. вариант — «Любовный разговор...» — *Трубецкой Ю.* Дом искусств и литературная молодежь (из литературного дневника) // *НРС.* 1951. 8 апреля; вариант: «Ах-матова! Ах-матова! Ее любовь останется тоской...» — ГЛМ. Ф. 135. Оп. 1. № 166. Л. 4 — сообщил Евдоксии Никитиной М. Беккер в 1930 году); ср. также: *Чернова Е.Б.* «Я пишу то, что помню...»: Воспоминания. СПб., 2011. С. 71; ср. в письме Г.Л. Козловской к нам от 10 мая 1989 года: «Я отлично помню рассказ Анны Андреевны — стишок “Любовное свидание с Ахматовой всегда кончается тоской” написал не Бунин, а Сологуб. Еще она насмешливо сказала: “Ну он не обхватывал.” Бунин же написал очень злое и недоброе стихотворение “Поэтесса”. Причем говорила об этом с горечью и недоумением. “Почему он так обо мне написал? Он меня совсем не знал и никогда не видел”. Ср. некоторые из отзывов Ахматовой о Буinine: «“Митина любовь” — пошлейшая вещь» (*Л2.* С. 229); о рассказе «Казимир Станиславович»: «Я не люблю его стихов, никогда не любила. Но есть у него один

рассказ, который я прочла еще до революции, очень давно, и никогда его не забуду. Удивительный...» (В.А.А. С. 75); «Бунин не мог простить человечеству, что кончил четыре класса гимназии» (Сергеев А. Omnibus. С. 376); «У него прекрасная нобелевская речь. И сразу потом — в его воспоминаниях, как вручали Нобеля — падение» (Последние годы. С. 89). «В мое время это было всем известно: кто самый злой? — Бунин»; «Бунин с поэтами даже никогда и рядом не сидел» (Роскина Н. С. 102). «А Бунин, Телешов — вся эта странная компания, метавшаяся от Чехова к Горькому и суетливо бежавшая назад... Ничего нет странного, что они все убежали. Они всегда носились то туда, то сюда...» (Глекин Г. С. 109; писатель Николай Дмитриевич Телешов (1867–1957) не эмигрировал). «Стихи его не стоят внимания, а проза бывает очень хороша. Это самый запомнившийся прозаик начала XX века» (Берестов В. С. 250) — незадолго до того, как были произнесены эти слова, Пастернак писал в не опубликованной тогда рецензии на ташкентский сборник Ахматовой: «В ее описаниях всегда присутствуют черты и частности, которые превращают их в исторические картины века. По своей способности освещать эпоху они стоят рядом со зрительными достоверностями Бунина».

- 84 Возможно, что именно об этой грамоте Ахматова говорит, когда вспоминает, что в 1930-е, отправляясь в Москву «...для того, чтобы купить билет обратно, <...> взяла с собой <...> орденский знак Обезьяньей Палаты — последний, данный Ремизовым в России <...> для продажи. (...купила С. Толстая для музея Союза писателей). Мне принесли его уже после бегства Ремизова (1921)» («Листки из дневника») — ср. подробнее о трудностях атрибуции: Обатнина Е. Царь Асыка и его подданные: Обезьянья Великая и Вольная Палата А.М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 218, 337; в одном из первых интервью по выезде из России А.М. Ремизов сообщил: «Поэтесса Ахматова служит библиотекарем в агрономическом институте (б. училище правоведения на Сергиевской) [ср.: «Дом Волконских» — С. 205, 587] и не пишет ничего» ([Б. и.] Впечатления Ремизова // Общее дело (Париж). 1921. 12 сентября); ср. полемику с последним утверждением со ссылкой на «Подорожник» и на публикацию в № 4 «Записок мечтателей»: Надеждин А. Кривое зеркало (Письмо из Петрограда) // Новый мир (Берлин). 1921. 7 ноября; в статье «Крюк. Память петербургская» Ремизов помянул среди оставшихся в России и Ахматову — «вербную

ветку» (Новая русская книга. 1922. № 1. С. 8) — возможно, как реплика на стихотворение «Ждала его напрасно много лет...», опубликованное впервые в «Подорожнике»:

Но воссиял неугасимый свет
Тому три года в Вербную Субботу.

Ср. отклик на ремизовское упоминание: «К западной культуре Ремизов не подходит. Она ему мистически непонятна. И он хиреет, тянет его на родину, загаженную и заплеванную коммунистами. Тянет как раз в то время, когда оттуда высылают остатки интеллигенции, в том числе Анна Ахматова, о которой с такой любовью вспоминает Ремизов» (*Философов* > Д. Обезьяний язык // За свободу. 1922. 1 октября); ср. также запись ахматовской фразы: «Ремизов — безвкусица, чепуха» (Записи Н.Н. Глен — МАА); см. также нашу нашу справку об Ахматовой и Ремизове: *Пермяковский сборник*. С. 393–394.

- 85 *Werth A. Russia. Hopes and Fears. London, 1969. P. 350.* Александр Адольфович Верт (1901–1989) до 1917-го жил в Петербурге (Моховая, 29). Ср.: «Должно быть, это было в 1914 или 1915 году, когда я, юнец, впервые услышал об Ахматовой. Мой дядя, Петр Наумов, был литературным критиком и сотрудником “Аполлона”, передового литературно-художественного петербургского журнала того времени — великолепного ежемесячника с обложкой Добужинского, и цветными репродукциями Сезанна, Матисса и Пикассо (это были тогда почти неизвестные в России имена), и современных русских художников. “Аполлон” также печатал некоторых из новейших русских поэтов, включая гениального Иннокентия Анненского, который умер в 1909 году, и его “акмеистических” последователей, таких, как Николай Гумилев и его молодая жена Анна Ахматова. Мой дядя, вернувшись с приема в “Аполлоне”, был весь под чарами этой ослепительной четы, известной как — Гумми-лев и Гумми-львица. “Львица”, — говорил он, — “Королева!”» (*Werth, Alexander. Akhmatova: Tragic Queen Anna // The Nation. 1966. August 22. P. 158*; в воспоминаниях об «Аполлоне» есть мелкие неточности); о П.Н. Наумове (Гуровиче; ум. 1947) см.: «Он знает Пушкина, и Лермонтова, и Тютчева, и Иннокентия Анненского насквозь; он любит Байрона и Шелли, и Гейне и “Фауст” Гете <...> Он также любит цыганское пение, и рассказывает бесконечные истории о добром старом времени в России» (*Werth, Alexander. The last Days of Paris: A Journalist’s Diary. London. 1940. P.56*).

- 86 Times Literary Supplement. 1964. August 13. Как вспоминал С. Риттенберг, Ахматова говорила, что «Реквием» разошелся по СССР в тысячах экземпляров, и что есть такие читатели, которые спрашивали: «А она что-нибудь еще написала?» и что эти читатели ей особенно дороги. Она также рассказывала, что И. Эренбург, прочитав «Реквием», сказал: «А о любви Вы пишете лучше». Во время этой встречи она прочитала гостям «Другие уводят любимых...», но записать не разрешила.
- 87 О взаимоотношениях Ахматовой с Михаилом Михайловичем Зощенко (1884–1954) следовало бы писать отдельный двойной медальон, как и требовала молва. Н. Ильина вспоминала осень 1955 года в Доме творчества в Голицыне: «И снова за общими трапезами я вижу Ахматову величественно-строгой, сурово-неприступной. Теперь я знаю, что это броня ее, в которую она облачается в присутствии посторонних. У кого хватит решимости прорваться сквозь эту броню с фамильярностью, с бестактным вопросом? Разве что у безумцев! Такие изредка находились. Подошла как-то к Анне Андреевне одна старушка, числившаяся в членах Союза писателей, но давно ничего не писавшая и явно выжившая из ума, и спросила шепотом: “А как поживает Зощенко?” “Хорошо, благодарю вас”, — ответствовала Ахматова» (*Ильина Н.И.* Дороги и судьбы: Автобиографическая проза. М., 1985. С. 282); ср. запись слов Ахматовой 8 марта 1954 года: «Как-то говорю Евгению Шварцу, что уже давно не бываю в театре. Он отвечает: “Да, из вашей организации бывает один только Зощенко”. (А вся организация — два человека)» (*Чуковский К. Т.* 13. С. 167). «Анна Андреевна ведь очень высоко ценила его как писателя, говорила, что “Толубая книга” — “это чудо”» (*Роскина Н. С.* 22). Надпись на сборнике «Из шести книг»: «Дорогому Михаилу Михайловичу Зощенко — с чувством глубокого уважения и восхищения — Анна Ахматова. 4 марта 1945 г.» (собрание А.Я. Рабиновича); «...я вдруг вспомнил, как Зощенко цитировал А.А.:

Нам свежесть слов и чувства простоту
 Терять не то ль, что живописцу зренье

И еще:

Ведь где-то есть простая жизнь и свет...

и т.д.»

(*Чуковский К., Чуковская Л.* Переписка: 1912–1969. М., 2003. С. 406).

- 88 Как рассказывали местные литераторы, «осенью 1946 года в Ленинграде стало известно, что по личной инициативе Фаде-

ева Зощенко и Ахматова были восстановлены в правах членов Литфонда. Акт сей имел в ту пору неоценимое значение: в стране еще действовала карточная система, и писатели, не имеющие службы и не состоящие в Литфонде, лишались всех видов нормированного снабжения, в том числе и продовольственных карточек. Приехав с этим решением в Ленинград, Фадеев в кругу товарищей говорил: “Братцы, я привез пайки для двух пострадавших писателей”» (*Эвентов И.* Давние встречи. Воспоминания и очерки. Л., 1991. С. 200). Произошло это в конце сентября 1946 года (*ВАА.* С. 470).

Ср.: «В библиографию [*Джилас М.*] Разговоры со Сталиным (о 1946. О лишении меня пайка в 1946)» (С. 512, ср. С. 615) — имеется в виду разговор в январе 1948 года: «Жданов в этот вечер, помню, рассказал в виде нового анекдота, как в Ленинграде уразумели его критику в адрес Зощенко: у писателя просто отняли продуктовые карточки и вернули их только после великодушного вмешательства Москвы» (*Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 107) — по структуре этот анекдот напоминает другой любимый анекдот А.А. Жданова: «Сталин жалуется: пропала трубка. Он заявил: “Я много бы дал, чтобы ее найти”. Берия уже через три дня нашел 10 воров, и каждый из них “признался”, что именно он украл трубку. А еще через день Сталин нашел свою трубку, которая просто завалилась за диван в его комнате ... И Жданов весело смеялся этому страшному анекдоту» (*Яковлев А.С.* Цель жизни. М., 1969. С. 509; подробнее см.: *Архипова А.С., Мельниченко М.А.* Анекдоты о Сталине: Тексты, комментарии, исследования. М., 2011. С. 165–168).

- 89 Питер Норман (1921–2007) — профессор Лондонского университета, муж Натальи Семеновны Норман, дочери философа С.Л. Франка (в первом браке — Скорер; 1912–1999; см. о ней: *Найман А.* С. 202–203), руководитель Аманды Хейт, «самый красивый англичанин» (С. 441), 31 августа 1964 года передал предложение Оксфордского университета о присуждении Ахматовой звания доктора (С. 477); «Вчера была Фаина [Раневская] и Peter Norman. <...> Peter сказал Фаине и Нине [Ольшевской], что меня приглашают в Oxfo<rd>, потому что они хотят выставить меня на N<obel>P<rize>. Бред!!» (С. 483).
- 90 Рассказ киносценариста и режиссера Владимира Дьяченко (1934–1998) был записан по нашей просьбе историком литературы и кино Рашимом Янгировым (1954–2008). Об этой поездке ср.: «Вчера совершенно неожиданно для себя была в Выборге. Поехала кататься с друзьями Толи. Дорога. Озера. Скорость.

- <...> Ехала непременно мимо Валиной могилы. О, Боже! 120 км в час» (С. 487); *Найман А.* С. 257–258.
- 91 Он «рустифицирован», «осевернен», «скандинавизирован» явной проекцией на гамсуновского героя (*Тименчик Р.Д.* Анна Ахматова. Тринадцать строчек. Из комментариев // *De visu.* 1994. № 5–6. С. 65), так что читатель с усилием должен опознать в нем царскоесельские лопухи и крапиву (*Timenchik R.* On Akhmatova's Tsarskoye-Selo Code // *A Sense of Place: Tsarskoye Selo and its Poets* / Ed. by L. Loseff and B. Scherr. Columbus, Ohio. 1994. P. 365), подобно тому, как, по мысли Ахматовой, немногие должны были распознать пейзаж петербургского Голодая в «тундре» пушкинского отрывка «Когда порой воспомина- нье...», где провозглашен «отказ от Италии <...> в честь како- го-то покрытого тайгой и брусникой острова» (С. 274).
- 92 Итальянские мотивы в русской поэзии / Сост. В.О. Смирнов. Новосибирск, 2013. С. 104–105.
- 93 Впечатления этой поездки вкупе с рассказом О.Л. Ладыжен- ской отразились в тогда же сложенном стихотворении «В Вы- борге», где Смерть («конец ли дня, конец ли мира») прикину- лась зимой: «Безмолвна песня — музыка нема, / Но воздух пол- лон их благоуханьем / И на коленях белая зима / Следит за всем с молитвенным вниманьем».
- 94 «Кандидаты на Нобелевскую премию» (сокращенный перевод передачи шведского радио 7 октября 1964 г. Перевел Г. Пав- лов» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 3578; помета Г. Брейтбурда: «В дело. 13 января 1965»).
- 95 Баронесса Мария Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская, в первом браке — Бенкендорф; 1892–1974) — переводчица, под- руга А.М. Горького. Запись около 16 июля 1962 года: «Вчера по- лучила письмо от Марии Игнатьевны Будберг, кот<орая> сожа- лееет, что мы не повидались. Живет она в Лондоне» (С. 235) — ср. письмо, посланное с московской квартиры Е.П. Пешковой: «Дорогая Анна Андреевна, горюю, что приехав на две недели, не застала Вас ни в Ленинграде, ни в Москве. Привезла Вам приветы от Саломеи Гальперн, да и очень хотелось Вас по- видать. Придется ждать следующего раза» (№ 755). Она была переводчицей при издательстве «Всемирная литература» в 1920–1921 годах (в это время изображена на графическом пор- трете работы Н. Альтмана), когда Мандельштам сочинил: «Это есть мадам Мария — / Уголь есть почти что торф, / Но не ка- ждая Мария/ Может зваться Бенкендорф». 3 августа 1963 года

Ахматова рассказывала: «Это авантюристка типа Мата Хари. Помню, я ее встретила во “Всемирной литературе”. “Почему вы такая бледная”, — спросила я. “Я только что из тюрьмы”. Она пыталась несколько раз перейти границу, и ее ловили. Когда Герберт Уэллс приехал в Петроград, она была переводчицей — английский язык тогда мало кто знал — и сумела вскружить ему голову... Когда-то, в Берлине, она танцевала с Вильгельмом. И вовсе не была красавицей. Сейчас она живет в Лондоне. Она, наверное, старше меня и, представляете, пьет коньяк» (*Готхарт Н. С.* 274).

О дон-жуанском списке Будберг — со слов Ю.Г. Оксмана см.: *Зорин Л.* Авансцена: Мемуарный роман. М., 1997. С. 237.

- 96 *Bongard W.* «Alle Hauser wackeln hier» (Eine Begegnung mit Anna Achmatowa in Komarovo) // *Die Zeit.* 1965. 5. Febr.; перевод: *НПС.* 1965. 28 февраля. *Молодой человек в свитере* — А.Г. Найман, стихотворение — «Будь ты трижды ангелов прелестней...». Вилли Бонгард (1931–1985) — немецкий журналист. В книге Двёрдя Далоса (*Далос Д.* Гость из будущего. С. 156) репортаж В. Бонгарда датирован неверно (по вырезке в архиве радио «Свобода», где на печатке съехала на два деления дорожка с последней цифрой года).

- 97 Такая всеохватность «Пролога» основывалась на повторяемости ситуаций в ахматовской жизни. Разговоры с британским гостем напоминали о диалогах 1917 года:

«*Гость.* Хочешь, я возьму тебя с собой?»

Икс (с отвращением). Это уже было... и много раз. (Мне голос был...)» (*С.* 283).

Здесь можно вспомнить не только об уговорах Бориса Анрепа, но и, например, о встрече Ахматовой с переводчиком ее стихов на английский язык Джоном Курносом. Он при ее жизни успел поделиться воспоминаниями: «Непосредственно перед отъездом из Петрограда, в марте 1918 г. в разговоре с Федором Сологубом <...> я предложил ему получить прибежище в Англии. Он поиграл с этой идеей, но потом очевидно решил не в пользу ее. <...> Приблизительно в то же время у меня был разговор с Анной Ахматовой. Когда я предположил, что она может найти убежище в Англии, ее ответ был недвусмысленным. Она сказала, что ее стихи имеют корни в русской почве, которая дает им жизненные соки; и что она не представляет себя пишущей где-нибудь вне ее родной России» (*Cournos J.* *The Tertz Affair* // *The New Leader* (New York). 1965. November 22).

- Джон Курнос (Йоганн Григорьевич Коршун; 1881–1966) написал стихи для ахматовского альбома в 1917 году (*Альбом*. С. 46; *Эткиндовские чтения*. II–III. С. 238–242).
- 98 Сохранился автограф на «Вечере»: «Владимиру Эльснеру с приветом и пожеланием успеха Анна Ахматова. 19 мая 1912 г. Киев» (Горница (Новосибирск). 1997. № 2. С. 90); в ноябре 1911 году он, хотя и жил постоянно в Киеве, был избран членом Цеха поэтов; строчка из его вступительных стихов известна по воспоминаниям Вас. Гиппиуса о Блоке: «Ты отдалась на дедовском диване...». См. о нем: *Тименчик Р.* Остров искусств. Биографическая новелла в документах // *Дружба народов*. 1989. № 6. С. 244–253. Ср. эпизод февраля 1959 года: «Я передал ей привет от Владимира Юрьевича Эльснера <...> Ахматова, поморщившись, сказала: — О, это что-то далекое...» (*Мчедлов-Петросян О.П.* Анна Ахматова // Харьковский университет. 2003. № 1); см. также нашу справку об Ахматовой и Эльснере: *Пермяковский сборник*. С. 604–807.
- 99 «На свадьбе А. А. и Н. Гумилева шаферами были В. Эльснер, И. Аксенов, Домбровский (очень красивый молодой человек, приглашенный быть шафером только потому, что других, менее малознакомых, не было). Четвертого шафера А. А. не помнит» (Л2. С. 317). Об Иване Грациановиче Домбровском, он же американский художник Джон Грэхем (1886–1961), фигуративист и нон-фигуративист, см.: «Русский лейб-гвардии офицер польского происхождения, он эмигрировал в 20-е годы в Соединенные Штаты, переменял фамилию и стал известным художником. Кисти его принадлежат женские портреты, на которых персонажи косят глазами к переносице. Этот физический недостаток у женщин художник считал признаком интеллекта и духовности. К концу жизни Джон Грэхем увлекся оккультными науками и сатанизмом и стал изображать себя обнаженным до пояса запорожцем с оселедцем на голове и с саблей в руках. Свои полотна он подписывал “Ioannus Photius Magus Servus Domini” (Маг Иоанн Фотий слуга Господень), но рядом ставил число зверя — 666» (*Голлербах С.* Нью-Йоркский блокнот. Нью-Йорк, 2013. С. 82).
- 100 Ср.: «25 апреля 1910 я вышла замуж за Н.С. Гумилева. Венчались мы за Днепром в деревенской церкви. В тот же день Уточкин летел над Киевом, и я впервые видела самолет. <...> Шаферами были Вл. Эльснер и Аксенов» (*Десять лет*. С. 44). Ср. также: «Как сообщила автору этой статьи вдова поэта Бенедикта

Лившица Екатерина Константиновна Лившиц, поэт Владимир Эльснер рассказывал ей, что познакомился с Николаем Гумилевым в Киеве в студии А.А. Экстер, в 1909 году. В апреле 1910 года Гумилев, приехав в Киев, неожиданно попросил его и киевского поэта Ивана Аксенова быть шаферами на свадьбе. Он также рассказывал, что на свадьбе не было родственников и друзей Анны Андреевны, что это было чуть ли не тайное венчание: Анна Андреевна выехала из дому в своей обычной одежде, а где-то недалеко от церкви переоделась в подвенечный наряд» (*Ольшанская Е.* Анна Ахматова в Киеве // Серебряный век. Приложение к журналу «Ренессанс». Киев, 1994. С. 20).

10 декабря 1973 года Н.И. Харджиев писал нам: «О шафере Аксенове мне как-то рассказывала Анна Андреевна, умолчав, впрочем, о втором, бездарном поэте и малопривлекательном снобе. О своем участии в брачном ритуале говорил мне и И.А. Аксенов, с которым я был в добрых отношениях. К сожалению, этот замечательный человек почти забыт».

Читая в 1964 году «Самопознание» Н. Бердяева, Ахматова сделала пометку «Кто А?» (С. 513), которая явно относится к примечанию Е.Ю. Рапп в этой книге о «полковнике А., человеке утонченной культуры», который на собрании московских писателей предложил почтить вставанием память Клары Цеткин и Карла Либкнехта. Это была наглая провокация. Н.А. Бердяев не встал. «Конечно, — говорил Н.А., — я не могу сочувствовать зверскому убийству, вообще убийству, но я знал, что это было сделано для издевательства над нами, с провокационной целью...» Полковник сказал, смеясь: «А я ведь сделал нарочно, хотел посмотреть, струсит ли Н.А. Молодец». См. бесспорную атрибуцию «А.» как Ивана Аксенова: *Елисеев Н.* Досуги библиографа («Кто такой А.») // Постскриптум. 1997. № 3(8). С. 281–282. Ср. рассказ Гумилева: «Моим шафером в Киеве был Аксенов. Я не знал его, и, когда предложили, только спросил — приличная ли у него фамилия, не Голопупенко какой-нибудь?» (*Мочалова О.* Голоса серебряного века. Поэт о поэтах. М., 2004. С. 40).

Поэт, прозаик, критик, переводчик Иван Александрович Аксенов (1884–1935) косвенно возник в ахматовской биографии еще раз — см. письмо М.И. Цветаевой к Ахматовой от 13 сентября 1921 года в связи со слухом о смерти Ахматовой: «Я, на блокноте, Аксенову: “Господин Аксенов, ради Бога — достоверность об А.” <...> И учащенный кивок Аксенова. Значит —

жива» (*Цветаева М.* Неизданное. Сводные тетради / Подг. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М., 1997. С. 56). К поэзии Ахматовой впрочем, в 1910-е он относился весьма презрительно (*Аксенов И.А.* Из творческого наследия в двух томах: письма, изобразительное искусство, театр, кино, история литературы, теория, критика, поэзия, проза, переводы, воспоминания современников / Сост. Н.Л. Адаскина. Т. 1. М., 2008. С. 65, 77, 85, 86).

101 Ср.:

Нет тебя тревожней и капризней,
 Но тебе я предался давно
 Оттого, что много, много жизней
 Ты умеешь волей слить в одно.
 И сегодня... Небо было серо,
 День прошел в томительном бреду,
 За окном, на мокром дёрне сквера,
 Дети не играли в чехарду.
 Ты смотрела старые гравюры,
 Подпирая голову рукой,
 И смешно-нелепые фигуры
 Проходили скучной чередой.
 «Посмотри, мой милый, видишь — птица,
 Вот и всадник, конь его так быстр,
 Но как странно хмурится и злится
 Этот сановитый бургомистр!»
 А потом читала мне про принца,
 Был он нежен, набожен и чист,
 И рукав мой кончиком мизинца
 Трогала, повертывая лист.
 Но когда дневные смолкли звуки
 И взошла над городом луна,
 Ты внезапно заломила руки,
 Стала так мучительно бледна.
 Пред тобой смущенно и несмело
 Я молчал, мечта об одном:
 Чтобы скрипка ласковая пела
 И тебе о рае золотом.

По-видимому, эффект «синтетического героя» возникает оттого, что в одно стихотворение сводятся мотивы тематически разнородных фрагментов, первоначально предназначенных различным адресатам. Ср. разговор с Л. Чуковской

«...я ей рассказала, что, перечитывая блоковские “Записные книжки”, с удивлением слежу за черновиками: оказывается, стихи его лились потоком, сплошным, общим, и только потом, постепенно, из этого общего потока выкристаллизовывались отдельные стихотворения, посвященные разным людям и “на разные темы”. А поначалу они были едины.словно широкая река у нас на глазах распадается на речки, ручейки, озера.

— Это очень интересное наблюдение, — сказала Анна Андреевна. — Вам непременно следует написать статью. Ведь обычно-то бывает наоборот...» (ЛЧ2. С. 151).

102 В первом обращенном к ней стихотворении Гумилева (и вообще первом стихотворном своем портрете) Ахматова могла увидеть зерно «Полуночных стихов» («...странно-печальные сны / Мирового, больного похмелья»): «У русалки мерцающий взгляд, / Умирающий взгляд полуночи».

103 В Париже в 1910 году она рассказывала о своем детском сомнамбулизме переводчику Жану Шюзевиллю, как можно видеть из его статьи, в которой впервые появилось имя Ахматовой на французском языке, — «Футуризм, акмеизм, адамизм и проч.»:

«В стихах Ахматовой мы находим смесь или таинственное сочетание чистоты и порочности, сознательной наивности и бессознательной манерности. Сама их естественность кажется болезненной, а простота их тона наводит на мысль о каком-то искусственном приеме. Вся во власти беспричинной меланхолии, Ахматова никогда не бывает в такой степени самой собой, как когда, исчерпав всю гамму эмоций и вплотную приблизившись к неврозу, она внезапно впадает в созерцание собственного детства и принимается рассказывать нам о времени, когда была маленькой девочкой и, околдованная луной, предавалась мечтаниям в украинских лесах» (Mercure de France. 1913. 1 Novembre); отголоски разговоров 1910 года можно видеть и в других его упоминаниях об Ахматовой, например: «В 1910 году, когда она писала первые стихи и испытывала влияние Кузмина, она вышла замуж за поэта Николая Гумилева. Мне думается, что автором, окончательно определившим направленность ее поэзии в сторону концепции обостренной ритмичности, был Вьеле-Гриффен, открывшийся ей в эти годы во время чтения сборника “La Partenza”. В основе своих стихов Ахматова сохранила ткань простонародного лиризма, по которой ей нравится вышивать изысканные фантазии» (Chuzeville J. La Poésie russe de 1890 a nos jours // Mercure de France. 1925. № 654. P. 579; пе-

ревод Р. Дубровкина); Франсис Вьеле-Гриффен (1864–1937) — французский поэт-символист, по словам И. Анненского, «самый утонченный из поэтов современности» (Гермес. 1908. № 7. С. 213); Гумилев в рецензии на «Антологию русских поэтов» Ж. Шюзевиля заметил, что у того «Брюсов в переводе стал звучать, как Вьеле-Гриффен» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии*. С. 187); о нем см. заметку Гумилева: *Гумилев Н. Письма о русской поэзии*. С. 235–236); в 1960-е в одной записи ответов на расспросы о своей парижской репутации Ахматова фиксирует: «Шюзвиль хранит память» (С. 116) — в Париже в мае 1910 года «бывал у них Шюзвиль, Николай Степанович бывал у него. А. А. у Шюзвиля не была — он был учителем в какой-то иезуитской коллегии, жил там, и женщинам ходить туда было неудобно» (Л1. С. 243). Ср.: «Tous mes compliments a Madame Goumileff» в письме Шюзевиля Гумилеву 1910 года (Публикация М.Д. Эльзона // Литературный архив: Материалы по истории русской литературы и общественной мысли. Л., 1994. С. 295).

104 15 июля 1964 года записано: «Ивановский: “Боюсь крикнуть (и все боятся), чтобы вы не упали, как сомнамбула” (о стихах). Прочла ему три стихотворенья» (С. 474).

105 Ср.:

И она мне: «Нет большей муки,
 Чем вспоминать о временах блаженства
 В несчастьи; и об этом знает твой Учитель.
 Но если ты так расположен слышать
 О первом появлении нашей любви,
 Я сделаю как тот, кто говорит и плачет.
 Однажды мы читали, чтоб развлечься,
 О Ланчелоте, как теснила его любовь:
 Одни мы были, ничего не опасаясь.
 Не раз соединяло наши взоры
 Чтение это и мы бледнели.
 Но лишь одна строка нас победила.
 Когда мы прочитали, что ее улыбающиеся уста
 Приняли поцелуй того возлюбленного,
 Тогда этот, что теперь со мной неразлучен,
 Поцеловал мои уста и весь затрепетал.
 Галеоттом стала для нас книга и написавший ее:
 В тот день мы больше не читали».
 Пока один из духов говорил это,
 Другой так плакал, что от жалости

Я оказался как бы на границе смерти.

И я упал, как падает поверженный.

(Данте. Ад. Введение и перевод 5-й песни Бориса Зайцева // Опыты. Кн. IV. Нью-Йорк. 1955. С. 29–30).

- 106 Ср.: «“Новый мир” в июне напечатал отрывки из трагедии Анны Ахматовой “Пролог, или сон во сне”. Философский их предикат возбуждает во мне сопротивление, но я могу восхищаться стихами Тютчева и Блока, не разделяя их взглядов на причинность явлений. В новых строках Ахматовой горькое дуновение вечности почти осязаемо, это сильные стихи большой впечатляемости» (*Наровчатов С.* Еще о поэтическом лете // *ЛГ.* 1964. 17 ноября).

Ср. запись художницы А.В. Любимовой о разговоре в сентябре 1963 года: «На мой вопрос, над чем теперь работает, ответила, что пишет драму. Первая мысль о драме пришла еще в Ташкенте: “После больниц, после тифов мне все стало представляться как какое-то действие”. Содержанием этого действия будет происшедшая с ней самой драма 1946 года. I действие — “На лестнице”, автор написала пьесу и ее разрешили поставить, II действие — “Пролог этой пьесы”, главная роль в ней — “Сомнамбула”, она в ночной рубашке, живет в пещере, и играет ее сам автор. Другие действующие лица: “Человек на стене” и “Голос, который принесет беду”, ручной орел “Федя”, который также живет в пещере, иногда он вставляет какие-то слова; III действие — “Под лестницей”, где происходит суд над автором “Сомнамбулы”, так как пьесу все-таки не разрешили, в конце концов. Стоит стол под зеленым сукном, много народу, судит “самый толстый”, его все время куда-то отзывают, он часто выходит, и в это время посторонние разговоры среди действующих лиц. Одно из действующих лиц — “Человек, которому кажется, что к его уху приросла телефонная трубка”, и в ней все время слышится голос с грузинским акцентом. Сказала, что не знает, будут ли судить “Федю”, и спросила меня, как я думаю. Я на это ответила, что надо судить и его, как судили козу вместе с Эсмеральдой. Засмеялась. Прочитала диалог “Человека на стене” с “Сомнамбулой”. Спросила, не кажется ли мне («вы хорошо меня знаете»), что эти стихи не в ее манере. Я ответила, что она всегда пишет только в своей манере и иначе, кажется, не может писать» (*ОАА.* С. 256). См.: *Поберезкина П.Е.* Из комментария к драме Анны Ахматовой «Энума Элиш» // *Я всем прощение.* С. 465–473.

- Ахматову с театральной сценой в эти годы объединил еще один абсурдный эпизод. Эксцентричный прожектор и, по-видимому, не всегда морально вменяемый поэт Виктор Аркадьевич Урин (1924–2004), встретившись с Ахматовой (см. его стихотворение 1977 года «К Анне Ахматовой» (Побережье. Литературный ежегодник. № 7. Филадельфия. 1998. С. 310), предложил ей выступать на сцене в основанном им Театре Поэта в Доме культуры завода «Каучук» на Плющихе. Ахматова ответила язвительно-тонким комплиментом: «Мне ваш Театр Поэта напомнил “Балаганчик” Александра Блока». Тем не менее он печатно заявил, что в готовящемся спектакле Н.А. Голубенцева «Никитинские субботники» «во втором действии мы надеемся услышать Анну Ахматову, которую намерены пригласить в наш театр на Никитинский субботник» (Урин В. Начало и продолжение // День поэзии. М., 1965. С. 225).
- 107 *Егоров Б.* Страх, или редакторы как цензоры // Вышгород (Таллинн). 2002. № 5. С. 154–155. Выбор этой редакторской работы требовал от М.И. Дикман известного мужества — ср. очерк о ней, не названной по имени: *Гусев Б.* Разведчица // Нева. 1991. № 2. С. 176.
- 108 *Зернова Р.* На море и обратно. Иерусалим, 1998. С. 204. Прозаик Руфь Александровна Зернова (Зевина; 1919–2004) брала в 1964 году интервью у Ахматовой (С. 563, 658, 578). Об истории и предыстории (встречи с Ахматовой в 1930-е) этого интервью и о редакционных сокращениях в нем см.: *Зернова Р.* Иная реальность // НЖ. 1989. № 176. С. 134–189; Свою меж вас еще оставив тень...: Ахматовские чтения. Вып. 3. М., 1992. С. 18–39). Ср. также: «...работая над корректурой одного из сборников с чрезмерно осторожным редактором, Ахматова недоумевала по поводу изъятия некоторых стихотворений, с самым серьезным видом ссылаясь на формальные удачи и находки. — Сообщено мне покойным И.М. Тронским» (*Мейлах М.* С. 97).
- 109 *Громов П.* Написанное и ненаписанное. М., 1994. С. 313. В разговоре мая 1965 года Ахматова рассказывала, что сняли у нее 700 строк и что протестовала она только против требования убрать посвящение Пильняку: «Почему? Пильняка реабилитировали абсолютно. Мало того, что человек невинно убит, теперь еще запретить его имя!» <...> Кто-то там из ее начальства, увидев это имя, сказал: “Лучше вычеркнуть!” По-моему, это было просто так» (Магнитофонная запись И.Д. Рожанского — МАА).

- 110 Ср.: «Для изображения всякого, даже огромного чувства она пользуется мельчайшими, почти незаметными, микроскопически малыми образами, которые приобретают у нее на страницах необыкновенную суггестивную силу. Читая у нее, например, о какой-то девушке, в косах которой таится “чуть слышный запах табака”, мы, по этой еле заметной черте, догадываемся, что девушку целовал нелюбимый, оставивший у нее в волосах табачный запах своих поцелуев, что этот запах вызывает у нее гадливое чувство, что она поругана и безысходно несчастна. Так многоговорящи у Ахматовой еле заметные звуки и запахи». Ср. об этом стихотворении: «...простое и изобразительное, слегка испорченное этим безвкусным “брезгливо”» (*Рунт Б.* Скорбная улыбка. О стихах Анны Ахматовой // Женское дело. 1914. № 9. С. 12). «Ведь это — простейшая картинка; на каждом шагу, в каждом доме ее можно было бы увидеть, но, именно потому, что она — простейшая, никто ее не видел, никто ее так тонко не изобразил. Тут и комедия, тут и драма молодого сердца, и живопись, и кинематограф» (*Ясинский И.* «Четки» // Новое слово. 1914. № 7. С. 158). Ср. в «Преодолевших акмеизм» В.М. Жирмунского: «...не мистика, а простая бытовая религиозность, проявляющаяся в традиционных формах в обстановке ежедневного существования».
- 111 *Серебровская Е.П.* Между прошлым и будущим. Записки свидетеля. Часть вторая. СПб., 1995. С. 43. Ср. незадолго до цитируемого документа (20 марта 1964 года) выступление И. Авраменко на заседании Секретариата ленинградского Союза писателей: «Из всех выступлений по крохам собрано политическое кредо [Бродского]. А не думали товарищи свидетели, защищавшие его, что <...> эти переводы — может быть, это шпионские шифры? Не думали ли вы об этом, товарищи? Иногда прибегают к шифровке в переводах!» (*Шнейдерман Э.* Круги на воде // Зв. 1998. № 5. С. 189).

Поэта Илью Корнилиевича Авраменко (1907–1973) Ахматова помнила еще как председательствующего на вечере 1941 года в Красной гостиной Дома Писателей, где она читала «Поэму без героя». В 1958 году он поднес Ахматовой свой автобиографический роман в стихах «Дом на Мойке» — «в надежде услышать нелицеприятную критику» (*МАА*). Роман, в частности, рассказывал о столкновении комсомольской поросли 1920-х с архиреакционными остатками старой петербургской интеллигенции. Ср. также: «...но кто и где принимал Илью Авраменко

за русского интеллигента, да к тому же и поэта? Такого не было. Он всегда был хулиганом, таким его все и считали» (*Долгополов А.* Письмо в редакцию // *РМ.* 1989. 23 июня. Лит. приложение. № 8). Блеклая лирика Авраменко, однако, импонировала эмигрантскому критику, который нашел, что ленинградский автор «в своем ощущении природы чем-то смутно связан не с “советской” поэзией, но с “парижанами”, с Георгием Ивановым:

Ветер с юга, теплый ветер с юга,
Ранних звезд сквозная синева...

или:

В озаренье утреннего света
Для него отрадна и ясна
Эта изумительная, эта,
Разом наступившая весна.

(*Терапиано Ю.* День поэзии 1964 // *РМ.* 1965. 3 апреля). Владимир Лифшиц написал на него эпиграмму:

Я долго, я собственноручно
Стихи сочиняю всю ночь,
И если вам все-таки скучно,
Ничем я не в силах помочь...

(Ленинград, 1945. № 21–22. С. 32). См. о нем нашу справку: *Как в прошедшем грядущее зреет.* С. 289–299.

- 112 *Сурков А.* Голоса времени: Заметки на полях истории литературы. М., 1965. С. 295–302; сдано в набор 30 июня 1965 года, подписано в печать 15 ноября; ср., впрочем, о выступлении А. Суркова в Париже через несколько дней: «...теперь готовится к печати почти полное собрание ее стихотворений. Кстати, Сурков словом не обмолвился о “Поэме без героя” и стихотворениях, вошедших в изданный на Западе цикл “Реквием”. Он еще сказал, что Ахматова не смогла приехать с остальными поэтами из-за случившегося у нее сердечного припадка» (Русские поэты из СССР в Париже. На конференции печати // *РМ.* 1965. 30 ноября).

- 113 В тот день в «Литературной газете» появилась ахматовская заметка о Лермонтове «Все было подвластно ему». Тогдашняя сотрудница отдела критики Ирина Сауловна Янская в письме к автору этой книги в феврале 1998 года сообщала: «В 1964-м году отмечалось столетие Лермонтова, и Анна Андреевна любезно согласилась на мои уговоры написать небольшую статью в праздничный номер. <...> Телефонные разговоры с Анной Андреевной были, конечно, замечательны. Своего от-

ношения к печатному органу, который я представляла, она и не думала скрывать».

- 114 Браун Н.Н. набросок воспоминаний об А. Ахматовой (1971) — Русский архив в Лидсе, MS 806/44. Ср. конспект воспоминаний Вадима Андреева об этом вечере: «Падение Хрущева. Ясность, величие и спокойствие. Разговоры о поездке в Италию. Встреча в доме наших общих друзей. Ее чтение. Проводы из подъезда в подъезд. Ахматова не противопоставляла себя власти. Она ощущала свою ответственность за все, что случилось» (Русский архив в Лидсе, MS 1350/684). Ср. его воспоминания о встречах с Ахматовой: Кралин М. Победившее смерть слово. Томск, 2000. С. 296–297. Поэт Николай Леопольдович Браун (1902–1975) когда-то был назван ахматовским эхом:

«Ты уйдешь. Будет северный май
Над бессонной моей столицей,
Я скажу: до свиданья! Ты скажешь: “Прощай”,
Больше голос мне твой не приснится.

Как тут не вспомнить о Петербурге и его белых ночах в первых книгах Анны Ахматовой! Кажется, что лирический стих и здесь не строится на фундаменте подлинного переживания, а как запоздалое эхо откликается на давно уже замерший и забытый голос» (Гутнер М. О путях лирики // Литературный современник. 1936. № 3. С. 158).

Его речь на заседании Правления Ленинградского отделения Союза писателей 19 августа 1946 года Б.М. Эйхенбаум счел «вполне подлой» (Петербургский журнал. 1993. № 1–2. С. 190). Браун говорил тогда: «Мне кажется, что пора бы Зощенко понять, что Зощенко с его произведениями антисоветского характера, Ахматова с ее произведениями очень далекими и странными, что эти люди, позиция которых стоит в стороне и противостоит позициям советской литературы, не могут принимать участия в руководстве советской литературой» (Хроника того августа // Петербургский журнал. 1993. № 1–2. С. 38). Ср. также другое его выступление: «Секция поэтов ничего не сделала, чтобы своевременно оградить нашу поэзию от тлетворного духа чуждых советскому народу и советской литературе стихов Ахматовой. Более того, в ленинградской поэтической среде не встретили отпора политически-вредные тенденции “возвеличить” ее творчество» (На собрании секции поэтов (Ленинград) // ЛГ. 1946. 5 октября). Пыл этих выступлений отчасти объясняется тем, что его жена, поэтесса Мария Иванов-

на Комиссарова (1904–1994) была названа в докладе Жданова: «Садофьев и Комиссарова стали подпевать Ахматовой, стали культивировать настроения уныния, тоски и одиночества, которые так любезны душе Ахматовой». Материалы к этому наблюдению предоставили спецы-гуманитарии: «В стихах М. Комиссаровой “Голосом сердца” основными мотивами являются скорбь о прошлом, предчувствие смерти. Комиссарова пишет:

Уснет печаль, пройдет любовь,
Цветы уснут в лугу туманном....

.....

Мой сад снегами заметет,
В нем все уснет и станет тихо....

.....

Зароют в землю голос мой, —
И ничего я не услышу...»

(Докладная записка Г. Александрова и А. Еголина от управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград» от 7 августа // Литературный фронт. История политической цензуры. 1932–1946 гг. М., 1994. С. 192). Георгий Федорович Александров (1908–1961) — советский философ, редактор газеты «Культура и жизнь» в 1946 году. В заметке «Для памяти» Ахматова писала: «Ругательные статьи были не только в “Культуре и жизни” (Александровский централ), но и во всей центральной и периферийной прессе — четырехзначное число в течение многих лет» (ЛО. 1989. № 5. С. 5–6). В 1955 года он, будучи уже министром культуры СССР, попался на организации подпольного дома свиданий вместе с не скорбевшим о прошлом т. Еголиным, и Ахматова заметила «Еголину мои стихи показались непристойными» (ЛЧ2. С. 229, 670–671); это происшествие будоражило умы ответственных работников: «Невольно подумалось: что он мог там подельвать при явной болезненной полноте (говорили, что у него сахарный диабет) и немолодом возрасте?» (Косолапов В. Столетие на ладони: Воспоминания. М., 2010. С. 67). См. также письмо будущего редактора журнала «Москва» Е.Е. Поповкина Льву Никулину от 27 марта 1955 года из Симферополя: «Романтические похождения одного б. значительного лица, о котором Вы мне писали, теперь уже известны и нам, провинциалам. Ух!» (РГАЛИ. Ф. 350. Оп. 1. Ед.хр. 239). Ср. в письме Ю. Оксмана К. Чуковскому: «Прочно и быстро умирают Еголины и другие

- “случайные” люди, которых в сущности никогда и не было — их просто кто-то выдумал, на тот или иной предмет, в тех или иных случайных обстоятельствах. Прошел их сезон (“он не долее дня”) и к чему засорять память этими шемаханскими царьками и царицами?» (Ю.Г. Оксман — К.И. Чуковский. Переписка. М., 2001. С. 105). Из разряда *habent sua fata libelli* — о невышедшем сборнике 1946 года: «Это лучшая моя книга! У меня была (Сурков для меня снял с полки у Еголина), но куда-то делась!» (Шальман Е. В гостях у Ахматовой // Советская библиография. 1989. № 2. С.102). Среди вклада А. Еголина в ахматовиану: «Уже с первых дней революции советские писатели дают достойный отпор литераторам типа Гумилева, Ахматовой, Кузьмина <sic!>, Андрея Белого, отстаивающим реакционные позиции» (Еголин А. Тридцать лет советской литературы. М., 1948. С. 10).
- 115 См., например, стихотворение Н.Л. Брауна, посвященное Ахматовой, написанное 10 января 1966 года: «Какая сила клокотала...» (Зв. 1966. № 6. С. 116). Об Ахматовой и Н.Л. Брауне см. нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 7. С. 48–53. См. эпизод 1946 года в писательском доме на канале Грибоедова, рассказанный Зоей Томашевской: «Как-то Ахматова возвращается от нас домой. Я ее провожаю. Лифта у нас еще не было, и с нашего этажа вижу, что вверх поднимаются поэты Браун и Комиссарова. Ахматова тоже их видит и специально повышает голос. Спускаемся на первый этаж, но там никого нет. Анна Андреевна произносит громко: “Они вошли в стену...”» (Ласкин А. С. 237). Их сын, поэт Николай Николаевич Браун (р. 1938; псевдоним «Н. Бороздин», «Андрей Браун») в 1969 году за распространение самиздата приговорен к 7 годам лагерей — см. подборку его тюремных стихов: *НЖ*. 1990. № 188. С. 25–27; о нем: Распятые. Писатели — жертвы политических репрессий. Авт.-сост. З. Дичаров. Вып. 5. Мученики террора. СПб., 2000, С. 24–31.
- 116 16 октября 1964 года П.А. Антокольский записал: «Меня просто мутит до тошноты от этой катавасии. Который уже раз в жизни нашего поколения мы свидетели вторжения этих недоброкачественных, нечистых сил, фигурирующих на авансцене нашей истории. Почему же думать, что на этот раз они доброкачественнее и чище?» (Антокольский П. Дневник 1964–1968. СПб., 2002. С. 24).
- 117 Ср. разговор в ноябре 1964 года: «Вот и сейчас: китайцы жаждают моей крови. А вдруг наше новое правительство с ними подружится?» (ЛЧЗ. С. 249). 2 ноября П. Антокольский разго-

варивал с А. Чаковским: «Его слова “у нас не любят обратного хода”. Признания в прошлых ошибках не может быть. На идеологическом (литературно-художественном) фронте больших перемен не будет. Замирения с Китаем не может быть» (*Антокольский П.* Дневник 1964–1968. С. 25). Но успокоения редактор «Литературки» не принес — ср. запись от 9 ноября: «Вечером был Геннадий Фиш. Опять и опять длинный разговор все о том же. Все мы в одинаковом положении: нам не доверяют правды, и мы тоже никому не доверяем и ничему не верим. Как никогда раньше картина резко обнажилась: голая земля, из которой торчит тщательно удобренный кукиш. А что впереди? Восстановление сталинского террора? Отнюдь не исключается» (*Там же.* С. 26). Ср. свидетельство о реакции «шестидесятников»: «Тогда мы радовались его падению. Наверное, зря» (*Таривердиев М.* Впереди, мне казалось, меня ждет только радость // Киносценарии. 1996. № 3. С. 139).

118 *Муравник М.* Розовый дом. С. 36.

119 *Шкловский В.* Где лежат материки? // *ЛР.* 1964. 20 ноября. Ахматова следила за этой газетой, все не печатавшей ее стихов, но, как представляется, старавшейся компенсировать эту неловкость перед автором частыми упоминаниями о ней. 21 августа 1964 года была напечатана большая и весьма содержательная статья Льва Озерова «Мелодика. Пластика. Мысль». 6 ноября — статья А. Пистуновой «Молодой Сарьян»: «Портрет Ахматовой я писал в своей московской мастерской, — говорит Мартирос Сергеевич. — В подъезде не работал в те дни лифт, но Анна Андреевна приходила на сеансы точно без опоздания, хотя идти надо было на восьмой этаж». В том же номере Зиновий Паперный в статье «Насмешливая любовь» опубликовал впервые пародию Александра Архангельского на Ахматову, ранее вырезанную цензурой из посмертного сборника пародиста (*Блюм А.* «Берегите Зощенко...»: Подцензурная судьба писателя после августа 1946-го // *Зв.* 2004. № 8. С. 130). 27 ноября в статье Константина Ваншенкина «Чувство меры. Некоторые наблюдения» разбиралось стихотворение Ахматовой («одно из самых блистательных»). Ср. письмо Э.Г. Шахнович из Мурманской области от 9 апреля 1965 года: «Я очень люблю стихи. Особенно поэтов XIX века: Фета, Майкова, Полонского, Апухтина, Тютчева. Недавно К. Ваншенкин разобрал Ваше стихотворение “Сжала руки под темной вуалью” в “Литературной России”. Мне очень понравилось» (№ 1315).

- 120 Ср.: «Я никогда не видела человека, менее приспособленно-го для литературной деятельности» (ЛЧ2. С. 144); «Как Ахматова презирала Шкловского!» (Чуковский К. Т. 13. С. 459). Ср. сообщение Н.Я. Мандельштам о Мандельштаме: «...его — и потом — раздражал Шкловский. Он говорил, что он противопоставлен всякому поэту» (Мандельштам Н. Об Ахматовой. С. 249).
- 121 Ср. запись А.Я. Гинзбург 1920-х: «Гриша [Г.А. Гуковский] говорит, что Шкловский и Ахматова — люди одной культуры и потому так хорошо понимают друг друга» (Зв. 2002. № 3. С. 118); «Анна Андреевна Шкловского любит: “Он такой веселый”. Этим термином заменяет все другие определения» (Л1. С. 115). Знакомы они были со времен «Бродячей собаки», и В. Шкловский не раз вспоминал ее в той обстановке — например: «Здесь изредка бывала Анна Андреевна Ахматова — молодая, в черной юбке, со своим движением плеч, с особым поворотом головы» (Зн. 1961. № 8. С. 190); в дарственной надписи на книге в 1921 году он напоминал об этом (Пакишина Н., Позднякова Т. С. 95). Тогда же появилась его энтузиастическая рецензия на «Anno Domini MCMXXI» (Петербург. 1922. № 2. С. 18). Он поддержал статью о «Золотом петушке» (Шкловский В. Заготовки и записи // ЛГ. 1934. 2 декабря), писал об Ахматовой в 1940 году «Мы знаем ее и частично уже забыли зная, и поэтому трудно ее понять. Она восстанавливала конкретный жест любви...» (Шкловский В. О Маяковском. М., 1940. С. 28) и несколько раз упомянул в мемуарной книжке «Жили-были». В блокнотах зафиксирован его отзыв о «Поэме без героя»: «Поэма совести» (С. 261), «трагедия совести» (С. 450). Ср. его письмо 1984 года: «Не могу сказать, чтобы ее стихи произвели на меня *большое* впечатление тогда. <...> Отношение мое к ее творчеству — неровное, очень менялось с годами. Привлекал ее своеобразный дилетантизм, незаконченность. Она словно забыла о том, что делали до нее в поэзии символисты. Ее поэзия конкретна, точнее, детальна и вещна. В этом ее учителем был, конечно, нами еще недооцененный Михаил Кузмин. <...> Особенно часто мы виделись начиная с 30-х годов. Она приходила к нам со своим несчастным сыном, выросшим сейчас в большого ученого. В день смерти Маяковского я имел большой разговор с Ахматовой. Мы говорили о Володе, она сказала мне, что это огромный поэт. А на следующий день мы узнали, что Маяковского не стало. Я даже не поверил — наш разговор стоял еще в голове»

- (*Ольшанская Е.* Шкловский об Ахматовой // *ЛР.* 1988. 16 декабря).
- 122 Ср. например: «Когда была эта история с Пастернаком <...> Шкловский и Сельвинский были в это время в Ялте. Эти два дурака думали, что в Москве утро стрелецкой казни, и в ялтинской газете напечатали свое заявление о Пастернаке» (*Готхарт Н. С.* 277). Ср.: «Отрыв от писательского коллектива, от советского народа привел Пастернака в лагерь оголтелой империалистической реакции, на подачки которой он польстился» (*Курортная газета (Ялта).* 1958. 31 октября).
- 123 См. в воспоминаниях В.Г. Шкловской-Корди: «Дело в том, что Павленко был осведомителем, он тоже приходил к нам» (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников / Сост. и коммент. О.С. Фигурнова, М.В. Фигурнова. М., 2002. С. 108). См. слухи о нем: «...Павленко якобы был причастен к аресту Пильняка. Что Пильняк кому-то передал записку: “Берегитесь Суфу” (поясняя: Суфи — ранний газетный псевдоним Павленко). Я слышала и другое обвинение — заигрывал с “Перевалом”, ходил у первальцев в друзьях, а со временем способствовал их уничтожению» (*Соколова Н.* Два года в Чистополе. 1941–1943. Литературные воспоминания. М., 2006. С. 114); ср. также об Ахматовой: «Сказала, понизив голос, что дурную роль в судьбе Пильняка сыграл [Павленко]» (*ЛЧз.* С. 188).). См. также нашу справку: *От Кибирова до Пушкина.* С. 615–617.
- 124 «Петр Андреевич много взял от [Тбилиси], который когда-то Мандельштам называл “ковровой столицей»» (*Шкловский В.* Жили-были // *Зн.* 1963. № 2. С. 175)
- 125 «Еще в 34 году до нас с А. А. дошли рассказы писателя Павленко, как он из любопытства принял приглашение своего друга-следователя, который вел дело О.М., и присутствовал, спрятавшись не то в шкафу, не то между двойными дверями, на ночном допросе. <...> Павленко рассказывал, что у Мандельштама во время допроса был жалкий и растерянный вид, брюки падали — он все за них хватался, отвечал невпопад — ни одного четкого и ясного ответа, порол чушь, волновался, вертелся, как карась на сковороде, и тому подобное... Общественное мнение всегда подвергалось у нас обработке против слабого в пользу сильного, но то, что сделал Павленко, превосходит все. Никакой Бугарин на это бы не осмелился» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. М., 1989. С. 78). Ср.: *Герштейн Э.* Мемуары. СПб., 1998. С. 65. См. также написанную во время второго ареста Ман-

дельштама рецензию Павленко, который «обладал добрым и неиссякаемым любопытством к людям, старался всмотреться в каждого и найти в нем изюминку самобытности» (*Резник О.* Экраны памяти: Воспоминания. М., 1985. С. 136): «Мне трудно писать рецензию на эти стихи. Не любя и не понимая их, я не могу оценить возможную их значительность или пригодность <...> Советские ли это стихи? Да, конечно. Но только в “Стихах о Сталине” это чувствуется без обиняков, в остальных же стихах — о советском догадываемся. Если бы передо мною был поставлен вопрос — следует ли печатать эти стихи, — я ответил бы — нет, не следует. П. Павленко».

- 126 Свидетельство Сильвии Гитович (*ВАА.* С. 518). При чтении Ахматова пометила: «устрицы — морем (у меня в 1913 г. см. “Четки”, у Хем<ингуэя> в 1960)» (С. 479). Имеется в виду фраза из «Праздника»: «Пока я ел устрицы, сильно отдававшие морем...» (*Иностранная литература.* 1964. № 7. С. 114). Русский перевод слегка сблизил стихотворение «Вечером» с хемингуэвским текстом (у того — «сильный привкус моря»). См.: *Тименчик Р.* Устрицы Ахматовой и Анненского // *Иннокентий Анненский и русская культура XX века.* Сб. науч. трудов. СПб., 1996. С. 50. Сверхзвезда эпохи, чей фас к середине 1960-х в интеллигентских интерьерах, как заметила Руфь Зернова в цитированном очерке, стал вытесняться профилем Ахматовой, постоянно сияла в российском небе как чтение и как ожидание — его ждали вместе с Эйзенхауэром в 1960 году, и Д. Поликарпов предвкушал: «вот вскоре к нам приедет Хемингуэй. Мы выпьем с ним по рюмке чаю» (*Серебровская Е.П.* Между прошлым и будущим. Записки свидетеля. Ч. 2. СПб., 1995. С. 95), а Ахматова сказала по этому поводу: «Что для Хемингуэя Эйзенхауэр? — какой-то сановник» (*Герштейн Э.* Мемуары. С. 492). Герой Евгения Евтушенко, в узких брюках, но спасший товарища, читал Хемингуэя (*Евтушенко Е.* Нигилист // *Юность.* 1960. № 12. С. 7), а сам автор увидел его в Копенгагене пьющим виски: «И соду он отвел рукою: “Но...”...» (*Евтушенко Е.* Встреча // *Юность.* 1961. № 4. С. 8): Младые певцы мечтали: «Быть айсбергом! Как был Хемингуэй!» (*Вегин П.* Арктическое письмо // *День поэзии.* М., 1966. С. 176). Русский Хемингуэй 1960-х вошел в новое сочетание: «Хемингуэй и Белль назубок» (*Аксенов В.* Звездный билет // *Юность.* 1961. № 7. С. 65).
- 127 «Не очень интересными» считал стихи Шилейко, например, Сергей Шервинский (*Шервинский С.* Стихотворения. Воспо-

минания. Томск, 1997. С. 108); ср., впрочем, характеристику Шилейко как «очень оригинального, хотя очень мало пишущего поэта» (*Мирский Д. С. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Руфь Зернова. Лондон, 1992. С. 754*) и, наконец, слова О. Мандельштама: «В.К. Шилейко для нас был такой же бездной, какой для символистов был Хлебников» (*Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М., 1991. С. 115*).

Поэтический диалог с Шилейко вызвал к завершению. Диалогические отношения выстраивал Шилейко и после разрыва с Ахматовой. В письме 1925 года к ней он вручает ей цитату (о лице, приближающем к божеству, о глазах, похищающих в плен) из той элегии Овидия о борении чувств (*Amores. III, XIIb*), откуда Ахматова, будто бы не зная источника, а позаимствовав фразу из эпиграфа у Габриэле д'Аннунцио (*Л2. С. 206*), взяла эпиграф к «Anno Domini»:

«Прими и ты —

Perque tuam faciem, magni mihi numinis instar,
Perque tuos oculos, qui rapuere meos.

До свиданья, большая птица, целую твои руки» (*Шилейко В. Последняя любовь. Переписка с А. Ахматовой и Верой Андреевой. М., 2003. С. 27–28*).

- 128 *Stern*. Анатолий Стерн (1899–1968) написал свой сборник «Видимое и невидимое» («Widzialne i Niewidzialne») (*МАА*); *его жена — Алицья Стернова*.
- 129 РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 6293. Л. 40–41; частично: *Летопись*. С. 656. Вигорелли намекает на «дело» взаимоотношений КОМЭСа с ПЕН-клубом. «Используя заявление, сделанное во время ленинградской сессии генеральным секретарем Содружества Вигорелли, в котором осуждался антикоммунизм и проводилась параллель между антикоммунизмом и проявлениями фашизма в современной обстановке, президент международного ПЕН-клуба Ван Фрисланд обратился к Европейскому сообществу с ультимативным письмом. В своем письме Ван Фрисланд утверждал, что “среди членов ПЕН-клуба находятся многие антикоммунисты”. Если Европейское сообщество не дезавуирует Вигорелли и не откажется от осуждения антикоммунизма, ПЕН-клуб будет вынужден поставить вопрос о выходе из Европейского сообщества своих членов» (Отчет А. Твардов-

- ского о работе делегации советских писателей на сессии Руководящего совета Европейского сообщества писателей в Таормине, 7–13 декабря 1964 г. — РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед.хр. 6290). В цитированном письме Вигорелли просил включить в делегацию В. Шкловского и Евтушенко — «его приезд приобрел бы особое значение и был бы не столько *ему* на пользу, сколько на пользу *вам*». Он писал, что ждет Элиота, Сефериса, Арагона (это не состоялось). Ср.: «Попытка создать международную европейскую организацию так называемых прогрессивных писателей, иными словами, положительно относившихся к СССР, успехом не увенчались. “Комес” — так называлась эта организация, — просуществовав всего несколько лет, распался с началом судебного процесса в СССР над писателями Синявским и Даниэлем...» (Беляев А. Литература и лабиринты власти. От «оттепели» до перестройки». М., 2009. С. 17).
- 130 Протоколы и стенограмма объединенного заседания секретариата правления Союза Писателей СССР, Союза Писателей РСФСР, Московского отделения Союза Писателей РСФСР и дирекции ИМЛИ о членстве в Союзе советских писателей Д. ф. н. Оксмана от 7 октября 1964 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 30. Ед.хр. 1052. Л. 40–42, 47, 48–50, 72). С.В. Михалков снял свою легкомысленную формулировку «легкомыслие» после напористо-гнусной речи Кожевникова. В конце заседания Г.М. Марков оповестил, что К.А. Федин из Барвихи сообщил: «как нам ни прискорбно, но мы не можем быть с ним вместе», а также, что Сурков оповестил письмом, что стоит на той же точке зрения.
- 131 Письма Н.Я. Мандельштам к Д.Е. Максиму / Публ., вступит. ст. и комм. Н.Т. Ашимбаевой // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. М., 2007. С. 294.
- 132 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 178. Л. 19–200б. *Миме, карлик лицевмерный* — к А.А. Жданову применен стих из «Возмездия» Блока с образом из вагнеровских «Нибелунгов» (он и в черновиках поэмы «Путем вся земли»: И вот уже Крыма / Белеет гряда / И карлика Миме / Торчит борода). Далее цитируется, по-видимому, анекдот: «Кто написал “Евгений Онегин”?» — «Не я, господин учитель».
- «Суди меня...» — из «Грозы» Островского: «И все судьи у них, в ихних странах, тоже все неправедные; так им, милая девушка, и в просьбах пишут: “Суди меня, судья неправедный!”». Моиз Капенда Чомбе (1919–1969) — конголезский политик, ко-

- торого обвиняли в убийстве другого конголезского политика Патриса Лумумбы; ср. в дворовой песне: «Позор тебе, злодей народа Чомбе, и кореш твой Мобуту с черной харей». Константин Васильевич Воронков (1911–1984) — оргсекретарь Союза писателей. Для понимания некоторого противоречивого сочетания принципов и поступков Ю.Г. Оксмана см. убедительную статью: *Каганович Б.С.* Наука и политика в биографии Ю.Г. Оксмана (Некоторые материалы и соображения) // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века. СПб., 2006.
- 133 *Зезина М.Р.* С. 319. «Реквием» меж тем широко расходился. Так, 14 ноября 1964 года Ахматову благодарила за него писательница из Тарту Лидия Силуановна Компус (1896–1981) (№ 1385). Ср. также историю рукописной книги (с титульным листом, отпечатанным типографским способом), возможно, авторизованной Ахматовой, изложенную ее изготовителем В.Д. Федоровым (Осенний аукцион книг. Подбор и описание лотов: П.А. Дружинин и А.Л. Соболев. М., 1997. С. 3).
- 134 Ср. по этому поводу: «First Lady русской поэзии Ахматова удостоилась “только” Этна Таормина (по поводу “только” в кавычках заметим, однако, в скобках: премии не столь широко известной, элитарной и, тем самым, может быть, для поэта даже более лестной)» (*Бушман И.* Одаренность осколка жизнь сосуда вести... // Голос Зарубежья. 1988. № 48. С. 6).
- 135 *Орлова Р., Копелев А.* С. 284.
- 136 Анна Ахматова в Италии // Посев. 1964. 18 декабря.
- 137 Ахматова в Италии // *РМ.* 1965. 9 января; последняя фраза связана с ахматовским желанием совместить поездку на Сицилию с посещением Парижа. Слух об этом распространился среди эмигрантов. А. Слизской писал в Ленинград 25 октября 1964 года: «О приезде Ахматовой ничего неизвестно. Но все ждут ее и хотят жадно видеть. Она все же наш общий поэтический кумир» (*Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 430). Об итальянском путешествии см. подробнее в воспоминаниях И.Н. Пуниной «Анна Ахматова на Сицилии» (*ВАА.* С. 662–669) и «Ахматова в Италии» (*La Pietroburgo di Anna Achmatova.* Петербург Анны Ахматовой / Сост. Э. Баллардини, А. Кампанья, Д. Коломбо, О. Обухова. Болонья, 1996. С. 55–66). Ахматовой показалось, что в Италии допытывались, не останется ли она на Западе: интервьюерша Адель Камбриа в самом начале разговора спросила у нее про танцовщика-невозвращенца Рудольфа Нуреева (ср.: *Орлова Р., Копелев А.* С. 287).

- У Ахматовой для своих на это был ответ: «Мне *здесь* тошно» (Лесневский С. «...Известный профиль с гордо занесенной головой» // *ЛГ*. 1996. 14 августа).
- 138 *Некалендарный XX век*. С. 329–332; перевод Валентины Брио; цит. по: *Brandys, Kazimierz. Dżoker. Wspomnienia z teraźniejszości*. Warszawa, 1966. S. 177–182. Больничная запись января 1966 года: «Затем (в “Политике” от 25 дек<абря>) возник поляк: воспоминания о прошлогоднем торжестве в Таормине. Зовут его Казимир Брандыс. Юля [Живова] перевела мне описания двух вечеров. Отчего-то мне стало пусто и по-больничному скучно. Неужели это вручение премии такое событие, что стоит вспоминать через год?!» (С. 693). «Про лестницу в Катанье. (Поляк <...>)» (С. 695). Сальваторе Квазимодо (Quasimodo, 1901–1968) — итальянский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе 1959 года «за лирическую поэзию, которая с классической живостью выражает трагический опыт нашего времени», и премии Этна-Таормина 1953 года (разделил с Диланом Томасом). Георгий Самсонович Брейтбурда (1921–1976) — переводчик, консультант Иностранной комиссии Союза писателей. «Говорят, он полковник МГБ» (*Готхарт Н.* С. 297). Выведен под именем «Степы» («Степана Георгиевича») в травелоге Карло Леви «*Il futuro ha un cuore antico. Viaggio nell' Unione Sovietica*» (Roma, 1956). Ср. воспоминания о конгрессе памяти Л. Толстого в 1960 году в Италии: «Ходили слухи, что у него, как “сопровождающего”, имелись и другие, неофициальные функции. <...> Между прочим, когда мы беседовали с Гудзием в одной из малых гостинных отеля, в нее вошел Брейтбурда. Гудзий сразу замолчал. Когда “сопровождающий” покинул нас, я, не выдержав, заметил: “А вы на чеку, Николай Каллиникович, чека — чеку?” Академик хитро улыбнулся и ответил: «Первое значение чека — засовка, затычка, и говорить надо на чичу, то есть наготове от слова чик, чикать» (*Слоним М.* Из литературных встреч // *НРС*. 1970. 4 апреля). Для того чтобы продемонстрировать искусного Брейтбурда в действии, приведем его ответ на письмо Исаяи Берлина от 9 марта 1961 года. Берлин напоминал о приглашении приехать в Москву, полученном им от Брейтбурда в Венеции на Толстовском конгрессе и от Суркова на англо-советской конференции по мирному сосуществованию. Но вот в журнале «Новые книги за рубежом» он прочел высказанные В. Малининым в свой адрес обвинения и брань. Брейтбурда отвечал:

«28/3/57

Сэру Исая Берлину,

Члену Британской Академии

Профессору Оксфордского университета

Сэр, мне было приятно получить от Вас письмо, напомнившее о прекрасных днях, проведенных в Венеции, где я имел случай оценить остроту некоторых Ваших наблюдений и столь свойственное Вам чувство юмора. К сожалению, должен признать, что именно это Ваше качество, столь мне понравившееся при личных встречах, не нашло, как мне кажется, отражения в полученном мною письме. Неужели Вы действительно полагаете, что рецензия Малинина в не очень распространенном библиографическом издании может быть показателем того, как относится к Вам советское общественное мнение? Неужели достаточно только одной заметки, чтобы решить вопрос о том, можете ли Вы приехать в Советский Союз? Право же, мне кажется, что Вы несколько сгущаете краски. К сожалению, лично мне трудно что-либо сказать по поводу Вашего предисловия к книге Вентури, поскольку я не видел ее английского издания. Возможно, однако, что резкость тона этой рецензии в какой-то степени могла быть вызвана не только и не столько этим предисловием, сколько некоторыми другими Вашими печатными выступлениями по поводу нашей страны, которые, как Вы, конечно, знаете, довольно широко расходятся по свету в изданиях отнюдь не дружественных по отношению к нам. Я имею в виду хотя бы итальянское “Темпо презенте”, английский “Энкаунтер” и некоторые другие журналы. Я слышал от Вас, что лично Вы стремитесь оградить свои научные исследования от журналистики. Однако, возможно, что об этом не знал Малинин. В любом случае, не думаю, что следует придавать его заметке большего значения, чем она заслуживает.

Готов еще раз повторить сказанное мной в Венеции — если Вы приедете в Москву, непременно заходите к нам в Союз писателей.

С наилучшими пожеланиями Г. Брейтбурд».

139 *О’Трейди Д.* Анна Ахматова и ирландцы // Вильнюс. 1999. № 2. С. 186. Ср.: «Ах, этот смешной долговязый ирландец, никто не понял, что он читал...» (*Орлова Р., Копелев Л.* Мы жили в Москве. С. 292).

140 *Пунина И.* «Этна-Таормина» // За строительные кадры (Ленинградский инженерно-строительный институт). 1965. 8 марта.

- Об отношении Ахматовой к поэзии Вадима Сергеевича Шефнера (1915–2002) см., например: *ЛЧ2*. С. 570; *Глекин Г.* С. 258. О поэзии молодого Шефнера ср.: «Ощутителен на стихах многих поэтов, таких, как Чивилихин, Шефнер, Ботвинник, Хаустов, налет декадентской поэтики, застоявшихся форм старой, предреволюционной школы. Они порой не видят разницы между великим наследием Пушкина и зализанным, вымирающим и нежизненным стихом Гумилева и Мандельштама» (*Лукин М.* Проблемы советской поэзии (Итоги 1948 года). — *Зв.* 1949. № 3. С. 194).
- 141 Интервью в Катанье (сообщено Г.Д. Муравьевой).
- 142 *Обухова О.* Воспоминание Марио Луци об Ахматовой // *Laurea Logae*: Сборник памяти Ларисы Георгиевны Степановой / Отв. редакторы Ст. Гардзонио, Н.Н. Казанский, Г.А. Левинтон. СПб., 2011. С. 420–421; в ахматовской помете имя Марио Луци (*Luzi*; 1914–2005) записано с ошибкой: «1964 Anna Achmatova e Lucci» (С. 505).
- 143 «Ахматова и Луци: заметки на полях премии Этна-Таормина Таормина» Сильвано Джанелли (сообщено Г.Д. Муравьевой). Об итальянской поездке см. содержательную публикацию: *Sabbatini, Marco.* Dicembre 1964: Anna Achmatova in Italia. Un caso di diplomazia culturale italo-sovietica // *eSamizdat.* 2012–2013 (IX). Р. 63–76.
- 144 Семену Павловичу Козыреву (1907–1991), послу СССР в Италии (1957–1966), предполагалось послать экземпляр «Бега времени» (С. 680, 747).
- 145 *Македонов А.В.* Из воспоминаний об Ахматовой // *Даугава.* 1992. № 2. С. 169.
- 146 Ср. в самых ранних стихах Ахматовой:
 Герб небес изогнутый и древний.
 Что на нем, почти не разобрать (1909).
- 147 Ср. пересказ этого сна, запомнившийся А. Найману: «После мировой катастрофы я, одна-одинешенька, стою на земле, на слякоти, на грязи, скольжу, не могу удержаться на ногах, почву размывает. И откуда-то сверху расширяясь по мере приближенья и поэтому все более мне угрожая, низвергается поток, в который соединились все великие реки мира: Нил, Ганг, Волга, Миссисипи... Только этого не хватало» (*Найман А.* С. 11).
- 148 Ср. ахматовское стихотворение 1920-х:
 Здравствуй, Питер! Плохо, старый,
 И не радуется апрель.

Поработали пожары,
 Почудили коммунары,
 Что ни дом — в болото щель.
 Под дырявой крышей стынем,
 А в подвале шепот вод:
 «Склеп покинем, всех подыдем,
 Видно, нашим волнам синим
 Править городом черед».

- 149 *Амлинский В.* Возвращение брата. Романы. Повести. М., 1989. С. 179. Из других ее европейских впечатлений ср. сказанное Анатолию Гелескулу, с которым Ахматова, восхищенная его переводом стихотворения Леона Филипе, пожелала познакомиться по возвращении: «Ужасно, когда стихи читают на стадионах, и публика, не расслышав и половины, заходится от восторга. Но когда на всю страну — десяток поэтов, которые пишут друг для друга и единственные друг друга читают, это еще ужасней» (*Гелескул А.* Рец. на кн.: Ванханен Н. Зима империи. 1998 // *Русский журнал.* 1999. 5 февраля).
- 150 *Щеглов А.* С. 211.
- 151 См. о параллели «Киев 1914 — Рим 1964» подробнее: *Тименчик Р.* Рим Анны Ахматовой: Horror Mortis (1964) // *Toronto Slavic Quarterly.* 2007. № 21.
- 152 Ср. в письме присутствовавшего на этом вечере Б. Эйхенбаума: «Став в позу, он стал рычать: “Моя знаменитая, всем известная поэма Ю...” Я опрометью бежал на лестницу...» (*Крусанов А.В.* Русский авангард: 1907–1932 (Исторический обзор). Т. 1: Боевое десятилетие. Кн. 2. М., 2010. С. 315). Идею поздравления Ахматовой подсказал В. Гнедову в 1964 году его земляк, юный тогда историк футуризма Александр Парнис.
- 153 «День поэзии — это день жизни». Интервью с В. Полторацким // *ЛР.* 1964. 28 февраля.
- 154 *Антокольский П.* Дневник 1964–1968. С. 23. Но и за ним был легкий ореол гонений. О готовящейся атаке против «группы Трегуба» в 1953 году см.: *Огнев В.* Амнистия таланту. Блики памяти. М., 2001. С. 109; говорили даже о предполагавшемся аресте этой «группы», в которую входили Межиров и Алигер (*Винокуров Е.* Ярослав Смеляков // Евгений Винокуров: Жизнь, творчество, архив. М., 2000. С. 284).
- 155 Ср.: «Творчество Ахматовой типично для старой, буржуазно-аристократической салонной поэзии, той поэзии, которая всегда далека была от жизни, проповедывала теорию “искусство для

искусства”. Она писала глубоко пессимистические и упаднические стихи. Их постоянные мотивы: разочарование, безнадежность, безысходность. Их основная тема: смерть — сон сладчайший, смерть — избавительница. Пошлые и клеветнические рассказы Зощенко и пустые, аполитичные стихи Ахматовой печатались в журналах и некоторыми критиками безудержно превозносились. Некоторыми! Профессор Л. Тимофеев, автор недавно изданного учебного пособия для учащихся десятых классов средней школы “Современная литература”, в качестве образца реализма в советской поэзии привел стихотворение... Ахматовой. Можно ли было со всем этим мириться?! <...> Чем была уже тогда для Маяковского Ахматова с ее душным, комнатным мирком, с ее неврастенической, страдальческой любовью, с ее неземной тоской по невозвратному прошлому — по дворянским усадьбам, под сводами которых белеют фигуры полуразрушенных статуй у каменных арок семейного склепа, куда приносят оранжерейные розы вымирающие потомки тех, чьи портреты застыли в парадных залах? Найдите его статью “Поэты на фугасах”, датированную 1914 годом. Читайте:

“Мы пять лет орали вам, что у искусства есть задачи выше, чем облегчение выбора ликеров по прейскурантам Северянина, или щекотание отходящего ко сну буржуа романами Вербицкой... Конечно, каждому приятно в розовенькой квартирке пудрой Бальмонта надушить дочку, иметь жену с подведенными глазами, светящимися грустью Ахматовой”.

Ахматова находилась по ту сторону баррикад. И Маяковский — воинствующий глашатай нового, социалистического общества и нового искусства, принципиальный и непримиримый — отвергал Ахматову так же, как отвергал Северянина, Бальмонта и всех других, кому бросал он в лицо: “Как вы смее-те называться поэтом и, серенький, чирикать, как перепел!”

<...> Мне пришлось уже однажды в печати сослаться на письмо комсомольца Вл. Скворцова. Он прислал его из города Иванова в первой половине 1944 года. Думаю, что письмо это представляет большой интерес для читателей “Смены” и поэтому на нем следует остановиться подробнее. О себе автор письма сообщил следующее: ему 19 лет, в 1942 году он окончил десятилетку, пошел добровольцем в армию, был направлен радистом в партизанский отряд, пробыл там больше года, затем после тяжелого ранения вернулся домой инвалидом. Он готовится поступить на литфак педагогического института.

“<...> Пишу стихи. Говорят, получается. Но меня угнетает мысль, что это — подражательство (как говорится, ‘под Маяковского’). Но я считаю, что уж лучше писать ‘под Маяковского’, чем ‘под Ахматову’. Ее последняя поэма (‘Поэма без героя’) возмутила меня. Прав я или нет, но это — какое-то декадентство и символизм, которым можно было бы восхищаться во времена Бальмонта, но отнюдь не сейчас, в дни борьбы с фашизмом”.

Юноша недоумевал по поводу утверждения Алексея Толстого, что в годы Отечественной войны Маяковский-де говорит нашему израненному болю за Россию сердцу “меньше, нежели в годы гражданской войны”.

“Да! Тут болтают, — продолжает Скворцов, — что сейчас якобы какой-то поворот к старому в поэзии — к чистому эстетизму, ахматовщине и прочее. Думаю — врут! И даже точно, что врут, но я не такой большой авторитет, и многие друзья остаются при своем мнении”. В другом письме он пишет: “Помните, у Ахматовой: ‘Прости меня, мальчик веселый, / Что я принесла тебе смерть’. Мне думается, что участь ‘веселого мальчика’ могут разделить и некоторые поэты, которые под ее влиянием. Творческое соприкосновение с Ахматовой не может принести ничего, кроме творческой смерти”.

Политическому и поэтическому чутью этого комсомольца могли бы позавидовать руководящие работники “Звезды” и “Ленинграда”. И не только они! Постановление ЦК ВКП(б) не явилось для комсомольца Скворцова неожиданностью и не застало его врасплох: он нашел в нем подтверждение своей правоты так же, как нашли миллионы советских людей, кровно заинтересованных в дальнейшем процветании нашего искусства. Почему же так случилось, что неизвестный комсомолец Вл. Скворцов оказался идейно вооруженнее некоторых известных литераторов? Очевидно, это произошло потому, что в ряду причин, обусловленных системой его коммунистического воспитания, важную роль играет Маяковский. Под его непосредственным влиянием выработался иммунитет к ахматовщине. Под его непосредственным влиянием созрело чувство резкого отрицания всех тех чуждых советскому человеку, упаднических настроений, которые составляют душу искусства декаданса» (*Трегуб С. Мерить по коммуне стихов сорта! // Смена. 1946. № 15–16. С. 5–6*); ср. также: *Трегуб С. Писателю Константину Симонову в ответ на его открытое письмо // НМ. 1947. № 6. С. 254–256; Трегуб С. Живой с живыми. Сб. статей. М., 1949. С. 160–163, 203, 220, 223, 323.*

- 156 У Ахматовой была привычка высчитывать будущие гонорары, едва только стихи были отданы в редакцию. См.: Головачева А.В. Она читала стихи деревьям / Беседовали Ольга и Марина Фигурновы // *Время МН*. 2002. 27 февраля.
- 157 Мильков В. «День» за «Днем» // *ЛР*. 1964. 18 декабря; цитата из «Журналиста, читателя и писателя». Полуизвинялся за присутствие «личного» и новый знакомый Ахматовой, которому она давала интервью сразу по приезде из Италии, «человеку чужому, которого ответы Анны Андреевны явно пугали. Например, когда она сказала, что самыми крупными русскими поэтами современности считает Тарковского, Петровых и Липкина...» (*Маркиш Ш.* «Могучая евангельская старость...» // *Зн*. 1997. № 11. С. 121); «Душевный мир человека, трепетная жизнь сердца отразились в стихах А. Ахматовой, чья поэзия, словно солнце в малой капле воды, рисует общее в личном. Читая ахматовские строки, думаешь о том, что время может присутствовать даже в объяснениях влюбленных» (*Осетров Е.* Точеная точность стиха // *Комсомольская правда*. 1965. 28 апреля).
- 158 Гладков А. Дневник / Публ. М. Михеева // *НМ*. 2014. № 2. С. 161. Под реакцией на похвалы Цветаевой имеется в виду свежий тогда эпизод во время ужина на квартире Д.Е. Максимова по поводу защиты его докторской диссертации: *Егоров Б.Ф.* Вечер с А.А. Ахматовой у Д.Е. Максимова // *Крымский Ахматовский*. 8. С. 3–6; то же: *Эта пристань*. С. 65–66.
- 159 *Ljunggren M.* Anna Achmatova, 75: En sovjetklassiker som inte far tryckas... // *Expressen*. 1965. 25 januari.
- 160 *Прокофьев А.* Наше слово должно быть словом пристрастных!: Из доклада на отчетно-выборном собрании писательской организации 14 января 1965 года // *ЛР*. 1965. 15 января. В этот же день Прокофьеву была вручено письмо Бориса Вахтина: «Почему вы скрыли от суда, что Бродский — блестящий переводчик, что он не пьянствует, не лодырничает, а работает, как каторжный? Почему вы отмахнулись от того, что говорили и писали по этому делу такие его знатоки, как С.Я. Маршак, К.И. Чуковский, А.А. Ахматова?» (*Вахтин Б.* Текст, отправленный в Президиум собрания ленинградских писателей (14 января 1965 года) // *Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций*. СПб., 1998. С. 285). Вскоре обиженный Прокофьев написал: «Пестрят фамилии недругов моих / На все почти что буквы алфавита» (*Прокофьев А.* Сердцу // *День поэзии*. М., 1965. С. 12).

- 161 *Кичанова-Лифшиц И.* Прости меня за то, что я живу. Нью-Йорк, 1982. С. 146. Ср.: «хитрейший и легковеснейший Дудин» (*Шварц Е.* Позвонки минувших дней: Дневники и письма. М., 1999. С. 169).
- 162 Ср. расстановку имен в официальном каноне, сложившемся после перевыборного собрания: «Без имен А. Ахматовой, В. Пановой, Ю. Германа, В. Кетлинской, Д. Гранина, Э. Грина, М. Дудина, А. Прокофьева, С. Воронина, Г. Холопова, О. Берггольц, А. Гитовича, М. Жестева, М. Слонимского, В. Шефнера, Н. Брауна, Вс. Рождественского, Л. Рахманова и многих других ленинградских писателей просто невозможно представить себе современную советскую литературу» (На собрании ленинградских писателей // *ЛР.* 1965. 29 января).
- 163 *Eggeling W.* Die Sowjetische Literaturpolitik zwischen 1953 und 1970. Zwischen Entdogmatisierung und Kontinuität. Bochum, 1994. S. 188. В эти же дни саратовский обком доносил в ЦК, что в феврале 1965 года на выступлениях московских гостей-поэтов заведующий отделом критики журнала «Юность» Станислав Лесневский пренебрежительно отзывался о Долматовском, Жарове, Тихонове и превозносил Ахматову, Евтушенко, Пастернака и Солженицына (*Зезина М.* С. 337).
- 164 *Карп П.* Единственный взгляд // Книжное обозрение. 1989. 9 июня.
- 165 Ср. подписанные Д. Поликарповым «Замечания Отдела культуры ЦК КПСС» (15 января 1965 года): «Прежде всего необходимо отметить, что тов. Твардовский снова и снова настойчиво утверждает, что повесть А. Солженицына “Один день Ивана Денисовича” является выдающимся художественным произведением, без которого нельзя “представить нынешний день литературы”. Его заявление быть “неуступчивым и принципиальным” в защите Солженицына означает, что “Новый мир” считает по-прежнему актуальным и важным освещение в литературе тюремно-лагерных тем, злоупотреблений властью в прошлом. <...> Представляются неверными положения статьи о том, будто бы нам нечего бояться того, что наши враги могут использовать в своих интересах произведения советской литературы. Автор считает это “данью довольно еще распространенному предрассудку”. <...> тов. Твардовский проводит ироническую параллель между литературой и сельским хозяйством: и здесь и там бывают “годы урожайные” и “годы неурожайные”, случаются “засухи”, “вымочки” и даже “градобития”».

- 166 Ср.: «Может быть, это — не самое лучшее, что было написано Ахматовой ранее» (*Слизской А.* «Новый мир» № 1 // *РМ.* 1965. 25 марта). Ср., впрочем, другой отклик на эту публикацию, утверждавший, что семь стихотворений доказывают присутствие прежней поэтической силы (*Braun, Roman.* *Dialog mit der Vergangenen. Die Dichterin Anna Achmatowa* // *Die Zeit.* 1965. 9. April).

Само решение о публикации в СССР по мере усложнения структуры читательской аудитории постепенно могло становиться актом выбора. Реальной дилеммой это стало уже после ухода Ахматовой из жизни, но уже и в начале 1960-х появились, как рассказывал прозаик Юрий Казаков во Франции в 1967 году, «очень молодые люди — не старше двадцати, считающие, что Паустовский, Ахматова ничего не стоят (Казаков употребляет более резкое выражение), что публикация произведения есть знак его посредственности» (Цит. по: Процесс четырех: Сборник материалов по делу Галанскова, Гинзбурга, Добровольского и Лашковой / Сост. и комм. Павла Литвинова. Амстердам, 1971. С 41–42). Ср. письмо Юрия Павловича Казакова (1927–1982) к Ахматовой от 9 июля 1958 года: «Только что я кончил Литературный институт и за время учебы начитался досыта, до того что уже выработался какой-то иммунитет ко всякого рода прозе и поэзии. И только очень талантливым мастерам, поэтам от Бога открываю сердце и душу. И вот, читая Вас, я все крепился, крепился, а когда дошел до:

Чугунная ограда,
Сосновая кровать...

- тут уже я похолодел. Не знаю, знакомо ли Вам чувство восторга и робости не перед мыслью стиха, не перед его тоном, звуком, а — перед строкой, когда все в ней, когда горло начинает схватывать. И когда таких строк много — это поэзия» (№ 1278).
- 167 К. Симонов счел ее «дешеватой» (*Симонов К.* Собр. соч. Т. 12 (дополнительный): Письма 1943–1979. М., 1987. С. 257). См.: *Борисов Б.* По «ту» сторону // *Возрождение.* 1965. № 161. С. 132; *Нифонтов А.* Война стихами // *РМ.* 1965. 23 августа.
- 168 О происхождении этого клише см.: *Ронен О.* Серебряный век как умысел и вымысел. М., 2000. См. также: «Выражение “серебряный век” уже давно вошло в употребление. Впервые о нем стали говорить, в эмиграции, еще в тридцатых годах. Это было, как мне помнится, на чествовании В.Ф. Ходасевича по случаю

- двадцатипятилетия его литературной деятельности. С.К. Маковский в своей книге выражение это приписывает Бердяеву» (*Бобринский П.А. Мысли о русском символизме // Мосты. 9. Мюнхен, 1962. С. 171*). Ср.: *Иссако [Иваск Ю.П.] Серебряный век // Посев. 1949. № 12(147). С. 12*. Строки «И серебряный месяц ярко / Над серебряным веком стыл» были уже в предвоенной редакции (*Я не такой. С. 170*), поэтому рассказ Льва Гумилева о том, что он подсказал их после войны, неточен.
- 169 Слова Ионафана — «я отведал концом палки, которая в руке моей, немного меда; и вот я должен умереть» (Цар. 14:43) — вошли в ахматовские стихи в преломлении эпитафии к «Мцыри» — «Вкушая, вкусих мало меда и се аз умираю», сместившего смысловую акцент на скудость отведенного судьбой счастья и сделавшего жалобные признания предсмертными словами.
- 170 *Zernova, Ruth. A Visit to Anna Akhmatova // Soviet Literature. 1965. № 3. P. 150*. Руфи Зерновой был, по-видимому, тогда же дан очерк о Модильяни. См. в ее письме: «... спасибо за Вашу прекрасную прозу, — прозу поэта, т.е. лучшую из возможных. Да и не каждый поэт знает, “почем слово”. А у Вас за каждым словом — две глубины: время и — Ваша личность. Простите, что задержала: никого не было в городе. Пожалуйста, пишите! Еще и еще» (№ 1187).
- 171 *Волков О. Городу и миру. Повесть, письма. М., 2001. С. 327*.
- 172 С отчетно-выборных собраний местных организаций Союза писателей РСФСР // *ЛР. 1965. 29 января*; Состав правления Ленинградского отделения союза писателей РСФСР // *ЛР. 1965. 12 февраля*.
- 173 Ахматова рассказывала об этом письме Н.В. Кинд (см. ее записи бесед с Ахматовой — *ММА*).
- 174 *Ардаматский В. Известный поэт // Крокодил. 1946. № 24. С. 10*; *Синявский А. Темная ночь // Синтаксис. 1978. № 1. С. 11–22*. Автор слов песни «Темная ночь» — Владимир Исидорович Агатов (Гуревич; 1901–1966). Пестрящую вопросительными знаками биографию литератора Александра Александровича Петрова-Агатова (1921–1986) см.: *Biographical Dictionary of Dissidents in the Soviet Union, 1956–1975 / Comp. and ed. by S.P. de Boer, E.J. Driessen, and H.L. Verhaar. The Hague, 1982. P. 429*. Попутно отметим имена других персонажей *ЗК* в этом справочнике: Ю.А. Айхенвальд, Б.А. Ахмадулина, В.П. Аксенов, П.Г. Антокольский, Э.Г. Бабаев, А.В. Белинков, О.Ф. Берггольц, К.П. Богатырев, С.И. Бондарин, Н.Н. Браун, И.А. Бродский,

К. Ваншенкин, Б.Б. Вахтин, Ф.А. Вигдорова, А.А. Вознесенский, Э.Г. Герштейн, А.К. Гладков, Е.М. Гольшева, Н.Е. Горбаневская, Д.Я. Дар, Н.Г. Долинина, С.А. Ермолинский, Вяч. Вс. Иванов, М.В. Иванов, А. Ивич, Н.И. Ильина, В.П. Катаев, А.Н. Колмогоров, Л.З. Копелев, Н.М. Коржавин, В.Н. Корнилов, Т.М. Литвинова, Ю.М. Лотман, Н.Я. Мандельштам, Д. Маркиш, Ш. Маркиш, Э. Маркиш, А.Г. Найман, В.Ф. Огнев, Р.Д. Орлова, Н.Д. Оттен, Б.Л. Пастернак, К.Г. Паустовский, М.А. Поповский, Д.С. Самойлов, А.Я. Сергеев, А.Д. Синявский, Б.А. Слуцкий, И.М. Смоктуновский, А.И. Солженицын, Е.В. Старикова, Н.И. Столярова, Г.Г. Суперфин, А.А. Тарковский, А.Т. Твардовский, Е.С. Терновский, А.П. Тимофеевский, Г.С. Фиш, В.Б. Шкловский, Л.К. Чуковская, К.И. Чуковский, И.Г. Эренбург, Е.Г. Эткинд, А.С. Эфрон, М.В. Юдина, А.А. Якобсон.

- 175 Ср. воспоминания (вообще-то избыточные неточностями) о том, как Ахматова осенью 1955 года рассказывала о своем визите к пьяному и отзвучившему Шолохову (*Снегов С.А.* Обида и раскаяние // *Вспоминая Л.Н. Гумилева. Воспоминания. Публикации. Исследования.* СПб., 2003. С. 147–148). Ср.: *ЛЧ2.* С. 528. Ср. также о телефонном разговоре с Шолоховым в том же году: «Положивши трубку, Анна Андреевна пересказала реплику собеседника: — Когда я попросила у него прощения за беспокойство, он ответил: “Ну что вы! Ко мне обращаются и с менее значительными просьбами. А у вас такое горе!”» (*Ардов М.* Жертва акмеизма // *Время МН.* 2003. 18 октября). См. также: *Герштейн Э.* Мемуары и факты (Об освобождении Льва Гумилева) // *Горизонт.* 1989. № 6. С. 59–64. В вопросе о «Тихом Доне» Ахматова солидаризировалась с мнением о том, что авторов было два: один писал, другой перекраивал (*Томашевская З.* Как и зачем писалось «Стремя» // *Медведева И.* Стремя «Тихого Дона» (Загадки романа). М., 1993. С. 122).
- 176 См. письмо Шолохова Л.И. Брежневу от 30 июля 1965 года с вопросом о том, можно ли ему получать эту премию (*Шолохов М.* Письма. М., 2003. С. 380); 16 августа на этот вопрос положительно ответили тт. Брежнев, Черненко и др. Сходные вопросы как будто ранее задавала и Ахматова: «“Со мной случилось очередное... (*пауза*). Я выдвинута на Нобелевскую премию... Нет, нет, ничего страшного! Я говорила с Прокофьевым... Он говорит, что он плохой, а я — хорошая. Что это нужно. Все-таки — красный флаг над Стокгольмом. Хоть на пять минут”. (NB. Ахматова, поднимающая алый стяг над ратушей чопорного

Стокгольма — один из парадоксов нашей истории). Соперник Анны Андр. — американец Роберт Фрост. “Я читала его стихи — он мой ровесник”. Хорошие стихи — “на колхозные темы”, “про коров”» (Глекин Г. С. 237).

- 177 Соболев Л.С. Советская литература и воспитание нового человека // *ЛР*. 1965. 4 марта.

«При мне хвалила Джойса» (С. 482), — включено в список улик на суде над героиней в «Прологе». Ахматова говорила: «Я пять раз читала “Улисса”» (Сергеев А. Omnibus. С. 378); ср.: *ЛЧ*. С. 211; Г.Г. Нейгаузу она сказала про восемь раз (Нейгауз Г.Г. Размышления, воспоминания, дневники. М., 1975. С. 117). Ср. также разговор о «линии Стеффена», т.е. Стивена Дедалуса в книге рассказов Джойса «Дублинцы» (*ЛЧ*. С. 347; примечание в этом издании трактует запись иначе). Стих «Эльсинорских террас парапет» в «Поэме без героя» конденсирует аллюзии на сцену в первой главе «Улисса»:

«He pointed his finger in friendly jest and went over to the parapet, laughing to himself.

— What is your idea of Hamlet? Haines asked Stephen.

<...> — I mean to say, Haines explained to Stephen as they followed, this tower and these cliffs here remind me somehow of Elsinore. *That beetles o'er his base into the sea, isn't it?*»

Ср. запись собеседника 16 марта 1964 года: «Последние недели А. А. читает по-английски «Портрет художника в юности» Джойса: «Это еще не совсем “Улисс”» (Иванов Вяч. В. Встречи с Ахматовой // *Зн*. 1989. № 6. С. 209). Интерес к этой книге мог быть усилен прочитанной ею незадолго до того характеристикой ранней ахматовской поэзии у Ренато Поджоли (там же сравнивавшего ее с Прустом): «Для поэзии такого рода, видимо, нет более подходящего эпиграфа, чем те латинские слова в “Портрете художника в юности” Джемса Джойса, которыми Стивен Дедалус внезапно приветствует в своей душе неожиданное эхо песни невидимой женщины: «mulier cantat» [женщина поет]» (Poggioli, Renato. *The Poets of Russia 1890–1930*. Cambridge, Massachusetts. 1960. P. 234). В пятой главе джойсовского романа с кухни, где служанка точит ножи, доносится песня «Рози О' Грейди». «Крэйни остановился послушать и сказал:

— Mulier cantat.

Мягкая красота латинских слов завораживающе коснулась вечерней тьмы прикосновением более легким и убеждающим, чем прикосновение музыки или женской руки» (Джойс Д. [Со-

бране сочинений]. Т. 1. М., 1993. С. 435; пер. М.П. Богословской-Бобровой).

О подтексте джойсовского эпиграфа к «Реквиему» см.: *Тименчик Р.* Записные книжки Анны Ахматовой и генезис ее стихотворений // *Эткиндовские чтения*. I. СПб., 2003. С. 233–236.

178 *Рахманов Л.* Чет-нечет. Л., 1988. С. 487.

179 *Глекин Г.* С. 316.

180 *В.А.А.* С. 638. О Е.А. Фурцевой ср., например, запись К.И. Чуковского от 12 апреля 1965 года: «О Луначарском я всегда думал как о легковесном и талантливом пошляке, и если решил написать о нем, то лишь потому, что он по контрасту с теперешним министром культуры — был образованный человек» (*Чуковский К.* Т. 13. С. 407–408).

181 Поэт Сергей Сергеевич Наровчатов (1919–1981) по воспоминаниям коллег, «как и Борис Полевой, принадлежал к тому типу советских литературных руководителей, которые с удовольствием бы делали добрые дела, если бы за это не били» (*Гладилин А.* Умер Сергей Наровчатов // *РМ*. 1981. 24 июля). По свидетельству А.Г. Наймана, Ахматова говорила о Наровчатове, что его талант съела завистливая злоба. «Когда Ахматова приезжает в Москву, она встречается со мной первым, — загадочно признавался он, ошеломляя своих друзей в Доме литераторов. — Мы с ней — дворяне, — полушутливо заканчивал он» (*Цыбин В.* По счету души // *Воспоминания о Сергее Наровчатове*. М., 1990. С. 297). Дома на стене у него висела фотография Ахматовой с надписью (*Ржевская Е.* Знаки препинания. М., 1989. С. 241).

182 Главная тема — жизнь народа. Дневник съезда // *ЛР*. 1965. 8 марта. Ср.: «...речь его на съезде произвела впечатление сильного уклона вправо. В стихах он, безусловно, понимает — но — как возразил мне кто-то — “в начальстве он тоже хорошо разбирается”» (*Чуковская Л.* Сочинения. Т. 2. М., 2001. С. 456).

183 *Летописец*, С. 192–193.

184 Письмо Михаила Николаевича Сурикова (№ 1422). Ахматова сказала А.В. Любимовой, показывая эту фотографию: «Вот какая бабушка».

185 *Ванишенкин К.* Поиски себя. Воспоминания. Заметки. Записи. М., 1985. С. 378. Иные не осмеливались заговорить с ней (Воспоминания о Елизавете Стюарт. Новосибирск, 1988. С. 209).

186 *Николаенко И.* История одной фотографии // *ЛР*. 1987. 13 февраля. Алим Пшемахович Кешоков (1914–2001) — кабардинский поэт; ср. надпись на его книге «Стихотворения, поэмы» (М.,

1957): «Уважаемая Анна Андреевна Ахматова! Эта книга просит Вас приехать на родину ее автора. Алим Кешоков. 9. I-58 г.» (*Из личной библиотеки*. С. 31). Ср. в письме Раисы Ахматовой к нам от 20 июня 1972 года: «Подошел фотокорреспондент и сказал: “Я хочу сфотографировать двух Ахматовых”. <...> К нам подошли Ольга Берггольц и Алим Кешоков. Незамедлительно был сделан и второй снимок».

- 187 *Бембеев Т.* Милее книги в мире друга нет // *ЛР*. 2001. 3 августа.
- 188 Неточная цитата из песни Булата Окуджавы. Польский писатель Анатолий Стерн вспоминал о беседе в ноябре 1964 года: «Я спрашивал ее о молодых поэтах ее страны. Она говорила о некоторых очень сердечно, выделяя особо Булата Окуджаву, песни которого очень популярны у нас. И с легкой улыбкой добавила: “Но они меня боятся. Может, я для них уже прошлое?.. Окуджаву, например, не посетил меня ни разу”. На следующий день я повторил ему эти слова. Он немного съежился, как нахохлившаяся экзотическая птица, и сказал только: “Но ведь это королева!” В тоне этих двух слов было что-то от чуть ли не мистического восхищения» (*Stern*); ср. также о сцене ожидания не пришедшего Б.Ш. Окуджавы на ул. Ленина, 34: *Кузьминский А. Mémoire* // Санкт-Петербург. 1999. № 2 (21). С. 7. Песенка Окуджавы была названа «Песней американского солдата» в целях легальности по предложению Е. Евтушенко. К теме антиамериканской пропаганды 1960-х ср. запись беседы Т.А. Бек с упомянутым в *ЗК* (С. 326) политическим обозревателем В.С. Зориным в апреле 2004 года: «Мы познакомились в Комарово (год точно не помню), где сидели за соседними столиками. Я на нее смотрел влюбленными глазами. Как-то решился и продекларировал: “Я с тобой не буду пить вино...”. Ей это явно было приятно. Еще я был фанатичный поклонник Маяковского и знал его всего наизусть. Мог часами читать наизусть “Флейту” или “Облако”. Ей это импонировало, хотя она и говорила, что она не такая его поклонница. <...> Потом я сделал около тридцати (по часу) телефильмов об Америке. Она их смотрела. И когда бывала в Москве у Ардовых, то несколько раз мне звонила и говорила добрые (или не вполне добрые) слова. Она говорила: “Телевидение я смотрю мало, я для него не приспособлена, но ваши фильмы смотрю”. <...> Порою она мне задавала ехидные вопросы в связи с политикой на телевидении. На что я ей говорил, что у меня своего собственного телевидения нет, и я, за неимением своего, работаю на государственном. Издержки —

- это “плата за страх”, за то, чтобы протащить об Америке то, что мне важно. Кажется, она меня понимала».
- 189 На письме Сергея Григорьевича Гончарова из Александрии помечено «Отвечено» (№ 1149).
- 190 *Антокольский П.* Дневник 1964–1968. С. 35. Вс. Иванов за три года до этого записал разговор с редактором из «Молодой гвардии» («нео-рапп атакует подземно»), когда забаллотировали Л. Соболева: «Почтенный, заслуженный, талантливейший писатель, а забаллотировали. Кто? Четыреста переводчиков (подразумевай — “жиды”) и старички, которые давно себя творчески не проявляют, словом — балласт» (*Иванов Вс.* Дневники. М., 2001. С. 418). Ср. в дневнике современника: «Вчера в газетах доклад Соболева на съезде писателей. Мерзопакостный. Адвокатское красноречие при жиденьких мракобесных мыслишках. Защищает бездарные сочинения Алексеева и Баруздина, лягает статью Буртина, которая умна, точна, справедлива. <...> За исключением двух-трех чудаков, которые одушевлены лучшими чувствами, но не отдают себе отчета, куда они попали, это сборище агрессивных подонков, мечтающих разделаться со всем честным и талантливым, что, несмотря на все рогатки и препоны, пробивается в нашей литературе. <...> То, что произошло на эрэсэфэсэровском съезде, где приличные люди оказались в явном меньшинстве, отражает, по всей видимости, положение внутри самого начальства. Наверху, очевидно, имеются две группы. Сторонники умеренных реформ, крошечной демократизации, и сталинисты, овладевшие новой терминологией. Сталинисты сильнее. Они опираются на многолетнюю традицию. Они выражают интересы партийного аппарата. Интересы государства выражают первые, но что интересы государства в сравнении со шкурными, сугубо личными интересами, которые рождают бешеную энергию? В распоряжении партийного аппарата многочисленные призраки и жупелы. Чуть что, ссылаются на Венгрию, на кружок Петефи, на подрыв устоев. Эти люди и руководили съездом» (*Левицкий Л.* Дневник // *Зн.* 2001. № 7. С. 138).
- 191 Ср. обсуждение намечавшегося контрастступления сталинистов: «Разговор по поводу того, что якобы Грибачев, Софронов и Кочетов не были избраны Московской писательской организацией делегатами на съезд писателей РСФСР. А. А. замечает: “Если они окажутся необходимыми, то их изберут не в Москве, а где-нибудь в Костроме или Тамбове”» (*Готхарт Н.* С. 298).

- 192 *Владимиров Л.* Россия без прикрас и умолчаний. Frankfurt/M. 1969. С. 173. На «казалось, подававшего некие надежды, а впоследствии превратившегося в бесплодное, напыщенное начальственное ничтожество» (*Рассадин С.* Советская литература. Победенные и победители. Почти учебник. М., 2006. С. 26) Леонида Сергеевича Соболева (1898–1971), с 1958 года возглавлявшего Союз писателей РСФСР, перед самым съездом тщетно жаловался М. Суслову А. Сурков: Соболев оказался на этом посту случайно, просто из-за того, что его похвалил Хрущев на встрече с деятелями искусства (*Зезина М.Р.* С. 352). Был он, по отзыву Д. Поликарпова, «и талантлив, и с нами сработался, прямой человек, без извилин. Вполне наши» (*Чуковский К. Т.* 13. С. 271); а по рассказу И.С. Черноуцана, М. Шолохов говорил Л. Соболеву, обучавшемуся в Морском его императорского высочества наследника цесаревича Алексея Николаевича училище: «Тебе, гардемарин, лишь бы под юбку» (*Эйдельман Ю.* Дневники Натана Эйдельмана. М., 2003. С. 295). В сентябре 1955 года он надписал повесть «Зеленый луч»: «Анне Андреевне Ахматовой от уважающего ее автора» (МАО). 28 апреля 1963 года он с женой нанес визит (С. 316) и надписал роман «Капитальный ремонт» «с давним глубоким уважением» (МАО). Ахматова рассказывала: «Позвонил Соболев и попросил разрешения прийти. Был он с мадам. Раньше я с ним не была знакома. В разговоре он взял этакий бонтон Петербурга-Петрограда. Оказывается, он учился в Морском корпусе, выпуска восемнадцатого года, был это досрочный выпуск. Я ему сказала, что мой брат Виктор выпуска шестнадцатого года и окончил полный курс» (*Готхарт Н. С.* 272; о мадам Соболевой в черных перчатках по локоть на встрече писателей с Хрущевым 17 июля 1960 года см.: *Тендряков В.Ф.* На блаженном острове коммунизма // *НМ.* 1988. № 9. С. 38); «На собственном автомобиле подкатил с супругой Леонид Соболев. Забыв все, держался как гардемарин и чуть ли не по-французски говорил» (*Роскина Н. С.* 101). Среди «все-го», что «забыл» Л. Соболев, были и его гонения на бывших офицеров в 1931 году (*Зонин С.* «Бдительность — наше оружие» // *ВЛ.* 1994. № 5. С. 344–348). Ахматова писала ему («письмо, о котором я вам говорила... у меня в Ленинграде») с просьбой улучшить жилищные условия Э.Г. Герштейн, недавно рекомендованной в Союз писателей (№ 684). Леонид Соболев — «один из основателей фракции русских националистов в Союзе писателей» (*Митрохин Н.* Русская партия. Движение русских наци-

оналистов в СССР. 1953–1985 годы. М., 2003. С. 148). Ср. рассказ Ахматовой о ее встрече с товарищами Соболева по фракции: «Пришло несколько молодых людей, начинающих писателей (фамилий Ахматова не назвала). Сначала они произносили хвалебные, прочувствованные слова в адрес А. А. Сказали, что чтут в ней великого, подлинно русского по духу поэта. И хотели бы сделать из нее свое знамя. Но существует препятствие: вокруг Ахматовой, среди ее друзей, много евреев. Их необходимо удалить. А. А. протянула руку по направлению к двери и сказала одно слово: “Вон!” Ахматова рассказала это ровным, но полным сдержанного бешенства голосом. И добавила, что самое страшное в этом посещении — это несомненная организованность погромщиков. И то, что — судя по их намекам — им покровительствует кто-то в руководстве» (*Сильман Т., Адмони В.* Мы вспоминаем: Роман. СПб., 1993. С. 462–463). К вопросу о тактике партизанов этой партии ср. воспоминание о разговоре 20 января 1965 года в ресторане ЦДА: «— Александр Трифонович, — взволнованно, но чересчур запальчиво повел речь Чивилихин, — вы великий советский поэт. Как вы могли напечатать в “Новом мире” Солженицына? <...> Твардовский глухо молчал, склонив голову и уставясь взглядом в нетронутую рюмку.

— Вы русский человек, Александр Трифонович, — продолжил Чивилихин в том же атакующем тоне. — Так почему же у вас в редакции одни жиды? <...> Грибачев молчал, глядя на Твардовского с гадливым любопытством» (*Рекемчук А.* Сотворение кумира // *ЛР.* 2002. 7 марта).

193 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 501. Л. 220б.

194 *Поздняев К.* История одного автографа // *Нева.* 2002. № 1. С. 250–251.

195 *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. С. 135.

196 Ср.: «Когда ей позвонили из “Литературной газеты” <sic!>, чтобы объяснить, что ради опубликования стихов Берггольц, которые оказались более актуальными, они вынуждены перенести стихи Ахматовой в другой номер, она, не дав договорить, отрубил: “Я никому не собираюсь перебежать дорогу, я знаю, что такое добрые нравы литературы”, — и повесила трубку» (*Найман А.* С. 61).

197 Ср.:

Когда испытание злое
сомкнулось на жизни кольцом,

мне встретилась женщина-воин
с упрямым и скорбным лицом.
Не слава ее оведала,
но гнев, клевета и печаль.
И снят был ремень, и отняли
ее боевую медаль...

(1939)

...Им снится лес — я знаю, знаю!
Мне тоже снилась год подряд
дорога дальняя, лесная,
лесной узорчатый закат.
Мне снилось — я иду по воле
в живой и мудрой тишине.
Ольха колдует, никнут ели,
струится солнце по сосне...

<...>

Им снится лес — я знаю, знаю!
Вот почему, считая дни,
я так же по ночам стенаю
и так же плачу, как они

(1940)

(ЛР. 1965. 26 марта). В издательских инстанциях в 1965 году, похоже, было принято заменять, по возможности, Ахматову на Ольгу Берггольц (см.: *Михайлов О.* Ахматова и Жданов // *ЛР.* 2003. 9 сентября).

198 Из лирических дневников // *ЛГ.* 1965. 27 марта.

199 *Наровчатов С.* Мы входим в жизнь. Книга молодости. М., 1978. С. 252.

200 *Турков А. С.* 192.

201 РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 17. Ед.хр. 151. Л. 17–18. Частично: *Кралин М.* Победившее смерть слово. С. 164.

202 *Слизской А.* По страницам «Литературной газеты» // *РМ.* 1965. 31 июля.

203 *Франк В.* Избранные статьи. London, 1974. С. 32–33.

204 *Левицкий Л.* Дневник // *Зн.* 2001. № 7. С. 138.

205 *Беляев А.* Литература и лабиринты власти. С. 25; запись разговора с Эренбургом 18 апреля: «Би-би-си передало вчера сообщение о выступлении Демичева (секретаря ЦК по идеологии). Либеральные какие-то заявления и обещания. Дескать, цензуры у нас нет, разве вот Главлит превышает свои полномо-

мочия. Но мы подскажем товарищам, поставим их на место...»
(Оклянский Ю. Роман с тираном. М., 1994. С. 99).

206

Богородице дево радуйся,
Благодатная Мария, господь с тобою,
Сзади к вам, миленький, подкрадуся
И захвачу вас с бою.
Мягко канапе, вас целую я,
Вы меня целуете тоже...
Аллилуйя, Аллилуйя, Аллилуйя,
Слава тебе, боже!

(Литературный еженедельник. 1923. 28 октября (подп.: Дм. [Четвериков Б.Д.]).

207 Найман А. С. 253. Ср. о Б.Д. Четверикове: Распятые: писатели — жертвы политических репрессий. Вып. 3. СПб., 1996. С. 205–210; ср. о его доносе на группу литкружковцев, в которую входил и А.А. Ванеев, сидевший после этого с Н.Н. Пуниным в Абези: Каган В. Повесть о безвременье // Время и мы. 1980. № 56. С. 24.

208 Американский славист Сэм Норман Драйвер (1929–2003) рассказывал нам в 1989 году: учась в Колумбийском университете, он выбрал эту тему для доклада в семинаре по советской литературе в 1957 году, на что Эрнст Симмонс согласился неохотно: она второстепенная, уже мертвая. После этого он советовался с Л. Штильманом и взял ее как тему магистерской диссертации. В 1959 году он поехал гидом на американскую выставку в Москву, встречался с Сурковым, который в ответ на вопрос об Ахматовой кричал на него минут сорок пять. В 1963 году первый вариант диссертации был завершен; диссертация вышла как книга (*Driver S. Anna Akhmatova* (Twaine's World Author Series). New York, 1972). См. также другие его работы: Akhmatova's «Poema bez geroja» and Blok's «Vozmezdje» // Aleksandr Blok Centennial Conference / Ed. by W.N. Vickery. Ohio, 1984. P. 89–99; Directions in Akhmatova's Poetry Since The Early Period // Toward a Definition of Acmeism / Ed. by Denis Mickiewicz. Ottawa, 1975 (Russian language journal. [103]. suppl.). P. 84–91.

Спутник Ирины Кирк/Кёрк (Irina Kirk; 1925–1991) — Хоуард Уильям Чалсма (Chalsma, Tjalsma), американский славист, ученик Ю.П. Иваска, автор статьи «Anna Achmatowa: Gewissen und Werktreue der Poesie» (Osteuropa. 1968. 18. H. 1. S. 1–10). Ср. запись о нем 16 сентября 1964 года: «Вечером американец, ко-

торый пишет Историю акмеизма (Вашингтон). Впечатление неопределенное» (С. 489). Диссертация «Русский акмеизм, его история, доктрина и поэзия» была завершена в 1967 году. Юрий Павлович Иваск (1907–1986) — поэт, критик; см. его стихи о «Поэме без героя» и справку о нем: *Петербург в поэзии русской эмиграции*. С. 285, 660–662).

Запись 1965 года: «Спр<авиться? осить?>: Иваск, Willi» (С. 685). Ср. в разговоре мая 1965 года в доме Рожанских:

«С. Наровчатов. Это не из учеников Романа [Якобсона]?

А. А. Это хуже, это Иваска.

Е. Левитин. А какие могут быть ученики у Иваска? Как-то это подозрительно...

А. А. У меня совершенно мелькнула та же мысль. Во-первых. А во вторых, он ни одного вопроса не задал, которые друзья задают. Я же знаю уже, понимаете. Я столько вижу людей. Ко мне приходят. Так что я уже знаю, что спрашивают друзья. А он что-то не то спрашивал» (МАА; о Евгении Семеновиче Левитине (1930–1998) см. нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 5. С. 173–174).

209 Сарра Иосифовна Аренс (урожд. Савускан; 1900–1982); после визита Ирины Кирк написана записка в город Ирине Пуниной: «Достань у Максимова пакет для меня и дай его Толе. Я спешно перевожу Леопарди и начала ходить гулять. Аренсы очень милы. Всяких новостей у меня — куча» (*Из семейной переписки*. С. 156–157).

210 Ср.: *Найман А.* С. 56.

211 Ср.: «Петр<арковский> сонет Бродского» (С. 507); «То лестью новогоднего сонета, / Из каторжных полученного рук» (С. 600); сонет датирован 1–2 января 1965 года:

Выбрасывая на берег словарь,
злоречьем торжествуя над удушьем,
пусть море осаждает календарь
со всех сторон: минувшим и грядущим.
Швыряя в стекла пригоршней янтарь,
осенним днем, за стеклами ревушим,
и гребнем, ослепительно цветущим,
когда гремит за окнами январь,
захлестывая дни, — пускай гудит,
сжимает сердце и в глаза глядит.
Но, подступая к самому лицу,
оно уступит в блеске своенравном

седому, серебристому венцу,
внесенному над тернием и лавром

(*Крайнева Н.И., Сажин В.Н.* Из поэтической переписки А.А. Ахматовой // Проблемы источниковедческого изучения истории русской и советской литературы. Л., 1989. С. 201). Ср.: «Он мне прислал сонет на Новый год. Прекрасный сонет. Не шекспировский вольный, а строгий, как у Петрарки» (*Готхарт Н. С.* 298).

212 К сожалению, и мы затрудняемся определить такое стихотворение у Ахматовой. В этот последний год с разных сторон потекли в ахматовский корпус сочинений прибудные строчки. И.Н. Керсновская писала из Караганды 17 июля 1965 года: «Поют песенку на слова Ахматовой: Ты смотри, никому не рассказывай, что душа твоя мною больна, что тебя я в косыночке газовой поджидаюсь порой у окна. <...> Как правильно? Может быть, пришлете?» (№ 1129; автор слов — вероятно, поэт и прозаик Михаил Козырев; романс издан в 1924 году композитором Б.А. Прозоровским без имени автора текста: Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. Киев, 1997. С. 146, 329). 9 июня 1965 года врач и библиофил из Коломны Ю.М. Вальтер сообщал, что в приобретенном им экземпляре «Четок» вписаны стихи: «Твои уста другие не заменят и свет очей твоих не позабыть. Друзья и слезы, может быть, изменят, но я тебе могу ли изменить?» (№ 1313). 18 августа Ахматова ответила: «Стихи, которые Вы прислали — не мои» (*Марков А.* Магия старой книги. Заметки библиофила. М., 2004. С. 312). Увенчался этот поток тем, что в первый том собрания сочинений Ахматовой под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова были включены два стихотворения А.А. Прокофьева: «Закат» («Да, такого неба не бывало...»); опубликовано впервые: *ЛГ.* 1946. 6 апреля) и «Одна звезда живет в моем саду» (опубликовано впервые: *Зв.* 1946. № 1), вошедшие в рукописный сборник Ахматовой, попавший в Париж, и обнародованные как ахматовские: *РМ.* 1948. 24 ноября; *НРС.* 1949. 14 июня.

213 По-видимому, «Какая есть. Желаю вам другую...».

214 Ср.: *Найман А. С.* 217.

215 Оригинал по-английски. Хранится в Центре русской культуры в Амхерсте. Приносим живейшую благодарность руководителю Центра Стэнли Рабиновичу за возможность ознакомиться с этим пространным документом, ждущим отдельной публика-

- ции. Заметим, что в записной книжке «Лермонтов» страница с записью Ирины Кирк не обнаружена.
- 216 Коллекция П.Н. Лукницкого (ИРЛИ). В книге историка и литературоведа Петра Михайловича Бицилли (1879–1953) «Этюды о русской поэзии» (Прага, 1926) Ахматова упоминается как один из современных корифеев (наряду с Блоком, Кузминым, Гумилевым) (С. 53), как возродительница (вместе с Блоком) силлабического стиха («разумея под этим стих, не требующий правильной расстановки ударений») (С. 16), и рассматривается стих из амфибрахического стихотворения «То змейкой, свернувшись клубком...» — *От радости и от покоя*, — каковое сочетание могло бы войти в четырехстопный ямб (С. 45). Ср.: *Бицилли П.М. Избранные труды по филологии*. М., 1996. С. 359, 375, 382. Ср. его замечания о влиянии Ахматовой на эмигрантских поэтов и о ее (и И. Анненского) исключительности в эпоху всеобщей приблизительности поэтической речи: *Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии*. М., 2000. С. 461, 456.
- 217 Статья Майты Арнаутовой «Akmeismus a “Nová věcnost”» [«Акмеизм и “новая предметность”»] (Československá rusistika. 1964. № 1. S. 17–22). Ср. русское резюме статьи: «Ахматова нашла верный путь, ведущий от символизма к современной поэзии, и основной вехой на этой дороге для нее стал метод подлинного поэтического реализма. Гумилев, напротив, перенял от символистов все наиболее декадентские черты, и его поэзия таким образом осталась целиком в рамках русского декаданса как завершения эпохи XIX века». В статье утверждалось, что на творчестве Ахматовой основана одна из линий молодой советской поэзии, прежде всего поэзия Б. Ахмадулиной и Ю. Мориц, но также и Е. Евтушенко.
- 218 «Проявляли колебания, часто ошибались в выборе путей, но не изменили народу и Родине связанные в прошлом с декадентскими кругами А. Белый, А. Ахматова, Ф. Сологуб, М. Волошин» (*Кулинич А.В. Очерки по истории русской советской поэзии 20-х годов*. Киев, 1958. С. 9). См. отзыв Л.К. Шевцовой об этой книге: «Популярность изложения нередко граничит с поверхностным освещением темы» (*ВЛ*. 1959. № 7. С. 198). О взаимоотношениях Ахматовой с Федором Кузьмичом Сологубом (Тетерниковым; 1863–1927) — поэтом, «знаменитым при жизни, но совершенно забытым после смерти» (С. 244) см.: *Ежегодник 1974*. С. 56–57; *Соболев А. Т. 2*. С. 63–69. См. также надпись

на сборнике «Костер дорожный»: «Милой Анне Андреевне Ахматовой, три А которой означают тиару трехвенечную Любви, Мудрости и Славы с приветом Федор Сологуб» (частное собрание). Ср. также его слова, записанные В.В. Смиренским в октябре 1925 года: «От [Волошина] ничего не останется. Его поэзия — особый род деятельности: труба, барабан, малярные кисти. А в конкретной поэзии Ахматова — есть работа над словесными формами языка» (Неизданный Федор Сологуб. М., 1997. С. 407). Эпиграф, который Ахматова собиралась поставить к некоторым из своих прозаических этюдов, — «Из подслушанных бесед. Первый: Как клевета похожа на правду...» (С. 219) цитирует афоризм из «Мелкого беса»: «Что же, ведь ложь и часто бывает правдоподобнее правды. Почти всегда. Правда же, конечно, не правдоподобна».

219 *Anderson Ch.* Emily Dickinson: Stairway of Surprise. New York, 1960.

220 Ср.: *ВЛ.* 1990. № 7. С. 212. Эти имена сближались в 1950-е — 1960-е несколько раз — см., например: «Анна Ахматова в своих лучших образцах — поэт сконцентрированной страсти, сравнимая с Эмили Дикинсон, но обычно более элегичная по тону. Она мало печаталась в последние тридцать лет, и то в основном во время войны» (*Soviet Poetry // Times Literary Supplement.* 1958. May 30); ср. также о стихотворении «Бесшумно ходили по дому»: «истинно достойное самой Эмили Дикинсон» (*Бусин М. [Паис Э.] Анна Ахматова, человек и поэт // Возрождение.* 1966. № 172. С. 42; *Pro et contra.* 2. С. 44 — здесь без раскрытия авторства). В последние годы сопоставление стало предметом академических штудий, например: *Yin, Joanna.* Wild Nights and White Nights: Dickinson's Vision of the Poet in Anna Akhmatova // *The Emily Dickinson Journal.* 1996. Vol. V. № 2. P. 52–56. Ср. также: «Великих поэтесс на свете мало: женщины больше вдохновляли творцов, чем сами творили. Только несколько вершин возвышается в мировой поэзии: в Греции — Сафо, в Германии Аннета Дросте-Хюльсхоф, в Англии Елизавета Броунинг, в России — Анна Ахматова и Марина Цветаева. В Америке долго не было великой поэтессы. Теперь, с опозданием на сто лет, ее открыли, причем она оказалась совсем современной. Даже трудно поверить, что эти стихи написаны во времена гладкого эпигонства и дидактизма Лонгфелло, Холмса и Уичера — так называемых американских “классиков”. В этом отличие Дикинсон от перечисленных выше поэтесс. При всей глубине и

своеобразии, каждая из них творила в более или менее традиционных рамках, а Дикинсон была крупным, хотя и бессознательным новатором. Америка может гордиться. У нее тоже есть своя великая поэтесса» (*Марков В. Эмили Дикинсон // Литературный сборник. 1. Регенсбург, 1948. С. 75.*)

- 221 Юзеф Чапский о парижской встрече с Анной Ахматовой (Заметки из дневника писателя) // *РМ.* 1989. 17 марта.
- 222 См. письмо Е.Г. Эткинда от 19 мая 1965 года о предстоявшей через неделю передаче Ленинградского телевидения, посвященной М.Л. Лозинскому, с просьбой принять в ней участие (№ 1065). О Ефиме Григорьевиче Эткинде (1918–1999) см. нашу справку: *Эткиндовские чтения. С. 274–275.* В интервью 1989 года он говорил: «У меня почти нет личных воспоминаний об Ахматовой. Однажды был трудный разговор. Я готовил один из первых выпусков Верлена и Бодлера в серии “Сокровища лирической поэзии”. И очень просил Анну Андреевну помочь. Нет. Стихотворения Верлена существовали уже для нее в единственно возможной форме. Вообще, предпочитала переводить с языков, которые она знала не так хорошо, как французский.

Есть и еще одно воспоминание. Как-то перед уходом из ее будки в Комарове я сказал: “Анна Андреевна, у меня есть очень большая просьба...” Она поглядела на меня царственно и обронила: “Вы хотите, чтобы я подписала вам книгу?” И мне стало страшно обидно, ведь именно этого я и не хотел» (*Мазо Б. «Кто знает, что такое слава!» // Вечерний Ленинград. 1989. 21 июня.*)

- 223 Ср. нарекания 1910-х — 1920-х: «“Горный ключ” дистиллированной воды» (*Выгодский Д. Поэзия и поэтика // Летопись. 1917. № 1. С. 252*); «безнадежен» (*Чудаков Г. [Тиняков А.И.]. Бесплодная смоковница // Красный балтиец. 1921. № 7. С. 62*); «тяжеловесен и скучен» (*Свентицкий А. Стихomanия наших дней // Вестник литературы. 1921. № 6–7 (30–31). С. 8*) и т.п., которые дожили и до 1960-х, когда его лишь изредка поминали как «одного посредственного, близорукого и приветливого поэта» (*Познер В. Воспоминания о Горьком // Москва. 1958. № 3. С. 191*; о В.С. Познере (1905–1992) см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции. С. 717–719*); об Ахматовой и Познере см. нашу справку: *Лесная школа. С. 151–156*); ср. замечание о «жеманной манерности» М. Лозинского, Вс. Рождественского, Г. Иванова: *Poesia russa del Novecento, a cura di A.M. Ripellino. Roma, 1954. S. 37*; ср. впрочем в письме Д.С. Усова Е.Я. Архипову (октябрь 1925 года): «<...> М. Лозинский сейчас — мое

внезапное пристрастие. <...> Как все-таки мы были неправы, видя в нем только “засушенного акмеиста”! Это человек огромной и тончайшей культуры, драгоценный часовой механизм. <...> Все *вместе* очень высоко и чисто <...> Никогда не нужно быть неблагодарным (если это только *возможно*)» (Усов Д.С. «Мы сведены почти на нет...». Т. 2: Письма / Сост. Т.Ф. Нешумовой. М., 2011. С. 348–349). Ахматова говорила: «...жаль, что Лозинский ушел в переводы, хотя тому и были причины» (*Последние годы*. С. 79).

С Михаилом Лозинским связаны лирические переживания, стоящие за рядом стихотворений Ахматовой поздней осени 1913 года. Ср. в ее письме к М. Лозинскому сентября 1917 года:

«...и странно мне, что четыре года тому назад <...> черная и тихая трагическая осень, о которой я написала так много стихов» (Архив М.А. Лозинского).

224 Ср., например: «Его поэзия далеко не так прозрачна, как кристальные горные ручьи. В ней много темной словесности:

Возвал ли Бог миров кочующих узоры
Иль призрак Имени сплетеньем их творим, —
То свиток, манием развернутый моим,
Мой возглас разбудил дремавшие просторы.

Ведь это чуть ли не Вячеслав Иванов, отец тьмы словесной. Ведь здесь толмач нужен! Ведь тут разыскивать надо подлежащее и сказуемое, сами они не дадутся! Тщетно Цех учил “прекрасной ясности”: Лозинский не вял. Но, может быть, какие-нибудь особенные глубины разверзаются, когда достигнешь dna мыслей Лозинского? Ничего подобного. Его жизнеощущение не вполне шаблонно, но и только. От ныряний в его стихи остается только усталость, и никакого наслаждения. Как все сотрудники Цеха, Лозинский вполне владеет стихосложением. Его можно назвать далеко не заурядным мастером. Его инструментовка богата, рифмы находчивы, ритмы интересны. В его руках сложный оркестр. Но симфонии-то и нет. В этом и горе. Техническое совершенство пришло раньше душевного. Душа Лозинского еще в прошлом. В ней еще не перебрали яды символизма, эгоцентризма, сатанизма, — всего, чем наградило нас предыдущее поколение. Ее еще не очистили, не пронизали мелодии настоящего. С большим любопытством можно ожидать новых работ Лозинского. Ибо ничто так не наставляет заблудившихся душ на путь истинный, как современные события» (*Городецкий С. Поэзия как искусство // Лукоморье*. 1916.

№ 18. С. 20). Здесь Городецкий возражает Гумилеву, который в рецензии на «Горный ключ» писал: «Однако, расшифровав криптограммы Лозинского, видишь, что не потерял времени даром. То, о чем он говорит, значительно и прекрасно; и подвиг, который он только пытался совершить — подвиг высокий. Он хотел вспомнить “невспоминаемое слово”, и порою мы действительно верим, что оно уже мучило его губы» (*Гумилев Н. Письма о русской поэзии. С. 199*).

225 Ср.: «Зато замечательно читал студент-историк. Закрыв глаза. Скорее как поэт, чем как актер. Самое лучшее на этом вечере — молодежная аудитория. Жадно слушающая, понимающая, что к чему, наделенная отзывчивым слухом. Сердце радуется, когда видишь таких ребят» (*Левицкий Л. Дневник // Зн. 2001. № 7. С. 141*). Вадим Михайлович Борисов (1945–1997) — историк, публицист. Рассказ о нем как распространителе поэзии серебряного века в ту пору: *Алейников В. Самиздат моей эпохи // ЛР. 2003. 22 августа*. Здесь, в частности, говорится: «Не только я могу сказать, что это был один из лучших людей России, но и многие его современники и товарищи. Он был самостоятелен во всем и оригинален во всем». Позднюю редакцию «Поэмы без героя» и «Воронежские тетради» пишущий эти строки получил в 1963 году от Димы Борисова.

226 Грани. 1970. № 77. С. 82, 86; ср.: [*Б. н.*]. Памяти поэта // Московский университет. 1965. 21 мая. Переиздания Мандельштама (вкуже с «Бурной жизнью Лазика Ройтшванца» И. Эренбурга) требовали студенты МГУ еще за четыре года до того, спустя неделю после триумфа Гагарина (*Бург Д. «Холодная война» на внутрилитературном фронте // Социалистический вестник. 1962. № 5–6. С. 71*). Еще ранее Ахматова получила такое письмо: «1 мая 1960 г. Москва.

Уважаемая Анна Андреевна!

Прошу извинить меня за это письмо. К Вам обращается москвич-десятиклассник, любитель поэзии. Недавно ко мне в руки попали поздние, неопубликованные стихи Осипа Мандельштама. Я прочитал их — и, честное слово, они потрясли меня. Потрясли не столько мастерством, сколько удивительной искренностью, какой-то трагической человечностью своей. Не знаю, сколько раз я перечитывал эти стихи. Многое я уже запомнил наизусть.

И вот я обращаюсь к Вам, Анна Андреевна, к человеку, близко знавшему Мандельштама. Мне говорили, что все его руко-

писи хранятся у Вас. Я хотел бы узнать: делались ли когда-нибудь и делаются ли сейчас попытки издать эти рукописи, хотя бы часть их? Ведь Мандельштам полностью реабилитирован, и в его стихах нет ничего “враждебного”, никакой “контрреволюции”. Нельзя же допустить, чтобы такие стихи были “потайной литературой”, доступной единицам. Мне говорили, что где-то за рубежом выходил сборник стихов Мандельштама тридцатых годов. Не знаю, так ли это. Если даже так, — все равно это издание для единиц.

Стихи Мандельштама необходимо издать у нас, в Советском Союзе. Я уверен, что их прочтут сотни и тысячи людей, — прочтут и поймут.

И еще, Анна Андреевна — большое спасибо Вам за Вашу “Поэму без героя”. Мы прочитали ее недавно — я и мои друзья, — и мы уверены, что это Ваша лучшая вещь.

Желаю Вам всего наилучшего, Анна Андреевна. Еще раз прошу извинить меня. Буду очень рад, если получу от Вас ответ.

С высоким уважением

Юр. Гельперин.

Мой адрес: Москва, И-92, Больш<ой> Головин переулок, дом 14, кв. 12. Юра Гельперин» (№ 1259).

О переводчице и литературоведе Юрии Моисеевиче Гельперине (1942–1984) см. биографический эскиз М.О. Чудаковой, Е.А. Тоддеса, Р.Д. Тименчика: Тыняновский сборник: Вторые тыняновские чтения. Рига, 1986. С. 168–170. 14 июня 1963-го Ахматова пригласила к себе на Ордынку автора этого письма и, в числе прочего, сказала: «Разве вы не знаете, что вся моя почта перлюстрируется?»

В Лондоне Ахматова не выказала оптимизма по поводу скорого выхода книги: «Да, у нас Орлов готовил том Мандельштама, а потом все дело заморозил — вероятно, по указанию. Но мы в России обходимся теперь без изобретения Гутенберга, без печатания. Все переписывается от руки» (*Франк В. Избранные статьи*. С. 35–36).

227 10 мая 1965 г. С. Лилова и М. Тихомиров писали ей.: «Мы поздравляем вас с новым изданием в “Художественной литературе”. На днях утверждается в Комитете их план, и там есть Анна Ахматова. К Вам у начальства очень доброе отношение. Все будет хорошо. Вы у нас у всех в самом большом почете. Наконец-то настала славная пора. Вы так мужественно за нее бо-ролись» (№ 1021). Светлана Лилова-Тихомирова — болгарская

- поэтесса. Запись о визите 20 марта 1965 года: «Тихом<иров> с женой» (С. 589). Подписанный именем Ахматовой перевод ее стихотворения «У кино» появился в газетной подборке стихотворений, сопровождающей справкой: «Первую книгу стихов “Голуби над звездами” поэтесса выпустила в 1964 году. В настоящее время Светлана Лилова-Тихомирова учится в Москве, в Литературном институте имени А.М. Горького» (ЛР. 1965. 13 августа). Возможно, она же — «Еще одна болгарка» в списке «[Переводимые] Дамы» (С. 718). См.: *Лилова-Тихомирова, Светлана*. Тяжнота Ахматова. София, 2007. Михаил Иванович Тихомиров — журналист, дипломат; в день визита им подарен роман «Генерал Лукач» (М., 1963): «с самым добрым чувством от земляка с Выборгской стороны» (ММА). В конце мая в Москве С.С. Наровчатов рассказывал, что на заседании редсовета издательства «Художественная литература» В. Косолапов говорил о планируемом ахматовском четырехтомнике (!). «Сомной никто не говорил», — ответила на это Ахматова (Магнитофонная запись И.Д. Рожанского — ММА).
- 228 Запись Ю.Г. Оксмана от 20 мая 1965 года. Р.Н. Гринберг писал в предисловии к выпуску: «В № 1 “Нового мира” за 1963 г. мы читали это стихотворение Анны Ахматовой: “Последняя роза”. Роза всегда служила в поэзии символом. Содержание символа менялось на протяжении веков. Но этим средством поэты пользовались искони. Думается, что Ахматова пользуется этой метафорой, чтобы назвать избранника. В дантовском “Раю” мы уже встречались со схожим художественным образом (Р. XII. 19). Но кто он? Кто избранник Ахматовой? Вскоре это имя стало известно всему миру: Иосиф Бродский. <...> В 1963 году редакция запросила некоторых здешних литературных советоведов, не знакомы ли они с именем Бродского, на что не было отклика. Осенью 1963 г. редакция получила небольшое собрание стихотворений поэта. Мы воздерживались от напечатания до событий прошлой весны». Стихи Бродского передали Л.Д. Большинцова и ее близкие.
- 229 Преподаватель русского языка Джеральд Брук ввез в Москву печатные материалы по просьбе члена Народно-Трудового союза, был осужден на пять лет, освобожден через четыре по обмену на советских шпионов. «*Наш Бродский*» — Бродский И. Стихотворения и поэмы. Washington — New-York, Inter-Language Literary Associates, 1965. В предыдущем письме Струве сообщал Филиппову выписку из письма Билла Чалсма

к Р. Гринбергу: «В одном из моих разговоров с Ахматовой об акмеизме я упомянул о возможности появления стихов Б-го в “Возд. путях”. Она была явно расстроена и сказала: “Он никогда бы не сделал этого”. Т.е. Б-ий никогда бы не послал своих стихов за границу для публикации».

- 230 Отношения Ахматовой с поэтом и ленинградским писательским начальником Александром Андреевичем Прокофьевым (1900–1971) требовали бы слишком пространныго экскурса, отметим только характерную случайно услышанную фразу его в телефон: «Анна Андреевна, не надо чего подсобить?» (*Друскин Л.* Спасенная книга. СПб. 1993. С. 144); в писательском фольклоре Ленинграда бытовала такая история: «Вскоре после знаменитого постановления о журналах “Звезда” и “Ленинград” Ахматова позвонила Александру Прокофьеву:

— Александр Андреевич, ко мне пришел какой-то рабочий с орденом на мою квартиру.

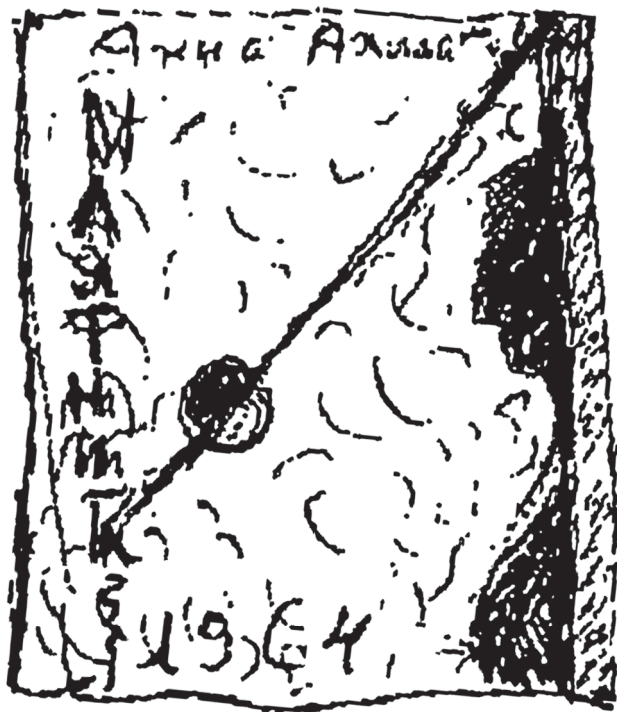
— Анна Андреевна, — сказал Прокофьев, — запритесь и никому не открывайте, пока я не позвоню вам!

Два или три дня Прокофьев бегал по Смольному. Ордер аннулировали» (Анна Ахматова и Союз писателей / Публ. В. Бахтина // *Зв.* 1996. № 8. С. 237). Ср. о нем: «доброкачественный и ясный, не пользовался тьмой, а переносил её мучительно, как мы» (*Шварц Е.* С. 353).

- 231 *Франк В.* Избранные статьи. С. 3. Питер Норман запомнил другие детали этого рассказа: «И он сказал, что ходят слухи, будто публикация — результат того, что в Италии Ахматова встречалась с редакторами журнала. На что та возразила с яростью: “И откуда же, интересно, идут эти слухи?” Ее посетитель сказал — между прочим и как бы не всерьез: “Вы ведь не собираетесь оставаться в Англии, правда?” Ахматова сочла эти слова своего рода предупреждением...» (*Норман П.* С. 57). Возможно, в оперативной информации отразился факт встречи Ахматовой в Италии с Александром Больто, близким к редакции «Граней» (см.: *Boltho, Alessandro.* Olga Bergholz // *Sovietica.* 1966. N. 7. P. 143).

- 232 ЛЧз. С. 281–282. В эмигрантском журнале сообщалось: «При сравнении экземпляров, — изданного в Мюнхене и полученного нами, — обнаружился ряд разночтений, неизбежных при многократном переписывании рукописей любителями поэзии. Не исправляя своего и не оспаривая правильности мюнхенского, мы помещаем “Реквием” точно в том виде, в каком прибыл

он в “Грани” из своего далекого путешествия» (Тарасова Н. Живая совесть // Грани. 1964. № 56. С. 10). Наталья Борисовна Тарасова (урожд. Жук; в первом браке — Парфенова; 1921–2006) — редактор журнала «Грани» в 1962–1982 годах. Ср. о ней в письме Осипа Цадкина: «Она родилась и выросла в Киеве. Была убежденная комсомолка. Война выбросила ее за границу. Знакомство с иным миром, раскрывшее ложь коммунистической пропаганды, заставило ее пересмотреть наново все свои молодые убеждения и кирпич за кирпичом строить фундамент своего мировоззрения» (Грани. 2009. № 232. С. 129).

Глава
седьмая

1965-1966

- 1 *Анреп Б.* О черном кольце // *Десятые годы.* С. 207.
- 2 Когда-то о поэзии поэта-баталиста и поэта-пацифиста Зигфрида Лоррейна Сассуна (1886–1967) рассказывала русскому читателю ахматовская знакомая 1950-х (см.: *Шнет Л.* Современная английская поэзия // *Искусство.* 1927. № 1. С. 77–78). См. переводы М. Зенкевича // *Антология новой английской поэзии.* Л., 1937. С. 340–342. О церемонии см. также: *Спектор И.* Ахматова в Оксфорде // *Нева.* 1987. № 4. С. 205–206.
- 3 Ср.: «Приветствия, оказанные Ахматовой, были несравненно более сильными, чем те, которых удостоились три другие лауреата» (*Б. Т.* Чествование Анны Ахматовой в Оксфордском университете // *РМ.* 1965. 19 июня). Четвертый лауреат — Джанфранко Контини (1912–1990), о котором Ахматова записала в октябре того же года: «Вчера — вечер Данте. Приезжие итальянцы. Встреча с Контини, он мой товарищ по оксфордской мантии. Говорят, первый дантолог мира» (С. 680).
- 4 *Чугуев В.* Ахматова в Лондоне // *РМ.* 2005.3–9 марта. Владимир Тихонович Чугуев (Чугунов) (1936–2005) — сотрудник Би-Би-Си, автор сборника стихов «Арион»(1964), поднесенного им Ахматовой.
- 5 Перевод был не только одобрен эмигрантской печатью — «Местами он даже как бы руссифицирует французский язык, например:

Муж в могиле, сын в тюрьме...
Fils en prison, mari dans la tombe...

или:

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой...
Dix-sept mois je crie
Et je t'appelle 'à la maison»

(*Терапиано Ю.* «Реквием» по-французски // *РМ.* 1966. 11 июня), но и вызвал отклик Франсуа Мориака: «Столько народов было распято с тех пор, что Ницше провозгласил о смерти Бога, что, каким-то образом, все эти кресты как-то нейтрализовали друг друга. Благодаря невыразимым страданиям испанского народа, мукам Польши и Израиля и всех других народов, вы-

росли новые кресты, заставившие нас забыть о предыдущих. Вся история современной Европы не что иное, как огромный лес крестов. Но Голгофа России длится более 40 лет. И она еще продолжается. Это распятие происходит почти без единого крика: в этой стране не поздоровится тому, кто посмеет крикнуть. Мы знаем, как расплатились Синявский и Даниэль в этом году. Почти единственный возглас среди этого молчания — это “Реквием” Анны Ахматовой. Необходимо, чтобы эта жалоба была услышана! Ибо каким-то чудом перевод Поля Вале дает почувствовать “непереводимую” боль. <...> Быть может, меня упрекнут за то, что я пишу эти строки накануне поездки в Москву президента Республики. Но большая любовь к народу Ахматовой вдохновила меня на это. С отроческих дней, благодаря Толстому, Достоевскому, а немного позже — Бердяеву, Чехову, Пастернаку, народ этот мне стал почти более близким, чем мой народ. Я хочу сказать, что в моем собственном сокровенном существе были черты, которые я находил в них, в этих авторах, но которых не было в наших сухих писателях» (*Moriac, François. Le bloc-notes // Figaro Littéraire. 1966. 19 mai*). Ольга Можайская писала Борису Филиппову по поводу этой статьи: «Стыдно, что иностранец утирает нос нашим дуракам... Правда, хорошо и тепло написал человек?». Поль Вале (Valet; псевдоним Жоржа Шварца; 1905–1987) французский поэт, родился в Москве, в семье состоятельного зубного врача, мать — полька, в детстве был пианистом-вундеркиндом, после революции семья переехала в Лодзь, с 1924 года жил во Франции.

6 ЛЧЗ. С. 293. Ср.:

Завтракала у меня.

Она в тот же день мне позвонила.

Я даже помню, что это был вторник.

Она приехала и первым делом позвонила мне.

И мы тут же сговорились, и я сказала:

Приезжайте, будем завтракать вместе.

Я ей сказала: приезжайте, как можно скорее,

И будем завтракать вместе.

Она сказала: с удовольствием. И я послала

Свою приятельницу, которая живет со мной, за ней.

Потому что она первый раз в Лондоне, ничего не знает.

Это был ее первый раз в Лондоне и последний.

И моя приятельница поехала за ней

И привезла ее.

А я в это время готовила завтрак, чтобы было, что есть.
 Она приехала, мы пили водку, она очень любила водку.
 Я не удивилась, когда ее увидела,
 Хотя мы не виделись сорок лет.
 Все это, когда произнесешь и сообразишь,
 Кажется страшным, а на самом деле
 Нам было очень просто.
 <...> Она у меня была один день. А потом уехала в Кембридж.
 Она была и умная. И остроумная.
 Мы много смеялись.

(Дубнов З. Небом и землей. Лондон, 1984. С. 89; Кембридж — оговорка вместо Оксфорда).

- 7 Ср. например: «Этот “специалист” по русской и советской литературе стряпает грязные заметки о культурной жизни в советской стране. Он сознался, что не читает наших газет и журналов. Те две-три реплики, что бросил он в наш адрес, передавали всю сущность его гнилой, предательской душонки. Представьте себе господина Струве в роли наставника калифорнийских студентов» (Аджубей А. От океана к океану // Юность. 1956. № 2. С. 99). Ср. также о «сыне старого перебежчика»: Полторацкий В. Две Америки. Из путевых записок // Наш современник. 1956. № 1. С. 262; о «сыне небезызвестного предателя» писал и Н. Грибачев: «Я ненавижу и вас, и вашу литературу! — выпалил он, побагровев от злости.

Борис Полевой улыбнулся самой очаровательной улыбкой, на какую оказался способным:

— Вы понимаете в нашей жизни и в нашей литературе столько же, сколько евнух в вопросах любви!

Глеб Струве поперхнулся капустным салатом и промолчал. Мы представили, с каким наслаждением он, подобно каннибалу, насадил бы Полевого на вертел и стал бы поджаривать на медленном огне, — это такие, как он, в свое время вырезали языки у красноармейцев, снимали полосами кожу со спины и посыпали раны солью. Яблочко закатилось далеко, но лучше не стало!» См.: Советские журналисты о Г.П. Струве // РМ. 1956. 19 января. Глеб Петрович Струве (1898–1985) — поэт, литературовед, в эмиграции с 1918 года, профессор Калифорнийского университета в Беркли (1947–1967); см. справку: Петербург в поэзии русской эмиграции. С. 742–744. Некоторые историко-биографические указания Ахматовой в 1962 году передавала для него через Ю.Г. Оксмана и стажировавшегося в СССР аме-

риканского историка Мартина Маля (1924–2004), который писал о ней Глебу Струве 10 декабря 1962 года: «...из какого-то только полурационального принципа отказывается излагать что-либо в письменной форме для иностранцев или эмигрантов, особенно для таких как И. Берлин и Вы, которые являются официальными “врагами”. В конце концов, это можно понять». Мартин Маля рассказывал нам, что впервые у Ахматовой он был в апреле 1962-го на квартире М.С. Петровых, куда потом еще приходил два раза, в июне был в Комарове (запомнил там разговор о Льве Толстом — «ничего не понимал в женщинах») осенью бывал на квартире Ники Глен, один раз — с Давидом Самойловым. Он вез для Ахматовой мичиганский четырехтомник Пастернака, но Ахматова не захотела взять. Он давал ей на прочтение «Прозу» Цветаевой и «Лебединый стан».

- 8 В адресной книжке (С. 97–98) набросан, видимо, список возможных парижских встреч, где находим в числе прочих имена В.В. Вейдле (встреча не состоялась — его не было в Париже), французского поэта и издателя Пьера Сегера (Seghers; 1906–1987) — в серии, им основанной в 1944 году («Поэты нашего времени»), вышла и ахматовская книга: «Пьер Сегер выносит на обложку книги переводов моих стихов (1959) заманчивое сведение о том, что я была разведена два раза (и это на обложке!)» (АО. 1989. № 5. С. 6), французской славистки Нины Гурфинкель (Gourfinkel; 1898–1984) — сестры ленинградского литературоведа М.Л. Тронской (она посещала Ахматову в Комарове), Е.М. Клебановой, С.А. Риттенберга, Н. Сахар-Лидарцевой, Артура Лурье, брата Виктора («V»?). «Липшиц» в этом списке — вероятно, парижский врач Ида Липшиц (Lipshchutz). В Париже Ахматова консультировалась с офтальмологом Лидией Абрамовной Бронштейн (1898–1976) — ср. запись 1 сентября 1965 года: «Перед вечером приехала парижская знакомая врач Лидия Абрамовна. Говорит, что меня ждут в Париже на какой-то съезд. Все может быть» (С. 659). В Лондоне ее осматривал доктор Хенрик Крышек (Kryszek). О поэте и критике Владимире Васильевиче Вейдле (1895–1973) надо сказать особо. Ахматова писала Н. Пунину 23 июля 1924 года: «приходил прощаться Вейдле, отправился в Париж» (Пунин Н. С. 217). О своих встречах 1923–1924 годов с Ахматовой он рассказал в некрологе ей (Pro et contra. 2. С. 336–339). В советской печати сообщалось о его «злой пропаганде» на радио «Свобода»: Любимов А. На чужбине // НМ. 1957. № 4. С. 185. Он был

привержен к Ахматовой как к представителю «петербургской поэтики»: «Прозаизмы Зинаиды Гиппиус и Анны Ахматовой, паузники Блока, отчетливая сухость Владислава Ходасевича и кое-что в поэзии некоторых петербургских поэтов кажутся мне новаторством ничуть не менее, а иногда и более значительным, чем все особенности поэзии Пастернака и Цветаевой...» (Дни. 1928. 12 февраля). В заключении своего очерка «Похороны Блока» он писал: «Во всей нашей истории не было таких похорон. Пушкина тоже не уберегли. Пушкина любили. Но прощаясь с Пушкиным, прощались все же только с ним. Тут было другое прощание; оно продолжается по сей день. И если бы, после стольких лет, Бог весть какими судьбами, я повстречался снова с Анной Андреевной Ахматовой, или наши тени повстречались бы на Елисейских полях, я уверен, она согласилась бы со мной, что прощание это еще не кончилось» (НЖ. 1961. № 65. С. 275–276). В 1965 году читал в Париже доклад об Ахматовой — приведем по отчету Н. Лидарцевой-Сахар выдержки из ее неровного конспекта: «Свои стихи она никогда не записывает раньше, чем через две недели. Она терпеть не может писать, говорит она (то же самое говорила и Колетт). Ни стихов, ни писем! Работает долго, не импровизируя, но и не записывая. Вейдле читает стихи из сборника “Вечер”. Отмечает сильное тогда влияние Анненского (“Жужжит пчела на белой хризантеме”) и Кузмина (“саше”, “севрская статуя”). А вот “Последний луч, и желтый и тяжелый” — это ахматовское, восклицает лектор.<...> Стихи у Ахматовой очень женские, не то, что у З.Н. Гиппиус. И вместе с тем она — большой поэт, которого не надо зачислять в какую-то определенную категорию. <...> Может быть, Ахматова еще приедет в Париж. Сейчас она очень больна. Говорят, — третий инфаркт» (РМ. 1965. 23 декабря).

- 9 Коваленко Ю. Анна Ахматова во Франции // Неделя. 1989. 15 июня. Ахматова сообщила Элиане Бикер: «Мне сказали, что я могу видеть, кого хочу, за исключением тех, кто занимается русской литературой». Нам неизвестно, кто контролировал соблюдение этого запрета. Ср. запись беседы Т.А. Бек с бывшим советником по вопросам культуры в советском посольстве в Великобритании В.Н. Софинским (1924–2008) 19 апреля 2004 года: «Послом тогда был Солдатов, великий посол в Англии, всем послаам посол. Умница, прекрасно знал литературу. И была у него чудесная жена — Руфина Борисовна Солдатова <...>. Я помню обед в посольстве у Солдатова, специально организо-

ванный в честь Анны Ахматовой. Был Солдатов, Руфина, я, Ахматова и молодая, наверно, девушка, ее сопровождавшая. <...> Я ей говорю (в ходе разговора за обедом): “Я уже здесь в Лондоне два года. А когда я сюда приехал, у меня возникло много вопросов, которые были трудно разрешимы... Например, public schools — платные школы”. Она и спрашивает: “А как теперь — спустя два года?” Я ответил: “А теперь еще больше непонятных и неразрешимых вопросов”. Ей этот ответ очень понравился. Я почувствовал. <...> Когда мы обедали, мне было стыдно перед Ахматовой за свою страну... Она же была такая патриотка! Какая ошибка — постановление Жданова. И борьба с космополитами — тоже. Какой вред для нашей страны! Сталин был не коммунист, а антикоммунист. Хотя теперь вот и Яковлев нас учит (я прочел его книгу), что это идет уже от Ленина... Не знаю. А мне было стыдно перед Ахматовой за все... Но говорил я, конечно, гордые слова» (см. нашу справку: *Крымский Ахматовский*. 7. С. 67–68). Ср. об Александре Алексеевиче Солдатове (1915–1999): «У Солдатовых была на семейном обеде, милые, милые люди» (*ЛЧЗ*. С. 293). «Рассказывают Солдатовы, что Ахматова заявила им, что не любит Чехова, так как он был антисемит, из всех писателей выше всего ставит Достоевского» (*Чуковский К. Т.* 13. С. 420); ср. также о разговоре 1963 года: «Солдатов говорит:

— Особенно пострадали партийцы.

И, конечно, это не верно: особенно пострадали интеллиген-ты. Из писателей: Бенедикт Лившиц, Осип Мандельштам, Марина Цветаева, Гумилев, Мирский, Копелев, Солженицын, Добычин, Зощенко, Ахматова, Эйхлер, Заболоцкий, Бабель, Мих. Кольцов, Ал. Введенский, Хармс, Васильева, Бруно Ясенский, Пильняк, Ел. Тагер» (*Чуковский К. Т.* 13. С. 371).

- 10 Петр Бернгардович Струве (1870–1944) — экономист, философ, историк, публицист. В некрологе Гумилеву он писал: «Передо мною, как редактором большого журнала, конечно, прошли почти все более или менее крупные русские поэты новейшего времени. Но я был страшно занят, и личное общение с сотрудниками было для меня, к великой моей скорби, почти недоступной роскошью. Однажды, я помню, Л.Я. Гуревич собрала многих из молодых поэтов в редакции “Русской мысли”. В числе их были Гумилев и Ахматова, тогда его жена. Не только в личной жизни, но и в истории русской поэзии эти два имени останутся связанными» (*РМ*. 1921. № 1012. С. 90).

- 11 Он увидел ее впервые на вечере в Городской думе в 1915 году, рецензировал «Подорожник», «Anno Domini», неоднократно писал о ней и впоследствии. Старательно до грации было отрапортовано: «В новых изданиях книги Струве выросли до необыкновенных размеров разделы о Зощенко и Ахматовой, о которых ранее он упоминал вскользь. Это объясняется не столько их творчеством — по сравнению с 1945 г. эти писатели к 1950 г. не сделали ничего особенно заметного и тем более такого, что могло бы придать им особую ценность в глазах Струве. Струве просто использует их имена для прямых антисоветских выпадов» (*Самарин Р.М.* Искажение истории советской литературы в литературоведении США // Современная литература США. М., 1962. С. 212–213). Об авторе статьи Романе Михайловиче Самарине (1911–1974) ср. замечание Ахматовой: «Лит<ературная> сплетня не имеет пределов: one Samarine уверяет, что у него есть доказательства моей связи с Ник<олом> II?» (С. 144). Ср.: ЛЧз. С. 489; ср. также в заметке Ю.Г. Оксмана «Доносчики и предатели среди советских писателей и ученых»: «...автор самых невежественных официальных учебников по западно-европейской литературе <...> Именно Роман Самарин явился инициатором репрессирования в 1949–1952 гг. профессоров и преподавателей Московского Университета» (Социалистический вестник. 1963. № 3–4. С. 75); см. также нашу нашу справку о Р. Самарине: *Пермяковский сборник*. С. 595–596.
- 12 См. например: *Самарин В.* Ценнейший труд // *НПС*. 1964. 6 сентября. Ср.: «Струве—Филиппов готовят собрание стихотворений» (С. 583); «Издание в Америке, о кот<ором> я почти ничего не знаю» (С. 613). Борис Андреевич Филиппов (Филистинский; 1905–1991) — поэт, прозаик, критик, в 1936 году был арестован в Ленинграде, в 1941-м освобожден, жил в Новгороде, оказался на оккупированной территории (чекистскую версию его биографии см.: *Ивашенко А.* Подсадная утка: История преступлений Б. Филиппова-Филистинского, в прошлом гестаповца, ныне издателя-клеветника в Соединенных Штатах // *Комсомольская правда*. 1968. 9 июня), с 1950 года — в США. 24 августа 1962 года Б.А. Филиппов писал Г.П. Струве:

«Все это время работал над огромным докладом о проникновении здешних серьезных изданий в СССР, докладом, документированным выписками из советских источников и некоторых эмигрантских газет и писем. Мне удалось добиться некоторых результатов, пока не решающих, но уже в достаточ-

ной степени существенных: *мне заказан этот доклад теми людьми, которые субсидируют “Мосты” и некоторые другие издания.* Мне удалось лично поговорить с ними, чего добиться было не легко, и в результате я должен был засесть за доклад о 1) проникновении зарубежных изданий в СССР; 2) о том, *какие именно* авторы особенно интересуют советского интеллигентного читателя; 3) о том, каков культурный уровень этого читателя; 4) о том, через какие каналы книги, изданные в русском зарубежье, попадают в СССР; 5) о том, что издания советских опальных поэтов и прозаиков должны быть по возможности “академическими” — с серьезными вступительными статьями, комментариями, сводом вариантов и разночтений; 6) о том, как увеличить сеть книжных распространителей — и какие “распространительные пункты” уже существуют; 7) о том, *какие лица в Америке могут вести редакционную работу*; 8) о том, что целый ряд лиц из политической эмиграции все время подвергается нападкам в советской прессе и в советских книгах, и, следовательно, эмиграцию нельзя сбрасывать со счета в деле ведения психологической войны, и т.д. <...> В разговоре очень заинтересовал заказчиков, у которых имеются средства для издательской работы, собраниями сочинений Мандельштама, Ахматовой, М. Волошина, Гумилева, Клюева, Заболоцкого, Цветаевой, Пильняка и некоторыми антологиями. Все это Вам пишу, конечно, по секрету: все эти фондораспределители и потенциальные деньгодатели отнюдь не хотят никакой гласности. Деньги у них есть: нужно только пробить брешь, раскатать, убедить. Но времени и сил это требует больших». 19 июня 1963 года он добавлял: «...уже в период работы над Пастернаком мне удалось уверить некоторых американских деятелей, так или иначе связанных с психологической стратегией, что книга, и именно серьезная книга является сейчас одним из самых важных факторов психологического диалога с советскими гражданами. <...> Сейчас я государственный служащий, хотя и не штатный, и имею дело с людьми, значительно более интересующимися книгоиздательством и выпуском журнала как основными в настоящее время методами глубокой идеологической войны» (*Гуверовский архив*). Ср. письмо Г. Адамовича Ирине Одоевцевой от 8 августа 1965 года: «Варшавский говорит, что он влиятелен именно у американцев в Вашингтоне (что-то мелкое, но не все ли равно?)» (*Диаспора: Новые материалы*. V. Париж; СПб., 2003. С. 607).

Впервые Б. Филиппов писал об Ахматовой в газете, издававшейся оккупационными властями, с неудивительным (ср. его воспоминания: «Мне было в годы оккупации трудно... из-за моего носа с горбинкой. Мне немцы кричали: “Jude. Jude...”» // *Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье.* М., 1991. С. 72) присутствием нацистской топики и риторики:

«Как же все-таки вышла эта книжка? Почему издали ту поэтессу, которую презрительно называли “христианнейшей”, “вечно-бабьей”, антисоветской и идеалистической?»

В литературных кругах Питера по этому поводу рассказывалось следующее. Однажды хозяин земли русской, солнце мира и промыслитель вселенной — Иосиф Виссарионович Сталин — зашел к своей дочке, Светлане. Та “взасос” читала какую-то небольшую книжку стихов.

— Скажи, папочка, — обратилась она к отцу народа, — почему не издают сейчас Ахматову? У нее прекрасные стихи. А найти их нельзя даже в нашей кремлевской библиотеке... Вот послушай, например... — И дочь прочитала Сталину одно из сравнительно нейтральных стихотворений; скажем, “Вечер<ом>” (“Звенела музыка в саду...”).

Сталин немедленно подошел к телефону:

— Алло... говорит Сталин. Дайте Гослитиздат. Почему не издают Ахматову? Хорошие стихи...

— Это печальное недоразумение... В нашем издательстве только недавно был вредительский и шпионо-троцкистский процесс... Мы немедленно... Сейчас же... Незамедлительно... — засуетились руководители книжного дела.

В тот же день в Ленинграде, в маленькой убогой квартирке поэтессы, служившей где-то младшим библиотекарем и буквально нищенствовавшей, — сидел еврей из издательства “Советский писатель”.

— Ну разве можно работать в такой обстановке? Мы устроим вам ордер и переезд на хорошую, большую квартиру... Необходимо создать вам условия для продуктивной, творческой работы... Ведь таких, как вы, у нас почти вовсе нет... Но убедительная просьба: не позднее послезавтра сдайте нам томик своих старых и новых стихов. И пожалуйста, распишитесь в получении маленького задатка. Не трудитесь считать; здесь ровно 10000...

Привыкшая к нищенскому существованию, оплеухам издательств, арестам и обыскам родных и близких, — поэтесса

сидела в каком-то одурении... Однако и деньги, и ордер, и копия машинально подписанного ею контракта были в ее руках... Надо было спешно клеить из старых сборничков и накопившихся новых стихов новый томик. Конечно, она многое “подчистила”: не даром прошли ведь и арест сына, и расстрел мужа. И с небывалой в Советской России быстротой книжка уже была издана: сдана в набор 4-го апреля, а уже 3 мая подписана к печати... Тираж — 10000 экз.

Но, конечно, по советскому издательскому обычаю, в открытую продажу поступило из этих десяти тысяч не более 500–600 экземпляров... Не более тысячи книжек было разослано по библиотекам, а остальные 8 тысяч экземпляров быстро разошлись по рукам, были распределены между родичами и знакомыми издательских еврейчиков.

Поэтому в день выхода в свет Ахматовой, в мае 1940 года, — на улицах Москвы и Питера, перед книжными магазинами очередь стояла грандиозная: как за водкой или на спектакли Художественного Театра...

...И вот Сталин снова застаёт свою Светлану за Ахматовой. Он забыл уже, конечно, о своем разговоре с государственным издательством, и, вначале машинально перелистывая книжку, хмурился все более и более <...>. “Хозяин” к телефону:

— Алло... Гослитиздат... Или издательский Отдел ЦК партии... Кто распорядился издать Ахматову? Какой дурак издал эту контрреволюцию? Немедленно расследовать!!! — И остатки “прижатых” для нужд спекуляции экземпляров книжки были изъяты со складов издательства, книжка начала изыматься из библиотек, Ахматову опять перестали печатать...» (*Филистинский Б.* Как напечатали Анну Ахматову // *За Родину* (Рига). 1943. 2 сентября).

С этим сочинением Ахматова не была знакома, но читала филипповскую статью о «Поэме без героя» и подозревала чудеса, отсутствующие в ней: «Вероятно, Филиппов приводит показания Ч<апского?> (крестного) о том, что я читала ее в Ташкенте» (*С.* 182). В ответ на наш запрос по этому поводу Б.А. Филиппов писал нам 4 января 1990 года: «В моей ранней статье — в “Воздушных путях” — о “Поэме без героя” не мог *никак* отразиться изустный рассказ Юзефа Чапского, ибо статья-то опубликована в 1961 г., а личное знакомство с Чапским у меня произошло в 1966 г. Но я читал его воспоминания “Нечеловеческая земля” — с главой о встрече с Ахматовой в

Ташкенте, — и что-то могло показаться Ахматовой результатом его “изустного рассказа”. Но когда нами со Струве и моей женой был опубликован второй том Сочинений Ахматовой, то мне уже было ясно, что именно и почему было фактически посвящено Юзефу Георгиевичу Чапскому, но так как Чапский, кажется, жив и сейчас (давно уже не получал от него писем), и Ахматова была к моменту *подготовки* к печати второго тома жива, — то мною ничего не было об этом сказано ни в статье и комментариях к ташкентской балладе и “Поэме без героя”, ни вообще нигде в моих публикациях. Чапский был даже несколько обижен за это умолчание».

- 13 Письмо Г.П. Струве А. Бахраху // *Нерлер П.М.* Материалы об О.Э. Мандельштаме в американских архивах // *Россия в США: Сборник статей.* М., 2001. С. 122. Адресат письма, критик Александр Васильевич Бахрах (1902–1985) писал о себе: «Я, хотя бы “на заре туманной юности”, в течение самого короткого срока мог еще как-то вдохнуть воздуха старой России, тот воздух, который еще был пропитан появлением третьего тома Блока и ахматовских “Четок”» (*Бахрах А.* По памяти, по записям // *НЖ.* 1993. № 190–191. С. 358).
- 14 *Чугуев В.* Ахматова в Лондоне // *РМ.* 2005. 3–9 марта.
- 15 *В.А.А.* С. 646.
- 16 Частное собрание (Москва). Harold Shukman (1931–2012) — специалист по русской истории.
- 17 Заграничные впечатления Анны Ахматовой // *Русские новости (Париж).* 1965. 17 сентября.
- 18 Борис-Отокар Генрихович Унбегаун (Unbegaun; 1898–1973) — филолог-славист. Ср.: «Журнал появился именно в Париже, а не где-нибудь в России, по-видимому, только потому, что Гумилев учился в это время в Сорбонне; сотрудниками его были такие же случайные и временные парижане, и с тогдашним постоянным русским населением Парижа “Сириус” ничем связан не был. <...> Новых путей журнал открывать не собирался. Интерес “Сириуса” только в том, что в нем напечатана повесть Н. Гумилева “Гибели обреченные” (повесть о первом человеке, который сам себе дал имя Тремограста), так и оставшаяся неоконченной, да во втором номере, за подписью “Анна Г.” находится первое напечатанное произведение поэтессы Анны Ахматовой, тогда еще просто Анны Горенко, девятнадцатилетней поэтессы; оно не вошло ни в один из ее сборников. Вот это стихотворение целиком <...> И не только в недолговечности

сказался случайный характер “Сириуса”: он не оставил прямых потомков и не вызвал подражаний» (*Унбегаун Б.* Русская периодическая печать в Париже до 1918 года // *Временник Общества друзей русской книги.* III. Париж, 1932. С. 33). В отклике на эту статью В.В. Вейдле отнесся об «еще очень слабом стихотворении» (*Россия и славянство.* 1932. 9 июля); П.Н. Берков в письме от 20 ноября 1965 года сообщал Ахматовой об этой публикации Б. Унбегауна (№ 736).

- 19 Сергей Александрович Коновалов (1899–1982) — историк русской литературы, экономист, редактор журнала «Oxford Slavonic Papers»; имена его и Б. Унбегауна в цитируемом издании воспроизведены ошибочно (С. 557); догадкой о правильном чтении я обязан Ричарду Девису; ср.: *Найман А.* С. 269.
- 20 «Кн. Дмитрий Оболенский (в Оксфорде) якобы сказал: “Ахматова сказала: ‘Я хочу одного — чтобы обо мне забыли за границей’”. Скажу, как Пойнс: “I didn’t say it but I wish the girl no worse party” <...> Действительно, обо мне говорят за границей такое, что лучше бы они меня забыли» (С. 523) — имеется в виду диалог из второй части шекспировского «Генриха IV»: «*Prince Henry.* <...> must I marry your sister? *Poins.* God send the wench no worse fortune! But I never said so».
- 21 *ЛЧЗ.* С. 293. Дмитрий Дмитриевич Оболенский (Obolensky; 1918–2001) — славист, византолог, составитель антологии «The Penguin Book of Russian Verse» (Harmondsworth, 1962), содержащей переводы 12 стихотворений Ахматовой и отрывков из «Поэмы без героя». Ср. отклик советской печати: «У А. Ахматовой мы не встретим ни одного стихотворения периода Отечественной войны, и, стало быть, английский читатель не познакомится с ее знаменитым стихотворением, посвященным русскому языку в “час мужества”» (*Перцов В.* Когда замысел спорит с предрассудками // *ЛГ.* 1964. 14 июля). Автор некролога Ахматовой (*Times.* 1966. March 7). Его тогдашняя жена — Елизавета Николаевна, урожд. Лопухина.
- 22 Ср. надпись «Мме Akhmatova всего хорошего Iris Murdoch» (ММА) и записку от 6 июня 1965 года по-русски: «Мне очень нравится встречать с вами» (№ 1748). Ср. эпизод в воспоминаниях об Айрис Мердок (1919–1999): в 1994 году ей, тяжело больной, было послано в знак ободрения стихотворение «Я не знаю: ты жив или умер...», она отвечала: «Это действительно замечательное стихотворение и оно близко моему сердцу» (*Meyers J.* Iris Murdoch: a memoir // *The New Criterion.* 1999. № 3. Р. 30).

- В 1960-е Мердок не была в большой чести в СССР. Ср. краткий и веселый реферат соответствующих абзацев книжки В. Ивашевой «Английский роман последнего десятилетия»: «Печальный случай. На нее повлиял экзистенциализм и ранний Сартр (а не недавний Сартр, тогда все было бы в порядке). Она даже написала книжку о Сартре. Псевдо-реалистка. Сосредоточивает внимание исключительно на внутреннем мире своих героев...» (*Hingley, Ronald. From Amis to Waugh: British Novelists as seen in Moscow // Survey. 1963. № 48. P. 23*).
- 23 *Bayley, John. The greatness of Akhmatova: Requiem and Poem Without a Hero translated by D.M. Thomas // Bayley, John. Selected Essays. Cambridge University Press, 1985. P. 138.*
- 24 *Каминская А. Английская «ахматовка» // Зв. 2014. № 6. С. 117.* Виктор Луи (Victor Louis, настоящее имя — Виталий Евгеньевич Луи; 1928–1992) — московский корреспондент ряда британских газет, доверенное лицо руководства КГБ.
- 25 *Там же. С. 119.* Ср.: «Взяв однажды в руки выпуск Paris-Match, посвященный незадолго до того умершему Черчиллю, который остальные перед тем успели уже просмотреть, она указала на нескольких фотографиях детали, которых никто не заметил, такие, как Орден Подвязки на ноге Черчилля, или то, что на одном из снимков министр пьян» (*Мейлах М. С. 96*).
- 26 Борис Пастернак об искусстве. М., 1990. С. 362–365.
- 27 *ЛЧЗ. С. 294.* Ср. воспоминания о гневе Ахматовой по поводу того, что в этом переводе памятник из «Реквиема» «превращается почему-то в памятник Петру Великому» (*Мейлах М. С. 99*) — финал у Р. Лоуэлла: «Ah, the Bronze Horseman wipes his eye / and melts, a prison pigeon coos, / the ice goes out, the Neva goes / with its slow barges to the sea» (*Atlantic Monthly. 1964. Vol. 214. № 4. P. 64*).
- 28 *Spender, Stephen. The importance of Meaning // Translation. 1973. № 1. P. 34.* Перевод, однако, напечатан не был.
- 29 *Норман П. С. 49.*
- 30 *Канский [Коряков] М. Бровеносец в потемках // НРС. 1970. 3 апреля.*
- 31 Наталья Александровна Даддингтон (Duddington, урожд. Эртель; 1886–1972), жившая в Англии с 1906 года, выпустила книгу стихов Ахматовой «Forty-seven love poems» (1927). Ср. ее письма от 11 июня 1965 года («меня приведет и подведет меня к Вашей двери моя дочка», «не верится, что увижу») и от 16 июня, уже после разговора, в котором она посылает переводы

двух стихотворений, сделанные Франсес Корнфорд (№ 805). Франсес Крофтс Корнфорд (Cornford; 1886–1960) — английская поэтесса и переводчица (внучка Чарлза Дарвина), выпустившая книгу «Poems from the Russian. Chosen and translated by Frances Cornford and Esther Polianowsky Salaman» (London, 1943), в которую вошли переводы стихотворений «Был он ревнивым, тревожным и нежным...» и «Бесшумно ходили по дому...». В 1920-х Ахматова переписывалась с Н. Даддингтон и носила подаренное ею платье (Л2. С. 18, 20, 33, 183, 214, 218–219). 28 января 1926 года Ахматова писала ей: «За платье и чулки спасибо, это единственная моя обновка за много лет», к письму была приложена фотографии Ахматовой с надписями «Милой Наталье Александровне привет с берегов Невы. Ахматова. 4 февраля 1926 г.» и «...И горечи не превозмочь. [— Ты по земле уже ходила — И темным путником ко мне стучалась ночь, Водю мертвою поила] [В.А. Комаровский]» (МАО). В 1968 году Н. Даддингтон писала в Россию: «По поводу Ахматовой. Не могу не похвастаться приятным сюрпризом: оказалось, что мой перевод (прозой) небольшого цикла ее стихов, вышедший 40 лет назад <...> не канул в вечность, как я думала. Недавно профессор... поместил несколько из них в своей антологии, а некий Longville (совсем не знаю, кто он) попросил разрешения включить несколько других в только что основанный им где-то на севере Англии литературный журнал. Он меня особенно подкупил тем, что, оказывается, еще студентом в Оксфорде часами переписывал в библиотеке мой перевод “Forty seven Love Poems”, потому что книгу уже нельзя было купить — издание разошлось» (Ласунский О. Литературные раскопки. Воронеж, 1972. С. 192–193; неразобранное публикатором имя, возможно, указывает на четыре ее перевода из Ахматовой в репрезентативной антологии английских переводов из мировой поэзии: The Penguin Book of Modern Verse Translation / Introduced and edited by George Steiner. London, 1966. P. 117–118).

- 32 Ср. в заметке Веры Лурье «Литераторы в Петербурге»: «Анна Ахматова, высокая, худая, с королевским взглядом глубоких серых глаз. Ахматова просто одевается, всегда в черном, почти nigdy не бывает» (Сегодня. 1923. 21 октября). Ср. также в ее рецензии: «Поэзия Ахматовой теплична и современна; она только любовница в стихах своих; большинство следующих за ней поэтесс в разных вариациях повторили ее лейтмотивы. Шкапская, творчество которой тоже чисто-женское, стоит совершенно са-

- мостоятельно и отдельно, и в этом ее большая заслуга» (Рец. на кн.: Шкапская М. Кровь-руда // Дни. 1923. 14 января).
- 33 Ср. ее стихотворение на смерть Гумилева «Никогда не увижу вас...» (ср.: *Лурье В.* Стихотворения / Ed. with an introd. by Thomas R. Beyer, Jr. Berlin, 1987. S. 30), которое сохранилось и в бумагах Ахматовой (№ 594). См. также: *Лурье В.И.* Воспоминания о Гумилеве / Публ. Н.М. Иванниковой // *De Visu.* 1993. № 6. С. 5–14.; *Лурье В.* Николай Степанович Гумилев. Воспоминания // *РМ.* 1956. 20 декабря. Ахматовой запомнилось, что о панихиде по Гумилеву в Казанском соборе (там собрались А.Н. Энгельгардт, М.Л. Лозинский, Георгий Иванов, Н. Оцуп, Г. Адамович, Л.Д. Блок «и очень много народу вообще») ей сообщил С.М. Алянский (Л1. С. 53). Ср. в повести Ольги Форш «Сумасшедший корабль» (1931): «В Казанском соборе была панихида “по убиенным”. Было много народу и много слез».
- 34 *Рачинская Е.* Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Париж, 1990. С. 335–336.
- 35 «Дорогой Вере Лурье в память однолунной большой дружбы на книжке Вашей любимой поэтессы, посвящаю.

Упала ночь в твои ресницы,
 Который час мы стережем любовь.
 Антиохия спит, и синий дым клубится
 Среди цветных умерших берегов.
 Орфей был человеком, я же сизым дымом,
 Курчавой ночью тяжела любовь, —
 Не устеречь ее. Огонь неугасимый
 Горит от этих мертвых берегов.

Вагинов. 9/Х 21 г. Петербург»

- (*Вернер В.* История одной книги // *РМ.* 1989. 6 октября). Об отношении Ахматовой к К.К. Вагинову см. специально: Анна Ахматова о Вагинове / Публ. В.К. Лукницкой. Послесл. Т. Никольской // *ЛО.* 1989. № 5. С. 71–72; ср. упоминание Ахматовой в его прозе: *Вагинов К.* Козлиная песнь. Романы. М., 1991. С. 72. По воспоминаниям Д.Е. Максимова, в начале 1930-х, убеждая его печатать стихи, К. Вагинов говорил: «Посмотрите, вот молчит Ахматова, — и это интересно, а ваше молчание пока никому не интересно» (*Максимов Д.* Стихи / Сост. и вступит. ст. К.М. Азадовского. СПб., 1994. С. 34).
- 36 *Пастернак Б.* Переписка с Ольгой Фрейденберг. Нью-Йорк, 1981. С. 252.

- 37 Ср.: «Даже среди недобрых страстей Революции Анна Ахматова сохранила свою независимость и писала стихи, в которых не питает иллюзий насчет жестокой и нищей своей страны, но все же верит в высшее ее предназначение и видит ее озаренной неземным светом» (A Book of Russian Verse / Translated into English by various hands and edited by C.M. Bowra. London, 1943; для этой книги он перевел стихотворения «О нет, я не тебя любила», «Все расхищено, предано, продано», «Путник милый, ты далече»). Его переводы стихотворений «Ты всегда таинственный и новый...» и «Чем хуже этот век предшествующих. Разве...» включены в антологию: The Penguin Book of Modern Verse Translation / Introduced and edited by George Steiner. London, 1966. P. 144. Ср. присланную К.И. Чуковским в сентябре 1965 года выписку из письма Исаяи Берлина: «Бауру наша гениальным переводчиком» (№ 1049).
- 38 Bowra C.M. Memories. 1898–1939. London, 1966. P. 65, 68.
- 39 Телеграмма в Оксфорд от 5 июня 1965 года: «Dear Anna Andreevna warmest congratulation to a great Russian poet=Andre Voznesensky» (№ 771). По свидетельству И. Берлина, телеграмма при нем была брошена в корзину; но, по-видимому, потом вынута. В том году А. Вознесенский в одном из интервью назвал ее «матриархом российских поэтов» (Anna Akhmatova, Leading Soviet Poet, Is Dead // New York Times. 1966. March 6). Андрей Андреевич Вознесенский (1933–2010) познакомился с Ахматовой у Пастернака. Ср. изложение ахматовского рассказа, как Пастернак посадил ее рядом с Евтушенко и Вознесенским: «Это будущее русской поэзии» (Ласкин А. С. 233). См. запись от 25 февраля 1963 года: «Был сегодня у Анны Андр. Андрей Вознесенский — играл в застенчивость и скромность. Оставил Анне Андр. две свои книжки (Мозаику и Грушу) с дикими надписями. Анна Андр. очень не любит его стихи» (Глекин Г. С. 270). Вознесенский вспоминал: «Для меня Ахматова была Богом. Единственной в этой ипостаси особой женского пола. “Четки” я знал наизусть, но ближе, “моей” была Цветаева»; и о воспетой им школьной учительнице:
 «Ты опоздал на десять лет,
 Но все-таки тебя мне надо <sic!> —
 читала она мне. И распускала черные косы» (Вознесенский А. На виртуальном ветру. С. 22).
- 40 Найман А. С. 267. Никите Струве она говорила: «Как? вы не знаете, кто такой Аркадий Райкин? Самый знаменитый человек

в России...» (*Струве Н.* Восемь часов. С. 332). Об этом вспоминал и Райкин: «Мы застали у нее художника Юрия Анненкова, специально приехавшего из Парижа... Кроме Анненкова, из Парижа на двух автобусах приехало множество поклонников и друзей молодости Ахматовой. Через несколько минут после нашего прихода они тоже явились в гостиницу. Я никогда не видел в таком количестве старых русских аристократов. Все они были крайне воодушевлены в тот момент, но смотреть на них было грустно. Некоторые плакали... Когда же Анна Андреевна по привычке обратилась к присутствующим: — До свиданья, товарищи! — возникла напряженная пауза. Прощаясь с нами, Анна Андреевна сказала: “Они забыли, что товарищ значит друг. Но мы-то это помним, не так ли?”» (*Райкин А.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 241). Ср. слова Ахматовой, записанные Томасом Венцлова: «На самом деле язык эмигрантов — это мертвый язык, застывший, не развивающийся. Здесь мы его движем в ту или иную сторону, может быть, даже портим, но живой язык только здесь» (*Последние годы.* С. 84). Советский корреспондент Мэлор Стуруа, передавая мнение вышестоящих коллег, не советовал Райкиным ехать на церемонию. Среди приехавших они встретили эмигранта, который был однокашником Леонида Соболева по Морскому училищу и внуком Елены Молоховец — ее в эти годы в стихах вспоминал Арсений Тарковский: «писательница малосольная, Молоховец, хозяйка малахольная». В начале 1930-х Е.И. Замятин замечал: «В эмиграции — два наиболее ходовых автора: на первом месте Елена Молоховец, на втором — Пушкин» (*Замятин Е.* Записные книжки. М., 2001. С. 213). Встретили они также Элиану Бикер-Мок, которая спросила Райкиных об Ольге Глебовой-Судейкиной. «Мы о такой актрисе не слышали».

- 41 Ср. воспоминания о ташкентском концерте 1942 года, в котором участвовала и Ахматова: «И снова гуденье восторга: сам Чарли Чаплин — усики, котелок, трость! — по-утиному переваливаясь, выскальзывает из-за кулис. Ну, конечно, не сам, — подражатель, никому не ведомый Аркадий Райкин. Но что вытворяет, что выделяет, до чего лихо припеваает:

Еще есть Чарли Чаплин,
 Похожий, как две капли.
 С усами, в мятой шляпе,
 В Америке живет.
 Все те же ручки-крючки.

Ботинки-закорючки.
 Но тот — не настоящий.
 А я — наоборот!..

(Туманова З. Про те года... Литературные воспоминания // Молодая смена (Ташкент). 1990. № 10. С. 16).

- 42 ЛЧЗ. С. 294. Роман Гринберг писал Юлию Марголину: «Она меня разочаровала. Вы знаете, есть у Пруста в его знаменитом романе глава “Имена и места”, где рассказывается, как некоторые имена всю жизнь вас волнуют и интригуют и как они обманывают вас, когда вы знакомитесь в действительности с местами, названными этими фантастическими именами. Так точно и случилось с Анной Ахматовой. Это совсем не то, что воображалось». Ср. его письмо В.Ф. Маркову от 20 июля 1965 года: «Были в Оксфорде, когда Ахматова получала диплом доктора филологии. Познакомился с ней и остался недоволен ею и собой. Хвастливая и балованная советская барыня. Говорит с подчиненными, как генеральша Ставрогина, одним повелительным наклоением. Влияние грубой совдепской жизни чрезвычайно выпирает. Разговора с ней у меня и не вышло, и уходил из ее гостиницы в Лондоне с большим чувством облегчения. Много фальши; она в ней одета; она на ней, как хорошо сшитое платье. Кругом было много противного ухаживания и вранья. Видел я многих старых знакомых, приехавших отовсюду. <...> О 5-м № говорить еще преждевременно, но, мне помнится, что у Вас на примете была заметка о “Реквиеме” Ахматовой, меня очень интересующая. После моего знакомства с поэтом мне часто слышится жалобный звук казанской сироты, вызывающий омерзение» (сообщено Ж. Шероном). Ср. письмо Г. Адамовича А.В. Бахраху: «Гринберг мне звонил из Лондона и, узнав, что я должен с Ахматовой увидеться, сказал: “Знаете, это такой ужас!” Без объяснения, но было ясно, что что-то произошло. Напрасно Вы думаете, что я буду его защищать. И по Вашей версии, и по моей он хам и свинья» (НЖ. 2001. № 225. С. 176).
- 43 Ср. за два года до того, услышав неподтвердившийся слух о том, что приедет Исайя Берлин: «С женою или один? В прошлый раз он был с женой. Впрочем, это не имеет никакого значения. Ехать ли мне в Ленинград? Может быть, мне прийти под часы на углу Садовой и Невского? По старости меня привезут туда на тачке... Впрочем, может быть, обойдусь телефонным разговором, как в прошлый раз...» (ЛЧЗ. С. 21).

- 44 Запись беседы Н.В. Кинд с Ахматовой 26 февраля 1965 года (МАО). Наталья Владимировна Кинд (1917–1992) — геолог, в ту пору — жена И.Д. Рожанского; ср. о разговоре 9 января 1966 года: «С обычной доброжелательностью рассказала о Наташе Рожанской» (ЛЧЗ. С. 310). См. о ее отношениях с Ахматовой и Н.Я. Мандельштам: Юзмухаметов Р. Алмазная царевна. г. Мирный, 2000. С. 57–59; Мурина Е. О том, что я помню про Н.Я. Мандельштам // Мир искусства. Альманах. 4. СПб., 2001. С. 158. Ср.: Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 511.
- 45 ЛЧЗ. С. 393.
- 46 Хейт А. С. 201.
- 47 Ирина Сергеевна Тидмарш (Tidmarsh, урожд. Конкевич; 1903–2004) — из московской интеллигентской семьи, бежала из России в 1920 году (см. ее воспоминания в кн.: *Memories of Revolution. Russian women remember*. London and New York, 1993. P. 47–69).
- 48 *Monitor*. *Memories of neglect under Stalin* // *The Times*. 1965. June 11. Другие фрагменты интервью см.: Эльдар С., Шилов Л. Английские недели Анны Ахматовой // Тайны ремесла. М., 1992. С. 142–143. Запись «О Марусе [Петровых]» (С. 733) в лондонском блокноте, по-видимому, связана с этим интервью. Ср.: «[С.А.] Коновалов привез отрывок из этого интервью: там она говорит, что в СССР народилась бесстрашная молодежь, что лучших поэтов (напр., Марию Петровых) не печатают, что ей, Ахматовой, пришлось голодать, что никак не понять, по какому принципу, на каком основании Сталин выбирал свои жертвы и т.д. Меня это интервью ужаснуло. Лице оно по душе. “Ахматова была всегда героична”» (Чуковский К. Т. 13. С. 413). В частных разговорах Ахматова рассказывала, что многие молодые пишут в стол («in a drawer»), не рассчитывая на печатание (*Blair, Katherine Hunter. A Review of Soviet Literature*. London, 1966. P. 127). В списке ценимых ею поэтов, оглашавшемся при встречах с английскими журналистами, присутствовали также А. Тарковский, В. Шефнер, С. Липкин, В. Корнилов, А. Гитович (Б.Т. Чествование Анны Ахматовой в Оксфордском университете // *PM*. 1965. 19 июня).
- 49 *Мок-Бикер Э.* «Коломбина десятых годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной / Сост. и научн. ред. Ю. Молок. Предисл. и комм. Н.И. Поповой. Париж — СПб., 1993. С. 18. О том же Ахматова говорила с посетившей ее в Комарове 18 июля актрисой З.А. Сахновской, которая писала на следующий день: «Ваши

стихи скрашивали нам всем тяжелые дни и минуты этапов, и я так счастлива, что знала их наизусть и читала и диктовала всем униженным и оскорбленным, кот<орые> находили утешение в Вашей чудесной поэзии. Да хранят Вас все Ангелы небесные. Молю Бога, чтобы Nobel prize <sic!> была бы Вам дана, как все-народное признание за Ваш талант» (№ 986). По слухам, в том году шла речь о разделении премии между Ахматовой и К. Паустовским (*Струве Г.* Дневник читателя: По поводу Нобелевской премии Шолохова // *РМ.* 1965. 26 октября). См. воспоминания о встрече с последним осенью 1965-го в Риме, в том же отеле «Плаза», где в декабре 1964 года останавливалась Ахматова: «Победа автора “Тихого Дона” мне представлялась неизбежной, и когда я получил каблогранму из Америки с просьбой взять “на всякий случай” интервью у Паустовского для “Нью-Йорк таймс”, я решил даже не упоминать ему об этом. Но в самом начале беседы он в упор спросил меня, как я расцениваю его шансы. Не желая его огорчить, я со всей возможной мягкостью и в осторожных выражениях указал, что видные американские журналисты подчеркивают преимущества Шолохова: выбрав его, шведская академия могла как бы уравновесить — или сгладить свой смелый поступок 1958 года — присуждение премии Пастернаку» (*Слоним М.* Беседа о Паустовском // *НРС.* 1974. 10 марта). Обсуждение кандидатуры Ахматовой продолжалось и при поиске лауреатов на 1966 год. Шведский историк литературы Хенри Олссон рекомендовал Нобелевскому комитету, чтобы премию Нелли Закс разделили не с Ш. Агноном, а с кем-то из трех: с Ингеборг Бахман (приветствовавшей русскую поэтессу в Таормине своим стихотворением «Wahrlich» — «Воистину»), Ахматовой или Эриком Кестнером (*Espmark, Kjell.* The Nobel Prize in Literature. A Study of the Criteria behind the Choices. Boston, MA. 1991. P. 125).

- 50 *Матисов В.* Среди хрупких муз и мудрых дядек: Главы из книги // *Русский мир: Пространство и время русской культуры.* Вып. 1. СПб., 2008. С. 156; Léon Zitron (1914–1995) — уроженец Петербурга, племянник хранителя гумилевского парижского архива.
- 51 Об Арнольде Самсоновиче Блохе (1898–1991) писал нам Жан Бло 2 февраля 1998 года: «Мой отец <...> эмигрировал в Париж в 1924 или 25. Он был большим поклонником Ахматовой, и я полагаю, он видел ее раз-другой перед революцией. После войны контакт был установлен нашей кузиной, Евгенией Клебановой, которая, будучи американской гражданкой, часто ездила в

Россию, встречалась с Ахматовой и с большим риском привозила ее рукописи и рукописи Мандельштама для публикации в “Воздушных путях” <...> Через нее я познакомился с Ахматовой» (оригинал по-английски).

- 52 Ср. рассказ об этом визите: ЛЧЗ. С. 111; «Анна Андр. и Нина Ант. [Ольшевская] наперебой рассказывали мне, как вчера был у них парижский литературовед — м-сье Бло и просидел целых шесть часов, и как с ним было нескучно, и как им влетело от Ардова, и какой очаровательный этот француз... “Пока он у нас сидел, у него отросла борода!”»

(Глекин Г. С. 282); Жан Бло опубликовал очерк об этой встрече (*Blot, Jean. Retour a Moscou // Preuves. 1964. № 158. P. 60–62*). Ср.: «28 июля [1964]. Был В.М. Жирмунский». Читал Жан Бло. Одобрил — я — нет» (С. 476).

- 53 Искусствовед Виталий Самсонович Блох (1900–1975), тоже эмигрировавший, еще будучи в России, писал в статье «Книга и человек»: «Наряду с Блоком ее читают больше всего. <...> Не верьте тому, кто говорит, что не любит Анну Ахматову. Он стыдится в этом признаться. Мы утомились от бездушной поэзии. Нам невыносимы больше пустые слова пустых людей. Мы чаем человека-художника, художника, который имел бы, что сказать. И если нас непреодолимо влечет к себе Анна Ахматова, если мы читаем ее стихи, готовые принять их за самую светлую полосу на современном поэтическом горизонте, то лишь потому, что за поэтом мы явственно различаем человека, как неотступную тень его» (Среди коллекционеров. 1922. № 3. С. 50–51). О В.С. Блохе см.: *Шуховская* 3. Виталий Блок: «Просвещенный любитель искусства» (1900–1975) // *РМ*. 1979. 6 декабря.

- 54 Иван Сергеевич Маковский (Makowsky) (1916–1985) упомянут как «Мако» (т.е. сын «рара Мако» — «Мако-fils») в списке парижан (С. 97).

- 55 *НЖ*. 2001. № 225. С. 176. В 1963 году Жорж Нива, ученик Сергея Константиновича Маковского (1877–1962), прислал сделанный им перевод мемуарного очерка своего учителя. Ахматова ответила молодому слависту: «Надеюсь в ближайшее время подробно и убедительно написать Вам по поводу сделанного Вами перевода очерка С.К. Маковского. Этот очерк содержит бесчисленное множество ошибок, которые надо приписать и возрасту писавшего и его дурным источникам. Все, что сделали Вы, прекрасно. Перевод стихов очень бережен и точен. Я благодарю Вас». Из набросков недописанного

разбора «чудовищной писанины» (С. 342) приведем один — от 4 апреля 1963 года:

«...Итак, только сегодня я догадалась, в чем состоит моя вина перед человечеством, какое я совершила преступление, за которое мне не перестают мстить: я писала стихи, которые нравились и продолжают нравиться людям. Это, очевидно, нельзя простить. Посмотрите, как бережно и деликатно С.К. Маковский говорит о моих современниках. Вера Неведомская — красавица, ученица Кардовского и т.д. Таня Адамович просто за-секречена и называется Татьяна Александровна А. Она тоже красавица и к тому же умница. Гумилев был безнадежно в нее влюблен и т.д. Но только появляюсь я, тон меняется. Оказывается, я из ревности сводила с ней Гумилева и даже уступила ей мое ложе в Царском, а сама спала в какой-то проходной (!).

У этого человека не дрогнула рука, и он с неслыханной развязностью обвинил русского поэта в грязном сводничестве, не имея для этого ни малейшего основания. Это стоит здешнего Самарина, кот<орый> уверял Г.А. Шенгели, что у него есть доказательства, что у меня был роман с Ник<олаем> П.

Конечно, и Вера, и Таня тут же рядом, и за них кто-то может и побить, но главное не то. Ни та, ни другая не написали книгу “Четки”, “Триптих”, “Реквием”. Им не за что мстить — пусть мирно живут и процветают, и опять я слышу змеиный шелест моего эпитафия: “Как клевета похожа на правду”» (ЛО. 1989. № 5. С. 8). Речь шла о следующем месте:

«Но оставаться долго без влюбленности Гумилев не мог, и “случай” послал ему опять несчастливую любовь, девушку не менее красивую и умственно-яркую, чем прежние любви — Татьяну Александровну А.

Проученная мужем и тонко рассчитав свою тактику, Ахматова на сей раз не только не обнаружила ревности, но даже пригласила Т.А. к себе гостить в Царское и отдала ей свою спальню, а сама устроилась в “приемной”.

Николай Степанович воспламенился всерьез от соседства и готов был развестись с женой. Не берусь утверждать, что увлечение было взаимно...» (Makovskij S. Nicolas Gumilev (1886–1921): Un témoignage sur l’homme et sur le poète / Traduction de Georges Nivat // Cahiers du monde russe et soviétique. 1967. № 2. Vol. III .P. 204–205; в русском варианте, опубликованном позднее в «Новом журнале» (1964. № 77), фразы, выделенные нами курсивом, были сокращены. В черновиках этой статьи со-

держались опущенные потом подробности: «[Адамович была умна и расчетлива] — Гумилев был обворожен ее красотой и умом, что готов был немедленно развестись с Ахматовой. Сделал Адамович предложение и... получил отказ. Адамович была слишком умна и осторожна, ей не хотелось ни разрушать семейный очаг Гумилева, ни попадать к нему в клетку, как “райская птица”» (РГАЛИ). Информация была получена Маковским от искусствоведа Сергея Ростиславовича Эрнста (1894–1980), с которым Ахматова дважды встретилась в Париже.

56 Коваленко Ю. Анна Ахматова во Франции // Неделя. 1989. 15 июня. Приложенную к цветам визитную карточку И.С. Маковского см.: № 888.

57 Ср.: «Как-то Гумилев был в отъезде, зашла она к моей жене, читала стихи. Она еще не печаталась в журналах. Гумилев “не позволял”. Прослушав некоторые из ее стихотворений, я тотчас предложил поместить их в “Аполлоне”. Она колебалась: “Что скажет Николай Степанович, когда вернется?” Он был решительно против ее писательства. Но я настаивал...<...> Стихи Ахматовой, как появились в “Аполлоне”, вызвали столько похвал, что Гумилеву, вернувшемуся из “дальних странствий”, осталось только примириться с *fait accompli*» (Маковский С. Н.С. Гумилев // Грани. 1957. № 3 6. С. 147; Маковский С. На Парнасе «Серебряного века». Мюнхен, 1962. С. 214–215).

58 «Когда-то Осип Мандельштам принес в редакцию изящнейшего декадентского журнала стихотворение, начинавшееся так:

Я не читал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина.

Стихотворение было прекрасное. Но редактор недолюбливал Мандельштама и не дал ему ответа. Когда Мандельштам ушел, он снова перечитал стихотворение и брезгливо, сквозь монокль глядя на листок, повторял:

— Не пробовал старинного вина!.. Не пони...маю, господа... не понимаю... чем же тут хвастать: не пробовал хорошего вина!» (Сизиф [Адамович Г.В.]. Отклики // Звено. 1926. 24 декабря).

59 Ирина Одоевцева приводила слова Гумилева: «Ведь я, подумайте, из-за этих строк прослыл садистом» (Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1989. С. 302).

60 Ср.: «Соловушка обыкновенно уходил через балкон. <...> В этот вечер <...> вдруг — звонок. Я узнала звонок мужа. Я крикнула Соловухке, он мог еще выпрыгнуть в окно. На столе остались

его перчатка и хлыст. Муж вошел и нервно и быстро прошел к себе. Потом вернулся. Увидел перчатку и хлыст. И вскипел:

— Чья это перчатка? Чей хлыст?

Я молчала.

— Здесь был Орлов?

— Да, был.

— Б...! — крикнул он и дал мне пощечину» (Дневник

А.А. Вырубовой / Под ред., с пред. и примеч. О. Брошниковской и Зин. Давыдова // *Минувшие дни*. 1927. № 1. С. 36). Ср. письмо Ю.Г. Оксмана от 20 сентября 1965 года: «...мне пришлось быть одним из экспертов по вопросу о подлинности записок А.А. Вырубовой <...> Это была очень квалифицированная “липа”, автором которой являлась журналистка Брошниковская» (*Мицц-Лотман*). О тezках Ахматовой и Вырубовой см. нашу справку: *Пермяковский сборник*. С. 580–582.

- 61 Трудно объяснимую aberrацию находим в обычно точных воспоминаниях В. Вейдле — рассказ о том, как он наблюдал Маковского, с моноклем в глазу, целующего ручку Ахматовой во дворе Дома Ученых в 1920 году в хвосте за селедкой (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет // *НЖ*. 1993. № 192–193. С. 407–408), — Маковский уехал из Петрограда в Крым в 1917-м, а оттуда — прямо в эмиграцию.
- 62 С.К. Маковский писал Ю.П. Иваску 10 сентября 1960 года: «Я попросту захлебнулся поэмой Ахматовой. Вот это — биографическая исповедь от всего сердца, но “закамуфлированная” в силу обстоятельств. М.б., напишу, хоть боюсь повредить ей, вскрывая тайный смысл этих удивительных стихов и назвав умолчанные имена...» (Библиотека Бейнеке Йельского университета, Нью-Хейвен).
- 63 5 июля 1913 года в Слепневе в ее альбом было вписано стихотворение с посвящением «Оле»:

Как путь мой бел, как путь мой ровен,
 Легка дремота.
 Лишь редкий мост из круглых бревен
 Напомнит что-то.
 Опять улыбка губы тронет,
 Подымет веки,
 Ах, знаю я: не всякий тонет,
 Переплывая реки.

Анна Ахматова

Слепнево.

- (ЛГ. 2014. 25 июня). Мост напомнил любимое Ахматовой из Верхарна стихотворение «Les deux enfants de Roi», отразившееся в ее позднейшем стихотворении «Почернел, искривился бревенчатый мост...» (см. подробнее: *Тименчик Р.Д.* Анна Ахматова. Тринадцать строчек: Из комментариев // *De Visu*. 1994. № 5/6. С. 63).
- 64 Ср. письмо дочери Ольги Александровны Оболенской (урожд. Кузьминой-Караваевой; 1893–1986) к А.Ф. Маркову: «Мама очень дружила с А.А. Ахматовой и рассказывала, что она была “лучше, чем красивая”, интересная с особенным профилем... Гуляла такая томная и такая рассеянная, что забывала все вокруг — много было на этот счет анекдотов. Поклонников было много, что приносило пользу для ее вдохновения. В 1965 году, когда Анна Ахматова была в Париже, то сразу позвала маму... (На встречу с Ахматовой мама взяла меня с собой.) Говорила, в частности, что недовольна тем, как написала про нее В. Неведомская в Америке, и к этому добавила: “Вот ты, которая меня хорошо знала и нашу жизнь в Слепневе, ты должна написать...” <...> В 1918 году мама вышла замуж за князя Н.С. Оболенского (1880–1948), а познакомились они в 1915 или 1916 году. Папа окончил императорское Училище Правоведения и служил в Министерстве Юстиции... Подружился с Ахматовой — они много беседовали, спорили, обсуждали политику. Папа много читал и интересовался серьезной литературой, но мама спустя годы весело рассказывала, как он и Ахматова, скрывая друг от друга, тайком (будто презирая) читали занятные романы “Ключи счастья” Вербицкой и “Река времен” Нагродской. В 1919 году папа был в организации, которая помогала белым уезжать за границу, и поэтому оказался сам в списке для расстрела, после чего был вынужден срочно уехать в Финляндию, где ждал маму...» (*Марков А.* Магия старой книги. Записки библиофила. М., 2004. С. 324–325). В июне 1989 года в разговоре с нами автор этого письма Ольга Николаевна (Люлю) Никез уточнила характер споров с Ахматовой о политике — ее отец был монархистом, а Ахматова — нет. «Река времен» — историческая трилогия Е.А. Нагродской (1924–1926) — названа здесь ошибочно.
- 65 Воспоминания Веры Алексеевны Неведомской (урожд. Корольковой), скончавшейся, по-видимому, около 1954 года в Мюнхене, о жизни Ахматовой и Гумилева в Слепневе были напечатаны в «Новом журнале» (1954. № 38).

- 66 *Струве Н.* «Восемь часов с Ахматовой» (Добавления) // Вестник русского христианского движения. 1989. № 156. С. 187.
- 67 Ср. запись Н.Н. Глен: «Рисунок — в “Бродячей собаке” делал Дима Бушен — теперь декоратор Grand-Opéra. Если бы не такой острый нос, было бы очень похоже» (ММА). В ответ на расспросы о «Бродячей собаке» Д.Д. Бушен рассказывал в 1989 году пишущему эти строки, что ему помнится в «свиной Собачьей книге» вслед за подписью «Г. Адамович, поэт-лирик» приписка в духе чеховской жалобной книги.
- 68 Ср.: «Тут-то мы воочию и видим, что серебряный век еще не кончился. <...> А разве “Поэму без героя” непетербургский живописец сумел бы полностью пережить? <...> Он знал едва ли не всех тех, кто явно или тайно упомянут в “Поэме без героя”. Это еще не гарантия успеха, но память, как-никак, родная сестра поэзии, а греки и того верней о ней судили, когда сочли ее матерью всех муз» (*Вейдле В.* Последняя книга серебряного века // *РМ.* 1977. 8 декабря).
- 69 Ахматова включала Георгия Викторовича Адамовича (1892–1972) в список членов первого Цеха поэтов: «Г. Адамович (с 1914)» (С. 447). Ср. его письмо Ю.К. Терапиано от 9 ноября 1959 года: «Я был в Первом цехе, куда был со всем церемониалом принят обоими синдикатами, Гумилевым и Городецким, на квартире Городецкого, кажется, в 1916 году (или в 1915?)» (*НЖ.* 1988. № 172–173. С. 569). Ср. также: «Ахматова по недоразумению в “Первый цех” поместила и Адамовича, но он там никогда не состоял. Будучи в Париже проездом в 1965 году, Ахматова встретила с Адамовичем и все с ним вспоминала про “Первый цех”, а на самом деле она Адамовича спутала с Г. Ивановым, который в их молодости, когда она была женой Гумилева, одно время всюду ее сопровождал: на вернисажи, вечера... Перепутать было немудрено, так как Г. Иванов и Г. Адамович — два Жоржика, два поэта-эстета были в молодости неразлучны. Адамович же не только не признавался в этом, а еще и рассказывал в Париже что-то об Ахматовой и о “Первом цехе”. Он знал, что известно об этом только мне и что я его не выдам» (*Одоевцева И.* Ожившие голоса / Беседу вела А. Колоницкая // *ВЛ.* 1988. № 12. С. 113). Но, вероятно, все-таки на каких-то заседаниях Цеха он присутствовал — ср. дефиницию С. Городецкого: «молодой акмеист Адамович» (*Кавказское слово* (Тбилиси). 1918. 23 ноября), сам же Г. Адамович писал: «...нас, петербургских акмеистов и полуакмеистов» (*НЖ.* 1971. № 105. С. 116).

К его репутации в советские 1960-е см.: «Сейчас уже никто не помнит имен Грааля Арельского или Георгия Адамовича» (*Гринберг И.* Вера Инбер. Критико-биографический очерк. М., 1961. С. 12).

70 *Ваксберг А.* Моя жизнь в жизни. Т. 1. М., 1998. С. 368–371; ср.: ВАА. С. 71–77.

71 Сохранился инскрипт на его сборнике «Чистилище»: «Анне Андреевне Ахматовой давно и навсегда ей преданный Г. Адамович» (РГАЛИ). «А. А. больше других нравится стихотворение Адамовича о графине Дюбарри в “Чистилище”» (*Будыко М.* С. 376). Ср. это стихотворение, построенное на реминисценции из «Идиота» и на интонациях Цветаевой, восхищавшей тогда Г. Адамовича:

«Еще, еще минуточку,
Повремени, палач!»
Поймали в сети уточку,
Не вырвешься, — хоть плачь.

Шумит толпа веселая,
Сияют небеса.
Стальная и тяжелая
Над головой коса.

Три быстрых взмаха молота,
Минута... Отче наш!
Что счастье, слава? Золото, —
И купишь, и продашь.

Но за пустой околицей,
На чердаке, в глуши,
Чиновник пьяный молится
За упокой души.

Семи царей возлюбленной, —
Не помогли цари! —
Семью грехами сгубленной
Графини Дюбарри.

Из области совпадений отметим, что последняя кинолента, которую видел в Александровском дворце последний император в начале февраля 1917 года, была «Мадам Дюбарри» (*Воейков В.Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего

Дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс, 1936. С. 191).

- 72 Ср. характеристику Ахматовой у М.А. Волошина: «Прекрасный и полный голос истинной певицы, которая любит вставлять среди пения неожиданные ремарки “прозой” для того, чтобы увеличить остроту лиризма» (*Волошин М. Лики творчества / Изд. подгот. В.А. Мануйлов, В.П. Купченко, А.В. Лавров. Л., 1988. С. 770*).
- 73 В.А. С. 76. Эти «вставные слова» нашлись не сразу: «Там где мой народ [когда-то] к несчастью был» (С. 151). Весьма вероятно, что в разговоре с критиком Ахматова таким образом санкционировала рассуждения из его недавней статьи, процитированные и в местной газете незадолго до ее приезда в Париж (*Терапиано Ю. Мосты. Кн. 11 // РМ. 1965. 12 июня*):

«Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью был,

— пишет Ахматова.

К “несчастью”. Было ли несчастье заложено в самом ходе событий, как нечто неотвратимое? Можно ли было предвидеть его размеры, его остроту и длительность? Нет, конечно. <...> Продержавшаяся тридцать лет смесь марксизма с чингисхановщиной есть историческая случайность, — и, оглядываясь на нее, приходишь к мысли, что самое страшное в так называемом “культе личности” есть не самая “личность”, а именно “культ” ее. Потому что культ — явление повторное, с чертами российской, “русской” органичности, и обнаруживается это и в наши дни. Культ подделывается к личности, отражает ее свойства, в раболепном усердии усиливает их, забегает вперед, заранее со всем соглашаясь, всем восхищаясь, не говоря уже о том, что все оправдывая. В соответствии с чудовищным духовным обликом данной “личности” достался в удел России и чудовищный “культ”. И думая теперь о России, недоумеваешь: как люди смотрят там друг другу в глаза, — те именно люди, которые в слезах умиления, с дрожью восторга в голосе благодарили вождя и учителя за счастливую жизнь? Дает себя, вероятно, знать круговая порука: все мы были хороши, нечего, значит, и корить один другого! Но во-первых, не все, и ахматовская книжка лишний раз об этом напоминает. А во-вторых, есть ведь молодежь, по возрасту своему испытания не знавшая и, обманчиво или нет, считающая, что она лучше выдержала бы его, чем отцы: что она об этих отцах

- думает, какое может хранить к ним доверие, какое уважение?» (Адамович Г. На полях «Реквиема» Анны Ахматовой // Мосты. 1965. № 11. С. 208). Ср. слова Ахматовой об Адамовиче по возвращении в Москву: «Умен, не озлоблен, все понимает» (В.А. С. 646). Впрочем, она не была бы самой собой, если бы в ответ на восторженную хвалу гостя-эмигранта достоинствам Адамовича-критика не срезала: «Это какой Адамович? Не тот ли, про которого Блок сказал, что он пишет очень плохие стихи?» (Хренков Д. «Я всегда была радостной и достоверной свидетельницей...» // Зв. 1987. № 4. С. 182). Она, вероятно, имела в виду помету Блока в связи со сборником «Облака» на письме Г. Адамовича января 1916 года: «ответил довольно много 24 янв. (очень плохие его стихи)» (Александр Блок. Переписка. Аннотированный каталог / Под ред. В.Н. Орлова. Вып. 2. М., 1979. С. 9). Ахматова, по-видимому, знала о ней от В.Н. Орлова. См. также: *Тименчик Р.* Блок и кружок «Арион» // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 4. М., 1987. С. 561–562. Ср. иную версию произнесения ахматовской фразы в вообще путаных, мутных и противоречивых воспоминаниях этого мемуариста: *Хренков Д.* День за днем: Лирический дневник критика. Л., 1984. С. 71.
- 74 О статье А. Наймана для газеты «Moscow News» Ахматова писала Н.А. Ольшевской (ЛО. 1989. № 5. С. 95); сдвоенная рецензия В.А. Рождественского на «Бег времени» и на сборник О. Берггольц опубликована спустя 21 год: *Рождественский В.* Два поэта // День поэзии. Л., 1986. С. 359–362.
- 75 Его статья «По поводу стихов Анны Ахматовой» (*Pro et contra*. Т. 1. С. 62–70). Ахматова считала, что В.А. Чудовский в этой статье угадал будущий трагизм ее поэзии (С. 734).
- 76 Стихотворение «Я сошла с ума, о мальчик странный...» написано в феврале 1911 года; ср. о нем: «Не то ценно, что написано в строфах, но что сквозь хрустально-однообразную оболочку светится переливами чувств... Разбросаны в строках и строфах звенья цепи чувств, но не свяжешь их в одно, они — недосказанные...» (*Рожицын В.* Птица-госка. С. 10; *Pro et contra*. Т. 1. С. 160). «Мне нравятся не все Ваши стихи, — откровенно признался я. — Например, есть стихотворение, которое мне кажется просто слабым.
- Господи, — отмахнулась Анна Андреевна, — должны же Вы понять, что мне было двадцать лет и я была круглой идиоткой. (Эту фразу я запомнил буквально)» (*Ратгауз Г.* С. 154).

- 77 Цитата из одноименного стихотворения 1911 года с перестановкой двух последних слов.
- 78 В. Чудовский писал: «Такие женщины, не сомневайтесь, были, и как перед ними бессильны мужчины со всей своей логикой, — женщины, которые на пытке с яркой силой выявляли в сознании мутный отблеск раскаленных углей на ржавых клещах, а судей не замечали, так совсем и не замечали. О, безвозвратно погибшая поэзия женского века, когда странные, и потому обреченные женщины так странно проявлялись в застенке Бенедикта Карпцова, чудовищного “Истребителя Веем”... А могли бы мужья из нашего народа бить своих жен, если бы вникли они, как и о чем будет петь избитая жена словами песни народной?» Бенедикт Карпцов (Сарпцов; 1595–1666) — законодатель Саксонии, вынесший двадцать тысяч смертных приговоров; экзотическая параллель В.А. Чудовского должна была напомнить Ахматовой о причудливом комплименте Б. Пастернака по поводу стихотворения «Хозяйка»: «В средние века за это стихотворение вас сожгли бы на костре» (ОАА. С. 243).
- 79 Ср.: «В стихах Ахматовой очень много “японского” искусства. Та же разорванность перспективы, то же совершенное пренебрежение к “пустому” пространству, отделяющему первый план от заднего плана; то же умение в сложном пейзаже найти те три дерева, которые наполняют растительностью целую местность, или тот единственный, едва намеченный конус, который даст ощущение чрезвычайной “гористости”. <...> Художник до того изощряется в умении сложную картину передать пятью-шестью чертами, что он становится неспособным видеть все остальное... Искусство в самой силе своей становится бессилием». Первым это слово применительно к Ахматовой употребил С. Городецкий: «Страшно-молодо, неистово-честно и по-японски талантливо!» (*Городецкий С. Пир поэтов // Речь. 1911. 27 июня*).
- 80 Имеется в виду прежде всего цитата из нашедшейся в 1950-е критической статьи О. Мандельштама «Письмо о русской поэзии» (1922), которую Ахматова сообщила Льву Озерову: «Ахматова принесла в русскую лирику всю огромную сложность и психологическое богатство русского романа девятнадцатого века. Не было бы Ахматовой, не будь Толстого с “Анной Карениной”, Тургенева с “Дворянским гнездом”, всего Достоевского и отчасти даже Лескова.

Генезис Ахматовой весь лежит в русской прозе, а не в поэзии. Свою поэтическую форму, острую и своеобразную, она

развивала с оглядкой на психологическую прозу» (*Озеров Л. Работа поэта. М., 1963. С. 174*).

- 81 *Грот Е.* Анна Ахматова // *НПС. 1965. 6 июня.* Речь идет о статье Алексея Ильича Павловского (1926–2004) «Высокий вечер» (День поэзии. Л., 1964. С. 23–26). Следующая его публикация об Ахматовой: Просторный мир поэзии // *Вечерний Ленинград. 1965. 21 июля.* В это время он писал книгу об Ахматовой — «Готовится» (С. 628). В разговоре с пишущим эти строки в июле 1965 года Ахматова полусутоливо жаловалась на то, что А. Павловский боится к ней приходить. Ср. упоминание о встрече в его книге: «Мне пришлось разговаривать с Анной Ахматовой, когда она переводила Леопарди. “Это такой мрак”, — сказала она мне с явным сочувствием к поэту, которому не удавалось его разогнать» (*Павловский А. Анна Ахматова: Жизнь и творчество. Книга для учителя. М., 1991. С. 187*).

С той же газетной страницы Ахматова вообще-то должна была сделать выписку для автобиблиографии о рецензии неизвестного ей литератора — Марка Слонима. В материалах к автобиблиографии упомянут его пражский доклад (С. 69), на который пошла Марина Цветаева «послушать, как любила и страдала (NB! зачем — и?) другая женщина, хоть на миг растворить свою боль в чужой!» (*Цветаева М. Неизданное: Сводные тетради / Подг. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и И.Д. Шевеленко. М., 1997. С. 262*). В его рецензии по поводу сборника Александра Кушнера говорилось, что сборники молодых поэтов в СССР по формату и печати очень похожи на первые книжки стихов Ахматовой и Гумилева, а также, что при просмотре «Дня поэзии» 1964 года убеждаешься, что «почти все хорошо написанные стихи не только движутся под знаком Пастернака, Цветаевой, Заболоцкого, но и возвращаются к Мандельштаму и ранней Ахматовой. Тут снова подтверждается тайный закон жизненных циклов: деды оказываются ближе детям, чем отцы» (*Слоним М. На литературные темы. Об одном сборнике стихов // НПС. 1965. 6 июня*). Но соответствующей пометы мы в ее блокнотах не находим. Это заставляет предположить, что она могла частично осуществить свое намерение, о котором сказала в Париже, прочитав вслух одно свое стихотворение: «Это стихотворение записано на листке и положено в блокнот с лондонскими адресами; Ахматова рвет его в клочки. “Я уже знаю его наизусть”, — говорит она. Блокнот также намеревается уничтожить. Когда [Д.Д.] Бушен удивляется, почему

она даже личные записи не может перевезти через границу, Ахматова обращается ко мне со словами: “Вот видите, сорок лет не был в России — и даже он не понимает! Что говорить о французах!”» (Юзеф Чапский о парижской встрече с Анной Ахматовой (Заметки из дневника писателя) // *РМ*. 1989. 17 марта). На такую возможность намекает и вырванный из записной книжки лист с записанным рукой Ахматовой адресом А.Д. Синавского — возможно, после сообщения об его аресте (№ 61-а).

Впрочем — что не отменяет вышеприведенных расширительных догадок, — в случае со статьей Елены Грот в руках Ахматовой, возможно, была только вырезка: «*Грот*: “Анна Ахматова”. США. 1964 г. июнь (?). Газета:» (С. 732).

- 82 *НЖ*. 1988. № 172–173. С. 570.
- 83 *Голлербах Е.А.* К истории русской зарубежной литературы // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 1996. Т. II. № 2. С. 245.
- 84 В январе 1964-го после тридцатилетней разлуки она увидела в ЦГАЛИ свой альбом, проданный ею когда-то Литературному музею. «В Архиве мой альбом. Там стихи Адамовича <...> кот<орые> я совершенно забыла (сатанизм) (я читаю стихи в “Брод<ячей> собаке”. <...> Восстанавливаю по памяти Г. Адамовича

По утрам свободный и верный
 Колдовства ненавижу твои,
 Голубую от дыма таверну
 И мучительные [огни]стихи.
 Вот пришла, взошла на эстраду,
 Незнакомые пела слова,
 И у всех от [горького]мутного яду
 Отуманилась голова.
 Словно мы, изнуренные скукой,
 Задыхаясь в ... пыли,
 На тупую и стыдную муку
 Богородицу привели.
 1914. С.П.Б.» (С. 424)

В оригинале 4-й стих: «И томительные стихи», 5-й стих: «Вот пришла, вошла на эстраду», 9–10-й стихи: «Будто мы, изнуренные скукой, / Задохнувшись в дымной пыли». Ср.: *Альбом*. С. 43–44.

- 85 Персонаж «донжуанского списка» Ахматовой (*Лз*. С. 284), искусствовед Валентин Платонович Зубов (1884–1979), основа-

тель петербургского Зубовского института истории искусств, поэт (сборник его немецких стихов был подарен Ахматовой 2 декабря 1912 года — см.: Л2. С. 29), эмигрировал во Францию в 1925 году. Ср. его мемуар:

«Бродячая Собака» был подвал, где петербургская богема — литераторы, художники, артисты, музыканты — собирались до поздней ночи. Здесь они существовали среди своих. Чужие появлялись редко. Каждый непринужденно проявлял себя на маленьком подиуме в том, что ему в тот момент приходило на ум, или слушал. Окна были забиты, художник Судейкин пестро расписал потолки и стены обеих комнат. Из буфета можно было принести напитки на свой столик. Здесь я познакомился с А.А. Ахматовой, урожденной Горенко, и с первого взгляда меж нами возникла обоюдная симпатия, которой суждено было стать долгой дружбой и которая была прервана только событиями революции — она осталась в России, я эмигрировал. Ей было тогда 22, я был на несколько лет старше. Она только что выпустила свой первый сборничек «Вечер» в 300 экземплярах; я получил его через несколько дней с посвящением. В течение ряда лет мы встречались в «Бродячей собаке» по несколько раз в неделю. <...> Круг акмеистов состоял из примерно дюжины авторов: Городецкий, Мандельштам, Лозинский, Кузьмина-Караваева, гр. Комаровский, Пяст и др. Среди них Ахматова была без сомнения самой одаренной. Я вижу ее еще в том облике, в котором она тогда явилась мне: стройная брюнетка с четко очерченными чертами лица, с носом с горбинкой, с челкой, прикрывавшей лоб почти до бровей, мучительными складками вокруг рта и глубокими темными глазами» (*Zubov V. In memoriam Achmatowa // Der Monat. 1966. № 6. С. 84*). Посвящение на «Вечере» — возможно, стихотворение «Как долог праздник новогодний...»:

Пускай над книгою в подвале,
Где скромно ночи провожу,
Мы что-то мудрое решали...

Ср.: «А. А. говорит, что про «Четки» думают, что они В.П. Зубову посвящены. А. А.: «А я с Зубовым даже знакома тогда не была (т.е. почти не была знакома — м.б. и так сказала А. А.). <...> Разным лицам есть, но Зубов тут совершенно ни при чем» (Л1. С. 157). Ср. свидетельство Г.В. Адамовича о петербургских пересудах 1914 года: «В него была влюблена Ахматова, ему она посвятила стихи: «Ни один не двинулся мускул / Просветлен-

- но-злого лица» (Проект «Акмеизм» / Вступит. ст., подгот. текста и комм. Н.А. Богомолова // *НЛО*. 2002. № 58. С. 166. Цитируется стихотворение «Гость» начала 1914 года). Сохранились два письма В.П. Зубова к Ахматовой на бланках его института (одно из них любопытным образом вторит стихотворному сообщению Ахматовой о ее недомогании) — от 15 января 1914 года: «Многоуважаемая Анна Андреевна. Сегодня я вернулся из Берлина и привез дочь; звонил к Вам, но безрезультатно; впрочем ничего насчет начала моего курса сообщить бы не мог, т.к. не решил еще, когда начну и вообще начну ли. Надеюсь иметь удовольствие в ближайшем будущем видеть вас и прошу верить в искреннюю мою преданность» (ИРЛИ) и от 21 января 1914 года: «Многоуважаемая Анна Андреевна, совещания в пятницу не будет, т.к. я третий день лежу в постели и, вероятно, пролежу еще. Доктор был прав, и у меня осталось хотя и очень незначительное, но все же воспаление легких. Чувствую себя не дурно, но тем более скучно лежать. О дне совещания заблаговременно Вас извещу. Целую Ваши ручки В.Зубов» (РГАЛИ).
- 86 *Zubov V. In memoriam Achmatowa // Der Monat*. 1966. № 6. С. 85. Несколько странное замечание о «eine kleine rundliche Dame», возможно, связано с литературным претекстом — со сценой в «Бродячей Собаке» из автобиографического романа князя Сергея Волконского:
- «— А скажите, кто вон в том углу сидит, красивая, строгая, с таким четким профилем?
— Не знаете? Анна Ахматова.
Нина засмотрелась на прекрасное лицо:
— Ассирийская царица, — сказала она. — И рядом с ней маленький Зубов! Это точно в какой-нибудь фантастической книге Уэльса, где перемешаны все века и все людские поколения» (*Волконский С. Последний день: Роман-хроника*. Берлин, 1925. С. 157).
- 87 *ЛЧЗ*. С. 293. Ср.: *Анненков Ю. Дневник моих встреч: Цикл трагедий*. М., 1991. Т. 1. С. 135–136.
- 88 Художник и прозаик Юрий Павлович Анненков (1889–1974) — автор знаменитого портрета Ахматовой. «В июле 1921 я позировала Юрию Павловичу Анненкову у него на Кирочной. Он сделал рисунок в один сеанс. Яркий жаркий день. Я была в синем шелковом платье и белых высоких башмаках. Причесана точь-точь как на портрете» (С. 666). Ср. мнения современников о «томительно-скорбном портрете Ахматовой, почти умерщ-

вляющем жизнь этого застывшего лица» (*Волковвыский Н.* Рец. на кн.: Анненков Ю. Портреты // Дни. 1923. 1 апреля); «В портрете Ахматовой <...> дано самое существенное, индивидуально-характерное» (*Голлербах Э.* Петербургские письма // Сполохи. 1922. № 10. С. 18); «Поражает мастерской скупостью графической линейности» (*Лукаш И.* Рец. на кн.: Анненков Ю. Портреты // РМ. 1923. № 3–5. С. 420); «Страшное мучительное лицо у Ахматовой — обреченной, подточенной горестью, с дрогнувшими бровями, с острыми, жесткими линиями у скул и углом неожиданного излома у правого плеча. Черный бархат волос, тяжелый, мертвый... <...> Не заколышется воздух подле нее, не забегает по коже бес ехидной усмешки. Бледное, застывшее лицо, глухая кровь у нее, перебойная. Только чувственные, глубоко вырезанные губы цветут еще последним горьким цветением. Так торжественно-печальны и сладостны первые аккорды “Funerailles”» (*Еленев Н.* Юрий Анненков // Своими путями. 1925. № 6–7. С. 31); «Сильнее и убедительнее всего художник представляется мне как раз т[а]м, где он менее всего мудрствует и дает виртуозно-ловкий и четкий рисунок человеческого лица или на лету схваченного поворота головы. Таковы отличные контуры Ахматовой, Чуковского <...>» (*Т<угендхоль>д Я.* Рец. Анненков Ю. Портреты // Русское искусство. 1923. № 1. С. 110).

- Второй портрет, воспроизведенный впервые в эмигрантском журнале (Возрождение. 1962. № 129), модели не нравился (ЛЧЗ. С. 47): «Показывала мне портрет, сделанный Анненковым по памяти. Испания дама с гребнем. “Какая провинция!”» (*Самойлов Д.* Памятные записки. М., 1995. С. 385). «Портрет Анненкова (нарисованный в Париже <...>) неверен, у нее не черные глаза» (*Будыко М.* С. 354). Оригинал его она увидела дома у художника в Париже: «...пришла к нему в ателье и долго стояла перед этим портретом, все повторяя одно и то же: — Во что я теперь превратилась...» (*Гессен В.* Три столицы // НРС. 1967. 13 июля); ср. в пересказе В. Сосинского: «Неужели я была такой?» (*Сосинский В.* Рассказы и публицистика. М., 2002. С. 362).
- 89 НЖ. 2001 № 225. С. 167.
- 90 Минувшее. 24. М., 1998. С. 374. «А на “Тучке”... — в списке, напечатанном в «Воздушных путях», во фрагменте «Описание five o'clock на “Тучке” (Георгий Иванов — “Поэты”) выдуманно от первого до последнего слова. Н.В. Н<еодоброво> не переступил порога “Тучки” — переписчиком была сделана неверная

конъектура: «Иванов не переступил...». «Тучка» — петербургская квартира в Тучковом переулке, где Ахматова жила в 1910-х. Сама И. Одоевцева писала В.Ф. Маркову (20 августа 1966 года): «Я предполагала, что мною “закончен труд, завещанный от Бога”. Оказывается, нет. Надо еще добавить две главы. Об Ахматовой и Анненкове. Об Ахматовой я сначала не хотела писать, так как она гнусно поступила по отношению к Жоржу в “Воздушных путях”, выставив его каким-то вралем, хвастающимся своей вымышленной близостью с Гумилевым и с ней. Оскорбилась же она тем, что Жорж в “Петербургских зимах” ее недостаточно превознес и даже посмел помянуть о поданной ей прохожим копейке — по рассказу Ольги Судейкиной. Но раз она умерла — то какие же могут быть с нею счеты?» (*In Memoriam*. С. 505). Близкий к И. Одоевцевой Юрий Терапиано в газетной рецензии возражал против ахматовских «суждений слишком, быть может, резких, не всегда справедливых», в особенности о Георгии Иванове: «С каким-то непонятно придирчивым раздражением говорит она и о нем, и о ряде других лиц — может быть, и тут кое в чем вина переписчика. Ведь Георгий Иванов был другом и Гумилева, и Мандельштама. Георгия Иванова, который мог бы уточнить многое, нет уже в живых, Леонида Страховского (Шацкого) тоже» (*Терапиано Ю. Воздушные пути* — вып. IV // *РМ*. 1965. 18 сентября). Возможно, какой-то конспект одного из повторяющихся ахматовских монологов дошел до некоторых русских парижан. 13 февраля 1965 года Глеб Струве спрашивал у Р. Гринберга: «Слышали ли Вы о том, что в Париже по рукам ходит письменный протест Анны Андреевны Ахматовой против воспоминаний Одоевцевой о Гумилеве и его отношениях с нею, Ахматовой? До меня этот слух дошел не из Парижа, а оттуда мне никто об этом не писал».

- 91 Об одной фразе Анрепа ей напомнило письмо Арсения Тарковского от 28 марта 1964 года: «Вы дышите тем разреженным воздухом, какой не был бы легким даже самой Саффо, — и не многие поэты — даже у нас в России — дышали таким. От такого воздуха Вам должно быть легко и *уже не страшно*» (*ВЛ*. 1994. № 6. С. 334–335). Ср. запись: «Письмо Арсения <...> Анреп-Недоброво» (С. 259). Ахматова зафиксировала: «О “Четках” (1914 г.) Борис Васильевич Анреп написал своему другу Николаю Владимировичу Недоброво: “Она была бы Сафо, если б не ее православная изможденность”» (С. 285). Потом, после личного знакомства, он подарил Ахматовой издание Саффо (*Л*.

С. 77). Вообще говоря, этим сближением за всю свою жизнь Ахматова не была обделена. Эти разговоры начались еще в 1910-х (см.: *Завалишин В.* Выставка памяти Ахматовой // *НПС.* 1966. 31 марта) и потом стали общим местом — ср., например, по поводу стихотворения «Не любишь, не хочешь смотреть...» — «Не теми ли чертами изображает Сафо женскую душу, охваченную любовью?»

Мой язык словно скован, любовное пламя
Пробегает по мне, в глазах вдруг темнеет,
Света не вижу и слышится только
Шум отдаленный»

(*Резникова Н.* Поэзия Анны Ахматовой // Рупор (Харбин). 1931. 20 марта. Ср.: *Дороватовская В.* Любовь и сострадание // Жизнь для всех. 1917. № 2. С. 194). Ср. о реакции на это сравнение, встреченное у французского критика: «Дурак! Олух Царя Небесного! Какую ахиною несет! Причем тут Сафо? Что? Я воспеваю любовь? Призываю к самоубийству? Живу не в Петербурге, а на острове Лесбос?» (*Сосинский В.* Рассказы и публицистика. С. 359). Ср. также: «Я боюсь, когда меня сравнивают с Пушкиным. Такая громада — и вдруг я с горсточкой странных стихов. Уж лучше с Сафо. От нее остались только начала стихов...» (*Глекин Г.* С. 88). «Сафо — это прелестный миф. Мне ее читал по-гречески Вячеслав Иванов. От строк Сафо остались одни руины» (*Липкин С. С.* 504). В 1950-е ей сказали фразу Мандельштама: «Величайшая в мире поэтесса после Сафо» (*Рогинский Я. Я.* Встречи в Воронеже // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 44).

92 См. его письмо к Глебу Струве: «Мое преклонение перед Ахматовой было исключительно литературное и платоническое» (Из ахматовских материалов в архиве Гуверовского института / Публ. Л. Флейшмана // Ахматовский сборник. I. С. 178). Ср.: «А мне он сказал: “Вам бы, девочка, грибы собирать, а не меня мучить”» (С. 524).

93 РГАЛИ. В биографии Б. Анрепа, написанной его невесткой, последняя, в частности, вспоминает: «[Ахматовой] разрешили выехать за границу. Волнение Бориса было смешано с опасениями: “Теперь она, наверно, старая, толстая и некрасивая”. Я чуть было не возразила: “Но вы же сами старый, толстый и не такой уж красавец, как раньше”, однако сдержалась» (*Фарджен А.* Приключения русского художника / Пер. Нины Жутовской. СПб., 2003. С. 259). По-видимому, первое в ахматовских

стихах прощание с Борисом Анрепом возможно, соединенным, как и в ее поздней поэзии, с другим адресатом, в данном случае — с Григорием Фейгиным (см.: *Кравцова И.* Об одном адресате Анны Ахматовой // *НЛО.* 1992. № 1. С. 257–262), — в стиховом наброске, датированном 31 мая 1917 года:

[Предсмертным] Последним дням не прекословь,
Судьба [божественно] по-новому богата:
Тебе — [последняя] предсмертная любовь,
Мне — старый дом и честь солдата.

Тебе — [в огне] огнем перегореть
И стынуть [каменным] роковым <?> кумиром,
А мне — [быть может] безвестно умереть
В полях, недостижимых лирам.

[Аруг]
[Приподымаясь от поля крови]
Чтобы повеял смертный дух
О [промолчавшей] [там] лю<бови>

(Архив М.Л. Лозинского).

Год расставания Ахматовой с Анрепом был для нее воистину безрадостным — в июле 1917 года она писала Гумилеву: «вот уже неделя, как я в Слепневе. Здесь довольно мрачно в смысле настроений революционной демократии, но тепло светло и тихо <...> Во время твоего отсутствия в Петербурге не случилось ничего примечательного. Все ушли в политику, но все это очень безрадостно», и 15 августа: «Я с тоской смотрю на то, что сейчас творится в России, тяжело карает Господь нашу страну» (см. подробнее: *Тименчик Р.* Два письма Анны Ахматовой // *New Studies in Modern Russian Literature and Cultures. Part I.* Standord, 2014. P. 191–207).

- 94 Letters of Roger Fry / Ed., with an Introd. by Denys Sutton. L., 1972. Vol. 2. P. 448.
- 95 Ср.: «У русских есть лишь названия всего, но ничего нет в действительности. Россия — страна фасадов. Прочтите этикетки — у них есть цивилизация, общество, литература, театр, искусство, науки, а на самом деле у них нет даже врачей» (*Кюстин А.* Николаевская Россия. М., 1990. С. 94); ср.: *Кюстин А., де.* Россия в 1839 году. СПб., 2008. Т. 1 (основной том). С. 497.
- 96 Юзеф Чапский о парижской встрече с Ахматовой (Заметки из дневника писателя) // *РМ.* 1989. 17 марта. Ср. разговор три

месяца спустя: «Никогда не поверю, что это писал Синявский. Он был у меня и очень мне понравился. Синявский — это само добро, а Абрам Терц — это само зло. Нет, нет, это вообще не мог написать москвич. Сразу видно, что *этот* господин давно не был в Москве. Знаете, это ведь угадывается по деталям. Ну, может быть, он кончил здесь гимназию. Но с тех пор он в Москве не бывал» (*Роскина Н.* «Как будто прощаюсь снова...» // *Зв.* 1989. № 6. С. 103). Об отношении к книге Абрама Терца см. запись Л.К. Чуковской со слов М.С. Петровых и Э.Г. Герштейн: «Анне Андреевне не нравилась та книга, которая так раздражала меня. Когда ей дали, она прочла немного и вернула со словами: “Мне это не нужно”. Потом слушала передачу по радио и отошла, рассердившись» (*Зн.* 2003. № 1. С. 158).

- 97 *РМ.* 1965. 19 июня; Исправление // *РМ.* 1965. 24 июня; Исправление // *РМ.* 1965. 1 июля. Ср.: *Энден Л.* Стихи. I. Париж, 1966. С. 60. О Льве Эндене (1899–1993) см.: *Амурский В.* Подданный Цветаевой // *Зв.* 2005. № 6. С. 214–223. Другой парижанин писал в эти же годы в стихотворении «Парк “Монсо”»:

В Раю, быть может, и не краше:
Покой, Гармония, Цветы...
Пристанище и Счастье Наше:
Стихи Ахматовой и Ты...

(*Секретев А.* Мираж. Вторая книга лирики. Париж. 1972. С. 6).

- 98 *Глекин Г.* С. 310.
- 99 *Щеглов А.* С. 211. Ср. в августовском письме к Аманде Хейт и Фейс Вигзелл: «Я все чаще вспоминаю или, вернее, ощущаю Англию, и мне кажется, что я из нее как-то не совсем уехала. Наоборот, Париж мерещится тем последним перед пробуждением сном, когда человек втайне знает, что все это неправда, и из одной вежливости с кем-то разговаривает. Чувство, наверное, известное всем людям, а лучше всех Кафке» (*Каминская А.Г.* Памяти Аманды // *Свою меж вас еще оставив тень.* Ахматовские чтения. Вып. 3. М., 1992. С. 45).
- 100 *Хейт А.* С. 202–203. Ср., между прочим, письмо Гумилеву 1917 года: «Я очень рада, что ты повидал англичан. Они для нас всегда казались чем-то таинственным» (*Тименчик Р.* Два письма Анны Ахматовой).
- 101 Нина Николаевна Берберова (1901–1993) — поэтесса, балетристка; см. справку: *Петербург в поэзии русской эмиграции.* С. 592–593). «А. А. не знает ее и мало о ней слышала. В 1915 году Нину Берберову — тогда еще девочку — с А. А. познакомила

Т. Адамович» (Л1. С. 40). Н. Берберова вспоминала о встрече 21 ноября 1921 года у Наппельбаумов (*Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М., 1996. С. 164*). После ждановского постановления она писала: «Арестуют ли обоих писателей? Будут ли их судить? Приговорят ли к сроку? Или попросту им навсегда запретят заниматься какой-либо литературной деятельностью? Случай этот вырос до масштабов грандиозного события, поскольку затрагивает двух литераторов, которых в СССР знает каждый, кто умеет читать. Французы, интересующиеся советской литературой имели неоднократно возможность читать произведения Зощенко. Но кто такая Ахматова и в чем ее слава? <...> Кому в литературном Петербурге не был знаком силуэт этой молодой, высокой, утонченной брюнетки со светлыми глазами и строгим профилем! <...> Ахматовой сейчас под шестьдесят. Ее жалкое существование, ее одиночество легендарны. После короткого периода счастья и славы она прожила четверть века молчания и забвения. Во время войны она подписала несколько воззваний, призывающих народы СССР сражаться с варварами, пришедшими разрушить советскую культуру. Она казалась единой с режимом. События месячной давности можно считать концом Ахматовой» (*Berberova N. La fin d'un poete russe. Anna Achmatova // Juin. 1946. 17 septembre*). 25 июня 1965 года она сообщала из Парижа: «Главным событием была встреча с Ахматовой. Только пять человек видело ее здесь, и я была одна из них. Это было очень волнующе и нервно» (*From The Other Shore: Russian Writers Abroad // Past and Present. 2002. № 2. P. 75*). О «пренеприятных» отзывах Н.Н. Берберовой после этой встречи см. письмо Вадима Андреева: *Крелин М. Победившее смерть слово. Томск, 2000. С. 298*.

Из не случившихся в Париже встреч отметим одну: 9 апреля 1965 года упала на улице и больше не поднялась Людмила Николаевна, вдова Евгения Замятина, «маленькая, небыстрая, замкнутая, сдержанная» (*Зайцев Б. Верность. Памяти Л.Н. Замятиной // РМ. 1965. 6 мая*), «грациозная, хрупкого здоровья, чрезвычайно привлекательная маленькая женщина» (*Даманская А. Памяти Евгения Замятина // Сегодня (Рига). 1937. 14 марта*), с которой Ахматова дружила с августа 1922 года. Ср.: «А. А. любит Людмилу Замятину. Отзывается об ней с большой теплотой, рада ее присутствию и благодарна ей за уход и заботы» (Л1. С. 84).

- 103 Кэрол Бартлетт (Bartlett) собиралась стать аспиранткой Стэнфордского университета и вписала свой массачусетский адрес (С. 741) во время встречи с Ахматовой в Лондоне — см. ее письма от 2 и 6 июня 1965 года (№ 1702). Свой трех-с-половиной часовой разговор с Ахматовой она изложила в письме к Глебу Струве: «Она открытым текстом не отговаривала меня, но определенно была не в восторге от темы моей диссертации. Мой нынешний план состоит в том, чтобы написать общий разбор ее поэзии. Ахматовой это показалось слишком амбициозным, и она пыталась убедить меня, что сюжет поскромнее, вроде схожести тем в “Поэме без героя” и в ее ранней лирике имеет больше шансов на удачу. Она косвенно выразила свое неодобрение, игнорируя то, что я сказала ей о своем плане. Несколько раз она сказала, что досадно, что я еще не выбрала свою тему, ибо она бы с радостью дала мне библиографические рекомендации и дала бы канву! Возможно, она чувствует, что в общем разборе я тоже буду опираться на источники, которые она считает нежелательными».
- 104 Студентка Нью-Йоркского университета Глория Энн Бруно (Bruno) писала Ахматовой 5 августа 1965 года (С. 726) о своем выпускном сочинении, сопоставляющем поэзию Ахматовой и Пушкина, и сообщила о предположении, что Ахматова в своих работах о Пушкине сказала еще не все, что хотела сказать о любимом поэте России (РГАЛИ).
- 105 Запись разговора Л.Н. Гумилева с Д.В. Куприяновым в 1986 году (*Куприянов Д.В., Воробьев В.М.* Ахматова и юмор. Тверь, 2001. С. 65).
- 106 *Королев М.* Встреча с писателями. Заметки с пленума горкома КПСС // Правда. 1965. 7 июня.
- 107 РГАЛИ. С драматургом и критиком Николаем Давыдовичем Оттенем (Поташинским; 1907–1983) Ахматова встречалась один раз 15 ноября 1960 года: «[С.П.] Маркиш с Оттенем» (С. 104) — ср.: «Она ему не понравилась. По его словам, она “ханжила”: осуждала Пастернака за роман с Ивинской и проч. Говорит, что она похожа на Екатерину II в старости» (*Гладков А.* С. 551); ср. в беседе с Н.В. Кинд: «Пришли ко мне, и он стал мне объяснять, как надо понимать Пастернака... мне!» (*МАА*); ср. отголосок разговора с Оттенем: *ЛЧ2.* С. 459; ср. также о нем («Т.»): *ЛЧ3.* С. 304.
- 108 Стихи С. Щипачева, Е. Винокурова, А. Дементьева; в том же номере Алла Гербер защищала от читателей стихи Юнны Мо-

риц: «А что это за стихи такие — Юнны Марич (вместо Мориц)? Для кого и для чего они написаны? К чему ведут? Куда зовут?

...И замыслов счастливых стайка
У изголовья тут как тут.
На каждом трусики и майка.
Поглажу их — пускай растут...

...Пускай Ю. Марич научит нас, как гладить замыслы» <...>

- Они куда-то очень торопятся, такие читатели. Им некогда даже запомнить имя автора, уж не говоря о его стихах. Им некогда как следует прочитать, перечитать, задуматься, наконец». В конце номера — «Непричесанные мысли» Станислава Ежи Леца в переводе Музы Павловой и Владимира Бурича, где есть и такая: «То, что говорит один поэт о другом поэте, можно сказать не будучи никем». Ахматовская публикация тиражом в полтора миллиона экземпляров была отмечена иностранной печатью (*Anna Achmatowa und die Jugend // Frankfurter Zeitung*. 1965. 11 August; *Захаров, Лав*. Велика слава Ане Ахматове // *Политика*. 1965. 19 сентября; *Лав Захаров (1903–1975) — сербский журналист, переводчик и пропагандист русской литературы*). Первоначально, летом 1964-го, Ахматова предложила журналу «Решку», но после некоторого промедления редакция решила заменить ее подборкой уже печатавшихся стихов разных периодов (*Лесневский С.* «...Известный профиль с гордо занесенной головой» // *ЛГ*. 1996. 14 августа). Тираж «Юности» к концу 1965 года достиг (может быть, и благодаря ахматовской публикации) двух миллионов экземпляров — не к радости редакции, понимавшей, что при таком тираже ей придется пойти на понижение художественного уровня материалов (*Dewhurst, Martin*. *Soviet Russian Literature and Literary Policy // The Soviet Union since the fall of Khrushchev / Ed. by Archie Brown and Michael Kaser*. London, 1975. P. 193). Вальяжное одобрение ахматовской подборки поспело к самой кончине поэта: «В стихотворениях неизменно виден почерк масштабного, “стратегического” поэта» (*Гусев В.* Стратегия и тактика стиха // *ВЛ*. 1966. № 3. С. 31).
- 109 Ленинец (Уфа). 1965. 14 августа. Автор заметки — Александр Глезер, который через Галину Корнилову передал номер газеты Ахматовой (*Глезер А.* Двадцать минут с Анной Ахматовой // *Стрелец*. 1984. № 12. С. 39). См. также нашу справку: *Эткиндовские чтения. II–III*. С. 230–231.
- 110 Ср.: «Анна Андреевна не раз говорила, что для нее в августе — неблагоприятное расположение светил, и признавалась, что ее

очень интересуют магия и астрология: “Это так страшно, так страшно!”, а в глазах ее, горьких и ясных, вспыхивали веселые огоньки. Фраза эта, произнесенная совсем особенным тоном, тоном веселого как бы испуга, звучала насмешкой над тем, что мог подумать собеседник» (*Глекин Г. С.* 333); о мифологии «августа» у Ахматовой см., например: *Тименчик Р.* Неизвестное стихотворение Анны Ахматовой // Октябрь. 1989. № 10. С. 182–184; *Поберезкина П.* Стихотворение Анны Ахматовой «Август» (опыт анализа) // Graduate Essays on Slavic Languages and Literatures. Pittsburgh, 1996. P. 38–47.

111 ОАА. С. 530.

112 Зн. 2002. № 2. С. 136.

113 Чуковская Л. Сочинения. Т. 2. М., 2001. С. 460. Ср.: К.П. [Померанцев К.Д.] Снова травля писателей в СССР // РМ. 1965. 19 августа.

114 Солженицын А. Бодался теленок с дубом. С. 115.

115 К<рысин>Л. Так говорят по-русски // Русский язык в национальной школе. 1966. №5. С. 80.

116 Ардов М. Возвращение на Ордынку. СПб., 1998. С. 24.

117

Silence

Silence is the rock where I shall stand.
 The silence between this and the next breath,
 that might be — if not yet — death;
 the silence between lover and lover
 that neither flesh nor mind bridge over;
 the silence between word and word,
 in which truth waits to be heard;
 the silence between world and world
 in which the promise first was sealed,
 the heart's silence between beat and beat,
 in which myself and silence meet.
 Silence is the rock where I shall stand.
 Oh, when I strike it with my hand
 may the artesian waters spring
 from the dark source I long to find.

118 Ср. в дневнике А. Любимовой: «...там было смешение языков: гости из Италии, Америки и т.д.» Ср. у нее же о следующем дне: «Так пропало и воскресенье (тоже солнечное) из-за толпы всевозможных посетителей, приключения с пьяным геологом, которого всячески удаляли с территории (он хотел даже бить С. Гитович), А. А. устала от гостей...»

- 119 «Профессор Нью-Йоркского университета» — Роберт Сайнай (Isaac Robert Sinai; выходец из Литвы, настоящая фамилия — Скикне). Ср.:
 «— В Америке мне сказали, что вы очень знаменитая, я прочел некоторые ваши вещи и понял, что вы единственный человек, который знает, что такое русский дух». Ахматова вежливо, но довольно демонстративно перевела разговор на другую тему. Профессор настаивал на своей.<...> “Мы не знаем, что такое русский дух!” — произнесла Ахматова сердито. “А вот Федор Достоевский знал!” — решился американец на крайний шаг. Он еще кончал фразу, а она уже говорила: “Достоевский знал много, но не все. Он, например, думал, что если убьешь человека, то станешь Раскольниковым. А мы сейчас знаем, что можно убить пять, десять, сто человек — и вечером пойти в театр”» (*Найман А. С.* 161).
- 120 Ср.: «Когда посадили Синявского и Даниеля, и пианистка Юдина сказала, что русская православная церковь не одобряет печатание за границей, Ахматова глянула тучей:
 — Такого не было даже в тридцать седьмом году. Тогда говорили: наверное, он с заграницей переписывался...» (*Сергеев А. Omnibus. С.* 377). Тем не менее, письмо в защиту Синявского и Даниэля М.В. Юдина подписала (Невельский сборник. Статьи, воспоминания. Вып. 12. СПб., 2007. С. 58).
- 121 Об И.А. Бродском в этот день см.: *Ефимов И.* Нобелевский ту-неядец. М., 2005. С. 17–31.
- 122 *Вегин П.* Опрокинутый Олимп: Записки шестидесятника. Роман-воспоминание. М., 2001. С. 307–308. Ср. письмо Р.Н. Гринберга Ю. Марголину от 26 ноября 1965 года: «Бродского, между прочим, освободили в конце концов. Помог, говорят, Ж.-П. Сартр, что мне не по душе и даже противно, однако важно, что молодой поэт гуляет по Ленинграду и не должен возвращаться в деревню Норенское Архангельской области».
- 123 РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 1. Ед.хр. 501. Л. 26; об этой телепередаче см.: *Найман А. С.* 166–167.
- 124 После получения гонора за «Бег времени» начались подсчеты («Старые долги: 4. 500 и 700 (?)»), переросшие в стиховой набросок —

Сама Нужда смирилась, наконец,
 И отошла задумчиво в сторонку,
 а затем и в рассуждение о Пушкине: «И все-таки “Дубровский” — неудача Пушкина. <...> Это было желание заработать много, много денег, чтобы о них больше не думать» (*С.* 710).

- 125 *Бондарин С.* Очередь на рассвете // *ЛР*. 1965. 3 декабря. 12 октября сборник продавали в ленинградском Доме книги — «80 экземпляров и все кончилось» (*Из семейной переписки*. С. 159). Ср. о выходе книги как событии: *Pzg. [Porzgen, Hermann]. Gedichte der Achmatova // Frankfurter Allgemeiner Zeitung*. 1965. 14. Oktober.
- 126 *Абрамова Л В., Перевозчиков В.К.* Факты его биографии. М., 1991. С. 39.
- 127 *Двухтомник*. Т. 2. С. 377. Татьяна Ильинична Коншина (урожд. Игнатова; 1892–1972) еще при жизни Ахматовой записывала: «Очень люблю беседовать с Анной Ахматовой, люблю ее юмор, ее мудрость, ее большие знания, как в области литературы, так и в области человеческой психологии. Странно, этого ведь совсем не чувствуется в ее стихах; в них нигде нет юмора, нечего в них искать и той житейской мудрости, которая сквозит в ее речах. Лирика, любовный намек, романтика, которыми наполнены ее стихотворения, полностью отсутствуют в беседах с нею. Вот такова она» (*Коншина Т.* Воспоминания об Анне Андреевне Ахматовой // *Зв*. 1979. № 6. С. 167).
- 128 *Глезер А.* Человек с двойным дном. М., 1994. С. 50–51.
- 129 *Штейнберг А.* К верховьям. М., 1997. С. 387; ср. письмо Д.Е. Максимова от 1 июня 1965 года о нем: «известный с<укин> сын» (*Мицц-Лотман*).
- 130 *Беляев А.* Литература и лабиринты власти: От «оттепели» до перестройки. М., 2009. С. 95, 151.
- 131 Н. Татарина-Пушкарская писала Н.Я. Мандельштам 20 декабря 1965 года: «Обещала стихи Анна Андреевна, но вот заболела <...> Если бы А. А. прислала свои стихи, мы с радостью дали бы ее в очередной номер, сняв кого угодно в корректуре. Но об этом, вероятно, даже мечтать сейчас нельзя». В этом же письме она просила помочь добыть материалы у Евтушенко, Матвеевой, Казакова, Аксенова. «Наш новый редактор любит Аксенова. Так, что на большом писательском собрании пламенно оборонил его от нападок» (РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед.хр. 244. Л. 2). Редактор — Вячеслав Афанасьевич Костыря (С. 679). После смерти Ахматовой 12 марта 1966 года Н. Татарина-Пушкарская писала, что редакция «абсолютно твердо может опубликовать» стихотворения из того набора, который передала ей Н.Я. Мандельштам: «Если б все, кто помощи душевной», «Не лирою влюбленного», «Привольем пахнет дикий мед», «Я над ним склонюсь, как над чашей», «Вы так вели по бездорожью, «Имя». «Подумайте только, что больше она не напишет

ни одной строки! Страшно за русскую поэзию». В «Звезде Востока» (1966, № 6) с разрешения Л.Н.Гумилева были напечатаны первые четыре стихотворения из этого списка, а также «Где-то ночка молодая».

132 *Друскин Л.* Спасенная книга. СПб., 1993. С. 141.

133 *Хазин А.* Текущие дела. Стихи. Фельетоны. Сцены. Л.; М., 1958. С. 18.

134 *День поэзии.* М., 1957. С. 9.

135 *Орлова Р, Копелев А.* С. 288.

136 *Бабаев Э.* С. 11. В Ташкенте должна была вспоминаться и другая тамошняя покойница, ушедшая уже «после всего» — о взаимоотношениях Ахматовой и Е.И. Дмитриевой-«Черубины» см. нашу справку: Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 617–625.

137 Ср. трехстишие 1961 (?) года о 24 октября 1917-го:

На разведенном мосту
В день, ставший праздником ныне,
Кончилась юность моя. (С. 129)

В этот же день на Ордынку приходили Н. Гребнев и балкарский поэт Кайсын Кулиев. Ср. надпись Кулиева «Анне Андреевне Ахматовой с робостью 7 ноября 1965» на книге его стихов «Завещанный мир» (МАА).

138 Спустя месяц, в больнице, записывая пункты для статьи М.В. Ардова о ней, после перечня зарубежных восхвалений Ахматова наметила фразу: «Мы, соотечественники Ахматовой, видим ее гораздо проще, знаем ее *самоиронию* (Рина Зеленая)» (С. 695). В тот день был написан «Бег времени»: «Рине Зеленой после всего — Ахматова 7 ноября 1965 Москва» (собрание Л.М. Турчинского). 7 марта 1942 года в Ташкенте актрисе Екатерине (Рине) Васильевне Зеленой (1901–1991) в альбом вписано стихотворение «Но я предупреждаю вас...» с разночтением противу окончательного: «Ни гиацинтом, ни звездой...» (*Зеленая Р.* Разрозненные страницы. М., 1987. С. 183). Ср. о ней: «Рина Зеленая, как и Фаина Раневская, принадлежала к редкостным актерам чаплинского плана, которым были доступны вершины комического и трагикомического. Даже в повседневном житейском общении трудно было попасть ей “в тон”. Актерская игра была для Рины не обязанностью и даже не призванием, а стихией самовыражения. Все ею разыгрываемое — в словах, в мыслях, в этих прозрачных “детских” оболочках — было блистательно, необыкновенно точно: на глаз, на осязаемость дей-

ствительности. И содержало глубокую оценку мира. Нашего отнюдь не шутейного, страшноватого мира, преломленного как будто бы в сказочных, детских, юмористических ролях. Ее дар был бездарно использован в советском кино, где недолюбливали актеров — якобы смешных, но грустных. Через десятилетия протянулась до обидного короткая ниточка ролей...» (*Габрилович Е.* Последняя книга. М., 1996. С. 289–290).

139 Ср. воспоминания В. Кривулина (*Последние годы.* С. 32). Ср. также: *Елисеев Н.* Книжная полка // *НМ.* 2002. № 2. С. 193. Заметим, что по поводу процитированных Глебом Струве фраз Андрея Левинсона о Гумилеве («Я не видел человека, природе которого было бы более чуждо сомнение, как совершенно, редкостно чужд был ему и юмор. Ум его, догматический и упрямый, не ведал никакой двойственности»), Ахматова заметила о мемуаристе в разговоре с Н.Н. Глен: «Ничего не понимал. Н. Г. <гумилев> был полон самоиронии» (*ММА*).

140 *ЛЧЗ.* С. 302.

141 Из посвященного В.В. Виноградову сонета 1965 года: *Голенищев-Кутузов И.* Благодарю, за все благодарю: Собрание стихотворений. М., 2004. С. 212.

142 Выдающийся русский филолог Виктор Владимирович Виноградов (1894–1969) помимо двух широко известных публикаций о поэтике Ахматовой читал о ней доклады, что отмечено в набросках автобиографии (С. 69), например в петроградском историко-литературном кружке им. Пушкина и в Институте истории искусств (*Виноградов В.В.* Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. С. 501); помимо этого, 12 июля 1922 года он читал в Рязани доклад «О поэзии Ахматовой». Судя по конспекту слушательницы, он говорил о форме лирического романа, созданного Ахматовой, об ассоциативных связях слов, о влиянии ее на молодых поэтов и том, «что после смерти Блока, Ахматова вместе с Андреем Белым являются наиболее видными современными поэтами» (*Александров П.* В.В. Виноградов — член Общества исследователей рязанского края // *Рязанские ведомости.* 2000. 29 июля).

Заключение Экспертной комиссии от 14 декабря 1965 года, выполненное на основании постановления Следственного отдела КГБ от 22 ноября 1965 года (председатель Виноградов В.В., члены — Костомаров В.Г., Бирюков Ф.Г., Прохоров Е.И.), гласило: «...против советского общественного и государственного строя, изображенного в нарочито уродливой карикатурной

форме, порочащей его. Особенно безобразной и оскорбительной для любого советского человека является сцена в повести “Любимов”, связанная с В.И. Лениным» (Хранить вечно. Приложение к «Независимой газете». 1998. 6 февраля). Одним из доказательств того, что А.Д. Сиявский и Абрам Терц — одно лицо, было употребление в статье Терца «Что такое социалистический реализм» цитаты из статьи Н.Н. Пунина «в старой и редкой газете “Искусство коммуны”» от 15 декабря 1918 года — тот же номер газеты был упомянут в книге А. Меньшутина и А. Сиявского «Поэзия первых лет революции» (М., 1964). Ср. разговор 27 февраля 1966 года: «Я только сейчас узнала, что академик Виноградов участвовал в этой подлости, был председателем экспертной комиссии. А ведь он настоящий ученый, мы пятьдесят лет знакомы, даже дружны. Он интересно писал о моих стихах. Но теперь нельзя подавать ему руки» (Орлова Р., Копелев А. С. 291). В.В. Виноградов писал Ахматовой 27 июня 1964 года: «Мой долг — написать о Вас статью или книгу (что мне предлагают итальянцы и американцы), в которой я мог бы <...> дать характеристику Вашего стиля и Вашего значения в современной поэзии» (№ 767). Ср.: «Теперь, когда в теории стиля и в реальной практике атрибуции анонимных и псевдонимных произведений художественной литературы и публицистики достигнуты феноменальные успехи (В.В. Виноградов)...» (Флейшман А. Из истории элегии в пушкинскую эпоху // Пушкинский сборник. Рига, 1968. С. 48).

- 143 Жена В.В. Виноградова Н.М. Мальшева в открытке от 12 ноября 1965 года писала: «Очень расстроены, что Вы заболели, — не мы ли Вас сокрушили? Но очень хорошо, что Вас лечат в чудной больнице. Там ведь чудные врачи и чудный персонал (так считается в Москве). Надеемся, что Вы все же недолго там пробудете. <...> Молюсь за Вас той “Державе непобедимой”, которую мы посетили перед приходом к Вам на Ордынке 8-го ноября» (№ 767).
- 144 Когда-то его колесницей пугала ахматовскую героиню газетная рецензентка: «У женщины, перебирающей четки, нет ничего, кроме “него”, она падает ниц перед божеством и ждет, как ждут благочестивые индусы, что священная колесница раздавит их» (Гиляровская Н. «Четки» // Голос Москвы. 1914. 21 июня).
- 145 См. убедительную статью: Серова М.В. «Записные книжки» Ахматовой как «универсальный черновик» // Некалендарный XX век. Вып. 2. Великий Новгород, 2003. С. 66–76. Прибавим

- к материалам статьи интересное свидетельство Л.В. Горнунга 1936 года: «Ей нагадали в конце жизни большой удар и сумасшествие. Она призналась, что, когда ей было 12 лет, ей кто-то предсказал, что она умрет в тюрьме» (ВАА. С. 206–207).
- 146 В передаче Ахматовой: «“Где же я тебе яблоко достану”, — ответил ей стрелец» (С. 706).
- 147 Листок с проектом титульного листа хранился в бумагах П.Н. Лукницкого.
- 148 Эта интертекстуальность, заметим апарте, не без кровавых отсветов. Бывший прославитель Ахматовой и собеседник Мандельштама писал, что белоэмигранты «мечтают о земле обетованной, как Гумилев перед смертью в чека: “Я — угрюмый и упрямый зодчий / Храма, восстающего во мгле”, храма белой России, когда подымутся “Стены Нового Иерусалима / На полях родной моей страны”» (*Рожицын В.* Тоска по белой родине // Коммунист (Харьков). 1922. 24 января). Ср. о В. Рожицыне как «умном и странном человеке»: *Мандельштам Н.Я.* Об Ахматовой. С. 146.
- 149 ВАА. С. 477.
- 150 Вильям Блейк в переводах С. Маршака. Избранное. М., 1965. С. 31, 163.
- 151 Вильям Блейк в переводах С. Маршака. С. 29.
- 152 Автограф: РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед.хр. 17. Стихотворение было записано за полвека до того на обороте известного стихотворения о Киеве «Древний город словно вымер...» (1914), но с существенным разночтением «Горный город словно вымер», что выделяет в описанном месте зловещие (в этом варианте — «страшен мой приезд») отсылки к мифологии гор, актуализировавшиеся для Ахматовой через столетия в Риме.
- 153 *Безродный М.В.* Из комментария к драме Блока «Незнакомка» // Блоковский сборник IX. Тарту, 1989. С. 60. Ср. мнение о происхождении этого мотива «Незнакомки» из «Лилии долины» Бальзака: *Бицилли П.* Франко-русские влияния // Встречи. 1934. № 1. С. 36.
- 154 *Виноградов В.* О символике А. Ахматовой // Литературная мысль. Альманах. I. Пг., 1922. С. 97.
- 155 *Богомолов Н.* «Таким я вижу облик ваш и взгляд» // ЛО. 1989. № 5. С. 42. Ср. также в письме Г. Чулкова к Ахматовой 1933 года: «Чудесная! Как хорошо, что Вы все-таки сошли к нам — грешным — из Вашей горней страны... Но если уж сошли, так пусть и все человеческое да не будет Вам чуждо». О вышецитированном

- стихотворении Ахматовой см.: *Аникин А.Е.* Ахматова и Анненский: Заметки к теме. I. Препринт. Новосибирск, 1988. С. 9.
- 156 *Ардов М.* Возвращение на Ордынку. С. 71. В бумагах Ахматовой встречаются фрагменты цитат, которые могут быть пробой пера, проверкой памяти, но одновременно и заготовками эпиграфов. Так, на одном листке (№ 47) записаны по памяти стихи из дантовского «Чистилища»:

la mia sorella, che tra bella e buona non so qual fosse più...

(«...А здесь — кого бы вспомнить полагалось
Из тех, кто мне дивится в тишине?»
“Моя сестра, чьей красоте равнялась
Ее лишь благодать, радостным венцом
На высотах Олимпа увенчалась“»)

(XXIV. 11–15. Пер. М. Лозинского)

- и начало 37-й оды Горация (*Nunc est bibendum, nunc pede libero pulsanda tellus*), побывавшее уже в эпиграфах у Пушкина. В последнем случае можно предположить очередное возвращение ахматовской мысли к Клеопатре (на смерть которой написана горациева ода), к той «третьей», которая — названная и не названная — не оставляет никогда ее лирические сюжеты. Напомним прощальную ахматовскую надпись на книге в 1946 году: «И. Берлину, которому я ничего не говорила о Клеопатре».
- 157 В пересказе: «С чего б ты стал упрекать меня, ты, добившийся положения отвергнутого? О, знай, любовь, мое отречение превыше любой платы. Мое святое “Нет” никогда не падало в цене. Ты коронован скорбью о слове, которого нельзя купить. О сильный, о чистый! Подобно тому, как “Да” сулит нам счастливую любовь, я присягаю тебе этим единственным в своем роде отвержением поцелуя. Я сохраню для тебя эту завидную печальную привилегию. Я утверждаю эту честь за тобой. Никто не смеет рассчитывать на долю в твоём отчаянии». Книга английской поэтессы была у Ахматовой в больнице (*Selected Poems of Alice Meynell 1847–1922. Newly chosen for the Nonesuch Press. London, 1965*).
- 158 «Тесный круг вдохновений женских, мир Сафо, мир Елизаветы Броунинг, мир Луизы Лабэ, “жены канатного мастера из Лиона”,

- которой 14, кажется, сонетов стяжали бессмертие. Муза Ахматовой — только любовь» (*Левинсон А.* Стучат! Очерки литературной жизни // Последние новости (Париж). 1921. 9 ноября). 28 января 1966 года М.В. Толмачевым было послано предложение переводить стихи Луизы Лабе для издания «Литературных памятников» (№ 1022).
- 159 Ср. перевод второго терцета (Э. Шапиро): «Когда ж душа надеждою полна / И радостью я сердце успокою, / Терзаюсь вновь я прежнюю бедою» (*Лабе Л.* Сочинения / Изд. подгот. И.Ю. Подгаецкая. М., 1988. С. 105).
- 160 См.: *Гордон М.З.* Восьмой сонет Анны Ахматовой // Невский библиофил. Вып. 1. [СПб.], 1996. С. 85–88.
- 161 Ср.: «VIII сонет продолжает актуальную для поэтов Возрождения традицию изображения антитетичности любовного чувства, восходящую к “Odi et amo” Катуллы, “Книге песен” Петрарки и неопетраркистской поэзии» (*Лабе Л.* Сочинения. С. 232).
- 162 Ср.: «5 января. Jour des Rois. 20 лет одной разлуки» (С. 693). О семантике даты в связи с третьим посвящением в «Поэме без героя» см., например: *Я не такой.* С. 901; сюда, впрочем, вкраплено недоразумение («Берлин, будучи родом из Риги и католиком» etc.), встречающееся и в других исследованиях. См.: «...следует подчеркнуть, что Исаия Берлин — правоверный католик, поэтому тема Крещенского Сочельника наверняка возникала в ходе его прощальной беседы с Ахматовой» (*Яковлева Л.А.* К категории времени в поэзии Анны Ахматовой: диалог с фольклорной и религиозно-мифологической традицией // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2012. № 5. С. 151). Этого подчеркивать не следует, см. монолог Исаии Берлина: «Я хочу сказать: я понимаю религиозные чувства. Религиозная музыка — я понимаю. Религиозная какая-нибудь поэзия, живопись религиозная — она мне не чужда. Я не такой острый атеист. Не сухой атеист. Да нет, я понимаю, что такое быть религиозным. Что эти люди, которые религиозные, — какие у них чувства, я понимаю. А к кому, к чему это относится, понятия не имею. В традиции я верю. Я принадлежу к синагоге» (*Найман А.* Сэр. М., 2008. С. 127).
- 163 В эти дни из письма председателя ПЕН-клуба Дэвида Карвера (Carver; 1903–1974), навещавшего ее в сентябре в Комарове, она узнала, что Берлин проводит этот семестр в Принстонском университете (№ 1713).

- 164 Ср.: «А. А. любит его и ценит больше всех французов», «Виллон — душенька» (Л2. С. 133, 134).
- 165 Излагается предельно близко к тексту записка В. Семичастного от 11 декабря 1965 года: История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 147–153. Донесение завершалось словами: «Сложившаяся обстановка требует прежде всего неуклонного повышения идейного и воспитательного уровня произведений литературы и искусства; принципиальной, прямой и открытой критики идейно невыдержанных, политически вредных произведений, проявлений очернительства; всемерной поддержки творческих работников, которые действительно хотят пропагандировать коммунистические идеалы и работать над идейным укреплением нашего общества. Наряду с этим следовало бы обратить внимание на повышение активности и боевитости творческих объединений в вопросах борьбы с буржуазной идеологией, на усиление нашей контрпропаганды, направленной на своевременное разоблачение подрывных действий противника на идеологическом фронте». Но этому всему предстояло развернуться уже после кончины Ахматовой.
- 166 Идентификация «Николая Аржака» эмигрантскими передатчиками рукописей была фантастической, но показательной. Борис Филиппов писал Роману Гринбергу 7 апреля 1964 года: «А я получил эти повести оттуда, и даже догадываюсь — как подлинное имя Аржака. Кстати, одно время я хотел передать Вам для второго номера Воздушных путей ряд стихотворений этого автора, которого, кстати сказать, очень ценила и ценит Анна Ахматова».
- 167 Александр Сергеевич Есенин-Вольпин рассказывал нам, что в июле 1946 года он был у Ахматовой в Ленинграде, читал свои стихи. На демонстрацию не вышли знакомые Ахматовой поэт и критик Юлий Александрович Айхенвальд (1928–1993) и литературовед Владимир Сергеевич Муравьев (1939–2001). Первый, преподаватель литературы, сказал: «Мы делаем кое-что для воспитания молодежи, а этот выход на площадь все разрушит». Второй вспоминал: «Требовать от власти, чтобы она соблюдала Конституцию? А я не признаю их властями — банда, свора бандитская. Я их не считаю ни президентами, ни премьер-министрами — никем, свора разбойников. А Конституция, как правильно говорил Гриша Померанц, — это рекламная выдумка, китайщина, пустая фразеология» (5 декабря 1965 года

- в воспоминаниях участников событий, материалах Самиздата, документах партийных и комсомольских организаций и в записках Комитета государственной безопасности в ЦК КПСС / *Общ. ред. А. Даниэля. М., 2005. С. 26–27*). О докладе Григория Соломоновича Померанца (1918–2013) «О роли нравственного облика личности в жизни исторического коллектива» в Институте философии в декабре 1965 года Ахматова могла и услышать — самиздатский текст его хранился в бумагах В. Ардова (РГАЛИ).
- 168 Ср. о цензурных изменениях в этом эпизоде: *Смехов В. Записки заключенного. М., 1992. С. 9.*
- 169 В сборнике «Имена на поверке» (М., 1963; редактор — С. Наровчатов). См.: *Багрицкая Л. Досадное недоразумение. Письмо в редакцию // ЛГ. 1964. 5 мая.*
- 170 *Лазарев Л. Шестой этаж, или Перебирая наши даты. С. 112. Может быть, ему принадлежит прозвище Ахматовой «королева-бродяга» (Меттер И. Допрос. СПб., 1998. С. 82). Ср: «Как я любила наслаждаться ими вдвоем — Анной Андреевной и Евгением Львовичем — у себя или у Германов, или у [Н.С. Молчанова]» (Берггольц О. Встреча. Дневные звезды. С. 230).*
- 171 Иннокентий Михайлович Смоктуновский (1925–1994), которому ташкентская знакомая Ахматовой Раиса Беньяш сказала: «Вы знаете, что вы гений?», а потом по поводу того же спектакля «Идиот» в Большом драматическом театре это же слово повторил и Андрей Федорович Достоевский (*Шварц Д. Дневники и заметки. СПб., 2001. С. 226–227*), в фильме М.И. Ромма «Девять дней одного года» произносил монолог, который в письме к Ахматовой пересказывала Н.И. Стоярова: «Фильм привлек массу народа в ЦДЛ и Дом кино и была дискуссия. Больше всего мне понравилась тирада о “дураках, благонадежных, никогда не ошибающихся, всегда идущих в ногу с временем и вполне положительных, неистребимых при любом режиме”» (*Фрезинский Б. Об Илье Эренбурге: Книги, люди, страны. М., 2013. С. 563*).
- 172 «The magnificent seven» — голливудский вестерн (1960), с которым на советском экране появились два русских актера — один знакомец Н.И. Ильиной, другой — когдатошний образцовый человек «серебряного века» (на одном старом и четком снимке его можно видеть рядом с Мариной Цветаевой) Владимир Соколов. Имея в виду бригаду фешенебельных ковбоев, Дмитрий Бобышев сочинял свой упомянутый выше мадригал для Ахматовой —

Еще подыщем трех, и всемером,
 Диспетчера выцеливая в прорезь,
 Угнать бы в вашу честь электропоезд,
 Нагруженный печатным серебром...

Ср. в молодежной прозе: «Крутая шея, твердый подбородок, внимательные серые глаза. Незнакомец сидел, обхватив руками колени, и смотрел на нас снизу вверх с веселым любопытством. Копия — Юл Бриннер из “Великолепной семерки”. Не хватало только черной шляпы и кольца на бедре» (Алексеев В. Люди Флинта // Юность. 1965. № 2. С. 42). Юл Бриннер (Юлий Борисович Бринер; 1920–1985) был знакомым Натальи Ильиной по Харбину. Последняя, по другому поводу, узнав в 1962 году от Ахматовой о близости Артура Лурье в Нью-Йорке с ее шанхайской знакомой Ириной Грэм, заметила: «Тесность мира опять удивила» (РГАЛИ. Ф. 3147. Оп. 1. Ед.хр. 28. Л. 21). Здесь самое время заметить, что вокруг Ахматовой эта тесность всегда усиливалась, что я в предложенной книге до известной степени пытался имитировать.

- 173 Писатель Валерий Яковлевич Тарсис (1906–1983), предположительно автор доноса на Владимира Нарбута, автор повестей «Сказание о синей мухе», «Красное и черное», был выдворен из СССР в феврале 1966 года.
- 174 Записка Комитета по печати при СМ СССР в ЦК КПСС о некоторых вопросах литературы и искусства. 15 января 1966 г. Секретно экз. № 1. Предс. Комитета по печати Н. Михайлов. // Аппарат ЦК КПСС и культура. 1965–1972. М., 2009. С. 165–168.
- 175 См. ее набросок:

У города того нет от меня секретов

— — — — —

Чем был он и чем стал, как он губил поэтов.

Крайнева Н., Тименчик Р. Из архива Анны Ахматовой // Поэтика. История литературы. Лингвистика: Сборник к 70-летию Вячеслава Всеволодовича Иванова. М., 1999. С. 436.

- 176 *Довлатов С.* Бродский об Ахматовой // Альманах Панорама (Лос-Анжелес). 1986. 15–22 марта.
- 177 Например, В.Г. Адмони и Т. Сильман сообщали о своем впечатлении от увиденного ими фильма И. Бергмана «Земляничная поляна» (№ 992).
- 178 Ср. например: «И самое заветное желание, которое Вы, несмышными вздохом, бросите в новогодний бокал — да будет вскоре исполнено» (Письмо П.О. Гросс // ОАА. С. 550); о

П.О. Богдановой-Бельской-Гросс см. подробнее наши справки: *Эткиндовские чтения. II–III. С. 225–227; Что вдруг. С. 235–238, 471–472.*

179 Ср.: «Еще Виллон спросил, мэтр рифм и тона: / Где прошлогодний снег, сбежавший с гор, / И тот вопрос в сердцах у миллиона / Загадкою звучит, и до сих пор...» (*Потемкин П.* Баллада о тщете мира... Из неизданных стихов // *НРС. 1942. 25 января.*)

180 В 1965 году Главлит запретил пьесу Исидора Штока (друга Ахматовой) «Ноев ковчег» («оскорбительные выпады, зубокальство и двусмысленности, позволяющие делать политические аналогии и сравнения с событиями и обстановкой в нашей стране в последнее десятилетие»). Сам он очень гордился одной репликой в своей «Чертовой мельнице»:

«— О женщины! Вы неспособны перенести ничтожную боль ради любимого...

Дисперанда. Стойте! Ради Исидора я согласна на любые пытки, если это действительно не больно» (*Шток И.* Рассказы о драматургах. М., 1967. С. 296).

Запрещена была и великая пьеса Н. Эрдмана «Самоубийца», внесены изменения в мемуары Л. Либединской «Зеленая лампа» («Самоубийство Фадеева представлялось как следствие социальной общественной обстановки. Л. Лебединская утверждает, что “выстрел Маяковского — выстрел вперед, выстрел Фадеева — выстрел назад”») и в стихи Роберта Рождественского: «У поэтов с убийцами, в сущности, равная слава. Кто в веках уцелел? Так что целйтесь в поэтов — и вы попадете в историю» (*История советской политической цензуры. С. 562, 567*). Возвращаясь в последний раз в этой книге к непростому вопросу о взаимоотношениях Ахматовой и Фадеева, укажем на недавно обнаруженный инскрипт на «Из шести книг»: «Александр Александровичу Фадееву — / автору прекрасных / страниц русской прозы / с глубоким уважением / и безмерной благодарностью / Анна Ахматова / 25 августа / 1940. / Переделкино» (*Автографы А.А. Ахматовой из собрания М.В. Сеславинского // Про книги. 2014. №2 (30). С. 16*).

181 *Наровчатов С.* Берега времени // *Правда. 1966. 1 января.* Эти слова писались в атмосфере нарастающей политической неопределенности — так, Константин Симонов сообщал В. Овечкину 5 октября 1965 года: «...происходят разные схватки, возня и метания то сюда, то обратно» (*Симонов К.* Собрание сочинений. Т. 12 (дополнительный). Письма 1943–1979. М., 1987.

С. 278), а Н.С. Тихонов — Е.Г. Полонской 6 февраля 1966 года: «...идет первая сессия Комитета по Ленинским премиям. Трудно и нудно — этот год сложный и непонятный...» (*Фрезинский Б. Судьбы Серрапионов (Портреты и сюжеты)*. СПб., 2003. С. 359).

- 182 *Васильев С.* Митинг в Беркли, во дворе университета // *Правда*. 1966. 9 января; Сергей Александрович Васильев (1911–1975) — председатель есенинского юбилейного комитета, от имени которого обратился с приглашением участвовать в мероприятиях (С. 743). Ср. беседу 8 октября 1965 года: «Вы заметили, — спросила она, — кто именно во все горло чувствует нынче Есенина?.. Зелинский, Сергей Васильев, Куняев, Прокофьев... Заметили, что Есенина выдвигают сейчас в противовес Маяковскому?» (*ЛЧЗ*. С. 299). Ахматова в одном разговоре «с безгливостью упомянула донос в форме эпиграммы» — на поэта Антокольского («Бурбоны из Сорбонны»), в сталинские времена, принадлежащий С. Васильеву с ключевой фразой «Здесь только мало пахло духом русским» (*Давидсон А. Я вас люблю: Страницы жизни*. М., 2008. С. 253). См. также запись современника 22 октября 1955 года: «Утром слышу по радио чей-то голос, показавшийся мне чудовищно-фальшивым. Обращаю внимание на слова: “Меня всегда особенно отталкивали разудало-кабацкие мотивы в творчестве Сергея Есенина”. Я понял, что это выступает кто-то из поэтов, “разбирающий” стихи Есенина, и подумал: интересно, кого же из теперешних поэтов могут особенно отталкивать “кабацкие мотивы”. Повторяю, что голос был настолько приторным, заведомо неискренним, что я сразу отбросил первую мысль — не Асеев ли это выступает. Он мог обрушиваться на “кабацкий дух”, но не таким голосом, от которого на 5 верст разило кабаком. И что же? Оказалось — неистовствует — Сергей Васильев, прославившийся больше пьянством и дебошами, чем стихами. Сергей Васильев, едва вырвавшийся из цепких объятий белой горячки. Вот, оказывается, кто восстает всем своим существом против “кабацкого духа” некоторых есенинских стихов. Вот оказывается, кто осуждает одни есенинские стихи и благосклонно хвалит другие. Ну и ну! Это уже не ханжество, это — издевательство и над самим собой, и над слушателями. Это злая насмешка над здравым смыслом! И неужели у Радиокomiteта не хватает такта, чтобы понять, что нельзя поручать человеку, прославившемуся пьянством, осуждать Есенина за пьянство. Это вызывает

и смех и возмущение. Это делается анекдотом» (*Ивнев Р.* Дневник. 1906–1980. М., 2012. С. 620–621).

Есенин долгие годы ходил с Ахматовой в паре «запрещенных» и «рукописных» поэтов (см., напр.: *Петкевич Т.В.* Жизнь — сапожок непарный. СПб., 1993. С. 126). Ср. в описании траурного митинга после смерти Ахматовой: «А через сорок лет, быть может, Большой театр раздвинет кулисы, чтобы всем был виден портрет поэтессы, зал содрогнется от рукоплесканий и потекут со сцены пленительные строфы, как это было в день неожиданного триумфа Сергея Есенина — другого, столь же русского и столь же любимого поэта» (*Платонова В.* Письмо в «Комсомольскую правду» (1966) — РГАЛИ. Ф. 2861. Оп. 1. Ед.хр. 428).

- 183 «Начинается оно словами: “Что ты делаешь, Луна, на небе? Скажи мне, что ты делаешь, безмолвная Луна?”» (*Родари Д.* Отныне не безмолвная // Правда. 1966. 7 февраля). В ахматовском переводе:

Что делаешь на небе ты, Луна?
 Безмолвная, ответь.
 Восходишь вечером, бредешь одна,
 Пустыни созерцая, — и заходишь.
 Ужель ты не пресытилась опять
 Извечною тропой
 Идти и вновь долины узнавать
 Все те же под собой?

- 184 *История советской политической цензуры.* С. 153–154. М.А. Суслов, смотревший передачу, шедшую в прямом эфире, потребовал было ее прервать (*Муравьева И.* Как нас отучали от правды // Нева. 1991. № 5. С. 166–167).

- 185 *Твардовский А.* Из рабочих тетрадей // *Зн.* 2002. № 4. С. 143. Ранее выступал на собрании по поводу Пастернака, запомнившись как «безликий “неизвестный писатель”» (*Свирский Г.* На лобном месте. Литература нравственного сопротивления (1946–1976 гг.). Лондон, 1979. С. 199). Парадную биографию Дмитрия Ивановича Еремина (1904–1993), одно время — секретаря парткома Союза писателей, см.: *Пухов Ю.* Беспокойный характер // *ЛР.* 1964. 11 сентября. В свою очередь о плагиаторе Ю.С. Пухове см.: *Лазарев Л.* Шестой этаж, или Перебирая наши даты. С. 74.

- 186 ВАА. С. 376.

- 187 ВАА. С. 501. 24 января критик Л. Левицкий записывал в дневник: «Последние дни все разговоры вертятся вокруг Синявс-

кого и Даниэля. <...>Те, кто искренне осуждают Синявского, стоят на точке зрения государства. Государству позволительно делать все, что оно сочтет нужным. Оно может арестовать рукопись Гроссмана. Оно может годами не разрешать печатать Платонова, Булгакова, Пастернака. Оно может травить Зощенко, объявляя его подонком общества и литературы. Оно может измываться сегодня над Ахматовой, завтра над Солженицыным. Оно может запретить обращение к темам, прикосновение к которым считает нежелательным или несвоевременным. Это в порядке вещей. Это совершается во имя высоких государственных интересов. А писатель не имеет даже элементарного права на самозащиту. При этом каждый чиновник, занявший заметный пост, автоматически становится носителем государственной мудрости. Демичев, ни черта не смыслящий в литературе, распоряжается писательскими судьбами. И это мало кого удивляет».

- 188 *Мандельштам Н.* Вторая книга. С. 468.
- 189 См.: *Валмосова-Бонди Н.* Диалог ученого и поэта // *ЛГ.* 1989. 25 октября.
- 190 Нет нравственного оправдания // *ЛГ.* 1966. 15 февраля. Ср.: Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля / Сост. Е.М. Великанова. М., 1989. С. 490–492. Ср. объяснение Бонди: «Он сказал так. Если бы Синявский или, к примеру, я [В.Б. Катаев] со своими товарищами создали бы тайное общество здесь, у себя на родине, направленное против режима, он первым бы туда записался. Но иностранцев в союзники по разрушению того, что есть в России, не взял бы. Ни при каких обстоятельствах» (*Журавлева С.* Встреча для вас. Никто не знает настоящей правды... [Беседа с В.Б. Катаевым] // *Челябинский рабочий.* 1997. 1 апреля).
- 191 Ср. письмо Сталину от 5 марта 1923 года: «Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам и выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения» (*Яковлев Б.* Многогранен как жизнь: Заметки о впервые опубликованных письмах В.И. Ленина // *Юность.* 1966. № 1. С. 76).

- 192 Минц И.И., *акад., и др.* Пламенный большевик // Правда. 1966. 24 февраля.
- 193 Чуев Ф. Солдаты империи. Беседы. Воспоминания. Документы. М., 1998. С. 410. О серии выступлений и публикаций, реабилитирующих Сталина, в конце 1965 — начале 1966 годов см.: *Tatu, Michel.* Power in the Kremlin: From Krushchev to Kosygin. New York, 1969. P. 484–485.
- 194 Гребнев А. Дневник последнего сценариста. 1945–2002. М., 2006. С. 53.
- 195 Синявский и Даниэль <sic!> на скамье подсудимых / Вступит. ст. Э. Замоиской и Б.Филиппова. Нью-Йорк, 1966. С. 97.
- 196 Найман А. С. 298.
- 197 Терапиано Ю. Анна Ахматова: Сочинения. Том I // *PM*. 1966. 15 января.
- 198 Ср. в дни далласского убийства: «Поговорили <...> о том, что у нас в стране и интеллигенция и “народ” его любили» (ЛЧЗ. С. 115). Художница и переводчица Татьяна Максимовна Литвинова (1918–2011), как раз в эти дни подолгу общавшаяся с Ахматовой, записала 23 ноября в дневнике: «Кеннеди убит, почти как Линкольн. Представляю себе папину реакцию» (*Гуверовский архив*); о визитах Ахматовой в дом Т.М. Литвиновой и ее мужа скульптора И.Л. Слонима см. воспоминания их дочери Марии Слоним: *Слоним М.* Вторая линия защиты (Сноб. 2013. Июль-август).
- Ср.: «После обеда он [Кеннеди] отвел Берлина в сторону, и тон разговора стал серьезным и деловым. Кеннеди хотел знать, почему русские больше не создают проблем в Берлине? Как обычно ведут себя русские, когда их загнали в политический угол? <...> Кеннеди попросил Берлина сопоставить замыслы Хрущева и Сталина, а потом сказал, что стоит написать книгу о философии Сталина. “О какой философии Вы говорите?», спросил Берлин, и президент ответил, что у каждого великого политического лидера есть свой собственный набор принципов, которым он следует. Берлин не думал, чтобы у Сталина вообще была философия в каком-либо смысле этого слова, но эту тему он развивать не стал» (*Ignatieff, Michael.* Isaiah Berlin: a Life. New York, 1998. P. 240).
- 199 О взаимоотношениях Ахматовой и Есенина см.: *Азадовский К.М.* Ахматова и Есенин // Ахматовский сборник. I. С. 77–82; *Кралин М.* Анна Ахматова и Сергей Есенин // Наш современник. 1990. С. 10. С. 154–160; *Тименчик Р.* Об одном инскрип-

- те Ахматовой из собрания Л. Турчинского // «Тихие песни»: Историко-литературный сб. ст. к 80-летию Л.М. Турчинского. М., 2014. С. 385–398. Вышеназванному Свиридову потом в его стариковском запале Ахматова не нравилась: высокомерна, масонка, шифрование произведений, связь с еврейскими поэтами (*Свиридов Г.* Из книги «Музыка как судьба» // Наш современник. 2003. № 8. С. 148–149).
- 200 Видимо, со слов Н.Я. Мандельштам фразу записал тогда же В. Шаламов: «— Я тоже на скамье подсудимых вместе с Синявским и Даниелем» (*Шаламов В.* Из записных книжек // *Зн.* 1995. № 6. С. 144). Ср. в рассказе Владимира Муравьева: «Я тоже печаталась за границей. И это тоже было с моего согласия» (*Последние годы.* С. 67).
- 201 Социалистическая демократия и борьба против идеологических диверсий // Правда. 1966. 22 февраля; здесь, вероятно, имеются в виду заявления в защиту Синявского и Даниеля, поданные в суд Вяч. Вс. Ивановым, Л.З. Копелевым, К.Г. Паустовским, и статья Л. Арагона в «Юманите» 16 февраля; 31 января в газете «Таймс» появилось письмо европейских и американских писателей, требующее освободить их советских коллег — из личных знакомых Ахматовой его подписали Г. Бёллер, Дж. Вигорелли, Д. Карвер, Айрис Мердок; «Некоторые из зарубежных интеллигентов, не поняв или не желая понять сути судебного процесса над Синявским и Даниелем, пытаются изобразить его как покушение на демократию и на свободу слова. Что можно сказать по этому поводу? Мы боролись и будем бороться за свободу слова для тех, кто желает народу счастья, а не для тех, кто с провокационной целью использует ее в интересах империалистических хищников!» (*Поздняев К.* Именем революции, именем советского народа! // *ЛР.* 1966. 18 февраля).
- 202 *Лавров Р.* Выдающийся деятель партии // Правда. 1966. 26 февраля. Ср. запись 1963 года: «А. А. говорит, что ей рассказывали о том, что Жданов умирал в мучениях, у него была стенокардия. Говорит, что Сталин стал к Жданову относиться враждебно, запретил его лечить» (*Готхарт Н.* С. 271); московские слухи 1952 года гласили, что А. Щербакова и Жданова умертвили по приказу Берия, который говорил Сталину, что Жданов хочет его убить (*Кафанова Л.* Палач-жертва // *НПС.* 1977. 29 мая); ср.: «Жданова не убивали: помер своей смертью, большое сердце (каждый раз, как звонил телефон, наступал припадок — свидетельство близких). <...> Жданов был слаб и труслив, повторял без конца:

“Только бы не пережить!” — (близким), что означало, что он *ни-как* не претендовал в наследники престола. Он этого страшился» (Переписка Светланы Аллилуевой и Ольги и Романа Гуля // *НЖ*. № 165. 1986. С. 304–305). На смерть Жданова откликнулись бесхитростными стихами простые советские люди:

И когда над Кремлем загорались звезды,
И спускалась на землю безмолвная ночь, —
Замечательный труд он для Родины создал,
Лучшим творческим силам решил он помочь.

Или:

Кристалльно-чистый большевик
Ушел от нас навечно,
Он был в делах своих велик
И свой народ любил сердечно.

Или:

Ты пиши письмо, узбек,
И в ЦК пошли в конверте:
Не скончался человек, —
Так как жизнь его — бессмертье.

(Жаров А. Великая любовь народа // *ЛГ*. 1948. 15 сентября).

- 203 Кочур Г. Мои воспоминания о Елене Алексеевне Ильзен // *Воля*. 1997. № 6–7. С. 371. Не в данной монографии углубляться в этот не вовсе простой вопрос, отмечу только, что для многих он был важен — ср., например, свидетельство Романа Гуля о лагерях перемещенных лиц: «В распространяемых в этих лагерях украинских газетах совершенно серьезно говорится о том, что Зоценко и Ахматова преследовались потому, что они украинцы — Зоценко уроженец Полтавщины, а настоящая фамилия Ахматовой — Горенко. Доказывается также, что раздвоение души Чайковского происходило потому, что одна половина его души, светлая, это украинская половина, а другая, черная и мрачная, это, конечно, кацапская. Думаю, что Чайковский, Зоценко и Ахматова были бы чрезвычайно удивлены этими открытиями» (*Народная правда* (Париж). 1950. №9–10. С. 35).

Елена Алексеевна Ильзен-Грин (1919–1991) в письме от 25 мая 1981 года писала нам: «Я была с ней хорошо знакома последние 5 лет ее жизни и, конечно, много о ней помню. Записать все это я никогда не соберусь...». См. о ней: *Поэзия узников ГУЛАГа*. С. 759–761.

- 204 Выписку Г.П. Струве послал С.Н. Андрониковой 12 марта 1966 года (*Русский архив в Лидсе*).

- 205 *Босенко В.* Последний приют Ахматовой // *ЛГ.* 2001. 7–13 марта. См. другую запись воспоминаний той же М.Ю. Ваганьянц; *Медведев Ф.* Пятый инфаркт Анны Ахматовой. Уникальные свидетельства лечащего врача // *Мир новостей.* 2006. 14 ноября. «Ей должны были сделать укол, и она попросила маму выйти за дверь — ведь это так некрасиво... Через минуту ее не стало» (*Баталов А.* «В своей жизни я бы поправил всё — и с самого начала» // *Известия.* 2003. 20 ноября). Ср. московские слухи, мешающие действительное с желаемым и нежелаемым: «Сведение, недавно полученное от американских друзей, которым удалось повидать человека, приехавшего из Советской России и рассказавшего о последних днях Ахматовой. Будто бы ее хотели после перенесенного ей припадка (сердечного) отправить в хорошую санаторию, но ее подруга взяла ее к себе, — там у нее снова появились нехорошие явления в сердце, и пришлось везти ее в санаторию 3 часа автомобилем (по русским дорогам!). Довезли живую, стало словно лучше. Как-то она что-то попросила у подруги, а когда та вернулась в комнату, Ахматова была уже мертва. Три дня ее держали в морге, так как 5-го марта — годовщина смерти Сталина и были какие-то студенческие выступления, боялись, что, узнав о смерти Ахматовой, студенты будут волноваться еще больше. Моя корреспондентка из Америки пишет еще, что слышала, будто Ахматова за последний месяц жизни потеряла 40 фунтов, и сердце не выдержало такого резкого падения в весе» (*О.М. [Можайская О. ?]* Статья И. Астрау об А. Ахматовой в «*La nacion*» (25.9.1966. Буэнос-Айрес) // *Возрождение.* 1966. № 180. С. 123).
- 206 Находки свитков Мертвого моря породили гипотезу о том, что Кумранская община, которой принадлежали свитки, была христианской, и даже что упоминаемый в одном из свитков «живой повешенный» — это Христос. Эти гипотезы могли обсуждаться с кумрановедом Иосифом Давыдовичем Амусиным (1910–1982), адрес и телефон которого находим в записных книжках (С. 95, 323). На сборнике 1958 года надпись: «Л.М. и И.Д. Амусиным при первой встрече. Ахматова. 4 янв. 1959. Ленинград» (МАА). В месте, предположительно близком к этой дате, находятся пометки о книгах библейских пророков (С. 27). На сборнике 1961 года: «Иосифу Давидовичу Амусину в знак душевной приязни 17 июня 1962» (МАА). Ср. в письме Н.Я. Мандельштам от 8 мая 1963 года о встрече в Ленинграде за три дня до того: «Как Вы сидели с Амусиным и показали ему в его собственном

материале и сфере то, о чем он еще не успел подумать. И еще такой озорной скромницей» (*Мандельштам Н.* Об Ахматовой. С. 264); ср.: «Ахматова хорошо знает и любит Ветхий Завет и охотно обсуждает всякие тонкости с Амусиным, великим знатоком, которого я к ней привела» (*Мандельштам Н.* Воспоминания. С. 213). Ср. свидетельство М.Б. Мейлаха: «В разговорах с И.Д. Амусиным Анна Андреевна высказывала интересные замечания в связи с ветхозаветными апокрифами, хотя ученого немного шокировало, что для своих интерпретаций она наравне с текстами могла обращаться к гравюрам Гюстава Доре...» (*Мейлах М.* С. 98). См. также нашу справку: *От Кибирова до Пушкина.* С. 600–601.

- 207 Возможно, имеется в виду сообщение в статье «Библия» о том, что Лаодикийский собор при определении канона еще не дает определенного мнения об Апокалипсисе (Энциклопедический словарь. Т. III-а. СПб., 1891. С. 815–816). Евангелия и Послания апостольские словарь, естественно, датирует первым веком.
- 208 В интервью археолога Игаэля Ядина рассказывалось о новообнаруженном свитке в развалинах крепости Масада, разрушенной римлянами при подавлении иудейского восстания в 73 году. Среди защитников крепости, по его выводу, были и члены кумранской общины, принесшие туда свои документы. О защитниках крепости, эссеях (эссенах) И. Ядин говорил: «Я вновь пересмотрел все имеющиеся источники, упоминающие эссенов, и обнаружил совершенно неожиданные вещи. Так, например, Флавий в своей “Иудейской войне” говорит про эссенов: “...а что касается смерти, то если она им во славу, они предпочтут ее вечной жизни, и действительно, наша война с римлянами неоднократно выявила, каким душевным величием они обладали, снося испытания; когда их мучили, увечили, сжигали, раздирали на части, истязали орудиями пытки, чтобы их заставить кощунственно хулить своего Законодателя или есть запрещенную им пищу, они не делали ни того, ни другого... но они улыбались в мучениях и отдавали Богу души с полной готовностью...” Итак, если эссены действительно были пацифистами, то почему римляне преследовали их так свирепо? Если же <...> мы заключим, что часть их приняла участие в восстании, станет понятно, что побудило римлян разрушить Кумран и подвергнуть сектантов пыткам и избиению. Из всего известного об эссенах, о кумранской общине и ее учениях вытекает, что они не были убежденными пацифистами, а ско-

рее, я бы сказал, “условными пацифистами”. Они верили, что светопреставление будет сопровождаться борьбой, жестокой войной. В одной из кумранских книг “Война сынов света против сынов Тьмы” описывается этот последний бой, который разразится лишь тогда, когда Бог возжелает того. Быть может, что в 66 году н.э., после ужасных гонений римских правителей Палестины, некоторые из кумранских эссенов — не все — решили, что это и есть последний бой, и не видели более никакой веской причины, почему бы и им не взять в руки оружие».

Однако по главному, интересовавшему Ахматову, вопросу И. Ядин констатировал:

«...свиток из Масады опровергает также некоторые более смелые теории, выдвинутые небольшой группой ученых <...>: по их мнению, обитатели Кумрана были христианами. Эти теории были еще допустимы, когда можно было утверждать, что кумранские свитки относятся ко II, III, IV или V веку н.э. Имеется, несомненно, определенное сходство между кумранским и христианским учениями. Однако большинство ученых, признавая, что кумранская община предшествовала по времени появлению христианства, считает, что она оказала влияние на ранних христиан, а не наоборот» (*Ядин И.* Свитки Мертвого моря и Храм Книги // Ариэль: Культурно-художественное обозрение (Иерусалим). 1965. № 4. С. 25). См. воспоминания Израила Меттера: «Еще помню, что от Анны Андреевны, от нее от первой, я как-то услышал о Кумранской находке — о кусках овечьих шкур, найденных пастухом в пещерах: древние письмены на этих шкурах подтверждали будто бы истинность существования Христа. Анна Андреевна рассказала мне об этом коротко, но глаза ее были озарены. Мне кажется, что личность Христа была как-то по-особому близка Ахматовой человеческой сутью и судьбой» (*ОАА.* С.381). Ср. также разговор с Исией Берлином:

«— А вы верите в историчность Иисуса?»

— Да. Я ничего против не имею. Может быть, да, может быть, нет. Люди говорят, что он не существовал,— может быть, и нет. Может быть, он какая-то такая комбинация разных Иисусов,— теперь говорят: на этих, знаете, свитках его нашли. А может быть, был! Может быть, был такой, да, да, все это было, и его распяли, все это так» (*Найман А.* Сэр. С. 128).

209 Ср.: «Тогда воины и тысяченачальник и служители Иудеев взяли Иисуса и связали Его, и отвели Его сперва к Анне, ибо он

был тесть Каиафе, который был на тот год первосвященником. Это был Каиафа, который подал совет Иудеям, что лучше одному человеку умереть за народ... Анна послал Его связанного к первосвященнику Каиафе.... От Каиафы повели Иисуса в преторию. Было утро; и они не вошли в преторию, чтобы не оскверниться, но чтобы можно было есть пасху» (Иоанн. 18: 12–14, 24, 28). Ахматова цитировала по памяти — «...буквально за несколько часов до смерти она хотела читать Евангелие и очень жалела, что у них не было при себе Библии» (Ардов М. «Не поэтесса». Поэт! Из бесед с Анной Ахматовой // ЛГ. 1989. 4 января).

- 210 См.: «Август оказывал благоволение иудейской колонии, поселившейся в римском предместьи по ту сторону Тибра, и при раздаче милостыни приказывал ее выдавать и тем, кто не являлся за ее получением по случаю шабаша» (Моммсен Ф. Римская история. Т. 5 / Пер. В.Н. Неведомского. М., 1885. С. 487).
- 211 Дописывающий эти строки когда-то сообщил Исае Менделевичу Берлину (как он просил себя называть), который очень много сделал для университета на горе Скопус, где я имею честь работать, о том, что последним чтением его друга Анны Ахматовой был журнал «Ариэль». Он ответил: «Почему-то мне было приятно об этом узнать»...

* * *

В многолетней работе над этой книгой я пользовался щедрой помощью многих коллег, во-первых — деятельной поддержкой своих соавторов по различным публикациям — Константина Азадовского, Михаила Безродного, Александра Долинина, Бориса Каца, Альбина Конечного, Зои Копельман, Николая Котрелева, Натальи Крайневой, Александра Лаврова, Георгия Левинтона, Александра Меца, Валентины Мордерер, Татьяны Никольской, Александра Осповата, Александра Парниса, Константина Поливанова, Димитрия Сегала, Александра Соболева, Владимира Хазана, Татьяны Цивьян, Юрия Цивьяна, Мариэтты Чудаковой. И всякий знающий Гарика Суперфина, моего соавтора по первым ахматоведческим публикациям сорокалетней давности, поймет, что его обеспечение меня находками, догадками и источниковедческой бдительностью трудно переоценить.

Еще труднее переоценить ту роль, которую играли устные рассказы ближайших свидетелей ахматовской жизни — Михаила Ардова, Анны Каминской, Анатолия Наймана.

На разных этапах работы над книгой меня выручали подсказками знатоки творчества Ахматовой Ольга Рубинчик и Полина Поберезкина.

Я с глубокой благодарностью называю безотказно благоволивших мне сотрудниц Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме Наталью Пакшину, Татьяну Позднякову, Ирину Иванову, Марию Правдину и в первую очередь — прославленного директора Музея Нину Попову.

Вместе с издательством «Мосты культуры» выражаю живейшую признательность Отделу фондов Музея Анны Ахматовой, Историческому архиву Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете, Международному историко-просветительскому обществу «Мемориал», Фонду Исаяи Берлина за предоставление оригиналов и права публиковать хранимые ими фотодокументы.

С неисчерпаемой признательностью я хочу окликнуть деливших со мной сведениями, советами, материалами и фотоматериалами, навещающими вопросами, сомнениями, разысканиями — Андрея Арьева, Гаянэ Ахвердян, Наталью Ашимбаеву, Александра Бабосова, Хенрика Барана, Кристофера Барнса, Евгения Бешенковского, Жана Бло, Дмитрия Бобышева, Константина Богатырева, Софью Богатыреву, Николая Богомолова, Марину Бокариус, Татьяну Борисову, Валентину Брио, Анну Бурманову, Эдуарда Вайсбанда, Сергея Василенко, Полину Вахтину, Ольгу Вельчинскую, Томаса Венцлова, Кейса Верхейла, Соломона Вол-

кова, Стефано Гардзонио, Леонида Геллера, Владимира Гитина, Нину Гончарову, Томаша Гланца, Галину Глушанок, Александра Годовича, Зинаиду Годович, Ноэми Гребневу, Александра Грибанова, Наталью Громову, Татьяну Двинятину, Ричарда Девиса, Сергея Дедюлина, Аминадава Дикмана, Татьяну Долинину, Ирину Дорофееву, Владимира Дроздова, Романа Дубровкина, Гаухар Дюсембаеву, Веру Жирмунскую-Аствацатурову, Александра Жолковского, Нелли Иванникову, Вячеслава Вс. Иванова, Светлану Иванову, Елену Игнатову, Елену Ильину, Марию Карп, Марию Классен, Александра Кобринского, Марину Коварскую, Аду Колганову, Ирину Колчинскую, Галину Корнилову, Эру Коробову, Ирину Кравцову, Михаила Кралина, Ксению Кумпан, Ольгу Кушлину, Павла Лавринца, Аллу Лapidус, Галину Ларскую, Александра Ласкина, Юрия Левинга, Леонида Ливака, Игоря Лосиевского, Игоря Лошилова, Ирину Лукка, Вадима Ляпунова, Алексея Макарова, Марию Маликову, Давида Маркиша, Михаила Мейлаха, Лину Михельсон, Льва Мнухина, Глеба Морева, Галину Муравьеву, Валентину Неклюдову, Сергея Неклюдова, Павла Нерлера, Жоржа Нива, Геннадия Обатнина, Мишеля Окутюрье, Никиту Охотина, Николая Охотина, Маргариту Павлову, Татьяну Павлову, Ирину Паперно, Нину Перлину, Галину Петкову, Мирона Петровского, Александру Поливанову, Марину Поливанову, Адама Поморского, Стенли Рабиновича, Бориса Равдина, Анатолия Разумова, Анатолия Ракитянского, Александру Раскину, Марию Рашковскую, Евгения Рейна, Арсения Рогинского, Федора Рожанского, Марью Розанову, Ирину Роскину, Наталью Рубинштейн, Валерия Сажина, Елену Саляммон, Эмму Секундо, Вадима Скуратовского, Анатолия Смелянского, Инну Соловьеву, Наталью Старостину, Евгения Степанова, Никиту Струве, Асю Сухомлинову, Ксению Тименчик, Александра Тимофеевского, Веронику Тихомирову, Льва Турчинского, Людмилу Улицкую, Андрея Устинова, Лазаря Флейшмана, Бориса Фрезинского, Григория Фрейдина, Юрия Фрейдина, Хенри Харди, Валентина Цветкова, Наталью Червинскую, Сусанну Черноброву, Олега Чухонцева, Елену Чуковскую, Самуила Шварцбанда, Ирину Шевеленко, Иду Штейн, Магнуса Юнггрена, Анну Юнггрена, Ирину Янскую.

Наконец, — идеального редактора для предлагаемого издания: Владимира Нехотина.

Горько не видеть в этом списке имен дорогих ушедших, да будет благословенна их память.

Руководителю издательства «Мосты культуры» Михаилу Гринбергу — спасибо за инициативу, настойчивость, долготерпение и уважительное понимание, которое разделили с ним его сотрудники.

Тем более это относится к близким моим.

Оглавление

Список сокращений

5

Сноски и выноски к главе I. 1956

13

Сноски и выноски к главе II. 1957–1958

151

Сноски и выноски к главе III. 1959–1960

235

Сноски и выноски к главе IV. 1961–1962

305

Сноски и выноски к главе V. 1963

389

Сноски и выноски к главе VI. 1964–1965

475

Сноски и выноски к главе VII. 1965–1966

555

Роман Тименчик

Последний поэт.
Анна Ахматова в 60-е годы.

*Издание второе,
исправленное и расширенное.*

Том II

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (499)241-6871

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)-2-624-2527
Fax: (972)-2-624-2505

e-mail: office@gesharim-msk.ru

e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

Издательство «Мосты культуры»

ЛР № 030851 от 08.09.98

Формат 60 x 90 / 16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 39,5

Подписано в печать 20.10.2014. Заказ №